И 52/673

И 52/673

Н.5.Д. -827

ИЗЪ БИБЛІОТЕКИ
СЫЧЕВЫХЪ
№ 3/VI Н.

СРЕДИ БОГОМОЛЬЦЕВЪ.

И 52/673

НАБЛЮДЕНІЯ И ЗАМѢТКИ ВО ВРЕМЯ ПУТЕШЕСТВІЯ ПО ВОСТОКУ.

Н. А. Благовѣщенскаго.

ВТОРОЕ ДОПОЛНЕННОЕ ИЗДАНІЕ.

Содержаніе:

Аѳонъ.—Путь отъ Константинополя до Яффы. — Іерусалимъ.—Путь отъ Солуни до Воло. Ѳессалія.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ИЗДАНІЕ КНИГОПРОДАВЦА-ТИПОГРАФА К. Н. ПЛОТНИКОВА.
1872.

45549-43

2007232039

Типографія К. Н Плотникова (На Петербург. стор., Колпинская. ул., д. № 23

АѲОНЪ.

ПУТЕВЫЯ ВПЕЧАТЛѢНІЯ.

Вмѣсто предисловія.

Есть на бѣломъ свѣтѣ дивный уголокъ земли, на которомъ, съ давнихъ поръ, упрочилось мертвое для міра царство монашеское, царство оригинальное, самобытное... Имя ему Аѳонъ.

Не великъ этотъ уголокъ: всего какихъ-нибудь полтораста верстъ въ окружности: зато на этомъ крошечномъ пространствѣ раскинуто болѣе двухъ тысячь церквей и при нихъ до семи тысячь отшельниковъ, слѣдовательно болѣе, чѣмъ во всей Россіи. Зато на этотъ уголокъ, съ благоговѣніемъ и любовію, смотритъ весь востокъ православный; а греки даже гордятся имъ и воспѣваютъ его въ своихъ пѣсняхъ.

Но мы не имѣемъ почти никакихъ свѣдѣній объ Аѳонѣ. Съ жизнью аѳонскихъ отшельниковъ впервые познакомилъ насъ Святогорецъ Сергій, и его поэтическія письма съ любопытствомъ прочла читающая Русь. Въ этихъ письмахъ, сквозь мистическую оболочку, порой проглядываетъ правда, только эта правда такъ замаскирована, что ее не узнаетъ читатель, незнакомый съ тайнами аѳонскихъ обителей. Святогорецъ, какъ членъ этого царства, не могъ и не смѣлъ писать безпристрастно. Онъ до того пересолилъ свою книгу разными мудреными чудесами, что даже наша духовная цензура сочла нужнымъ сдѣлать ему маленькое внушеніе, вслѣдствіе чего, при второмъ изданіи, книга явилась уже въ сокращенномъ видѣ и съ меньшимъ количествомъ чудесъ. Кромѣ Святогорца писали еще объ Аѳонѣ: инокъ Парѳеній, Мелетій, гг. Муравьевъ, Давыдовъ и Каменскій. Г. Давыдовъ сперва хотѣлъ было обругать аѳонскихъ монаховъ и назвалъ ихъ „сумасшедшими,“ но потомъ раскаялся, о чемъ трогательно разсказываетъ Святогорецъ *). Остальныя книги сплошъ-да-рядомъ пропитаны тѣмъ казеннымъ умиленіемъ, съ какимъ принято писать наши путешествія по святымъ мѣстамъ, и новыхъ свѣдѣній объ Аѳонѣ онѣ не дали.

Слышитъ объ Аѳонѣ кое-что и простолюдинъ нашъ, но здѣсь уже трубитъ о немъ живое слово. Это тѣ пресловутые странники аѳонскіе и сборщики доброхотныхъ подаяній, которые разгуливаютъ по всѣмъ закоулкамъ нашего православнаго міра съ разными душеспасительными вещицами, и нерѣдко, подъ видомъ религіознаго авторитета, морочатъ простыхъ и довѣрчивыхъ людей. Говорятъ они многое: о подвигахъ братіи аѳонской, и „жребіи царицы небесной“, объ искушеніяхъ демонскихъ, и, пересыпая все это длинными повѣстями чудеснаго свойства, горько жалуются на нищету и убожество аѳонскихъ обителей. Слушаетъ мужикъ эти рѣчи; глядитъ онъ тупо на лубочныя картины Аѳона, въ видѣ сахарной головы съ крестами, и смутно вѣрится ему, что на Аѳонѣ взаправду есть что то необыкновенное, непохожее на нашу жизнь. Да и не одни

---

*) Письма Святог. 3-е изд. часть 1, стр. 199 и далѣе. Тоже стр. 288 въ выноскѣ.

мужики слушаютъ этихъ выходцевъ аѳонскихъ. имъ вѣрятъ иногда и такъ называемые образованные люди. Есть у насъ барыни особаго закала, постоянно окруженныя ханжами и юродивыми, одѣтыя въ черныя платья, съ четками на рукахъ, повидимому кроткія и смиренныя, хотя къ нимъ вполнѣ примѣняется пословица: въ тихомъ омутѣ много чертей водится. Эти барыни особенно любятъ странниковъ и выходцевъ аѳонскихъ и съ особеннымъ благоговѣніемъ слушаютъ ихъ медоточивые разсказы;—и, боже мой, чего только не наговорятъ они этимъ барынямъ! А тѣ въ восторгѣ выдавливаютъ изъ себя остатки умиленія и щедро осыпаютъ мнимыхъ подвижниковъ безъ труда добытыми деньгами...

Всѣ эти слухи и толки сводятся къ тому только, что Аѳонъ—тихое пристанище иноковъ, мѣсто успокоенія грѣшниковъ, гдѣ обитаютъ не люди, а ангелы, и притомъ несчастные ангелы, угнетенные земнымъ правительствомъ, и безъ всякихъ средствъ къ пропитанію. Этимъ кончаются наши свѣдѣнія о св. горѣ.

А между тѣмъ на Аѳонѣ, кромѣ чудесъ и нищенства, интереснаго очень много. Не говоря о томъ, что Аѳонъ представляетъ собою правильно организованное государство, имѣющее свои законы, свою промышленность, свой флотъ, судъ и расправу, оригинальное уже потому, что оно около пятисотъ лѣтъ существуетъ безъ женщинъ,—тамъ встрѣчаются характеры интересные для психолога, начиная съ фактовъ глубокаго, почти идеальнаго аскетизма, и кончая фактами грубаго лицемѣрія и даже звѣрства, прикрываемаго именемъ религіи...

Мнѣ пришлось прожить на горѣ Аѳонской 17 мѣсяцевъ

(1858—1859 г.) и объѣхать большую часть тамошнихъ монастырей, скитовъ и келій. Въ теченіе этихъ долгихъ мѣсяцевъ, единственными собесѣдниками моими были отшельники аѳонскіе. Въ часы, свободные отъ занятій, я по неволѣ вглядывался въ ихъ жизнь и нравы, и узналъ многое, чего не могли замѣтить другіе туристы при бѣгломъ обзорѣ Аѳона. Я тогда же записалъ многое, и эти записки послужили матеріаломъ для настоящей статьи.

Я не буду здѣсь касаться ни исторіи, ни палеографіи Аѳона. Мнѣ хотѣлось только представить на судъ читателей рядъ своихъ путевыхъ воспоминаній, и въ нихъ, по мѣрѣ возможности, изобразить бытъ современнаго намъ аѳонскаго монашества, съ его религіей, суевѣріемъ, искусствами, промыслами и даже чудесами.

I.

Первыя впечатлѣнія Аѳона *).

Переходъ изъ міра въ царство монашеское.—Монастырь Есфигменъ и его устройство.—Мѣстные нравы и обычаи.—Бесѣда съ русскимъ отшельникомъ.—Всенощное бдѣніе.—Нѣсколько словъ о греческомъ пѣніи.

Въ окрестностяхъ Аѳона, на нѣсколько десятковъ верстъ кругомъ, разсыпаны дачи и подворья монастырскія, и между народомъ, въ городахъ и селахъ, шныряютъ обитатели аѳонскаго царства, какъ муравьи около своей кучи. Но тамъ еще *міръ*, тамъ кипитъ дѣятельность человѣческая, слышится веселый говоръ, задушевный смѣхъ и пѣсни народныя. Тамъ самое монашество не сохраняетъ строгаго стиля аѳонскаго и носитъ замѣтный мірской отпечатокъ. Чѣмъ ближе къ Аѳону, тѣмъ замѣтнѣе его вліяніе на дѣла мірскія: чаще встрѣчаются монахи, сильнѣе развито суевѣріе въ простомъ народѣ. Послѣдняя грань, гдѣ еще легко дышитъ семейное человѣчество (на пути отъ Солуня), это небольшой городокъ Ериссо, въ 25 верстахъ отъ ближайшаго къ міру аѳонскаго монастыря Есфигмена.

Помню я тотъ грустный вечеръ, когда мы покинули Ериссо и впервые увидѣли пустыни аѳонскія. Была суббота, полевыя работы кончились; поселяне и поселянки бродили по городу веселыми группами. Чуялся праздникъ гадали дѣвушки о завтрашнемъ днѣ, переглядываясь съ молодыми паликарами; гдѣ-то играли на свирѣли.... А намъ, въ это время, два монаха съ подворья навьючивали муловъ, снаряжали въ путь-дорогу на гору Аѳонскую. Къ вечеру мы тронулись, сопровождаемые толпою любопытныхъ, при лаѣ собакъ со всего околодка. Поселяне просили насъ молиться покрѣпче и привозить имъ благодати. Мы обѣщались.

---

*) Я ѣхалъ на Аѳонъ сухимъ путемъ, черезъ Солунь. Тогда еще не было туда прямыхъ пароходныхъ рейсовъ.

И вотъ ѣдемъ по берегу моря. Море плещется весело, птицы рѣютъ въ воздухѣ, а что-то невесело на сердцѣ. Прежде, когда Аѳонъ былъ еще далеко отъ насъ, меня влекло къ нему любопытство, а теперь и любопытство куда-то подѣвалось: жалко стало покидать міръ божій...

Плещется море. Но жизнь уже замираетъ: тише становится въ воздухѣ, мѣстность безлюднѣе. Начинается крутой подъемъ на первые отроги аѳонскаго хребта. Здѣсь стоитъ таможенная будка. Изъ этой будки высунулся сонный сборщикъ и лѣниво обругалъ нашего проводника. Тотъ бросилъ ему нѣсколько мелкихъ монетъ и двери таможни захлопнулись. Ѣдемъ дальше, выше, дорога такъ крута, что мулы наши едва поднимаются. Моря уже неслышно; кругомъ ни души... И вотъ стоитъ большой деревянный крестъ, исписанный начальными буквами крестной молитвы. Это граница Аѳона и міра, сюда уже не переступаютъ веселье и радости жизни земной.

Ѣдемъ дальше. Жизнь замерла. Кругомъ ни звука, ни движенья. Деревья стоятъ неподвижно, точно на картинѣ. Здѣсь уже не міръ, а царство отшельниковъ; а сердце такъ и ноетъ, голова кружится, хочется вѣрить во что-то таинственное.

— Скоро и монастырь увидимъ,—проговорилъ громко проводникъ нашъ; я вздрогнулъ: такъ страшно было слышать человѣческій голосъ среди этой пустыни. Проводникъ прикрикнулъ на муловъ и затянулъ какую-то пѣсню; но не выходила пѣсня, не такъ пѣлась она, какъ на родинѣ. Видно было, что проводникъ самъ хотѣлъ разсѣяться: тоже забрала тоска. И всѣхъ, говорятъ, забираетъ она при этомъ переходѣ изъ міра въ царство монашеское.

Но вотъ кончается этотъ пустынный переходъ и мѣстность начинаетъ понемногу оживляться. Встрѣтились два старика-монаха съ котомками и низко поклонились намъ, примолвивъ: «благословите!» вмѣсто: «здравствуйте!» Пасется стадо муловъ съ огромными звонками, но какъ пасется: стоятъ мулы, какъ статуи, понуривъ головы и только машинально обмахиваются хвостами; имъ тоже скучно. На горѣ, изъ-за кустовъ, выглянули мѣстами бѣлые домики въ одиночку, показались виноградники и огороды... Легче стало: какая ни на есть, а все-таки жизнь видна.

— Вотъ Есфигменъ, глядите! сказалъ проводникъ.

Я съ любопытствомъ вглядывался въ массу открывшихся предо мною зданій. Вѣря толкамъ нашихъ странниковъ о бѣдности монастырей аѳонскихъ, я думалъ увидѣть какія-нибудь жалкія развалины, но увидѣлъ нѣчто другое. То былъ цѣлый городъ, или лучше, приморская крѣпость съ зубчатыми стѣнами и башнями, съ цѣлой группой церквей и разныхъ пристроекъ. Мѣстность роскошная. Море хлещетъ въ самыя стѣны обители. Тутъ же, у небольшой пристани, качается судно, а на суднѣ черный флагъ съ бѣлымъ крестомъ: флагъ аѳонскаго флота.

У воротъ монастырскихъ стоитъ привратникъ, въ рыжемъ подрясникѣ, кацавейкѣ дырявой и рыжей, валеной камилавкѣ, и внимательно вяжетъ чулокъ. Молча и угрюмо оглядѣлъ онъ насъ, когда мы въѣзжали въ ворота. На дворѣ опять ни души, будто вымерло все; только на ступени церковной сидитъ котъ,—сухой, под жарый, аѳонскій котъ... Онъ тоже молча и угрюмо оглядѣлъ насъ.

— Гдѣ же братія? спросили мы привратника.

— Спятъ, отвѣчалъ онъ: — сегодня бдѣніе будетъ.

Онъ лѣниво ударилъ въ колоколъ. Немного спустя изъ верхняго корридора выглянулъ монахъ и, замѣтивъ насъ, проворно спустился на дворъ. То былъ «архондаричный», который обязанъ встрѣчать поклонниковъ и знакомить ихъ съ мѣстной святыней. Онъ отперъ церковь и пригласилъ насъ войти, потомъ, съ тѣмъ же проворствомъ поставилъ среди церкви скамью и началъ раскладывать на нее серебряные ящики съ мощами. Тутъ же, между ящиками, поставилъ онъ серебряную тарелочку, но безъ мощей. Приложились мы къ мощамъ, выложили на тарелочку наше золото и удалились. Монахъ слѣдовалъ за нами весьма довольный.

— Пожалуйте къ игумену! сказалъ онъ.

— А онъ не спитъ?

— Нѣтъ, ужъ проснулся. Сейчасъ будетъ вечерня.

Мы пошли за монахомъ, и онъ привелъ насъ въ келью игумена. Старикъ игуменъ, довольно полный, съ маслянистымъ, сытнымъ лицомъ принялъ насъ очень привѣтливо и угостилъ водкой и кофеемъ. Узнавъ, что мы русскіе, онъ принялся расхваливать щедрость русскую; разсказалъ намъ, съ какимъ почетомъ принимали его въ Москвѣ, когда онъ ѣздилъ за сборомъ подаяній, и радовался, что на Руси сильна еще вѣра православная. Мы, конечно, слушали и умилялись. Наши рѣчи прервали два монаха въ мантіяхъ и схимахъ. Они вошли въ келью и, не говоря ни слова, повалились въ ноги игумену. Тотъ небрежно протянулъ имъ руку, монахи поцѣловали ее, потомъ поклонились еще разъ до земли и вышли.

— Что это значитъ? спросилъ я съ недоумѣніемъ.

— А это отцы просятъ моего благословенія начать вечерню, отвѣтилъ игуменъ.

— И это бываетъ каждый разъ?

— Конечно; безъ благословенія нельзя: здѣсь вѣдь Аѳонъ, а не Москва. Вотъ вы поживите-ка съ нами подольше, еще не то увидите!

Игуменъ улыбнулся какой-то загадочной улыбкой.

— Мнѣ тоже надо къ вечернѣ идти, продолжалъ онъ вставая. Вы пока отдохните съ дороги, а потомъ ужинать будемъ.

Игуменъ захлопалъ въ ладоши и приказалъ вошедшему монаху развести насъ по квартирамъ.

Мнѣ досталась довольно большая затхлая комната, съ цвѣтными стеклами въ окнахъ, съ мягкими циновками на полу, но запущенная, оплеванная и немытая давнымъ давно. Низкіе диваны (на четверть отъ полу) окаймляли ее вокругъ; на стѣнѣ висѣла большая, потемнѣвшая икона и разныя божественныя картины аѳонскаго издѣлья; у противоположной стѣны каминъ съ огромнымъ закоптѣлымъ жерломъ. Больше мебели никакой не было. Я вынулъ было папироску, но вожатый объявилъ мнѣ, что здѣсь киновія *), слѣдовательно курить запрещено, и просилъ подвинуться къ камину. Надо было повиноваться. Затѣмъ я думалъ было прилечь отдохнуть, но оказалось, что и это невозможно. Лишь только я прикоснулся къ дивану какъ, меня осыпали цѣлыя миріады прыгающихъ насѣкомыхъ, какъ видно, давно поджидавшихъ жертвы. Пересѣлъ на другое мѣсто, — та же исторія. Оставалось одно утѣшеніе: ходить по кельѣ и бранить неряшество аѳонское.

За стѣною слышно было церковное пѣніе и сдержанное чтеніе канона. Тамъ кто-то молился.

---

*) Киновіи, или общежительные монастыри отличаются на Аѳонѣ особенною строгостью устава.

Вотъ и въ мою келью вошелъ монахъ въ мантіи, съ ручной кадильницей (кацa). Нашептыя какія-то молитвы, онъ трижды окадилъ икону, потомъ окадилъ меня и вышелъ, наполнивъ запахомъ ладана мое незавидное помѣщеніе. Я остался въ полномъ недоумѣніи насчетъ этого обряда. А дѣло было въ томъ, что рядомъ съ моею кельею, въ комнатной церкви монахи служили вечерню, и имъ хотѣлось сдѣлать меня участникомъ своей службы.

— «Молитвами св. отецъ нашихъ, Боже помилуй насъ!»—Слышится за дверью. Я молчу. Молитва повторяется громче. Мнѣ бы слѣдовало отвѣтить «аминь», но я не зналъ еще этихъ условій монастырскаго этикета и опять промолчалъ. Тогда въ щели двери показалась сѣдая борода монаха и заблестѣлъ черный глазъ устремленный на меня.

— Чего вамъ?—спросилъ я.

— Благословите войти!—сказалъ старикъ по русски.

— Войдите.

Монахъ сбросилъ башмаки *) и, поклонившись мнѣ, смиренно сѣлъ на диванѣ. Я снова почувствовалъ запахъ ладана, которымъ была пропитана одежда старика.

— Прослышалъ я, что землякъ, и пришелъ... заговорилъ онъ не поднимая на меня глазъ.

— Очень радъ. А вы откуда?

— Съ Нижняго.

— А давно съ родины?

— Давно. Скоро тридцать лѣтъ будетъ.

— И все здѣсь?

— Все въ Сименѣ (Есфигменѣ) съ греками. Богъ помогаетъ: привыкъ.

Я съ любопытствомъ осмотрѣлъ монаха, тридцать лѣтъ не видавшаго міра. Онъ сидѣлъ, попрежнему, опустивъ глаза, и перебиралъ нитяныя четки.

---

*) Сниманіе башмаковъ бываетъ всякій разъ при входѣ въ комнату, вѣроятно, чтобы не запачкать ковровъ.

— Какъ же вы попали сюда, къ грекамъ? опять спросилъ я.

— Да вотъ, былъ сперва въ турецкой компаніи въ 29 году, и попался въ плѣнъ туркамъ. Года два они таскали меня по разнымъ тюрьмамъ, а потомъ дали, значитъ, свободу. Ѣдучи домой захотѣлось мнѣ помолиться св. угодникамъ аѳонскимъ, дай, думаю, заѣду по пути, помолюсь на радости. Ну заѣхалъ сперва въ Сименъ, да тутъ и остался совсѣмъ: больно приглянулось мнѣ ангельское житіе. И вотъ съ той поры все живу здѣсь, даже другихъ монастырей не пришлось видѣть.

— И не тяжело вамъ было?

— Извѣстное дѣло тосковалъ, особливо сначала, а потомъ ничего: *пересилился*.

Монахъ замолчалъ и утеръ глаза, изъ которыхъ постоянно сочились слезы.

— Скажи-ка мнѣ, что на Руси подѣлывается? спросилъ онъ, взглянувъ на меня изподлобья.

— Ничего, живетъ себѣ помаленьку.

— Слышно, что волю дать хотятъ? —

— Да, хотятъ. Скоро крѣпостныхъ не будетъ въ Россіи.

Старикъ трижды перекрестился и прошепталъ: «слава Богу!»

— Ну, а ты останешься здѣсь, или на время только?

— На время. Мнѣ нельзя остаться.

— Отчего же? Погибать что ли охота!

— Нѣтъ, мнѣ еще работать надо.

— Никакая работа не дастъ тебѣ столько пользы, какъ здѣшняя: помяни ты мое слово! Та накормитъ только, а эта въ рай поведетъ.

— Да у меня родные есть; съ ними-то какъ же быть?

— Богъ научитъ какъ быть. Вотъ и у меня семья была, да я не посмотрѣлъ на это, — постригся. Послѣ здѣшніе старцы письмо послали туда, что померъ, тѣмъ и покончили сразу. Даже денегъ прислали на поминъ души. Вишь какъ умудряетъ Господь.

— Все это такъ, да жить у васъ слишкомъ трудно

— А ты думаешь что ли безъ труда спастись? Не спасешься, братъ. Ты вотъ лучше понадѣйся на владычицу нашу, такъ она поможетъ тебѣ всѣ искушенія пройти невредимо.

— Какія это искушенія?

— А вотъ поступай: узнаешь?

Вошедшій послушникъ объявилъ, что ужинъ готовъ, и тѣмъ прекратилъ нашъ разговоръ. Старикъ поклонился мнѣ и торопливо вышелъ. Я отправился за послушникомъ въ келью игуменскую, гдѣ ожидалъ насъ ужинъ, накрытый на столѣ, тоже на четверть отъ полу. Предъ каждымъ приборомъ стоялъ небольшой графинъ краснаго вина. Мы усѣлись на полу вокругъ стола; одинъ изъ присутствующихъ вслухъ прочелъ молитву и затѣмъ уже стали подавать кушанья изъ разныхъ вареныхъ и жареныхъ въ маслѣ травъ. Въ заключеніе, вмѣсто десерта, подали зеленые огурцы. Мы сначала смѣялись надъ этимъ, а потомъ, поѣздивъ по Аѳону, и сами ждали огурцовъ, какъ лакомства.

Послѣ ужина намъ дали еще по стакану вина, и поднесли умыться. Затѣмъ монахи, прислуживавшіе за столомъ, поклонились въ ноги игумену, поцѣловали его руку, и стали убирать со стола. Я подсѣлъ къ окну и сверху наблюдалъ, что подѣлывалось на дворѣ монастырскомъ. А тамъ по обыкновенію не было ни души: иноки ужинали и громко по всему двору, раздавалось чтеніе затрапезнаго поученія. Но вотъ, трапеза кончилась. Четыре монаха вышли оттуда и пали ницъ у самыхъ дверей, остальные проходили мимо, молча кланяясь лежащимъ. То были трапезарь, чтецъ и поваръ, просившіе прощенія у братіи, вслучаѣ, если она недовольна ихъ трудами. Четвертый нечаянно сломалъ деревянную ложку за ужиномъ и тоже просилъ прощенія за свое преступленіе. Когда шествіе кончилось, всѣ четверо встали и пошли за братіею. Старикъ, со сломанной ложкой въ рукахъ, долго теръ лобъ и крестился: знать не легокъ подвигъ такой.

Потомъ два трапезаря, въ передникахъ, вынесли изъ столовой большое корыто и поставили у стѣнки. Одинъ изъ нихъ постучалъ палочкой въ деревянную доску, нарочно повѣшенную подлѣ трапезы. Лишь только послышались эти звуки, четвероногіе обитатели аѳонской горы—коты монастырскіе, задравши хвосты, помчались на знакомый зовъ, къ своему несытному ужину. Они тоже пріучены къ дисциплинѣ. Впослѣдствіи я узналъ, что коты аѳонскіе ѣдятъ тоже, что и люди, т. е. травку разную, да оглодки хлѣба.

Прошло не болѣе полчаса, какъ мѣрно застучалъ токъ *), потомъ била, клепала и колокола. То былъ благовѣстъ ко бдѣнію. Братья опять пошли къ церкви. Лица суровыя, истощенныя, невидно ни одного румянаго лица, хотя молодыхъ довольно много. Я тоже отправился на бдѣніе и сѣлъ вмѣстѣ съ монахами въ одной изъ стасидій**). Всѣ сидѣли до тѣхъ поръ, пока дьяконъ не произнесъ «возстаните!» Послѣ этого началось кажденіе, сперва образамъ, а потомъ каждому присутствующему отдѣльно. Это кажденіе продожалось болѣе получаса и затѣмъ уже началась служба. Монахи стояли неподвижно, понуривъ головы. Я не замѣтилъ даже, чтобы кто-нибудь изъ нихъ перекрестился, хотя наблюдалъ за этимъ внимательно. Послѣ я узналъ, что аѳонскіе монахи за службой должны креститься только тогда, когда положено въ церковномъ уставѣ. Въ кельяхъ имъ позволено молиться сколько душѣ угодно, а въ церкви хвастать своимъ благочестіемъ запрещено: служба должна проходить чинно. Невольно вспомнилъ я нашихъ молельщиковъ за обѣдней, гдѣ у каждаго идетъ своя собственная служба, безъ всякаго участія въ общественной. А здѣсь все подведено подъ общій уровень и выдаваться изъ него никто не долженъ.

---

*) Токъ и било—деревянныя доски, клепало—чугунная пластинка: вещи, замѣнявшія въ древнихъ церквахъ колокола. На этихъ доскахъ мѣрно выколачиваютъ молотками, въ родѣ того, какъ выколачиваютъ на нихъ наши ночные сторожа.

**) Стасидіями, или формами, называются мѣста съ деревянными ручками, на которыя можно облокачиваться во время стоянія за службой. Къ заднимъ стѣнкамъ формъ придѣланы на петляхъ доски, которыя можно опустить и поднять, смотря по тому, сидѣть или стоять приходится. Эти формы разставлены вдоль стѣнъ, на деревянныхъ подмосткахъ, чтобы не застудить ногъ на мраморномъ полу. Такія формы, уцѣлѣли еще въ нѣкоторыхъ русскихъ монастыряхъ.

Много слышалъ я о греческомъ пѣніи, и взялъ даже нотной бумаги съ собою, чтобы переложить его на наши ноты,—да нѣтъ не переложить. Это что-то безконечно дикое, уродливое, дѣйствующее слишкомъ непріятно на нервы новичка. Долго я *пересиливался*, но не смогъ и вышелъ изъ церкви. На дворѣ пусто, за воротами та же пустыня, даже море стоитъ, не шелохнется, точно стекло. Думалъ было спать лечь, но невозможно было заснуть на этомъ роѣ блохъ, клоповъ, схниповъ и всякихъ ядовитыхъ насѣкомыхъ. Подъ потолкомъ кружатся летучія мыши, подъ поломъ визжатъ не летучія, въ затхломъ воздухѣ ревутъ цѣлыя миріады комаровъ. Долго вертѣлся я съ боку на бокъ, наконецъ какъ помѣшанный бросился вонъ изъ комнаты въ коридоръ.

— Какъ же возможно жить здѣсь? думалъ я безсознательно вглядываясь въ даль.

А ночь такая яркая, звѣздная, лунная. Прямо за стѣнами монастыря высоко подымается гора Самара. Она кажется черной массой, но и на ней можно разсмотрѣть всѣ ея малѣйшіе изгибы, а бѣлыя хижины пустынниковъ такъ и свѣтятся, будто фонари. Вотъ огонекъ засверкалъ на этой горѣ,—то явится, то опять пропадетъ: кто-то пробирается среди виноградниковъ... Тихо, на дворѣ ни души: иноки на цѣлую ночь заперлись въ церкви, и порой только, будто вопль какой, слышится оттуда монотонное пѣніе псалта. *) И какъ гармонируетъ съ этой тишиной мелодичное журчаніе источника; онъ тоже что-то напѣваетъ, то грустное, то веселое; пѣсни эти, чуть слышныя днемъ, теперь звучно раздаются въ дремлющемъ воздухѣ и тяжело дѣлается на душѣ отъ этихъ звуковъ, слишкомъ напоминающихъ міръ. Только еще сегодня я изъ міра, а ужъ опять хочется бѣжать туда, хочется слышать говоръ людской. И понялъ я теперь страшную минуту отреченія отъ міра и ту громадную борьбу, какую выноситъ монахъ, стараясь сжиться съ этой пустыней и задавить въ себѣ потребности своей природы.

Вотъ опять долетѣло до меня пѣніе псалта, и чудится мнѣ въ этомъ пѣніи какой-то сдержанный плачъ, надрывающій душу, плачъ которымъ силится это бѣдное человѣчество примириться съ небомъ и отогнать отъ себя неотвязныя думы и воспоминанія, запрещенныя аѳонскимъ уставомъ. Да нѣтъ, видно трудно заглушить эти воспоминанія, если душа такъ крѣпко сроднилась съ ними...

И такъ простоялъ я до разсвѣта.

---

*) Псалтъ—пѣвчій.

II.

Монастыри общежительные (киновіи)

Строгость устава общежительныхъ монастырей.—Изнурительный трудъ спасенія.—Церковныя службы.—Келейныя правила.—Обстановка жизни монашеской.— Пища, одежда и помѣщенія. — Непосильная борьба съ мірскими привычками.—Духовники и ихъ значеніе на Аѳонѣ.—Радости аѳонскія.

«Не легко достается на Аѳонѣ спасеніе!»—думалъ я, вглядываясь въ изнуренныя лица и тощія фигуры аѳонскихъ подвижниковъ. Чтобы понять весь трудъ, который достается на долю ихъ, взглянемъ поближе на ихъ житье монастырское, на ихъ горе и радости, и мы увидимъ многое, что заставитъ насъ подивиться и призадуматься.

Монастыри общежительные сложились въ строгую форму общины, образцы которой монахи отыскивали въ первыхъ вѣкахъ христіанства. Здѣсь все подведено подъ одинъ общій уровень: всѣмъ дана одинаковая пища и одежда, никто не имѣетъ никакой собственности, такъ что кельи иноковъ никогда не запираются и любопытный найдетъ въ нихъ всѣ тѣ же вещи, какія имѣютъ и остальные иноки. Если кто утаитъ отъ братіи хотя часть своего имущества, то его осуждаютъ на общее проклятіе, выгоняютъ изъ общины и по смерти лишаютъ погребенія. Этой клятвой угрожаютъ монаху еще при постриженіи, когда онъ, по примѣру апостольскому, складываетъ все свое имущество къ ногамъ игумена и такимъ образомъ сразу отказывается отъ собственности и свободы. Всѣ нужды монастырскія справляются своими же силами братіи; тутъ есть свои слѣсаря, столяры, портные, каменьщики, повара и проч., у которыхъ кипитъ работа во все время, свободное отъ службъ церковныхъ

Кромѣ того бываютъ еще общія *послушанія* *), отъ которыхъ не смѣетъ отказаться ни одинъ изъ членовъ общины. Это бываетъ при сборѣ винограда, при выгрузкѣ монастырскихъ судовъ и проч., и часто самъ игуменъ работаетъ въ подобныхъ случаяхъ вмѣстѣ съ братіями и поощряетъ ихъ. Изъ всего общиннаго уровня выдѣляется только нѣсколько личностей, составляющихъ монастырское начальство: это игуменъ и духовники, которыхъ выбираютъ изъ среды своей сами монахи. Игуменъ и духовники имѣютъ право назначать всякія послушанія и управлять дѣлами каждаго монаха, какъ имъ вздумается, безъ всякаго контроля. Они могутъ заставить песокъ считать, или толочь воду, и монахъ обязанъ повиноваться безусловно. Въ большомъ почетѣ также всѣ іеромонахи. Монахъ при встрѣчѣ съ іеромонахомъ долженъ поклониться ему до земли, поцѣловать его руку и снова повторить поклонъ. На этихъ вѣковѣчныхъ поклонахъ основано аѳонское смиреніе.

Въ этихъ скромныхъ, отдаленныхъ отъ міра, общинахъ выработывается счастье жизни загробной, которое достигается здѣсь путемъ медленнаго самоумерщвленія. Ученіе Спасителя объ умертвіи удовъ и распинаніи плоти со страстями и похотьми служитъ главнымъ принципомъ аѳонскаго отшельничества,—и вся дѣятельность, вся жизнь монаха направлена къ одной этой цѣли. Тутъ всякая мірская мысль или веселое воспоминаніе считается тяжкимъ грѣхомъ, всякая потребность нашей природы считается искушеніемъ бѣсовскимъ и въ этой неестественной борьбѣ съ самимъ собою проходятъ всѣ годы отшельника, часто до глубокой старости, пока на

---

*) Такъ называются на Аѳонѣ работы, исполняемыя не по своей волѣ. А такъ какъ въ киновіяхъ работъ по своей волѣ нѣтъ, то здѣсь вся дѣятельность монашеская есть только *послушаніе* волѣ игуменской.

конецъ онъ, по аѳонскому выраженію: «станетъ выше человѣческой природы и достигнетъ состоянія ангельскаго.» Трудъ громадный, но зато и самоумерщвленіе бываетъ полное: физическое и нравственное, и тогда уже монахъ ждетъ только натуральной смерти, чтобы сдѣлаться членомъ царствія небеснаго.

Чтобы довести человѣка до состоянія безстрастнаго и такимъ образомъ облегчить для него путь ко спасенію, общинный уставъ прежде всего старается измозжить и обезсилить грѣшное тѣло подвижника, и лишить его тѣхъ здоровыхъ соковъ, пріобрѣтенныхъ мірскимъ раздольемъ, отъ которыхъ происходятъ всѣ почти искушенія аѳонскія... На этомъ основана цѣлая система физическаго истощенія, за исполненіемъ которой строго слѣдятъ духовники и игуменъ.

Службы монастырскія увеличены до такихъ размѣровъ, какихъ не найдти нигдѣ въ мірѣ, кромѣ Аѳона. Обыкновенная утреня продолжается пять часовъ, обѣдня два *), вечерня два часа, повечеріе - часъ. Слѣдовательно монаху ежедневно приходится провести въ церкви около десяти часовъ *безвыходно*. На спанье ему дается всего пять часовъ въ сутки, въ остальное время онъ исполняетъ разныя общественныя работы. По воскресеньямъ утреня продолжается отъ 10 до 12 часовъ, по большимъ праздникамъ отъ 12 до 14 часовъ и въ эти дни, принимая въ разсчетъ остальныя службы, монахи проводятъ въ церкви почти что цѣлыя сутки. Любятъ аѳонцы похвастать передъ поклонниками своими всенощными бдѣніями. Но разсказывая, какъ ихъ видимо укрѣпляетъ небесная сила въ такихъ великихъ трудахъ, аѳонцы почему-то умалчиваютъ, что имъ позволяется *готовиться* къ бдѣнію, и что, въ силу этого позволенія, они спятъ часа четыре передъ бдѣніемъ, да столько же послѣ него. Безъ этихъ отдыховъ, частое бдѣніе было бы выше силъ человѣческихъ. Уже опытные, привыкшіе къ вѣчному стоянію, монахи говорили мнѣ, что послѣ каждаго бдѣнія надо поправляться нѣсколько дней.

---

*) Обыкновенно утреня начинается въ часъ по полуночи. Обѣдня служится спустя полчаса послѣ утрени.

Аѳонскія бдѣнія сохраняютъ тотъ же порядокъ, что и наши мірскія всенощныя Здѣсь только вся задача въ томъ, чтобы затянуть службу и такимъ образомъ пробыть въ церкви какъ можно долѣе. Для этой цѣли пѣніе растягивается до нельзя: каждое «Господи помилуй» поется съ безконечными руладами, псалмы и каноны безъ всякихъ выпусковъ. Кромѣ того три раза ходъ службы прерывается чтеніемъ разныхъ поученій, относящихся къ празднику, и въ это время братія сидитъ въ своихъ формахъ, силясь преодолѣть искушеніе сна. Этихъ сидѣній, впрочемъ, очень немного и монаху всетаки приходится двѣ трети бдѣнія быть на ногахъ, потомъ сряду же отстаивать обѣдню и т. д. Отъ долгихъ стояній большая часть отшельниковъ страдаетъ грыжами, отеками ногъ и другими мучительными болями. Особенно страдаютъ пѣвчіе, несущіе двойные труды.

Кромѣ этихъ общественныхъ службъ, каждый монахъ имѣетъ свои келейныя правила, исполненіе которыхъ повѣряется на совѣсть отшельника. Особенно тяжелы правила схимническія. Схимникъ въ своей кельѣ ежедневно обязанъ отсчитать 1200 поклоновъ поясныхъ и 100 земныхъ; а если изъ братіи кто-нибудь померъ, или несчастье какое предвидится, то прибавляется еще нѣсколько сотенъ поклоновъ. Это называется *четки тянуть,* потому что при каждомъ поклонѣ, чтобы не сбиться въ счетѣ, труженикъ перетягиваетъ зерно четокъ и читаетъ коротенькую молитву. Схимники (а они составляютъ большинство братіи) тянутъ четки обыкновенно ночью, за часъ до утрени.

Спрашивалъ я монаховъ, хватаетъ ли у нихъ вниманія при исполненіи подобныхъ правилъ? Вѣдь, кажется, очень легко сбиться съ толку и запутаться въ молитвахъ? Мнѣ отвѣчали, что я, будучи міряниномъ не въ состояніи понять всей сладости этого труда, и что вниманіе ихъ никогда не отвлекается отъ Іисуса. Старики увѣряли меня, что это у нихъ уже *вошло въ привычку,* и что за каждой службой умъ ихъ невольно устремляется къ Богу и созерцаетъ славу Христову и счастье горняго блаженства. Можетъ быть это такъ, но намъ грѣшнымъ этого не понять. Много надо труда и напряженности вниманія, чтобы не развлекаться во время правилъ и службъ церковныхъ, повторяющихся ежедневно, съ неизмѣннымъ порядкомъ и содержаніемъ, въ теченіи нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ. Намъ понятнѣе жалобы нѣкоторыхъ иноковъ на то, что во время службы ихъ болѣе всего одолѣваютъ мірскіе помыслы.

Если монахъ, исполняя порученія начальства, или по другимъ какимъ-нибудь причинамъ, не можетъ быть въ церкви, то онъ долженъ прочитать всѣ службы по книжкѣ, или, если читать не умѣетъ, за каждую службу протянуть опредѣленное число четокъ. Послѣдній способъ молитвы употребительнѣе, потому что грамотныхъ, особенно между русскими монахами, немного. И часто случалось мнѣ на дорогахъ встрѣчать этихъ молящихся отшельниковъ. Идетъ онъ куда-нибудь верстъ за десять, въ сосѣдній монастырь, идетъ дряхлый, измученный, съ огромной котомкой за плечами, а самъ нашептываетъ молитвы и бѣгло перебираетъ большія нитяныя четки. Надо замѣтить, что монахи очень любятъ молиться на четкахъ, особенно если четки замѣняютъ службы церковныя. По четкамъ монахъ живо прочитаетъ узаконенный счетъ молитвъ, слѣдовательно освободится раньше остальной братіи..

Теперь заглянемъ въ братскую трапезу и посмотримъ чѣмъ питаются отшельники, послѣ такихъ непомѣрныхъ трудовъ?

А питаться-то имъ нечѣмъ: пища аѳонская слишкомъ непитательна. Подадутъ имъ супъ гороховый или картофельный, потомъ какіе-нибудь бобы, или фасоли, отъ которыхъ спираются внутренности, и при этомъ кружка вина пополамъ съ водою,—вотъ и весь обѣдъ. А если кто нечаянно ложку сломаетъ, или провинится въ другомъ чемъ, то и этого обѣда не дадутъ ему, а заставятъ тянуть четки во время стола, и потомъ положатъ ницъ у дверей просить прощенія у общины. За ужиномъ блюдомъ меньше, а и ужинъ-то бываетъ не всякій день: по понедѣльникамъ, средамъ и пятницамъ монахи довольствуются только однимъ обѣдомъ безъ ужина. Въ посту великомъ такъ и обѣдъ за рѣдкость: даютъ только по куску хлѣба, да по кружкѣ воды; вино въ посту не полагается, кромѣ дней, означенныхъ въ церковномъ уставѣ. Бываютъ даже дни, когда совсѣмъ запрещается пища, но такихъ дней, къ счастію, немного.

Въ праздники, и то самые огромные, подается въ трапезѣ рыба, которая, въ теченіи цѣлаго мѣсяца ловится рыбаками-монахами, и изжаривается за недѣлю, а иногда и раньше, до праздника, чтобы не совсѣмъ сгнила. Но это бываетъ раза два, или три въ годъ, а въ остальные дни та же неизмѣнная травка сырая, травка вареная, травка жареная, и такъ во всѣ дни до скончанія живота.

Въ русской киновіи въ видѣ роскоши, русскимъ монахамъ позволяютъ пить чай по нѣкоторымъ днямъ и передъ обѣдомъ даютъ по рюмкѣ водки, для сваренія желудка; а грекамъ, чтобы они не завидовали, даютъ иногда кофе, который и мелется для этой цѣли жерновами на мельницахъ... Для духовниковъ и игуменовъ, какъ для людей почтенныхъ и слабыхъ, въ нѣкоторыхъ киновіяхъ готовится особый столъ, болѣе приличный и питательный.

Вотъ и вся пища киновіата. Спрашивается, чѣмъ же тутъ поддерживается жизнь, какъ не воздухомъ аѳонскимъ, да остатками соковъ, добытыхъ еще въ мірѣ?..

Теперь нѣсколько словъ о помѣщеніи.

Каждому монаху отводится отдѣльная келья въ зданіи монастырскомъ. Въ каждой кельѣ одно окно, большею частію занавѣшенное зеленою шторою, столъ, деревянная койка, покрытая войлокомъ, безъ подушки и одѣяла, и нѣсколько иконъ. У грамотныхъ можно еще найти молитвенники и ноты. Больше ничего не полагается. Я никогда не могъ долго оставаться въ кельяхъ монашескихъ: воздухъ до того спертый, прокислый и удушливый, что голова кружится. Все въ кельѣ обыкновенно покрыто толстымъ слоемъ грязи, на войлокъ взглянуть страшно, — и въ этой гнилой атмосферѣ, среди вѣчной грязи, проходитъ келейная жизнь отшельника. Спросятъ отчего это неряшество?.. А оттого, что чистый воздухъ въ кельѣ — роскошь; чистота — поблажка прихотямъ мірскимъ, запрещенная на Аѳонѣ. Только разъ въ годъ чиститъ и мететъ свою келью монахъ, кажется, передъ пасхой, а въ остальное время онъ заботится только о чистотѣ души. Русскіе монахи, привыкшіе къ опрятности въ мірѣ, иногда еще подчищаютъ кельи и продуваютъ ихъ, а греки далеки отъ этой заботы: грязь ихъ не тревожитъ.

Тою же грязью, тѣмъ же прѣлымъ запахомъ пропитана вся одежда монаха, потому что онъ никогда не сбрасываетъ своей одежды, даже спитъ въ ней. Монахъ-киновіатъ, рѣдко мѣняетъ бѣлье, частію отъ небрежности, частію оттого, что онъ не долженъ видѣть наготы своей, чтобы не соблазняться на самаго себя. Мыться ему запрещено, и потому о баняхъ и помину нѣтъ на Аѳонѣ, иногда дозволяется только монаху вымыть голову, и то въ крайнемъ случаѣ, когда головная чесотка сдѣлается нестерпимою.

Повѣрятъ ли мнѣ, что на Аѳонѣ, въ видахъ ложнопонятнаго умерщвленія грѣшной плоти, нарочно не истребляютъ блохъ, клоповъ и подобныхъ имъ насѣкомыхъ *). Ими полны не только койки и кельи монашескія (особенно весной и осенью), но даже формы въ церквахъ. Въ нѣкоторыхъ монастыряхъ монахи сами просили у духовниковъ благословенія вымыть формы (стасидіи), но духовники не дали его. «Клопы помѣшаютъ вамъ спать во время службы» — были отвѣты духовниковъ Помню каково было мое удивленіе, когда на всенощномъ бдѣніи, среди запаха ладона, я явственно разслышалъ запахъ клоповъ и, оглядѣвшись, съ ужасомъ увидѣлъ, какъ они, такіе жирные, окормленные, прогуливаются по моей одеждѣ.

— Что это? спросилъ я монаха-сосѣда.

— Клопы,—отвѣтилъ тотъ равнодушно.

— Въ церкви-то?

— Много ихъ тутъ. Сегодня, что-то очинно шибко кусаютъ: знать дождь будетъ.

И монахъ лѣниво почесался.

Трудно понять, какъ можно сосредоточиться въ молитвѣ, когда тѣло находится въ такой пыткѣ? А впрочемъ, привычка—великое дѣло. Многіе иноки до того привыкли къ этому запаху и ощущенію, что ихъ клопы уже не могутъ разбудить за службой, а будитъ пономарь.

---

*) Въ этомъ случаѣ монахи указываютъ на примѣръ того древняго пустынника, который, убивъ нечаянно комара, въ наказаніе себѣ трое сутокъ выставлялъ свое обнаженное тѣло на съѣденіе этимъ насѣкомымъ.

И вотъ та грустная, непривлекательная обстановка, среди которой долженъ спасаться монахъ аѳонскій. Каково же она должна подѣйствовать на новичка, когда онъ, рѣшившись присоединиться къ общинѣ, съ ужасомъ увидитъ всю эту массу лишеній, съ которой ему надо будетъ сжиться? Его положеніе тѣмъ болѣе печально, что подобныя лишенія долго скрываются отъ посторонняго взгляда. Для насъ, избалованныхъ мірскимъ довольствомъ, подобное самоотверженіе непонятно.

Но то не все. Главные труды еще впереди. Монаху предстоитъ еще громадная ломка своихъ нравственныхъ привычекъ и убѣжденій, а съ ними сладить не такъ легко, какъ съ потребностями физическаго довольства.

«Монахъ долженъ холодно смотрѣть на жизнь земную; долженъ ненавидить грѣшный міръ съ его обычаями!» Такъ гласитъ аѳонскій уставъ. И вотъ силится монахъ пріобрѣсти эту ненависть къ міру и заглушить въ себѣ родныя привычки и воспоминанія, къ которымъ съ малолѣтства приросла душа его. Нѣкоторые аѳонскіе труженики признались мнѣ, что, желая возненавидить міръ, они старались очернить и опорочить его въ своемъ воображеніи, и для этой цѣли нарочно вспоминали самыя непривлекательныя стороны мірской жизни. Если это средство не дѣйствовало, они бѣжали къ духовнику за совѣтомъ, и тотъ только могъ сильнѣе настраивать на этотъ ладъ. «Въ мірѣ погибель,—говорилъ имъ духовникъ;—въ мірѣ нѣтъ спасенія! Бойтеся князя міра сего!..» И страхъ нападалъ на робкія души отъ этихъ внушеній.

Не смотря на стараніе устранить въ обстановкѣ жизни монашеской все, что только можетъ напоминать отшельнику мірскія привычки, все-таки остается многое, что напоминаетъ ему счастье и радости жизни земной. Придутъ поклонники съ отголосками родины и заведутъ разговоры о предметахъ близкихъ сердцу; увидитъ монахъ свѣжее личико юноши, смѣхъ и говоръ веселый, онъ не подастъ сначала и виду, что страдаетъ: напротивъ даже постарается похвастать предъ поклонниками своими аскетизмомъ,—но потомъ онъ незамѣтно уйдетъ въ свою келью и тамъ отдается на жертву разнымъ искушеніямъ: плачетъ кровавыми слезами. И хотѣлось бы ему забыть свои прошлыя радости и возненавидѣть этотъ проклятый міръ, да гдѣ же силъ-то взять? «Господи! гдѣ же силъ взять?»—думаетъ онъ. А духовникъ по прежнему шепчетъ ему: «молись, несчастный! это демонъ искушаетъ тебя!»

И странно, на Аѳонѣ, говорятъ, какъ-то сильнѣе любятъ міръ. Иной, до монашества, ругаетъ его на чемъ свѣтъ стоитъ, приходитъ въ ужасъ отъ его растлѣнія и разврата, и бѣжать скорѣе на Аѳонъ. Но лишь попробуетъ онъ здѣсь отказаться окончательно отъ старой жизни для новой,—тутъ только и почувствуетъ какія крѣпкія струны связываютъ его съ родиной и мірскимъ бытомъ, и какъ трудно порвать эти струны. Есть впрочемъ на Аѳонѣ отшельники, которые, путемъ долгаго отрицанія пріобрѣли наконецъ ненависть къ міру и съ искреннимъ сожалѣніемъ смотрятъ на каждаго мірянина. Но съ ними мы познакомимся впослѣдствіи.

Разъ, помню, гулялъ я съ монахомъ на берегу моря. Вечеръ былъ чудный: я увлекся воспоминаніями о родинѣ и запѣлъ какую-то пѣсню. Мой спутникъ поблѣднѣлъ и растерялся.

— Друже, друже! проговорилъ онъ робко: — ради Христа не мучь меня! Вѣдь мнѣ за это четки тянуть придется...

— А что?

— Да какъ же? Вѣдь я самъ пѣвалъ когда-то; и ты думаешь легко мнѣ было забыть эти пѣсни? А ты вотъ опять...

— Ну, не буду.

Я замолчалъ, но монахъ долго оставался въ тревогѣ, и наконецъ объявилъ мнѣ, что пойдетъ къ духовнику исповѣдаться.

Этотъ фактъ показываетъ, до какой степени монахи строги къ себѣ, и какой незначительный случай можетъ быть для нихъ источникомъ страданья.

Кельи духовниковъ никогда не запираются, и во всякое время дня и ночи ходятъ къ нимъ на исповѣдь *искушенные* *). Громадное вліяніе имѣютъ эти духовники на бытъ афонскаго монашества, и съ благоговѣніемъ, какъ законъ, слушаютъ монахи ихъ внушенія. Надо признаться, что не мало сообразительности и ловкости надо имѣть духовнику, чтобы поддержать согласіе между членами коммуны и отвѣчать на разные вопросы приходящей братіи. Онъ и самъ смотритъ на себя, какъ на что-то высшее, и искренно вѣритъ, что его устами говоритъ духъ благодати божіей. Вотъ обращикъ толкованія одного изъ духовниковъ, въ которомъ ясно обозначился его взглядъ на міръ и райское блаженство.

Молодой монахъ силился представить въ своемъ воображеніи райское блаженство; но какъ ни ломалъ голову, представить не могъ. Бѣжитъ онъ съ недоумѣніемъ къ духовнику, а тотъ, въ видѣ лекарства, велѣлъ ему отсчитать передъ образомъ тысячу поклоновъ земныхъ. Монахъ, конечно, исполнилъ, замолчалъ на нѣсколько времени, а потомъ опять пристаетъ къ духовнику: «не могу, говоритъ, спасаться: бѣсы мѣшаютъ.»

— Что же бѣсъ говоритъ? спрашиваетъ его духовникъ.

— Говоритъ, что спасаться не стоитъ, что не велико блаженство видѣть Бога и прославлять его.

---

*) Объ искушеніяхъ Аѳонскихъ будетъ разсказано въ особой главѣ.

— Я вижу, что ты еще слишкомъ молодъ, началъ духовникъ:—и что тебя еще смущаютъ мірскіе помыслы. Поживешь подольше, такъ искушаться этимъ не будешь!.. А ты теперь вотъ что бѣсу скажи. Природа человѣческая до того испорчена послѣ грѣхопаденія, что блаженство, обѣщанное намъ Богомъ, въ самомъ дѣлѣ непонятно для мірскаго глупаго разума. Наша грязная природа, привыкшая къ прихотямъ мірскимъ, не можетъ представить, что за счастіе пѣть славу Божію и жить между безплотными силами. Поэтому назначеніе инока состоитъ въ томъ, чтобы передѣлать эту природу, искоренить все, что далъ ей грѣхъ да растлѣніе, и тогда райское блаженство будетъ для него возможно. Вотъ мы, напримѣръ, понемногу отучаемъ себя отъ мірскихъ привычекъ: денегъ мы не имѣемъ, женщина для насъ грѣхъ, думы и заботы о земномъ счастіи — тоже, вотъ мы и будемъ въ состояніи наслаждаться райскимъ счастіемъ. А мірской человѣкъ не пойметъ блаженства безъ денегъ, безъ женщинъ и вина, не представитъ себѣ даже райскаго равенства, которое можетъ быть только при полномъ смиреніи, какъ у насъ. Вотъ ты это и скажи твоему искусителю!

Послѣ этого назиданія, монахъ больше не тревожилъ духовника. Видно понялъ онъ, что дѣйствительно надо передѣлать себя, чтобы вообразить райское блаженство, понялъ видно, что рай будетъ нѣчто въ родѣ Аѳона.

Но такихъ монаховъ, занятыхъ догматическими изслѣдованіями, немного. Большинство не пускается такъ высоко, открещивается отъ всѣхъ сомнѣній и побаивается только чорта и ада. У этихъ отшельниковъ, по большей части простыхъ и неученыхъ,—чортъ на каждомъ шагу, и страхъ геенскихъ мученій до того одолѣваетъ ихъ, что они сами просятъ себѣ лишніе посты и каноны, лишь бы успокоить свое встревоженное воображеніе. Духовники, конечно, на посты не скупятся и бѣдные отшельники сразу наваливаютъ на себя непосильные труды и измозжаютъ остатки своего здоровья. Говорятъ, что при этомъ лихорадочномъ подвижничествѣ, чортъ, какъ нарочно, еще неотвязчивѣе смущаетъ душу и рисуетъ ей картины адскихъ мученій и огня неугасаемаго. Такіе отшельники недолговѣчны.

Отъ этихъ-то непомѣрныхъ трудовъ и лишеній трудно встрѣтить въ киновіяхъ здоровое свѣжее лицо: все лица какія-то желтыя, изнуренныя, болѣзненныя. Жалко смотрѣть на нихъ. И какъ разительно-быстро замираетъ и измѣняется человѣкъ отъ такой жизни! Придетъ молодецъ молодцомъ, полный силъ и здоровья, и вдругъ, послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ безпрерывнаго поста и стоянія, онъ такъ измѣнится, что и узнать трудно. Помню: я часто любовался однимъ молодымъ парнемъ поклонникомъ; что за красота была: лицо румяное, грудь богатырская, взглядъ смѣлый съ удалью и безпечностью чисто русскою. Дать бы такому молодцу работу какую,—за троихъ бы работалъ; анъ нѣтъ:—пошелъ въ монахи. Черезъ годъ я встрѣтилъ его уже въ монашескомъ платьѣ, съ четками и робкимъ болѣзненнымъ взглядомъ. Я едва узналъ его.

— Ты ли это, Кубаковъ?—спрашиваю его.

— Не Кубаковъ, а отецъ Василій,—отвѣтилъ тотъ.

— Померъ значитъ нашъ молодецъ?

— Померъ, чтобы воскреснуть въ царствіи небесномъ. Когда въ мірѣ жилъ, нечего грѣха таить, жить было лучше, а теперь хоть и труднѣе жизнь, да за то Бога увижу.

Онъ закашлялся и вздохнулъ. Въ разговорѣ его, впрочемъ, проглядывало что-то нерѣшительное, точно онъ говорилъ съ чужаго голоса.

— Зачѣмъ ты въ монахи пошелъ? спросилъ я опять.

— Богъ призвалъ... Значитъ такъ на роду было написано.

— Да вѣдь у тебя силъ было много, работать бы могъ; у насъ и то работниковъ не хватаетъ.

— Найдутся. Да съ работой и не спасешься... гдѣ въ мірѣ спастись!

— Отчего же и не спастись? Міряне не даютъ такихъ обѣтовъ, какъ вы: съ нихъ меньше и требуется.

Василій посмотрѣлъ на меня пристально.

— Не искушай меня, голубчикъ! мнѣ и то бѣсы покоя не даютъ: проговорилъ онъ умоляющимъ голосомъ и опять закашлялся. На губахъ его показалась кровь.

— Да ты болѣнъ, о. Василій?

— Что же тутъ худого? значитъ скоро покончусь, а тамъ шабашъ.

Къ слѣдующей веснѣ онъ покончился.

И немудрено, что такъ быстро увядаетъ здѣсь молодость. Трудъ громадный, неестественный, недостатокъ сна, тяжелая пища и вѣчная тревога души,—все это огнемъ пожираетъ свѣжія силы и безвременно сводитъ въ могилу. Конечно, не всякая натура скоро сломится отъ такой жизни. Большинство монаховъ, особенно греческихъ, доживаетъ до глубокой старости и не смотря на всю суровую обстановку, сѣдая борода чаще другихъ встрѣчается на Аѳонѣ. Это тѣ счастливыя натуры, которыя свыкаются со всякими неудобствами жизни.

И такъ-то вглядишься пристальнѣе въ эту жизнь, сличишь ее съ мірскою жизнью, и увидишь тогда, что это ужъ не жизнь, а какой-то другой міръ, оригинальный. Не даромъ сами отшельники называютъ себя мертвецами для міра. Здѣсь и разговоры-то подчасъ слышатся непривычные для нашего уха: идетъ оцѣнка *цѣлой* жизни мірской, будто разговоръ дѣйствительно идетъ уже за гробомъ: *въ царствѣ мертвыхъ*. Говорятъ подобные разговоры бываютъ еще въ тюрьмахъ или въ каторгѣ, но тамъ они не имѣютъ такого значенія какъ здѣсь. Тамъ есть еще надежда на свободу и новую дѣятельность; а здѣсь уже все покончено съ жизнью, и даже, вольно или невольно, проклята она, эта прошлая, порой счастливая жизнь!..

А что же радости аѳонскія? Вѣдь нѣтъ, говорятъ, такой жизни, въ которой нельзя найдти ни одной свѣтлой минуты. Есть эти свѣтлыя минуты и въ общинахъ аѳонскихъ. Вотъ въ пасху, напримѣръ, всѣ веселы, шалятъ даже какъ дѣти. Передъ хорошимъ обѣдомъ у нѣкоторыхъ видны улыбки. Передъ повечеріемъ иноки собираются за воротами обители, и многіе, въ ожиданіи службы, за которой слѣдуетъ сонъ, тоже шутятъ и улыбаются. Иной въ восторгѣ отъ какого-нибудь видѣнія, другой подсмѣивается надъ удивленіемъ и неловкостью поклонниковъ... Разъ, помню, общую радость возбудило въ монастырѣ повѣствованіе Сѣверной Пчелы (при мнѣ ее получало начальство въ Руссикѣ) о какомъ-то чудѣ близь Херсона...

Да нѣтъ, впрочемъ, это все не радости, а что-то такое странное, чему и названія не пріищешь. Глядя на подобныя радости, все-таки скажешь про себя: Да! Не легко на Аѳонѣ достается спасеніе!...

III.

Главнѣйшія побужденія къ монашеству.

Народности, населяющія Аѳонъ.—Характеристика мѣстныхъ монаховъ.—Что привлекаетъ ихъ къ Аѳону?—Причины постриженія.—Схимники.—О Анатолій.

Разныя народности соединились на горѣ Аѳонской для одной цѣли. Тутъ есть и греки, и болгары, сербы, молдаване, русскіе, грузины, даже выкресты изъ турокъ и евреевъ. Вглядываясь въ разнонародную массу отшельниковъ, невольно задаешь себѣ вопросъ: что заставляетъ этихъ самомучениковъ промѣнять спокойную семейную жизнь, на такую подвижническую и пустынную?

Конечно, монахи говорятъ, что тутъ на первомъ планѣ стоитъ потребность спасенія, но подъ видомъ этой потребности часто скрывается побужденіе обыкновенное, житейское. Иному мірская жизнь до того не красна, что онъ съ удовольствіемъ мѣняетъ ее на аѳонскую, которая не смотря на строгость ея обрядоваго склада, все таки кажется краше. Другой, съ малолѣтства впалъ въ мистику, озлобился на грѣшныхъ людей и бѣжитъ отъ нихъ на Аѳонъ—*спасаться*. Третій думаетъ поживиться здѣсь чѣмъ-нибудь, или пожить бариномъ на чужой счетъ, благо хлѣбъ даровой, а работа хоть и трудная, но привыкнуть къ ней можно! Четвертаго лѣнь заѣла, и идетъ онъ на Аѳонъ отдохнуть да понѣжиться *),—и такъ далѣе въ этомъ родѣ. А главное, что побуждаетъ дѣловой народъ покидать міръ и постригаться въ монашество—это горе и неудачи житейскія. Оно естественно: только сильное горе вызываетъ у человѣка обращеніе къ уединенной, отшельнической жизни.

Мѣстные жители теряютъ на Аѳонѣ не такъ много, какъ выходцы иныхъ земель. Грекъ на родинѣ; онъ слышитъ здѣсь родной языкъ, видитъ свои обычаи, ѣстъ свою пшеницу. Притомъ грекъ очень хорошо знаетъ что такое жизнь аѳонская и готовится къ ней еще въ мірѣ; а для русскаго, напримѣръ, здѣсь столько разныхъ лишеній, неизвѣстныхъ ему на родинѣ, что невольно дивишься его самоотверженію. Надо имѣть много рѣшимости и религіозной сосредоточенности, чтобы бросить родину, отказаться отъ всего, чѣмъ свѣтла мірская жизнь, и остаться навсегда въ такой непривѣтливой для русскаго сторонѣ. Но такъ кажется съ перваго взгляда, а на самомъ-то дѣлѣ эта рѣшимость является у русскихъ очень легко и часто даже безсознательно. Большая часть здѣшнихъ земляковъ нашихъ, какъ я узналъ изъ разговоровъ съ ними,—это разные странники наши, которые заѣзжаютъ на Аѳонъ по пути изъ Іерусалима на родину; заѣзжаютъ безъ всякаго желанія остаться здѣсь, а между тѣмъ остаются. Не тѣ пресловутые странники, промышляющіе своимъ странничествомъ на Руси, которые боятся, какъ бы въ самомъ дѣлѣ ихъ не заперли куда-нибудь, а простые неопытные мужички да солдатики, суевѣрные и легковѣрные, видящіе въ загробной жизни грозное предзнаменованіе. Для нихъ Аѳонъ—бѣда, потому что Аѳонъ страшенъ своимъ впечатлѣніемъ на подобныя натуры.

---

*) Подобнаго рода отшельники поступаютъ не въ киновіи, а въ штатные монастыри, съ которыми познакомимся ниже.

Говорятъ, что еще на пути къ Аѳону, въ виду этой горы, большая часть поклонниковъ нашихъ теряетъ спокойствіе и смутно ждетъ чего-то чудеснаго. Съ этой тревогой души, поклонникъ робко вступаетъ на берегъ св. горы. Весело, но строго встрѣчаютъ его здѣшніе отшельники; разговоръ не тотъ, что въ мірѣ, смиреніе хозяевъ полное, но въ тоже время они смотрятъ на мірянина съ видимымъ сожалѣніемъ, будто говорятъ ему, что «вотъ дескать ты пропащій человѣкъ, а мы спасаемся!» Да и самъ онъ сразу замѣтитъ, что здѣсь дѣло спасенія идетъ не на шутку, не то что въ мірѣ. Потомъ наговорятъ ему про искушенія демонскія, про разныя видѣнія, разскажутъ нѣсколько чудесъ, и ходитъ поклонникъ самъ не свой, не зная что дѣлать съ собою. Среди этихъ впечатлѣній ему вдругъ ясно вспомнится суетная жизнь мірская, въ которой нѣтъ ничего подобнаго, и вспомнится эта жизнь въ самомъ непривлекательномъ свѣтѣ. Всѣ прошлыя дѣла и даже думы житейскія, къ которымъ уже давно приглядѣлся грѣшный міръ, теперь ему покажутся преступленіями, и вотъ совѣсть его начинаетъ заговаривать, а въ головѣ такъ и рисуется геенна огненная. Плохо приходится поклоннику: страхъ забираетъ его не на шутку, а тутъ еще бдѣніе....

Бдѣніе аѳонское, своей мистической обстановкой, болѣе всего дѣйствуетъ на воображеніе подобнаго поклонника. Тутъ собрано, кажется, все, что только можетъ отуманить новичка и настроить его на религіозный ладъ. Входитъ онъ въ церковь: тамъ темно, и только чуть мерцаетъ нѣсколько цвѣтныхъ лампадокъ передъ иконостасомъ. Вглядываясь, онъ различаетъ въ этомъ полумракѣ, вдоль стѣнъ, темныя, неподвижныя фигуры отшельниковъ съ опущенными наметками *). Чуть слышно и медленно звучитъ въ храмѣ заунывное пѣніе псалма: изъ алтаря долетаетъ шопотъ молитвы іеромонаха; никто не шелохнется, ни однимъ звукомъ не нарушитъ торжественнаго спокойствія службы. Стоитъ поклонникъ часъ, стоитъ другой — тотъ же полумракъ въ храмѣ, та же неподвижность, тѣ же звуки псалма, хватающіе за душу. Въ этой обстановкѣ такъ и чудится ему присутствіе какого-то высшаго существа, въ головѣ невольно возникаютъ полузабытыя грезы о мірѣ ангельскомъ, о чемъ-то безконечномъ, райскомъ. И ничто не прерветъ этихъ думъ, кажется будто и всѣ монахи погружены въ свои заоблачныя думы.... Въ полночь обстановка нѣсколько мѣняется: церковь ярко освѣщена, монахи со свѣчами въ рукахъ поютъ величаніе празднику; потомъ опять водворяется прежній мракъ и тишина, и такъ всю

---

*) Наметкой на Аѳонѣ называется чорное покрывало, надѣваемое сверху клобука.

ночь до солнца. Усталый, измученный новичокъ едва на ногахъ держится; ему хотѣлось бы отдохнуть, а тутъ раздается новый благовѣстъ на новое стоянье—къ обѣднѣ, и невольно подивится онъ тогда подвигамъ братіи аѳонской... Потомъ поклонникъ идетъ въ трапезу и ѣстъ жалкую пищу монашескую, слѣдитъ онъ за разными послушаніями и обычаями братіи, сходитъ даже на кладбище, гдѣ ему тоже разскажутъ нѣсколько чудесъ, которымъ онъ вѣритъ тѣмъ болѣе, что въ самихъ монахахъ замѣчаетъ полную искренность вѣры, и вотъ онъ уже совсѣмъ побѣжденъ, съ ужасомъ оглядывается на жизнь мірскую и бѣжитъ къ игумену просить постриженія. За тѣмъ надъ нимъ, въ присутствіи всей братіи, совершается обрядъ постриженія; надѣваютъ на поклонника рясу, даютъ ему четки, и вышелъ—аѳонскій монахъ.

Случается, что на Аѳонъ пріѣзжаютъ разные художники, ремесленники, мастеровые, словомъ, люди, въ которыхъ нуждается община. За такими людьми, по внушенію монастырскаго начальства, особенно ухаживаютъ монахи. Тутъ они употребляютъ все что можетъ затронуть совѣсть и возбудить ненависть къ жизни мірской, и часто успѣваютъ. Если такой поклонникъ захвораетъ (а это случается отъ незнанія нѣкоторыхъ условій аѳонскаго климата *), то и въ больницѣ монашество слѣдитъ за нимъ и пугаетъ его загробными муками, дабы обратить его на путь спасенія. «Тебѣ умирать надо: говорятъ они, такъ не лучше ли умереть въ чинѣ ангельскомъ? Такая смерть всего пріятнѣе Богу.» Больной не рѣшается: все еще надѣется выздоровѣть и воротиться на родину, но потомъ на него нападаетъ уныніе, чуется ему приближеніе смерти, — за нею

---

*) О нихъ будетъ рѣчь впереди.

страшныя загробныя мытарства, адская участь грѣшника, и самъ онъ, какъ милости, проситъ постриженія. Его прямо постригаютъ въ великую схиму и отпѣваютъ заживо. Хорошо если больной дѣйствительно умретъ, но вдругъ онъ выздоровѣетъ: обѣтъ произнесенъ, связь съ міромъ разорвана и на человѣка, можетъ быть, избалованнаго жизнью, вдругъ всею тяжестью ложатся правила схимническія. И хотѣлось бы ему отказаться отъ схимы, но уже невозможно, и вотъ начнется у него долгая, мучительная борьба съ прежними привычками, кровавыми слезами будетъ рыдать онъ о мірскихъ привязанностяхъ и искать напраснаго утѣшенія въ напряженной молитвѣ и постоянной исповѣди. Бѣжать онъ не найдетъ въ себѣ силъ, потому что надъ бѣглецомъ произносится страшное проклятіе всего Аѳона.

Знаютъ это наши *бывалые* поклонники и боятся хворать на Аѳонѣ. Помню я, какъ одинъ поклонникъ день и ночь сидѣлъ у изголовья своего больнаго земляка и *умолялъ его выздоровѣть.* У того была жестокая лихорадка: пахло смертью. А этотъ товарищъ до послѣдней минуты цѣловалъ его руку и просилъ притвориться здоровымъ. «Тебя постригутъ,—говорилъ онъ сквозь слезы,—а у тебя жена дома, дѣтки маленькія, на кого жъ ты оставишь сиротъ?» И больной рыдалъ вмѣстѣ съ нимъ и съ этимъ же рыданьемъ принялъ онъ постриженіе...

Встрѣчаются впрочемъ поклонники такого закала, что ихъ не сманишь никакими рѣчами. Это такіе странники (большею частію наши послушники, сборщики, видавшіе виды на вѣку своемъ и т. п.), которые смотрятъ на монаховъ съ житейской точки зрѣнія, подозрѣваютъ во всемъ только одно маскированное лицемѣріе, и радуются отъ души, когда имъ удастся замѣтить какіе-нибудь слабости монашескія. Иногда и такой поклонникъ, слушая рѣчи аѳонскія, будто сдастся и даже увѣритъ, что рѣшается принять обѣтъ монашескій, но чуть пришелъ пароходъ, смотришь—бѣжитъ онъ, сердечный, съ своей котомкой, торопясь занять мѣсто. «Погибнешь!» преслѣдуетъ его кличъ аѳонскій...

— Э! погибать, такъ погибать! отвѣчаетъ онъ махнувъ рукой:—не я одинъ погибну, а на мірѣ и смерть красна!...

Такихъ гостей аѳонцы не любятъ. Не въ пользу ихъ трубятъ потомъ эти гости.

— Ну а вы братцы, какъ попали сюда? спрашивалъ я однажды двухъ новичковъ монаховъ, какъ видно, закадычныхъ друзей.

— А мы попали сюда очень просто,—отвѣтили мнѣ друзья:—жизнь была у насъ трудная, баринъ злющій, денегъ мало! думаемъ куда дѣться? Подумали да и поѣхали на гробъ Христовъ; а оттуда на гору аѳонскую, поглядѣли:—ничего, живутъ сносно. Вотъ, я и говорю товарищу: пойдемъ-ка, братъ, мы въ монахи, а тотъ отвѣчаетъ, что ничего-молъ,—можно. Ну и пошли.

Въ послѣднее время часто появляются на Аѳонѣ наши милые русскому сердцу, *нищіе*. Оборванные, голодные, испытавшіе всѣ удачи и неудачи своего промысла, они еще на родинѣ прослухиваютъ, что во аѳонскихъ горахъ есть монастырь русскій, куда принимаютъ безъ денегъ, и вотъ, объѣхавъ конечно Палестину, они являются въ Русскихъ и тутъ всѣми силами стараются примазаться къ общинѣ. Община неохотно принимаетъ ихъ, потому что эти нищіе плохіе работники. Чтобы отучить подобныхъ гостей отъ монашества, игуменъ иногда сразу налагаетъ на нихъ схимническій канонъ. Иной не выдержитъ и убѣжитъ, а другой крѣпится долго, пока изъ жалости его не присоединятъ къ братству. Такой субъектъ выходитъ монахомъ полнымъ по наружности; то есть, ходитъ въ церковь и на послушаніе, какъ и всѣ, но его лицо сіяетъ замѣтнымъ удовольствіемъ, когда послышится зовъ въ трапезу, особенно когда есть разрѣшеніе вина и елея. Изъ нихъ вырабатывается особый типъ аѳонскаго монашества, который смотритъ на церковныя и келейныя службы, какъ на поденную работу изъ хлѣба; онъ кланяется игумену, какъ начальству, боясь провиниться предъ нимъ; скрѣпя сердце отстаиваетъ бдѣніе, но зато никто изъ братіи не всхрапнетъ послѣ ужина такимъ богатырскимъ сномъ, какъ этотъ монахъ.

— Ну что, отче, каково тутъ жить? спросишь его.

— Ничего, живемъ. Квасу только нѣту, жалко, да капусты, а то бы нешто.

— А искушенія бываютъ?

— Отчего жъ не бывать имъ? бываютъ и искушенія: особливо въ постъ.

Нѣкоторые поступаютъ въ монахи *по жребію*, и еще на родинѣ присуждаются къ монашеству своею семьею. Нѣсколько братьевъ, по приказанію старшинъ семейства, бросаютъ жребій: кому отмаливать грѣхи семейные и просить Бога о счастіи. Выборнаго надѣляютъ родительскими благословеніями, и съ рыданьями и причитаньями отправляютъ въ монастырь молиться. Ну, и молится. Такіе грустные факты, по разсказамъ монаховъ, случаются въ нашихъ юговосточныхъ губерніяхъ и казацкихъ земляхъ и при этомъ повторяются тѣ же сцены, какъ и при рекрутчинѣ. Но такихъ монаховъ на Аѳонѣ немного.

Есть и такіе выходцы изъ Россіи, которые пріѣзжаютъ на Аѳонъ только для полученія имени. Имъ почему-то особенно нуженъ санъ іеромонашескій и вотъ они съ разными пронырствами, притворствами и изумительнымъ терпѣніемъ долго добиваются этого сана и лишь только получатъ его — убѣгаютъ назадъ въ Россію. Но такихъ тоже немного. Наше духовное начальство не признаетъ аѳонскаго постриженія и рукоположенія и подобнымъ аѳеристамъ приходится или скрываться отъ этого начальства, или надѣвать мірское платье, особенно если они не имѣютъ законныхъ свидѣтельствъ отъ греческихъ духовныхъ властей.

Послѣ перваго изданія писемъ Святогорца, многіе, въ порывѣ увлеченія, дали жаркіе обѣты Богу и прибыли на Аѳонъ спасаться. Конечно, они не нашли здѣсь тѣхъ привлекательныхъ сторонъ, о которыхъ писалъ Святогорецъ, но уже не рѣшились воротиться на родину тѣмъ болѣе, что ихъ деньги тогда были очень нужны Аѳону.

Нѣкоторые отшельники почему-то не говорятъ о причинахъ своего обѣта и стараются даже замять подобные разспросы, точно боятся ихъ. Эти отшельники, какъ я замѣтилъ, со страхомъ смотрятъ на каждаго помѣщика, или офицера, пріѣзжающаго на Аѳонъ, боясь узнать въ немъ своего бывшаго начальника. Ихъ прошлое темно...

Вотъ все, что успѣлъ узнать я, разспрашивая иноковъ, преимущественно русскихъ, о причинахъ, побудившихъ ихъ къ монашеству. Остается только прибавить, что большинство нашихъ простолюдиновъ, привыкшихъ къ непривлекательной обстановкѣ еще въ мірѣ, теряетъ на Аѳонѣ не слишкомъ много и послѣ непродолжительной борьбы съ разными мірскими привычками, сживаются съ Аѳономъ окончательно. Эти отшельники не знаютъ искушеній ума, самаго страшнаго изъ искушеній аѳонскихъ. Но каково здѣсь человѣку, мало-мальски развитому, привыкшему къ лучшей обстановкѣ, особенно если онъ принялъ постриженіе необдуманно, вслѣдствіе болѣзни, захватившей его врасплохъ на Аѳонѣ? Ужасно состояніе этихъ людей!

Помню я симпатичную личность о. Анатолія, одного изъ мучениковъ аѳонскихъ, который въ теченіе десяти лѣтъ напрасно силился подавить артистическіе порывы души своей и поддѣлаться подъ формы общиннаго устава. Онъ былъ когда-то музыкантомъ, управлялъ даже оркестромъ и хорами, былъ воспитанъ прилично и привыкъ къ жизни комфортабельной. Нѣкіе странники-проходимцы сманили его къ путешествію на гробъ Христовъ и тотъ изъ любопытства поѣхалъ, вовсе не думая, что на вѣки прощается съ родиной. По пути, какъ водится, заѣхали на Аѳонъ помолиться; но тутъ онъ скоро же захворалъ и больной былъ постриженъ въ схиму великую. Анатолій былъ мистикъ; его поразило это событіе, въ которомъ онъ ясно увидѣлъ руку промысла божія, и выздоровѣвъ, онъ рѣшился покориться этому промыслу и отказаться отъ родины. Съ тѣхъ поръ у него началась безконечная борьба съ условіями новой жизни. Я видѣлъ его спустя девять лѣтъ послѣ этой катастрофы, и онъ все еще страдалъ невыносимо: онъ не спалъ по ночамъ, старался обезсилить себя бдѣніями и постомъ, плакалъ и молился, но легче не было. Какъ теперь вижу его высокую, согнутую фигуру: въ осунувшемся лицѣ ни кровинки, глаза тусклые, будто глаза мертвеца. Любилъ меня о. Анатолій, и, кажется, завидовалъ мнѣ; я невольно напоминалъ ему что-то прошлое; и, можетъ быть, счастливое...

Часто, позднимъ вечеромъ, при свѣтѣ лампады, сидѣлъ я въ своей крошечной кельѣ и поджидалъ о. Анатолія. Войдетъ онъ тихо, присядетъ машинально на мою постель и устремитъ на меня вѣчно задумчивый взглядъ свой. Въ тоскливыхъ и болѣзненныхъ движеніяхъ его проглядываетъ затаенная тревога, которую тщетно старается онъ разсѣять, и такъ бывало сидитъ долго, ни слова не скажетъ, только вздохнетъ тоскливо и уйдетъ во свояси. Но иногда разговорится онъ, и тогда до глубокой полночи льются его рѣчи и поблекшій взлядъ его оживаетъ.

— Вы все еще не спите? однажды спросилъ я, когда онъ вошелъ въ мою келью позже обыкновеннаго.

— Сегодня не могу спать, отвѣчалъ Анатолій. Легъ было, но сны такіе тяжелые, что надо было подняться. Все грезятся мнѣ еще родственники, да мірская жизнь; не знаю куда и дѣваться отъ этихъ сновъ. Когда же наконецъ я забуду все это, Господи? Вѣдь чуть маленькое послабленіе воли, и пойдутъ воспоминанія, одно другаго лучше, и молодость вспомнится, и родные мои, и музыка мірская,—бѣгаешь какъ шальной изъ угла въ уголъ до тѣхъ поръ пока духовника не увидишь. Много осторожности надо имѣть монаху, а то бѣда!

— Отчего же вы такъ боитесь этихъ воспоминаній? Вѣдь они не вредятъ вамъ!

— Какъ не вредятъ? Когда монахъ съ наслажденіемъ вспоминаетъ о мірскихъ дѣлахъ, онъ слушаетъ демона. Монахъ отказался отъ міра разъ навсегда и долженъ забыть его прелести, долженъ даже благодарить создателя, что вырвался изъ его омута и попалъ на путь спасенія. Вѣдь я, напримѣръ, былъ только на волосъ отъ погибели; меня тамъ совсѣмъ опутали и хотѣли на вѣки приковать къ міру... Знаете ли, Н. А., у меня была уже невѣста, и я... Да нѣтъ...

Анатолій остановился и судорожно схватился за четки.

— Что съ вами?

— Ничего; это пройдетъ.—Другъ мой! вы не можете понять, что значитъ быть монахомъ. Вы не испытали той ужасной минуты, когда человѣкъ отказывается отъ міра, отъ родины, отъ всего милаго грѣшному сердцу, и даетъ страшную клятву жить и умереть отшельникомъ. Я больной произнесъ эту клятву; но и теперь еще помню съ какимъ ужасомъ оглянулся я на себя, когда монахи разошлись послѣ обряда и оставили меня одного. Представьте себѣ опять то состояніе, когда я, вышедъ изъ больницы, увидѣлъ снова міръ божій и вдругъ вспомнилъ, что для меня уже нѣтъ ничего въ этомъ мірѣ... Сила божія только удержала меня тогда отъ сумасшествія. Я любилъ музыку, любилъ общество, а здѣсь ничего этого нѣтъ, даже разговоры келейные запрещены строго; не съ кѣмъ поговорить отъ души кромѣ духовника. А эта грѣшная страсть къ обществу такъ сильна была у меня, что даже до сихъ поръ не могу я оставаться наединѣ, такъ вотъ и сосетъ что-то, плакать хочется, повѣрьте; даже ропотъ является иногда...

О. Анатолій закрылъ лице руками и задумался. Я молчалъ тоже.

— Пожалуста, разскажите мнѣ что-нибудь! Развлеките меня!—проговорилъ онъ черезъ нѣсколько минутъ.

— Чѣмъ же мнѣ развлечь васъ? Хотите посмотрѣть мой новый рисунокъ? Я только сегодня окончилъ его.

— Только ради Бога, нѣтъ ли въ немъ чего мірскаго?

— Это видъ города Воло.

— Города? Нѣтъ не стану смотрѣть... Зато этимъ подвигомъ, заговорилъ о. Анатолій, продолжая нить своей думы,—мы достигнемъ райскаго счастья. Тамъ, среди ангеловъ, въ странѣ мира, любви и спокойствія, мы отдохнемъ наконецъ; но когда же? Господи! когда же это будетъ? Страшно подумать, если цѣною такихъ страданій не искупишь прошлыхъ грѣховъ своихъ, и снова будешь мучиться адскими муками—цѣлую вѣчность... Вѣчность! Вѣдь это океанъ, одной капли котораго не исчерпаешь милліонами лѣтъ. Ужасно!..

Анатолій опять понурилъ голову.

— А тутъ еще демонъ смущаетъ, продолжалъ онъ медленнымъ, задумчивымъ говоромъ:—хочетъ онъ истребить остатки надежды, наполняетъ голову разными сомнѣніями и невѣріемъ. Иной разъ явственно слышу, какъ онъ шепчетъ мнѣ на ухо: «что если напрасно ты мучишься? Что если нѣтъ жизни загробной?..» Волосъ подымается дыбомъ отъ этихъ сомнѣній, напрягаешь всѣ силы вѣры,—бѣгаешь, плачешь, молишься, а онъ все шепчетъ: «что если даромъ?..» Одинъ только духовникъ въ состояніи наставить насъ и спасти отъ этой муки:—его боятся демоны... Да, другъ мой,—произнесъ Анатолій, взглянувъ на меня:—не понять вамъ трудовъ монашескихъ!

— Нѣтъ, я понимаю ихъ, о. Анатолій, и удивляюсь только, какъ вы еще можете жить здѣсь? Я бы кажется давно съ ума сошелъ отъ такой жизни, или убѣжалъ бы отсюда.

— Молитесь! Вы тоже искушены! перебилъ меня монахъ.—Зачѣмъ же вы забываете могущество божіе? То-то и чудо, что онъ не допускаетъ насъ до погибели. Есть какая-то сила, которая приковываетъ насъ къ св. горѣ. Вѣдь часто у насъ является полное отчаянье и даже рѣшимость бросить всѣ эти труды монашескіе и бѣжать въ міръ, искать отдыха. Жажда отдыха бываетъ такъ велика, что даже всѣ проклятія Аѳона и страхъ гнѣва божія не въ силахъ удержать отшельника. Но чуть рѣшится онъ,—непремѣнно что-нибудь помѣшаетъ: или захвораетъ на пути, или вдругъ охота пропадаетъ сама собою, или наконецъ просто страшно сдѣлается.. Повѣрьте, что на Аѳонѣ рѣдкому не приходитъ на мысль искушеніе бѣгства, а бѣгутъ очень немногіе. Не сила ли это божія?

Анатолій поднялся и подошелъ къ окну.

— Вы завтра придете къ обѣднѣ? спросилъ онъ.

— Пожалуй приду, а что?

— У насъ завтра похороны: братъ одинъ померъ.

— И будетъ значитъ коливо, и лишняя сотня поклоновъ въ день?

— Да, будетъ. Отчего жъ не помолиться; послѣ и за насъ молиться будутъ. Счастливецъ! прибавилъ онъ со вздохомъ:—онъ уже покончилъ свое дѣло, достигъ чего желалъ, а когда то мы свое покончимъ? Можетъ быть еще много и много трудныхъ годовъ предстоитъ намъ впереди! Можетъ быть и не такія искушенія испытать придется! Помоги намъ Господи! Отпусти скорѣе грѣхи непрощенные!...

— Неужели вамъ такъ хочется умереть?

— А вамъ хочется ѣхать домой, на родину?

— Еще бы!

— Ну и мнѣ тоже. Только моя родина теперь не здѣсь, а на небѣ. Здѣсь мнѣ нечего искать больше; и чѣмъ скорѣе призоветъ Господь къ себѣ, тѣмъ лучше.

Трижды ударили въ колоколъ. Анатолій вздрогнулъ и взялъ четки.

— Пора на правило, уже полночь. Прощайте, другъ мой! А мнѣ еще послѣ канона къ духовнику сходить надо: что-то трудно сегодня.

— А вы такъ и не ляжете спать?

— Успѣю выспаться, когда смерть придетъ.

— Будто вы будете спать на томъ свѣтѣ?

— Вы все шутите! Спать будетъ только тѣло въ могилѣ, а душа не спитъ никогда.

О. Анатолій удалился.

Въ сосѣднихъ кельяхъ послышался однообразный, равномѣрный шелестъ. То отшельники отсчитывали узаконенное число поклоновъ утренняго правила.

IV.

Искушенія.

Разнообразные виды монашескихъ искушеній и мѣры принимаемыя противъ нихъ.—Строгость Аѳонскаго цѣломудрія.—Отсутствіе женщинъ и дѣтей.—Иконы мученицъ и святыхъ женъ.—Тягость и сила плотской брани.—Женщины, посѣщавшія Аѳонъ.

Оторванные отъ среды родной и закованные въ условія жизни подвижнической, монахи, особенно молодые, долго борются съ разными искушеніями. На Аѳонѣ такъ много искушеній, что самое слово «*искушеніе*» вошло между монахами въ поговорку и составляетъ одну изъ особенностей аѳонскаго нарѣчія. Первое время мнѣ странно было слышать это слово въ такихъ разговорахъ, гдѣ оно вовсе не клеится, но потомъ прислушался и даже самъ иногда вклеивалъ его въ свои рѣчи.

Сидятъ, напримѣръ, монахи на пристани монастырской и глядятъ въ воду.

— Гляди-ко, о. Сергій, рыба-то, искушеніе!

— Ахъ, искушеніе, сколько ее привалило! Вотъ кабы словить, искушеніе!..

— Какъ-же, словишь! прытка больно, искушеніе...

Или въ кельѣ разговоръ слышится:

— Что, отче, завтра въ трапезѣ у насъ?

— Бобы, искушеніе.

— Эка напасть! Хоть бы уйти куда, искушеніе!.. и т. п.

Тутъ, конечно, слово *искушеніе* произносится безъ всякаго смысла—по одной только привычкѣ, но эта привычка показываетъ, до такой степени монахи иногда бываютъ чутки къ себѣ и какъ они силятся во всемъ отыскать искушенія демонскія. Оно и понятно. Лишь только пострижется монахъ на Аѳонѣ (а постригается онъ, какъ мы видѣли выше, въ большинствѣ случаевъ безсознательно), онъ уже искренно вѣритъ, что чортъ теперь на сторожѣ и что этотъ чортъ всѣми силами будетъ стараться сбить его съ пути истиннаго. Взгрустнется ли новичку-монаху по родинѣ, явится ли недовольство чѣмъ нибудь, или проснутся и заговорятъ въ немъ мірскія страсти, монахъ съ ужасомъ прислушивается къ этому говору и спрашиваетъ у опытныхъ старцевъ, не бѣсы ли это смущаютъ его?—Бѣсы,—отвѣчаютъ ему опытные старцы, и вотъ молодой монахъ уже *искушается.* Затѣмъ пойдетъ для него обычнымъ порядкомъ цѣлый рядъ искушеній подобнаго рода, и ходитъ онъ цѣлые мѣсяцы, какъ шальной, со страхомъ разбирая малѣйшія проявленія своей натуры; иной, ошалѣвши, въ мистику впадетъ и захандритъ; другой, болѣе положительный по своей натурѣ, скоро приглядится къ этимъ обыденнымъ явленіямъ жизни аѳонской и рукой махнетъ на нихъ: «гдѣ, дескать, намъ совладать съ силой вражеской! и почище насъ были да падали!..» Иной простякъ-нигилистъ и въ толкъ не возьметъ сразу, что тутъ демоны на каждомъ шагу, и даже рѣшается спорить съ монахами. «Какой же тутъ бѣсъ?—спрашиваетъ онъ съ недоумѣніемъ:—мнѣ просто ѣсть хочется, съ голоду все нутро свело! Вотъ кабы явился онъ самъ какъ есть, съ рогами да съ хвостомъ, ну я и увидѣлъ бы, что бѣсъ; а то голодъ забираетъ меня, а они говорятъ—бѣсъ...» И долго монахамъ приходится урезонивать такую голову, неспособную къ пониманію аѳонской догматики. Но есть натуры, которыя во что бы то ни стало хотятъ преодолѣть всѣ эти искушенія демонскія и стать выше ихъ. Съ изумительною стойкостью и самоотверженіемъ передѣлываютъ они себя и съ каждымъ днемъ вырываютъ изъ души своей жизненныя сокровища, имѣя въ виду тѣ идеалы подвижничества, которымъ даже Аѳонъ дивится. Это большею частію тѣ пылкія, горячія натуры, которыхъ не останавливаютъ на пути никакія препятствія, и несчастные бьются съ этими препятствіями, пока хватитъ силы, пока не засохнутъ они, измученные и истощенные до нельзя.

Всѣ искушенія аѳонскія дѣлятся самими монахами на два разряда: брань мысленную и брань плотскую. Къ первому роду брани относятся разныя сомнѣнія въ догматахъ и правилахъ вѣры, недостатокъ смиренія и послушанія, и разныя видѣнія (галлюцинаціи), какія воздвигаетъ искуситель на отшельника: ко второму — недовольство пищей, изнѣженность тѣла, разныя прихоти мірскія, и, наконецъ, невозможность забыть монаху о существованіи женщинъ на бѣломъ свѣтѣ. Съ первымъ родомъ искушеній мы отчасти уже знакомы изъ предъидущихъ главъ, и притомъ будемъ встрѣчаться съ ними ниже,—а теперь взглянемъ на тѣ трудности, съ какими монахъ силится достигнуть полнаго цѣломудрія.

Отрицаясь отъ міра и отъ брака, какъ главной связи съ міромъ и его попеченіями, и давая клятву хранить свое цѣломудріе до гробовой доски, монахъ устремляетъ всѣ свои силы на то, чтобы задавить въ себѣ естественныя побужденія и уничтожить въ головѣ своей самую мысль о женщинѣ, какъ о чемъ-то страшномъ, демонскомъ. Эта брань едва ли не самая трудная на Аѳонѣ и ею-то по преимуществу старается искуситель сбить монаха съ пути истиннаго, потому, вѣроятно, что такой методъ легче остальныхъ и чаще всего удается. Но зато если кто изъ монаховъ сможетъ побороть и эти искушенія, тотъ считается совершеннымъ монахомъ, идеаломъ подвижничества, для котораго уже не страшны никакія искушенія.

«Въ мірскихъ монастыряхъ спастись труднѣе, чѣмъ здѣсь,—говорятъ аѳонскіе старцы; — потому что тамъ монахи имѣютъ постоянное сношеніе съ мірянами, всѣ мірскіе соблазны у нихъ на виду, женщины ходятъ къ нимъ молиться, и монахъ легко можетъ впасть въ искушеніе, зато у насъ на Аѳонѣ нѣтъ ничего, что бы могло соблазнить монаха: у насъ нѣтъ женщинъ.» Дѣйствительно съ Аѳона удалены всѣ предметы плотскаго соблазна; монахи искренно вѣрятъ въ цѣломудріе своей земли и это наружное цѣломудріе привлекаетъ сюда изъ мірскихъ монастырей многихъ отшельниковъ.

На Аѳонѣ нѣтъ женщинъ. Ни одна изъ нихъ не имѣетъ права вступить на дѣвственные берега монашескаго царства, а если и осмѣлится, то ее безъ милосердія выгонятъ монахи обратно. По вѣрѣ монашеской, женщинѣ, нарушившей святость этого закона, немедленно отмститъ за это сила Божія. Она или умретъ на мѣстѣ преступленія, или потонетъ на обратномъ пути съ Аѳона

Законъ о нетерпимости женщины простирается на всю гору аѳонскую, такъ что даже самъ Ага турецкій и его прислуга, живущіе постоянно въ Кареѣ *), не смѣютъ жить сь женами и свои гаремы держатъ въ городѣ Ериссо, близъ Аѳона. Этотъ законъ простирается даже на животныхъ, принужденныхъ жить съ монахами: они тоже разлучены съ своими самками, тоже соблюдаютъ строгое цѣломудріе. Вы не встрѣтите здѣсь ни овцы, ни ослицы, ни кошки, ни курицы, чтобы и эти представительницы прекраснаго пола не могли напоминать монаху о женщинѣ. Святогорецъ написалъ даже, что «по повѣрью простого народа, самыя пташки не вьютъ здѣсь гнѣздъ и не выводятъ птенцовъ, но одиноко, какъ и монахи, *растосковываютъ* жизнь свою, временно только оставляя Аѳонъ и улетая въ далекія заморскія гнѣздышки *).» Это, конечно, хвачено черезчуръ широко, и на Аѳонѣ множество птичьихъ гнѣздъ, но въ народѣ дѣйствительно есть старинное повѣрье, что ни одна самка не можетъ жить здѣсь, и даже самъ пресловутый пѣшеходецъ нашъ, Барскій, обошедшій въ 1745 году всѣ святыни аѳонскія, описываетъ, какъ онъ, встрѣтивъ здѣсь неожиданно дикихъ козъ, принялъ ихъ за духовъ нечистыхъ, вѣря, что коза, даже дикая, не можетъ существовать на Аѳонѣ. Мнѣ самому приходилось слышать, какъ досадовали нѣкоторые монахи, что на неприступныхъ твердыняхъ горы все еще водятся дикія козы и кабаны съ самками, и попадаясь иногда на встрѣчу отшельникамъ, тѣмъ вредятъ ихъ спасенію... Только крысы однѣ, да насѣкомыя могутъ безпрепятственно плодиться на Аѳонѣ: имъ никто не мѣшаетъ.

---

*) Карея небольшой городокъ въ центрѣ горы,—столица аѳонскаго царства.

Мальчиковъ запрещено приводить на св. гору. Въ нѣкоторыхъ штатныхъ монастыряхъ опытные старцы берутъ къ себѣ мальчиковъ-сиротъ для воспитанія, но это допускается въ видѣ исключенія, какъ дѣло, имѣющее благотворительную цѣль. Спросятъ, можетъ быть, къ чему такая строгость? А потому, что мальчики по миловидности и свѣжести лица напоминаютъ монаху о женщинѣ, и такимъ образомъ ведутъ его къ искушенію. Впрочемъ это правило преимущественно касается только общежительныхъ монастырей и нѣкоторыхъ высоконравственныхъ затворниковъ.

Юноша, принявшій постриженіе въ общежительномъ монастырѣ, по уставу не можетъ оставаться съ братіею,

---

*) Изд. III, часть I. стр. 95. Пріѣзжавшіе на Аѳонъ поклонники не мало изумлялись, когда посѣщали келью святогорца. (Онъ жилъ не далеко отъ Руссика, въ отдѣльной кельѣ). Эта келья кругомъ была залѣплена гнѣздами ласточекъ. Святогорецъ въ оправданіе себя говорилъ, что ласточки прилетѣли послѣ изданія его писемъ.

если не имѣетъ бороды и усовъ. Его обыкновенно посылаютъ куда-нибудь въ отдѣльную келью, и тамъ онъ остается до тѣхъ поръ, пока не обростетъ бородою.

Но это еще не все. Чтобы удалить всякую возможность грѣховыхъ помысловъ и устранить все, что можетъ соблазнить зрѣніе, — монаху строго воспрещено видѣть свое собственное обнаженное тѣло. Поэтому-то на Аѳонѣ нѣтъ ни одной бани, монахъ не имѣетъ права даже купаться въ морѣ и никогда не перемѣняетъ бѣлья своего, а если и перемѣняетъ, то ночью, въ потьмахъ и какъ можно рѣже, чтобы и тутъ грѣхомъ не увидѣть наготы своей. Этотъ законъ обязателенъ для всего Аѳона и даже для приходящихъ поклонниковъ. Поклонникамъ въ кельяхъ позволено раздѣваться какъ имъ угодно, но передъ монахами нельзя, и потому, если имъ придетъ охота купаться, то они для этого выбираютъ самое безлюдное прибрежье моря, подальше отъ монастырей и большихъ дорогъ, боясь, чтобы ихъ не замѣтилъ ни одинъ монашескій глазъ. При мнѣ пріѣхалъ на Аѳонъ одинъ сіятельный поклонникъ, *уже старикъ*, который имѣлъ обыкновеніе каждое утро обливаться холодною водою. Ему сказали, что этого обливанья здѣсь дѣлать нельзя; старикъ конечно заупрямился, и монахи должны были разрѣшить ему исполненіе этого обряда въ комнатѣ. И каждое утро комната заливалась водою, хлопоты чрезъ это увеличились втрое, но зато никто изъ монаховъ не видалъ сіятельной наготы, кромѣ прислужника, вполнѣ застрахованнаго отъ искушеній.

Иконы мучениць и преподобныхъ матерей пишутся на Аѳонѣ въ строгомъ иконописномъ стилѣ, такъ что глазъ не можетъ остановиться на такой иконѣ и отыскать въ ней что-нибудь мірское, житейское. Но случается, что наши благочестивые жертвователи присылаютъ изъ Россіи на Аѳонъ иконы современнаго, художественнаго стиля, такія иконы, на которыя слишкомъ можно залюбоваться. Монахи, получивъ эти жертвы, не знаютъ, что дѣлать съ ними, и большею частью кончаютъ тѣмъ, что просятъ доморощенныхъ иконописцевъ переправить ихъ на аѳонскій манеръ—«чтобы глазамъ было не зазорно.» Такая икона, по аѳонскому опыту, очень развлекаетъ молящагося, услаждаетъ его чувства и даже можетъ навести на грѣшныя мысли. При мнѣ прислали въ одинъ изъ русскихъ скитовъ на Аѳонѣ нѣсколько иконъ академической работы, гдѣ между прочимъ была изображена Богоматерь красоты необыкновенной, въ роскошной одеждѣ и съ полуобнаженною грудью. Собрались старцы скитскіе къ этимъ иконамъ. Нѣкоторые изъ нихъ только взглянули да сейчасъ и поспѣшили уйдти, осѣняясь крестнымъ знаменіемъ; остальные долго толковали, чтобы сдѣлать съ такимъ соблазномъ, и рѣшили оставить *пока* иконы въ церкви, только лицомъ не къ народу, а къ стѣнѣ. Годъ спустя я видѣлъ ихъ все въ томъ же положеніи, въ углу. Вѣроятно они и теперь еще стоятъ такъ, къ горю и посрамленію нашихъ жертвователей, а можетъ быть ихъ давно уже стащили въ библіотеку скитскую, подъ вѣчные затворы, чтобы и духу-то ихъ не было...

Нѣкоторые келіоты *), вѣроятно знатоки искусства, скупаютъ подобныя иконы и часто по долгу заглядываются на нихъ. Но и тамъ эти иконы постоянно завѣшаны разнымъ тряпьемъ, или рясами монашескими, чтобы ихъ не могли видѣть посторонніе иноки.

Вотъ какая строгая обстановка окружаетъ монаха аѳонскаго, какими крѣпкими стѣнами ограждена его цѣломудренная нравственность отъ соблазна! Казалось бы, что при такихъ условіяхъ спастись легко; чѣмъ же еще искушаться? Всякая возможность грѣха плотскаго устранена, и монаху открыта широкая дорога прямо въ царство небесное... Такъ кажется съ перваго взгляда, но не то выходитъ на самомъ дѣлѣ. Здѣсь устранены всѣ видимые предметы соблазна, но въ полной зависимости отъ воли монашеской осталась его мысль и воображеніе, и этихъ соблазновъ не въ силахъ заковать и уничтожить никакой уставъ.

---

*) Келіоты—жители отдѣльныхъ келій. См. слѣд. главу.

Самая строгость устава аѳонскаго по этому предмету показываетъ, до какой степени можетъ быть щекотливо воображеніе, которому не даютъ простора и свободы. Вѣдь не сразу же сложился такой уставъ: вѣроятно постепенно приходилось вырывать изъ обстановки окружающей монаха то одни, то другіе предметы, напоминающіе ему о жизни природы; пришлось и звѣрей лишить ихъ самокъ, и все таки тысячи искушеній остались внѣ силы устава, и отъ нихъ можетъ спастись монахъ только силою собственной воли. Нѣкоторые отшельники уже сами сознаются, что чѣмъ строже уставъ, тѣмъ больше грѣха; и чѣмъ старательнѣе устраняетъ видимые поводы къ соблазну, тѣмъ сильнѣе возникаетъ онъ уже изъ глубины натуры человѣческой, — тѣмъ болѣе, что въ пустынѣ фантазія слишкомъ чутка, и довольно малѣйшаго ослабленія воли, чтобы привести ее въ движеніе.

Отсутствіе женщинъ тяжелымъ гнетомъ ложится на весь бытъ аѳонскихъ отшельниковъ, отражается на всей ихъ дѣятельности, томитъ ихъ совѣсть, ожесточаетъ на самихъ себя и на весь міръ. Женщина для монаха — самое неотступное и навязчивое видѣнье. Мысль о женщинѣ носится, кажется, въ самомъ воздухѣ, окружающемъ отшельника, о ней напоминаетъ самая природа, каждый лучъ весенняго солнца, каждый свистъ перелетной пташки... Мечется и молится монахъ, читаетъ разныя заклинанья, но нѣтъ ему облегченья, и вотъ онъ силится притупить свою фантазію, изнуряетъ себя постами и работами, спитъ на битыхъ камняхъ или колючихъ растеніяхъ, чтобы этими болями отучить свою плоть отъ запрещенныхъ потребностей, но непокорная плоть не унимается. Измученный, изнуренный, онъ старается очернить образъ женщины въ своемъ воображеніи, воспоминаетъ ея непривлекательныя стороны, бранитъ и проклинаетъ ее страшными проклятьями. Въ своихъ видѣніяхъ женщины монахъ видитъ фактъ неестественный; онъ вѣритъ, что эту брань воздвигаетъ на него сила демонская, чтобы лишить его загробнаго счастья,—и вотъ въ понятіяхъ его женщина является орудіемъ дьявола, источникомъ зла на землѣ... Словомъ, нигдѣ не приходилось мнѣ слышать столько проклятій женщинамъ какъ на Аѳонѣ, среди тамошнихъ отшельниковъ.

— Не легко и въ пустынѣ сохранить цѣломудріе! говорилъ мнѣ монахъ, сосѣдъ мой, въ минуту откровенности.—Тѣло у многихъ остается въ чистотѣ, но за то является распутство мыслей, а это распутство сушитъ человѣка еще быстрѣе, чѣмъ развратъ мірской... Вѣдь вы не можете себѣ представить тѣхъ мукъ, какія воздвигаетъ на насъ дьяволъ видѣніемъ блуднымъ. Иной разъ фантазія до того разыграется, что не уймешь ее ни крестомъ, ни молитвой. Демонъ рисуетъ цѣлый рядъ картинъ одна другой соблазнительнѣе, припоминаются всѣ мірскія связи съ женщинами и не какъ укоръ совѣсти, а какъ завлекательное что-то, — духъ услаждается этими картинами. Днемъ ходишь самъ не свой, ночью тѣ же видѣнія, молиться станешь, такъ и во время молитвы и въ церкви даже не отстаетъ лукавый. Повѣрьте, иногда до того искушаешься, что если братъ войдетъ въ келью, то и онъ представляется въ наготѣ своей, въ походкѣ и движеніяхъ всей братіи видится только одна плоть и похотѣнье... Отвратительно станетъ наконецъ, не знаешь куда дѣваться отъ этихъ видѣній, голова кружится, умъ тупѣетъ, ничего дѣлать не хочется, а совѣсть вопіетъ пуще прежняго: просишь смерти у Бога, и въ то же время страшно умереть въ такое время,— словомъ это какое-то безумное состояніе, начало адской казни за грѣхи плотскіе... И такъ иной разъ бьешься по цѣлымъ недѣлямъ, пока наконецъ Господь не пошлетъ облегченія. Одно утѣшаетъ въ подобныхъ случаяхъ, воспоминаешь: что всѣ отцы святые терпѣли такія муки да спаслись же. Прочтите любое жизнеописаніе древнихъ подвижниковъ, и вы сами увидите, что большая часть ихъ подвиговъ уходила на борьбу съ плотію, а между тѣмъ святыми вышли...

— Чѣмъ же отдѣлаться можно отъ такихъ искушеній? спрашивалъ я.

— Однимъ только терпѣньемъ. Они временемъ появляются, а потомъ и пропадаютъ сами. Свыше силъ Господь не даетъ искушеній.

Греки и вообще южные жители, по страстности своей натуры, особенно боятся подобныхъ искушеній, потому что для нихъ эти искушенія слишкомъ тяжелы. Тоже можно сказать про русскихъ баръ въ рясахъ и вообще особъ романическаго свойства, привыкшихъ смотрѣть на женщину, какъ на лакомство. Эти люди, по ихъ собственному признанію, при малѣйшемъ воспоминаніи о женщинѣ, при одномъ даже имени женскомъ, произнесенномъ случайно, или прочитанномъ въ книгѣ, чувствуютъ уже нервное потрясеніе, и искушаются. Ихъ такимъ образомъ самое имя женщины вводитъ въ грѣхъ и мучитъ щекотливую совѣсть. Конечно, къ такой чуткости совѣсти пріучаютъ монаха прежде всего строгіе толки духовниковъ о вѣчномъ вниманіи къ самому себѣ и борьбѣ съ силой демонской, затѣмъ—чтеніе о подвигахъ древнихъ отшельниковъ и желаніе подражать имъ, и наконецъ самая строгость монастырскихъ уставовъ. Въ общежительныхъ монастыряхъ строгость уставовъ доведена до того, что даже *сны* монашескіе вмѣняются въ вину монаху и въ нихъ онъ долженъ каяться духовнику. Если какой-нибудь соблазнительный сонъ приснится монаху въ ночь передъ причастіемъ *), то его лишаютъ причастія какъ недостойнаго, точно онъ воленъ въ снахъ своихъ. Поэтому монахи, въ ночь передъ причастіемъ, боятся даже на минуту закрыть глаза, тѣмъ болѣе, что по ихъ словамъ врагъ особенно силенъ въ эту ночь. Такое правило всею тяжестью ложится на чередныхъ іеромонаховъ, которымъ, во избѣжаніе соннаго соблазна, приходится просиживать безъ сна по нѣскольку ночей сряду. Послѣ этого не удивительно, что нѣкоторые изъ нихъ до того простираютъ свое цѣломудріе, что не поминаютъ женщинъ даже за проскомидіей и во время службъ церковныхъ, хотя имъ за это платятся деньги **).

Всѣхъ счастливѣе въ этомъ отношеніи русскіе простолюдины, которые и на Аѳонѣ могутъ съ спокойною совѣстью толковать о бабахъ и посмѣиваться надъ ихъ продѣлками. Наши простолюдины и въ мірѣ съ бабой за панибрата, у нихъ нѣтъ той романтичности воспитанія и тѣхъ утонченныхъ, пикантныхъ отношеній къ женщинѣ, какія существуютъ въ такъ называемыхъ образованныхъ кружкахъ,—ихъ отношенія прямѣе и проще, а потому и воспоминаніе о женщинѣ меньше вредитъ спасенію ихъ на Аѳонѣ.

Вотъ безотрадная картина плотской брани, которую долженъ преодолѣть монахъ, строго исполняющій долгъ свой. Не всякій, конечно, сможетъ успѣшно пройти по такой дорогѣ, и большинство, услаждаясь сладострасными видѣньями, по слабости натуры, впадаетъ въ грѣхъ блудный... Духовники вооружаются противъ такихъ слабостей сильными и грозными наставленіями и изнуряютъ падшихъ эпитиміями, но эти эпитиміи тоже не всегда дѣйствуютъ. Нѣкоторые, особенно молодые монахи, истощивъ всѣ силы въ борьбѣ съ плотію, наконецъ впадаютъ въ полное отчаянье: терпѣніе пропадаетъ, совѣты духовниковъ теряютъ свою силу, на братію смотрѣть становится тяжело, и тутъ-то конечно во всей своей силѣ является страшное на Аѳонѣ искушеніе *бѣгства*. Тутъ уже вопросъ жизни и смерти: быть или не быть въ раю?.. Кто на сквозь пропитанъ воздухомъ Аѳонскимъ, тотъ спохватится, и съ ужасомъ отгоняя мысль о бѣгствѣ, проситъ запереть себя куда-нибудь, и принимается съ большимъ рвеніемъ изнурять себя; но другой, болѣе слабый, не выдержитъ соблазна—и махнетъ рукой на всѣ подвиги. Грѣшный, но милый сердцу міръ, представится ему во всей заманчивой прелести, жажда жизни пробьется наружу и, послѣ долгаго колебанія, онъ объявляетъ старцамъ, что желаетъ покинуть пустыни аѳонскія. Старцы не сразу выпустятъ его, и несчастный долженъ еще выслушать длинный рядъ проповѣдей и угрозъ, имѣющихъ притязаніе затронуть его совѣсть; старцы пугаютъ его проклятіемъ неба и страхомъ суда Божія, предсказываютъ вѣчныя болѣзни и несчастія, дѣлаютъ заклинанія надъ нечистымъ духомъ, засѣвшимъ въ душу монашескую, но видя, что ничто не дѣйствуетъ, выдаютъ монаху паспортъ и тотъ бѣжитъ, напутствуемый всеобщими сожалѣніями и проклятіями. Такой бѣглецъ, особенно если онъ схимникъ, считается на Аѳонѣ добычею дьявола,—за него и молиться не всякій рѣшится. Замѣчательно, что эти бѣглецы лишь только вырвутся изъ подъ устава аѳонскаго, сейчасъ же бросаются *во вся тяжкая*, точно стараясь вознаградить себя за долгій постъ; иной до того раскутится, что и рясу по боку махнетъ,—а демонъ, конечно, торжествуетъ. При мнѣ бѣжали три монаха. Одинъ изъ нихъ, какъ слышно, совсѣмъ спился и угодилъ даже въ острогъ, другой женился, а третій вернулся было на Аѳонъ, думая примириться съ пустыней, но, поживъ немного здѣсь, убѣжалъ снова и уже не возвращался.

---

*) Большинство аѳонскихъ монаховъ причащается св. таинъ одинъ разъ въ недѣлю, по воскресеньямъ. Схимники еще чаще.

**) Въ нѣкоторыхъ монастыряхъ монахи, рѣшаясь молиться за церковными службами о здравіи нашего царственнаго дома, вычеркиваютъ при этомъ изъ него всѣ женскія имена.

Искушенія аѳонскія, по части женскаго пола, особенно усилились съ тѣхъ поръ, какъ къ берегамъ св. горы стали приставать пароходы *). Еще въ то время, когда впервые пронесся слухъ, что на Аѳонъ будутъ ѣздить пароходы, монахи пришли въ ужасъ и стали не на шутку опасаться за нарушеніе дѣвственности горы. Опасенія ихъ сбылись. Дѣло въ томъ, что на пароходахъ вмѣстѣ съ поклонниками подъѣзжаютъ къ Аѳону женщины, и хотя ихъ не выпускаютъ на берегъ, но все-таки онѣ слишкомъ близки къ этому берегу и изъ монастыря можно ихъ видѣть. Толпы нашихъ хожалокъ, отправляющихся въ Іерусалимъ солунскимъ путемъ, никакъ не могутъ взять въ толкъ, что ихъ боятся монахи и всячески выражаютъ желаніе поклониться мѣстной святынѣ. «Батюшки! голубчики!—кричатъ онѣ во всю мочь, столпившись на пароходной палубѣ,—дайте хоть землицы-то аѳонской на память! Пришлите четочекъ, родные!..» и т. п. Монахи прислушиваются къ этимъ крикамъ и не знаютъ куда дѣваться отъ искушеній... Иной разъ бабы долго стоятъ въ виду монастыря, молятся, приходятъ въ умиленіе и наконецъ затягиваютъ визгливыми голосами: «подъ твою

---

*) Пароходы Русс. Общ. Пароходства и торговли въ описываемое мною время еженедѣльно останавливались на нѣсколько часовъ у пристани Руссика. Въ настоящее время эти рейсы прекращены.

милость,» или: «о! всепѣтая мати!»—И зазвучитъ визгъ бабій надъ пустынными холмами Аѳона, самый воздухъ отравляется искушеніемъ и въ страхѣ молятся отшельники, убѣгая въ глубь своихъ келій...

Кромѣ этихъ случаевъ, нарушающихъ тишину пустыннаго Аѳона, бываютъ еще другіе, исключительные случаи, которые не легко обходятся мѣстной братіи. Мнѣ особенно памятенъ одинъ такой случай, да и на Аѳонѣ, я думаю, еще многія помнятъ его. Съ парохода, вмѣстѣ съ прочими поклонниками, сошла на берегъ Руссика и жена капитана пароходнаго, женщина молодая и красивая. Одѣтая очень эффектно и окруженная толпою офицеровъ, она весело подошла къ монастырскимъ воротамъ. Ужаснулись монахи, увидѣвъ эту гостью; столпившись у воротъ и пропустивъ нѣсколько поклонниковъ, они съ угрозами захлопнули эти ворота передъ самымъ носомъ красавицы. Мужъ ея, конечно, разсердился, обѣщалъ жаловаться, но ему сказали, что уставъ аѳонскій извѣстенъ всему свѣту, что даже турки подчиняются ему, и капитанъ долженъ былъ притихнуть. Дама тоже обидѣлась такимъ невѣжливымъ пріемомъ и, на зло монахамъ, рѣшилась прогуляться по берегамъ Руссика. Подъ руку съ какимъ-то франтомъ, она обошла кругомъ всего монастыря, освѣжилась аѳонскою водою, нарвала цвѣтовъ и потомъ сѣла отдыхать противъ воротъ монастырскихъ, лорнируя встрѣчныхъ монаховъ.

«Искушеніе! искушеніе!..» пронеслось изъ конца въ конецъ по монастырю; отшельники взволновались; волненіе и ожесточеніе было такъ велико, что многіе взялись за камни и начальству стоило не мало труда успокоить и разогнать братію. Дама вѣроятно слышала весь этотъ шумъ, но не сошла съ мѣста, и дождавшись своей компаніи, такъ же спокойно удалилась на пароходъ. Пароходъ уѣхалъ, но тѣмъ дѣло не кончилось. Демонъ соблазна совершенно овладѣлъ отшельниками, между ними появились раздоры, и нѣкоторые послѣ этого совсѣмъ не могли ужиться въ Руссикѣ и удалились въ пустыню. Оставшіеся долго испытывали всѣ муки плотской брани, которой немогли побороть ни крестомъ, ни молитвой...

Вѣсть объ этомъ происшествіи быстро разнеслась по монастырямъ, скитамъ и кельямъ горы и весь Аѳонъ счелъ себя оскорбленнымъ въ лицѣ Руссика. Всѣ рѣшили, что это дѣло не пройдетъ даромъ, что если Богъ попустилъ женщинѣ осквернить своимъ посѣщеньемъ гору, то это вслѣдствіе грѣховъ монашескихъ, и потому ждали новой кары. Кара не замедлила явиться. Вскорѣ послѣ этого случая, на Аѳонѣ, было сильное землетрясеніе, отъ котораго болѣе всѣхъ пострадалъ монастырь русскій. Тогда всѣ единогласно проговорили, что это гнѣвъ божій караетъ Руссикъ за то, что онъ, изъ видовъ корыстолюбивыхъ, пріютилъ у себя мірскіе пароходы. Окончательно монахи успокоились только тогда, когда Богъ послалъ проливной дождь и такимъ образомъ смылъ пятно безчестья съ цѣломудреннаго Аѳона, уничтоживъ самые слѣды женщины, осквернившей святыню.

Знаетъ ли эта особа, сколько тяжелаго горя и слезъ доставила она бѣднымъ отшельникамъ своимъ посѣщеніемъ Аѳона? Знаетъ ли она, сколько ругани и искреннихъ проклятій пало на ея безвинную голову? Если не знаетъ, такъ пусть лучше и не знаетъ...

Другой случай подобнаго рода былъ при мнѣ у монастыря Діонисіатскаго. Недалеко отъ этого монастыря присталъ англійскій пароходъ, и какой-то лордъ съ своею супругою вздумали при этомъ прогуляться по берегу. Монахи, давно слѣдившіе за движеніями парохода, встрѣтили непрошенныхъ гостей съ камнями и дубинами въ рукахъ и едва не поколотили ихъ. Послѣ такого недружелюбнаго пріема лордъ и леди поспѣшили скорѣе убраться, а въ монастырѣ по этому случаю пѣли благодарственный молебенъ за скорое изгнаніе женщины. Къ общей радости монаховъ черезъ нѣсколько дней на Аѳонъ пришла вѣсть, что этотъ пароходъ гдѣ-то разбился и леди по всѣмъ вѣроятностямъ потонула. Тутъ монахи ясно увидѣли перстъ Божій.

Наконецъ третій случай былъ въ пристани Дафны. Въ этой пристани однажды ночью взорвало судно съ грузомъ пороха и взрывъ былъ такъ силенъ, что отъ 16-ти человѣкъ, ночевавшихъ на суднѣ, на другой день нашли въ разныхъ мѣстахъ только двѣ руки и ногу. По какому-то странному случаю отъ этого взрыва уцѣлѣла одна десятилѣтняя дѣвочка, которую выбросило живую, хотя и раненную близь монастыря Ксиропотамскаго. Монахи, конечно, узнали объ этомъ происшествіи и увидѣли въ немъ новое ухищреніе демонское. Послѣ долгаго совѣщанія, они выбрали одного престарѣлаго монаха и поручили ему *вылечить* дѣвочку. Не знаю, чѣмъ лечилъ ее монахъ, только дѣвочка въ тотъ же день умерла. Трупъ ее сбыли на проходящее мірское судно, и самая память о ней сохранилась можетъ быть на нѣсколько дней только въ воображеніи искушающихся. А между тѣмъ она единственная женщина, которой пришлось умереть въ царствѣ монашескомъ, на строго цѣломудренномъ Аѳонѣ.

Подобныя происшествія рѣзко пробуждаютъ страсти аѳонскія и ясно знакомятъ насъ съ тѣмъ жестокимъ воззрѣніемъ на женщину, какое имѣютъ мѣстные монахи. Въ остальное время Аѳонъ сохраняетъ наружное спокойствіе и тишину; борьба съ плотію проходитъ внутреннимъ путемъ, *втайнѣ*, и рѣдкій подмѣтитъ тѣ боли и скорби, съ какою течетъ пустынная жизнь отшельника. Было бы несправедливо винить монаховъ за ожесточеніе и непривѣтливость къ женщинамъ. Оно естественно: Къ этому побуждаетъ монаха простое чувство самосохраненія: онъ боится за самаго себя и за свое загробное счастье, боится тѣхъ мучительныхъ искушеній, какія можетъ возбудить въ немъ одно воспоминаніе о женщинѣ и вотъ онъ ненавидитъ ее всей душою, и даже при случаѣ готовъ повредить ей. Кого же винить въ этомъ? Природу ли? силу ли демонскую, враждебную монашеству, или что другое?.. Не знаю, читатель...

V.

Пустынники.

Старцы-келіоты и ихъ ученики.—Порядокъ келейной жизни.—Каливиты.—Гробничные отшельники. — Скиты и ихъ уставы.—Пещерники.—Странники.—Юродивые.

«Отреченіе отъ своей воли — вѣрный путь къ небу! Послушаніе паче поста и молитвы!» — Такъ говорятъ старцы общежительныхъ монастырей въ назиданіе постригающимся, чтобы заставить ихъ отказаться отъ свободы и подчиниться во всемъ произволу игуменовъ и духовниковъ. Большинство русскихъ пришельцевъ спокойно выслушиваетъ эти рѣчи и довольно легко свыкается съ безотвѣтностью предъ чужой властью. Но для мѣстныхъ жителей такое рабство во имя Христа не легко и не всякій сможетъ его вынести. Иной постриженецъ, привыкшій къ полной самостоятельности въ мірѣ, никакъ не можетъ свыкнуться съ строгимъ формализмомъ монастырскаго устава: то пища ему не нравится, то духовникъ слишкомъ строгъ, то келья тѣсна, и хотѣлось бы ему спасаться какъ и остальная братія спасается, да силъ не хватаетъ... И вотъ онъ поживетъ нѣсколько времени среди разныхъ искушеній, все-таки усиливаясь приноровиться къ общему складу братіи, но потомъ покидаетъ киновію и идетъ по Аѳону искать другаго мѣста, гдѣ бы *удобнѣе* было спасаться.

Если такой монахъ имѣетъ деньги, то обойдя всю гору и ознакомившись съ уставами разныхъ монастырей, онъ обыкновенно кончаетъ тѣмъ, что нанимаетъ у какой-нибудь обители клочокъ земли и строитъ себѣ на немъ *отдѣльную келью*, то есть цѣлый домъ съ приличнымъ помѣщеніемъ въ нѣсколько комнатъ и даже съ отдѣльною церковью, если хватитъ на это капитала. При кельѣ онъ разводитъ огороды, виноградники и другіе хозяйскіе затѣи, и такимъ образомъ дѣлается аѳонскимъ помѣщикомъ. Имѣя надобность въ рабочихъ рукахъ, такой помѣщикъ-келіотъ приглашаетъ къ себѣ *на келью* нѣсколькихъ бѣдняковъ-монаховъ, такъ же какъ и онъ недовольныхъ трудностью монастырской жизни, кормитъ и поитъ ихъ на свой счетъ и за это обязываетъ ихъ отплачивать ему работой. Приглашенные конечно рады такому пріюту, и обѣ стороны начинаютъ сообща спасаться, вполнѣ довольные другъ другомъ. Надо при этомъ замѣтить, что приглашенные, рѣшаясь жить въ чужой кельѣ, нѣсколько подчинены волѣ хозяина и почитаютъ его своимъ *старцемъ*, — хотя бы этотъ старецъ по лѣтамъ былъ моложе остальной братіи, а сами считаются его *учениками*. Старецъ имѣетъ право назначать своимъ ученикамъ разныя работы и послушанія, и даже дѣлается ихъ наставникомъ и утѣшителемъ въ случаѣ разныхъ искушеній. Такое подчиненіе неизбѣжно на Аѳонѣ, гдѣ бѣднякъ осужденъ на вѣчное послушаніе. Впрочемъ власти старца ученики подчиняются очень охотно, и каждый старается ему угодить и заслужить его расположеніе, чтобы старецъ при смерти не обидѣлъ *наслѣдствомъ*. Тутъ въ келейныя отношенія братіи входитъ уже новый элементъ— расчетъ денежный.

Такихъ келій на Аѳонѣ болѣе восьми-сотъ, и всѣ онѣ находятся въ зависимости отъ тѣхъ монастырей, на чьей землѣ построены. Обыкновенно келья, поступивъ по смерти перваго хозяина въ вѣчную собственность монастыря, потомъ отдается въ наймы на условіяхъ, по контракту, и за выполненіемъ этихъ условій строго наблюдаютъ монастырскія власти. По истеченіи срока контракта между монастыремъ и хозяиномъ кельи происходитъ новая переторжка, которая часто кончается тѣмъ, что прежняго хозяина выгоняютъ изъ кельи, а на мѣсто его сажаютъ новаго, болѣе богатаго. Словомъ тутъ бываетъ множество мелкихъ интригъ и тяжбъ, неизбѣжныхъ при денежныхъ сдѣлкахъ.

Каждый старецъ держитъ при себѣ обыкновенно отъ трехъ до пяти учениковъ, а въ нѣкоторыхъ кельяхъ число ихъ доходитъ до десяти, смотря по тому, какова келья и каковъ хозяинъ. Во всѣхъ подобныхъ кельяхъ хотя и соблюдаются многія монастырскія формальности, но все таки въ нихъ преобладаетъ оттѣнокъ семейнаго, домовитаго склада, видна печать мірскаго труда и мірскихъ попеченій. Утромъ рано келіоты собираются въ свои домашнія церкви *), гдѣ одинъ изъ братіи на скорую руку прочитываетъ вслухъ утреню и часы, и затѣмъ, съ восходомъ солнца, всѣ расходятся на работу къ огородамъ и виноградникамъ. Потомъ обѣдаютъ всѣ вмѣстѣ въ сласть или въ проголодь, смотря по капиталамъ хозяина. Послѣ обѣда ложатся отдохнуть, — понѣжиться до вечерни, затѣмъ опять идутъ на работу и работаютъ до самаго ужина. Ужинаютъ келіоты обыкновенно въ шесть часовъ вечера, послѣ ужина читаютъ повечеріе и снова ложатся спать — до утрени. Вотъ весь день келіотскій. По праздникамъ старецъ нанимаетъ гдѣ-нибудь іеромонаха и вмѣстѣ съ братіей

---

*) Келіотскія церкви очень малы, и въ рѣдкой изъ нихъ можетъ помѣститься болѣе десяти человѣкъ. Кельи, не имѣющія церквей, называются каливами, а жители ихъ—каливитами.

слушаетъ обѣдню, а если церкви нѣтъ при кельѣ или денегъ не хватаетъ, то съ вечера всѣ спускаются въ ближайшій монастырь на всенощное бдѣніе и тамъ ночуютъ, чтобы на другой день пріобщиться св. таинъ. Весь складъ и строй этихъ семействъ, ихъ пища и одежда зависитъ конечно отъ образа мыслей и характера старца. Если старецъ строгъ и набоженъ, то и ученики его ходятъ повѣся головы, а если старецъ оставляетъ дѣло спасенья на совѣсть каждаго, то и ученики беззаботны. Во всякомъ случаѣ въ кельяхъ жизнь течетъ гораздо свободнѣе и строгостей меньше, чѣмъ въ монастыряхъ. Въ каждой кельѣ можно найти и винцо хорошее и закуску подчасъ недурную и табакъ крѣпкій, можно услышать говоръ веселый, смѣхъ и даже пѣсни иногда; мѣстность при кельяхъ большею частью роскошная, — погулять есть гдѣ, и при такой правильности и привольи житья на свѣжемъ воздухѣ, при постоянномъ трудѣ физическомъ,—рѣдкій келіотъ не доживаетъ до глубокой старости. Киновіаты шепчутъ, что здѣсь много свободы, а потому больше грѣха и *мірскихъ* искушеній... Правда, что здѣсь уже во многомъ проглядываютъ грѣшки мірскіе, тѣмъ болѣе, что здѣсь замѣшана необходимость копѣйки,—но, посудите сами, развѣ можно прожить на Аѳонѣ безъ искушеній?...

Такимъ образомъ въ кельяхъ подобнаго рода находятъ пріютъ всѣ недовольные стѣснительностью монастырскихъ уставовъ, всѣ тѣ, которымъ слишкомъ трудно отказаться отъ своей независимости. Но есть отшельники особаго настроенья, которые только потому уходятъ изъ монастыря, что тамъ очень много живетъ народа и ищутъ келейной жизни для одной цѣли спасенья. Считая грѣхомъ всякое сношенье съ людьми, даже съ своими братьями-монахами, они даютъ обѣтъ вѣчнаго одиночества, желаютъ имѣть своими собесѣдниками не людей, а одного Бога. Не легко найти пріютъ такому отшельнику; денегъ онъ большею частью не имѣетъ, и потому не можетъ нанять себѣ кельи, и вотъ, побродивъ по св. горѣ, онъ или занимаетъ чью-нибудь давно заброшенную келью, или, отыскавъ уединенный уголокъ, своими собственными руками строитъ себѣ домикъ. Конечно, подобные домики до того малы, что въ нихъ «двоимъ за нужду влѣзть, и то ни встать ни сѣсть,» но пустынникъ и не заботится о просторѣ: было бы только мѣсто, гдѣ укрыться отъ непогоды, а простору для него и на свѣжемъ воздухѣ довольно.

Разъ, прогуливаясь по холмамъ аѳонскимъ, я наткнулся на такого труженика. Въ глуши, подъ крутымъ навѣсомъ горы, онъ одинъ одинешенекъ вмазывалъ камни въ стѣну своей келейки. Подлѣ него въ ямкѣ разведена была глина; тутъ же валялась лопата, ломъ, топоръ и нѣсколько срубленныхъ бревенъ, — больше ничего не было. Келья уже подходила подъ кровлю. Пожелавъ монаху Бога на помочь, я спросилъ давно ли онъ работаетъ?

— Третій мѣсяцъ пошелъ, —отвѣтилъ тотъ;—къ зимѣ кончу.

— И все одинъ?

— Богъ со мной. Приходитъ еще иной разъ братъ со скита;—помогаетъ камни ломать въ горѣ. А то кто жъ еще? у каждаго своя работа.

— Откуда же камни берете?

— Да вотъ тутъ, рядомъ. Тамъ же пока и дача моя.

Онъ показалъ мнѣ на большую выбоину въ скалѣ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ кельи. Вырубая камень, онъ устроилъ себѣ пещерку и тутъ пока живетъ въ ней, дожидаясь кельи. Подивился я такой настойчивости труда и отправился дальше, а монахъ снова принялся вмазывать камни.

Иногда пустынникъ долго не имѣетъ постояннаго пристанища и все это время копитъ деньги, выручая ихъ разными работами по найму. Накопивъ достаточную сумму, онъ скупаетъ себѣ келью по вкусу, заключаетъ съ ближайшимъ монастыремъ условія о продовольствіи, и потомъ уединяется иной разъ на всю жизнь, только развѣ по праздникамъ спускаясь въ монастырь пріобщиться и взять продовольствія. Имущества у него никакого нѣтъ, и потому онъ никогда не запираетъ своей кельи, а чтобы избавиться отъ посторонняго любопытства, онъ, собираясь въ путь, ставитъ у дверей кельи большой деревянный крестъ и идетъ спокойно, въ полной увѣренности, что ни одинъ монахъ не осмѣлится снять этого креста съ дверей *) А бѣсы, какъ извѣстно, креста боятся и потому тоже не заглянутъ къ нему.

— Раза два или три въ годъ келіотъ-одиночникъ позволяетъ себѣ отдохнуть и повеселиться. Это бываетъ въ храмовые праздники ближайшаго монастыря, гдѣ онъ угощается и гуляетъ въ волю, и еще въ прощеное воскресенье передъ великимъ постомъ. Въ этотъ день къ монастырямъ собираются всѣ сосѣдніе келіоты, кромѣ, конечно, строгихъ затворниковъ, и послѣ вечерни, получивъ благословенные сухари **), устроиваютъ расныя *игры*, т. е. бросаютъ въ цѣль камни, гоняются другъ за другомъ и т. п. Съ непривычки страшно видѣть, какъ эти сгорбленные и изнеможенные вѣчнымъ постомъ старики, кряхтя и охая, силятся какъ можно далѣе забросить камень въ море, или съ криками спорятъ о первенствѣ въ игрѣ, точно школьники, которымъ на мигъ дали свободу. Я думалъ сперва, что эти *дѣтскія* игры происходятъ единственно отъ невинности душъ стариковскихъ, но оказалось, что и они имѣютъ здѣсь свой высокій смыслъ. Играющіе, слыша, какъ я въ шутку называлъ ихъ дѣтьми, постоянно отвѣчали мнѣ словами евангелія: «если не будемъ какъ дѣти, —не войдемъ въ царство небесное.»

---

*) Поставленный на дверяхъ крестъ служитъ знакомъ, что хозяина нѣтъ дома. Этотъ знакъ на Аѳонѣ считается неприкосновеннымъ.

**) Въ этотъ день во многихъ монастыряхъ игумены благословляютъ нѣсколько корзинъ съ пшеничными сухарями и сухари раздаются бѣднымъ.

Строгостью и угрюмостью затворнической жизни на Аѳонѣ замѣчательны такъ называемые *гробничные* старцы. Здѣсь, какъ и во многихъ областяхъ Греціи, покойниковъ закапываютъ въ землю только на три года, и по истеченіи этого срока вынимаютъ изъ могилъ ихъ кости, и въ опраставшіяся могилы кладутъ новыхъ покойниковъ, какіе найдутся на лицо *). Вынутыя кости съ разными церемоніями обмываютъ и складываютъ въ подвалы кладбищенскихъ церквей, которые называются гробницами или усыпальницами. При каждой усыпальницѣ на Аѳонѣ находится монахъ, который обязанъ смотрѣть за чистотою и порядкомъ въ склепахъ. Такой монахъ, живя въ гробницѣ, иной разъ до глубокой старости возится съ костями: то онъ разложитъ ихъ въ видѣ полѣнницы, то разбросаетъ снова, чтобы сложить ихъ на другой манеръ: надъ каждой косточкой онъ многое передумаетъ, каждый новый скелетъ встрѣчаетъ съ радостью, какъ новаго товарища; онъ и молится и ѣстъ въ гробницѣ, даже спигъ на костяхъ и черепахъ человѣческихъ, изрѣдка только выглядывая изъ склепа, чтобы подышать чистымъ воздухомъ. Немудрено, что онъ насквозь пропитается мертвечиной и вѣчно сохраняетъ мрачное расположеніе духа. Разъ, осматривая какую-то гробницу, я встрѣтился съ подобнымъ старцемъ. Онъ отъ дряхлости едва держался на ногахъ, и самъ походилъ скорѣе на бродячаго скелета, чѣмъ на человѣка.

---

*) Это, какъ я слышалъ, происходитъ оттого, что при твердости каменистой почвы, трудно всякій разъ рыть новую могилу.

— Чай здѣсь удобно спасаться? спросилъ я его.

— Назидательно! отвѣчалъ тотъ.

— А не страшно?

— Чего же страшно? Свои вѣдь. Все жду, скоро ли мои кости улягутся здѣсь, и кто-то на нихъ спать будетъ!..

— А это что за кости? спросилъ я, указывая на груду костей отложенныхъ всторону.

— Это мірскія.

— Да какъ же ты узналъ, что онѣ мірскія?

— Очень просто. Монашескія всегда чистыя и ровныя бываютъ, а мірскія съ пятнами.

Не знаю, общая ли это примѣта на Аѳонѣ, или гробничный открылъ ее по собственнымъ соображеніямъ,—только онъ говорилъ съ полною увѣренностью.

Многіе пустынники считаютъ лишнимъ развлеченіемъ — частыя путешествія въ монастырь, и чтобы избѣгнуть этого развлеченія, они помѣщаютъ свои кельи недалеко одна отъ другой, въ видѣ селенья, а посрединѣ, на особо приготовленной площадкѣ, строютъ себѣ соборную церковь, гдѣ и совершаютъ по праздникамъ всенощное бдѣніе и обѣдню причастную Въ видѣ распорядителя по хозяйской части пустынники выбираютъ изъ среди своей старосту, называемаго здѣсь *дикеемъ*, который бы заботился о благочиніи службъ церковныхъ, о продовольствіи и выгодахъ братіи. Дикей — нѣчто въ родѣ игумена, только его власть болѣе исполнительная, чѣмъ законодательная, онъ отвѣтственное лицо для переговоровъ съ другими властями аѳонскими, и предъ ними отстаиваетъ интересы братіи. Такое село съ соборною церковью и дикеемъ называется на Аѳонѣ *скитомъ*, и такимъ образомъ аѳонскіе скиты вовсе не походятъ на наши русскіе. Жители скита по цѣлымъ недѣлямъ не видятъ другъ друга, и въ полномъ уединеніи, въ полномъ затворничествѣ, оставаясь въ кельяхъ, молятся въ своихъ домашнихъ церквахъ. Жизнь въ скитахъ вполнѣ аскетическая, воздержаніе особенное, такъ что только по праздникамъ разрѣшается монахамъ вино и масло, а въ остальные дни—сухоядeніе вѣчное. Трапезы общей въ скитахъ не бываетъ и каждый затворникъ самъ заботится о своей пищѣ, поэтому многіе до того простираютъ свое воздержаніе, что и самый хлѣбъ ѣдятъ *съ вѣсу*, т. е. въ обыкновенные дни съѣдаютъ, положимъ, по полуфунту въ день съ кружкой воды, а въ постные дни по четверти фунта съ полкружкой воды, чтобы и въ пищѣ не измѣнить правильности и порядка спасенія. Гостей не жалуютъ скитяне, и чтобы меньше шлялось къ нимъ празднаго народу, они строютъ свои скиты на неприступныхъ мѣстностяхъ и съ такими путями сообщенія, по какимъ не всякій пройти рѣшится. Всѣхъ скитовъ на Аѳонѣ двѣнадцать, въ числѣ которыхъ есть два русскіе: св. Ильи и Серайскій *), и всѣ они, какъ и обыкновенныя кельи, находятся въ зависимости отъ того монастыря, на чьей землѣ построены, и платятъ ему дань.

Пустынники, отказавшіеся отъ сношенія съ людьми отказавшіеся даже отъ скитской жизни, обыкновенно живутъ въ одиночку. Нѣкоторые изъ нихъ строятъ свои кельи среди красивой, заманчивой мѣстности, чтобы можно было иногда развлечься хотя природой, но другіе и этого развлеченья боятся, и нарочно помѣщаются, въ такихъ глухихъ трущобахъ, гдѣ даже и взглянуть не на что. Есть кельи, помѣщенныя съ изумительнымъ самоотверженіемъ на страшныхъ крутизнахъ и обрывахъ, на которые можно взобраться только съ помощью веревочныхъ лѣстницъ, съ опасностью разбить себѣ голову. Кто былъ на Аѳонѣ, тотъ вѣроятно никогда не забудетъ неприступности келій Керасіи и Каруль *) (прославленныхъ разными чудесами), мѣстоположенію которыхъ вся гора дивится.

---

*) Эти два скита впрочемъ рѣзко выдаются изъ уровня остальныхъ скитовъ. По внутреннему устройству зданій и образу жизни они болѣе походятъ на наши русскіе скиты, чѣмъ на аѳонскіе.

Многіе бѣдняки затворники живутъ просто въ пещерахъ, ямахъ и скважинахъ скалъ, и только въ случаѣ холодной зимы ищутъ пріюта въ сосѣднихъ кельяхъ.

Устранивъ отъ себя всѣ развлеченья и обезопасивъ свое помѣщеніе отъ незванныхъ гостей, затворникъ денно и нощно предается дѣлу спасенья. Тутъ уже силою собственной воли, съ стоической твердостью онъ предпринимаетъ все, что можетъ изнурить и обезсилить его неповинную плоть. Ѣстъ онъ на столько, чтобы не умереть съ голоду, спитъ на битыхъ и острыхъ камняхъ, молится и плачетъ бѣдный. Я не видалъ, чтобы эти отшельники носили вериги или власяницы, но видалъ какъ они въ видахъ изнуренія плоти, камни таскаютъ. Спустится затворникъ къ морю, наберетъ въ мѣшокъ песку или каменьевъ и съ этою ношею тащится по крутизнамъ въ гору до тѣхъ поръ, пока не обезсилѣетъ и не свалится. Отдохнувъ нѣсколько минутъ, онъ идетъ дальше, до самой кельи. Такая работа предпринимается послѣ долгихъ неотвязчивыхъ искушеній, на

---

*) Каруля построена на утесѣ, нависшемъ надъ моремъ. Изъ кельи ежедневно спускаютъ къ морю на веревкѣ корзину, въ которую проѣзжающія суда кладутъ съѣстные припасы. Этимъ подаяніемъ питаются неустрашимые жители кельи.

страхъ демонамъ, и опытные монахи говорятъ, что это средство самое дѣйствительное: послѣ двухъ трехъ такихъ путешествій—всякое искушеніе пропадаетъ.

Пища затворника состоитъ изъ вареныхъ и сырыхъ растеній. Ѣдятъ они винныя ягоды, картофель и хлѣбъ, а больше бобы да горохъ, и вообще тяжелую пищу, чтобы *казаться* сытнѣе. Эту пищу приносятъ имъ монахи по условію. Нѣкоторые новички, пріучая себя къ воздержанію, туго затягиваются ремнями или носятъ широкій поясъ, который плотно обтягиваетъ желудокъ и повидимому уменьшаетъ аппетитъ *). Чѣмъ же наконецъ, поддерживается бѣдная жизнь затворника? Какими соками питается мозгъ его? — Не знаю! Спрашивалъ я объ этомъ самихъ монаховъ, но мнѣ отвѣчали, что этой тайны мірскому человѣку понять невозможно; что чѣмъ больше изнуряется плоть, тѣмъ чище становится душа, постепенно отвлекаясь отъ всего земного. Голова отъ поста становится легче, а потому монахъ и искушается меньше. И много въ этомъ родѣ говорили мнѣ монахи, но къ несчастью всего не могу припомнить.

Не смотря на такое изнуреніе, искушеній у пустынника все-таки бываетъ очень много, только эти искушенія особаго рода. Тутъ главную роль играютъ разныя *видѣнія*, которыя демонъ рисуетъ затворнику, пользуясь его уединеніемъ. Отказавшись отъ людей и отъ потребности живаго слова, среди вѣчнаго молчанія и тишины, затворникъ очень естественно предается разнымъ размышленіямъ. Голова его работаетъ напряженно, фантазія рисуетъ разныя диковинки. Въ это время, по признанію самихъ монаховъ, ему ясно вспоминаются всѣ мірскіе разсказы о разныхъ привидѣніяхъ, всѣ мифическія преданія народныя, весь міръ глубокаго суевѣрія,—и все это въ лицахъ проходитъ предъ нимъ, представляется такъ живо и неотразимо, что на монаха нападаетъ страхъ, и ожиданіе всякихъ чудесъ начинаетъ мучить его. Нервы затворника до такой степени настроиваются ко всему чудесному и небывалому, и такъ дѣлаются чутки, что часто обыкновенное явленіе природы: шорохъ листьевъ, паденье камня или быстрое дуновенье вѣтра приводитъ въ ужасъ отшельника и заставляетъ его читать заклинанья. Если онъ не понялъ настоящей причины шума, то непремѣнно объясняетъ ее силою неестественною, и потомъ говоритъ о ней, какъ о чудѣ.

---

*) Такіе пояса продаются въ Кареѣ и имѣютъ огромный сбытъ. Кажется ихъ нарочно приготовляютъ для аѳонскихъ монаховъ въ окрестныхъ городахъ.

Грамотные отшельники, для большаго изученія житія пустыннаго, часто занимаются чтеніемъ четьи-миней и разныхъ жизнеописаній древнихъ подвижниковъ, въ жизни которыхъ, какъ извѣстно, было очень много чудеснаго. Стараясь подражать ихъ подвигамъ, они съ напряженнымъ вниманіемъ ждутъ тѣхъ же чудесъ и искушеній, какія случались въ глубокой древности,—искушенія конечно являются и чудеса во очію совершаются...

Какой-то затворникъ разсказывалъ мнѣ объ одномъ чудѣ и я передаю разсказъ его, чтобы познакомить читателей съ тѣми видѣніями, какія часто монахи видятъ на Аѳонѣ.

«Было много у меня разныхъ видѣній: то вдругъ женщина явится въ воздухѣ и пропадаетъ, то всякія страшилища кажутся, то вдругъ послышится голосъ чей-то, все это истомило меня, и я просилъ у Господа помощи. Недавно Господь умиротворилъ меня молитвою. Я молился цѣлый день, не сходя съ мѣста, передъ иконой Богородицы, молился такъ, какъ рѣдко молюсь... Подъ вечеръ, оканчивая молитву и напрягая послѣднія силы, я замѣтилъ вдругъ, что на иконѣ свѣтъ появился, такой свѣтъ, что даже ликовъ не стало видно за свѣтомъ. Голова у меня закружилась, шатаясь выбѣжалъ я изъ кельи, а тамъ куда ни взгляну, вездѣ вижу отблескъ того божественнаго свѣта. Закрылъ глаза, а передъ глазами радужные круги пошли... потомъ слышалъ шумъ какой-то въ воздухѣ и когда открылъ глаза, уже ничего не было: по прежнему тьма кромѣшная. Чудо ли это было, или дьявольское навожденье,— не знаю. Въ попыхахъ позабылъ во время видѣнья крестъ на себя наложить...»

Другой разсказалъ мнѣ, какъ во время долгой и сосредоточенной молитвы, ликъ иконы ему представился живымъ, и молящемуся показалось, что икона *мигнула*. Третьяго демонъ ночью душилъ, и монахъ успѣлъ явственно разглядѣть его безобразную фигуру, о которой онъ долго разсказывалъ братіи. Къ четвертому какъ-то пѣтухи зашли. Онъ сначала такъ и принялъ ихъ за пѣтуховъ, но размысливъ хорошенько, онъ убѣдился, что это не пѣтухи, а ангелы, принявшіе видъ пѣтушиный *). И много видѣній подобнаго рода видятъ затворники аѳонскіе, и эти видѣнья очень естественны при мрачной обстановкѣ, окружающей затворника, и при его настроенности ко всему чудесному. Что касается до чудесъ, выходящихъ изъ круга обыкновенныхъ явленій, то такихъ на Аѳонѣ при мнѣ не случалось и всѣ чудеса, описанныя у Святогорца, происходили вѣроятно въ одно время съ тѣми чудесами, о которыхъ повѣтствуютъ наши четьи-менеи и другія священныя книги.

Въ такомъ-то вѣчно тревожномъ, болѣзненномъ состояніи долго томится затворникъ, пока наконецъ не свыкнется съ нимъ, или не сбѣжитъ куда нибудь. Но если въ теченіи нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ монахъ сживется съ своимъ уединеньемъ и даже полюбитъ его, тогда его уже меньше одолѣваютъ мірскіе помыслы, и онъ понемногу пріобрѣтаетъ то безстрастіе, къ которому, какъ къ вѣнцу монашества, стремится каждый затворникъ. Хладнокровно онъ переноситъ тогда всѣ неудачи и лишенья; его ничто ни удивитъ, не обрадуетъ, не вызоветъ сожалѣнья; ни одно чувство не прорвется сквозь этотъ блаженный застой, который онъ такъ долго выработывалъ. Если такого монаха поставить подъ дерево и пилить это дерево, онъ не сойдетъ съ мѣста; при видѣ падающаго камня онъ не свернетъ съ дороги; онъ вѣритъ, что этотъ камень безъ воли Божіей не убьетъ его, и потому не станетъ мѣшать этой волѣ.

---

*) Подобное чудо разсказано въ первомъ изданіи писемъ Святогорца.

Безстрастіе отшельниковъ особенно рѣзко проявилось при мнѣ во время сильнаго землетрясенія, бывшаго на Аѳонѣ 10 августа 1859 г. Я былъ тогда въ Хиландарскомъ монастырѣ, и при первомъ трескѣ и колебаніи зданій въ ужасѣ бросился бѣжать куда глаза глядятъ. Встрѣчные монахи съ недоумѣніемъ глядѣли на мое бѣгство.

— Куда вы?—спрашивали они меня.

— Какъ, куда? Землетрясеніе! потолки упасть могутъ...

— Не упадутъ. На что же у насъ владычица-то въ церкви стоитъ! Ея дѣло спасать.

И ни одинъ монахъ не тронулся съ мѣста, тогда какъ при малѣйшемъ ударѣ землетрясенія у обыкновенныхъ людей ноги бѣгутъ сами собою, и нѣтъ силъ удержаться.

Скитъ св. Анны расположенъ на небольшихъ каменныхъ уступахъ подъ навѣсомъ главной вершины Аѳона. Во время землетрясенія съ этой вершины посыпались громадные осколки камня и перелетая черезъ скитъ, съ грохотомъ падали въ море. Если бы одинъ такой камень задѣлъ по скиту, онъ бы разбилъ его въ дребезги; весь скитъ былъ засыпанъ мелкимъ щебнемъ. А изъ монаховъ ни одинъ не вышелъ изъ скита. Всѣ труженики спасенья, не торопясь, собрались въ соборную церковь и ждали смерти, говорятъ, такъ же спокойно, какъ мы ожидаемъ сна.

Намъ мірянамъ, слишкомъ привязаннымъ къ жизни, непонятно такое самоотверженіе. Молодые монахи, еще не отвыкшіе отъ міра, сами дивятся этой холодности къ жизни и стараются достигнуть ее путемъ долгой постепенности. Интересно было бы знать, что думаютъ эти затворники объ остальномъ людѣ, и каковы ихъ воззрѣнія на міръ и жизнь земную?... Я видѣлъ одного старца, который *семдесятъ* лѣтъ спасается на Аѳонѣ и изъ этихъ 70 лѣтъ около 40 лѣтъ прожилъ затворникомъ гдѣ то въ уединенной кельѣ. Мнѣ показывали его, какъ предметъ всеобщаго уваженія. Вглядываясь въ его пожелтѣвшую и обмертвѣвшую фигуру и въ его безжизненные, гнойные глаза, я только дивился, какимъ образомъ этотъ человѣкъ при такихъ подвигахъ могъ прожить такъ долго? Старикъ до глубокой старости владѣлъ *даромъ слезъ*, то есть все еще оплакивалъ прошлые грѣхи свои, за которые ему до сихъ поръ Богъ не даетъ смерти. Жалко было видѣть эти стариковскія слезы и эту мучительную жажду смерти, которой давно уже требуетъ его измозженное подвигами тѣло...

Есть еще на Аѳонѣ особый разрядъ отшельниковъ, которые не имѣютъ никакого постояннаго убѣжища, и всю жизнь прогуливаются изъ монастыря въ монастырь, съ кельи на келью. Такой странникъ вѣчно движется по Аѳону съ котомкой за плечами; гдѣ удастся переночуетъ, а то гдѣ-нибудь развѣситъ свою ряску, въ видѣ шалаша, чтобы солнце не пекло, и проводитъ нѣсколько дней въ уединенной молитвѣ. Иногда онъ наймется въ работу, но работа у него съ непривычки не клеится; его, конечно, выгоняютъ и пойдетъ онъ опять съ своей котомкой, куда глаза глядятъ. Денегъ понадобится страннику—онъ идетъ къ монастырскимъ воротамъ, гдѣ отъ привратника получаетъ милостыню, хлѣба захочетъ,—спроситъ въ любой кельѣ: дадутъ—ладно, не дадутъ—идетъ къ источнику св. Афанасія, а тамъ прохожіе всегда оставляютъ хлѣбъ для проголодавшихся. И такъ бродитъ онъ до глубокой старости, пока смерть ему ноги не подкоситъ. Спасенья ли ради предпринимаются эти подвиги, или только по неохотѣ къ труду?—разузнать не могъ я.

Юродивыхъ и кликушъ на Аѳонѣ не видно, вѣроятно потому, что тамъ некого дивить подобными выходками. Есть только одинъ сановитый монахъ, который почему-то любитъ пѣтухомъ пѣть. Соберутся къ нему гости и просятъ умильно: «Отецъ Іосифъ! пропой, голубчикъ, пѣтушкомъ!» — И вотъ о. Іосифъ тотчасъ размахнетъ рукавами рясы, будто крыльями, и громко, голосисто, трижды прокричитъ: *кукареку!!!*... Такъ онъ и извѣстенъ всему Аѳону подъ именемъ «Пѣтушка.» Старцы говорятъ, что онъ юродствуетъ; но мнѣ кажется, что о. Іосифъ поетъ пѣтухомъ по простотѣ своей, не имѣя при этомъ никакихъ возвышенныхъ цѣлей.

VI.

ОБРАЗЦЫ МѢСТНАГО ПОДВИЖНИЧЕСТВА.

Старцы-пустынники: Сисой и Анѳимъ.

Дѣло было въ воскресенье, слѣдовательно былъ праздникъ; а праздникъ на Аѳонѣ тѣмъ только и отличается отъ будней, что всю ночь монахи молятся, а днемъ спятъ. Молча сидѣлъ я въ своей уединенной комнаткѣ, не зная куда дѣваться отъ скуки. Меня тоже начали одолѣвать искушенія монашескія: взгрустнулось по родинѣ, захотѣлось общества, жизни, свободы... Дѣлать ничего не хочется, перо изъ рукъ валится; сталъ было со скуки читать вслухъ какой-то акафистъ—плохо выходитъ; заглянулъ въ окно, и тамъ нечѣмъ разсѣяться. За окномъ все замерло, нигдѣ ни звука, ни движенья, раскаленный воздухъ струится точно на пожарѣ; маслины, лавры и каштаны нагнулись, скорчились, и точно стараются укрыться отъ жара подъ собственною тѣнью, — и все это облито какимъ-то огненнымъ оттѣнкомъ, такъ что глазамъ смотрѣть больно... Посмотрѣлъ немного и опять принялся за акафистъ. И можетъ быть долго пришлось бы мнѣ просидѣть такъ, если бы меня не выручилъ одинъ другъ, съ которымъ мы часто прогуливались по окрестностямъ. То былъ о. Лукіанъ, монахъ изъ Руссика, сопровождавшій насъ въ путешествіи по св. горѣ, человѣкъ разбитной, веселый и знающій всѣ закоулки Аѳона, какъ свои пять пальцевъ.

— Благословите! сказалъ онъ входя.

— Благословляю.

— Что вы тутъ дѣлаете?

— Да вотъ хандрю.

— Хандрить грѣхъ. Пойдемте-ка лучше гулять куда-нибудь, а то что такъ сидѣть? Вредно.

— А чтожъ вы не отдыхаете послѣ бдѣнія?

— Признаться грѣшенъ я, искушеніе: на бдѣніи за кафизмами соснулъ маленько. Послѣ, какъ слѣдуетъ, протянулъ четки, а все таки легче стало какъ соснулъ. Что жъ? Идете?

— А куда мы пойдемъ.

— Богъ укажетъ куда. Да вотъ сходимте-ка къ отцу Сисою на келью! онъ изъ хохловъ, но монахъ хорошій: слишкомъ двадцать лѣтъ въ пустынѣ живетъ. Тамъ славная лужайка есть, искушеніе! Посидѣть можно.

— Пожалуй, пойдемте!

Запаслись мы кубышкой съ водою, вооружились зонтикомъ и вышли изъ монастыря. О. Лукіанъ былъ проводникомъ и повелъ меня вдоль монастырскихъ водопроводовъ, надъ русломъ засохшаго потока. Тропинка такъ крута и такъ страшно лѣпится по самому обрыву скалы, что не всякій рѣшился бы пройдти по ней. Мѣстами приходилось взбираться, придерживаясь за сучья деревьевъ, нависшихъ надъ пропастью.

Наконецъ выбрались мы на площадку. Тамъ, прижавшись къ склону холма, стоитъ одинокая, полуразрушенная келья съ церковью. Она густо обросла дремучимъ лѣсомъ орѣшника, сверху до низу опуталась вѣтками плюща и винограда, такъ что только въ двухъ шагахъ можно примѣтить въ этой массѣ зелени жилье монашеское. Лукіанъ постучалъ въ шаткую дверь и она отворилась: не заперта была. Мы вошли въ грязный и пыльный чуланъ, заваленный стружками и разнымъ хламомъ. На первомъ планѣ громоздится огромная русская печка; подлѣ нея сломанный табуретъ; обрубокъ дерева вмѣсто стола и на немъ разбросано нѣсколько инструментовъ для рѣзьбы деревянныхъ ложекъ. На растрескавшейся стѣнѣ прилажена большая икона, предъ которой повѣшено трое нитяныхъ четокъ. Изъ этой комнаты идетъ дверь направо въ темный покосившійся коридоръ, который раздѣляетъ келью на двѣ ровныя половины, и чего-чего нѣтъ въ этихъ половинахъ: тутъ русская шуба валяется, и ужинъ припасенный къ вечеру (картофель, сваренный съ перцомъ), сухари, ведра, и т. п. Келья заканчивается крошечною церковью, въ которой захожіе іеромонахи служатъ иногда обѣдню. Длина церкви отъ порога до иконостаса три шага, высота, вмѣстѣ съ куполомъ *), не болѣе сажени, такъ что кто повыше ростомъ, тотъ легко можетъ достать рукою крюкъ, на которомъ виситъ люстра съ четырьмя свѣчами. Иконостасъ дѣлитъ церковь на двѣ ровныя части, потому что молящихся здѣсь всегда бываетъ столько же сколько и служащихъ, т. е. одинъ на одинъ. Все пошатнулось, растрескалось, нависло и кажется готово обрушиться при малѣйшемъ ударѣ землетрясенія, такъ что невольно подивишься смѣлости отца Сисоя, живущаго здѣсь, какъ видно, очень спокойно.

Надышавшись вдоволь спертымъ воздухомъ кельи, мы вышли изъ нея. Вокругъ тишина мертвая. Передъ кельей, на покатистой площадкѣ, разведенъ огородъ и на немъ растетъ тыква и огурцы. За огородомъ оврагъ, за оврагомъ рядъ овальныхъ холмовъ, покрытыхъ лѣсомъ, а далѣе видно море и длинной синевой растянулись по горизонту далекіе берега Македоніи. Словомъ, одинъ изъ тѣхъ пустынныхъ, задумчивыхъ видовъ, какихъ много на Аѳонѣ.

Вотъ и самъ хозяинъ показался изъ рощи съ кучей валежника на спинѣ, угрюмый, сгорбленный, но еще не старый. На немъ изодранная душегрѣйка и старенькая ряска; сбоку четки висятъ.

— Благослови, отче!—сказалъ Лукіанъ подходя къ Сисою.

---

*) На Аѳонѣ каждая церковь, какова бы ни была ея величина, строится непремѣнно съ полусферическимъ куполомъ.

— Богъ благословитъ,—отвѣтилъ тотъ.

— Мы къ тебѣ въ гости пришли.

— Пожалуйте! но угощать не буду: нечѣмъ.

Сисой отворилъ дверь въ келью, и аѳонское приличіе заставило насъ снова войдти въ ту же грязную комнату. Дверь осталась открытою. Сѣли мы гдѣ попало и долго никто не говорилъ ни слова.

— Это твоя келья, отче?—спросилъ я, чтобъ начать бесѣду.

— Нѣтъ, не моя.

— А чья же?

— Божья...

— Да какъ же ты въ чужой кельѣ живешь?

— Да такъ, живу. Тутъ уже давно никто изъ людей не живетъ: боятся,—прибавилъ онъ, въ видѣ оправданія, оглядывая меня съ головы до ногъ.

— А много лѣтъ ты живешь тутъ?

— Не помню. Не считалъ.

— Тутъ должно быть опасно жить, отче! гляди какъ потолки-то нависли. Случись землетрясеніе, такъ и убьетъ пожалуй.

— Землю трясетъ Богъ, а не люди. Его воля...

— А слышалъ ты, о. Сисой, про наше-то горе? спросилъ его Лукіанъ. Въ прошлое землетрясеніе нашъ монастырь такъ разшатало, что братскій корпусъ еле держится.

— Слава Богу! отвѣтилъ ему Сисой.

— Чего жъ ты радуешься?

— Господь посѣщаетъ васъ, такъ и радуюсь.

Мы молчали. Лукіанъ переминался, придумывая какъ бы заговорить въ душеспасительномъ тонѣ: а я глядѣлъ въ открытую дверь, на красивую мѣстность кельи.

— Славные у васъ тутъ виды какіе!—проговорилъ я—залюбоваться можно.

Сисой холодно оглянулъ мѣстность и не отвѣтилъ ничего. Я сталъ разсматривать угрюмую фигуру отшельника. Сидитъ онъ неподвижно и упорно въ землю смотритъ. Выраженіе лица сдержанное, холодное, апатичное. Глаза и щеки глубоко ввалились и почернѣли. Въ самомъ спокойствіи его проглядываетъ что-то неестественное, нечеловѣческое, видно, что не безъ труда досталось ему это тяжелое спокойствіе... Сидитъ Сисой какъ статуя; по клочьямъ его рубища спокойно разгуливаютъ муравьи и разныя другія насѣкомыя, но ему до этого дѣла нѣтъ. Вотъ огромный лѣсной червякъ вползъ къ нему на шею и норовитъ прогуляться по лицу сысойскому. Я поднялъ прутикъ и рѣшился помѣшать ему въ этой прогулкѣ. Сисой очнулся и поглядѣлъ на меня.

— Чего ты? спросилъ онъ.

— Да вотъ хочу червяка сбросить съ тебя. Гляди какой огромный.

— Не тронь, не тронь тварь божію! Пусть ползетъ куда ему надо. Ему, значитъ, такъ отъ Бога указано

— А если укуситъ?

— Такъ меня укуситъ, а не тебя.

Мнѣ опять пришлось замолчать и подивиться спокойствію о. Сисоя «Такъ погоди же, думаю, разшевелю я тебя!» И недобрая мысль появилась въ головѣ моей.

— А что, отче, еслибы вдругъ къ тебѣ сюда женщина пришла? — спросилъ я.

Лукіанъ вздрогнулъ отъ неожиданности подобнаго вопроса и быстро оборотился ко мнѣ. Сисой съискоса посмотрѣлъ на меня и сейчасъ же отвернулся.

— Какая женщина? — спросилъ онъ, подумавъ.

— Такая, какъ и всѣ женщины бываютъ. Положимъ, молодая, красивая...

— Да откуда жъ она возьмется? Мы женщинъ обыкновенно крестнымъ знаменіемъ гоняемъ.

— Не видѣнье, а настоящая женщина, съ плотью и кровью. Пришла бы, положимъ, какъ-нибудь изъ Солуня, и стала именемъ божiимъ просить у тебя совѣта...

— Охота тебѣ говорить такiя вещи,—Сисой сплюнулъ.

— Да нѣтъ, ты скажи, отче, чтобы ты сдѣлалъ? Научи меня?

— Я бы тогда взялъ въ примѣръ древнихъ египетскихъ подвижниковъ. Чтобы удержать свою плоть въ послушанiи, я развелъ бы огонь въ жаровнѣ и держалъ бы въ огнѣ свою руку все время, пока говорилъ съ женщиной. Вотъ что я сдѣлалъ бы!..

Я на это ничего не могъ сказать. По силѣ и обдуманности выраженiя нельзя было сомнѣваться въ искренности этихъ словъ отца Сисоя и въ громадной стойкости его характера. Лукiанъ съ торжествомъ взглянулъ на меня. Сисой поднялся.

— Простите, *отцы!* сказалъ онъ:—мнѣ время пойти на работу.

И взявъ топоръ, онъ медленно побрелъ въ рощу, гдѣ и скрылся за деревьями *).

— Зачѣмъ вы заговорили о женщинѣ? быстро спросилъ меня Лукiанъ.

— А что?

— Да можетъ онъ искушаться будетъ.

— Нѣтъ, такой не будетъ искушаться. Зато я узналъ теперь силу здѣшнихъ подвижниковъ.

— Да, сила великая!.. и Лукiанъ задумался.

---

*) Черезъ нѣсколько дней послѣ этого я встрѣтилъ Сисоя уже въ монастырѣ, куда онъ приплелся, со всѣмъ своимъ имуществомъ послѣ несчастья постигшаго его дачу. Сильнымъ дождемъ снесло въ пропасть огороды Сисоя и подмыло въ конецъ его келью. Незамѣтно было, что это несчастiе огорчило Сисоя: онъ попрежнему шепталъ: «слава Богу!»

— Знаете ли, что мы теперь сдѣлаемъ! — сказалъ онъ черезъ нѣсколько минутъ: — я вечерню протяну ужо на четкахъ, а пока сходимте къ отцу Анфиму. Онъ живетъ недалеко отсюда, только въ гору лѣзть придется.

— А у него тоже келья?

— Нѣтъ, онъ зиму и лѣто спасается въ пещерѣ. Вотъ ужъ истинно, что подвижникъ. Вы еще не видали такихъ. Онъ изъ грековъ.

— Такъ что жъ, пойдемте! Заодно ужъ! — И пошли.

За возвышенностью, на которой стоитъ келья Сисоя, круто громоздится гора, заросшая каштановымъ лѣсомъ. Верхушка горы голая, дикая, точно кто нарочно навалилъ туда груду исполинскихъ камней и потомъ разметалъ ихъ по скату. Между каменьями чернѣются широкія скважины и на одну изъ нихъ указалъ мнѣ Лукіанъ, какъ на жилище Анфима.

Тропинка, промытая дождевыми потоками, лѣпится утомительно круто, подъ ногами то и дѣло скользятъ да прыгаютъ камни; но съ частыми перемежками и отдыхами добрались-таки мы до мѣста. Тамъ, между двухъ камней, въ темномъ углубленіи, увидѣли мы стѣнку, прикрытую сверху хворостомъ, а въ стѣнкѣ дверь. Лукіанъ постучался и прочелъ молитву, но отвѣта не было. Думая, что затворника нѣтъ дома, онъ стукнулъ пошибче, дверь пріотворилась и мы увидѣли Анфима. То былъ сѣдой, какъ лунь, старикъ, одѣтый въ порыжѣвшее отъ времени лохмотье. Онъ стоялъ къ намъ спиною, передъ иконой, и тянулъ четки. Въ кельѣ темно; свѣтъ едва проникалъ въ небольшое отверстіе надъ дверью. Постели никакой не было. У правой стѣнки мы замѣтили полку; на полкѣ стоялъ кувшинъ и черепъ человѣческій *). Мы постояли въ дверяхъ нѣсколько минутъ,

---

*) Многіе келіоты держатъ въ своихъ кельяхъ черепы, для назидательныхъ размышленій надъ ними.

но старикъ даже не оглянулся и такъ же мѣрно и спокойно продолжалъ свою работу.

— Пойдемте! шепнулъ мнѣ Лукіанъ: — а то помѣшаемъ.

Я вышелъ не безъ удовольствія. Тяжело стало на сердцѣ при видѣ такой обстановки; я въ самомъ дѣлѣ не видалъ еще ничего подобнаго. Мы сѣли на камнѣ подлѣ дверей. Мѣстность дикая; вокругъ одинъ только голый, раскаленный камень. Отсюда не видно ни моря, ни растительности окрестной, значитъ подвижникъ отказался даже отъ наслажденія видами природы,—подвигъ уважаемый на Аѳонѣ. Сзади кельи, въ ямкѣ, видны пепелъ и уголья, гдѣ вѣроятно Анфимъ готовитъ себѣ кушанье; тутъ же стоитъ жестяное ведро съ водою.

— А могилу-то видите? спросилъ Лукіанъ.

— Какую могилу?

— А вонъ: съ боку-то. Самъ вырылъ. Тутъ онъ часто и спитъ въ ней, чтобы вѣчно быть на готовѣ къ смерти...

Я теперь только замѣтилъ яму, вырытую подлѣ кельи. Въ ямѣ было сдѣлано каменное изголовье и надъ нимъ воткнутъ въ землю крестъ деревянный.

— Видно трудно ему жить, коли такъ о смерти заботится! проговорилъ я,

— Еще бы! отвѣтилъ Лукіанъ. Вѣдь онъ говорятъ, въ мірѣ бариномъ жилъ, наученъ былъ всему по книгамъ, да все бросилъ ради царствія небеснаго, когда Господь призвалъ его ко спасенью. Сперва Анфимъ въ монастырѣ спасался и все читалъ божественныя книги, чтобы даскаломъ (учителемъ) быть на св. горѣ. За эту-то гордость Господь его и смирилъ. Духовникъ строго запретилъ ему читать книги, посты даже налагалъ, да не послушалъ: вотъ и сталъ лукавый смущать его разными мудрованіями человѣческими. Началъ отецъ Анфимъ раздумывать о такихъ догматахъ, какихъ нашему слабому уму въ вѣкъ не постигнуть, ну, конечно и впалъ въ прелесть бѣсовскую. На волосокъ былъ отъ погибели, да Богъ не допустилъ за молитвы братіи. Видѣлъ онъ видѣніе какое-то и послѣ того сряду же простился со всѣми и ушелъ въ пустыню. Съ тѣхъ поръ вотъ все и живетъ здѣсь одинъ одинешенекъ, даже къ монастырю не спускается никогда; а пищу и причащеніе ему одинъ іеромонахъ носитъ,—бывшій ученикъ его.

— А что же книги?

— Всѣ въ монастырѣ оставилъ. Теперь даже молится по четкамъ, а въ книги и не глядитъ, потому боится прежнихъ искушеній. Долго пересиливалъ онъ эти искушенія, а теперь ничего: привыкъ. Говоритъ, что и читать-то совсѣмъ забылъ; хоть подавай книгу,— не разберетъ.

— Значитъ, давно спасается?

— Давно. Лѣтъ сорокъ слишкомъ будетъ. Когда я прибылъ на св. гору, такъ онъ уже въ пещерѣ жилъ; а съ той поры двѣнадцатый годъ пошелъ... Да вотъ онъ и самъ на лицо.

Лукіанъ подошелъ къ Анфиму и обычнымъ порядкомъ попросилъ у него благословенія. Анфимъ не отвѣтилъ ему, и, не выходя изъ кельи, пристально оглядывалъ меня съ видимымъ недоумѣньемъ.

— Кто это? спросилъ онъ по гречески у Лукіана.

— Кто? Извѣстно рабъ Божій. Чего спрашиваешь?

Анфимъ не говоря ни слова сейчасъ же бросился въ ноги.

— Прости меня, отче! Мірянъ-то я давно не видалъ, такъ потемнѣніе напустилъ лукавый. Прости меня!

— Богъ да проститъ,—отвѣтилъ Лукіанъ растерявшись.

Мы усѣлись на каменьяхъ. Анфимъ не зналъ что дѣлать съ гостями. Онъ долго торопливо переходилъ то въ келью, то обратно къ намъ и наконецъ, принесъ намъ по винной ягодѣ и по кружкѣ воды. Мы стали угощаться, а хозяинъ присѣлъ къ сторонкѣ на камень и бросалъ робкіе взгляды на меня и на Лукіана.

— Ты русскій? спросилъ онъ меня наконецъ.

— Русскій.

— А! русскій, значитъ православный; а я думалъ, что франкъ *). Что жъ, скоро вы будете освобождать Византію? а?

— Не знаю еще, отче.

Мнѣ странно было слышать этотъ патріотическій вопросъ въ такой глуши, и отъ человѣка давно проклявшаго міръ и его радости. Но Анфимъ былъ видимо не доволенъ собой и шепталъ молитву. Неужели онъ раскаявался въ этомъ невольномъ проблескѣ чувства?.. Жалко стало старика.

— Какъ ты зиму здѣсь живешь, отче? Вѣдь холодно?

Анфимъ посмотрѣлъ на меня внимательно, и улыбнулся той снисходительной и вмѣстѣ строгой улыбкой, какой улыбаются глядя на дѣтей, когда они что-нибудь глупое спросятъ.

— А холодъ кто даетъ намъ?—спросилъ онъ въ свою очередь.

— Знаю, что Богъ, но все-таки, если не поберечься, такъ захворать и умереть можно.

— Такъ что же? Все отъ Бога. Коли слишкомъ трудно сдѣлается, такъ огонь развести можно; на то и огонь данъ, чтобы согрѣвать и питать тѣла наши по нашей слабости. А смерти бояться нечего: смертью тотъ же владыка правитъ. Мірянинъ долженъ бояться смерти, а монахъ нѣтъ. А почему? Потому что мірянинъ всю жизнь объ одномъ тѣлѣ заботится, въ тѣло

---

*) Франками нынѣшніе греки называютъ вообще всѣхъ европейцевъ.

и обращается; а монахъ въ душу живу. Тѣло умретъ и сгніетъ, а душа нѣтъ; вотъ вы и боитесь смерти, гнить вамъ не хочется...

— Да вѣдь безъ тѣла не прожить, отче!

— А беречь его тоже не слѣдуетъ. Что наше тѣло?.. Анфимъ взялъ щепотку земли, показалъ ее мнѣ и потомъ бросилъ въ могилу.—Вотъ наше тѣло! Въ этомъ вся жизнь мірская...

Старикъ говорилъ глухо, отрывисто, будто разсуждалъ самъ съ собою.

— Трудно жить здѣсь, отче! сказалъ я.

— Да! мірскимъ трудно. Здѣсь не міръ.

— Монаху, кажется, еще труднѣе; искушеній много.

— А все легче чѣмъ мірскому. Есть вѣдь и въ рясахъ міряне, это тѣ монахи, которымъ все еще любится міръ. А настоящій монахъ, какъ скажетъ клятву, такъ и перерождается: принимаетъ *второе крещеніе* для жизни новой... Онъ уже умеръ для міра. Онъ трупъ... Знаешь ты, чего монахъ отрицается и въ чемъ клятву даетъ?

— Знаю.

— Прочитай!

— Наизустъ не помню, но слышалъ, отче, и знаю, что клятва страшная.

— Такъ слушай же, я прочитаю тебѣ!... Я каждый день повторяю обѣтъ свой.

И Анфимъ наизустъ прочелъ мнѣ изъ требника сущность клятвъ монашескихъ.

«Я знаю, что съ нынѣшняго дня (со дня постриженья) я распятъ и умеръ для міра совершеннымъ отреченьемъ отъ него. Я отказываюсь отъ родителей, отъ братьевъ, отъ жены, отъ родственниковъ и друзей; отказываюсь отъ мірскихъ заботъ, попеченій, стяжаній и славы, и не только отъ всего этого, но даже отказываюсь *отъ души своей* по слову Господа: аще кто хочетъ по Мнѣ идти, да отвержется себе... Клянусь поститься до послѣдняго издыханія моего! Клянусь сохранить послушаніе, даже до смерти, къ предстоятелю и ко всему братству! Клянусь претерпѣтъ всякую скорбь и тѣсноту житія монашескаго! Клянусь сохранить себя въ дѣтствѣ, цѣломудріи и благоговѣніи!.. Готовлюсь къ воздержанію плоти, къ очищенію души, къ нищетѣ конечной, ко плачу благому и всѣмъ скорбямъ и болѣзнямъ... Буду алкать и жаждать, и нагствовать, и уничижаться,—нести всѣ тягости скорбныя, которыя встрѣтятся мнѣ на этомъ пути ко Господу .. Ей! Богу содѣйствующу! Ей! Богу содѣйствующу! Ты свидѣтель клятвъ моихъ!!...»

Анфимъ поднялъ глаза къ небу и долго шепталъ послѣднія слова клятвы; потомъ онъ опустилъ голову и сталъ глядѣть на меня пристально, строго. Мнѣ стало неловко отъ этого взгляда; въ немъ было что-то тяжолое и въ тоже время безконечно грустное...

— Вотъ каковъ монахъ! сказалъ Анфимъ тихо.— Похожъ ли онъ на мірскаго?

— Нѣтъ, не похожъ.

— Не похожъ?.. Да!.. А ты не будешь монахомъ. Только тотъ спасется, кто записанъ въ книгѣ животной.

— Что же ты говоришь, отче, такъ строго? Развѣ нельзя въ мірѣ спастись?

Анфимъ нахмурился и отвернулся.

— Міръ! міръ!..—проговорилъ онъ глухо:—можно было бы и въ мірѣ спастись, кабы женщинъ въ немъ не было. Женщина—страшное орудіе въ рукахъ діавола и ею князь міра смущаетъ и губитъ народъ Божій. Всѣ несчастія и преступленія людскія—отъ женщины и отъ распутства. Міръ пропалъ; онъ во власти діавола... Въ каждомъ человѣкѣ, въ каждой твари, и въ горахъ, и въ морѣ, въ каждой травкѣ и былинкѣ есть сила демонская, мѣшающая монаху идти путемъ спасенья. Вотъ видишь ли ты эту былинку?.. (Анфимъ сорвалъ травку, какъ-то проглянувшую между каменьями). Что это? простая травка? цвѣточекъ?.. А вѣдь и имъ можно искуситься. Начни-ка я подробно разсматривать эту травку, изучать ее разными стеклами,—и вотъ я уже служу міру, а не Богу; я отвлекся уже отъ пути монашескаго. А искусителю только и надо.

— А какъ же науки-то, отче?

— Вотъ тебѣ совѣтъ мой: коли хочешь спастись, не предавайся мірскимъ наукамъ; они не приведутъ къ добру, это я по себѣ знаю. Возьми только слово Божіе да творенія св. отцовъ и читай ихъ, не разсуждая. Въ этомъ вся наука жизни нашей.

— Да вѣдь въ евангеліи говорится, что самъ Богъ возлюбилъ міръ, что самъ Богъ сотворилъ женщину, что онъ...

Анфимъ остановилъ меня строгимъ, пристальнымъ взлядомъ.

— Ты меня искушать что ли хочешь?—спросилъ онъ.—Нѣтъ не искусишь, братъ!

Послѣ этого онъ поднялся, медленно подошелъ къ своей могилѣ, и дребезжащимъ голосомъ запѣлъ похоронную молитву.

— Ты не искушалъ бы меня, если бы зналъ, что значитъ искушеніе... Но ты этого еще не знаешь!—проговорилъ онъ мнѣ съ упрекомъ спустя минуту и запѣлъ снова. Въ голосѣ его зазвучала затаенная скорбь, изъ глазъ просочилась слеза.

— Ей! Богу содѣйствующу! шепталъ онъ сквозь слезы.—Во своя пріиде и свои его не пріяша... Воистину суета и тлѣніе вся житейская!.. Вси бо исчезаемъ, вси умремъ.

Сталъ онъ молиться, и не легка была молитва его.

— Пойдемте внизъ! шепнулъ я Лукіану:—мнѣ тяжело становится.

— Пойдемте. Онъ теперь долго будетъ молиться... Прощайте, отче! мы внизъ идемъ!

Но Анѳимъ не слыхалъ насъ.

Мы обогнули камни, среди которыхъ живетъ затворникъ и стали медленно спускаться. Черезъ нѣсколько минутъ слышимъ: кто-то торопливо догоняетъ насъ, и опять увидѣли Анѳима

— Простите, други, коли чѣмъ обидѣлъ!—проговорилъ онъ едва переводя духъ отъ усталости, и поклонился намъ до земли. Лукіанъ отвѣчалъ ему такимъ же поклономъ, и старикъ тотчасъ поспѣшилъ обратно къ своей кельѣ.

— Молись за насъ, отче?—крикнулъ вслѣдъ ему Лукіанъ.

— Молюсь, молюсь! Дай вамъ Господи царство небесное!—отвѣтилъ Анѳимъ, не оборачиваясь и, громко напѣвая заупокойныя пѣсни, скрылся въ разсѣлинѣ камней. Долго еще слышался въ воздухѣ его дребезжащій голосъ, потомъ и онъ замеръ гдѣ-то.

Я молчалъ. Мой спутникъ тоже. Впечатлѣніе было слишкомъ полно... И такъ молча и задумчиво пробирались мы къ монастырю по той же, едва проходимой, тропинкѣ. Лукіанъ, чтобы развлечься немного, мимоходомъ столкнулъ въ пропасть нависшій надъ нею камень, и онъ загрохоталъ, запрыгалъ, дробя встрѣчные кусты и камни.

— Ишь, какъ гудетъ, искушеніе! сказалъ монахъ, прислушиваясь.

— Да, гудетъ,—отвѣтилъ я разсѣянно.

— Видно на васъ подѣйствовали наши пустынники? спросилъ онъ опять, замѣтивъ мою разсѣянность.

— Еще бы! Такіе подвиги хоть кого изумятъ.

— Это такъ съ нову кажется, а мы уже приглядѣлись. Много у насъ такихъ, и имъ на то помощь свыше дана. Глядите теперь, что значитъ сила-то Божія, умудряющая пустынниковъ! Чудно право!.. Это великіе люди; ими и міръ держится.

Я на это ничего не отвѣтилъ

— А то вотъ еще есть у насъ такіе подвижники,— продолжалъ Лукіанъ помолчавъ:—что совсѣмъ отъ людей скрываются, такъ что и найти ихъ трудно. Живутъ они гдѣ придется, въ разныхъ пещерахъ да мѣстахъ непроходимыхъ, и только Богъ одинъ свидѣтель ихъ подвиговъ. Мнѣ еще не пришлось видѣть такихъ, а одинъ братъ нашъ видѣлъ. Онъ шелъ къ монастырю св. Павла, да видно усталъ и прилегъ на траву отдохнуть. Тамъ, знаете, мѣсто пустынное, дикое, за рѣдкость и человѣка встрѣтить. Вдругъ видитъ онъ: на скалѣ за оврагомъ стоитъ на колѣняхъ человѣкъ сѣдой такой и весь почти голый; стоитъ и молится. Братъ притаился, да видно тотъ успѣлъ замѣтить, что чужой близко, и сейчасъ же убѣжалъ въ гору. Пошелъ было братъ на то самое мѣсто, но никого ужъ не видалъ.

— Да можетъ быть это видѣніе было? спросилъ я.

— Можетъ быть. Да нѣтъ, всѣ говорятъ, что есть у насъ такіе пустынники, только прячутся больно. А вѣдь по горѣ-то есть гдѣ спрятаться.

— Чѣмъ же кормятся они?

— Богъ питаетъ. Ѣдятъ коренья, траву и раковины. Можетъ, какъ Іоаннъ Предтеча, акридами да дикимъ медомъ питаются. Да мало ли пищи на Аѳонѣ? Одной травы здѣшней намъ вѣкъ не переѣсть.

«Дикое состояніе!» невольно мелькнуло въ головѣ моей... Но потомъ я одумался: дикари живутъ, не сознавая своихъ неудобствъ, а здѣсь сознательно стремятся къ такой жизни; она здѣсь осмыслена и возведена на степень подвига. Велика, знать, сила воли у человѣка...

Грустно, невыносимо грустно сдѣлалось мнѣ почему-то... Голова утомилась, въ ушахъ все еще болѣзненно отдавался голосъ Анфима, и я самъ не свой бросился въ траву на первой встрѣчной лужайкѣ. Какъ бы мнѣ скорѣе забыть все это!—думалъ я, вглядываясь въ даль. А вокругъ-то какая жизнь, какая ширь и просторъ необъятный... Солнце закатывалось, и краснымъ заревомъ покрыло далекіе берега живаго міра. Море неподвижно; небо безоблачно и съ веселыми пѣснями носятся по небу ласточки. Гдѣ-то въ ущельи свищутъ соловьи, и звучно откликаются имъ дремлющія рощи. Слышенъ запахъ цвѣтущаго жасмина и фіалки. А въ травѣ кипитъ работа; толпами снуютъ нагруженные муравьи, жужжатъ пчелы, стрекочутъ кузнечики; вотъ и жукъ пробирается и тоже тащитъ что-то; въ каждомъ насѣкомомъ, въ каждомъ лепесткѣ и былинкѣ, сильнымъ, безконечнымъ ключомъ пробивается жизнь, проглядываетъ любовь къ этой жизни. Чувствовалъ я, что и во мнѣ самомъ бьется тотъ же жизненный пульсъ природы и зоветъ онъ меня къ дѣятельности, манитъ куда то... Вотъ она жизнь-то безконечная!..

— Эхъ! искушеніе. Славное тутъ мѣсто какое, все бы лежалъ кажется:—перебилъ Лукіанъ мои думы. — А вѣдь если у насъ на землѣ такъ хорошо, такъ что же на небѣ, значитъ, будетъ? въ раю-то?

— Можетъ быть хорошо будетъ, отвѣтилъ я, но мнѣ еще пожить хотѣлось бы...

VII.

Монастыри штатные (идіоритмы).

Оборотная сторона монашеской жизни на Аѳонѣ.—Бытъ и устройство штатныхъ монастырей. — Проэстосы и игумены. — Величіе богатства и приниженность бѣдности. — Ссыльный архіерей. — Новые мученики за вѣру. — Праздникъ крещенія въ Иверскомъ монастырѣ.

Путь лежалъ намъ въ монастырь Иверскій, первый изъ штатныхъ монастырей, какой пришлось намъ увидѣть на Аѳонѣ. Медленно громоздились мы, съ нашею кладью по патріархальнымъ святогорскимъ дорогамъ. Тощихъ муловъ усердно подгоняли тощіе погонщики, но аѳонскіе мулы, знать, не привыкли къ скорой ѣздѣ, и въ свою очередь усердно отмахивались хвостами. Поодаль ѣхалъ нашъ неизмѣнный спутникъ, о. Лукіанъ, напѣвая вполголоса «кто Богъ велій, яко Богъ нашъ?...» Невесело что-то глядѣлъ онъ на свѣтъ Божій.

— Что вы, отче, пріуныли? спросилъ я, подъѣхавъ къ нему.

— Унывать мнѣ нечего, а только и взаправду невесело переѣзжать изъ своей киновіи въ штатный монастырь. Тутъ вѣдь соблазну много.

— А вы побаиватесь?

— Нѣтъ, не то, а все надо быть на сторожѣ: долго ли до грѣха? Вотъ вашему брату такъ тутъ раздолье полное, тутъ и говядину найдете... Ну-ка прислушайтесь, какъ птички-то поютъ! и не чуютъ, бѣдныя, что бѣда у нихъ на носу...

Я прислушался: издали слышалось оживленное пѣніе пѣтуховъ.

— Знакомыя пѣсенки?

— Знакомыя, отче.

— Да, тутъ ужъ міромъ пахнетъ; тутъ только держись, искушеніе!

Показались водопроводы и первыя пристройки Ивера. На травѣ передъ дверьми незайтѣйливаго домика лежала группа болгаръ-работниковъ съ трубками и громко распѣвала свои національныя пѣсни. Съ ближайшаго холма красиво спускалось въ оврагъ стадо барановъ и слышалось ихъ блѣянье и звонъ колокольчиковъ... И вправду міромъ пахнуло; знакомыя картины вызвали рядъ полузабытыхъ воспоминаній и заставили биться сердце мірское отраднымъ біеньемъ.

Наконецъ открылись предъ нами высокія стѣны и башни монастырскія. Широко раскинулись онѣ на ровномъ прибрежьи моря съ множествомъ разныхъ отдѣльныхъ пристроекъ, съ огородами, виноградниками, апельсинными и лимонными садами, напоминая скорѣе городъ мірской, чѣмъ смиренный монастырь святогорскій. На площадкѣ передъ монастыремъ прогуливались монахи, у всѣхъ лица свѣжія; поступь гордая, замѣтно что-то барское, внушительное. Съ любопытствомъ глядѣли они на наше приближеніе и перешептывались между собой. У воротъ встрѣтилъ насъ самъ эпитропъ (повѣренный) монастырскій, въ шолковой рясѣ и полушубкѣ, обшитомъ дорогими мѣхами; въ рукахъ онъ держалъ эпитропскій жезлъ съ серебрянымъ набалдашникомъ. Тутъ же стояло нѣсколько болѣе скромныхъ иноковъ, между которыми я замѣтилъ двухъ красивыхъ мальчиковъ, лѣтъ 14-ти, одѣтыхъ по монашески.

Послѣ чиннаго и гордаго привѣтствія, эпитропъ прежде всего повелъ насъ на поклоненіе главной святыни Ивера. Подлѣ воротъ, внутри монастыря, стоитъ небольшая часовня, гдѣ помѣщена «страшная видомъ» чудотворная икона Иверской Божіей матери *), называемая

---

*) Копія съ этой иконы хранится въ Москвѣ и тоже прославилась разными чудесами. Страшною видомъ называютъ ее монахи за сердитое выраженіе лица Богоматери.

на Аѳонѣ «привратницей,» потому что хотѣла оставаться непремѣнно при монастырскихъ воротахъ, не смотря на всѣ усилія монаховъ помѣстить ее въ главномъ соборѣ. Тутъ мы совершили обычное поклоненіе и затѣмъ уже отправились въ пріемный покой, гдѣ ожидали насъ власти монастырскія. Вошли мы въ чертоги, какихъ я еще не видывалъ на Аѳонѣ: потолки съ рѣзными орнаментами, на стѣнахъ дорогія гравюры, на полахъ дорогіе ковры; все отзывается роскошью и желаньемъ жить на широкую ногу. На диванахъ, поджавъ подъ себя ноги, сидѣли старцы въ атласныхъ и бархатныхъ рясахъ, съ янтарными четками. При входѣ нашемъ они прошептали свое неизмѣнное «милости просимъ» и усадили на почетныя мѣста. Началось угощенье. По знаку старшаго эпитропа, явилась толпа монаховъ съ серебряными подносами, а на подносахъ вина и сласти разныя. «Да гдѣ же это мы?..» подумалъ я, глядя на такую роскошь.

— Вотъ какъ мы живемъ! съ улыбкой произнесъ одинъ изъ старцевъ, замѣтивъ мое удивленіе.

— Да, признаюсь, не ожидалъ видѣть на Аѳонѣ такой роскоши, — отвѣтилъ я.

— Такъ знайте же, что здѣсь не киновія, а Иверъ, монастырь штатный. У насъ вы отдохнете; мы васъ пріютимъ и успокоимъ...

— Мы любимъ русскихъ, замѣтилъ другой: — въ въ Москвѣ наша икона.

А между тѣмъ въ сосѣдней комнатѣ ужъ накрывался столъ, за который мы вскорѣ усѣлись со всѣми властями. Блюдъ подавали множество; казалось, аѳонскія повара-монахи нарочно рѣшились пощеголять передъ нами своимъ искусствомъ. Тутъ были и супы разные, и жаркія изъ мяса *), и фрукты, и соусы,

---

*) По снисхожденію къ слабости старческой, въ штатныхъ монастыряхъ разрѣшено вкушеніе мяса.

вина вдоволь. Во все время стола шли оживленные разговоры о монастырскихъ имѣніяхъ и урожаѣ пшеницы и маслинъ, и ни слова объ искушеніяхъ и видѣніяхъ аѳонскихъ, точно дѣло происходило въ мірѣ, а не на св. горѣ. Затѣмъ старцы простились съ нами и одинъ изъ братіи повелъ насъ въ странно-пріимные покои, гдѣ въ наше распоряженіе были отданы пять комнатъ съ отдѣльной домашней церковью. Въ комнатахъ тоже прилично и чисто, покрайней мѣрѣ снаружи, даже блохъ меньше, чѣмъ въ другихъ монастыряхъ. Здѣсь я нашелъ отца Лукіана, занятаго переборкой нашихъ вещей.

— Что, разговѣлись? спросилъ онъ, лукаво поглядывая на меня.

— Разговѣлся.

— Эко вамъ теперь раздолье, какъ погляжу? Словно сыръ въ маслѣ кататься будете... Глядите, однихъ подушекъ-то сколько натащили вамъ; спите себѣ въ сласть.

— А вы-то какъ же?

— Обо мнѣ не заботьтесь. Нашему брату доску подъ бокъ да камень подъ голову — вотъ и кровать готова. Скучно только жить будетъ: порядку никакого, никто ничего не знаетъ, всѣ врозь глядятъ, искушеніе! Ну да Богъ съ ними! Давайте-ка спать лучше; вонъ ужъ и птички ваши запѣли.

— Это все вы насчетъ пѣтуховъ?

— Да какая же другая птица теперь пѣть будетъ?.. Благословите! Пойду спать.

— Богъ благословитъ.

Но отецъ Лукіанъ спать не пошелъ, а заперся въ церкви читать полунощницу да канонъ править. А я сѣлъ къ окну и старался привесть въ порядокъ это множество новыхъ впечатлѣній. Такая роскошь, монахи въ шелку да въ бархатѣ, мясная пища, пѣсни работниковъ... неужели все это происходитъ на Аѳонѣ, суровомъ и строго цѣломудренномъ? Если такъ пойдетъ дальше, то ничего еще: жить можно...

— Но все это продолжалось только въ первые дни нашего пребыванія въ Иверѣ, когда старцы видимо хотѣли пощеголять передъ нами своимъ богатствомъ. Впослѣдствіи насъ оставили въ покоѣ и дни за днями пошли обычнымъ аѳонскимъ чередомъ съ своимъ утомительнымъ однообразіемъ, а въ обѣдахъ нашихъ съ каждымъ днемъ появлялось нѣчто изъ прошлаго: святогорская травка входила въ свои права.

Роскошь и свобода жизни штатныхъ монастырей рѣзко бросаются въ глаза послѣ той строгости устава, какой мы видѣли въ киновіяхъ аѳонскихъ. Тамъ полное отреченіе отъ своей воли и безусловное подчиненіе игумену, а здѣсь, напротивъ, дѣло спасенья предоставлено на волю спасающагося, и потому каждый живетъ, какъ ему совѣсть позволитъ, имѣетъ деньги, ѣстъ и пьетъ что хочетъ, одѣвается по желанію и никто не имѣетъ права вмѣшиваться въ его дѣла. Такое измѣненіе устава сдѣлано по снисхожденію къ немощи человѣческой, по которой не всякій монахъ можетъ выносить жизнь киновіатскую или скитскую, а между тѣмъ всякому спастись хочется; и вотъ въ штатномъ монастырѣ монахи спасаются, вѣря въ силу мѣстнаго преданья, что Богъ спасетъ ихъ за то только, что они живутъ на Аѳонѣ, а не въ мірѣ. Законы монашества о формѣ костюма и внѣшняго образа жизни, конечно, и здѣсь сохраняютъ свою силу, но въ жизни келейной монахъ никому не даетъ отчета.

Игумена въ штатныхъ монастыряхъ не бываетъ (кромѣ Хиландарскаго монастыря, гдѣ должность игумена, по выбору братіи, правитъ икона Божьей матери троеручицы). Власть монастырскую составляютъ, такъ называемые, *проэстосы*, то-есть, старцы болѣе или менѣе зажиточные и помогающіе какимъ бы то ни было образомъ обогащенію монастыря (сборщики, вкладчики капитала и т. п.). Эти старцы образуютъ домашній сѵнодъ и сообща разсуждаютъ о внутреннихъ и внѣшнихъ дѣлахъ монастыря. Они ежегодно избираютъ изъ среды своей эпитропа (повѣреннаго), которому поручаютъ наблюдать за порядкомъ въ церкви и трапезѣ. Проэстосы и эпитропъ составляютъ свой особый замкнутый кружокъ, нѣчто въ родѣ монастырской аристократіи, а на остальную братію смотрятъ они свысока, какъ и слѣдуетъ истымъ аристократамъ.

Натянутыя отношенія между проэстосами и братіею замѣтны съ перваго взгляда. Проэстоса сразу можно отличить отъ остальныхъ монаховъ по богатству его одежды, гордому взгляду и барской походкѣ; все остальное раболѣпно кланяется ему и будто за честь считаетъ вступить съ нимъ въ разговоры. При полной свободѣ устава монастырскаго странно видѣть такое раболѣпіе, но въ этомъ раболѣпіи выражается или простое смиреніе слабости передъ силой, или грѣшное желаніе умилостивить эту гордую силу въ надеждѣ на какія-то далекія выгоды. Нѣкоторые монахи живутъ въ штатныхъ монастыряхъ только ради свободы ихъ устава, не имѣя при этомъ никакихъ корыстолюбивыхъ и тщеславныхъ цѣлей. Они стараются никого не затрогивать, не выдаваться изъ общаго уровня, и кланяются власти во избѣжаніе разныхъ непріятностей. Но большинство монаховъ, вступивъ въ штатный монастырь, постоянно искушаются тщеславіемъ и мечтаютъ о санѣ проигумена и обществѣ проэстосовъ, какъ о конечной цѣли своего счастья. Такой монахъ иной разъ всю жизнь унижается передъ проэстосами, заискиваетъ ихъ расположеніе, и усердно копитъ деньги. Прежде всего онъ старается получить санъ іеромонаха, потомъ начинаетъ понемногу сближаться съ проэстосами, угощаетъ ихъ вмѣстѣ и порознь, и когда замѣтитъ, что заслужилъ ихъ благосклонность, жертвуетъ въ пользу монастыря отъ 10 до 20 тысячъ піастровъ (500—1000 рублей). Въ благодарность за такую жертву, проэстосы принимаютъ его въ свой кружокъ и посвящаютъ его въ санъ эпитропа, какъ благодѣтеля монастырскаго. Посвященіе это происходитъ слѣдующимъ образомъ. За обѣдней, въ присутствіи всей братіи, на выбраннаго надѣваютъ архіерейскую мантію, даютъ ему въ руки жезлъ правленія и ставятъ на самое почетное мѣсто, гдѣ онъ вслухъ прочитываетъ «вѣрую» и «отче нашъ.» Послѣ обѣдни выбранный устроиваетъ богатый обѣдъ для проэстосовъ, даритъ деньгами пѣвчихъ, поющихъ ему многія лѣта, даетъ милостыню бѣднѣйшимъ изъ братіи; словомъ, этотъ день становится праздникомъ для монастыря—вообще и для проэстосовъ—въ особенности. Съ этого дня новый проэстосъ круто перемѣняетъ свои отношенія къ остальной братіи, смотритъ на нихъ уже, какъ начальство. Изъ всего этого видно, что только достаточный монахъ можетъ быть проэстосомъ; но не смотря на это, рѣдкій бѣднякъ въ монастырѣ не мечтаетъ объ жезлѣ и власти. Надѣется онъ конечно на случай и на помощь божію.

Званіе проэстоса заманчиво для братіи не только своимъ почетнымъ положеніемъ въ монастырѣ, но и тѣмъ особенно, что проэстосамъ предоставляется право ѣздить за сборомъ подаяній и управлять монастырскими землями внѣ Аѳона. Жизнь проэстоса привольная, барская; денегъ у него, по обыкновенію, много; столъ и обстановка хорошая, отъ братскихъ послушаній онъ свободенъ, прислуги множество, стоитъ только хлопнуть въ ладоши и вмигъ явится предъ нимъ толпа иноковъ съ заискивающими взглядами: остается только взять на себя трудъ приказать. Монашескія правила и каноны обязательны конечно и для проэстоса, но онъ ходитъ въ церковь, когда ему охота придетъ, и большею частью заставляетъ кого нибудь у себя на квартирѣ прочитывать вслухъ службы церковныя, а самъ сидитъ въ это время на диванѣ. Очень естественно, что при такомъ образѣ жизни у многихъ проэстосовъ развивается лѣнь непомѣрная, надъ которою лукаво подсмѣиваются киновіаты. Сказывали мнѣ, что многіе изъ проэстосовъ только въ томъ и проводятъ время, что лежатъ на диванѣ съ чубукомъ во рту *). Въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ наполняется день проэстоса, испытываетъ ли онъ какія искушенія — это неизвѣстно. Какъ ни войдешь къ нему, онъ или спитъ или сидитъ у окна съ трубкой. Разговоры его касаются чаще всего политики монастырской, да разныхъ аѳонскихъ скандальчиковъ, а въ богословскія пренія онъ не вдается. Аѳонъ кладетъ на проэстосовъ только тотъ отпечатокъ, что они сочувствуютъ всему, что касается св. горы, и увѣряютъ вмѣстѣ съ прочими, что ненавидятъ грѣшный міръ.

Въ каждомъ штатномъ монастырѣ множество наемной прислуги изъ окрестныхъ мірянъ, на обязанности которой лежатъ всѣ чорныя работы монастырскія. Если же работа скораго требуетъ окончанія, а рабочихъ рукъ не хватаетъ, то бѣдняки-монахи выходятъ изъ своихъ келій на общія послушанія и вмѣстѣ съ работниками таскаютъ кули и бревна. Къ каждому проэстосу, тоже въ видѣ послушанія, назначается для прислуги нѣсколько бѣднѣйшихъ и смиреннѣйшихъ братій, которые часто съ радостью принимаютъ эту должность, потому что пользуются даровымъ столомъ и даже иногда барскими подарками, какъ и вообще дворовая прислуга.

---

*) Во всѣхъ штатныхъ монастыряхъ, кромѣ Иверскаго, разрѣшено курить табакъ.

Впрочемъ, кто не хочетъ нести тягостей послушанія, тотъ можетъ отъ нихъ откупиться; поэтому монахи, располагающіе средствами, или нанимаютъ, вмѣсто себя, каждый разъ какого нибудь келіота, или вносятъ въ монастырскую кассу опредѣленное число піастровъ и такимъ образомъ навсегда избавляются отъ обязанности участвовать въ братскихъ послушаніяхъ.

Каждый монахъ получаетъ изъ общихъ запасовъ монастырскихъ: печеный хлѣбъ, оливковое масло, вино и крупу, и изъ этого матеріала готовитъ себѣ кушанье въ своей кельѣ, прибавляя разныя приправы уже на свой собственный счетъ, такъ же, какъ это дѣлается и въ скитахъ аѳонскихъ. Поэтому-то зданіе братской трапезы въ штатныхъ монастыряхъ обыкновенно запущено и оставляется безъ присмотра: полы грязные, столы опрокинуты, кромѣ нѣсколькихъ столовъ, на которыхъ совершаютъ свой ежедневный обѣдъ наемные работники и гости. Общій столъ для всей братіи и проэстосовъ бываетъ только два или три раза въ годъ, и то болѣе для формы, потому что сходятся обѣдать, большею частью уже пообѣдавши дома. Къ этимъ днямъ проэстосы обыкновенно припасаютъ нѣсколько провинившихся братій, и за трапезой въ видѣ наказанія, ставятъ ихъ передъ образомъ съ огромными тяжелыми четками, которыя они сообща перебираютъ. Братія конечно съ любопытствомъ поглядываетъ на это рѣдкое для нея зрѣлище и назидается.

Таковъ складъ и устройство штатныхъ монастырей на Аѳонѣ. Очевидно, что здѣсь главную роль играютъ деньги, господствуетъ деспотизмъ богатства надъ бѣдностью, и бѣдняку подчасъ приходится очень плохо, особенно если, по простотѣ душевной, онъ не умѣетъ хитрить и обзаводиться богатыми покровителями. На долю его выпадаетъ много искушеній, только эти искушенія опять-таки особаго рода. Житель штатнаго монастыря пожалуй не увидитъ никакихъ видѣній, не будетъ томиться *искушеніемъ чрева*, то есть, голодомъ, но за то его зависть загрызетъ, измучатъ думы объ улучшеніи своего состоянія. Въ киновіяхъ, при общемъ равенствѣ и неимѣніи собственности, подобныхъ искушеній быть не можетъ, но здѣсь бѣднякъ всегда видитъ передъ собой богатаго, можетъ сличить обѣдъ собственный съ обѣдомъ сосѣда и позавидовать. Притомъ бѣднякъ, если только въ немъ еще не совсѣмъ угасло чувство самоуваженія, съ трудомъ можетъ выносить то обидное презрѣніе, съ какимъ смотритъ на него богатый. Будь онъ умница, будь онъ даже сановникъ какой, но если онъ не имѣетъ капитала, ему ходу не дадутъ: его будутъ выгонять на разныя послушанія, придираться къ его поведенію, чтобы заставить протянуть четки въ трапезѣ и т. п. Бѣдняку остается или вѣчными поклонами заискивать покровительства, или терпѣливо переносить всѣ придирки. Въ одномъ изъ штатныхъ монастырей живетъ бывшій епископъ Селеврійскій, сосланный на Аѳонъ патріархомъ, за его неумѣнье управлять епархіей *). Почтенный старецъ не накопилъ себѣ въ мірѣ богатства, и долженъ поэтому испытывать на Аѳонѣ всѣ неудобства своей нищеты. Ему отдаютъ монахи положенный церковнымъ уставомъ почетъ только, когда онъ служитъ обѣдню, а остальное время онъ и въ церкви стоитъ вмѣстѣ съ бѣднѣйшею братіею, и на него никто не обращаетъ вниманія. Помѣщеніе отвели ему сырое, холодное, грязное, мебель у него убогая, посуда битая, и среди такой неприглядной обстановки, съ вѣчной нуждой перебивается со дня на день добрый пастырь, всѣми забытый и всѣми презираемый за то, что не умѣлъ нажиться на такомъ хлѣбномъ мѣстѣ. Изрѣдка проэстосы приглашаютъ его на свои пиры, но тамъ надъ нимъ подшучиваютъ, угощаютъ его съ высокомѣріемъ, будто благодѣяніе дѣлаютъ, и бѣдный старикъ не знаетъ, какъ держать ему себя на этихъ обѣдахъ. За то однажды я былъ свидѣтелемъ встрѣчи, какую учинили монахи сборщику, возвратившемуся изъ Россіи съ капиталами. Всѣ монастырскія власти, при колокольномъ звонѣ, вышли встрѣчать его за ворота, потомъ торжественно ввели его въ церковь и тутъ же предложили ему жезлъ эпитропскій.

---

*) Этому епископу приказано было доставлять патріарху ежегодный сборъ съ епархіи на сумму не менѣе 50 т. піастровъ, но онъ, зная бѣдность своей паствы донесъ патріарху, что не можетъ собрать такой суммы, за что былъ немедленно лишенъ престола и сосланъ на Аѳонъ. На мѣсто его назначили другого, который нашелъ возможность сбирать ежегодно съ епархіи вдвое болѣе требуемой суммы.

Не смотря на такое корыстолюбіе и, повидимому, немонашеские помыслы братіи, въ штатныхъ монастыряхъ иногда встрѣчаются отшельники, замѣчательные строгостью жизни и религіознымъ самоотверженіемъ. Между прочимъ въ Иверѣ мнѣ пришлось видѣть знаменитаго здѣсь старца Григорія, на котораго весь Аѳонъ смотритъ, какъ на святителя. Онъ имѣлъ трехъ учениковъ, которые пострадали за вѣру Христову въ Константинополѣ и греческою церковью причислены къ числу мѣстныхъ святыхъ, подъ именемъ *новыхъ мучениковъ*. Объ этихъ мученикахъ я слышалъ на Аѳонѣ множество разсказовъ, и сущность ихъ вкратцѣ передаю здѣсь *). Въ бытность свою въ Солунѣ, о. Григорій встрѣтилъ четырехъ юношей, увлеченныхъ въ малолѣтствѣ въ магометанство, но потомъ снова обратившихся ко Христу. Строгій старецъ сошелся съ ними, испыталъ степень ихъ вѣры, и сталъ проповѣдывать имъ общее на востокѣ повѣрье, что они только мученичествомъ могутъ загладить предъ Богомъ свой прежній грѣхъ, и что иначе имъ нѣтъ спасенья. Видя нерѣшительность молодыхъ людей, старецъ взялъ ихъ съ собою на Аѳонъ и рѣшился, во чтобы то ни стало, приготовить ихъ къ мученичеству. Здѣсь, въ глубокомъ подземельи, устроилъ онъ четыре отдѣльныя кельи и посадилъ туда юношей на строгій постъ. Шесть недѣль провели они въ этихъ кельяхъ, дни и ночи размышляя о смерти и читая покаянныя молитвы; старецъ самъ поучалъ ихъ, испытывалъ ихъ терпѣніе и настроивалъ ихъ мысли къ мученичеству. Наконецъ затворники, убѣдившись въ необходимости смерти, изъявили твердую рѣшимость пострадать за Христа Обрадованный старецъ отправился вмѣстѣ съ ними въ Константинополь и разными происками доставилъ имъ доступъ къ султану. Юноши предстали предъ свѣтлыя очи повелителя правовѣрныхъ и, движимые ревностью къ православію, начали проклинать Магомета и топтать ногами коранъ его. Султанъ конечно оскорбился и приказалъ заключить ихъ въ тюрьму, а потомъ казнить смертью. Григорій и въ тюрьмѣ не оставлялъ ихъ, опасаясь, чтобы ихъ рѣшимость непоколебалась. Въ день казни одинъ изъ юношей отказался отъ православія, а тремъ остальнымъ срубили головы. Старецъ купилъ тѣла ихъ, съ почестями перевезъ на Аѳонъ, и похоронилъ близь своей кельи въ скиту Іоанна Предтечи. Черезъ три года ихъ кости были вырыты изъ могилъ, раздроблены на части и раздѣлены между монастырями, гдѣ и составляютъ до сихъ поръ предметъ общаго поклоненія.

---

*) Въ жизнеописаніи новыхъ мучениковъ дѣло разсказано нѣсколько иначе, но я передаю его такъ, какъ слышалъ.

Въ штатныхъ монастыряхъ нѣтъ той мертвой неподвижности и замкнутости, какая бываетъ въ киновіяхъ; здѣсь больше жизни и движенья. Передъ воротами монастырскими, на площадкѣ, здѣсь обыкновенно устраивается большая бесѣдка, для вечернихъ отдыховъ и прохлажденія братіи. Къ этой бесѣдкѣ иногда пріѣзжаютъ карейскіе купцы съ товарами и, развѣсивъ по периламъ разноцвѣтныя матеріи, начинаютъ торгъ. Монахи по этому случаю цѣлый день толпятся около бесѣдки. Имущая братія запасается обновами, а неимущая просто глазѣетъ на товары, замѣчая, кто и что себѣ покупаетъ, и это потомъ служитъ предметомъ долгихъ разговоровъ. По праздникамъ окрестности штатныхъ монастырей особенно оживляются и принимаютъ слишкомъ мірской оттѣнокъ. Мірскіе работники, пользуясь отдыхомъ, собираются гдѣ нибудь на лужайкѣ и громко распѣваютъ пѣсни, или, подъ звуки доморощенной балалайки, пускаются въ плясовую, на потѣху братіи, наблюдающей за ходомъ праздника.

Въ Иверскомъ монастырѣ я былъ свидѣтелемъ обряда, совершаемаго тамъ въ праздникъ крещенія. Въ этотъ день монахи съ крестнымъ ходомъ выносятъ къморю икону Богоматери, въ память ея чудеснаго плаванія *), и совершаютъ тамъ литію, во все время шествія бьютъ въ била и клепала и трезвонятъ въ колокола, а работники, разсыпавшись по прибрежью, привѣствуютъ икону ружейными выстрѣлами. На берегу одинъ изъ служащихъ іеромонаховъ подходитъ къ самому морю и бросаетъ въ волны его небольшой металлическій крестъ. Работники только этого и ждутъ: вслѣдъ за крестомъ, крича и толкаясь, они тоже бросаются въ воду отыскивать этотъ крестъ, имѣя въ виду, что нашедшему монастырь даетъ въ награду 20 піастровъ (1 рубль се-

---

*) Эта икона, по преданію аѳонскому, приплыла къ Иверу изъ Анатоліи. Приплыла она стоймя и вынута изъ воды инокомъ Гавріиломъ, которому передъ этимъ было сонное видѣніе.

ребромъ). По окончаніи литіи, процессія тѣмъ же порядкомъ отправляется обратно къ монастырю, а работники иной разъ до поздняго вечера купаются въ морѣ, пока наконецъ кто нибудь изъ нихъ не отыщетъ креста. Волны сшибаютъ ихъ съ ногъ и разбрасываютъ въ разныя стороны, зимній холодъ пронизываетъ ихъ до костей, но удальцы упорно бьются съ этими препятствіями. Тутъ за рубль серебра идетъ рискъ, можетъ быть, на цѣлую жизнь, а монахи въ это время спокойно расхаживаютъ по прибрежью и подсмѣиваются надъ неловкостью удальцовъ. За годъ до этого, говорятъ, одному изъ работниковъ посчастливилось найти крестъ очень скоро, но другіе тутъ же бросились отнимать у него находку, и въ этой схваткѣ утопили счастливца. За то теперь, если кто найдетъ крестъ, то уже не объявляетъ товарищамъ о своей находкѣ, а торопится скорѣе вылезть изъ воды и добѣжать до проэстосовъ... Откуда появился на Аѳонѣ этотъ странный обычай—неизвѣстно.

VIII.

Промыслы и торговля.

Мѣстныя монашескія работы.—Кресты, четки и другія рѣзныя издѣлія.—Добываніе цвѣтовъ Богородицы. — Корейская ярмарка.— Типы мѣстныхъ промышленниковъ.—Внѣшняя торговля.

Міряне, пріѣзжающіе на Аѳонъ, для постриженія въ штатныхъ монастыряхъ, обыкновенно привозятъ съ собою значительные капиталы и живутъ, какъ мы видѣли, въ полномъ довольствѣ. Другіе заблаговременно обзаводятся въ мірѣ разными богатыми благодѣтелями и живутъ на ихъ счетъ, пока не оскудѣетъ этотъ источникъ. Нищіе примазываются къ какой нибудь общинѣ и тоже обезпечены. Но небогатые жители штатныхъ монастырей и особенно бѣдняки келіоты, неимѣющіе никакихъ благодѣтелей, должны жить на свой собственный счетъ и снискивать себѣ пропитаніе работой. Конечно, отшельнику келіоту требуется немногое: ходитъ онъ въ рубищѣ, такъ что единственная одежда можетъ хватить ему чуть не на цѣлую жизнь, для стола ему нуженъ только кусокъ хлѣба, да кружка воды и только изрѣдка развѣ фрукты да какая нибудь приправа къ супу; но все-таки если отшельникъ не захочетъ ходить по монастырямъ и просить милостыни, то долженъ заработывать копѣйку. Притомъ всѣ келіоты обязаны вносить ежегодно опредѣленную подать агѣ и ближайшему монастырю, а эта подать довольно значительна. И вотъ отшельникъ или нанимается къ богатому монаху въ работники, или у себя въ кельѣ занимается какимъ нибудь рукодѣльемъ.

Добытыя въ мірѣ ремесла и знанія (кромѣ научныхъ) на Аѳонѣ не пропадаютъ даромъ и всѣ—башмачники, портные, печники и столяры остаются при тѣхъ же званіяхъ и въ монашествѣ. Аѳонъ строится, одѣвается и обувается своими (собственными) трудами, и такимъ образомъ мелкая торговая промышленность кипитъ во всѣхъ уголкахъ горы, приготовляя все нужное на потребу братіи. Но ремесла мірскія здѣсь не такъ выгодны, какъ выдѣлка вещей, которыя составляютъ исключительное производство Аѳона и сбываются многолюднымъ поклонникамъ его. Къ издѣліямъ такого рода принадлежатъ: кресты, четки, иконы и другія вещи, въ огромномъ количествѣ закупаемыя пріѣзжими богомольцами. Поэтому-то большинство аѳонскихъ тружениковъ, кромѣ другихъ работъ, занимаются и этимъ ремесломъ. Они рѣжутъ изъ дерева или изъ единороговой кости разной величины кресты, съ мелкими изображеніями на нихъ священныхъ событій. Рѣжутъ небольшія, выпуклыя иконы; рѣжутъ наконецъ деревянныя ложки съ благословляющей рукой, и, надо сознаться, что нѣкоторыя изъ этихъ работъ отличаются изумительною тонкостью, и много говорятъ о громадномъ терпѣніи монашескомъ. Есть артисты, что содержатъ мастерскія и занимаются рѣзьбою въ большихъ размѣрахъ; они рѣжутъ цѣлые иконостасы съ затѣйливыми орнаментами и заправляютъ рѣзными работами при отдѣлкѣ монастырскихъ зданій. Нѣкоторые монахи, чтобы не утомлять себя копотливой работой, заказываютъ металлическія формы и, размягчивъ въ кипяткѣ единороговую кость, оттискиваютъ на ней иконы. Такой работой занимаются преимущественно русскіе. Прибрежные келіоты ходятъ по берегу моря и собираютъ выброшенныя водой мелкія раковины. Эти раковины они потомъ нанизываютъ на проволоку и такимъ образомъ составляютъ разноколиберныя четки. Четки изъ раковинъ самими монахами не употребляются для молитвъ, потому что послѣ долгой молитвы отъ нихъ болятъ пальцы, но эти четки, болѣе нежели другія издѣлія Аѳона, нравятся богомольцамъ и покупаются ими нарасхватъ. Для четокъ еще употребляются такъ называемыя «слезки Богоматери» *), особенное огородное растеніе, имѣющее твердыя, круглыя семена, которыя тоже нанизываютъ на проволоку.

Есть еще на Аѳонѣ особый родъ промысла, на который впрочемъ не всякій рѣшается. Это добываніе неувядаемыхъ «цвѣтовъ богородицы» **), растущихъ на обрывистыхъ и неприступныхъ высяхъ горы. Главная вершина Аѳона, полая, бѣломраморная, выдается высокой остроконечной пирамидой, темя которой составляетъ площадку, не болѣе какъ въ четыре квадратныя сажени. Отъ этой площадки идутъ крутые обрывы внизъ, особенно съ сѣверной стороны, гдѣ обрывъ составляетъ почти отвѣсную стѣну въ 300 саженъ приблизительно. По этимъ-то страшнымъ обрывамъ, изъ мелкихъ скважинъ мрамора пробивается неувядаемый цвѣтъ. Собираютъ этотъ цвѣтъ для продажи бѣднѣйшіе келіоты, которымъ смерть нестрашна. Ходятъ они обыкновенно партіями въ нѣсколько человѣкъ и вмѣстѣ карабкаются по обрывамъ, помогая другъ другу спускаться и висѣть надъ пропастью на веревкахъ. Вѣря, что, безъ воли божіей, смерти не будетъ, промышленники дѣлаютъ отважные подвиги: спрыгиваютъ на камни, которые едва держатся надъ бездной, цѣпляются за сухія корни и т. п. Многое сходитъ имъ съ рукъ благополучно, но иногда отъ неосторожности, или излишней самонадѣянности, бѣднякъ обрывается и вмѣстѣ съ добычею изчезаетъ въ пропасти. Въ бытность мою на Аѳонѣ было три несчастныхъ случая, изъ которыхъ послѣдній, впрочемъ, неожиданно превратился въ чудо. Одинъ изъ келіотовъ улетѣлъ въ сѣверный обрывъ и отъ него потомъ нашли только кисть руки да камилавку; другой въ глазахъ товарищей на лету наткнулся на острый выдавшійся камень, такъ что даже не было возможности снять оттуда трупъ несчастнаго, и онъ долго торчалъ у всѣхъ на виду, какъ знакъ предосторожности для прочихъ смѣльчаковъ. Третій же, какъ говорятъ долетѣлъ до самаго дна пропасти и — живъ остался. Объ этомъ чудѣ я слышалъ съ одинаковыми подробностями отъ многихъ афонцевъ, которые сами дивились ему. Инокъ этотъ, родомъ болгаринъ, съ двумя товарищами собиралъ цвѣты около самой вершины горы и, какъ-то поскользнувшись на гладкомъ камнѣ, потерялъ равновѣсіе и полетѣлъ въ бездну. На лету онъ зацѣпился кушакомъ за выдавшійся камень и повисъ. Надежда оживила болгарина и онъ сталъ ногами отыскивать какую нибудь опору, чтобы потомъ спросить у товарищей веревку, но только что оперся, кушакъ соскочилъ и несчастный опять полетѣлъ. У самаго дна опять зацѣпился подоломъ рясы за кустарники и оттуда уже самъ спрыгнулъ на землю, причемъ отшибъ себѣ обѣ ноги. Между тѣмъ товарищи его, протянувъ, по обыкновенію, четки за упокой погибшаго, осторожно спустились на дно пропасти поискать его косточки и взять собранные имъ цвѣты, чтобы не даромъ пропали,—смотрятъ, а онъ сидитъ себѣ подъ кустомъ, обезумѣвъ отъ страха. Этотъ болгаринъ служилъ предметомъ всеобщаго удивленія на Аѳонѣ. Онъ самъ едва вѣрилъ своему паденью и спасенью; и съ этихъ поръ ужъ закаялся собирать цвѣты. На сколько въ самомъ дѣлѣ вѣроятно подобное чудо, — пусть судитъ самъ читатель.

---

*) Нѣсколько разъ спрашивалъ я у монаховъ, почему это растеніе называется слезками Богоматери, и всякій разъ слышалъ новую исторію.

**) Цвѣтокъ Богоматери, похожій на маленькую розу, принадлежитъ къ породѣ иммортелей и имѣетъ медовый запахъ. Про этотъ цвѣтокъ тоже ходитъ на Аѳонѣ много легендъ.

Ежегодно нѣсколько монаховъ гибнетъ, охотясь за цвѣтами. Но эти поучительные примѣры не вразумляютъ смѣльчаковъ; слишкомъ спокойно смотрятъ они на эту гибель и неустрашимо карабкаются по тѣмъ самымъ обрывамъ, съ которыхъ не одна камилавка улетѣла въ пропасть. Даже цѣна на цвѣты, не смотря на трудности ихъ добыванья, очень невысока: пучекъ изъ 10 цвѣтковъ стоитъ всего 5 к. с.

Однажды, покупая цвѣты, я разговорился съ монахомъ, который уже болѣе десяти лѣтъ торгуетъ ими. Онъ съ полнымъ равнодушіемъ передавалъ мнѣ смертные случаи многихъ своихъ знакомыхъ и только безпрестанно крестился за упокой ихъ.

— Какъ же вы-то не боитесь послѣ этого? спросилъ я его.

— Тутъ бояться нельзя, отвѣтилъ тотъ: — потому чуть сробѣешь и пропалъ. Надо помнить, что если безъ воли Божіей волосъ съ головы не погибнетъ, то какъ же монаху пропасть можно? Умереть Богъ не допуститъ, коли есть непрощенные грѣхи. Вотъ болгаринъ не погибъ, хоть и свалился; значитъ ему не всѣ еще грѣхи прощены. Да и чѣмъ же жить намъ, какъ не цвѣтами? Десять лѣтъ ими только и кормлюсь.

— Значитъ привычка?

— Тутъ никогда не привыкнешь, никогда не понадѣешься на себя. Вотъ старецъ мой двадцать лѣтъ собиралъ цвѣты, да все-таки сгибъ въ прошломъ году, а я, можетъ быть, въ нынѣшнемъ сгибну. Я впрочемъ не одинъ хожу. Коли провалюсь, узнаютъ — поминать станутъ, а больше мнѣ ничего не надо.

Изъ этихъ словъ можно видѣть, какого закала отшельники преимущественно занимаются сборомъ цвѣтовъ богородицы.

Главный сбытъ рукодѣлій монашескихъ производится по субботамъ въ Кареѣ, на тамошнемъ рынкѣ, и труженики тащутъ къ этому дню въ Карею все, что успѣли наработать и пособрать втеченіи недѣли.

Карея—небольшой монашескій городокъ, подобный которому едва ли гдѣ отыщется на бѣломъ свѣтѣ. Этотъ оригинальный городокъ живописно помѣстился на восточномъ склонѣ аѳонскаго хребта, высоко надъ моремъ и въ самомъ центрѣ монашескаго царства. Состоитъ онъ изъ разнокалиберныхъ домиковъ, принадлежащихъ монастырямъ и отдѣльнымъ монахамъ, и заселены эти домики или самими монахами, или отдаются въ наемъ пріѣзжимъ мірянамъ. Всѣхъ домиковъ насчитываютъ здѣсь до двухъ сотъ, и при нихъ находится 120 церквей православныхъ. Карея недаромъ называется столицей Аѳона: къ ней дѣйствительно монастыри относятся, какъ провинціальные города къ своей столицѣ. Каждый монастырь имѣетъ здѣсь свое подворье (кунакъ), гдѣ живутъ монастырскіе повѣренные и останавливаются гости и поклонники. Здѣсь помѣщается аѳонскій протатъ—высшее правительственное собраніе, управляющее внѣшними и внутренними дѣлами всего Аѳона, и живетъ представитель турецкой власти съ своей канцеляріей. Здѣсь находится единственная на Аѳонѣ монашеская школа, гостиный дворъ и наконецъ главная тюрьма—высокая грязная башня, куда сажаютъ монаховъ за важныя преступленія.

Построена Карея на манеръ всѣхъ вообще восточныхъ городовъ. Дома сжаты въ кучу и лѣпятся другъ на друга; между ними проложены узкія, кривыя улицы съ канавкой по срединѣ, для стока нечистотъ; по улицамъ съ обѣихъ сторонъ устроены лавки, прикрытыя сверху деревянными навѣсами, чтобы солнце не пекло, и въ этихъ лавкахъ заѣзжіе купцы продаютъ разные привозные товары. Тутъ, конечно, въ тридорога можно найдти все нужное для монашества—и разныя ткацкія матеріи, и съѣстные продукты, и рабочіе матеріалы, свѣчи, бумагу и даже душеспасительныя книги. Характеръ Кареи чисто коммерческій, городской; мірскіе купцы придаютъ ей замѣтный мірской оттѣнокъ, и потому въ ней, кромѣ должностныхъ лицъ, живутъ постоянно только монахи-спеціалисты по торговой части и разные ремесленники, а остальные монахи бываютъ проѣздомъ и, справивъ что нужно, торопливо уѣзжаютъ восвояси. Киновіаты и строгіе аскеты очень не жалуютъ Карею и, во избѣжаніе соблазновъ грѣховныхъ, стараются бывать въ ней какъ можно рѣже. Жители штатныхъ монастырей и богатые келіоты напротивъ къ ней благосклонны и считаютъ поѣздку туда лучшимъ развлеченьемъ.

По субботамъ, въ базарные дни, на главной улицѣ Кареи ставится рядъ столовъ и на нихъ монахи грудами наваливаютъ кресты, четки, иконы и другія произведенія Аѳона. Городокъ оживляется, монашество толкается между столами, снуютъ пріѣзжіе поклонники, но все-таки продающихъ больше, чѣмъ покупающихъ. Между народомъ также порой пробиваются увѣчные и слабые келіоты, прося милостыню. Замѣчательно, что на этихъ базарахъ не слышно ни криковъ, ни шумнаго спора, все какъ-то обходится тихо и мирно: продавцы никому не навязываютъ своихъ издѣлій, а смиренно стоятъ у столовъ, опустивъ головы, и ждутъ кого пошлетъ имъ Господь. Купятъ рукодѣлье—келіотъ на вырученные деньги тутъ же покупаетъ себѣ съѣстные припасы на цѣлую недѣлю и матеріалы для дальнѣйшихъ работъ; не купятъ—молча сваливаетъ свой товаръ въ торбу и тащитъ его въ свою келью до слѣдующей субботы. Если народу мало въ Кареѣ, то на базарѣ полная тишина, и продавцы, стоя за столами, правятъ часы и тянутъ на четкахъ каноны. Три раза въ годъ—въ Рождество, Пасху и Успѣнье въ Кареѣ бываетъ ярмарка. Къ этимъ днямъ изъ Солуна привозятъ на Аѳонъ большіе тюки съ товарами, и игумены монастырскіе закупаютъ для братіи матеріи и кожу, изъ которыхъ потомъ они шьютъ себѣ рясы и обувь.

Такъ какъ Карея не монастырь, то для нея сдѣланы нѣкоторыя послабленія аѳонскаго устава: на улицахъ свободно курятъ табакъ и продаютъ мясо, для чего нарочно устроены бойни барановъ. Со всѣхъ окрестностей свозятъ сюда пѣтуховъ, и пѣнье ихъ день и ночь раздается надъ Кареей. Замѣчательно, что безъ курицъ пѣтухи живутъ между собою очень дружно, вмѣстѣ прогуливаются и сидятъ на жердяхъ и огородахъ, заливаясь по очереди пѣснями, а если и дерутся, то очень рѣдко. На пѣтуховъ огромный запросъ въ монастыри штатные и нѣкоторыя кельи *), и не разъ случалось мнѣ видѣть старцевъ, возвращающихся изъ Кареи съ пѣтухами подъ мышкой. Тутъ же идетъ оживленная торговля котами, на страхъ крысамъ святогорскимъ.

Любилъ я Карею; въ ней есть что-то заманчивое, житейское, и въ то же время оригинальное. По улицамъ ея носится ароматическій запахъ табаку; лавки большею частью сквозныя, такъ что весь товаръ на лицо; сами хозяева сидятъ тутъ же, поджавъ ноги, и работаютъ: кто шьетъ, кто пилитъ, кто точитъ, изрѣдка только приподнимая голову и раскланиваясь съ знакомыми монахами. А монахи снуютъ по Кареѣ, переходя отъ лавки къ лавкѣ, то къ одному купцу присядутъ потолковать, то къ другому, и все это какъ-то мирно, тихо, по семейному. Въ переднемъ углу устроена лавочка живописца Пахомія, и самъ онъ всегда на лицо при своей лавочкѣ. Передъ нимъ кучами разложены печатныя изображенія Богородицы и разныхъ святыхъ, тутъ же стоятъ шкалики съ красною и желтою краской, и съ необыкновеннымъ проворствомъ смазываетъ Пахомій этими красками одежду и сіянье. Часто, бесѣдуя съ прохожими, онъ вовсе не глядитъ на работу, но привычная рука сама исполняетъ свое дѣло; иногда, конечно, мимоходомъ смажетъ она кое-что и лишнее, но Пахомій хорошо знаетъ невзыскательность своихъ покупателей и не унываетъ. Противъ него стоитъ башмачная лавка о. Исаіи, чеботаря, и самъ старикъ тутъ же сидитъ съ дратвой и шиломъ. Лавка его какъ-то бокомъ выдвинулась на главную улицу, и потому рѣдкій монахъ не зайдетъ въ нее побесѣдовать. О. Исаія

---

*) Мясная пища строго запрещена въ киновіяхъ и скитахъ аѳонскихъ. Жители же штатныхъ монастырей и богатые келіоты смотря по достаткамъ, вкушаютъ и мясо. Аѳонъ смотритъ на это снисходительно.

говорунъ большой руки, особенно если дѣло коснется похода Наполеона на Россію (онъ малороссъ). Сорокъ три года живетъ онъ въ Кареѣ, знаетъ всѣ окрестныя тайны и за свое покровительство русскимъ монахамъ и поклонникамъ прослылъ по всему Аѳону за русскаго консула. Любятъ о. Исаію монахи за его откровенную словоохотливость и издалека приходятъ къ нему за совѣтами и свѣжими новостями. Зайдешь, бывало, къ нему,—старикъ обрадуется, посадитъ на табуретъ и начнетъ сообщать, по секрету, что о. Паисія посадили на хлѣбъ, на воду за непослушаніе, что Геронтій вчера убѣжалъ куда-то изъ монастыря, а Ипатій себѣ рясу новую шьетъ. Изъ лавочки о. Исаіи вся Карея на виду; сидимъ себѣ, да наблюдаемъ за ходомъ торговли монашеской. Вотъ на разукрашенномъ мулѣ ѣдетъ гордый проэстосъ покупать себѣ шелку на рясу, за нимъ пробирается келіотъ-бѣдняга, промышляющій больше насчетъ съѣстного. Изъ-за угла, на средину улицы, выходитъ глашатай и кричитъ на всю Карею, что такой-то капитанъ корабля завтра уѣзжаетъ въ Солунь и приглашаетъ желающихъ отправиться съ нимъ. Самъ капитанъ стоитъ тутъ же и ждетъ этихъ желающихъ для заключенія условій. Потомъ глашатай кричитъ, что такому-то келіоту денегъ въ долгъ повѣрять не слѣдуетъ, ибо онъ совсѣмъ промотался. Слушаютъ монахи эти вѣсти и потомъ разносятъ ихъ по всему Аѳону.—Вдали толпа разступается и по улицѣ важно проходитъ ага турецкій въ сопровожденіи слуги, который несетъ за нимъ длинный чубукъ и кисетъ съ табакомъ, а о. Исаій въ это время шепчетъ мнѣ, какъ ага былъ въ плѣну въ Россіи и два года таскалъ камни для кіевскихъ укрѣпленій. Но вотъ въ Протатскомъ соборѣ зазвучалъ благовѣстъ къ вечернѣ. Карея зашевелилась, засуетилась, лавки торопливо закрываютъ, столы прячутся, и народъ дружно повалилъ въ церковь. Быстро затихъ городокъ и только одни угрюмые сардары (наемные полиціанты) мѣрно расхаживаютъ по опустѣвшимъ улицамъ его.

И такъ мирно, среди вѣчной работы, день за днемъ переживаетъ Карея. Мастера монахи понемногу зарабатываютъ денежки и строятъ новыя кельи и церкви, которыя потомъ отдаютъ въ наймы желающимъ. Нѣкоторые изъ нихъ имѣютъ по нѣскольку домиковъ и получаютъ съ нихъ значительный доходъ. Жизнь такихъ монаховъ проходитъ въ полномъ раздольи, и въ дѣлѣ спасенья они, какъ и жители штатныхъ монастырей, никому не даютъ отчета. Каждый зажиточный мастеръ имѣетъ при себѣ нѣсколькихъ учениковъ, которые помогаютъ ему въ работахъ, а по смерти хозяина пользуются его наслѣдствомъ и сами становятся мастерами. Многіе мастера, зная какое нибудь опредѣленное мастерство, не брезгаютъ и другими промыслами, если только они имъ подъ силу и приносятъ доходъ; такъ напримѣръ, часовыхъ дѣлъ мастеръ при случаѣ занимается переплетомъ книгъ, башмачникъ деньги въ ростъ отдаетъ, и проч. Разъ какъ-то мнѣ понадобилось сшить себѣ дорожные брюки. Пріѣхавъ въ Карею, я спросилъ у монаховъ, нѣтъ ли тамъ мастера и по этой части?

— А вотъ понавѣдайтесь къ Панкратію, отвѣчали мнѣ:—онъ въ мірѣ портнымъ былъ, такъ можетъ не забылъ еще.

Я пошелъ. Въ небольшой темной келейкѣ, гдѣ-то на задахъ Кареи, отыскалъ я наконецъ Панкратія за шитьемъ рясы и объяснилъ ему свое дѣло. Панкратій выслушалъ меня и осмотрѣлъ внимательно съ ногъ до головы.

— Вамъ по французскому надо, или по турецки спросилъ онъ.

— Конечно, лучше бы на европейскій манеръ.

— Что-жъ, это можно! И принялся снимать мѣрку.

Но тутъ я усумнился въ искусствѣ аѳонскаго портнаго:—сошьетъ онъ мнѣ, думаю, какое нибудь безсбразіе, и спрашиваю: хорошо ли будетъ? Панкратій снисходительно усмѣхнулся и въ отвѣтъ на мои слова показалъ мнѣ большой и тщательно отдѣланный рисунокъ какого-то иконостаса.

— Вы вѣрно еще не знаете, что я за мастеръ, проговорилъ онъ самоувѣренно: — вотъ посмотрите-ка на мою работу — самъ дѣлалъ.

Я посмотрѣлъ, рисунокъ дѣйствительно оказался мастерскимъ.

— Что, хорошъ рисунокъ? спросилъ мастеръ.

— Хорошъ-то хорошъ, только я не понимаю, зачѣмъ показываете мнѣ этотъ рисунокъ?

— Странное дѣло! отвѣтилъ Панкратій:—ужъ если я такую мелкую работу могу справлять хорошо, такъ ваши-то брюки мнѣ ужъ нипочемъ.

Дѣлать нечего, надо было смириться предъ такимъ доказательствомъ и поручить Панкратію работу. Потомъ я еще болѣе убѣдился, что онъ мастеръ рисовать, а не шить.

Такіе образчики наивности не рѣдко приходилось встрѣчать между туземными ремесленниками.

Всѣ эти работы производятся внутри Аѳона и имѣютъ внутренній сбытъ. Что же касается до внѣшней торговли, то ею Аѳонъ занимается мало. Нѣкоторые монастыри продаютъ на заѣзжіе суда каштановыя бревна и плоды, торгуютъ орѣхами и бѣлымъ мраморомъ, но все это сбывается въ незначительномъ количествѣ, потому что идетъ на собственную потребу. Притомъ Аѳонъ, по самой природѣ своей, вовсе не годится для внѣшней торговли. Онъ выдвинутъ далеко въ море на жертву всѣмъ вѣтрамъ, берега его высоки и обрывисты и нѣтъ ни одного залива, гдѣ бы можно было судамъ безопасно укрыться отъ бури. Пароходы, дѣлающіе рейсы къ Аѳону, зимою не имѣютъ здѣсь никакой постоянной пристани и пристаютъ то съ одной стороны горы, то съ другой, смотря потому, гдѣ можно пристать безопасно. Единственная пристань святогорская «Дафна,» гдѣ помѣщена турецкая таможня, тоже не защищаетъ отъ вѣтра и волненья; въ нѣсколькихъ сотняхъ отъ берега здѣсь насчитываютъ до 70 саженъ глубины, такъ что вдали отъ берега стоять на якорѣ невозможно, а близко подойти опасно. Поэтому втеченіи всей почти зимы вокругъ Аѳона не видно почти ни одного судна, и мірскіе капитаны, объѣзжая гору, стараются какъ можно быть дальше отъ ея непривѣтливыхъ и опасныхъ береговъ. Самой природой Аѳонъ предназначенъ для царства монашескаго, отказавшагося отъ сношеній съ остальнымъ человѣчествомъ.

IX.

Состояніе наукъ на Аѳонѣ.

Ученость древняя и нынѣшняя. — Библіотеки. — Что дѣлаютъ монахи съ своими книгами? — Остатки языческихъ древностей. — Школы. — Образчики невѣжества и суевѣрій.

Еще въ то время, когда религіозные вопросы были въ силѣ, когда среди восточнаго монашества было много даровитыхъ ученыхъ и духовная литература процвѣтала, многіе міряне, постригаясь на Аѳонѣ, привозили съ собой изъ міра изрядныя количества рукописей, которыя по смерти владѣтелей поступали въ вѣчную собственность монастырей и скитовъ аѳонскихъ. Такимъ образомъ изъ этихъ пріобрѣтеній и мѣстныхъ литературныхъ трудовъ въ каждомъ монастырѣ и скитѣ образовались довольно значительныя библіотеки, которыя въ настоящее время составляютъ лучшее украшеніе Аѳона и придаютъ ему даже важное научное значеніе. Въ этихъ библіотекахъ сохранилась на лицо вся ученость христіанской Византіи, есть много рѣдкихъ рукописей и дѣловыхъ актовъ, еще никогда небывшихъ въ печати, подробное изслѣдованіе которыхъ знакомитъ насъ съ бытомъ древнихъ грековъ и ихъ научнымъ складомъ *). Мы не будемъ здѣсь разбирать содержаніе и составъ рукописей, предоставивъ эту работу спеціалистамъ, а пока бросимъ бѣглый взглядъ на то, какъ относится къ этой учености современное намъ аѳонское монашество.

Послѣ погрома византійскаго, греческая ученость начала быстро исчезать, энергія къ наукамъ ослабѣла, и въ этотъ періодъ рабства Греція не произвела ничего замѣчательнаго. Аѳонъ мало помалу сталъ наводняться невѣждами, которые смотрѣли на хранящіяся въ библіотекахъ книги, какъ на старый, безполезный хламъ, и придумывали, какое бы сдѣлать изъ него практическое употребленіе, болѣе выгодное. Употребленіе скоро нашлось, и множество древнѣйшихъ рукописей погибло безвозвратно. Монахи начали обрывками фоліантовъ заклѣивать разбитыя стекла въ окнахъ, употреблять ихъ на оклейку разныхъ вещей и на переплеты новыхъ книгъ. Часто, не находя въ рукописяхъ первыхъ листковъ, мы спрашивали библіотекарей, куда дѣвались эти листки, и получали наивный отвѣтъ, что ихъ вѣроятно *рыбы*

---

*) Если бы собрать всѣ, хранящіяся на Аѳонѣ, книги въ одно помѣщеніе, то составилась бы библіотека, съ которой по богатству рукописей не сравнилась бы ни одна изъ европейскихъ библіотекъ. Большинство рукописей здѣсь конечно религіознаго содержанія, но между ними есть нѣсколько интересныхъ и еще неизвѣстныхъ міру изслѣдованій по части свѣтскихъ наукъ и искусствъ. Съ богатствомъ библіотекъ аѳонскихъ отчасти познакомили насъ архимандритъ Порфирій и г. Севастьяновъ.

съѣли. Оказалось, что какой-то счастливецъ рыболовъ открылъ, что пергаментъ рыба ѣстъ очень бойко и сталъ насаживать куски пергамента на удочку. Этимъ открытіемъ воспользовались почти всѣ рыболовы аѳонскіе и долгое время кормили рыбу учеными трудами Византіи; рыба пожирала пергаментъ, а монахи въ свою очередь съѣдали рыбу и только этимъ путемъ они проглатывали эллинскую ученость. Множество рукописей погибло при междоусобицахъ монастырскихъ, когда греки, завладѣвъ чьимъ нибудь монастыремъ, топили, жгли и закапывали въ землю его библіотеку, чтобы и слѣда не осталось отъ прежнихъ владѣтелей монастыря. Во время эллинскаго возстанія, отразившагося и на Аѳонѣ (о чемъ будетъ рѣчь впереди), монахи свои рукописи, вмѣсто пыжей, забивали въ ружья, или отдавали ихъ пудами заѣзжимъ иностранцамъ изъ-за куска хлѣба. Только въ послѣднее время, когда ученые путешественники съ жадностью стали кидаться на рукописи и предлагать за нихъ огромныя цѣны, аѳонцы смекнули наконецъ, что рукописи эти слѣдуетъ поберечь и завели даже библіотекарей, которыхъ, въ видѣ послушанія, обязали присматривать за путешественниками, чтобы они не воровали и не портили книгъ *). Сначала дивились отцы, почему занимаетъ франковъ (европейцевъ) это старье, когда есть книги новыя, печатныя и въ красивыхъ переплетахъ; но потомъ на нихъ напалъ паническій страхъ, чтобы въ этомъ старьѣ не нашлось чего, бросающаго тѣнь на Грецію и даже на св. гору. Подъ вліяніемъ этого страха отцы, круто повернули дѣло въ другую сторону, и такъ запрятали свои древности, что теперь не всякій археологъ ихъ отыщетъ: пусть, дескать, никому не достанется...

---

*) На первыхъ страницахъ рукописей обыкновенно пишется грозное проклятіе тѣмъ, кто осмѣлится похитить ихъ изъ монастыря. Не смотря на это, нѣкоторые археологи все-таки похищали книги, или вырѣзывали изъ нихъ картинки и замѣчательныя почему нибудь мѣста текста.

Теперь въ большей части монастырей аѳонскихъ есть двѣ библіотеки: открытая и секретная. Въ первую впускаютъ всѣхъ желающихъ, но въ ней нѣтъ ничего замѣчательнаго: набраны для виду нѣсколько негодныхъ печатныхъ книгъ и рукописей, которыхъ не жалко, только чтобъ отдѣлаться отъ посторонняго любопытства. Въ секретную же библіотеку впускаютъ только довѣренныхъ лицъ, и то послѣ продолжительныхъ отнѣкиваній и отговорокъ, но за то здѣсь собраны всѣ книжныя богатства монастыря. Секретныя книгохранилища обыкновенно помѣщаются или въ подвалахъ, или въ сводахъ церковныхъ, и тамъ, за крѣпкими затворами, въ грязи и сырости, понемногу истлѣваетъ ученость древне-византійская. Мнѣ пришлось побывать въ этихъ секретныхъ библіотекахъ и подивиться той небрежности, съ какой монахи держатъ свои книги. Лишь только отворятся завѣтныя двери, какъ оттуда уже повѣетъ удушливою, могильною сыростью; внутри большею частью темно и, только приглядѣвшись, можно различить у стѣнъ огромные шкафы или полки съ книгами, а иногда и просто груду книгъ, сваленную будто мусоръ въ углу. Полки заросли тенетами, покрылись плѣсенью. Но вотъ путешественника усаживаютъ, и библіотекарь начинаетъ передъ нимъ безцеремонно вываливать книги изъ шкафовъ на полъ. Подымается пыль, разлетаются ветхіе листки книгъ и миріады мокрицъ и пауковъ въ ужасѣ бѣгутъ въ разныя стороны: а между тѣмъ иначе пересмотрѣть книги невозможно, потому что они въ нѣсколько рядовъ покрываютъ одна другую. Рукописи всѣ изорваны, обглоданы крысами и рыбами; въ нихъ стадами роятся разныя насѣкомыя, даже черви,— а грязи-то, грязи-то сколько!.. Въ нѣкоторыхъ монастыряхъ есть каталоги, неизвѣстно кѣмъ и когда составленные, но этимъ каталогамъ довѣрять не слѣдуетъ: они составлены по первымъ заголовкамъ книгъ, тогда какъ часто подъ однимъ переплетомъ сшито нѣсколько рукописей разнороднаго содержанія, которые поэтому не входятъ въ каталогъ. Чтобы отыскать что нибудь замѣчательное, нужно самому пересмотрѣть всѣ рукописи, но много надо имѣть терпѣнья и любви къ древностямъ, чтобы по нѣскольку часовъ сряду просиживать и рыться въ этихъ катакомбахъ. Лучшіе на Аѳонѣ библіотеки, по чистотѣ и порядку, находятся въ Есфигменѣ, Руссикѣ, Зографѣ и Хиландарѣ, по богатству рукописей— въ Ватопедѣ, Иверѣ и Лаврѣ.

Рукописей своихъ монахи не читаютъ, какъ потому, что мало интересуются чтеніемъ вообще, такъ и потому, что не могутъ разбирать древнихъ почерковъ. Часто самъ библіотекарь, показывая намъ ту или другую рукопись, наивно спрашивалъ: на какомъ языкѣ она написана:—на арабскомъ, или турецкомъ? и очень дивился, когда его увѣряли, что книга написана на родномъ его языкѣ греческомъ. Если такъ знаетъ рукописи библіотекарь, выбираемый обыкновенно изъ ученыхъ, то что же смыслитъ въ нихъ остальная братія? Послѣ этого неудивительно, что она смотритъ на свои библіотеки, какъ на безполезный балластъ.

Также не дружелюбно поступаетъ Аѳонъ и съ другими остатками древности. Отъ временъ языческихъ здѣсь сохранилось нѣсколько саркофаговъ и изваяній, интересныхъ для любителей старины; но съ этими вещами монахи поступили иначе, потому что они языческія. Запрятавъ саркофаги въ глубь своихъ подваловъ, монахи старательно уничтожили изсѣченныя на нихъ фигуры и на мѣстѣ ихъ нацарапали кресты.

Вообще на Аѳонѣ слишкомъ замѣтенъ недостатокъ людей мало-мальски образованныхъ. Есть люди начитанные и хорошо знакомые съ богословскими науками, особенно среди даскаловъ монастырскихъ, но такихъ очень не много. А было время, что Аѳонъ мечталъ распространить просвѣщеніе даже на окрестныя страны. Даже нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ при Ватопедскомъ монастырѣ, была попытка завести училище для воспитанія малолѣтнихъ (вопреки закону о недопущеніи дѣтей на св. гору), и для этой цѣли выстроено особое зданіе за стѣнами монастырскими. Окрестные поселяне, по приглашенію братіи, стали привозить туда своихъ сыновей и внуковъ, и ученье началось понемногу. Но по случаю непріятныхъ исторій и споровъ, родители принуждены были взять дѣтей своихъ обратно съ Аѳона. Школа скоро сгорѣла, и до сихъ поръ ея закоптѣлый остовъ красуется въ виду монастыря, служа ему вѣчнымъ упрекомъ... Можетъ быть, и къ лучшему сгорѣла эта школа... Богъ знаетъ, какихъ дѣятелей дала бы она міру.

Взамѣнъ этого, въ Кареѣ не такъ давно открыто другое училище, но уже для монаховъ. Оно помѣщается въ большомъ и красиво разрисованномъ зданіи и имѣетъ знающихъ свое дѣло преподавателей, выписанныхъ нарочно изъ Аѳинъ. Въ этомъ училищѣ учатся до тридцати молодыхъ монаховъ разнымъ богословскимъ наукамъ и даже латинскому и французскому языку, вѣроятно для того, чтобы при случаѣ вести догматическіе споры съ католиками. Чрезъ нихъ Аѳонъ расчитываетъ показать еретическому міру свою силу и, по окончаніи курса, разсылаетъ ихъ въ разныя эпархіи, какъ апостоловъ православія. Но такихъ людей, говорю, слишкомъ мало и огромное большинство обитателей Аѳона находится въ томъ состояніи блаженнаго невѣденія, какое имѣютъ только младенцы, невкушавшіе еще *словеснаго млека*. Это младенческое невѣденіе стоитъ, кажется, въ самомъ принципѣ аѳонскаго подвижничества, какъ читатель могъ замѣтить это изъ предыдущихъ главъ. Сколько разъ мнѣ приходилось слышать такія восклицанія, выработанныя многолѣтнимъ опытомъ Аѳона: «въ мірскомъ знаніи нѣтъ спасенія! Мірскія науки не приведутъ къ добру! Для чего мы будемъ испытывать судьбы Божіи? Онъ одинъ знаетъ законы міра, и намъ ли слабымъ сравняться съ Нимъ въ знаніи? А коли станетъ умъ кичливый стремиться къ знанію, діаволъ тотчасъ искушать начнетъ гордостью, и въ сердцѣ грѣшника понемногу ослабнетъ смиреніе передъ непостижимой для насъ силой Божіей...» Иные прямо сознавались, что наука нужна въ мірѣ, а не здѣсь; здѣсь она только мѣшаетъ спасенію: «да и наше ли это дѣло? Мы вѣдь монахи!..» и т. п.

Въ силу такихъ принциповъ монахи косо смотрятъ на науки вообще и на мірскія въ особенности, и стараются сохранить свое младенческое невѣденіе. Слѣдствіемъ этого невѣденія бываетъ постоянный, суевѣрный страхъ и суевѣрное толкованіе самыхъ обыкновенныхъ явленій природы. Все, непонятное съ перваго взгляда, у нихъ легко объясняется дѣйствіемъ силы: или благодатной—Бога, или враждебной—сатаны, дѣйствующаго попущеніемъ Божіимъ. Случится ли землятрясеніе или гроза, и вотъ въ монастыряхъ бьютъ въ набатъ, торопя братію къ молитвѣ, чтобы несчастье миновало обитель. Появится ли гусеница или болѣзнь какая на виноградѣ, собираются монахи и изъ требника читаютъ заклинанія св. Трифона, чтобы Богъ послалъ на гусеницу ангела своего съ огнемъ и мечемъ и прогналъ ее на мѣсто безлюдное, безводное и безплодное... Если же какое событіе хоть немного выходитъ изъ ряда обыкновенныхъ, то Аѳонъ совсѣмъ теряется и не знаетъ, что дѣлать по этому случаю. Нѣсколько лѣтъ назадъ на Аѳонѣ зашелъ, убѣжавшій откуда-то, верблюдъ и долго разгуливалъ по горѣ. Въ этомъ кажется, нѣтъ ничего удивительнаго, но на монаховъ почему-то напалъ паническій страхъ; въ появленіи такого необыкновеннаго путешественника, они видѣли грозное предзнаменованіе, видѣли воплощенную силу нечистую, и каждый монастырь съ ужасомъ ждалъ приближенія верблюда. Только гдѣ показывался верблюдъ, его били и гнали дальше, а братія впадала въ уныніе, ожидая разныхъ несчастій. Дѣйствительно, послѣ него, какъ нарочно, въ Лаврѣ обрушились арки въ воротахъ, а Кутлумушъ сгорѣлъ только оттого, что верблюдъ, проходя мимо монастыря, посмотрѣлъ на него какъ-то загадочно. Не знаю, что бы дальше предприняли монахи, если бы не явился хозяинъ верблюда и не увелъ его съ собой.

Много толковъ и суевѣрнаго страха произвела большая комета, бывшая въ 1858 году. Политики видѣли въ ней мечь, угрожающій Турціи; не политики—приближеніе страшнаго суда. При этомъ привожу одинъ изъ множества фактовъ, дающій понятіе о наивности и невѣденіи аѳонской братіи. Самоваръ, въ нѣкоторыхъ закоулкахъ Аѳона, до сихъ поръ еще служитъ предметомъ диковиннымъ, а труба самоварная и подавно, особенно если она узористая. О. Лукіанъ, прислушиваясь однажды къ толкамъ греческимъ о кометѣ, вздумалъ подшутить надъ ними. Онъ среди бѣлаго дня наставилъ трубку самоварную къ небу, будто телескопъ, и смотритъ внимательно.

— Чего ты, отче, глядишь? спрашиваетъ прохожій монахъ-грекъ.

— Комету наблюдаю, отвѣтилъ тотъ положительно.

— Да развѣ днемъ видно?

— Въ трубу видно лучше, чѣмъ ночью; даже надпись можно разобрать на хвостѣ.

Монахъ попросилъ посмотрѣть. Лукіанъ конечно согласился.

— Ну что? видишь? спросилъ онъ.

— Нѣтъ еще.

— Ну, братъ, значитъ у тебя грѣховъ много; а грѣшный тутъ ничего не увидитъ. Давай-ка назадъ трубу.

— Погоди, отче, я еще посмотрю, можетъ увижу, проговорилъ тотъ робко и продолжалъ упорно глядѣть въ трубу.

Скоро сошлась порядочная толпа любопытныхъ, и не смотря на то, что о. Лукіанъ объявилъ имъ о своей шуткѣ, самоварная труба до поздняго вечера переходила изъ рукъ въ руки.

Приходилось мнѣ говорить иногда съ монахами, даже съ даскалами (учителями) аѳонскими объ электричествѣ, гальванизмѣ, локомотивахъ и другихъ открытіяхъ науки, но монахи или вовсе не признавали фактовъ, или прямо видѣли въ нихъ силу демонскую. Мнѣ отвѣчали, что «ни въ св. писаніи, ни у св. отцевъ церкви объ этомъ не сказано ни слова: — такъ что же можно видѣть во всемъ этомъ, какъ не вражьи искушенія?» И больше говорить со мной не хотѣли. Одинъ столѣтній старикъ-келіотъ много времени прожилъ на Аѳонѣ въ уединеніи и блаженномъ невѣденіи. Доходили и до него стороной темныя слухи о какихъ-то пароходахъ и паровозахъ, гдѣ работаетъ паръ, вмѣсто людей и т. п., но старикъ пропускалъ мимо ушей эти слухи и только подсмѣивался. «Тутъ сила нечистая дѣйствуетъ, говорилъ онъ ученикамъ: — и къ Аѳону ей не подойти, вспомяните вы мое слово!» Но вотъ ученики передаютъ ему, что слово старческое не сбылось, и пароходы благополучно пристаютъ у Руссика и привозятъ даже богомольцевъ. — Такъ покажите же мнѣ эти пароходы! промолвилъ озадаченный старецъ, и рѣшился на этотъ разъ покинуть свое долгое уединеніе и идти къ морю. Въ день прибытія парохода, его подъ руки ввели на гору, откуда видна была пристань Руссика, и съ высоты горной, какъ новый Моисей, увидѣлъ онъ частичку міра обѣтованнаго. Видѣлъ онъ, какъ подъѣзжалъ пароходъ, какъ встрѣчали и провожали его колокольнымъ звономъ, (причемъ пароходъ не лопнулъ и не исчезъ), какъ потомъ онъ тихо и плавно обогнулъ Аѳонъ и скрылся на далекомъ горизонтѣ. Старикъ въ изумленіи поникъ головою.

— Видѣлъ, отче? Видѣлъ чудо? спрашивали его ученики.

— Ведите меня домой! отвѣтилъ тотъ угрюмо. — Теперь мнѣ только умереть остается; больше видѣть ужъ нечего.

Видно, слишкомъ поразило его это событіе и сознаніе силы науки невольно ворвалось въ его стариковскую душу...

Такіе же экземпляры невѣденія и наивнаго любопытства встрѣчаются и между сановными монахами, составляющими власть монастырскую, только у нихъ оно имѣетъ оттѣнокъ барскій, начальническій. Если такой монахъ и спрашиваетъ о чемъ нибудь, то съ достоинствомъ, какъ будто все это онъ уже давно знаетъ и спрашиваетъ только отъ нечего дѣлать. Въ собственныя разсужденія по части наукъ онъ не вдается, вѣроятно потому, что боится промахнуться и уронить себя въ глазахъ мірянина. Помню, разъ въ собраніи проэстосовъ, мы завели рѣчь о Китаѣ и о послѣднихъ продѣлкахъ съ нимъ Англіи. Этотъ разговоръ особенно заинтересовалъ одного проэстоса, который до тѣхъ поръ, кажется, и не подозрѣвалъ о существованіи такой диковинной страны, какъ Китай. На другой день онъ нарочно является къ намъ, и будто мимоходомъ, снова заводитъ рѣчь о Китаѣ. Мы конечно отвѣчаемъ, и старикъ уходитъ. На третій день та же исторія и такъ почти-что каждый день. Какъ приближаются сумерки, слышимъ, раздается шлепанье башмаковъ по лѣстницѣ, и въ дверяхъ показывается сѣдая и толстая фигура

«Китая.» Раскланявшись и усѣвшись, онъ начинаетъ обычный разговоръ.

— Жарко сегодня?

— Да, жарко.

— А что, въ Китаѣ тоже вѣдь жарко?

— Очень.

— А какъ тамъ, въ Китаѣ, даже крысъ ѣдятъ?

— Ѣдятъ.

— Соленыхъ?

— И соленыхъ.

— Гмъ!.. Ишь вѣдь какъ... люди-то... Вѣдь, кажется, и церкви православныя есть?

— Есть.

— Ну, вотъ. А какъ Китай-то далеко отсюда?

— Очень далеко!.. И такъ далѣе, въ этомъ родѣ тянется разговоръ часа полтора. Подъ конецъ происходило общее зѣванье и «Китай» уходилъ спать.

Черезъ годъ я опять неожиданно встрѣтился съ этимъ проэстосомъ и, желая доставить ему удовольствіе, самъ заговорилъ съ нимъ о Китаѣ. Старикъ обрадовался и съ прежнимъ глубокомысліемъ повторилъ свои вопросы. Юродство ли было это, или серьезное увлеченіе Китаемъ, не знаю.

Когда пріѣзжіе археологи обратили вниманіе на древности аѳонскія и убѣдили монаховъ, что чѣмъ больше въ монастырѣ Византійской древности, тѣмъ больше ему чести, тогда стали по глазомѣру опредѣлять древности своихъ построекъ и составлять *по преданію* исторію Аѳона и монастырей его *). Начались между ними споры: чья обитель древнѣе, кто былъ основателемъ ихъ и т. п. Хронологія и исторія завертѣлась въ переработкѣ монашеской, событія чудеснымъ образомъ исказились и теперь не дай Богъ никому довѣриться разсказамъ монашескимъ о происхожденіи и исторіи святогорскихъ обителей. Всѣ почти монастыри оказались основанными, если не при Константинѣ великомъ, то не много позже его; каждая вещь украсилась легендой, одна другой древнѣе; одинъ монахъ даже увѣрялъ меня, что Протатской соборъ въ Кареѣ заложила сама Богородица въ бытность свою на Аѳонѣ, хотя этотъ соборъ съ самой постройки своей празднуетъ день Успѣнья. Слушая толки монашескіе, я спрашивалъ иногда: какъ же это, братіе, по хронологіи оказывается, что такой то монахъ жилъ у васъ 200 лѣтъ, или, что патріарху, освѣщавшему вашъ соборъ, было въ то время только три года отъ роду?

---

*) Эта исторія со всѣми ея промахами отчасти вошла въ составъ писемъ Святогорца.

— Не знаемъ этого, смиренно отозвались отцы: — такъ передавали намъ старцы наши, и гдѣ же намъ повѣрять эти преданья!..

А между тѣмъ, слѣдующимъ путешественникамъ разсказывали то же самое.

Въ нѣкоторыхъ монастыряхъ получаютъ газеты изъ Константинополя и Аѳинъ, но эти газеты, въ видахъ политическихъ, читаетъ только начальство монастырское, чтобы узнать, не предвидится ли опасности для Турціи, и если предвидится, то какія вслѣдствіе этого принять мѣры. Братія газетъ не читаетъ, какъ потому, что въ большинствѣ случаевъ не умѣетъ, такъ и потому, что духовники не совѣтуютъ ей отвлекаться отъ дѣлъ спасительныхъ. Книги духовнаго содержанія, кромѣ церковно-богослужебныхъ, тоже рѣдко имѣются у монаховъ: киновіаты ихъ держать не имѣютъ права, какъ вообще всякую собственность, а иноки остальныхъ общинъ боятся читать богословскія книги, чтобы не впасть въ искушеніе и не дать головѣ возможности углубляться въ тайны премудрости божіей. Притомъ не стоитъ самому доискиваться разъясненія разныхъ сомнѣній, когда на эти сомнѣнія долженъ дать отвѣты духовникъ или даскалъ монастырскій. Въ видахъ назиданія, читаются монахами только четьи-минеи и жизнеописанія разныхъ святыхъ, чтобы имѣть ихъ образцами для себя. При такомъ порядкѣ вещей неудивительно, что многія забываютъ даже то, что успѣли узнать въ мірѣ. А если эти, добытыя въ мірѣ знанія и не отвергаются вовсе, какъ мірскія стяжанія, то здѣсь они скоро получаютъ особый, аѳонскій смыслъ, отсвѣчиваются религіозностью и мистикой. За тѣмъ отшельникъ кладетъ окончательный запретъ на свои дерзновенныя мысли, и все безропотно предоставляетъ знать одному всевѣдущему Богу.

X.

Искусства.

Живопись древняя и новая.—Различіе вкусовъ старыхъ и новыхъ.—Нынѣшніе иконописцы и художники.—Мѣстныя литографіи и гравюры.—Пѣніе —Архитектура.

Безотрадное впечатлѣніе производятъ на путешественника образцы современнаго искусства Аѳона: его иконопись, его пѣніе церковное и зодчество. Сравнивая эти образцы съ образцами древности, опять-таки поневолѣ убѣждаешься, что древній Аѳонъ имѣлъ болѣе вкуса и лучше цѣнилъ искусства, чѣмъ нынѣшній.

Одинъ вліятельный путешественникъ русскій, въ бытность свою на Аѳонѣ, пришелъ въ восторгъ отъ тамошней живописи и, пріѣхавъ въ Россію, объявилъ, что тамъ прекрасно сохранились древнѣйшіе образцы византійскаго искусства и что, вмѣсто Рима, на Аѳонъ слѣдуетъ посылать нашихъ художниковъ для усовершенствованія. Повѣривъ такому восторженному описанію, художники, прибывшіе на Аѳонъ, вмѣстѣ съ г. Севастьяновымъ, съ жаромъ принялись отыскивать эти образцы искусства: они обошли всѣ монастыри, скиты и кельи аѳонскія, гдѣ есть какая нибудь живопись, и послѣ напрасныхъ поисковъ совершенно упали духомъ.

— Что жъ, видно не понравилось здѣшнее искусство? спрашивалъ я потомъ одного изъ нихъ,

— Это ужасно! Это невыносимо! Нѣтъ ни одной правильной линіи!... отвѣчалъ тотъ съ жаромъ. — Мы здѣсь позабудемъ даже то, что знали.... Руку можно испортить, срисовывая это безобразіе! и проч.

Конечно, въ этихъ словахъ много жолчи, и аѳонская живопись еще не вся такъ безобразна, какъ бы можно было судить о ней по такому отзыву; но все-таки влiятельный путешественникъ хватилъ черезчуръ далеко.

Живопись на Аѳонѣ двухъ родовъ: иконная и стѣнная. Иконная пишется на доскахъ и предназначается для всеобщаго поклоненія, а стѣнная покрываетъ внутреннія стѣны церквей аѳонскихъ, сверху до низу, и предназначается собственно для назидательныхъ размышленій. Та и другая живопись, какъ мы имѣли уже случай говорить, имѣетъ строгій, аскетическій стиль, не развлекающій очи спасающихся, мірской красотой. Аѳонскій монахъ не можетъ молиться иконѣ, если въ ней не соблюдены общепринятыя условія греческаго иконописанія относительно одежды и выраженія ликовъ, и если икона хоть сколько нибудь напоминаетъ мірскую живопись. На всѣ священныя изображенія итальянской школы онъ смотритъ съ пренебреженіемъ: «ты намъ подавай, говоритъ онъ:—икону, а не картину.» Конечно, и въ такихъ изображеніяхъ, которыя Аѳонъ признаетъ *иконами*, можно было бы найти слѣды искусства и правильность очертаній, если бы они существовали, но, къ сожалѣнію, мѣстные иконописцы этимъ похвастать не могутъ. Если вы войдете днемъ въ аѳонскую церковь съ новѣйшей живописью, то васъ прежде всего ослѣпитъ необыкновенная яркость красокъ, между которыми преобладаютъ цвѣта: желтый, красный и синій. Лица святыхъ, если иногда и напоминаютъ лица человѣческія, то лица суровыя, изуродованныя неискусной кистью доморощеннаго богомаза, положенія фигуръ, драпировка и перспектива неправильны и неискусны, такъ что часто, глядя на позы молящихся, или иначе дѣйствующихъ лицъ, поневолѣ задумываешься, какимъ образомъ можно продержаться въ такомъ положеніи хоть одну секунду?.. Словомъ, новѣйшая греческая живопись очень напоминаетъ тѣ ярко раскрашенныя печатныя иконы, какія тысячами разносятъ по деревнямъ наши офени. Но за то въ цѣломъ эта пестрота и яркость красокъ производитъ на грековъ изрядный эффектъ.

Есть на Аѳонѣ закоптѣлые и попорченные временемъ остатки живописи древней и болѣе привлекательной, на которую вѣроятно и расчитывала наша художественная экспедиція, отправляясь на св. гору. Тутъ главную роль играютъ фрески пресловутаго аѳонскаго Рафаеля— Панселина. Кто былъ этотъ Панселинъ и когда жилъ онъ, наши археологи до сихъ поръ еще не рѣшили, но произведенія этого иконописца, въ сравненіи съ современною уродливою живописью, составляютъ явленіе отрадное, хотя по правильности и исполненію рисунка, далеко не выдержатъ художественной критики. Эта живопись хранится въ Протатскомъ соборѣ въ Кареѣ и находится въ самомъ жалкомъ положеніи, потому что соборъ, вмѣстѣ съ живописью, подвергался многимъ превратностямъ судьбы. Во время завоеванія Греціи, когда и на Аѳонѣ были кровопролитія и безпорядки, Протатскій соборъ едва не былъ разрушенъ и около семидесяти лѣтъ стоялъ безъ крыши, такъ что фрески его, во все это время, были открыты непогодамъ аѳонскимъ. Въ 1508 году воевода молдовлахійскій, Богданъ, рѣшился возобновить храмъ, сдѣлалъ потолокъ и разныя пристройки вокругъ храма; при этомъ рабочіе, конечно, не церемонились съ живописью и вбивали лѣса прямо въ фигуры святыхъ; а при постройкѣ потолка головы святителей, изображенныхъ вверху, чудеснымъ образомъ очутились по ту сторону потолка и наружѣ остались только одни ихъ туловища, да ноги. Зданіе сдѣлалось темно и сыро. Потомъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, на Аѳонѣ шелъ такой дождь, что въ Протатскомъ соборѣ сдѣлалось наводненіе и монахи должны были бочками вывозить изъ него воду. Отъ землетрясеній въ соборѣ образовалось нѣсколько трещинъ, и эти трещины замазаны глиной прямо по живописи. Послѣ этого не удивительно, что фрески Панселина кажутся матовыми и не такъ рѣжутъ глаза, какъ яркая живопись остальнаго Аѳона. Многія изъ нихъ выигрываютъ только оттого, что покрыты густымъ слоемъ копоти и пыли, который смягчаетъ рѣзкости рисунка; но когда пробовали вычищать эту копоть, то изумленнымъ взорамъ наблюдателей представлялась таже пестрота и неправильность рисунка, какъ и въ новыхъ иконахъ; разница между тѣми и другими оказалась очень невелика. Только нѣсколько мученическихъ фигуръ производятъ впечатлѣніе хорошее и ставятъ Панселина все-таки несравненно выше современности аѳонской, и эти-то фигуры тщательно снимаются новѣйшими путешественниками, какъ образцы византійскаго искусства *).

Есть и еще кое-гдѣ остатки старинной живописи и вездѣ она кажется лучше современной; но вѣроятно эти остатки скоро окончательно изчезнутъ съ Аѳона. Боль-

---

*) Всѣ эти фигуры сняты художественной экспедиціей г. Севастьянова и представлены нашей академіи художествъ, но академія не нашла въ нихъ ничего замѣчательнаго.

шинство монаховъ смотритъ на древнiе фрески, какъ на старье, которое слѣдуетъ подновить, чтобъ поярче было. Старая живопись сохраняется здѣсь только потому, что въ монастыряхъ нѣтъ лишнихъ денегъ, но чуть найдутся эти лишнiя деньги, старцы шлютъ приглашенiе къ карейскимъ иконописцамъ, а тѣ, конечно, везутъ съ собою пудами пресловутую въ лѣтописяхъ иконописанiя вохру да киноварь. Вохра возьметъ свое и чрезъ нѣсколько времени византiйская живопись заблещетъ яркими переливами стамбульскихъ красокъ, къ немалому восторгу мѣстной братiи.

Главныя мастерскiя аѳонскихъ иконописцевъ находятся въ Кареѣ, и оттуда уже мастера разъѣзжаютъ по монастырямъ для работъ и поправокъ. Ремесло иконописца—одно изъ самыхъ выгодныхъ на Аѳонѣ, потому что запросъ на иконы слишкомъ великъ, и мастера едва успѣваютъ управляться съ заказами. Каждый живописецъ держитъ нѣсколько учениковъ и имъ передаетъ тайны своего искусства, такъ что манеры письма безъ перемѣны переходятъ изъ рода въ родъ, отъ старшихъ къ младшимъ, сохраняя такимъ образомъ однообразiе и постоянство колорита. Я однажды имѣлъ случай посѣтить одну изъ главныхъ мастерскихъ. Послѣ долгихъ переходовъ, я очутился въ свѣтлой, но грязной комнатѣ, уставленной вокругъ образами. Среди пола, на разостланныхъ кожахъ сидѣли, поджавъ ноги, шесть монаховъ и работали. Передъ каждымъ изъ нихъ стоялъ двуногiй мольбертъ, привязанный за верхнiй конецъ къ потолку. Въ углу три младшихъ ученика грунтовали доски и клали позолоту на икону. Эти младшiе ученики занимаются одной предварительной работой: растираютъ краски, варятъ масло, наводятъ фонъ и золотятъ иконы, но рисунки составляетъ всегда самъ мастеръ. Для образца, въ видѣ указателя, у нихъ есть набросанные карандашемъ абрисы разныхъ святителей, снятыхъ, какъ видно, со старинныхъ иконъ и передающихся тоже изъ рода въ родъ, по наслѣдству. Я спросилъ одного изъ живописцевъ: почему они не держатъ никакихъ болѣе художественныхъ образцовъ?

—Гдѣ же взять ихъ? отвѣчалъ тотъ.—У насъ есть гравюры, да тѣ католическія, для насъ не годятся.

—За то рисунки были бы правильнѣе.

— Намъ правильности и красоты особенной не нужно. Молящійся, по одному очертанію, можетъ представить себѣ красоту небесную, какъ ему угодно. Наше дѣло только напомнить. Да и можемъ ли мы нашими красками изобразить сіяніе славы небесной?...

Такъ стараются иконописцы объяснить свое неискусство, и придать ему даже религіозный смыслъ.

Новѣйшую живопись Аѳона хотя нельзя похвалить за красоту рисунка, но за то она замѣчательна своею замысловатостью и обиліемъ содержанія. Глядя на аѳонское изображеніе, можно послѣдовательно припомнить всю исторію изображаемаго событія, его начало, конецъ, и даже послѣдствія. Глядя, напримѣръ, на икону Преображенія, видишь въ одно время Іисуса Христа, входящаго на гору, преображающагося и потомъ сходящаго съ горы, и т. п. Особенно назидательны стѣнныя изображенія, помѣщенныя въ притворахъ храма. Тутъ въ картинахъ изображается весь символъ вѣры, и вселенскіе соборы съ ихъ ученіемъ, и даже апокалипсисъ. Тутъ же для назидательныхъ размышленій братіи изображена лѣстница Іоанна Лѣствичника, по которой восходятъ къ нему иноки, а бѣсы стараются столкнуть ихъ съ этой лѣстницы и уронить въ геенну огненную. Геенна изображена подъ лѣстницей въ видѣ страшнаго дракона; изъ открытой пасти дракона пышетъ полымя, а изъ полымя торчатъ ноги инока, сбитаго съ пути бѣсами. Рядомъ обыкновенно помѣщается изображеніе монаха, распявшаго, въ видѣ креста, плоть свою со страстьми и похотьми; всѣ члены его плоти покрыты надписями, въ которыхъ перечисляются грѣхи, соотвѣтствующіе каждому члену. Далѣе изображена смерть грѣшника и праведника, преступленіе Ананія и Сапфиры, загробныя мытарства, адъ съ висящими на крючьяхъ грѣшниками, и рай, въ которомъ ходитъ благочестивый разбойникъ съ крестомъ на плечѣ. Есть изображенія полемическаго свойства, напримѣръ: изображена лодка, наполненная православными христіанами, которою управляетъ самъ Іисусъ Христосъ, сидящій у руля, а на берегу стоятъ римскій папа и Лютеръ съ своими послѣдователями и длинными баграми силятся они опрокинуть лодку. Если рисуются еретики, то непремѣнно съ бѣсами на плечахъ, которые нашептываютъ имъ лжемудрыя рѣчи. Но всего не перечесть. Вообще тутъ въ лицахъ изображенъ весь тотъ міръ, гдѣ постоянно сосредоточены мысли аѳонскихъ отшельниковъ, съ ихъ вѣчнымъ memento mori

Каждая община имѣетъ печатныя изображенія своего монастыря, которыя потомъ она раздаетъ на память своимъ поклонникамъ. Эти виды срисовываются мѣстными живописцами, что называется «съ птичьяго полета,» то есть такъ, что на картинѣ видна и внутренность и наружность монастыря со всѣми подробностями пристроекъ. Тутъ же обыкновенно рисуется крестный ходъ; монахи бьютъ въ токъ и звонятъ въ колокола; по морю плаваютъ корабли и киты. Однажды старцы, въ Руссикѣ, попросили меня снять видъ ихъ монастыря. Я снялъ его, какъ слѣдуетъ, и показалъ старцамъ. Русскіе остались довольны моей работой, а греки, послѣ долгаго разсматриванія рисунка, только покачали головами.

— Гдѣ же трапеза наша? спрашивали они у меня.

Я показалъ на крышу трапезы, замѣтную изъ за стѣнъ монастыря.

— А дверей развѣ нѣтъ у нашей трапезы?

— Да я ихъ не видалъ съ того мѣста, откуда снималъ.

— Ну, а гдѣ же поварня? Гдѣ церковная лѣстница? Отчего никто не звонитъ въ колокола?

— Этого опять-таки я не могъ видѣть.

— Нѣтъ, это не нашъ монастырь! заключили греки и возвратили мнѣ рисунокъ.

Пѣніе, какъ искусство, на Аѳонѣ должно бы процвѣтать во всей силѣ, потому что монахи большую часть дня или поютъ, или слушаютъ пѣніе; но оно процвѣтаетъ отчасти только среди русскихъ отшельниковъ. Въ русскихъ обителяхъ, заключенныхъ въ строгія условія киновіатской жизни, хоровое церковное пѣніе проникнуто глубокимъ аскетическимъ смысломъ и производитъ на постороннихъ слушателей сильное впечатлѣніе. Унылость напѣва и тихіе, немного однообразные переливы нотъ—отличительныя особенности этого пѣнія; изъ нотъ монашескихъ изгнано все, что можетъ радовать и услаждать слухъ, запрещены даже всѣ сочиненія Бортнянскаго и другихъ композиторовъ, напоминающихъ музыку мірскую, католическую. Не знаю, изъ какихъ концовъ Россіи перешло на Аѳонъ это пѣніе, но знаю, что всѣ привозимыя, изъ міра, ноты поступаютъ здѣсь въ цензуру знатоковъ пѣнія, и изъ нихъ поется только то, что соотвѣтствуетъ отшельническому настроенію братіи и гармонируетъ съ пустыннымъ складомъ Аѳона. Такое пѣніе какъ то невольно настроиваетъ человѣка на извѣстный ладъ, и потому, въ отношеніи искусства, стоитъ несравненно выше пѣнія греческаго.

Греки аѳонскіе поютъ обыкновеннымъ церковнымъ напѣвомъ, какой употребляется въ мірскихъ греческихъ церквахъ, но для человѣка, имѣющаго хоть сколько нибудь музыкальное ухо, это пѣніе невыносимо. Мнѣ говорили, что иностранцы, привыкшіе къ гармоніи хорового пѣнія, не могутъ судить о красотахъ греческаго напѣва и что надобно непремѣнно привыкнуть къ нему, но я въ теченіи цѣлаго года силился пріучить себя къ этимъ звукамъ, и не могъ. Обыкновенно греческій псалтъ (пѣвчій), безъ всякой мѣры, выводитъ полутонныя, раздирательныя завыванья, а остальныя вторятъ ему, подтягивая унисономъ одинъ главный тонъ. Въ этихъ звукахъ нѣтъ ни мелодіи, ни такта; это не обиходное наше пѣніе, въ которомъ все-таки нѣтъ фальшивыхъ нотъ; у грековъ звуки какъ-то странно сливаются и рознятъ безъ милосердія. Изрѣдка будто прорвется иногда какой нибудь осмысленный мотивъ, но онъ тотчасъ же затеряется въ этомъ хаосѣ звуковъ. Къ довершенію эффекта аѳонскіе псалты, вытягивая свои ноты, имѣютъ привычку гнусить и пѣть черезъ носъ, и тѣмъ еще болѣе тиранятъ постороннее ухо. Часто, слушая подобное пѣніе, я думалъ: неужели есть возможность отъ этихъ звуковъ приходить въ умиленіе и настроиться къ чему нибудь высокому? Гдѣ же это, знаменитое въ древней Греціи, «сладкозвучное, трисоставное пѣніе?...» Нынѣшніе греки его не знаютъ и въ памяти народной уцѣлѣло только, что давно когда-то существовало здѣсь это сладкозвучное пѣніе, но вѣроятно сладкіе звуки его, вмѣстѣ съ послѣдними молитвами падшей Греціи, унеслись на небо...

Остается сказать нѣсколько словъ о состояніи современнаго зодчества на Аѳонѣ. На счетъ этого нынѣшніе монахи очень не взыскательны, и архитектура, какъ искусство, на Аѳонѣ вовсе не существуетъ. Монастырскія зданія и соборы построены, большею частію, до турецкаго погрома, и потому все стараніе нынѣшнихъ зодчихъ обращено на то, чтобы только поддержать старое. Нынѣ строятся здѣсь только кельи да малыя церкви самаго незатѣйливаго рисунка; а если строятся соборные храмы, то по старымъ образцамъ и мірскими архитекторами. Впрочемъ надо сознаться, что кельи нынѣшней постройки болѣе удобны для жизни, чѣмъ старыя. Что же касается до внѣшнихъ украшеній, то монахи позволили себѣ только одну роскошь: они большую часть своихъ соборовъ выкрасили снаружи яркой красной краской. Всѣ монастыри выстроены по одному образцу: массивныя зданія братскихъ келій съ башнями и бойницами стоятъ въ видѣ квадрата, образуя въ серединѣ широкій дворъ; на дворѣ стоитъ соборная церковь, противъ нея изъ двери въ дверь—братская трапеза, а вокругъ, въ безпорядкѣ, налѣплено нѣсколько мелкихъ пристроекъ для кухни, кладовыхъ и т. п. Путешественники, снимавшіе планы монастырей аѳонскихъ, жаловались на неправильность его строеній и говорили, что здѣсь нельзя, напримѣръ, по одному углу судить о другихъ, но приходится измѣрять каждый уголъ отдѣльно. Лучшее украшеніе Аѳона—это его соборные храмы, въ архитектурѣ которыхъ есть легкость, грація и красота, но не нынѣшнимъ Аѳономъ построены эти храмы.

Вглядываясь въ общую массу монастырскихъ построекъ, въ библіотеки и искусства древнія и новыя, можно сразу замѣтить перевѣсъ и силу древняго Аѳона надъ нынѣшнимъ; все говоритъ, что древній Аѳонъ жилъ одними интересами съ остальнымъ человѣчествомъ и вмѣстѣ съ нимъ работалъ въ пользу науки и искусства. Нынѣшній Аѳонъ понемногу уничтожаетъ слѣды прошлаго, онъ одряхлѣлъ уже и едва ли когда пріобрѣтетъ ту силу, какую имѣлъ прежде... А можетъ быть, нынѣшній Аѳонъ болѣе вѣренъ своему принципу, чѣмъ древній? Можетъ быть, отказавшись клятвенно отъ міра, онъ и на дѣлѣ отвергаетъ всѣ изящества міра и все то, безъ чего легко можно спастись?... Можетъ быть!..

XI.

Болѣзни и врачебная часть.

Причины мѣстныхъ болѣзней.—Монастырскія больницы, аптеки и врачи.—Оригинальные способы леченія.—Карейскій «профессоръ медицины.»—Ладонки, заклинанья и нашептыванья.—Келья умалишенныхъ.

Отъ недостатка пищи, изнурительныхъ бдѣній и постоянной борьбы съ плотію, большая часть братіи аѳонской хвораетъ разными болѣзнями. Преобладающіе на Аѳонѣ болѣзни: грыжа и отеки ногъ—отъ частыхъ стояній; худосочіе и брюшныя завалы — отъ вѣчнаго поста; спинная сухотка, чахотка и полное истощеніе— отъ разныхъ искушеній. Рѣдкій монахъ избѣгнетъ подобныхъ болѣзней; корень ихъ таится въ самомъ процессѣ самоумерщвленія и въ строгости киновіатскаго и скитскаго устава, отъ котораго рѣдкая плоть не надломится. Отчасти знаютъ это и сами монахи, и потому смотрятъ на болѣзни, какъ на неизбѣжныя слѣдствія своихъ подвиговъ, и переносятъ ихъ съ кротостью и удивительнымъ терпѣніемъ. Нѣкоторые отшельники, здоровые по природѣ, сами просятъ у Бога болѣзней, въ наказаніе за прошлые грѣхи и благодарятъ за нихъ Бога. Конечно, я здѣсь разумѣю только истыхъ отшельниковъ, строго наблюдающихъ за порядкомъ спасенія; въ штатныхъ монастыряхъ, какъ извѣстно, порядки не тѣ.

Климатъ аѳонскій, по словамъ монаховъ, поддерживаетъ силы подвижниковъ и разрушаетъ здоровье мірянъ; но это происходитъ отъ того, что мѣстные жители хорошо знаютъ всѣ вредныя особенности своей горы и принимаютъ противъ нихъ разныя мѣры. Аѳонскій полуостровъ перерѣзанъ множествомъ извилистыхъ ущелій, по которымъ протекаютъ горные ручьи. Въ этихъ ущельяхъ постоянно держится влажность воздуха, и по ночамъ изъ нихъ дуетъ ѣдкій и незамѣтно прохватывающій до озноба вѣтерокъ, называемый на Аѳонѣ *опоемъ*. Кого прохватитъ этотъ вѣтерокъ, тотъ едва ли избѣжитъ лихорадки или горячки. Особенно страдаютъ отъ опоя монастыри, расположенные въ ущельяхъ, какъ-то: Зографъ, Хиландарь и др. Часто мірскіе поклонники захворываютъ оттого, что въ церквахъ становятся не въ формы монашескія, а прямо на мраморномъ полу и даже отвѣшиваютъ на немъ земные поклоны, или сидятъ они подолгу на мраморныхъ ступеняхъ церквей. Холодъ отъ мрамора, особенно ночью, быстро проникаетъ въ тѣло и поражаетъ его болѣзнями. Во избѣжаніе такой простуды, каждый монахъ имѣетъ подъ ногами коврикъ или старается стоять на деревянной доскѣ, а земные поклоны соборнѣ дѣлаетъ только въ посту великомъ. Незнаніе этихъ предосторожностей многимъ поклонникамъ стоило жизни, или побуждало ихъ принимать схиму великую.

Казалось бы, что, при аскетическомъ взглядѣ отшельниковъ на болѣзни, вовсе не слѣдуетъ и лечиться отъ нихъ, или принимать разныя предосторожности отъ простуды, но монахи лечатся, и заболѣвшихъ старцы отсылаютъ въ монастырскія больницы, на жертву доморощеннымъ врачамъ-монахамъ. Конечно есть монахи, особенно изъ келіотовъ, которые, захворавъ, ни за что не захотятъ идти противъ воли Божіей и, отвергая услуги мѣстныхъ врачей, стоически умираютъ въ той же кельѣ, гдѣ подвизались при жизни; но такихъ немного.

Въ каждомъ почти монастырѣ аѳонскомъ есть особая больница и при ней врачъ изъ монашествующихъ. Отъ врача на Аѳонѣ свѣдѣній требуется немного: была бы только вѣра въ милосердіе Божіе, а все остальное должно придти само собою. Эту роль исполняютъ здѣсь монахи, бывшіе въ мірѣ цирюльниками, ветеринарами, фельдшерами, а также и простые диллетанты изъ крестьянъ, занимавшіеся въ мірѣ лечебной практикой. Нѣкоторые научаются лекарскому ремеслу здѣсь же у мѣстныхъ врачей, состоя при нихъ въ качествѣ учениковъ и помощниковъ. При каждой больницѣ есть особая аптека съ медикаментами, состоящими изъ разныхъ травъ, солей и спиртовъ, купленныхъ Богъ вѣсть кѣмъ и когда, и въ этой аптекѣ врачъ-монахъ считается полнымъ хозяиномъ и дѣлаетъ все, что Богъ ему на душу положитъ *). А гдѣ нѣтъ врача, или онъ находится въ отсутствіи, то самому больному вручаютъ ключь отъ аптеки, и онъ, помолившись Богу, самъ себѣ выбираетъ лекарство. Но, говорятъ, что такой способъ леченья не всегда проходитъ благополучно.

Методы леченья врачей аѳонскихъ просты и безхитростны. Зная, что монахъ готовится къ жизни вѣчной, врачъ при всякомъ удобномъ случаѣ открываетъ желающимъ двери царства небеснаго,—не нарочно, конечно, а по неумѣнью... Зная, что монахъ долженъ пріучать свою плоть къ самоумерщвленію, онъ требуетъ отъ больного только послушанія и терпѣнія, и распоряжается его истощенною плотію безъ всякой жалости. Больнымъ монахамъ часто приходится терпѣть пытки, едва выносимыя. Врачъ налѣпитъ на него шпанскихъ мушекъ, и на другой день, сорвавъ пузыри, долго растираетъ раны суконкой или щеткой, и потомъ даже посыпаютъ солью, чтобы лучше вытянуло. Больной кричитъ и мечется, а врачъ приказываетъ его держать покрѣпче и читаетъ

---

*) Одинъ заѣзжій докторъ изъ любопытства однажды осмотрѣлъ одну изъ такихъ аптекъ и подивился только, какъ аѳонскія натуры могутъ выносить лекарства изъ подобныхъ спецій? Всѣ они, по его словамъ, давно уже высохли, испортились, и скорѣе принесутъ вредъ, чѣмъ пользу.

ему правила терпѣнья. Или вытретъ онъ больного регальнымъ масломъ *), такъ что раны откроются, а иногда и внутрь дастъ хватить съ водою нѣсколько капель, чтобъ выжечь болѣзнь; ила наконецъ выпуститъ онъ изъ больного остатки крови усиленнымъ кровопусканьемъ. Когда врачъ замѣтитъ, что толку мало и лекарствами ничего не подѣлаешь, то намѣкаетъ больному, что время схиму принимать (если больной не схимникъ), и даетъ знать о томъ монастырскому начальству. Начальство тогда принимаетъ свои мѣры; оно соборуетъ больного и причащаетъ его ежедневно до самой смерти. Удивлялся я тому спокойствію, съ какимъ врачъ произноситъ больному смертный приговоръ: «завтра къ утру помрешь, отче! говоритъ онъ ему:—по глазамъ вижу, что помрешь: готовься!» Больной тоже спокоенъ и самъ проситъ читать ему отходную.

Между лекарствами на Аѳонѣ главную роль играютъ очистительныя средства. Касторовое масло, англійская соль и разныя рвотныя поглощаются больными въ огромномъ количествѣ. Врачи даютъ эти средства цѣльными стаканами, считая очищеніе желудка лучшимъ средствомъ противъ всѣхъ болѣзней, не смотря на то, что желудки аѳонскіе отъ постояннаго поста и безъ того чисты. Вѣсовъ и гирь въ аптекахъ аѳонскихъ я не видалъ, и врачи кладутъ специи въ лекарства на глазомѣръ, смотря по комплекціи больного, и кладутъ всегда вдвое больше, чѣмъ слѣдуетъ, чтобъ лучше подѣйствовало. Неудивительно, что при такомъ способѣ леченія на Аѳонѣ рѣдкая болѣзнь не бываетъ смертельною. Есть впрочемъ такіе врачи, что, боясь взять грѣхъ на совѣсть, не рѣшаются составлять лекарства и лечатъ

---

*) Регаль—трава, изъ которой на Аѳонѣ добываютъ жгучее масло, въ родѣ купоросного.

только наружными стредствами и діэтой. Помню я одного монаха, который, чтобы быть подальше отъ грѣха, лечилъ отъ всѣхъ болѣзней одной шпанской мушкой, прикладывая ее безъ разбора ко всѣмъ больнымъ мѣстамъ паціентовъ.

— Какъ же это вы лечите такъ? спрашивалъ я его, наблюдая за его операціями. Вѣдь можно иногда повредить больному мушкой.

— Пустяки-съ! отвѣтилъ врачъ: я такъ разсуждаю, что если доктору слѣдуетъ вытянуть болѣзнь изъ тѣла больного, то чѣмъ же ее вытянешь какъ не мушкой? Шпанская мушка вытягиваетъ изъ больного всякую дрянь, такъ она конечно и самую болѣзнь вытянетъ. Это *по наукѣ* извѣстно.

— Такъ, говорю.—Ну, и помогаетъ?

— Отчего-же не помогать? Давно уже такъ лечу и вылечиваю.

Если кто изъ заболѣвшихъ имѣетъ деньги и не довѣряетъ монастырскимъ врачамъ, то отправляется въ Карею, гдѣ между прочимъ, живетъ профессоръ медицины аѳонской,—глухой монахъ врачъ. Эта замѣчательная личность имѣетъ собственную аптеку, имѣетъ множество практики и пользуется на Аѳонѣ общимъ уваженіемъ. Я самъ однажды принадлежалъ къ числу паціентовъ этого старика и его сгорбленная, обрюзглая, но высокомѣрная личность съ аптечнымъ запахомъ, до сихъ поръ еще припоминается мнѣ. Чувствуя боль въ груди, я, по внушенію старцевъ, обратился къ нему за совѣтомъ. Старикъ принялъ меня съ достоинствомъ и уже по первому пріему я увидѣлъ что этотъ врачъ—высокаго полета. Обыкновенные врачи аѳонскіе прежде всего смиренно сознаются, что они лечатъ больше помощью Божіею, а не по наукамъ; этотъ же съ первыхъ словъ объявилъ мнѣ, что онъ былъ въ мірѣ однимъ изъ самыхъ ученыхъ врачей, участвовалъ въ походахъ бонапартовскихъ, и разъ будто лечилъ самаго Наполеона. Долго онъ расхваливалъ себя, вѣроятно для того, чтобы пріобрѣсть мое довѣріе, и затѣмъ началъ слушать грудь мою. Выслушавъ, онъ объявилъ, что у меня болѣзнь очень опасная, что въ сердцѣ началъ образовываться огромный нарывъ и что поэтому мнѣ скоро придется покончить съ жизнью. Я молча выслушалъ этотъ приговоръ, а докторъ изъ подлобья наблюдалъ за впечатлѣніемъ сказаннаго.

— А между тѣмъ это дѣло очень легко поправить, прибавилъ онъ, вздохнувъ.—У тебя кровь испорчена, и надо, чтобы она вся вышла прочь, а на мѣсто ея сдѣлалась другая, чистая и здоровая кровь. Самъ Богъ видно хочетъ, черезъ меня, даровать тебѣ жизнь... Это Онъ надоумилъ тебя придти ко мнѣ... и проч. и проч. Старецъ заговорилъ жалкія слова.

— Что же мнѣ дѣлать надо? спросилъ я.

— Прежде всего надо молиться; безъ молитвы тутъ ничто не поможетъ... А потомъ я дамъ тебѣ лекарство, которое надо будетъ принимать цѣлый мѣсяцъ. Это лекарство такъ переродитъ тебя, что сто лѣтъ проживешь.

Онъ ушелъ въ свою аптеку и чрезъ полчаса вынесъ тридцать штукъ мягкихъ ароматическихъ лепешекъ, въ родѣ пастилы, и велѣлъ мнѣ каждый день проглатывать по одной лепешкѣ, причемъ ни ѣсть ни кислаго, ни соленаго. При этомъ онъ вручилъ мнѣ мелко исписанный листокъ бумаги.

— А это что? спросилъ я.

— Это рецептъ, отвѣтилъ врачъ.

Я прочелъ. Въ рецептѣ говорилось много о вѣрѣ въ Бога, о силѣ науки, клятвенно выражалось обязательство совершенно очистить кровь мою отъ всѣхъ болѣзней и даже исправить всю нервную систему... Въ заключеніе прибавлено было, что все это стоитъ два полуимперіала и тридцать фунтовъ пшеничныхъ сухарей.

Я согласился на всѣ эти условія и взялъ лекарство. Старикъ на прощаньи выразилъ мнѣ свою радость, что я живъ останусь, и мы разстались по пріятельски. Но спасительное лекарство не помогло потому, какъ объяснили мнѣ мѣстные врачи, что на Аѳонѣ я не имѣлъ возможности соблюдать строгой діэты.

Вообще, этотъ врачъ, какъ узналъ я послѣ, любитъ очищать кровь у своихъ паціентовъ; только съ монашеской кровью онъ обходится нѣсколько проще. Одному больному онъ, въ видахъ очищенія, закатилъ, говорятъ, такую порцію очистительнаго, что мѣстные врачи ничѣмъ не могли остановить дѣйствія лекарства, и бѣднякъ померъ. Когда донесли старику объ этомъ, то онъ очень удивился и объявилъ, что дѣйствіе лекарства еще не должно было окончиться такъ скоро; но за то, прибавилъ онъ, если бы больной могъ его вынести, то совсѣмъ переродился бы.

Кромѣ этихъ врачей, врачующихъ разными аптечными снадобьями «по наукамъ,» нѣкоторые монахи лечатъ ладонками, нашептываньями, заклинаньями и другими рецептами народной медицины. Такой способъ леченья распространенъ большею частью между русскими монахами изъ простонародья и употребляется ими только въ крайнихъ случаяхъ, когда наука не помогаетъ. Хоть со страхомъ въ душѣ приступаетъ монахъ къ этимъ щекотливымъ для совѣсти обрядамъ, но онъ не въ силахъ отъ нихъ отказаться. Строго аскетическій складъ Аѳона не могъ вытѣснить этихъ повѣрій изъ мозговъ русскихъ. Впрочемъ надо оговориться, что такое леченье здѣсь происходитъ не призываньемъ силы демонской, а именемъ Божіимъ: всѣ обращенія къ темнымъ духамъ старательно выброшены изъ аѳонскихъ нашептываній и потому-то, говорятъ, большая часть этихъ шептаній не помогаетъ. Я долго хворалъ на Аѳонѣ лихорадками. Мѣстные врачи истощили надо мной всѣ свои свѣдѣнія, но легче не было. Наконецъ одинъ монахъ, послѣ долгихъ предисловій осторожно заговорилъ со мной о какомъ-то чудодѣйственномъ талисманѣ, который надо носить на шеѣ, и вызывался достать его.

—Чтожъ изъ этого выйдетъ? спрашивалъ я его.

—А то, что лихорадки боятся этой ладонки и пропадутъ сами собой. Вы только соглашайтесь надѣть, а тамъ сами увидите, что будетъ. Кто ее знаетъ, что тутъ за сила такая? только народъ вѣритъ ей крѣпко и попытаться не мѣшаетъ.

— И поможетъ?

— Поможетъ непремѣнно, но только съ условіемъ: не смотрѣть, что будетъ зашито въ ладонкѣ.

Я сперва смѣялся, а потомъ изъ любопытства рѣшился испробовать на себѣ силу талисмана. Монахъ, довольный моимъ согласіемъ, скоро принесъ замшевую, зашитую на-глухо, ладонку и надѣлъ мнѣ ее на шею, упрашивая не разсматривать ее. Въ первый день я еще проносилъ ладонку, и только постоянно ощупывалъ ее, стараясь догадаться, что такое въ ней зашито; но на слѣдующій день я не могъ преодолѣть искушенія любопытства. Пользуясь минутой уединенія, я заперъ дверь своей кельи и осторожно вскрылъ ладонку. Тамъ оказался кусочикъ бѣлаго хлѣба, завернутый въ змѣиную кожу. Долго думалъ я надъ объясненіемъ этой врачебной загадки, но конечно ничего не выдумалъ, и обратился за объясненіемъ къ тому же монаху. Монахъ, узнавъ въ чемъ дѣло, разсердился не на шутку и сколько не просилъ я у него ладонки,—не далъ.

Одинъ русскій инокъ прославился на Аѳонѣ удачнымъ леченьемъ отъ укушенія змѣй, посредствомъ нашептыванья. Не смотря на такой щекотливый для вѣры способъ леченья, монахи, даже киновіаты, въ случаѣ несчастія, обращаются къ нему, и тотъ, говорятъ, вылечиваетъ.

— И не грѣхъ вамъ лечиться у него?—спрашивалъ я киновіатовъ?—Вѣдь такъ только колдуны лечатъ.

— Что же дѣлать-то, когда другихъ средствъ нѣтъ? отвѣчали они мнѣ. Одинъ больной, въ прошломъ году, поѣхалъ было къ карейскому доктору, а тотъ поставилъ ему на рану мушку, чтобъ вытянуло ядъ, да потомъ велѣлъ летучей мазью смазать. Что-жъ вышло? Рука у больного стала гнить, боль дошла до самого сердца, и бѣднякъ померъ. Какъ же послѣ этого къ доктору ѣздить?

— А этотъ лечитъ удачно?

— Этотъ лечитъ попросту стоячей водой, да нашептываньемъ. Вотъ, намедни, одному изъ нашихъ змѣя укусила руку. Рука вздулась; боль не помѣрная. Пошелъ онъ къ духовнику и говоритъ: — такъ и такъ, молъ, благослови пойти къ Сергію. Духовникъ благословилъ и больной отправился. На дорогѣ рука словно бревно стала, такъ что бѣднякъ еле дотащился до Сергія. Сергій посмотрѣлъ: «ничего, говоритъ, молись богу, вылечимъ.» Положилъ онъ его на кровать, самъ принесъ стоячей воды изъ прудка, чуть не съ полведра, пошепталъ что-то надъ нею, спрыснулъ больную руку и говоритъ: «пей какъ можно больше!» Напился отецъ, а Сергій опять пошепталъ, вспрыснулъ и опять говоритъ: «пей!»—Не могу, отвѣчаетъ отецъ.—Пей, а не то плохо будетъ!—Ну и выпилъ. Потомъ въ третій разъ тоже самое и такъ заставилъ его насильно всю воду выпить. Послѣ этого отецъ легъ спать и къ утру всталъ какъ встрепанный; рука какъ ни въ чемъ не бывало, только ранка махонькая у ногтя осталась. Далъ ему Сергій пластырю залѣпить, значитъ, ранку, тѣмъ и дѣло окончилось.

— Вѣдь это чудо!—замѣтилъ я.

— Можетъ и чудо, кто жъ его знаетъ! Конечно, все отъ Бога!

Замѣчательно, что многіе питаютъ къ этому лекарю суевѣрный страхъ, и хотя тотъ клянется, что не призываетъ силы нечистой и даже предлагаетъ открыть свой секретъ леченья, но никто не рѣшается воспользоваться его предложеніемъ.

Этотъ способъ леченья водою напомнилъ мнѣ другой, подобный. Подлѣ Ксенофскаго монастыря на Аѳонѣ, есть минеральный источникъ съ солоноватою водою, которая тоже иногда употребляется монахами, какъ очистительное и потогонное средство. Только, чтобы вода подѣйствовала, говорятъ, надо выпить ее не менѣе *десяти* фунтовъ за разъ; а иначе ничего не будетъ. Къ этому источнику прежде сходилось много больныхъ, но эти больные стали безпокоить и развлекать обителей Ксенофа, и старцы монастырскіе приказали завалить источникъ каменьями.

Близь Иверскаго монастыря есть на Аѳонѣ келья умалишенныхъ, гдѣ содержатся монахи больные сумасшествіемъ. Она стоитъ совершенно одиноко и вся заросла плющомъ и густымъ маслиничнымъ лѣсомъ. Въ ней при мнѣ было трое больныхъ, и при нихъ одинокій монахъ-сторожъ. Гуляя по окрестностямъ Ивера, я часто заглядывался на эту келью, не предполагая, что тамъ скрыто столько мучительныхъ страданій; но однажды одинъ изъ проэстосовъ иверскихъ объяснилъ мнѣ назначеніе кельи и пригласилъ даже смотрѣть ее. Еще на пути въ келью разслышали мы неистовые вопли и плачъ...

— Что это? спросилъ я спутника.

— А это болгарскій монахъ кричитъ, бьютъ вѣрно,—флегматически отвѣтилъ проэстосъ.

— За что же бьютъ-то?

— Вѣроятно за дѣло. На нихъ иначе ничѣмъ не подѣйствуешь.

Меня покоробило.

Вошли. Въ кельѣ такъ темно, что надо было пробираться ощупью. Проэстосъ, чтобы не споткнуться, приказалъ открыть настежъ двери; свѣтъ ворвался и только тогда я могъ разсмотрѣть печальное помѣщеніе больницы. Представьте себѣ длинный и узкій коридоръ, по обѣ стороны котораго пробиты маленькія окна съ желѣзными рѣшетками, а за этими рѣшетками въ непроницаемой тьмѣ сидятъ заключенные. Подлѣ оконъ находятся постоянно замкнутыя двери, чрезъ которыя впускаютъ больныхъ за рѣшотку, а въ углу устроено помѣщеніе для сторожа. Въ кельѣ холодно и сыро. Изъ ближайшаго къ двери окна раздавался мучительный крикъ. Я заглянулъ въ рѣшотку и разглядѣлъ фигуру болгарина. Онъ былъ совершенно голъ и дрожалъ отъ холода (дѣло было въ декабрѣ) Посинѣвшее тѣло его судорожно коробилось и жалось къ рѣшеткѣ, слезы текли градомъ, и онъ, то съ мольбой, то съ угрозой просилъ *хлѣба*, жаловался, что умираетъ съ голоду. Сторожъ молчалъ, сидѣлъ спокойно на обрубкѣ дерева и не обращалъ вниманія на эти крики.

— Отчего жъ не даютъ ему ѣсть? спросилъ я.

— Его никогда не накормишь, — отвѣтилъ проэстосъ, — онъ на томъ и помѣшался, что умираетъ съ голоду.

— Хлѣба!—кричалъ болгаринъ, Ради Христа, сжальтесь отцы! Три дня не ѣлъ ничего...

— Дай ему, отче!

Сторожъ нехотя ушелъ въ свою комнатку, вынесъ оттуда зачерствѣлый ломоть и сунулъ его за рѣшотку. Болгаринъ мгновенно смолкъ, попросилъ благословенія у проэстоса и съ жадностью сталъ глотать этотъ сухарь, смачивая его слезами... Тяжело было смотрѣть на эти муки. «Сумасшедшій ли онъ?» подумалъ я невольно, глядя на исхудалое лицо страдальца, въ которомъ проглядывало что-то доброе, симпатичное. «А можетъ быть онъ былъ полнымъ аскетомъ и изнуряя себя постояннымъ голодомъ, наконецъ помѣшался на этой мысли?..»

— Почему онъ безъ одежды? спросилъ я опять. Посмотрите, онъ весь посинѣлъ отъ холода, вѣдь теперь зима.

— Да развѣ онъ чувствуетъ что нибудь?.. отвѣтилъ проэстосъ, — вѣдь онъ сумасшедшій. Да бросьте его! Вотъ посмотрите-ка лучше на этого монаха.

Я заглянулъ въ другое окно и въ потьмахъ разглядѣлъ сѣдую фигуру старика едва прикрытаго изодраннымъ рубищемъ. Онъ тихо молился, перебирая, вмѣсто четокъ, тяжелыя цѣпи, которыми былъ прикованъ къ потолку. Крики болгарина, повидимому, его нисколько не тревожили; вѣроятно больные уже успѣли свыкнуться съ ними.

— Вотъ ужъ восемь лѣтъ на цѣпи сидитъ, промолвилъ проэстосъ.

— За что же?

— Сумасшедшій!

Третій *больной* спалъ, связанный по рукамъ и ногамъ.

— Вѣроятно ваши сумасшедшіе очень буйствуютъ, что вы ихъ держите въ такомъ заключеніи.

— Конечно! Съ ними теперь что ни сдѣлай, не поймутъ ничего, будто и не люди... Пойдемте-ка отсюда на воздухъ, здѣсь душно что-то!.. проговорилъ проэстосъ и вывелъ меня изъ кельи.

— Анаѳема! крикнулъ вслѣдъ ему болгаринъ, но проэстосъ только улыбнулся и обратившись ко мнѣ сказалъ: «ну, теперь сами видите, что сумасшедшій?..»

— Вижу!—отвѣчалъ я.

Грустное впечатлѣніе произвела на меня эта прогулка и долго еще въ ушахъ моихъ отдавались эти тяжелые вопли и проклятія болгарина.

Недалеко отъ этой кельи стоитъ другая, гдѣ помѣщаются прокаженные. Это тѣ несчастные, которые еще въ мірѣ, получивъ заразу и отринутые обществомъ, рѣшились остальные дни своей отравленной жизни провести въ уединеніи и молитвѣ на пустынномъ Аѳонѣ. Келья ихъ стоитъ въ глуши непроходимой, всторонѣ отъ всѣхъ дорогъ и мѣстные жители далеко обходятъ ту келью, боясь заразы. Пищу имъ носятъ монахи изъ Ивера и оставляютъ на условленномъ мѣстѣ, откуда ее берутъ уже сами больные. Какъ живутъ тамъ эти пустынники и сколько ихъ—не знаю, но вѣроятно доля ихъ на Аѳонѣ слишкомъ незавидная, безотрадная...

XII.

Правленіе Афона.

Политическія права Аѳона. — Число монастырей и жителей.—Протатъ.—Съѣзды монастырскихъ депутатовъ.—Подати и налоги для внутреннихъ и внѣшнихъ расходовъ. — Отношенія къ внѣшней власти.

Аѳонъ представляетъ собою отдѣльно организованное государство, съ оригинальнымъ образомъ правленія, съ особыми законами, особымъ флотомъ, казначействомъ, таможнею и самостоятельными отношеніями къ посторонней власти.

Аѳонъ единственное мѣсто на всемъ, подвластномъ Турціи, востокѣ, гдѣ турецкое вліяніе почти-что не существуетъ. Здѣсь даже никогда не услышишь ни одного турецкаго слова, такъ что поневолѣ забываешь, что дѣло происходитъ въ Турціи, а не въ Греціи. Одинъ только Аѳонъ, на всемъ несвободномъ востокѣ, имѣетъ великолѣпные храмы, свободный колокольный звонъ и благолѣпныя службы церковныя. Патріархъ смиряется передъ силой Аѳона; даже самъ султанъ пишетъ свои фирманы (повелѣнія) Аѳону не на турецкомъ языкѣ, какъ обыкновенно, а на греческомъ, слѣдовательно тоже признаетъ его силу. Эта сила Аѳона заключается въ его богатствѣ, въ крѣпости его наружной организаціи и, наконецъ, въ общественномъ мнѣніи мѣстнаго православнаго населенія, которое, находясь подъ вліяніемъ духовной власти, видитъ въ Аѳонѣ опору православія, смотритъ на него, какъ на учителя.

На всемъ Аѳонскомъ полуостровѣ, начиная отъ Ксеркскаго канала, находится двадцать монастырей, двѣнадцать скитовъ и до восьми сотъ отдѣльныхъ келій и каливъ *). Число спасающихся во всѣхъ этихъ обителяхъ въ точности опредѣлить невозможно, потому что здѣшніе старцы статистикой не занимаются, да и сами, кажется, не знаютъ хорошенько, сколько у нихъ народу спасается.

— Сколько братіи въ вашемъ монастырѣ? спросишь, бывало, у какого нибудь игумена.

— А кто ихъ знаетъ, отвѣтитъ тотъ:—человѣкъ сто или полтораста есть; а можетъ быть и двѣсти наберется. Не знаю.

---

*) Вотъ имена этихъ монастырей въ томъ порядкѣ, въ какомъ они размѣщены по полуострову: Хиландаръ, Есфигменъ, Ватопедъ, Пандократоръ, Ставроникита, Иверъ, Кутнумушъ, Филофей, Каракалъ, Лавра, Св. Павелъ, Діонисіатъ, Григоріатъ, Симоно-Петръ, Ксиропотамъ-Руссикъ, Ксенофъ, Дохіаръ, Костамонитъ и Зографъ. Изъ этихъ монастырей 9 держатся устава киновіатскаго, остальные штатные. Скиты: Св. Димитрія, Пророко-Ильинскій, Предтеченскій, Пантелеймоновскій, Ксенофскій, Черный-Виръ, Серай, Новый скитъ, Св. Анны, Лаккъ, Кавсокалива и Богородица-Ксилургу. Каждая келья тоже имѣетъ свое названіе, преимущественно по храмовому празднику.

— Какъ же это вы не знаете? вѣдь у васъ на словахъ выходитъ въ цѣлой сотнѣ разница.

— Да мы не считаемъ постригающихся: сколько Богъ пошлетъ, столько и есть на лицо.

Кромѣ этого ничего не узнаешь, и рѣдкій игуменъ можетъ сказать приблизительную цифру своей братіи. А можетъ быть и съ умысломъ скрываютъ они эту цифру, потому что платятъ подать правительству не за всю братію, а только часть ея. Но если считать среднимъ числомъ на каждый монастырь по 150 человѣкъ, на каждый скитъ по 75 человѣкъ и на каждую келью по 3 человѣка, да при этомъ взять въ разсчетъ отшельниковъ, спасающихся въ пещерахъ и ущельяхъ горныхъ, то число монашествующихъ на Аѳонѣ опредѣлится цифрою въ 7,000 человѣкъ. До греческаго возстанія монаховъ, говорятъ, было здѣсь до десяти тысячъ, но во время возстанія Аѳонъ потерялъ, какъ увидимъ ниже, порядочную цифру спасающихся, и съ тѣхъ поръ до прежняго многолюдства дойти не можетъ.

Изъ числа этихъ 7,000 монаховъ большинство составляютъ греки; за ними болгаре, русскіе, сербы, молдаване, валахи и выкресты изъ турокъ и евреевъ. Русскихъ монаховъ здѣсь считается до 500 человѣкъ.

Не смотря на это разнообразіе національностей и уставовъ монастырскихъ, всѣ монастыри съ своими скитами и кельями имѣютъ общую связь подъ единою властію, центръ которой находится въ столицѣ аѳонскаго царства, Кареѣ, и называется протатомъ. Этотъ протатъ, состоящій изъ представителей всѣхъ монастырей святогорскихъ, составляетъ верховное судилище Аѳона, и кромѣ его монастыри не признаютъ никакой власти.

Въ частныя дѣла монастырскія протатъ не мѣшается и въ этомъ отношеніи монастыри сохраняютъ полную независимость и дѣлаютъ, что имъ вздумается, если только ихъ дѣла не затрогиваютъ интересовъ другихъ обителей.

Монастырское начальство, независимо отъ протата, распоряжается капиталами обители, слѣдитъ за поступками братіи, устраняетъ между ними разныя несогласія, судитъ виновныхъ и т. п. Скиты и кельи, подвластные монастырямъ съ своими дѣлами и жалобами, относятся также къ монастырской власти и та рѣшаетъ ихъ дѣла и жалобы, не давая никому отчета *). Вообще каждый монастырь съ своими скитами и кельями представляетъ нѣчто отдѣльное: имѣетъ свою особую печать для дѣлопроизводства, свои корабли подъ особымъ флагомъ, для торговыхъ оборотовъ, прежде даже имѣлъ свои пушки и укрѣпленія для защиты отъ непріятеля, но со времени греческаго возстанія эта сила у монастырей отнята.

Если же выйдетъ какое дѣло слишкомъ запутанное и имѣющее вліяніе на всю гору, если разногласіе братіи монастырской послужитъ соблазномъ для другихъ обителей, или потребуетъ измѣненія монастырскаго устава, то такое дѣло поступаетъ уже на разсмотрѣніе протата.

Верховный совѣтъ протатскій составляютъ уполномоченные депутаты (антипросопы) отъ всѣхъ монастырей святогорскихъ. Эти депутаты постоянно живутъ въ Кареѣ и, по мѣрѣ накопленія дѣлъ, собираются вмѣстѣ для обсужденія и рѣшенія ихъ. Засѣданія совѣта происходятъ въ просторной и роскошно убранной въ восточномъ вкусѣ комнатѣ; на потолкѣ ея большими литерами написано имя І. Христа, въ знакъ нелицепріятія суда; для этой цѣли по стѣнамъ висятъ иконы, изображающія храмовые праздники всѣхъ монастырей аѳонскихъ, и каждый депутатъ садится непремѣнно противъ своей иконы. Поодаль отъ нихъ, за рѣшеткой, помѣщается письмоводитель и подсудимые, если они есть на лицо.

---

*) Впрочемъ, скиты и кельи могутъ подавать въ протатъ апелляцію на рѣшеніе монастырскаго начальства.

По настоящему, дѣла совѣта должны бы рѣшаться большинствомъ голосовъ, но на Аѳонѣ это дѣлается иначе, не по мірскому. Тутъ только сохранена одна форма депутатскаго совѣщанія, но равенства между депутатами нѣтъ. Изъ двадцати депутатовъ монастырскихъ, представляющихъ лица своихъ игуменовъ, только четверо имѣютъ право обсуживать и рѣшать дѣла, а остальные только прислушиваются къ разсужденіямъ этого квартета, да сообщаютъ о нихъ своимъ монастырскимъ властямъ. Аѳонъ не могъ не преклониться передъ богатствомъ и знатностью своихъ древнѣйшихъ монастырей: Лавры, Ватопеда, Ивера и Хиландара *) и потому вся почти власть протата сосредоточена въ рукахъ представителей этихъ монастырей. Каждый изъ нихъ имѣетъ часть протатской печати, которая только тогда имѣетъ значеніе, когда сложены ея четыре части, слѣдовательно, согласны съ дѣломъ всѣ ихъ владѣтели. Изъ этихъ же четырехъ депутатовъ, ежегодно, избирается одинъ «назиръ,» который обязанъ приводить въ дѣйствіе всѣ рѣшенія протата и слѣдить за ихъ исполненіемъ. По истеченіи года онъ передаетъ свою обязанность слѣдующему депутату, которые въ этомъ случаѣ чередуются между собою. Депутаты остальныхъ монастырей только тогда произносятъ свое мнѣніе о дѣлахъ, когда ихъ спросятъ объ этомъ, или когда отъ рѣшенія протата страдаютъ интересы монастыря. Мнѣнія эти, если они высказаны съ толкомъ, могутъ имѣть вліяніе на ходъ дѣлъ, но только тогда, когда они не противорѣчатъ мнѣнію четырехъ. Въ случаѣ, если между четырьмя предсѣдателями возникнетъ разногласіе или

---

*) Всѣ эти монастыри штатные.

встрѣтится дѣло особенной важности (напримѣръ о внѣшнихъ имѣніяхъ Аѳона, о разныхъ требованіяхъ константинопольскаго патріарха и т. п.), тогда приглашаются въ протатъ всѣ игумены и эпитропы монастырскіе и они рѣшаютъ дѣла сообща. Подобныя собранія бываютъ очень рѣдко.

Каждый депутатъ монастырскій имѣетъ при себѣ печать своего монастыря и прикладываетъ ее къ дѣламъ протата въ знакъ согласія своего начальства и въ такомъ видѣ рѣшенія протата бываютъ обязательны для всего Аѳона и на нихъ нѣтъ апелляціи.

Протатъ отъ имени всего Аѳона ведетъ переговоры съ мірскими властями и вообще заботится о внѣшнихъ интересахъ горы. Онъ же разбираетъ монастырскія тяжбы разсматриваетъ жалобы скитянъ и келіотовъ на монастыри и судитъ монаховъ за особенно важныя преступленія. Конечно, въ этомъ случаѣ у протата нѣтъ никакихъ опредѣленныхъ, гражданскихъ законовъ: всѣ дѣла рѣшаются по евангелію и законамъ совѣсти, а потому рѣшеніе дѣлъ много зависитъ отъ того, какъ судьи смотрятъ на евангеліе и на совѣсть.

Дѣлопроизводство протатское и сущность разныхъ жалобъ и преступленій монашескихъ покрыты глубокою тайной; въ засѣданія депутатовъ, подъ страхомъ наказанія, не пускаютъ ни одного посторонняго монаха, тѣмъ болѣе мірянина, а потому нѣтъ возможности представить здѣсь подробную картину аѳонскаго дѣлопроизводства. Слышалъ я только, что предсѣдатели протата, избалованные жизнью штатныхъ монастырей, стараются направить дѣла къ пользѣ этихъ монастырей и смотрятъ неблагопріятно на киновіи. Слышалъ, что успѣхъ дѣла въ протатѣ зависитъ часто отъ того, что депутатъ съумѣетъ передать его краснорѣчиво, и что депутаты, имѣющіе дипломатическій даръ слова, могутъ вертѣть дѣлами какъ захотятъ, потому что въ трудныхъ обстоятельствахъ къ нимъ обращаются за совѣтомъ всѣ предсѣдатели протата. Поэтому Аѳонъ дорожитъ краснорѣчивыми юристами и каждый игуменъ, разными происками, старается переманить ихъ въ свой монастырь, чтобы, при случаѣ, имѣть вѣсъ въ протатѣ. Слышалъ я еще, что главный оттѣнокъ судопроизводства аѳонскаго чисто-восточный; тяжбы и жалобы рѣшаются смотря по подаркамъ, и проигрываютъ больше неимущіе...

Для наказанія преступниковъ подлѣ протата находится мрачная и грязная тюремная башня, куда сажаютъ провинившихся на хлѣбъ и на воду. Стараясь выманить у преступниковъ полное сознаніе въ преступленіи, ихъ иногда опускаютъ, на веревкѣ, въ особое, подземное отдѣленіе башни и тамъ оставляютъ ихъ уже безъ всякой пищи, до тѣхъ поръ, пока, измученные голодомъ, они не откроютъ правды... Преступниковъ отдаютъ на судъ протата въ крайнихъ случаяхъ, когда преступленіе соединено съ буйствомъ, или служитъ соблазномъ для братіи; а за обыкновенныя прегрѣшенія начальство расправляется съ ними домашнимъ образомъ: сажаетъ на великій постъ въ гробницу монастырскую, заставляетъ отвѣсить передъ кѣмъ нибудь непомѣрное количество земныхъ поклоновъ и т. п.

При протатѣ есть особая касса для разныхъ расходовъ по дѣламъ, касающимся благоустройства и безопасности горы. Эта касса пополняется ежегоднымъ денежнымъ взносомъ всѣхъ монастырей, и сумма взноса опредѣлена протатомъ, смотря по богатству и по количеству обитателей каждаго монастыря. По этому опредѣленію богатѣйшій и древнѣйшій на Аѳонѣ монастырь (Лавра) взноситъ ежегодно въ протатскую кассу около 50 тысячъ піастровъ *), другіе менѣе богатые, монас-

---

*) Піастръ=5 коп. сер. Нѣкоторыя цифры мы заимствуемъ изъ записокъ г. Давыдова, которому удалось узнать о нихъ отъ одного изъ членовъ протата.

тыри взносятъ меньше, и наконецъ бѣднѣйшій (Костамонитъ) платитъ всего только 4,000 піастровъ въ годъ. Весь ежегодный сборъ съ монастырей доставляетъ протату сумму въ 320 тысячъ піастровъ. (16 т. руб. сер.). Изъ этихъ денегъ половина идетъ въ Константинополь для уплаты подати султану и разныхъ подарковъ константинопольской власти, затѣмъ значительная часть отсылается для подарковъ солунской власти, подъ вѣдѣніемъ которой состоитъ Аѳонъ, 20 т. п. тратится на наемъ стражи изъ окрестныхъ мірянъ, которые исполняютъ на Аѳонѣ полицейскую должность *); 16 т. п. идетъ на жалованье карейскому агѣ, и наконецъ, изъ этой же суммы главный назиръ протатскій беретъ 800 п. жалованья и 10 т. п. на дрова. Остальная сумма тратится, по усмотрѣнію протата, на разные непредвидѣнные случаи.

Казенная подать на Аѳонѣ полагается по 30 піастровъ (1 р. 50 к.) въ годъ съ души и составляетъ ежегодную цифру въ 60 тысячъ п., которая вся сполна поступаетъ во владѣніе матери султана, потому что Аѳонъ принадлежитъ къ числу ея имѣній. Надо замѣтить, что Аѳонъ скрываетъ отъ правительства настоящую цифру своихъ обитателей и платитъ только за 2,000 человѣкъ (такъ было по крайней мѣрѣ нѣсколько лѣтъ тому назадъ). Поэтому, когда является сюда, изъ

---

*) Какое назначеніе имѣетъ здѣсь эта полицейская стража (сардары), состоящая изъ 50 человѣкъ?— я не знаю. Вѣчно праздная, она шляется изъ монастыря въ монастырь, охотясь по дорогѣ, за птицами и кабанами. Монастыри по очереди кормятъ ихъ и снабжаютъ продовольствіемъ. Прежде, когда на монастыри нападали пираты, стража, если случалась близко отъ мѣста нападенія, отбивала ихъ; а теперь пираты болѣе не безпокоятъ Аѳона и стража вполнѣ благодушествуетъ. Впрочемъ, она иногда сопровождаетъ въ переѣздахъ по Аѳону важныхъ путешественниковъ и проэстосовъ и это выходитъ очень красиво.

Солуня, какой нибудь повѣренный солунскаго паши, для наблюденій за правильностью сбора податей, то большинство братіи, по приказанію старцевъ, разбѣгаются изъ монастырей по окрестнымъ лѣсамъ и возвращаются только по минованіи опасности. Такое дѣло принадлежитъ къ числу домашнихъ тайнъ Аѳона, но эта тайна почти что всѣмъ извѣстна. Знаетъ о ней и карейскій ага, но, ублаготворяемый подарками, благоразумно молчитъ; отчасти знаетъ и солунскій паша, но тоже смотритъ сквозь пальцы *).

Не смотря на подобныя утайки, все таки Аѳону приходится платить изрядныя цифры разнымъ властямъ, особенно тѣмъ, на которыхъ не можетъ дѣйствовать его нравственная и догматическая сила; но Аѳонъ не скупится на подарки, потому что ими онъ покупаетъ у власти свою независимость. Безъ этого на Востокѣ нельзя.

Денежные сборы дороже всего обходятся келіотамъ аѳонскимъ. Монастыри знаютъ на перечетъ всѣхъ своихъ келіотовъ и рѣдкій изъ нихъ отвертится отъ платежа требуемой суммы. Каждый владѣлецъ отдѣльной кельи обязанъ ежегодно внести въ монастырь свой, на упомянутые расходы, около 200 піастровъ, кромѣ той суммы, которую онъ платитъ монастырю за наемъ кельи. Поэтому, если при монастырѣ много отдѣльныхъ келій, то сборъ съ нихъ почти что окупаетъ требуемую отъ монастыря протатомъ сумму.... Видно законъ то вездѣ одинаковъ, что на бѣдныхъ упадаетъ вся тягость податей и сборовъ. Жалуются келіоты всѣмъ и каждому на эти притѣсненія, да противъ силы, знать, ничего не сдѣлаешь...

---

*) Можетъ быть, все это теперь уже измѣнилось и самыя цифры стали не тѣ, но я пишу, что слышалъ въ мою бытность на Аѳонѣ и что записано было въ моемъ дневникѣ.

Задаривъ внѣшнія власти, Аѳонъ никого не боится и пользуется полной свободой. Въ церковномъ отношеніи онъ находится подъ непосредственнымъ начальствомъ константинопольскаго патріарха, но этотъ патріархъ власти имѣетъ надъ нимъ немного. Онъ если и пишетъ Аѳону свои посланія и приказанія, то съ уваженіемъ, какъ особой силѣ, великой во мнѣніи народа, и даже иногда проситъ у него совѣта по разнымъ дѣламъ. Аѳонъ иногда даже шлетъ отказы на разныя требованія патріарха. Такъ, напримѣръ, въ началѣ 1859 года, когда константинопольскій патріархъ, задолжавъ банкирамъ до 7 милліоновъ піастровъ, обратился къ Аѳону съ приглашеніемъ прислать своихъ депутатовъ для разсужденія о средствахъ покрыть этотъ долгъ, игумены Аѳонскіе, обсудивъ въ протатѣ всѣ невыгоды подобнаго предложенія, послали патріарху рѣшительный отказъ. Или напримѣръ, во время прошлой восточной войны, патріархъ, по приказанію турецкой власти, прислалъ на Аѳонъ повелѣніе молиться Богу за успѣхъ турецкаго оружія и пораженіе русскихъ войскъ. Протатъ, получивъ такое щекотливое повелѣніе, созвалъ всѣхъ игуменовъ монастырскихъ и тѣ, послѣ долгаго спора, предоставили это дѣло на волю каждаго монастыря. Три монастыря рѣшились исполнять волю патріарха и молились, за что приказано, а остальные отказались на отрѣзъ....

Султанъ турецкій пишетъ свои фирманы (приказанія) Аѳону на греческомъ языкѣ и на всемъ Востокѣ одинъ только Аѳонъ пользуется этою льготою. Фирманы свои султанъ даетъ разнымъ вліятельнымъ путешественникамъ съ тѣмъ, чтобы Аѳонъ показывалъ имъ всѣ свои сокровища и библіотеки. Но на монастырскія власти мало дѣйствуютъ эти фирманы; конечно они такихъ путешественниковъ принимаютъ почетно и со смиреніемъ, но за то нарочно стараются скрыть отъ нихъ свои со кровища изъ опасенія, чтобы вліятельный путешественникъ не подмѣтилъ чего лишняго и не донесъ о томъ кому не слѣдуетъ доносить. Когда путешествовалъ по Востоку принцъ англійскій, сынъ королевы Викторіи, то солунскій паша предписалъ Аѳону встрѣчать принца *втрое* лучше, чѣмъ онъ встрѣчалъ нашего в. к. Константина Николаевича. Аѳонскіе старцы долго думали надъ этимъ предписаніемъ и условились, говорятъ, давать принцу по три порціи каждаго угощенія, то есть, вмѣсто одной чашки кофе, давать ему три и проч. Но принцъ, къ счастію, заѣзжалъ на Аѳонъ только на нѣсколько часовъ.

Въ видѣ представителя турецкой власти, въ Кареѣ постоянно живетъ ага-магометанинъ съ своимъ помощникомъ. Этотъ ага получаетъ отъ протата ежегоднаго жалованья 1,000 р. сер. и кромѣ того, подъ предлогомъ ревизіи, каждый годъ объѣзжаетъ всѣ монастыри съ двумя кавасами, изъ которыхъ одинъ возитъ за нимъ чернильницу, а другой курительную трубку. Завидѣвъ такое шествіе, властные старцы вынимаютъ изъ казны монастырской приличную сумму денегъ, которую и вручаютъ агѣ въ видѣ подарка. Такимъ образомъ ага получаетъ содержаніе порядочное, но за то не только не имѣетъ вліянія на ходъ дѣлъ святогорскихъ, но даже самъ подчиняется приговорамъ протата и разнымъ уставамъ Аѳона. Онъ выдаетъ только паспорты отъѣзжающимъ, принимаетъ подати и таможенный доходъ и пересылаетъ ихъ въ Солунь. Продавъ остальную власть свою, онъ ни во что болѣе не мѣшается и живетъ полнымъ аскетомъ. Онъ вѣчно среди монаховъ, вѣчно лишенъ общества товарищескаго и радъ отъ души, когда встрѣтитъ на Аѳонѣ какого нибудь европейца, съ которымъ поболтать можно. Гаремъ свой онъ долго усиливался помѣстить въ Кареѣ же, но протатъ этого ему не позволилъ и жены аги правовѣрнаго принуждены жить въ г. Ериссо, въ 70 верстахъ отъ своего мужа.

Такимъ образомъ, оградивъ себя, по возможности, отъ вліянія внѣшнихъ властей, Аѳонъ всѣми средствами старается поддержать свою независимость и для этой цѣли въ Константинополѣ, въ Молдавіи и Валахіи и въ другихъ мѣстахъ имѣетъ своихъ депутатовъ, которые отстаиваютъ права Аѳона предъ человѣчествомъ и ищутъ ему богатыхъ покровителей между сильными міра сего.

XIII.

Политика.

Политика внутренняя.—Междоусобныя распри между монастырями и національностями, населяющими Аѳонъ.—Тяжбы за имѣнія.—Споры о древностяхъ монастырскихъ.—Политика внѣшняя.—Недовѣрчивость къ иностранцамъ.—Участіе монаховъ въ политическихъ возстаніяхъ Греціи.

Аѳонъ, составляя единое цѣлое, имѣетъ свою особенную *политику*, какъ внутреннюю, такъ и внѣшнюю.

Каждый, кому приходилось долго жить на Аѳонѣ и вглядываться въ жизнь и дѣятельность его, могъ замѣтить, что Аѳонъ дорожитъ своею независимостью, хочетъ устранить всякое вліяніе мірскихъ властей на свои дѣла и во всемъ, что ведетъ къ достиженію этой цѣли, всѣ монастыри дѣйствуютъ съ полнымъ единодушіемъ. Но въ то же время замѣтно и то, что взаимныя отношенія монастырей холодны и эгоистичны и даже часто они поѣдомъ ѣдятъ другъ друга. Нѣсколько разъ приходилось мнѣ на Аѳонѣ слышать горькія жалобы степенныхъ и преданныхъ дѣлу спасенія старцевъ на эти внутреннія неустройства и частыя столкновенія монастырскихъ интересовъ, которые иногда вводятъ начальство обителей въ соблазнъ грѣховный. Горевали старцы степенные искренно, горевалъ и я вмѣстѣ съ ними, потому что при настоящемъ устройствѣ монастырей святогорскихъ эти столкновенія неизбѣжны. Они, можетъ, прекратились бы, если бы монастыри имѣли одни уставы для спасенія, одну общую кассу для расходовъ и всѣ доходы дѣлили бы поровну. Но это еще пока невозможно.

Всѣ монастырскія дѣла, внутреннія и внѣшнія, братія вполнѣ довѣряетъ своимъ властнымъ старцамъ, а сама не только не мѣшается въ эти дѣла, но подчасъ даже и не знаетъ, о чемъ толкуютъ старцы и что имъ Богъ положилъ на душу. Особенно строгіе отшельники, не обращающіе вниманія ни на какіе толки, иной разъ по 20 лѣтъ живутъ въ монастырѣ и ничего не знаютъ. Спросишь ихъ, бывало, о какой тяжбѣ или ссорѣ, такъ они только крестятся да вздыхаютъ.

— Не наше дѣло, говорятъ они:—на то намъ старцевъ Богъ далъ, чтобы о дѣлахъ толковать: у нихъ спросите!..

Эти старцы (игумены, проэстосы, эпитропы, духовники и даскалы) выбираются изъ монаховъ дѣльныхъ и оказавшихъ юридическія и административныя способности, потому что отъ этихъ способностей зависитъ весь ходъ дѣлъ монастырскихъ. Въ самомъ дѣлѣ, много надо имѣть старцу изворотливости ума и характера, чтобы умѣть управиться съ братіею, направить всѣ помышленія ея къ одной цѣли и въ тоже время тонко слѣдить за другими обителями, которые всячески стараются скрыть свои настоящія намѣренія. Много надо ему имѣть дальновидности, чтобы сообразить, какія послѣдствія будутъ отъ того, напримѣръ, что въ Иверъ митрополитъ погостить пріѣхалъ, а Дохіаръ съ Зографомъ тяжбу начали? Не предвидится ли тутъ какой тайной опасности, нельзя ли что предпринять?.. Если гдѣ власть обладаетъ такими способностями, то монастырь процвѣтаетъ и входитъ въ славу, а если не обладаетъ, то дѣло, конечно, плохо, а вся надежда только на помощь Божію.

Властные старцы имѣютъ какой-то особенный, монастырскій патріотизмъ, въ силу котораго они стараются другъ передъ другомъ поднять значеніе своей обители и увеличить ея капиталы въ ущербъ прочимъ обителямъ. Отсюда возникаютъ вѣчные споры о томъ, какая обитель почетнѣе или скромнѣе, какая лучше или хуже и каждая, конечно, хвалитъ сама себя Мы уже имѣли случай говорить, какъ спорили монастыри о древности своего происхожденія. Этотъ споръ поднялся изъ-за того, что ученые путешественники съ уваженіемъ стали относиться къ древностямъ аѳонскимъ; вотъ старцы и начали другъ передъ другомъ выхваляться своими древностями и составили при этомъ цѣлыя легенды баснословнаго свойства о своихъ ктиторахъ, а монастыри, основанные недавно, поневолѣ смирились. Точно также выхваляются они другъ передъ другомъ своими чудесами, чудотворными иконами и обиліемъ мощей, богатствомъ и древностью своихъ ризницъ и утвари,—и монастыри богатые и прославленные чудесами, смотрятъ съ пренебреженіемъ на остальные, менѣе богатые и чудесные.

Вся земля аѳонскаго полуострова съ давнихъ поръ раздѣлена между монастырями и границы этихъ владѣній до нашихъ дней служатъ предметомъ безконечныхъ споровъ. Чуть разбогатѣетъ какой монастырь, первымъ долгомъ онъ спѣшитъ предъявить свои права на землю, сосѣднія обители, конечно, не уступаютъ и спорное дѣло завязывается. Оно сначала поступаетъ на разсмотрѣніе протата, которому, по этому случаю, каждая сторона подноситъ подарки: потомъ переходитъ къ агѣ, тоже съ подарками; отъ аги къ солунскому пашѣ, съ подарками, и наконецъ доходитъ до Константинополя, гдѣ тоже нельзя обойтись безъ подарковъ. Отъ цѣнности этихъ подарковъ, конечно, зависитъ весь успѣхъ спора и кто больше дастъ, тотъ и выиграетъ. Иногда тяжбы возникаютъ изъ за нѣсколькихъ саженъ земли, или даже изъ за одной кельи и тянутся по нѣскольку лѣтъ; кассы монастырскія истощаются, драгоцѣнныя вещи идутъ въ закладъ, долги ростутъ, а между тѣмъ каждый монастырь, какъ бы ни былъ онъ бѣденъ, ни за что не уступитъ противнику и бьется изъ послѣднихъ силъ, чтобы задарить начальство. Эти тяжбы—бичь для Аѳона, и безъ преувеличенія можно сказать, что большинство капиталовъ монастырскихъ погибаетъ за тяжбами и переходитъ во владѣніе турецкой власти. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ есфигменскій сборщикъ привезъ изъ Россіи около 50 тысячъ руб. сер. и монастырское начальство сряду же послѣ этого возобновило свою застарѣлую тяжбу съ сосѣднимъ Хиландарскимъ монастыремъ о нѣсколькихъ десятинахъ земли. Споръ былъ проигранъ, но въ немъ Есфигменъ ухлопалъ весь свой капиталъ и, кромѣ того, надѣлалъ множество долговъ, для покрытія которыхъ ему пришлось посылать за новымъ сборомъ. Недавно Ксенофскій монастырь оттягалъ у Руссика цѣлый скитъ, и тамошніе греки, изъ опасенія, чтобы скитъ опять когда нибудь не перешелъ во владѣніе Руссика, стали истреблять въ немъ все русское. При этомъ они жгли и закапывали въ землю русскія книги, рукописи, иконы, даже сосуды съ русскими надписями, чтобы и русскаго духа въ скитѣ не осталось... Съ грустью узнали объ этомъ старцы Руссика, и за недостаткомъ денегъ, скрыли на сердцѣ горькое оскорбленіе, но вѣроятно впослѣдствіи они возобновятъ еще споръ объ этомъ скитѣ и опять постараются захватить его въ свои руки.

Штатные и общежительные монастыри имѣютъ уставы противоположные одинъ другому. У нихъ одинаковы только службы церковныя, а келейная жизнь, особенно у богатыхъ монаховъ, не та, что въ киновіяхъ. Штатные и общежительные монахи отличаются другъ отъ друга и костюмомъ и пищей и взглядомъ на путь ко спасенію, а потому отношенія ихъ не братскія. Киновіаты желчно подсмѣиваются надъ штатными монахами и стараются избѣгать столкновеній съ ними, а тѣ, въ свою очередь, почти никогда не заглядываютъ въ киновіи. Эта взаимная непріязнь замѣтна съ перваго взгляда и даже выразилась въ письмахъ святогорца, но киновіаты по неволѣ должны скрывать ее, потому что въ рукахъ штатныхъ монастырей, какъ мы видѣли, находится вся власть аѳонская.

Не мало ссоръ между братіею аѳонскою происходитъ отъ того, что здѣсь постоянно сталкиваются разные національные элементы. Не смотря на полное желаніе передѣлать себя, монаху трудно бываетъ истребить въ себѣ чувство національности и потому каждая національность на Аѳонѣ сохраняетъ свои типичныя черты характера, свой народный патріотизмъ и относится враждебно ко всякой другой національности. Преобладающій элементъ здѣсь греческій и, не смотря на общую ненависть къ грекамъ, всѣ другія народности какъ-то невольно подчиняются греческому вліянію. Греки—народъ суровый, скрытный и въ то же время вкрадчивый, напряженно стараются гдѣ бы то ни было упрочивать свой родной элементъ и захватывать власть въ свои руки. Въ Руссикѣ одинъ монахъ-грекъ однажды сказалъ мнѣ великую истину: «мы прежде были свѣтилами мудрости земной, говорилъ онъ:—мы выработали начала науки и искусства; но потомъ разные варвары разграбили у насъ все это богатство. Осталось у грековъ только гордость и честолюбіе народное и этого наслѣдія предковъ не отниметъ у насъ никто!..» Монахъ, по принципу, долженъ отказаться и отъ этого чувства, но грекъ отказаться отъ него не можетъ: природное честолюбіе только замаскируется и уйдетъ въ глубь души монаха, но оно будетъ главнымъ двигателемъ всей его дѣятельности, особенно если онъ получитъ власть какую. Если нѣсколько грековъ поступятъ въ какой нибудь славянскій монастырь, то они приглядѣвшись, начинаютъ по немногу переманивать туда и другихъ земляковъ своихъ и съ изумительнымъ терпѣніемъ добиваются того, чтобы власть игуменская перешла въ руки грека. Лишь только удастся это, греки свободнѣе вступаютъ въ свои права, и вмѣстѣ съ игуменомъ такъ ловко поведутъ дѣла, что рѣдкій старожилъ уцѣлѣетъ въ обители. Захвативъ монастырь въ свои руки, греки начинаютъ истреблять все, оставшееся отъ прежнихъ владѣтелей и заводить свое. Такимъ образомъ нѣсколько чужеземныхъ монастырей на Аѳонѣ перешло въ вѣчное владѣніе грековъ...

Славяне, напротивъ, поступивъ въ греческій монастырь, играютъ въ немъ незавидныя роли и по простотѣ своей скоро стушевываются и свыкаются съ своимъ положеніемъ. Греки не поручаютъ этимъ пришлецамъ никакой должности, не позволяютъ имъ даже служить на родномъ языкѣ и требуютъ строгаго подчиненія своимъ правиламъ и обычаямъ. Славянинъ тогда только можетъ добиться почетнаго мѣста въ греческомъ монастырѣ, когда онъ скроетъ свое происхожденіе и прикинется грекомъ. Нѣкоторые славяне поселяются въ греческія обители, въ видѣ особеннаго душеспасительнаго подвига, чтобы наказать себя за прошлые грѣхи.

На Аѳонѣ слишкомъ рѣзко замѣтна враждебность народности греческой и славянской. Славяне не любятъ грековъ за то, что тѣ смотрятъ на славянъ свысока и ловко умѣютъ пользоваться ихъ простотою; славяне сердятся, а между тѣмъ не имѣютъ силъ избавиться отъ этой опеки. Часто слышалъ я, какъ славяне, расхваливая свою обитель, съ гордостью говорили, что у нихъ нѣтъ ни одного грека и ставили это однимъ изъ главныхъ достоинствъ обители. Аѳонъ дивится, что греки и русскіе въ нынѣшнемъ Руссикѣ живутъ до сихъ поръ очень мирно, тѣмъ болѣе, что у всѣхъ еще свѣжа въ памяти та кровавая катастрофа, какою закончилъ свое существованіе старый Руссикъ *). Но въ этомъ мирѣ пока нѣтъ еще ничего удивительнаго: греки довольны тѣмъ, что управленіе Руссика находится въ ихъ рукахъ, а русскіе тѣмъ, что владѣютъ монастырскими богатствами. Порываются русскіе завладѣть и властью монастырскою, но протатъ этого, конечно, никогда не позволитъ.

Кромѣ общей ненависти къ грекамъ, славяне сохраняютъ еще мѣстную племенную замкнутость, по которой болгаре подчасъ не сходятся съ сербами, тѣ съ молдаванами и т. п. Даже русскіе и малороссы иногда ссорятся. На Аѳонѣ есть малороссійскій скитъ, Пророко-Ильинскій, въ которомъ, вмѣстѣ съ малороссами, жили прежде и великоруссы. Мало по малу между тѣми и другими начались ссоры, которыя дошли однажды до того, что малороссы выгнали изъ своего скита всѣхъ москалей и заперли за ними ворота. Москали постояли нѣсколько времени у воротъ, а потомъ, увидѣвъ, что дѣло пошло не на шутку, пошли искать пріюта по

---

*) Въ старомъ Руссикѣ ненависть между греками и русскими копилась очень долго и наконецъ обратилась въ кровопролитную драку, въ которой греки перерѣзали всѣхъ русскихъ и закопали въ землю ихъ библіотеки и иконы. Но тѣни убитыхъ стали безпокоить совѣсть греческую и они покинули Руссикъ. Это было въ концѣ прошлаго столѣтія и развалины стараго Руссика до сихъ поръ видны еще на горѣ.

другимъ монастырямъ. А малороссы послѣ этого снова святили свою церковь и кельи, оскверненныя присутствіемъ москалей. Нынче, впрочемъ, москали, опять начинаютъ по немногу собираться въ этотъ скитъ...

Малороссъ никакъ не можетъ переносить той насмѣшки, съ какою смотритъ на него великоруссъ и серьезно обижается каждою шуткой, а москалю это почему то нравится.

Часто приходилось мнѣ замѣчать на дорогахъ святогорскихъ ихъ наивныя встрѣчи, при чемъ русскій не можетъ удержаться, чтобы не сказать чего.

— Мазепа! проговорилъ онъ съ злодѣйской улыбкой.

— Чего Мазепа? отвѣтитъ малороссъ обидясь: —мазепины мощи на Дунаѣ лежатъ и чудеса отъ нихъ всякія бываютъ. А на св. гробѣ за Мазепу вѣчно молятся Богу. Вотъ какой Мазепа, а ты смѣешься...

— Врешь, хохолъ.

— Молчи, Богданъ москалевскій...

— Да ну, не сердись, отче, благослови!

— Богъ тебя благословитъ.

И разойдутся, москаль долго послѣ этого ухмыляется.

Всѣ эти разногласія производятъ взаимныя столкновенія обителей аѳонскихъ и поселяютъ иногда раздоръ между братіею. Главная забота монастырскихъ властей состоитъ въ томъ, чтобы уладить эти раздоры и скрыть ихъ отъ посторонняго взгляда. Потому всѣ власти горячо преслѣдуютъ тѣхъ монаховъ, которые не уживаются на одномъ мѣстѣ и, переходя изъ монастыря въ монастырь, разносятъ по Аѳону разныя сплетни.

По этому поводу я припоминаю одну странную встрѣчу.

Однажды я былъ въ гостяхъ у одного келіота и о чемъ то толковалъ съ монахами. Въ это время въ келью вошелъ новый, незнакомый мнѣ, монахъ: худой, болѣзненный, съ дикими, испуганными взглядами. Робко оглядѣлся онъ вокругъ и просилъ позволенія поговорить со мною на единѣ. Я согласился, а собесѣдники мои значительно переглянулись и вышли. Монахъ заперъ за ними двери на ключь, потомъ, молча, сѣлъ противъ меня и дрожалъ всѣмъ тѣломъ. Онъ замѣтно порывался начать разговоръ, но не находилъ силы... «Не помѣшанный ли какой?» подумалъ я.

— Вы дрожите, отче, заговорилъ я: — вы вѣрно больны?

— Задрожишь поневолѣ, мрачно отвѣтилъ тотъ.— Скажите, вы русскій? спросилъ онъ по гречески.

— Да.

— Такъ разскажите вашему царю, какъ поѣдете въ Россію, какія вещи дѣлаются на Аѳонѣ.

— А что?

— Да вотъ я, напримѣръ, не могу жить спокойно ни въ одномъ монастырѣ; меня вездѣ гонятъ, ругаютъ, слѣдятъ за мною; меня... монахъ оглядѣлся:—меня утопить хотятъ, добавилъ онъ тихо:—и я не знаю куда спрятаться... Задрожишь поневолѣ...

— За что же васъ преслѣдуютъ?

— За то, что я знаю наперечетъ всѣ тайны аѳонскія, за то, что я хочу вывести ихъ на свѣжую воду...

Онъ болѣзненно вздохнулъ и снова оглядѣлся, не запряталось ли гдѣ постороннее ухо. Страшно и жалко было глядѣть на него.

— Знаете ли вы, что здѣсь зачастую, противъ Павловскаго монастыря, по ночамъ, топятъ монаховъ такихъ, какъ я? Запросто завяжутъ въ мѣшокъ съ пескомъ, отъѣдутъ отъ берега и опустятъ на дно морское, а тамъ вѣдь полтараста саженъ глубины—не спасешься... И меня хотятъ тоже... Или утопятъ, или подстрѣлятъ: два раза уже стрѣляли...

— Что же мнѣ-то дѣлать? спросилъ я, не зная вѣрить ему или нѣтъ.

— А я хоть погибну, но вы скажите... Да нѣтъ, позвольте мнѣ бумаги и чернилъ, я самъ напишу просьбу царю.

Я далъ ему все, что надо было и монахъ сѣлъ писать. Долго онъ собирался съ мыслями, наконецъ началъ выводить титулъ... Но не успѣлъ онъ написать даже двухъ строкъ, какъ хозяинъ кельи громко стукнулъ въ двери. Собесѣдникъ мой поблѣднѣлъ, запряталъ бумагу и, отомкнувъ дверь, опрометью бросился бѣжать.

— А! это ты? крикнулъ вслѣдъ ему старецъ, — бѣги, бѣги, а то попадешься!.. Что онъ говорилъ вамъ? спросилъ онъ, обратившись ко мнѣ.

— Что-то странное, чему и вѣрить не хочется, отвѣчалъ я и разсказалъ ему сущность нашей бесѣды. Старецъ улыбнулся.

— Только это? Ну, слава Богу, хоть онъ смиренъ былъ, а то мы боялись за васъ.

— Кто же это такой?

— Да это одинъ сумасшедшій грекъ, отъ котораго совѣтуемъ держаться подальше, а то, пожалуй, изувѣчитъ. Его скоро упрячутъ въ келью умалишенныхъ.

Впослѣдствіи я убѣдился, что этотъ грекъ въ самомъ дѣлѣ сумасшедшій, потому что всѣмъ разсказывалъ свои тайны...

Каждый монахъ, прожившій на Аѳонѣ нѣсколько лѣтъ, пріобрѣтаетъ особаго рода патріотизмъ, по которому радуется отъ души внѣшнимъ успѣхамъ и славѣ Аѳона и грустить о его неудачахъ. Владыки аѳонскіе единодушно отстаиваютъ независимость горы: они оградились отъ вліянія турецкаго, стали въ хорошія отношенія къ патріарху и теперь только боятся опасности со стороны Россіи. На Аѳонѣ существуетъ общее убѣжденіе, перешедшее туда изъ міра, что Россія непремѣнно покоритъ Турцію, а когда покоритъ, то, пожалуй, вся Греція перейдетъ въ русское владѣніе, а вмѣстѣ съ нею и Аѳонъ конечно. Этого протату не хочется и потому онъ боится всего, что можетъ усилить русское вліяніе на его дѣла. Съ каждымъ увеличеніемъ русскаго монашества на горѣ протатъ задумывается и принимаетъ мѣры; съ прибытіемъ каждаго вліятельнаго поклонника, опасается: не скрывается ли тутъ какая нибудь политическая тайна? Когда въ Руссикѣ постригся въ монахи (въ 1835 г.) князь Ширинскій-Шихматовъ и около русскаго князя начали собираться всѣ русскіе иноки, протатъ прислалъ Руссику повелѣніе удалить князя изъ монастыря, потому что съ его присутствіемъ въ Руссикѣ Аѳонъ боится за свою цѣлость. Князь принужденъ былъ удалиться въ скитъ Пророко-Ильинскій, гдѣ и кончилъ жизнь въ смиреніи. Когда, въ августѣ 1858 г., въ Руссикъ пришелъ первый пароходъ нашего общества пароходства и торговли, Аѳонъ струсилъ *) и просилъ Руссикъ отказать пароходству; но когда это не было исполнено и рейсы начались, по горѣ пошли смутные политическіе толки, и три монастыря, вслѣдствіе этого, признали надъ собою покровительство Англіи. Этотъ фактъ показываетъ, что Аѳонъ перепугался не на шутку, потому что онъ всегда питалъ глубокую ненависть ко всѣмъ иновѣрцамъ.

Было время, когда Аѳонъ съ оружіемъ въ рукахъ воевалъ за свою независимость. Въ 1821 году, когда возстаніе греческое распространилось по всѣмъ окре-

---

*) Замѣчательно, что тогда струсилъ не одинъ Аѳонъ. На другой день послѣ отплытія нашего парохода, къ Аѳону прибылъ пароходъ англійскій и спрашивалъ у грековъ, что вчера дѣлали здѣсь русскіе?..

стностямъ горы, на Аѳонѣ явились апостолы этого возстанія и стали бродить изъ монастыря въ монастырь, призывая монаховъ на защиту православія отъ магометанства. Въ то время между монахами были еще жаркіе патріоты, которые готовы были бѣжать съ Аѳона, лишь бы побиться съ турками: они присоединили свой призывъ къ призыву пришельцевъ и Аѳонъ началъ шевелиться. Монастыри здѣшніе построены по образцу крѣпостей съ бойницами, сторожевыми башнями и зубчатыми стѣнами и тогда еще имѣли у себя пушки и разное оружіе, чтобы защищаться отъ морскихъ разбойниковъ, часто безпокоившихъ св. гору. Все это было принято въ разсчетъ, монастыри вооружились и когда въ виду Аѳона показался флотъ инсургентовъ, когда сюда было прислано множество прокламацій,—патріоты не выдержали. У нихъ явилась мысль, нельзя ли воспользоваться этимъ случаемъ и пріобрѣсти себѣ полную независимость отъ турецкой власти? Быстро составили они въ протатѣ совѣщаніе и рѣшили вооружить свои корабли и взять приступомъ городъ Ковалу, а потомъ Солунь. Въ монастыряхъ изъ металлическихъ вещей стали лить пули, а въ Кареѣ учредили монетный дворъ, гдѣ изъ ризъ образныхъ начали чеканить *свою* монету аѳонскую... Двѣ тысячи монаховъ были вооружены чѣмъ попало и на тридцати судахъ монастырскихъ, подъ своимъ флагомъ, тронулись къ Ковалѣ. Но эта экспедиція не имѣла успѣха: одна часть ея воротилась съ половины дороги, а другая была разбита турками. Турки послѣ этого отправили на Аѳонъ свое войско, и монахи, пользуясь неприступною мѣстностью, дружно встрѣтили ихъ у Ксерксова канала, но были разбиты.

Страшно было мщеніе турокъ. Большинство защитниковъ Аѳона было загнано въ море и потоплено; турки безпощадно рѣзали каждаго встрѣчнаго; кровь полилась по всей горѣ. Монахи бросали свои кельи и, захвативъ свои драгоцѣнности, спасались гдѣ могли, но главные зачинщики были схвачены и потомъ сгнили въ Солунской тюрьмѣ. Всего погибло, говорятъ, до 4,000 монаховъ и въ этомъ числѣ погибли всѣ лучшіе люди Аѳона. Потомъ по немногу стали опять собираться сюда разбѣжавшіеся отшельники, но жизнь ихъ пошла уже не по прежнему; стража турецкая поселилась въ монастыряхъ и въ теченіи десяти лѣтъ (до 1831 г.) не покидала Аѳона. Эта стража, конечно, не стѣснялась уставами монашескими, въ церквахъ и трапезахъ она разводила огни для варки пищи, выкалывала глаза святымъ на иконахъ, словомъ, безчинствовала какъ могла. Когда она, по милости султана, оставила монастыри, Аѳонъ ожилъ и сталъ поправляться, но монахи навсегда прокляли минуту своего увлеченія.

Въ послѣднюю восточную войну (1854 г.) монахи оставались нейтральными и вели дѣла иначе.

Еще когда мы проѣзжали черезъ г. Ериссо, намъ одна молодая поселянка разсказывала, какъ она жила на горѣ аѳонской. Мы ей тогда не повѣрили, а между тѣмъ это оказалось правдой. Въ прошлую войну множество окрестныхъ поселянъ съ своими женами и дѣтьми, въ теченіи пяти мѣсяцевъ, бродили по св. горѣ, спасаясь отъ ярости турокъ. Къ чести Аѳона надо сказать, что монахи обошлись съ ними хорошо и во все это время выдавали имъ пищу изъ запасовъ монастырскихъ, обязавъ клятвою всѣхъ женщинъ не подходить близко къ монастырямъ, и вообще къ жилищамъ монашескимъ. Много при этомъ, конечно, было разныхъ искушеній, демоны работали сильно, но, вѣдь, безъ этого нельзя...

Тогда же прибылъ на св. гору одинъ изъ предводителей мѣстнаго возстанія, нѣкто Чамъ, и съ толпою удальцовъ вызвался защищать Аѳонъ отъ турокъ. Проученные горькимъ опытомъ, монахи думали было отказать ему, но Чамъ насильно вытребовалъ съ каждаго монастыря значительную сумму денегъ на военные расходы, поселился въ зданіи Карейскаго училища, подъ именемъ князя сикійскаго и аѳонскаго и сталъ было вербовать монаховъ въ свои ряды. Но монахи не поддались и когда къ берегамъ Аѳона прибылъ англійскій военный фрегатъ, они выдали ему Чама и всѣхъ его товарищей.

Тѣмъ закончились военные подвиги аѳонскаго монашества.

Неизвѣстно, что будетъ дальше, только едвали когда Аѳонъ рѣшится опять взяться за оружіе, тѣмъ болѣе, что нынѣшніе монахи горячо осуждаютъ своихъ предковъ за ихъ политическое увлеченіе.—«Монашеское ли это дѣло? говорятъ они.—Намъ ли, убогимъ, браться за оружіе? Наше оружіе должно быть духовное; наша сила въ православіи.»

И дѣйствительно, Аѳонъ заботится нынѣ преимущественно о силѣ и тонкости своего духовнаго оружія.

XIV.

Средства къ жизни.

Монастырскія имѣнія и доходы съ нихъ.—Сборы подаяній.—Изобрѣтательность сборщиковъ, чтобы увеличить свои сборы.—Частныя пожертвованія.—Наслѣдства, и проч.

Аѳонъ питается благотворительностью и доброхотными подаяніями ради спасенія души. Основы этихъ подаяній лежатъ въ религіозныхъ чувствахъ православныхъ народовъ, поэтому чѣмъ больше въ народѣ этихъ чувствъ, тѣмъ больше средствъ къ жизни имѣетъ Аѳонъ. Утвердивъ свое внѣшнее благосостояніе на такихъ прочныхъ основахъ, Аѳонъ разбогатѣлъ и можетъ быть вполнѣ увѣренъ въ безбѣдномъ существованіи своемъ на далекія времена. Конечно, средства его будутъ постоянно колебаться, смотря по приливу и отливу народнаго благочестія, которому они служатъ наглядной мѣркой, но окончательно упадетъ Аѳонъ только тогда, когда въ массѣ народной замѣтно пошатнутся религіозныя основы, а до этого еще очень далеко.

Главный и постоянный доходъ Аѳонъ получаетъ съ своихъ обширныхъ земель, пожертвованныхъ ему, въ вѣчное владѣніе, разными благочестивыми царями еще до погрома византійскаго. Въ то время Аѳонъ игралъ важную роль; игумны монастырскіе имѣли легкій доступъ во дворцы царскіе и прямо высказывали земнымъ владыкамъ свои нужды и желанія. Ревнуя о спасеніи души, благочестивые цари щедро жертвовали имъ разныя земли вмѣстѣ съ людьми, селами «и со всѣмъ яже есть въ нихъ,» и давали Аѳону дарственныя записи (хрисовулы) на право вѣчнаго владѣнія этими землями, угрожая страшными проклятіями тому, кто дерзнулъ бы покуситься на это право. Съ нашествіемъ турокъ значительная часть этихъ имѣній была отнята у св. горы, но за всѣмъ тѣмъ у каждаго монастыря уцѣлѣли до сихъ поръ обширныя земли въ окрестностяхъ Аѳона, въ Россіи *), Сербіи, Болгаріи и преимущественно въ соединенныхъ княжествахъ Молдавіи и Валахіи. Эти земли вполнѣ обезпечиваютъ содержаніе Аѳона; въ нихъ главная его сила. Монастыри получаютъ съ нихъ годовые запасы пшеницы, маслинъ, оливковаго масла и другихъ жизненныхъ продуктовъ, а продукты, остав-

---

*) Самыя значительныя имѣнія, въ Россіи, имѣютъ: монастырь Иверскій, въ Москвѣ и Зографъ, въ Бессарабіи.

шіеся въ избыткѣ, продаются и поступаютъ въ казну монастырскую въ видѣ золота. Казалось бы, что при такомъ порядкѣ вещей можно жить припѣваючи, но Аѳонъ не знакомъ съ экономическими началами хозяйства и потому получаетъ только часть того, что слѣдовало бы получить ему. Дѣло въ томъ, что управленіе своими имѣніями онъ довѣрилъ на совѣсть своихъ эпитроповъ (повѣренныхъ) и не требуетъ отъ нихъ почти ни какого отчета. Вслѣдствіе этой безотчетности въ управленіи, большинство эпитроповъ, особенно въ дальнихъ имѣніяхъ, не оправдываютъ на себѣ довѣрія братіи и злоупотребляютъ ея доходами. По немощи человѣческой они устроили себѣ великолѣпныя палаты, завели роскошный столъ и обстановку и, желая какъ нибудь воротить истраченныя деньги, стали прижимать народъ, обременять его непосильными работами и налогами. Народъ обнищалъ, земли истощились—доходовъ стало еще меньше. Конечно, во всемъ этомъ виноваты отцы аѳонскіе, не устроившіе надъ имѣніями никакого контроля. Слышатъ они о всѣхъ этихъ безпорядкахъ и наивно удивляются имъ, недоумѣвая, чѣмъ горю помочь. Не разъ приходилось мнѣ слышать жалобы старцевъ на неисправность эпитроповъ, жалобы горькія, но наивныя.

— Что же вы не смѣните ихъ, коли плохо управляютъ? спрашивалъ я старцевъ.

— Кого жъ выбрать-то! недоумѣвали старцы.—Посылаемъ обыкновенно самыхъ лучшихъ и честныхъ монаховъ, а толку все мало. Сперва еще ничего, исправны бываютъ, а потомъ все меньше и меньше шлютъ. Слышимъ то, другое, а что тутъ станешь дѣлать? Вотъ прежде мы получали съ нашего имѣнія по 1,800 голл. червонцевъ въ годъ, а нынче всего только 800 получили. Куда дѣвалась эта тысяча, Богъ ее знаетъ. Видно, нашему брату не слѣдуетъ уѣзжать съ Аѳона, а то какъ выѣхалъ, такъ и сгибъ...

— Да вы бы мірского кого наняли, можетъ быть тогда лучше дѣло пошло.

Нѣтъ, мірскаго нельзя; свой все таки лучше: свой по крайней мѣрѣ очень согрѣшить побоится, а мірскому-то гдѣ указъ?.. Нѣтъ ужъ видно искушеніе это намъ отъ Господа Бога послано: терпѣть надо.

И всегда кончалось тѣмъ, что старцы отдавали все на власть Божію и смотрѣли на безпорядки, какъ на горькую неизбѣжность. Очевидно, что при такомъ взглядѣ на вещи, повѣренные жили спокойно въ имѣньяхъ и продолжали свои дѣла. Аѳонъ не предчувствовалъ никакой грозы, а между тѣмъ гроза готова разразиться надъ нимъ...

Еще въ бытность мою на св. горѣ, тамъ впервые пронесся смутный слухъ, что румынскій князь, Куза, замышляетъ отнять имѣнія монастырскія въ пользу своего народа. Сначала монахи этому и вѣрить не хотѣли, но слухъ подтвердился. Въ мірѣ заговорили, что пора, молъ, румынскому народу подумать и о собственныхъ интересахъ, что странно видѣть, какъ чуть не половина княжества (считая тутъ и святогробскія имѣнія) работаетъ на монаховъ, которые не приносятъ имъ никакой видимой пользы. Въ газетахъ стали появляться статьи не въ пользу монашества. Аѳонъ зашевелился; на Кузу посыпались проклятія. Властные старцы, которые по обязанности должны защищать интересы ввѣреннаго имъ братства, вынули изъ монастырскихъ архивовъ дарственныя записи князей и воеводъ молдо-влахійскихъ, предъявили ихъ куда слѣдуетъ и, въ полной вѣрѣ на помощь Божію, рѣшились защищаться. — «Имѣнія не наши, говорили старцы:—они пожертвованы Богу и Онъ самъ вступится за свои права... Мы, отшельники, должны поддерживать эти земли во имя тѣхъ душъ, на поминъ которыхъ они пожертвованы Аѳону, а на голову дерзкаго попирателя правъ Божіихъ пусть падутъ всѣ проклятія, написанныя въ нашихъ хрусовулахъ *)...» Куза предлагалъ имъ значительный выкупъ за имѣнія, обѣщалъ дать монастырямъ денежное обезпеченіе изъ казны княжеской, но монахи отвергли всѣ эти предложенія; они усилили свои молитвы и посты, разослали во всѣ концы Европы своихъ ходатаевъ съ просьбою о защитѣ и твердо были увѣрены въ заступничествѣ Бога.

Но событіямъ суждено было совершиться не въ пользу Аѳона. Не смотря на общій и энергическій протестъ всего восточнаго духовенства противъ Кузы, европейская конференція, собравшаяся въ Константинополѣ для рѣшенія вопроса о монастырскихъ имѣніяхъ, въ сентябрѣ 1865 г. объявила константинопольскому патріарху, что эти имѣнія должны быть конфискованы въ пользу народа и что о возвращеніи ихъ монастырямъ не можетъ быть и рѣчи. Въ видѣ вознагражденія за убытки, конференція предложила для раздачи монастырямъ сумму въ 150 милліоновъ піастровъ (около 7,500,000 рублей), назначенную для этой цѣли румынскимъ правительствомъ. Дѣло такимъ образомъ было окончено и имѣнія перешли въ другія руки.

Богъ знаетъ, къ худшему или къ лучшему поведетъ отнятіе этихъ земель у Аѳона?.. Безспорно, что

---

*) Привожу эти клятвы, помѣщенныя съ небольшими варіантами въ концѣ каждаго хрисовула.

«Если кто, дьявольскимъ навожденіемъ, дерзнетъ отнять или разорить сіе имѣніе, того разоритъ Богъ и пречистая его матерь и да будутъ ему супротивниками въ день страшнаго суда. И да будетъ проклятъ отъ 12 апостоловъ, и отъ 318 отецъ Никейскихъ и всѣхъ святыхъ; и да приметъ наказаніе съ Іудою предателемъ, и Аріемъ, и съ тѣми, которые кричали: кровь его на насъ и на чадѣхъ нашихъ, и отъ меня, грѣшнаго, нѣтъ ему благословенія.»

теперь его вліяніе въ княжествахъ исчезнетъ и главнѣйшіе капиталы страны пойдутъ на удовлетвореніе другихъ интересовъ, чуждыхъ Аѳону. Безспорно, что сумма, предложенная конференціей, слишкомъ мала и никогда не въ состояніи вознаградить монастыри за понесенные ими убытки, и что вслѣдствіе этой мѣры большинство братіи должно будетъ удалиться съ Аѳона и на немъ останутся только истые аскеты. Но безспорно и то, что отнятіе имѣній Кузою можетъ послужить примѣромъ для другихъ правительствъ, которыя впослѣдствіи пожелаютъ отнять и остальныя земли у Аѳона и тѣмъ въ конецъ подорвать его силу. Конечно, у Аѳона, какъ увидимъ ниже, кромѣ дохода съ имѣній, есть много другихъ источниковъ дохода, но всѣ эти источники имѣютъ характеръ болѣе или менѣе случайный и если Аѳону придется только этими источниками поддерживать свое существованіе, онъ окончательно потеряетъ свою *независимость*, а съ нею и свой громадный авторитетъ въ глазахъ мѣстнаго населенія.

Кромѣ постояннаго дохода съ имѣній вполнѣ обезпечивающаго прокормленіе братіи аѳонской, монастыри имѣютъ еще другіе частные доходы, и въ этомъ отношеніи старцы монастырскіе изыскиваютъ всевозможныя средства къ увеличенію общинныхъ капиталовъ на случай разныхъ построекъ и другихъ непредвидѣнныхъ расходовъ.

Каждый новый постриженецъ бываетъ выгоденъ для обителей аѳонскихъ. Въ штатныхъ монастыряхъ съ каждаго постриженца, при вступленіи его въ монастырь, берутъ въ монастырскую кассу неопредѣленную сумму денегъ, смотря по состоянію постригающагося; а въ киновіяхъ, гдѣ запрещена всякая личная собственность, все имущество постригающагося поступаетъ въ полную собственность монастыря. Поэтому каждый монастырь, ради собственныхъ выгодъ, старается сманить въ монашество людей побагаче, а бѣдныхъ не слишкомъ жалуетъ.

Случается, что русскимъ монахамъ-киновіатамъ присылаютъ изъ Россіи письма вмѣстѣ съ деньгами. Какой нибудь землякъ, или родственникъ, соболѣзнуя о трудахъ монашескихъ, земляка, сунетъ ему въ письмо рублишко, другой, чтобы, сердечный, могъ хоть тайкомъ отвести душу и погулять. Всѣ такія письма вскрываются еще въ Одессѣ особымъ благодѣтелемъ, который копитъ эти деньги, а потомъ въ общей суммѣ пересылаетъ въ монастырь.

Затѣмъ, значительный сборъ Аѳону доставляютъ его многочисленные поклонники. Съ обыкновенныхъ богомольцевъ, нищихъ духомъ и карманомъ, пожива очень плоха, и даже ихъ самихъ, изъ жалости, иногда приходится кормить безплатно. Но чуть появится поклонникъ болѣе или менѣе капитальный, весь Аѳонъ обращаетъ на него вниманіе и встрѣчаетъ какъ почетнаго и выгоднаго гостя, стараясь всевозможными средствами привести его въ умиленіе и расположить къ щедрости. Въ какой монастырь онъ не пожалуетъ, вездѣ, послѣ поклоненія мѣстной святынѣ, ему отведутъ лучшія комнаты, а потомъ съ кроткимъ смиреніемъ и печальными лицами соберутся къ нему старцы и горько будутъ жаловаться на свою бѣдность да долги неоплатные; намекнутъ на спасеніе души, на вѣчныя молитвы свои за благодѣтелей,—и разжалобятъ наконецъ поклонника *). Особенно наши русскіе купцы не могутъ равнодушно

---

*) Деньги за поминъ души берутся разныя. Въ Руссикѣ, напримѣръ, назначенъ слѣдующій «Чинъ поминовенія».—За вѣчно, поминовеніе *одного* имени на проскомидіи: ежедневное 60 р., еженедѣльное 30 р.; ежемѣсячное 10 р.—На неусыпаемомъ чтеніи за одно имя: вѣчное поминовеніе 60 р. с.; годовое 7 р.; сорокадневное 1 р. сер.

слышать эти жалобы. Видя себя предметомъ общаго вниманія, засѣдая на почетныхъ мѣстахъ въ церкви и трапезѣ, соблазняясь почетнымъ именемъ ктитора и благодѣтеля монастырскаго, купецъ, наконецъ, вынетъ мошну свою.

— Была, не была, скажетъ онъ старцамъ: — чѣмъ нашему брату на скверныя дѣла тратить деньги, лучше вамъ помочь: спасайтесь-ко на мой счетъ, отцы, только чуръ молиться шибче за мою душу, а какъ помру, такъ, значитъ, сорокоусты править... Слышите?

— Во вѣки вѣчные поминать будемъ, брате! отвѣтятъ старцы и дадутъ ему собственноручно записаться въ поминальную книгу.

Иногда старцы, замѣтивъ, что капитальный поклонникъ черезчуръ разжалобился, попытаются узнать: не имѣетъ ли онъ желанія самъ принять монашество, и если имѣетъ, то попросятъ его, ради нуждъ братіи, поскорѣе выписать изъ міра свои капиталы, чтобы они не пропали тамъ; а если нѣтъ—попросятъ поискать имъ въ мірѣ богатыхъ благодѣтелей и заявить, гдѣ придется о нуждахъ Аѳона. Отыскавъ благодѣтелей такихъ, старцы ведутъ съ ними постоянную переписку въ душеспасительномъ тонѣ, а тѣ изрѣдка присылаютъ имъ деньги и, умирая, даже отказываютъ имъ значительныя наслѣдства.

Приходилось и мнѣ выслушивать жалобы монашескія на бѣдность и соболѣзновать вмѣстѣ со старцами, что горю пособить нечѣмъ.

— А имѣнія у васъ есть гдѣ нибудь? спросилъ я однажды въ Ставроникитскомъ монастырѣ, выслушавъ длинныя жалобы.

— Какія у насъ имѣнія? отвѣчали мнѣ старцы уныло:—мы люди бѣдные. Есть маленькая землица въ Валахіи, да пользы съ ней мало.

— Сколько, напримѣръ, въ годъ?

— Да всего какихъ-нибудь тысячу голландскихъ червонцевъ. А насъ вѣдь тутъ тридцать человѣкъ спасается.

— Значитъ, приходится по 100 р. с. на брата въ годъ. Ну, а хлѣбъ какъ?

— Хлѣбъ, конечно, получаемъ съ Кассандры, да мало до того, что лишняго ничего не остается.

И это считается на Аѳонѣ бѣдностью, потому что не даетъ запаснаго капитала. И въ самомъ дѣлѣ, Ставроникитскій монастырь одинъ изъ бѣднѣйшихъ на св. горѣ.

Странно иной разъ слышать эти жалкія рѣчи среди такой обстановки, которая прямо говоритъ о достаткахъ монастыря. И надо правду сказать, что русскіе не такъ способны на эти лицемѣрные рѣчи, какъ греки и, вообще, восточные жители.

Вѣрнымъ и капитальнымъ пособіемъ для монастырей служатъ, наконецъ, сборы по міру доброхотныхъ подаяній и каждый монастырь съ нетерпѣніемъ ждетъ того времени, когда ему получится разрѣшеніе на сборъ *). Обязанность сборщика старцы обыкновенно поручаютъ людямъ смѣтливымъ, ловкимъ и бывалымъ, потому что отъ этихъ качествъ преимущественно зависитъ цифра сбора. Отправленіе сборщика въ міръ бываетъ очень трогательно. За нимъ ухаживаютъ, наставляютъ какъ дѣйствовать, надаютъ ему кучу рекомендательныхъ писемъ къ разнымъ щедрымъ и вліятельнымъ лицамъ; затѣмъ служится молебенъ и начинается чинъ прощанья. Каждому старцу сборщикъ кланяется въ ноги

---

*) Разрѣшеніе сбора на востокѣ зависитъ отъ мѣстнаго патріарха, а въ Россіи отъ св. Синода. Нѣкоторые аѳонскіе монастыри отъ нашихъ древнихъ царей получили право, черезъ извѣстное число лѣтъ, являться въ Россію за сборомъ, и до сихъ поръ сохраняютъ это право.

и проситъ благословенія, съ каждымъ братомъ цалуется въ плечо.

— Благословите отцы, говоритъ онъ въ смущеніи: — благословите послужить ко благу св. обители нашей!.. Ревность имѣю ко благу.

— Послужи отче, послужи! Богъ благословитъ! Только бѣгай искушеній: бѣсъ бо силенъ.

— Буду бѣгать. Сотворю послушаніе вамъ.

И идетъ онъ, напутствуемый сотнями братскихъ благословеній и многіе съ невольною завистью глядятъ на отъѣздъ его въ міръ. Рѣдкій изъ братіи отказался бы отъ такого лестнаго и выгоднаго порученія, тѣмъ болѣе, что подъ предлогомъ сбора здѣсь представляется возможность со спокойною совѣстью покинуть Аѳонъ и повидаться съ родиной.

Такъ какъ въ Россію дозволяется являться сборщикамъ аѳонскимъ въ видѣ особенной милости, и эта милость, дается не часто, то сборы на нужды монастырскія, конечно, всею тяжестью ложатся на бѣдные классы мѣстнаго православнаго населенія. Сборщики, круглый годъ, бродятъ по селамъ славянскимъ и греческимъ, стараясь по возможности разжалобить поселянъ; но надо признаться, что эти жалобы не совсѣмъ достигаютъ своей цѣли. Народъ, изнуренный частыми поборами монашескими, принимаетъ этихъ странниковъ очень не дружелюбно. Поэтому сборы доброхотныхъ подаяній здѣсь подвигаются туго и, чтобы собрать кое что, сборщикамъ приходится обращаться къ разнымъ уловкамъ, выдумывать новые пріемы и подчасъ даже употреблять насиліе. Сами сборщики разсказывали мнѣ, что «благочестіе народное на востокѣ до того умалилось, что приходится собирать только подъ страхомъ проклятія небеснаго.» Въ самомъ дѣлѣ, съ мѣстными жителями сборщики обходятся крайне безцеремонно и въ каждой семьѣ требуютъ денегъ не какъ благотворенія, а как неизбѣжной подати Аѳону, угрожая въ противномъ случаѣ гнѣвомъ небеснымъ и адскими муками.

— Гдѣ жъ намъ то денегъ взять, отцы? спрашиваетъ испуганная семья. — Вотъ вчера у насъ архіерейскій сборщикъ собиралъ подать; на дняхъ святогробскій тоже былъ.... А мы вотъ третій годъ дитю окрестить не можемъ, да сынъ цѣлый годъ ужъ лежитъ въ землѣ безъ отпѣванья, и все потому, что денегъ такихъ нѣтъ... Вѣдь вы знаете нашего владыку?

— Намъ самимъ нечего ѣсть, отвѣчаютъ сборщики;— а вы насъ кормить должны, потому что мы за васъ Богу молимся. А не дадите,—Богъ васъ накажетъ, вѣдь мы ради имени Его просимъ.

Слушаетъ семья разныя угрозы и въ страхѣ отдаетъ имъ послѣдніе гроши, лишь бы только сняли съ нея клятву. Сборщики успокоиваютъ ихъ и отправляются дальше.

Какъ бы то ни было, но сборъ все-таки идетъ и сборщики возвращаются на Аѳонъ съ деньгами. На эти деньги монастыри покупаютъ себѣ корабли, строятъ церкви и ведутъ тяжбы. Знаютъ старцы, что съ большимъ трудомъ достаются имъ эти доброхотныя подаянія, но считаютъ этотъ трудъ неизбѣжностью.

— У насъ народъ бѣдный, толкуютъ они:—съ него жалко и брать много; а вотъ кабы въ Россію...

Россія для Аѳона золотое дно и сборщики ѣдутъ туда съ полною увѣренностью на огромный сборъ, потому что благочестіе на Руси еще не оскудѣло. Пріѣзжаютъ они къ намъ обыкновенно съ частями животворящаго древа и св. мощей, съ большими запасами крестовъ, четокъ и картинъ святогорскихъ. Каждый изъ насъ по нѣскольку разъ встрѣчалъ здѣсь этихъ иноковъ съ робкими взглядами, въ порыжѣлыхъ рясках и низкихъ камилавкахъ. Эти-то люди имѣютъ громадное значеніе на Руси и съ глубокимъ благоговѣніемъ принимаетъ и слушаетъ ихъ нашъ людъ православный. Много у насъ и своихъ сборщиковъ изъ разныхъ русскихъ монастырей, но они не имѣютъ такого авторитета; на нихъ смотрятъ именно какъ на *своихъ*, «а эти, сердечные, во Аѳонѣ были, Царьградъ видѣли, — въ нихъ, значитъ, и благодати больше.» Такому благодатному сборщику во всемъ повѣрятъ, только разсказывай, ну и начнетъ онъ разсказывать народу про чудеса великія, про турокъ, про заступничество царицы небесной, про то, наконецъ, какъ эта царица явилась ему во снѣ, и велѣла обратиться къ русскимъ за помощью. А мужику все это занятно кажется, точно онъ житіе какое читаетъ, по сердцу у него благодать ходитъ, а сборъ между тѣмъ растетъ и растетъ. А много великихъ дѣлъ могли бы сдѣлать на Руси эти люди, если бы они имѣли хоть каплю образованія и если бы видѣли въ своей пропагандѣ не одну только денежную цѣль. Народъ смотритъ на нихъ, какъ на представителей мудрости аѳонской, по нимъ судитъ объ остальныхъ подвижникахъ св. горы. Силою своего авторитета, они могли бы просвѣтить и очистить религіозный смыслъ народа, а между тѣмъ оказывается, что они только болѣе затемняютъ этотъ смыслъ, что въ награду за гостепріимство, они проводятъ въ народъ одно невѣжество, даютъ крѣпкую поддержку его суевѣрію и за все это берутъ деньги, и большія деньги. Ходятъ они такимъ образомъ изъ села въ село, отъ Архангельска до Астрахани и Камчатки, служатъ молебны, читаютъ разныя заклинанья и изгоняютъ бѣсовъ, разсказывая при этомъ разныя были и небылицы. Одинъ изъ такихъ сборщиковъ однажды до того увлекся своей пропагандой, что вздумалъ постригать нашихъ бабъ деревенскихъ въ монахини, взимая за это съ каждой по золотому. Четыре бабы успѣлъ постричь онъ, на пятой едва не попался и принужденъ былъ искать спасенія въ бѣгствѣ.

Убѣдившись въ легковѣріи нашего народа и придумывая средства къ увеличенію сбора, эти представители Аѳона часто увлекаются подобнымъ образомъ и увлеченія ихъ иногда доходятъ до послѣднихъ границъ терпимости. Изъ множества фактовъ подобнаго увлеченія, разскажу одинъ фактъ, переданный мнѣ очевидцемъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ Казанской губерніи монахи, выдававшіе себя за сборщиковъ аѳонскихъ, возили съ собою по деревнямъ большую чашу, до краевъ наполненною масломъ. Въ маслѣ плавала косточка. Эту косточку сборщики выдавали за часть мощей какого-то святителя, а масло за мѵро неизсякаемое. Ополоумѣвшій народъ толпами ходилъ за ними и за большія деньги покупалъ это масло, чтобы мазаться имъ въ случаѣ разныхъ болѣзней. Кучи денегъ сыпались въ карманы сборщиковъ, но они почему-то побоялись долго оставаться въ тѣхъ краяхъ и рѣшились отплыть со своей святыней въ Нижній Новгородъ. Не рискуя ѣхать вмѣстѣ съ прочими пассажирами, они наняли особый пароходъ, подъ тѣмъ предлогомъ, что многіе недостойны ѣхать съ такой святыней. При этомъ, говорятъ, нѣкоторые купцы неотступно просили взять ихъ съ собою, и за каждый билетъ на пароходѣ платили по *триста* рублей серебромъ. И много фактовъ подобнаго рода приходилось мнѣ слышать, — фактовъ печальныхъ, въ которыхъ, право, не знаешь чему удивляться болѣе: ловкости ли сборщиковъ или легковѣрію нашего бѣднаго народа? Случается, впрочемъ, что подъ именемъ Аѳонскихъ сборщиковъ тутъ промышляютъ сборщики особаго рода, которые обыкновенно кончаютъ свои приключенія въ рудникахъ сибирскихъ.

Сановные представители Аѳона не ходятъ по деревнямъ и селамъ, не выпрашиваютъ по квартирамъ и книжку, но сохраняютъ приличную сану важность. Пріѣхавъ въ какой нибудь городъ, они нанимаютъ особую квартиру и объявляютъ въ газетахъ, что такіе-то сборщики остановились тамъ-то и принимаютъ желающихъ въ такіе-то часы. При этомъ помѣщаютъ они краткое описаніе своей обители, ея рѣдкаго благочестія и непомѣрной бѣдности (при чемъ большею частію искажаютъ правду *); затѣмъ, въ заключеніе, прибавляютъ нѣсколько душеспасительныхъ словъ. Написавъ такое объявленіе, сборщики спокойно остаются дома въ полной увѣренности, что деньги придутъ къ нимъ сами, и деньги дѣйствительно идутъ. Чудное имя Аѳона привлекаетъ къ нимъ множество сердобольныхъ благотворителей, которые несутъ имъ посильную лепту, ради спасенія душевнаго. Эти сборщики играютъ ту же роль по отношенію къ нашимъ, такъ называемымъ, образованнымъ классамъ, какую играютъ сборщики не сановные по отношенію къ простому народу. Ихъ приглашаютъ въ разныя дома для молебновъ и назидательныхъ размышленій, съ уваженіемъ распрашиваютъ о чудесахъ и подвигахъ братіи аѳонской и здѣсь-то, среди набожнаго и вліятельнаго общества, окруженные общимъ вниманіемъ, сборщики излагаютъ взгляды аѳонскіе на міръ, на науку, на людскія отношенія и прочее. Не мудрено, что набожные люди слушаютъ эти рѣчи какъ законы жизни святой, и какая нибудь старушка долго потомъ остается подъ вліяніемъ этихъ рѣчей.

---

*) Такъ напримѣръ, сборщики аѳонскаго Хиландарскаго монастыря объявляли недавно въ газетахъ, что въ ихъ монастырѣ находится 25 русскихъ отшельниковъ и что весь монастырь думаетъ принять киновіатскій уставъ. На самомъ дѣлѣ въ Хиландарскомъ монастырѣ, вмѣстѣ съ сербами, живетъ *одинъ* только русскій проэстосъ и вся братія такъ не расположена къ киновіямъ, что едва ли когда приметъ ихъ уставъ.

— Да! проговоритъ она въ размышленіи:—все это правда святая; я и сама такъ думала!... И въ ней является благочестивое желаніе еще разъ послушать этихъ праведниковъ и снова шлетъ она за ними свою карету.

Собравъ въ городѣ достаточное количество подаяній и замѣтивъ, что дольше оставаться въ немъ нечего, сановитые сборщики отправляются въ другіе города и дѣйствуютъ опять такимъ же образомъ. И такъ переѣзжаютъ они изъ города въ городъ до тѣхъ поръ, пока не выйдетъ срокъ, дозволенный для сбора.

Замѣчательно, что наши русскіе монахи не совсѣмъ жалуютъ аѳонскихъ и принимаютъ ихъ довольно сухо. Особенно не любятъ ихъ наши сборщики подаяній, у которыхъ тѣ отбиваютъ значительный доходъ. Разъ какъ-то мнѣ пришлось говорить съ такимъ сборщикомъ объ этомъ предметѣ, и онъ высказалъ мнѣ при этомъ всю накипѣвшую на сердцѣ горечь.

— Нашъ братъ, говорилъ онъ мнѣ: — всю жизнь ходи да кланяйся по кабакамъ да трактирамъ: гдѣ выругаютъ, гдѣ запросто вытолкаютъ, и рѣдко кто копѣечку дастъ; а они сидятъ себѣ въ кельѣ, двери раскрыты, а народъ къ нимъ валомъ валитъ, да все не простые какіе нибудь, а господа.

— И много жертвуютъ?

— Да среднимъ числомъ цѣлковыхъ по сту въ день будетъ. Что золота да серебра одного нанесутъ, утварь разную, подсвѣчники, чаши, евангелія съ каменьями, ризы—видимо не видимо. Сиди только да принимай. А вотъ нашему брату, такъ небось и издали не покажутъ вещей такихъ: стянетъ, думаютъ... Цѣлую жизнь ходи озираючись, что сраму-то одного наберешься...

— Зо та вѣдь они съ горы аѳонской.

— Такъ что-жъ, что съ горы? Богъ-то развѣ не вездѣ одинъ?...—Нѣтъ, у насъ только на иностранное мода, а свой человѣкъ хоть лобъ разбей: толку не будетъ.

Конечно, въ этой желчной исповѣди отчасти выразилось оскорбленное самолюбіе и религіозный патріотизмъ нашего сборщика, но правда и то, что аѳонскіе сборщики, почти безъ всякаго труда, собираютъ въ Россіи огромныя суммы денегъ и привозятъ на Аѳонъ по нѣскольку тысячъ русскихъ полуимперіаловъ, кромѣ драгоцѣнныхъ вещей.

Къ несчастію для Аѳона, не всѣ эти деньги доходятъ до мѣста назначенія, потому что не всѣ сборщики смогутъ сохранить въ этомъ дѣлѣ полную добросовѣстность, тѣмъ болѣе, что искушенія-то слишкомъ велики. Нѣкоторые изъ нихъ, побывавъ въ мірѣ, почувствуютъ къ нему особенную привязанность, съ которой трудно спасаться на Аѳонѣ; поэтому, сдавъ въ свой монастырь главные капиталы, они возвращаются въ міръ, для поступленія въ какой нибудь мірской монастырь и на этотъ случай, конечно, оставляютъ себѣ маленькій запасецъ. Иному и на Аѳонѣ деньги нужны. Не говоря уже про штатные монастыри, гдѣ безъ денегъ — бѣда, а даже киновіатскіе сборщики, по возращеніи изъ міра, иногда измѣняютъ свой взглядъ на дѣло спасенія. Правда, что подобные случаи слишкомъ рѣдки, но все же бываютъ... При мнѣ возвратился на Аѳонъ молодой сборщикъ, изъ послушниковъ, ѣздившій за сборомъ по порученію Руссика. На пути въ монастырь этотъ молодецъ остановился на ночлегъ у знакомаго ему келіота, не любившаго Руссикъ, а тотъ и надоумилъ его повести дѣло иначе.

— Что тебѣ пользы будетъ, говорилъ онъ:—если ты отдашь деньги? Вѣдь тобой же помыкать начнутъ, оставь-ка ихъ лучше у себя.

— Да зачѣмъ мнѣ деньги?—я киновіатъ.

— А ты оставь киновію и купи себѣ отдѣльную келью,— будешь старцемъ, а не послушникомъ. Повѣрь мнѣ, что въ уединеніи скорѣе спасешься, чѣмъ въ обществѣ.

Долго колебался сборщикъ, но искушеніе сломило его юную душу. Черезъ нѣсколько дней онъ далъ знать Руссику, что деньги потерялъ, а самъ у того же келіота купилъ огромную келью съ церковью и со всѣми домашними принадлежностями и зажилъ полнымъ хозяиномъ. Одно только смущало новичка, что въ церкви его служить некому, но деньги и въ этомъ случаѣ помогли. Мѣстный архіерей, живущій здѣсь на покоѣ, постригъ его въ монахи, а черезъ недѣлю въ діаконы, а еще черезъ недѣлю въ іеромонаха, не смотря на то, что этому іеромонаху только 19 лѣтъ отъ роду, да и грамотѣ онъ совсѣмъ почти не знаетъ *). Затѣмъ онъ пригласилъ на житье въ свою келью нѣсколькихъ бѣднѣйшихъ отшельниковъ и сдѣлался ихъ *старцемъ*. Я видѣлъ этого старца. Его очень занимаетъ власть надъ учениками, которыхъ онъ, по праву іеромонаха, постоянно заставляетъ кланяться себѣ въ ноги и цѣловать свою пастырскую руку, хотя между этими учениками есть 50-лѣтніе старики. Этимъ онъ упражняетъ ихъ, въ смиреніи... Что дѣлать, въ семьѣ не безъ урода! Противъ силы демонской, знать, ничего не подѣлаешь... Впрочемъ, въ послѣднее время, монастыри аѳонскіе приняли свои мѣры, чтобы подобныхъ вещей по возможности не случалось.

Такимъ образомъ доходы съ имѣній, поклонники и доброхотныя подаянія въ мірѣ тоже доставляютъ Аѳону огромные капиталы. Невозможно опредѣлить цифру этихъ капитоловъ, потому что власти монастырскія тщательно скрываютъ ихъ, какъ отъ братіи, такъ въ особенности отъ постороннихъ лицъ; только Аѳонъ совсѣмъ не такъ бѣденъ, какъ говорятъ о немъ разные сборщики. На этотъ счетъ можно быть вполнѣ спокойнымъ.

---

*) По уставу аѳонскому постригающійся въ санъ іеромонаха долженъ знать грамотѣ и имѣть отъ роду не менѣе 30 лѣтъ.

XV.

Поклонники Аѳона.

Характеристика афонскихъ поклонниковъ и богомольцевъ.—Путешествіе по св. горѣ и поклоненіе мѣстнымъ святынямъ.—Поборы съ богомольцевъ. — Общее впечатлѣніе, выносимое ими съ Афона.

Аѳонъ славенъ своими чудесами, полнотою благодати божіей и чрезмѣрными подвигами братіи. Эту славу его, какъ мы видѣли, разносятъ по всѣмъ закоулкамъ православнаго міра сборщики и разные выходцы аѳонскіе и дивится міръ, слушая ихъ чудныя рѣчи. Особенно славенъ Аѳонъ на Руси, гдѣ онъ, съ каждымъ годомъ, болѣе и болѣе пріобрѣтаетъ вѣсъ въ глазахъ нашего народа. Мѣстные болгаре и греки уважаютъ, конечно, Аѳонъ, но ихъ уваженіе холодно и спокойно; они прислушались къ его славѣ и относятся къ нему подобно тому, какъ относится школьникъ къ учебнику: вмѣстѣ съ учителемъ повторяетъ онъ, что науки полезны, хотя на самомъ дѣлѣ еще не видитъ отъ нихъ особенной пользы. Но Аѳонъ мало привлекаетъ на богомолье мѣстныхъ жителей, вѣроятно оттого, что содержаніе монашества слишкомъ дорого имъ обходится. На Руси не то. Всѣ эти таинственные разсказы о чудесахъ и подвигахъ монашескихъ глубоко западаютъ въ душу народа и кстати подходятъ подъ складъ его религіозныхъ вѣрованій. Народъ радуется, что затворники и разные подвижники, о которыхъ онъ съ такимъ благоговѣніемъ читалъ въ Четьи-минеяхъ, есть и по нынѣ, и, значитъ, благодать на землѣ еще не оскудѣла. Въ этомъ убѣждаютъ его и земляки, побывшіе на св. горѣ, которые своими глазами видѣли тамъ чудеса, бесѣдовали съ подвижниками и слышали отъ нихъ дивныя наставленія. И вотъ у многихъ зарождается благочестивое желаніе поглядѣть на св. землю... Поэтому-то въ послѣднее время, особенно когда устроились пароходныя сообщенія съ Аѳономъ, русскіе богомольцы посѣщаютъ его усерднѣе, чѣмъ мѣстные жители и количествомъ даже превосходятъ послѣднихъ.

Прежде, когда у всѣхъ болгаръ было греческое духовенство и службы совершались на греческомъ языкѣ, болгаре любили Аѳонъ и толпами стекались въ здѣшніе славянскіе монастыри, особенно, въ посту великомъ, для говѣнья. Имъ пріятно было молиться на своемъ языкѣ, а не на греческомъ, пріятно было видѣть, что славянскій элементъ здѣсь сохраняетъ свою силу и пользуется свободой. Но съ тѣхъ поръ, какъ въ Болгаріи стало заводиться славянское духовенство, Аѳонъ потерялъ для нея свою заманчивость. Теперь число болгарскихъ поклонниковъ значительно поуменьшилось. Греки, валахи и сербы показываются на Аѳонѣ рѣдко, а жители свободной Эллады совсѣмъ почти не заглядываютъ сюда.

День прибытія парохода изъ Россіи составляетъ праздникъ для Руссика *). Для братіи русской это лучшее, отрадное развлеченіе, затрогивающее самыя больныя стороны ея подвиговъ. Чуть только покажется вдали дымокъ, отшельники сбѣгаются на галлереи, выходящія къ морю,—и при этомъ не одно сердечко забьется тре-

---

*) Въ мое время (1859 г.) у Руссика останавливались пароходы Русскаго Общества пар. и торговли. Въ настоящее же время эти рейсы отмѣнены и пристаютъ ли къ берегамъ Афона какіе пароходы—не знаю. *Авт.*

вожно подъ монашеской рясой. Въ первое время, при началѣ пароходныхъ рейсовъ, многіе, не смотря на выговоры духовниковъ, выбѣгали даже изъ церкви, чтобы увидѣть скорѣе эту плывучую частичку далекой родины и узнать: не принесла ли она какой вѣсточки о предметахъ когда-то милыхъ и, къ несчастью, вѣчно милыхъ грѣшному сердцу. Пристаетъ пароходъ при звукахъ колокольнаго трезвона и на шлюпкахъ сдаетъ на берегъ партію богомольцевъ. Монастырь на нѣсколько минутъ оживится. Братія привѣтливо съ искреннимъ радушіемъ окружаетъ толпу земляковъ въ знакомыхъ зипунахъ, и шапкахъ, съ увѣсистыми котомками за плечами. А на пристани между тѣмъ движеніе: слышны крики и споры при переноскѣ грузовъ, матросы громко отдаютъ распоряженія и русская ругань подъ часъ долго раздается надъ цѣломудренными водами Аѳона. Черезъ часъ пароходъ снимается съ якоря; цѣпи якоря мѣрно стучатъ, наматываясь на валъ, а монахи наблюдаютъ, какъ тянутъ матросы эти исполинскія четки. Уйдетъ онъ опять, скроется на горизонтѣ послѣдняя струйка дыма, а между тѣмъ нѣкоторые долго еще глядятъ въ слѣдъ ему, да думаютъ тяжелыя думы...

Такъ какъ русскіе пароходы останавливаются преимущественно у Руссика, то здѣсь же впервые знакомятся съ Аѳономъ и мѣстные христіане; они пользуются даровымъ ночлегомъ въ одной изъ гостинницъ монастырскихъ, а на другой день обыкновенно разъѣзжаются по своимъ роднымъ монастырямъ. Русскимъ торопиться некуда: они дома. Если между пріѣзжими есть «господа», то ихъ сейчасъ же братія сдаетъ на руки начальству, которое отводитъ имъ болѣе или менѣе приличные покои и готовитъ для нихъ особый столъ «съ рыбкой,» какъ говоритъ братія. Остальные поклонники помѣщаются гдѣ придется и питаются въ братской трапезѣ.

Дня черезъ три послѣ прибытія, наговорившись вдоволь съ братіею, поклонники собираются посмотрѣть на другіе монастыри и поклониться прочимъ святынямъ аѳонскимъ. Въ качествѣ вожатаго и переводчика, имъ начальство даетъ одного изъ бывалыхъ братій и подъ его предводительствомъ странники трогаются въ путь. Недѣли двѣ бродятъ они изъ монастыря въ монастырь, съ горы на гору по утомительнымъ дорогамъ и обойдутъ въ эти двѣ недѣли болѣ двухъ сотъ верстъ пѣшкомъ *). Но по всей горѣ уже нигдѣ не встрѣтятъ они такого гостепріимнаго радушія, какъ въ родномъ Руссикѣ. Въ киновіяхъ еще пріемъ бываетъ сносный, но штатные монастыри, не смотря на свои огромныя богатства, не могутъ похвастать гостепріимствомъ и смотрятъ на приближающуюся толпу оборванныхъ богомольцевъ непривѣтливо, потому что съ такихъ оборвышей пожива очень плоха. Притомъ штатные монастыри, по какимъ-то причинамъ, не любятъ, когда у нихъ долго остаются посторонніе люди. Поэтому поклонники стараются придти въ эти монастыри поздно вечеромъ и уйдти пораньше утромъ, а если заходятъ днемъ, то не надолго, и поклонившись чему слѣдуетъ, сейчасъ же идутъ дальше. Поэтому-то посѣтители Аѳона слишкомъ мало знаютъ бытъ и устройство штатныхъ монастырей.

Для ночлега, всѣхъ поклонниковъ обыкновенно втискиваютъ въ одну комнату, правда широкую, но грязную, затхлую, неприглядную, съ неимовѣрнымъ количествомъ аѳонскихъ насѣкомыхъ. Монахи обращаются съ богомольцами надменно и свысока, думая стоитъ-ли чиниться передъ этою голью грошевою? Ужинъ даютъ имъ изъ мучнистаго супа, или бобовъ вареныхъ. Послѣ ужина гостинничный монахъ спрашиваетъ каждаго пок-

---

*) Кто побогаче, тому конечно мула дадутъ. Но обыкновенно барскіе поѣздки по Афону происходятъ отдѣльно отъ плебейскихъ.

лонника отдѣльно: не желаетъ-ли онъ записать кого въ книгу на граминъ души. Между поклонниками и этимъ монахомъ начинается торгъ, слышатся просьбы объ уступкѣ и затѣмъ происходитъ раскошеливанiе съ тяжелыми вздохами. Спятъ они вповалку, не раздѣваясь, какъ потому, что раздѣваться на Аѳонѣ не принято, такъ и потому, что верхняя одежда въ такомъ случаѣ часто служитъ защитою отъ грязи, на которой спать приходится. Конечно, наши поклонники не взыскательны и стараются утѣшить себя мыслью, что они, по грѣхамъ своимъ, не достойны лучшаго, но все-таки подобные прiемы сильно разочаровываютъ ихъ въ святости отшельниковъ и охлаждаютъ ихъ религiозные восторги.

Утромъ рано встаютъ поклонники и идутъ дальше отыскивать новые предметы для поклоненiя. А ихъ на Аѳонѣ очень много. Каждый монастырь имѣетъ какую-нибудь чудотворную икону, а въ нѣкоторыхъ ихъ даже по нѣскольку. При этомъ вожатый разсказываетъ поклонникамъ тѣ событiя, въ которыхъ проявилось чудесное свойство иконъ, разсказываетъ, напр., какъ одинъ монахъ ослѣпъ за непослушанiе, а другой сдѣлался нѣмъ за дерзость; какъ у одного невѣрующаго рука отсохла за кощунство надъ иконой (при чемъ покажетъ и самую изсохшую руку) и проч. *). Сильное впечатлѣнiе производятъ на поклонниковъ подобные разсказы и съ невольнымъ страхомъ прикладываются они къ этимъ грознымъ иконамъ. Мнѣ самому приходилось видѣть, какъ поклонники, слушая разсказы объ иконахъ, чудесно изглаголавшихъ разныя рѣчи, съ напряженнымъ вниманiемъ вглядывались въ неподвижные уста иконы и блѣднѣли въ ожиданiи чуда. Подъ влiянiемъ такого

---

*) Подробности этихъ чудесъ описаны въ книгахъ Святогорца.

страха, они безропотно выкладываютъ на тарелочку свои гроши, въ надеждѣ умилостивить правосудіе божіе и дѣлаютъ все, что прикажутъ имъ монахи. Кромѣ чудотворныхъ иконъ, поклонники прикладываются къ частямъ животворящаго древа и св. мощей. Въ Ватопедѣ показываютъ имъ часть ризы Богородицы, въ Дохіарѣ камень, съ которымъ ангелы вытащили изъ воды затопленнаго монахами младенца; недалеко отъ Лавры показываютъ мѣсто, гдѣ св. Аѳанасій извелъ воду изъ камня, въ Хиландарѣ—кровь Христову въ пузырькѣ, землю съ горы Голгофы, обагренную тою же кровію, злато, ливанъ и смирну, принесенныя Христу волхвами. Въ Хиландарѣ же раздаютъ поклонникамъ по одной ягодѣ изюма отъ лозы, выросшей изъ гроба св. Саввы Сербскаго и разсказываютъ, что эта ягода разрѣшаетъ всякія неплодства и способствуетъ дѣторожденію, такъ что даже турчанки, вкушавшія съ вѣрою этотъ изюмъ, чувствовали на себѣ его плодотворную силу и вслѣдствіе этого принимали православіе. Слушаютъ поклонники и берутъ изюмъ на всякій случай. Правда, нѣкоторые изъ нихъ удивляются, почему такая лоза выросла именно на Аѳонѣ, гдѣ никто не нуждается въ дѣторожденіи, но спросить боятся.

Главнымъ подвигомъ поклонниковъ, во время путешествія по Аѳону, бываетъ восхожденіе на главную вершину горы. Не смотря на трудность этого восхожденія, рѣдкій богомолецъ откажется отъ желанія поглядѣть на міръ Божій съ такой высоты (6,400 футовъ надъ поверхностью моря) и помолиться въ заблачной церквицѣ. Темя горы, какъ мы уже имѣли случай замѣтить, составляетъ площадка въ 4 квадратныя сажени, и на этой площадкѣ помѣщена крошечная церковь въ честь Преображенія. Сложена она изъ нетесаннаго камня, утварь въ ней металлическая, иконы бумажныя или литыя изъ чугуна, да и тѣ, говорятъ, черезъ три года приходится перемѣнять, потому что ѣдкій воздухъ да ржавчина слишкомъ скоро искажаютъ ихъ. Неизвѣстно, кто и когда выстроилъ эту церковь, но надо подивиться необыкновенному фанатизму строителей ея: не легко было таскать сюда строительныя матеріалы и заниматься постройкой въ такомъ проницательномъ холодѣ, отъ котораго не могутъ защитить никакія шубы *). Къ этой-то, близкой къ небу, церкви, по обрывистымъ крутизнамъ, вскарабкиваются изнуренные богомольцы для поклоненія. Здѣсь они прикладываются къ иконамъ; потомъ, кто грамотѣ знаетъ, нацарапываетъ на стѣнахъ церкви свое имя, въ память подвига; наконецъ всѣ ложатся вокругъ церкви и въ такомъ видѣ созерцаютъ красоты архипелага. Если день ясный, то трудъ ихъ вознаграждается великолѣпнѣйшей панорамой; но это вознагражденіе дается не часто: большею частью вершина Аѳона закрыта облаками. Наглядѣвшись вдоволь и продрогнувъ отъ холода, богомольцы забираютъ по куску мрамора на память и спускаются къ ближайшей кельѣ Богородицы, гдѣ обыкновенно устриваютъ ночлегъ. Въ праздникъ Преображенія нѣкоторые смѣльчаки взбираются на верхъ вмѣстѣ съ іеромонахами и остаются тамъ на цѣлую ночь, справляя всенощное бдѣніе. Чтобы не замерзнуть во время бдѣнія, они вокругъ церкви разводятъ костры и поочередно согрѣваютъ свои закоченѣвшіе члены.

Опытные старцы позволяютъ богомольцамъ всходить на вершину Афона только съ 1-го мая по 14-е сентября,

---

*) Преданіе гласитъ, впрочемъ, что и въ языческія времена на этомъ мѣстѣ стояло капище Аполлона, и что у идола, вмѣсто глазъ, были вставлены бриліанты. Блескъ брилліантовъ былъ такъ силенъ, что служилъ маякомъ для мимоходящихъ судовъ. Значитъ давно уже у мѣстныхъ жителей были попытки посвятить вершину Аѳона какому нибудь божеству.

а позже этого срока, по причинѣ частыхъ непогодъ, такое путешествіе считается опаснымъ. Но нашихъ поклонниковъ этимъ не урезонишь и однажды цѣлая партія ихъ едва не сдѣлалась жертвою своего непослушанія. Они отправились въ путь въ концѣ сентября; вожатый указалъ имъ тропинку и удалился, а храбрецы одни взошли на вершину, совершили поклоненіе и, по обыкновенію, спустились на ночлегъ въ келью Богородицы. На утро проснулись они,—свѣта Божьяго не видно: церковь и келья вмѣстѣ съ кровлями засыпаны снѣгомъ и нѣтъ никакой возможности выбраться на воздухъ. Въ такомъ заключеніи, въ холодѣ и голодѣ, должны были они просидѣть трое сутокъ. На четвертые снѣгъ порастаялъ и ближайшіе келіоты, съ запасами хлѣба, пришли выручать ихъ изъ бѣды.

При мнѣ одинъ мѣщанинъ русскій, богатырь съ виду, захотѣлъ во что бы ни стало побывать на горѣ въ ноябрѣ мѣсяцѣ. Братія въ страхѣ уговаривала его не рисковать и представляла разные резоны, но богатырь упрямо стоялъ на своемъ. «Какъ же это быть подлѣ горы, а на гору не взлѣсть? недоумѣвалъ онъ:—коли вы не поведете, такъ мнѣ наплевать, я и одинъ дорогу найду!» И пошелъ одинъ одинехонекъ. Богъ его знаетъ, гдѣ пропадалъ онъ двѣ недѣли и какъ нашелъ дорогу, только онъ въ самомъ дѣлѣ побывалъ на вершинѣ и на стѣнѣ церкви записалъ свой подвигъ, о чемъ весною узнали на удивленіе всей горы, слѣдившей за отвагой русскаго геркулеса.

Исполнивъ свои обязанности, по отношенію къ святынямъ аѳонскимъ, поклонники идутъ въ Карею, гдѣ закупаютъ себѣ разныя вещицы святогорскаго издѣлія и оттуда уже спускаются обратно въ Руссикъ. Нѣкоторые изъ нихъ вскорѣ послѣ этого и уѣзжаютъ съ Аѳона, но большинство остается въ Руссикѣ поглядѣть на процесъ спасенія монашескаго, да, мимоходомъ, и свою душу поспасать немного. Оставаясь въ монастырѣ, они, вмѣстѣ съ братіею, ходятъ на всѣ службы, участвуютъ во всѣхъ братскихъ послушаніяхъ, и такимъ образомъ собственнымъ трудомъ выплачиваютъ общинѣ за хлѣбъ и постой.

Наши богомольцы заѣзжаютъ на Аѳонъ по пути въ Іерусалимъ, или на обратномъ пути оттуда, рѣдко кто нарочно. Почти всѣ они принадлежатъ къ небогатымъ классамъ народа. Большинство ихъ составляютъ монахи и послушники съ разныхъ монастырей, бобыли крестьяне, отставные солдаты, небогатые купцы, мелкіе помѣщики и т. п. Пріѣзжаютъ они, или по особеннымъ обѣтамъ, или просто, чтобы сдѣлать богоугодное дѣло, въ надеждѣ, что время, проведенное въ путешествіи по св. мѣстамъ, запишется въ книгѣ живота и примется въ разсчетъ послѣ смерти. Очень немногіе заглядываютъ сюда изъ любопытства, или для разныхъ ученыхъ цѣлей.

Если бъ возможно было, то большинство поклонниковъ составляли бы, конечно, наши богомольныя бабы. Этотъ неугомонный народъ, зная навѣрное, что ихъ не пустятъ на Аѳонъ, все-таки нарочно дѣлаютъ огромный крюкъ въ путешествіи и тратятъ лишнія деньги для того только, чтобы съ парохода посмотрѣть на закрытую для нихъ землю и издали помолиться аѳонской Владычицѣ. Лишь подъѣдетъ пароходъ къ Руссику, на немъ подымается суматоха: бабы мечутся и толпятся у борта. «Анисья, Марфа! визжатъ они другъ другу:—гляди-ко, монахи-то, батюшки, ходятъ!» и съ громкимъ крикомъ просятся всякій разъ, чтобъ ихъ пустили хоть по бережку прогуляться; хоть камушекъ поцѣловать дали и Христомъ Богомъ завѣряютъ, что нисколько не осквернятъ гору. Въ послѣднее время, чтобы удовлетворить нѣсколько бабье благочестіе, старцы, не боящіеся искушеній, рѣшились выносить къ нимъ на пароходъ части мощей и пѣть молебны, и надо видѣть, съ какимъ благоговѣніемъ, толкаясь и ругаясь, силятся онѣ прикоснуться къ одеждѣ монашеской и поцѣловать ручки подвижническія. А потомъ эта Анисья или Марфа будетъ хвастаться по деревнямъ, что она на матушкѣ на горѣ аѳонской была.

Всѣ почти поклонники вступаютъ на землю аѳонскую, что называется, «сробѣвши,» будто входятъ въ царство небесное. Въ церкви обыкновенно они становятся на послѣднихъ мѣстахъ и безсознательно отвѣшиваютъ земныя поклоны, на каждаго схимника глядятъ съ тѣмъ робкимъ благоговѣніемъ, съ какимъ подчиненные смотрятъ на своего начальника. Каждый сознаетъ, что онъ теперь «во аѳонской горѣ,» припоминаетъ все, что слышалъ о ней прежде, ждетъ чего-то чудеснаго и смиренно сознается въ своемъ недостоинствѣ. Потомъ, походивъ по святой горѣ, поклонники начинаютъ посмѣлѣе вглядываться въ жизнь монашескую и судить о ней каждый по своему. Кто объ Аѳонѣ имѣлъ прежде понятіе смутное и не ждалъ отъ него ничего особеннаго, тотъ приходитъ въ восторгъ отъ подвиговъ братіи и отъ души дивится ихъ самоистязанію; такой, чаще всего, самъ принимаетъ монашество. А кто полагалъ, что на Аѳонѣ во чію чудеса совершаются, и ждалъ отъ него чего-то сверхъ-естественнаго, тотъ, конечно, разочаровывается. «Нешто такіе бываютъ подвижники? толкуютъ между собою эти разочарованные; столъ хорошій, одежда крѣпкая, даже водку и чай пьютъ, а нешто святые-то пьютъ чай?.. Сказывали, что здѣшніе постники совсѣмъ ничего не ѣдятъ, что за службой у нихъ по церкви ангелы божіи летаютъ, а гдѣ-жъ тутъ эти ангелы?.. Все врутъ только?» Такихъ богомольцевъ на Аѳонѣ слишкомъ скоро тоска заѣстъ; однажды разочаровавшись, они ко всему относятся критически, и наровятъ поскорѣе дать тягу.

Недолго уживаются на Аѳонѣ также *бывалые* странники и юродивые, пріѣзжающіе сюда только для того, чтобы впослѣдствіи имѣть болѣе вѣсу между остальными странниками, и такимъ образомъ отбивать у нихъ хлѣбъ. Смотря на святыню съ коммерческой точки зрѣнія, они въ киновіяхъ сразу почувствуютъ себя не въ своей тарелкѣ, ежатся, пробуютъ поддѣлаться подъ монашескій взглядъ на вещи, но неудачно. Наскоро объѣхавъ св. гору и закупивъ огромное количество крестовъ и четокъ, они торопятся убраться во свояси, не заплативъ, конечно, ни копѣйки за хлѣбъ и постой. Иной даже и здѣсь съумѣетъ поживиться на счетъ братіи. Смѣкнувъ, что въ киновіи любятъ благолѣпіе и тишину, такой богомолецъ начнетъ безчинствовать и оскорблять братію. Попросятъ его удалиться, такъ онъ отвѣтитъ, что денегъ нѣтъ,—ну и дадутъ ему, сколько на проѣздъ надо, только-бы убрался скорѣе. Не смотря на свою видимую непріязнь къ Аѳону, эти бывалые странники все-таки будутъ потомъ говорить, что за службой здѣсь ангелы летаютъ по церкви, и пораскажутъ народу множество великихъ чудесъ о св. горѣ. Къ этому ихъ побуждаетъ эгоизмъ особаго рода: желаніе показать вѣрующимъ свою благодатную святость и близость къ божеству, а это выгодно имъ.

Монахи и послушники изъ мірскихъ монастырей, прибывъ на Аѳонъ, держатъ себя съ достоинствомъ, боясь, чтобы чѣмъ нибудь не уронить себя въ глазахъ мѣстной братіи, и смотрятъ на нее какъ будто свысока. Вообще, странно встрѣчаются мірскіе монахи съ аѳонскими; ихъ отношенія большею частію сухи и холодны точно они боятся другъ друга. Мірской монахъ чувствуетъ, что аѳонецъ смотритъ на него съ сожалѣніемъ, какъ на погибшаго, или идущаго по ложной дорогѣ и силится поддержать свой авторитетъ. Аѳонскій монахъ видитъ, что мірской постриженецъ постоянно слѣдитъ за нимъ и хочетъ подмѣтить всѣ его слабыя стороны. Между тѣми и другими часто происходятъ споры.

— Вамъ легко спасаться, обыкновенно говоритъ мірской монахъ:—бабъ выгнали, соблазны всѣ устранили, знай только молись,—эдакъ по неволѣ спасешься. Нѣтъ, вотъ вы попробовали бы, по нашему, въ мірѣ спасаться, посреди всякаго соблазну, такъ не то бы заговорили.

— По немощи, отче! смиренно отвѣтитъ аѳонецъ.— Гдѣ намъ въ мірѣ? Дай Богъ и здѣсь-то спастись какъ надо.

— Вы за то и отвѣтъ больше дадите, а съ насъ меньше стребуется, потому что намъ больше надо бдѣть надъ собою, чѣмъ вамъ.

— Больше отче! также смиренно отвѣтитъ тотъ.

— А вотъ вы въ пустынѣ живете, да чай завели, вино виноградное пьете! А мы что? Чай пьемъ развѣ только по праздникамъ, а вина-то виноградпаго въ кои вѣки выпить придется.

— Да вѣдь у насъ, отче, вино съ водою дается, вмѣсто квасу.

— Хорошъ квасъ, съ такимъ квасомъ спасаться можно.

— По немощи, отче! А коли у насъ легко спасаться, такъ попробуйте остаться съ нами.

— И остался бы, да клятву такую далъ, чтобы въ мірѣ, значитъ, жить.

И подобные споры горячо ведутся между монахами, разбираютъ они другъ друга по мелочамъ, хвалятся обиліемъ благодати, сравниваютъ мірскія и аѳонскія чудеса. Конечно, эти споры ни къ чему не ведутъ и отношенія между монахами дѣлаются еще болѣе сухи. Бываютъ примѣры, что мірскіе монахи остаются на житье на Аѳонѣ и дѣлаются потомъ столбами подвижничества, но такихъ немного.

Между поклонниками иногда встрѣчаются простыя набожныя натуры, которыя видятъ въ путешествіи на Аѳонъ особенный религіозный смыслъ и силятся здѣсь разъяснить себѣ разные вопросы вѣры. Между такими поклонниками главную роль играютъ наши старовѣры, для которыхъ Аѳонъ важенъ тѣмъ, что въ старинѣ его они находятъ иконы съ двуперствіемъ, осмиконечные кресты и прочія дорогія сердцу святыни. Съ глубокимъ вниманіемъ они вглядываются во все, что совершается вокругъ нихъ, съ жадностію слушаютъ толки монашескіе о священныхъ предметахъ, спорятъ съ ними, путаются и окончательно сбиваются съ толку. Однажды мнѣ пришлось услышать въ Руссикѣ разговоръ одного старика съ монахомъ, разговоръ серьезный, въ которомъ старикъ осторожно высказывалъ монаху свои неудомѣнія и просилъ у него отвѣтовъ. Подобныя недоумѣнія и вопросы часто занимаютъ нашихъ начетчиковъ и, надо признаться, что монахи отвѣчаютъ на нихъ съ толкомъ и глубокимъ пониманіемъ дѣла.

— Батюшка, растолкуй ты мнѣ, спрашивалъ старикъ между прочимъ:—отчего это мы многаго совсѣмъ понимать не можемъ? Видно по глупости нашей?

— Чего же, напримѣръ, ты не понимаешь?

— Да вотъ примѣрно, мы знаемъ, что животворящій крестъ, на которомъ былъ распятъ Спаситель, былъ одинъ. Отчего же у васъ тутъ честное древо разные цвѣта имѣетъ? въ одномъ мѣстѣ оно черное, какъ надо быть по старинѣ, въ другомъ оно желтое, или сѣрое... Вѣдь если крестъ одинъ, такъ и цвѣтъ его долженъ быть одинъ?

— А ты помни, рабъ Божій, что древо-то было трисоставное: изъ кедра, кипариса и певга. Какъ же оно можетъ быть одного цвѣта? Объ этомъ и въ пѣсняхъ церковныхъ поется.

— Это вѣрно!.. замѣтилъ старикъ и задумался.

— Вотъ что еще растолкуй, батюшка, продолжалъ онъ: — мы слышали, что когда на крещенье у насъ крестъ пущаютъ въ море, то морская вода дѣлается сладкою; я въ прошлый разъ и попробовалъ было, да нѣтъ, — вода совсѣмъ не сладкая... Чтобы это значило?

— Это, брате, тебѣ наказаніе Божіе было за твое сомнѣніе. Вѣдь, если бы ты не сомнѣвался въ чудѣ, такъ и не пробовалъ бы, а ты показалъ, значитъ, сомнѣніе, тебя Богъ и наказалъ за него. Впередъ лучше не испытывай силу Божію, а то въ прелесть бѣсовскую какъ разъ впадешь.

— Такъ то такъ, родной, да какъ уберечься отъ этой прелести? Вотъ тоже мнѣ однажды пришлось въ Питерѣ побывать и тамъ, въ Зимнемъ дворцѣ, я прикладывался къ десной рукѣ Іоанна Крестителя; а у васъ, въ Діонисіатскомъ монастырѣ, тоже есть рука Крестителева и тоже десная. Скажи-ка на милость, которая изъ нихъ настоящая?

— Обѣ десныя: тамъ одна часть, а тутъ другая... Да ты лучше не разсуждай, прибавилъ монахъ: — тутъ вѣра нужна, а благодать-то вездѣ едина. Вотъ васъ, мірянъ, лукавый постоянно спутываетъ такими глупыми сомнѣніями; а станете изслѣдовать судьбы Господни: во всемъ усумнитесь, а демонъ только того и хочетъ. Нѣтъ, оставь лучше, друже, свои вопросы! Страшно за тебя дѣлается.

— Что же дѣлать то, батюшка, научи!

— Молись крѣпче, молитва поможетъ...

И молится потомъ такой поклонникъ, и гонитъ прочь онъ лукавыя мысли, а сомнѣнія все таки не выходятъ изъ головы: почему двѣ правыя руки, да почему вода горькая? Съ этими сомнѣніями такъ и уѣдетъ онъ въ міръ, да и тамъ едва ли кто дастъ ему на нихъ прямые отвѣты, кромѣ вѣры... — «Такъ лучше же, скажетъ онъ: — и не думать о такихъ вещахъ, а то зайдетъ у меня умъ за разумъ.» — И благо ему!

Счастливъ тотъ изъ поклонниковъ, кому удалось составить убѣжденія не подъ вліяніемъ Аѳона, кому не приходилось вглядываться въ самую глубь аскетизма монашескаго, въ необычайную борьбу плоти и духа во имя Христа и царства небеснаго! Счастливъ тотъ, кому не пришлось среди этой обстановки искать отвѣтовъ на свои сомнѣнія и на самомъ себѣ прочувствовать часть той нравственной пытки, какую, волей или неволей, наложилъ на себя аскетъ аѳонскій! Горькія впечатлѣнія оставляетъ эта борьба и надолго, слишкомъ на долго она отзывается на сердцѣ жгучею болью...

Пусть же лучше на Аѳонъ ѣздятъ поклонники сильные духомъ, видѣвшіе виды на вѣку своемъ и съ крѣпкими нервами. Имъ, по крайней мѣрѣ легко, безъ всякой нравственной боли обойдется это путешествіе.

Эпилогъ.

Въ первыхъ главахъ нашей статьи мы сказали, что много борьбы приходится выносить на Аѳонѣ монаху, привязанному къ міру, и что эта тяжкая борьба или преждевременно сводитъ въ гробъ отшельника, или, умерщвляя одну за другой всѣ его человѣческія силы, превращаетъ его въ существо отвлеченное отъ земли и ея интересовъ. Трудна эта борьба, но она имѣетъ особенный религіозный смыслъ: волей или неволей произнося клятву, монахъ силится исполнить ее, дабы получить послѣ смерти вѣчное блаженство, обѣщанное ему за строгое исполненіе этой клятвы. Мрачная обстановка его жизни монашеской и невозможность удовлетворять своимъ человѣческимъ потребностямъ, служатъ для него счастьемъ, потому что помогаютъ достигать извѣстной цѣли. Но каково жить, при такихъ условіяхъ, человѣку, мало мальски развитому и не связанному монашеской клятвой? Каково жить здѣсь мірянину, у котораго грѣшная натура проситъ жизни общечеловѣческой, кого томитъ множество вопросовъ и желаній неудовлетворимыхъ на Аѳонѣ?.. Конечно, мірянинъ, свободно располагающій собою, рѣдко остается здѣсь на долго; но бываютъ разныя нравственныя обязательства, не позволяющія выѣхать съ Аѳона ранѣе опредѣленнаго срока, и жизнь такого человѣка, особенно если онъ молодой, не жизнь, а пытка, и на эту пытку обречены всѣ миссіонеры, ученые и художники, посылаемыя сюда изъ міра для изученія мѣстныхъ древностей и которымъ иногда приходится оставаться здѣсь по нѣскольку лѣтъ.

Аѳонъ служитъ также мѣстомъ ссылки для преступниковъ разнаго рода и мѣстные епископы, вѣроятно, сами хорошо понимаютъ значеніе Аѳона, если посылаютъ сюда, на церковное покаяніе, провинившихся мірянъ. Наказаніе тяжелое, но совершенно безполезное; потому что никогда не достигаетъ цѣли своей.

Разъ, гуляя отъ скуки по прибрежью Ивера, я встрѣтилъ такого ссыльнаго. Худой и грустный сидѣлъ онъ на камнѣ у самой воды и глядѣлъ на чуть замѣтный вдали берегъ Фракіи, своей родины. Холодно оглядѣлъ онъ меня сначала, но потомъ знать замѣтилъ во мнѣ что нибудь товарищеское и разговорился. Онъ кончилъ курсъ въ афинскомъ университетѣ и скоро послѣ этого сосланъ на Аѳонъ за то, что имѣлъ дерзость нагрубить мѣстному архіерею Горько жаловался онъ мнѣ на свое положеніе, и въ его жалобѣ слышалась то безсильная злоба, то безнадежное, мертвящее отчаяніе.

— Вы тоже ссыльный? спросилъ онъ меня.

— Нѣтъ. Меня удерживаютъ здѣсь казенныя работы, надо кончить ихъ.

— И вы по доброй волѣ поѣхали сюда?

— Да, но я прежде не зналъ Аѳона.

— А я зналъ его хорошо, но пришлось-таки ѣхать... Придется ли уѣхать отсюда — не знаю, но чувствую, что съ каждымъ днемъ упадаютъ мои силы. Любилъ я когда-то чтеніе, музыку, разговоры, любилъ общество, а здѣсь все это проклято; всѣ смотрятъ на меня дико, какъ на сумасшедшаго, велятъ каяться. Я покаялся бы, если бы послѣ покаянія меня выпустили отсюда, а то нѣтъ, говорятъ нельзя. Такъ, вѣроятно, и сгибну!... Знаете, я подчасъ боюсь здѣсь за свой разсудокъ; бываютъ минуты, что руки на себя наложить хочется, да и наложу кажется, а то силъ не хватитъ.

— А много вамъ еще остается жить здѣсь?

— Еще полтора года. Шутка-ли? Гдѣ же тутъ вынести. Они говорятъ, что это тоска по родинѣ? врутъ: это ясный протестъ человѣческой натуры противъ жизни такой, голодъ ума и сердца отъ недостатка знаній и чувствъ... А вѣдь молодость не воротится!.. Если бы вы знали, какъ я ихъ ненавижу: готовъ разорвать каждаго.

— За что же? замѣтилъ я, — они не виноваты. Большинство отшельниковъ вѣрятъ искренно, исполняютъ свой долгъ съ сознаніемъ и мучатся не меньше насъ, такъ что иногда вчужѣ больно бываетъ смотрѣть на ихъ борьбу. Ихъ ли тутъ винить надо?..

— Мнѣ оттого не легче.

— Но я и не думаю утѣшать васъ.

— Извините меня, перебилъ онъ, быстро вставая.— Я всѣхъ и все теперь ненавижу: смотрите пожалуйста на меня, какъ на сумасшедшаго. Да я и въ самомъ дѣлѣ сумасшедшій.

Онъ быстро удалился. Что съ нимъ сталось потомъ— не знаю.

Зналъ я еще одного молодаго художника. Пріѣхалъ онъ на Аѳонъ свѣжій, здоровый, полный разныхъ надеждъ, и, какъ художникъ, слишкомъ мечтательный. Съ безпечнымъ смѣхомъ разсказывалъ онъ мнѣ о своихъ дорожныхъ приключеніяхъ, предпогагалъ снимать виды Аѳона, чтобы потомъ и издавать ихъ въ свѣтъ и съ жаромъ мечталъ о свѣтлой будущности. Черезъ четыре мѣсяца мы опять гдѣ-то встрѣтились; онъ уже замѣтно поосунулся и пожелтѣлъ, въ немъ появилась какая-то нехорошая задумчивость.

— Скоро же отдѣлалъ васъ Аѳонъ, сказалъ я.

— Да, воздухъ здѣсь вредный, отвѣтилъ онъ. — Однако Аѳонъ меня занимаетъ не на шутку, тутъ много любопытнаго и непонятнаго.

— А ваши рисунки?

— Идутъ по немногу.

— И будете издавать ихъ?

— Нѣтъ я такъ, для себя только... Да и некогда, по правдѣ сказать, работы у меня очень много, а въ свободные часы хожу съ братіей въ церковь. Мнѣ нравятся здѣшнія службы.

— А монахи?

— Между ними много фанатиковъ, но есть великіе люди.

Художникъ началъ разсказывать мнѣ о своихъ новыхъ знакомствахъ; въ разговорахъ его не было уже прежней живости: въ нихъ просвѣчивался мрачный отпечатокъ Аѳона. Передъ отъѣздомъ съ Аѳона я еще разъ увидѣлъ его и въ этомъ бродячемъ скелетѣ едва узналъ прежняго бойкаго юношу. Я напомнилъ ему нашу первую встрѣчу. Тотъ слегка улыбнулся, но ничего не отвѣтилъ.

— Вы вѣрно очень скучаете здѣсь? спросилъ я.

— Почему вы такъ думаете?

— Да потому, что слишкомъ похудѣли: на васъ лица нѣтъ.

— Это ничего. Напротивъ, я очень веселъ... по крайней мѣрѣ очень спокоенъ.

— Можетъ быть, думаете принять монашество?

— Не знаю. Это не отъ меня зависитъ.

— Отъ кого же?

— Странный вопросъ: разумѣется отъ Бога.

Мы простились очень холодно, и съ тѣхъ поръ я его не встрѣчалъ болѣе. Знаю только, что онъ не поѣхалъ въ міръ вмѣстѣ съ товарищами своими. Можетъ быть, онъ теперь уже въ схимѣ великой, а можетъ быть на гробницѣ монастырской его юныя кости смѣшались съ костями монашескими.

На мечтательныя, впечатлительныя натуры Аѳонъ скоро кладетъ свой отпечатокъ, въ немъ есть какая-то особенная, втягивающая сила, противъ которой бороться не легко. Вступивъ въ этотъ міръ искушеній, человѣкъ мало мальски образованный и не имѣющій призванія къ монашеству, сперва ожесточается, бранитъ Аѳонъ и торопится окончить здѣсь свои дѣла, чтобы поскорѣе уѣхать; потомъ на него нападаетъ уныніе и отчаяніе, и наконецъ болѣзненная апатія ко всему, что происходитъ вокругъ. Его томитъ жизнь аѳонская а между тѣмъ, незамѣтно для самого себя, онъ постепенно втягивается въ эту жизнь: на него начинаетъ нападать неопредѣленная тревога, появляются думы, которыя рѣдко безпокоили его въ мірѣ, и, затѣмъ, по немногу измѣняется его прежній взглядъ на міръ, замираютъ прежніе интересы. Иной и очнется въ это время, да ужъ поздно: не хватитъ силъ для мірской жизни... Говорятъ, что если здоровый субъектъ, будетъ жить очень долго въ домѣ умалишенныхъ, то, наконецъ, онъ начнетъ задумываться: не принадлежитъ ли и самъ онъ къ числу помѣшанныхъ? и дѣйствительно помѣшается. Этотъ примѣръ, конечно, здѣсь не у мѣста, но онъ нагляднѣе можетъ объяснить: какъ трудно бываетъ сохранить собственный взглядъ на вещи, слыша кругомъ себя, въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ, однѣ и тѣ же рѣчи, вовсе не схожія съ вашимъ взглядомъ. А подвижники аѳонскіе высказываютъ свои взгляды съ искреннимъ убѣжденіемъ, какъ дѣла давно рѣшенныя, и эта сила и теплота убѣжденій невольно затрогиваетъ каждаго. Оставаясь въ мірѣ каждый христіанинъ все таки надѣется попасть въ рай, а не въ адъ, однако это не мѣшаетъ жить ему, какъ и всѣ живутъ: религія у всѣхъ народовъ служитъ утѣшеніемъ и отрадой жизни; но на Аѳонѣ мірянинъ узнаетъ, что религію надо понимать иначе, что многое, чего онъ прежде и за грѣхъ не считалъ, здѣсь называется преступленіемъ,—словомъ, здѣсь разбирается и осуждается каждый шагъ мірянина, такъ что и въ самомъ дѣлѣ мысли его начинаютъ спутываться и становится страшно возвращаться въ этотъ многогрѣшный міръ.

Трудно представить то тяжелое состояніе, ту тоску безъисходную, какую испытываетъ здѣсь мірянинъ, слишкомъ привязанный къ мірскимъ привычкамъ. Недостатокъ питательной пищи болѣзненно дѣйствуетъ на организмъ *). Ему жить хочется, а кругомъ все замерло и толкуетъ о смерти, читать хочется — читать нечего, кромѣ книгъ богослужебныхъ, говорить хочется, но кругомъ все молчитъ, или говоритъ не о томъ, чего душа проситъ. Да и съ кѣмъ говорить? Пустынники-келіоты мрачны и холодны, они ненавидятъ міръ и какъ то странно говорятъ съ каждымъ міряниномъ: въ ихъ рѣчахъ слышится желчный упрекъ въ нерадѣніи о душѣ своей, въ вѣчномъ уединеніи они отвыкли отъ ласковаго слова. Киновіаты, боясь искушеній, стараются не вспоминать о мірскихъ дѣлахъ и боятся мыслить о чемъ нибудь, кромѣ дѣлъ спасенія. Жители штатныхъ монастырей тоже отвыкли мыслить вообще и съ ними надо говорить слегка и умѣючи; иной и заговоритъ, но сейчасъ замѣтно, что у него совсѣмъ не то на душѣ. Начальство монастырское всецѣло занято интересами братіи, и говоритъ только о дѣлахъ и нуждахъ монастырей своихъ, а подобные разговоры надоѣдаютъ слишкомъ скоро... Остается только одно наслажденіе красотами аѳонской природы, наслажденіе, конечно, великое, но оно тоже теряетъ свою прелесть, какъ не съ кѣмъ раздѣлить его.... Притомъ самые прогулки по Аѳону имѣютъ свой особенный, пустынный характеръ. Ходишь по главнымъ дорогамъ и никогда ни души не встрѣтишь; рѣдко развѣ порой наткнешься на бѣднаго келіота, съ торбой за плечами, пробирающагося въ монастырь на бдѣніе: мимоходомъ онъ отвѣситъ низкій поклонъ и прошепчетъ свое неизмѣнное «благослови!»— Богъ благословитъ, отвѣтишь ему по обычаю, уйдетъ онъ и съ нимъ куда-то спрячется опять вся жизнь аѳонская. Вокругъ пусто, беззвучно, сама природа будто замерла отъ раскаленнаго воздуха; ни одинъ листокъ, ни одна травка не шелохнется, точно все это искуственное, точно все это вылито изъ стекла и воска. Иной разъ цѣлый часъ стоишь, едва переводя дыханіе, чтобы услышать хоть малѣйшій звукъ живой, и напрасно: развѣ пролетитъ изрѣдка какая нибудь шальная муха съ своею однозвучною пѣснью и эта пѣсня долго потомъ слышна въ воздухѣ... Утромъ рано и поздно вечеромъ еще замѣтно оживленіе въ природѣ: слышно пѣніе птицъ и стрекотаніе насѣкомыхъ, ночью тоже жизни много: въ монастыряхъ идутъ службы, выползаютъ изъ норъ своихъ любители тьмы: черви, сверчки и кроты, свищутъ птицы ночныя, пробуждаются миріады плотоядныхъ насѣкомыхъ и проч. Но днемъ природа аѳонская большею частью также мертва, какъ и обитатели ея. Вернешься послѣ такой прогулки въ свою келью и поневолѣ тоска грызть начнетъ душу....

---

*) Не распространяюсь о другихъ, внѣшнихъ неудобствахъ жизни аѳонской. Мірянинъ во многомъ долженъ подчиняться уставу монашескому; онъ на всемъ почти Аѳонѣ не найдетъ ни одного стола, нужнаго для работы перомъ и кистью, зимою онъ продрогнетъ отъ холода и сырости, потому что помѣщенія для гостей здѣсь почти всѣ сквозныя для вѣтра, нѣтъ въ нихъ ни двойныхъ рамъ, ни печей хорошихъ, между тѣмъ, какъ холодъ доходитъ иногда до 3°. Блохъ, клоповъ и крысъ вездѣ многое множество.

Нѣсколько разъ приходилось мнѣ просиживать въ кельѣ, за работой, въ полномъ одиночествѣ и по нѣскольку дней не слышать почти ни единаго звука живого. Странно дѣйствуетъ на человѣка это продолжительное безмолвіе. Голова работаетъ безсознательно, фантазія разыгрывается, являются на яву непонятныя грезы, теряется, наконецъ, увѣренность въ собственномъ существованіи и въ этомъ состояніи легко можно дойти до полныхъ галлюцинацій и помѣшательства. Повѣрятъ ли мнѣ, что я нарочно говорилъ самъ съ собою, чтобы не отвыкнуть говорить: скажешь бывало, вслухъ какое слово и долго потомъ прислушиваешься къ нему. Этимъ оживлялъ я уединеніе моей кельи. Иной разъ, вспомнивъ родину, запоешь вполголоса какую нибудь пѣсню; смотришь неожиданно отворяется дверь и показывается одинъ изъ старцевъ.

— Что ты поешь, дитя мое? спроситъ онъ, вздохнувъ.

— Да такъ, взгрустнулось что-то, отче; пою, что придетъ въ голову.

— Молитвы какія нибудь?

— Нѣтъ, не молитвы.

— Это грѣхъ; надо пѣть только разныя славословія. Мало ли есть молитвъ хорошихъ.

— Что же, напримѣръ, пѣть мнѣ?

— Ну, пой «Господи помилуй!» молитва хорошая.

— Да я вѣдь не монахъ, отче.

— А ты живешь съ монахами, братія слушаетъ тебя и соблазняется. У насъ пѣсенъ пѣть нельзя.

Ну и замолчишь опять, и хуже заноетъ сердце отъ грусти, нервная дрожь заходитъ по тѣлу; такъ бы и бросился куда нибудь, убѣжалъ бы хоть на край свѣта лишь бы подальше отъ такой жизни...

Мучительно и то, что не знаешь, какъ держать себя въ отношеніи къ старцамъ, чтобы не вызвать со стороны ихъ какого упрека, или нравоученія. Всѣ аскеты своею суровою строгостью и подозрительностью внушаютъ какую-то невольную робость; страшно становится говорить съ ними, потому что не знаешь, о чемъ именно говорить. Иной разъ, разговаривая съ аскетомъ, забудешься, выйдешь изъ своей вѣчно почтительной, пассивной роли и спросишь о чемъ нибудь откровенно; а старецъ, въ отвѣтъ на это или велитъ прочесть житіе какое, или ничего не скажетъ, а вздохнетъ только; но этотъ оскорбительный вздохъ сразу обдастъ холодомъ и откровенное слово само собою замретъ на языкѣ.

Разъ какъ-то, въ одной изъ библіотекъ монастырскихъ, я нашелъ неожиданно нѣсколько книгъ журнала «Маякъ.» Какъ старому другу обрадовался я этимъ книгамъ и съ жадностью прочелъ ихъ отъ доски до доски. Не смотря на то, что «Маякъ,» по своему содержанію, самъ отчасти подходилъ къ аѳонскому складу, однако онъ доставилъ мнѣ много отрадныхъ минутъ, напомнилъ родину и человѣческое общество но за то еще мрачнѣе показался мнѣ Аѳонъ послѣ этого чтенія... Нѣтъ, легче было бы, если бы всѣ эти мірскія воспоминанія замерли въ человѣкѣ, при первомъ вступленіи его на гору.

Есть и между монахами люди симпатичные, особенно между молодыми, не успѣвшими еще вполнѣ переработать свою натуру. Испытывая тяжелую борьбу съ мірскими привязанностями, они хорошо понимаютъ состояніе міряпина, живущаго на Аѳонѣ по неволѣ, и смотрятъ на него съ теплымъ участіемъ. Съ ними можно иногда поговорить искренно, стараясь, по возможности, избѣгать такихъ вопросовъ, которые вводятъ ихъ во искушеніе. Съ такими монахами я часто бесѣдовалъ въ послѣднее время и они своими бесѣдами силились примирить меня съ Аѳономъ и ожесточить на міръ. Силились они пробудить во мнѣ страхъ загробныхъ мученій и завлечь блаженствомъ царства небеснаго. Долго я слушалъ эти рѣчи и, странно: они стали дѣйствовать на меня, вѣроятно потому, что въ нихъ было слишкомъ много теплоты и искренняго желанія спасти меня отъ погибели. Не разъ возникалъ у меня смутный вопросъ: а что если и въ самомъ дѣлѣ погибну? и сталъ я задумываться, и съ ужасомъ почувствовалъ первые признаки борьбы... Все вынесенное мною изъ міра вдругъ стало въ глазахъ моихъ принимать другой оттѣнокъ, поднялись изъ глубины души религіозные вопросы; мысли путались, а натура рвалась по прежнему къ опозоренной жизни міра... Чѣмъ ближе подходило время къ отъѣзду, тѣмъ тяжелѣе становилась борьба. Состояніе невыносимо тяжелое, и не дай Богъ никому испытать его!

Помню я одинъ тяжелый вечеръ на Аѳонѣ, не задолго до моего отъѣзда въ міръ. Въ припадкѣ сильнѣйшей тоски и не зная, что дѣлать съ своей головою, я сидѣлъ въ кельѣ за работой, и въ эту минуту вошелъ ко мнѣ уже знакомый читателю о. Анатолій, одинъ изъ моихъ пріятелей въ Руссикѣ. Теплымъ словомъ вызвалъ онъ меня на откровенность и я высказалъ ему все, что накопилось на сердцѣ. Анатолій слушалъ меня, не прерывая.

— Да, сказалъ онъ потомъ: — теперь я вижу ясно вашу душу. Вы испытываете теперь тоже самое, что въ началѣ испытываетъ почти каждый монахъ на Аѳонѣ. Вдумайтесь же теперь пристально въ свое положеніе! Теперь надъ вами сильно работаютъ демоны и хотятъ заглушить въ васъ голосъ ангела хранителя вашего.

— Что же дѣлать мнѣ надо, чтобы демоны не работали? Научите!

— Надо гнать отъ себя мірскіе помыслы и молиться. Чѣмъ для васъ заманчивъ міръ? Вспомните вы эту вѣчную суету, сплетни, обманы, вѣчное лицемѣріе и развратъ; вспомните, что вы еще не знаете всѣхъ подлостей міра, вы еще почти не жили въ немъ и что придетъ время горькаго разочарованія. Взгляните же теперь на нашу жизнь: какъ здѣсь тихо, безмятежно; какое крѣпкое братство и любовь между иноками. Право, какъ сличишь иной разъ міръ съ Аѳономъ, такъ легко сдѣлается на душѣ, что вырвался, наконецъ, изъ этого омута и разврата и отъ всей души благодаришь Создателя за свое спасеніе. Подумайте же! Взгляните на міръ съ настоящей точки зрѣнія!...

При этомъ о. Анатолій съ желчью разсказалъ мнѣ нѣсколько грязныхъ фактовъ изъ жизни мірской, фактовъ отвратительныхъ и печальныхъ, о которыхъ въ самомъ дѣлѣ было не пріятно вспомнить на Аѳонѣ.

— Видите ли каковъ міръ вашъ? заключилъ онъ.

— Но зачѣмъ же зло одно видѣть въ мірѣ? замѣтилъ я. — Мнѣ кажется, что вы этимъ сами себя обманываете. Припомните и хорошія стороны человѣческихъ отношеній!

— Мало этихъ отношеній, и даже въ основаніи этихъ отношеній лежитъ ложь... Самъ Господь сказалъ, что «міръ во злѣ лежитъ», а кому же лучше знать міръ, какъ не Творцу міра. Ну, положимъ, что вы счастливы тамъ, васъ любятъ, вамъ все удается; но среди счастія вспомните ли вы когда о душѣ своей?

Будете ли когда искренно молиться? Да и некогда тамъ заниматься этимъ: душа сама собой пойдетъ къ погибели. Очнитесь же, другъ мой! Молитесь: молитва поможетъ. А какъ легко и отрадно дѣлается на сердцѣ послѣ молитвы: на всѣхъ глядишь какъ другъ, какъ братъ, готовъ обнять каждаго. Въ эти минуты уносишься чувствомъ куда-то далеко, забываешь всѣ труды и скорби, будто не на землѣ живешь, а въ преддверіи рая... Изъ за этихъ блаженныхъ минутъ стоитъ жить на Аѳонѣ... Что же вы?

Я молчалъ, а о. Анатолій глядѣлъ на меня восторженнымъ взглядомъ.

— Не пугайтесь трудовъ монашескихъ, затоворилъ онъ опять:—подвиговъ не по силамъ не требуется. Мы имѣемъ обѣтованіе, что насъ помилуетъ Богъ уже и за то одно, что мы соединили свои судьбы съ судьбами Аѳона, что мы возненавидѣли міръ.

— А давно ли вы сами тосковали о немъ?

— Что же, я и теперь иногда тоскую, но вѣдь это искушеніе, безъ котораго монахъ не будетъ монахомъ.

— Неужели же всѣмъ на Аѳонъ идти надо, чтобы спастись?

— Не говорю этого, но лучше предпочесть спасеніе вѣрное сомнительному. Намъ не хочется, чтобы вы погибли, мы всѣ слишкомъ любимъ васъ и потому боимся за вашу душу. А почемъ знаете: можетъ быть Богъ нарочно привелъ васъ сюда на спасеніе; можетъ быть онъ даже накажетъ васъ, если вы покините Аѳонъ...

— Вы меня пугаете?

— Судьбы божіи неисповѣдимы. Кто знаетъ, что будетъ? можетъ быть вы утонете, или умрете на дорогѣ отсюда, можетъ васъ ожидаютъ въ жизни страшныя несчастія! Не лучше ли повиноваться голосу совѣсти? Рѣшайтесь-же! Судьбы своей не избѣжите...

— У меня слишкомъ много привязанности къ міру; есть обязанности очень серьезныя...

— Все это Богъ устроитъ, только пожелайте.

— Какъ же все это устроится?

— А вотъ какъ. Старцы напишутъ вашимъ роднымъ, что вы умерли здѣсь. Васъ, конечно, исключатъ изъ списковъ живыхъ людей, ваши бумаги мы всѣ уничтожимъ здѣсь и такимъ образомъ вы сразу покончите съ міромъ. Рѣшайтесь скорѣе: завтра же старцы и напишутъ.

Ужасъ овладѣлъ мною, холодный потъ проступилъ на тѣлѣ отъ этой близкой возможности умереть для міра. Тогда если бы даже я и захотѣлъ вернуться, меня никто не призналъ бы на родинѣ; меня не приняли бы въ міръ.

— Нѣтъ, ради Бога нѣтъ! проговорилъ я въ страхѣ, и еще сильнѣе повлекло меня къ міру.

— Опять демонъ овладѣваетъ вами! грустно произнесъ о. Анатолій.

Не знаю, до чего договорились бы мы, если бы въ это время не вошелъ ко мнѣ сосѣдъ мой по кельѣ, іеромонахъ.

— Что вы тутъ, братіе, такъ долго празднословите? Скоро на канонъ зазвонятъ, сказалъ онъ, потягиваясь.

— Да вотъ, Н. А. скучаетъ все по мірѣ, отвѣтилъ о. Анатолій.

— Скучать-то, кажется, больше нечего. Вѣдь вы черезъ недѣльку и въ путь?

— Непремѣнно.

— Въ среду, надо быть, пароходъ будетъ, такъ чего жъ тутъ скучать?

— А можетъ быть, онъ еще монашество приметъ.

— Ой-ли? И въ правду?

— Нѣтъ, не приму, отвѣтилъ я.

— Ну, то-то, гдѣ вамъ? Монашество дѣло хорошее, но трудное. По моему, коли еще въ мірскомъ званіи искушенія заѣли, такъ монашество вамъ и подавно не вынести. Монахомъ, батюшка мой, надо родиться, а сдѣлаться имъ не всякій сможетъ. Вотъ что.

— Аминь! заключилъ я.

Но пора закончить мою грустную правду объ Аѳонѣ. Хотѣлось бы многое досказать объ немъ, но пока еще нельзя: пусть доскажутъ другіе. Теперь нѣсколько словъ о моей разлукѣ съ Аѳономъ.

Шелъ дождь. Тяжелыя сѣрыя тучи безконечной стаей тащились по небу, и море и небо слились въ одну грязную клокочущую массу. Въ кельѣ моей съ утра толпились монахи, поджидавшіе вмѣстѣ со мною парохода, чтобы проводить меня. Разговоръ не вязался. Всѣ глядѣли на меня, какъ глядятъ на умирающаго, съ которымъ никогда не придется болѣе свидѣться; изрѣдка слышались совѣты и внушенія, какъ бороться съ прелестями міра. Оттѣнокъ бесѣды былъ грустный и самъ я былъ что-то не веселъ.

— Среди веселья вспомните нашу трудную жизнь и борьбу безконечную съ демономъ! У васъ, можетъ быть, много радостей впереди, а у насъ на вѣки будетъ одно и тоже, до самой смерти.

— За то мы спасемся.

— Вспоминайте чаще Аѳонъ—меньше грѣшить будете!. Я молчалъ.

— Идетъ! Дымъ видѣнъ! перебилъ наши бесѣды о. Лукіанъ, и впопыхахъ выбѣжалъ изъ кельи.

Мы всѣ вышли на балконъ. Огромный пароходъ размашисто подъѣзжалъ къ пристани монастырской. Затрезвонили колокола и на дворѣ появилось движеніе: поклонники съ тюками и чемоданами, любопытные монахи, оборванные работники,—все это, торопясь, повалило на пристань.

— Идите скорѣе! крикнулъ мнѣ кто-то со двора:—пароходъ бросать якоря не будетъ; вотъ ужъ и вещи ваши понесли.

— Иду! отвѣтилъ я, и, признаюсь, у самаго дыханье сжалось отъ какой-то тревоги: знать послѣдніе уроки Аѳона отозвались во мнѣ. Опрометью бросился я внизъ, прощаясь по дорогѣ со встрѣчными, и мимоходомъ слышалъ разныя благожеланья и благословенья. Монахи столпились на пристани и слѣдили за нами... Пароходъ тронулся, заклокотала пѣна подъ его могучими колесами и полные грусти загудѣли надъ нами прощальные звуки колоколовъ монастырскихъ...

Берега побѣжали мимо со своими монастырями, скитами и кельями и скоро все это слилось въ одну массу, въ одно темное пятно на свѣтломъ ѳонѣ моря и неба.

Я спустился въ каюту. Тамъ сидѣли нарядныя дамы и офицеры и слышался оживленный разговоръ и смѣхъ. Вздрогнулъ я оглядѣлся и въ смущеніи бросился бѣжать назадъ. Теперь только вспомнилось мнѣ, что, вступивъ на помостъ пароходный, я принадлежу уже міру, а не Аѳону. На палубѣ оглядѣлъ я нѣтъ ли гдѣ *своихъ*, и съ радостью замѣтилъ одного пустынника аѳонскаго, ѣдущаго въ Константинополь. Онъ прижался куда-то въ уголъ и тоже дико озирался.

— Что, отче, спросилъ я, подходя къ нему:—это вѣдь міръ.

— Я все гляжу точно на видѣнье какое, отвѣтилъ мнѣ монахъ:—Кажется мнѣ, что это все не люди, а идолы какіе-то.

— Да, идолы!.. повторилъ я за нимъ.

Недалеко сидѣла группа богомольцевъ, аѳонскихъ, и къ удивленію моему, на чемъ свѣтъ стоитъ ругала

Аѳонъ, разбирая до мелочей всѣ его монастыри. Сталъ я прислушиваться и сначала меня покоробило, а потомъ вдругъ точно повязка какая свалилась съ глазъ моихъ.—«Неужели я въ самомъ дѣлѣ отвыкъ уже отъ міра и превратился въ аскета?» подумалъ я и опять рѣшился войти въ каюту. Тамъ, съ жаркимъ волненіемъ, толковали пассажиры о готовящихся великихъ преобразованіяхъ въ Россіи, о гласномъ судѣ и свободѣ печати, передавали свѣжія новости изъ Лондона и Парижа,—а я, какъ выходецъ съ того свѣта, съ жадностью вслушивался въ эти сладкія рѣчи—«Міръ»... опять послышалось мнѣ и какъ тѣни какія припомнились вдругъ истощенныя фигуры Сисоя и Анфима съ ихъ вѣчною грустью...

Исчезните же скорѣе эти тяжелыя воспоминанія!.. Мірская жизнь задаетъ надъ другіе великіе вопросы... Аѳонъ вѣчно будетъ стоять неподвижно, онъ уже выработалъ свои цѣли, и дальше не пойдетъ; а жизнь далеко обгонитъ его: она, безконечная, пойдетъ все впередъ и впередъ, и шествію ея не помѣшаетъ Аѳонъ...

ПУТЬ

ОТЪ

КОНСТАНТИНОПОЛЯ ДО ЯФФЫ

(Отрывки изъ путевого дневника)

I.

Мраморное море и Дарданеллы.

Въ началѣ февраля 1860 года, послѣ утомительныхъ хлопотъ, задержекъ и проволочекъ, неизбѣжныхъ при выѣздѣ изъ каждаго турецкаго города, я переѣхалъ, наконецъ, на русскій пароходъ «Владиміръ», отправляющійся въ Яффу и Александрію. Не смотря на то, что время стояло бурное, холодное и ненастное, и морское путешествіе въ такое время не предвѣщало никакихъ особенныхъ наслажденій, — эта поѣздка все-таки сильно манила меня. Пароходы «Русскаго Общества» дѣлаютъ свои рейсы въ Египетъ вдоль береговъ Малой Азіи, Сиріи и Палестины, заходя по пути во всѣ болѣе важные торговые порты, и мнѣ, такимъ образомъ, представлялась возможность хоть съ палубы пароходной поглядѣть на эти новыя для меня земли и составить о нихъ приблизительное понятіе.

Былъ пятый часъ вечера; пары шипѣли; все давно уже было готово къ отплытію, но на этотъ разъ оказался такой неожиданный приливъ пассажировъ и груза, что намъ пришлось простоять въ виду Константинополя до самой ночи. Палуба была биткомъ набита народомъ, крики и споры не умолкали ни на минуту: всѣ какъ шальные толкались съ своими узлами и перинами, перекладывая ихъ съ мѣста на мѣсто; каждый наровилъ выбрать мѣстечко получше и расположиться по удобнѣе, потому что переѣздъ предстоялъ не малый. Только одни матросы, давно уже приглядѣвшіеся къ сценамъ подобнаго рода, сохраняли невозмутимое спокойствіе и съ тупымъ равнодушіемъ смотрѣли на всю эту ругающуюся и снующую толпу, съ нетерпѣніемъ ожидая той блаженной минуты, когда пароходъ подниметъ якорь и пассажиры поневолѣ угомонятся. Я стоялъ на кормѣ пароходной и въ послѣдній разъ любовался панорамой Константинополя, въ его ночномъ уборѣ. Безчисленные минареты, стройныя кипарисовыя рощи, легкіе куполы мечетей и башенки узорчатыхъ кіосковъ—все это темными силуетами едва вырисовывалось на облачномъ небѣ. Европейскіе кварталы ярко блистали огнями,—это была сплошная, искрящаяся масса, въ которой, ярче другихъ, сверкали огни прибрежныхъ пароходныхъ агентствъ. Турецкіе кварталы, напротивъ, были мрачны и безмолвны, и едва-едва можно было различить на темномъ грунтѣ зданій, въ глуби Золотаго Рога, нѣсколько далекихъ искръ въ Фанарѣ. Такимъ образомъ, ночью какъ-то болѣе замѣтно, что въ Перѣ и Галатѣ сосредоточилась просвѣщенная и дѣятельная Европа, а въ Стамбулѣ—мрачная и сонная Азія. Кругомъ насъ, на все видимое пространство Босфора, торчали безконечные лѣса мачтъ и трубъ пароходныхъ и развѣвались флаги всевозможныхъ націй, а между ними, въ темнотѣ, сновали въ разныхъ направленіяхъ сотни каиковъ и слышались на нихъ крики и брань на всевозможныхъ языкахъ...

Въ десять часовъ наконецъ зазвенѣли тяжелыя кольца якоря—и «Владиміръ» тихо выдвинулся изъ тѣсной кучи окружавшихъ его судовъ. Скоро надвинулись тучи; ночь потемнѣла еще болѣе; сталъ накрапывать мелкій дождь; съ Мраморнаго моря подулъ рѣзкій, холодный вѣтеръ, и я, не смотря на все свое желаніе остаться на палубѣ, принужденъ былъ спуститься въ каюту. Тамъ было всего только трое пассажировъ: русскій туристъ-помѣщикъ, отправляющійся изъ любопытства въ Іерусалимъ, какой-то насупившійся и угрюмый старикъ-итальянецъ и толстый англичанинъ-купецъ, ѣдущій по дѣламъ въ Смирну. Говорятъ, что по этой линіи больше четырехъ-пяти пассажировъ въ первыхъ классахъ никогда и не бываетъ. Туземные путешественники не привыкли къ европейскому комфорту; рѣдкій изъ нихъ рѣшится занять мѣсто съ каютой, не говорю уже перваго класса, но даже втораго и третьяго, развѣ только особенная буря или ненастье заставитъ ихъ перемѣнить наружныя мѣста на внутреннія, и то безъ стола—къ немалому ущербу для маркитанта. Вся масса туземныхъ путешественниковъ безъ различія пола, возраста и сословій, помѣщается по-просту, на палубѣ. Здѣсь, среди грязныхъ, полунагихъ чалмоносцевъ, я разглядѣлъ и офицерскіе погоны, и шелковые шаровары зажиточныхъ купцовъ, а на самой верхней площадкѣ палубы, надъ первымъ классомъ, расположился даже какой-то важный ага съ своимъ гаремомъ и толпою черныхъ невольниковъ, которые безпрестанно кланялись ему въ ноги. Странно было видѣть на палубѣ этого гордаго и надменнаго чиновника, съежившагося подъ дождемъ и вѣтромъ; во всѣхъ движеніяхъ его, даже и теперь, сквозила та самодовольная, презрительная важность, которая отличаетъ каждаго турецкаго начальника; онъ и подъ дождемъ видимо храбрился и старался выказывать публикѣ свой высокій санъ, что, однако, не мѣшало нашимъ матросамъ-балагурамъ, при чисткѣ палубы вспрыскивать его слегка водою, и потомъ съ разными насмѣшливыми церемоніями извиняться. Говорятъ, что и паши съ своими свитами часто помѣщаются на палубѣ, въ грязи, подъ дождемъ и солнцемъ, и это не потому, что имъ жаль денегъ, а потому, что они считаютъ унизительнымъ для себя спать въ однѣхъ каютахъ съ «гяурами» и ѣсть съ ними на одномъ столѣ. Удобнѣе всего устроиваются на палубѣ наши русскіе богомольцы, отправляющіеся въ Палестину:—для нихъ тутъ и мѣсто отведено получше, да и сами матросы наблюдаютъ, чтобы ихъ кто нибудь не обидѣлъ. Съ нами ѣхало, на этотъ разъ, четыре мужика и до тридцати бабъ, одѣтыхъ въ нагольные тулупы, съ котомками и другими атрибутами странничества. Всѣ они, какъ я замѣтилъ, очень легко освоились съ своимъ новымъ положеніемъ и такъ спокойно вошли въ кругъ своихъ обыденныхъ занятій, какъ будто всю жизнь провели на пароходѣ.

Ночь въ Мраморномъ морѣ прошла спокойно, безъ особенныхъ тревогъ и волненій. Утромъ мы увидѣли Галлиполи, небольшое турецкое укрѣпленіе съ башнями и кучкой разноцвѣтныхъ домиковъ, разбросанныхъ по прибрежью, и потомъ потянулись мимо насъ каменистые берега Дарданельскаго пролива. Мѣстность ихъ дикая, безжизненная, пустынная, что особенно бросается въ глаза послѣ красивыхъ береговъ Босфора. Босфоръ извилистъ; онъ вьется въ разныхъ направленіяхъ, среди высокихъ, покрытыхъ роскошною растительностью береговъ; онъ то съуживается въ живописныхъ тѣснинахъ, то образуетъ широкіе заливы, тогда какъ Дарданельскій проливъ проходитъ въ ровномъ широкомъ просѣкѣ, въ обрывистыхъ и непріятно-правильныхъ берегахъ, покрытыхъ мѣстами мелкимъ колючимъ кустарникомъ. Кое-гдѣ бѣлѣются однообразныя укрѣпленія съ старинными зубчатыми стѣнами, кое-гдѣ видны дачи заѣзжихъ иностранцевъ и частныя пристани разныхъ торговыхъ агентовъ. Наконецъ, при самомъ устьѣ пролива, по берегу, вытянута линія деревянныхъ разноцвѣтныхъ домовъ, надъ которыми развѣваются консульскіе флаги; за ними разбросано нѣсколько жалкихъ построекъ и бѣлѣется мечеть съ обвалившимся минаретомъ, и тутъ, среди множества судовъ, нашъ «Владиміръ» тоже бросаетъ якорь. Это Дарданеллы.

Третій разъ пришлось мнѣ видѣть Дарданеллы, и ни разу я не замѣтилъ, чтобы здѣсь взяли какой нибудь грузъ или достаточное число пассажировъ, а между тѣмъ ни одинъ пароходъ, ни одно судно не пройдетъ безъ того, чтобы не остановиться на нѣсколько часовъ въ здѣшнемъ небольшомъ заливѣ и не отдохнуть на перепутьѣ. Такая выгода сообщеній и торговли не можетъ однако оживить и расширить этотъ жалкій городишко: онъ едва населенъ, его окрестности пусты и дики, обыватели выглядятъ чуть не нищими. Одно только и есть, чѣмъ можетъ похвастать дарданельская промышленность и чѣмъ она гордится передъ другими городами,—это какіе-то глиняные кувшины, которые, говорятъ, имѣютъ свойство холодить воду. Эти кувшины торговцы развозятъ по всему заливу и навязываютъ проѣзжающимъ. Къ нашему пароходу тоже подъѣхала лодка, уставленная этими продуктами мѣстной изобрѣтательности, но покупателей у насъ не нашлось.

Послѣ Дарданеллъ, берега пролива стали быстро раздвигаться, и мы вступили въ тихія воды Эгейскаго моря. Вдали, на горизонтѣ, въ видѣ легкихъ облачныхъ очертаній, обрисовалось нѣсколько скалистыхъ острововъ архипелага. По мѣрѣ нашего приближенія они становились яснѣе; въ синеватыхъ глыбахъ скалъ оттѣнились впадины и незамѣтные прежде отроги, и скоро мы довольно близко могли разглядѣть мѣстность острова Тенедоса, извѣстнаго на востокѣ своимъ здоровымъ виномъ. На противоположномъ берегу показался широкій Никомидійскій заливъ, гдѣ Константинъ Великій думалъ основать свою столицу; не далеко оттуда указываютъ мѣсто Трои; по горизонту тянется, покрытый снѣгомъ, невысокій хребетъ, надъ которымъ, какъ бѣлая палатка, возвышается вершина знаменитой у поэтовъ горы Иды. Все это, какъ видно, мѣста славныя, на которыя хотѣлось бы посмотрѣть по ближе, но пароходъ шелъ прямо къ острову Митилену; малоазійскіе берега быстро отодвигались: между ними и нами растянулось по водѣ бѣлое облако, сталъ опять покрапывать дождь, а тутъ и сумерки спустились такъ быстро, что когда пароходъ остановился у Митилена,—я могъ разсмотрѣть на берегу только нѣсколько огней, и вокругъ парохода нѣсколько качающихся лодокъ съ боченками оливковаго масла,—главнымъ продуктомъ митиленской торговли...

II.

Городъ Смирна.

Когда я на другой день вышелъ на палубу, мы были уже въ смирнскомъ заливѣ въ виду города. Этотъ заливъ помѣщается въ живописной горной котловинѣ, на прибрежномъ центрѣ которой широко раскинулась Смирна.

Много наслышался я прежде о красотѣ и богатствѣ Смирны; ее называютъ перломъ и жемчужиной востока, городомъ совершенно европейскимъ; я ожидалъ увидѣть что нибудь величественное, громадное, или по крайней мѣрѣ, оригинальное,—и горько ошибся. Смирна имѣетъ ту же печальную наружность, какую имѣютъ и всѣ восточные города (кромѣ, конечно, Константинополя). Вдоль берега, почти на самой водѣ, часто даже на вбитыхъ въ дно морское сваяхъ, вытянута длинная линія небольшихъ двухъ-этажныхъ домовъ съ закоптѣлыми отъ кузницъ и пароходовъ стѣнами, то разрозненныхъ, то сгруппированныхъ весьма некрасиво; за ними видна сплошная масса однообразныхъ черепичныхъ крышъ; на скатѣ горы тоже стоитъ группа деревянныхъ домишекъ; на самой горѣ—полуобвалившая крѣпость, и надо всей этой кучей грязныхъ построекъ въ разныхъ мѣстахъ торчитъ нѣсколько минаретовъ, большею частью безъ верхушекъ. Все сжато и сбито въ кучу: дома точно въ тискахъ сдавлены и толкаютъ другъ друга къ водѣ; пристани нѣтъ почти никакой, и мутныя, вонючія волны лѣниво хлещутъ въ кучи прибрежнаго мусора и подгнившія сваи домовъ. Лучшимъ украшеніемъ города можно считать только высокую колокольню у церкви св. Фотиньи и загородную кипарисовую рощу, гдѣ помѣщено греческое кладбище. За то горныя окрестности города, съ безконечными садами и плантаціями, чрезвычайно живописны, такъ что Смирна среди ихъ кажется какимъ-то рѣжущимъ глаза болѣзненнымъ наростомъ, который очень хотѣлось бы куда-нибудь сдвинуть, чтобы онъ не мѣшалъ гармоніи общаго вида. Чтобы провѣрить свои первыя впечатлѣнія, я пригласилъ своего сосѣда туриста, съѣздить со мною на берегъ для прогулки. Русскій лодочникъ, лѣтъ двадцать ужъ проживающій въ Смирнѣ, перевезъ насъ съ парохода къ старому плоту, замѣняющему пристань, и мы въ первый разъ вступили на азіятскую землю. Намъ указали лучшую улицу въ городѣ, довольно чистую, съ богатыми европейскими магазинами и каменными домами, гдѣ сосредоточено лучшее общество Смирны, и мы съ большимъ вниманіемъ осматривались по сторонамъ, чтобы встрѣтить что нибудь замѣчательное и выдающееся изъ общаго уровня однообразныхъ построекъ — и не встрѣтили ничего. Эта улица привела насъ къ церкви св. Фотиньи: мы мимоходомъ заглянули и въ ея ограду и хотѣли было идти далѣе, какъ вдругъ насъ замѣтилъ какой-то жидокъ и принялся кричать во все горло и махать руками; на крикъ его изъ сосѣдняго дома выбѣжало нѣсколько человѣкъ, бросилось въ попыхахъ отворять церковныя двери, и мы волей-неволей должны были войдти во внутренность ея, что, конечно, не обошлось безъ нѣсколькихъ бакчишей (подачекъ). Оказалось, что около этой церкви живетъ цѣлая шайка евреевъ, которая только тѣмъ и промышляетъ, что заманиваетъ пріѣзжихъ иностранцевъ осматривать православный храмъ, причемъ объясняетъ имъ всѣ его примѣчательности, и за это получаетъ слѣдующій за услугу бакчишъ. Въ церкви, однако жъ, собственно говоря, глядѣть не на что; она очень не велика и построена по образцу всѣхъ новогреческихъ церквей.

— Куда жъ бы намъ еще пойти? спросилъ я своего товарища.

— Больше, кажется, некуда, отвѣтилъ тотъ съ недовольнымъ тономъ.—Ужъ если эту церковь показываютъ за деньги, какъ рѣдкость, то значитъ и смотрѣть больше нечего.

Жидокъ, однако, объяснилъ намъ, что слѣдуетъ сходить на базаръ, и вызвался даже быть нашимъ провожатымъ. Мы послушались его и пошли; однако на базарѣ тоже не замѣтили ничего оригинальнаго. Всѣ восточные базары такъ рѣзко походятъ другъ на друга, что довольно видѣть одинъ, чтобы имѣть понятіе о всѣхъ другихъ (исключая базаръ стамбульскій—единственный въ своемъ родѣ); таже давка и грязь, тѣже рѣзкости въ расположеніи товаровъ, тѣже улицы въ сажень шириною, съ канавкой посерединѣ для стока нечистотъ, наконецъ тотъ же шумъ, крики и споры, какъ и на всѣхъ базарахъ. Потомъ жидокъ показалъ намъ лучшія смирнскія кофейни съ мраморными столами, фонтанами и обиліемъ лучшихъ восточныхъ лакомствъ, показалъ лучшіе магазины, съ разложенными на окнахъ европейскими товарами, которыми больше всего восхищался самъ жидокъ, словомъ, исходили мы съ нимъ лучшіе кварталы Смирны вдоль и поперегъ и возвратились на пароходъ усталые и вполнѣ недовольные прогулкой.

Потому ли, что я ожидалъ заранѣе отъ Смирны Богъ вѣсть какихъ прелестей, или она на самомъ дѣлѣ такъ плоха съ виду, но только Смирна произвела на меня весьма невыгодное впечатлѣніе. Конечно, нельзя судить о городѣ по одному бѣглому взгляду, но во всякомъ случаѣ трудно простить ему бѣдность и нечистоту внѣшней обстановки при той громадной торговлѣ и богатствѣ его жителей, которыя славятся на всемъ востокѣ. Въ городѣ живетъ очень много европейцевъ, тутъ есть агентства почти всѣхъ лучшихъ европейскихъ торговыхъ домовъ и компаній, ежедневно къ Смирнѣ прибываютъ десятки европейскихъ судовъ, и все-таки азіатскій элементъ въ ней настолько живучъ, что парализируетъ всякое европейское вліяніе, и скорѣе сами европейцы заражаются въ Смирнѣ азіатствомъ, чѣмъ смирніоты цивилизаціей. Правда, что оживленья здѣсь больше, чѣмъ въ другихъ городахъ Турціи: улицы полны народомъ, работа кипитъ въ каждомъ закоулкѣ; но эту уличную жизнь опять-таки слишкомъ стѣсняетъ азіатская тѣснота улицъ, такъ что если встрѣтится, напримѣръ, на улицѣ караванъ верблюдовъ, то каждый долженъ поневолѣ сгибаться или прижиматься къ стѣнѣ, изъ опасенія, чтобы это громадное животное не придавило его, какъ муху, своими тяжелыми вьюками. Смирна также славится на востокѣ красотою своихъ женщинъ, но и въ этомъ я не могъ убѣдиться, не встрѣтивъ ни одного порядочнаго женскаго лица. Спрятались, видно, на этотъ разъ отъ меня и красивыя лица.

Выѣздъ изъ смирнскаго залива не безопасенъ. Отъ лѣваго берега его далеко выступаетъ въ заливъ широкая песчаная мель, такъ что остается только одинъ узкій проходъ къ морю у праваго берега. Каждый годъ по нѣскольку судовъ наскакиваетъ на эту мель и сбрасываетъ на вязкій песокъ свои грузы, а между тѣмъ до сихъ поръ городъ не ставитъ у мели никакихъ знаковъ и тайна прохода въ заливъ остается достояніемъ мѣстныхъ лоцмановъ. Здѣсь нашъ «Владиміръ» остановился на минуту противъ небольшой турецкой крѣпости, чтобы высадить на берегъ двухъ какихъ-то подозрительныхъ бродягъ, незамѣтно пробравшихся на пароходъ, у которыхъ не нашлось ни билетовъ, ни паспортовъ, ни денегъ, а нашлась котомка, стянутая у пассажира. Оба они плакали, когда ихъ опускали въ лодку, и оба со слезами жаловались всему пароходному обществу на жестокость русскихъ, которые не только не хотятъ оказывать пособія угнетеннымъ грекамъ, но даже не могутъ дать имъ безплатнаго мѣста.

— А вы не воруйте, мошенники! кричалъ имъ озлившійся лоцманъ-грекъ—и скоро между ними завязалась такая энергичная ругань, что ее не могло заглушить даже шипѣнье паровъ. Пассажиры столпились у борта и жадно слѣдили за этой сценой; многіе тоже не выдержали и стали перекрикиваться, поднялся хохотъ, посыпались остроты на разныхъ языкахъ,—словомъ, вышло неожиданное и пріятное для пассажировъ развлеченіе. Наконецъ бродягъ высадили, лодка воротилась, и «Владиміръ» тронулся въ путь. Мы видѣли, какъ эти несчастные побрели по прибрежнымъ каменьямъ, ругаясь во все горло и угрожая пароходу кулаками, видѣли, какъ ихъ окружили солдаты, скрутили имъ руки назадъ и повели въ крѣпость. Долго объ этомъ толковали потомъ на палубѣ.

III.

Островъ Родосъ.

Къ ночи разыгралась погодка. Встрѣчный холодный вѣтеръ съ крупнымъ дождемъ загудѣлъ въ снастяхъ и мачтахъ, и опустилась вокругъ насъ непроглядная тьма. Призамолкъ говоръ на палубѣ; всѣ съежились и притихли, стараясь спрятаться отъ бури подъ своими циновками и тулупами. Заскрипѣлъ нашъ «Владиміръ», переваливаясь съ боку на бокъ, и съ грохотомъ захлестали волны о борта его, обдавая палубу холодными брызгами. На другой день на наши обѣденные столы положили рѣшотки, чтобы удержать въ равновѣсіи приборы и кушанье, но и при такихъ предосторожностяхъ обѣдать было трудно: все валится и льется, а кругомъ шумъ и трескъ невыносимый. Трудно передвинуться съ мѣста на мѣсто; палуба превратилась въ походный лазаретъ: все легло въ повалку, слышны оханья и стоны, нѣкоторые вполголоса молитвенники читаютъ и поютъ акафисты противъ «бури водной»; одни матросы спокойно бродятъ взадъ и впередъ между лежачими, шутятъ между собою, борются, догоняютъ другъ друга и подтруниваютъ надъ ошалѣвшими бабами. Къ вечеру надвинулась на горизонтъ новая черная туча, и грянулъ такой штормъ, что капитанъ не рѣшился ѣхать далѣе и направилъ пароходъ къ ближайшимъ необитаемымъ островкамъ, окружающимъ островъ Косъ, чтобы среди ихъ укрыться отъ бури. Здѣсь мы пріютились между двумя каменными утесами, бросили два якоря на 60 саженяхъ цѣпи и въ такомъ положеніи простояли подъ парами до двухъ часовъ ночи.

Уже на третій день, съ разсвѣтомъ, увидѣли мы низменные, цвѣтущіе берега острова Родоса. Сначала показался длинный рядъ вѣтряныхъ мельницъ, искусно разставленныхъ вдоль берега, потомъ зубчатыя стѣны средневѣковой крѣпости, выстроенной на трехъ выдавшихся, въ видѣ вилки утесахъ, и наконецъ самый городъ. Чистые и красивые домики и башенки Родоса широко разсыпались по отлогому берегу, среди старинныхъ рыцарскихъ сооруженій, утопая въ яркой зелени безпрерывныхъ садовъ. Кое-гдѣ возвышаются широколиственныя пальмы, первые вѣстники тропическихъ странъ. Какъ-то особенно ёкнуло мое сердце при видѣ этихъ первыхъ пальмъ: близкимъ югомъ пахнуло и знойною степью, припомнилось что-то библейское, и весело спустились мы на нашу пароходную лодку, чтобы ближе ознакомиться съ этимъ заманчивымъ берегомъ. Капитанъ просилъ насъ поторопиться, объявивъ, что онъ боится стоять здѣсь долго подъ открытымъ вѣтромъ и къ полдню выйдетъ въ море. Дѣйствительно, у Родоса зимою стоять опасно: на немъ нѣтъ никакой пристани, и весь берегъ заваленъ громадными, изрытыми водою каменьями, среди которыхъ сердито клокочутъ буруны.

Перейдя за городскія ворота, русскій сряду находитъ себѣ въ Родосѣ свой родной пріютъ,—это агентство нашего пароходства, помѣщенное въ отдѣльномъ красивомъ зданіи подъ русскимъ орломъ. Здѣсь мы встрѣтили оборваннаго мальчишку, который, на ломаномъ русскомъ языкѣ, вызвался быть нашимъ провожатымъ. Нынѣшнія постройки города, хотя и чистенькія съ виду, не имѣютъ, однако, ничего привлекательнаго, и потому мы прямо отправились въ рыцарскій кварталъ, гдѣ до сихъ поръ сохранились остатки рыцарскихъ сооруженій съ зубчатыми башнями, съ изсѣченными въ разныхъ мѣстахъ крестами ордена и другими принадлежностями средневѣковыхъ построекъ. Одна улица вся состоитъ изъ непрерывнаго ряда рыцарскихъ домовъ, сохранившихся такъ хорошо, какъ будто только вчера покинули ихъ жильцы. На каждомъ домѣ вверху высѣчены на мраморѣ фамильные гербы прежнихъ владѣльцевъ съ латинскими, французскими и нѣмецкими надписями; нѣкоторые изъ этихъ гербовъ очень замысловаты и на всѣхъ выставлены года и даже числа построекъ *). Многіе дома соединены черезъ улицу арками и сквозь широкія окна ихъ видны колонны и рѣзные карнизы. Въ этихъ домахъ теперь никто не живетъ; про нихъ уже успѣли сложиться на Родосѣ фантастическія легенды кроваваго свойства и суе-

---

*) Почти всѣ эти надписи относятся къ концу XV и началу XVI вѣка.

вѣрные люди теперь боятся даже ходить по этой улицѣ, гдѣ, по словамъ ихъ, летаютъ по ночамъ какіе-то косматые духи, заманиваютъ людей въ скрытыя подземелья и тамъ эти люди исчезаютъ безслѣдно.

Отсюда мы поднялись на небольшой холмъ и увидѣли картину въ другомъ родѣ. Скатъ холма на огромное пространство былъ покрытъ еще свѣжими развалинами: земля во многихъ мѣстахъ растрескалась и глубоко изрыта, вездѣ валяются обломки колоннъ и статуй, упавшія арки, пошатнувшіяся стѣны и башни, точно послѣ сильнаго землетрясенія. Проводникъ объяснилъ намъ, что все это разрушено неожиданнымъ взрывомъ пороха въ 1852 г. На этомъ мѣстѣ стояла прежде большая турецкая мечеть, передѣланная изъ роскошнаго рыцарскаго храма. Никто, конечно, и не подозрѣвалъ, что въ подземныхъ склепахъ этого храма съ незапамятныхъ временъ хранился значительный складъ пороха, какъ вдругъ, во время грозы, молнія ударила въ мечеть, проникла въ самые склепы,—и весь Родосъ былъ потрясенъ ужаснымъ взрывомъ, отъ котораго разсыпалась едва ли не пятая часть города. Послѣ этого суевѣрный страхъ еще больше напалъ на жителей, и еще сильнѣе стали они бояться старыхъ рыцарскихъ сооруженій, подозрѣвая въ нихъ, на каждомъ шагу, скрытые подкопы и разные ужасы.

— Теперь каждую грозу мы неспокойны, разсказывалъ намъ проводникъ-мальчишка. — Старики говорятъ, что тутъ много еще такихъ взрывовъ будетъ, что подъ домами вездѣ порохъ насыпанъ. Кто его знаетъ, можетъ быть и остальные дома скоро развалятся. Какъ гроза, такъ и ждемъ. Да и вообще плохо нынче стало жить на Родосѣ; каждую минуту опасайся; можно пропасть такъ, что никто и не узнаетъ.

— А что, вѣрно косматые духи пугаютъ?

— Нѣтъ, вотъ какъ навезли сюда съ Кавказа вашихъ черкесовъ, совсѣмъ намъ житья никому не стало.

— Грабятъ?

— И грабятъ и убиваютъ; того и гляди, оберетъ гдѣ нибудь за угломъ, придушитъ, — и поминай какъ звали. А за городъ лучше и не ходи одинъ. Много ужъ народу у насъ пропало. Жаловались, да что толку, кому какое дѣло!

— Можетъ быть они же и въ подземелья-то заманиваютъ вашего брата, а потомъ и разсказываютъ, что это духи?

— Кто ихъ знаетъ. Тутъ ничего толкомъ не разсудишь.

Дѣйствительно, въ Родосѣ много нашихъ черкесовъ; они толпами шляются по улицамъ въ своихъ кавказскихъ костюмахъ, заглядываютъ въ лавки, заговариваютъ съ покупателями, вѣчно праздные и, кажется, неспособные ни къ какой работѣ. У одной лавки мы остановились покупать что-то и заговорили между собою по русски. Это привлекло вниманіе черкесовъ; одинъ изъ нихъ торопливо подошелъ къ намъ и нахально уставился на насъ глазами.

— Я вѣдь самъ русскій, сказалъ онъ ломанымъ языкомъ съ оттѣнкомъ дикаго ухарства, — я съ Кавказа и знаю русскихъ хорошо, я вашъ землякъ и другъ. — И послѣ этой рекомендаціи онъ сталъ жаловаться на то, что имъ здѣсь жить нечѣмъ, что въ Родосъ ихъ пріѣхало до трехъ сотъ человѣкъ, такъ что и размѣститься имъ негдѣ, и затѣмъ, въ память прежней родины, попросилъ у насъ денегъ, и попросилъ такъ внушительно, что нельзя было не дать. Черкесъ остался видимо доволенъ подареннымъ бешлыкомъ (25 к.) и дружески потрепалъ меня по плечу, проговоривъ: «молодецъ, русскій».

— Значитъ, на Кавказѣ было лучше, чѣмъ здѣсь? спросилъ я его опять.

— О! тамъ такой просторъ, такія славныя горы, а тутъ—что, и побаловаться не съ кѣмъ, все народъ щедушный да бѣдный; нищій народъ.

— А вотъ, они жалуются, что вы тоже ихъ обижаете.

— Врутъ они, намъ не изъ чего ихъ обижать; кабы тутъ купцы были, пусть бы тогда жаловались, а теперь и жаловаться не на что.

Между тѣмъ позади насъ столпилась порядочная кучка черкесовъ, съ любопытствомъ слѣдившихъ за нашей бесѣдой. Нѣкоторые изъ нихъ такъ лукаво поглядывали на наши часы и кошельки, что мы сочли за нужное прекратить бесѣду и поскорѣе пробраться къ пристани. Нашъ новый знакомецъ-черкесъ догналъ насъ за угломъ и скороговоркой прошепталъ самымъ вкрадчивымъ голосомъ: «Вы имъ не вѣрьте (онъ указалъ на своихъ товарищей): все это разбойники, готовые убить и ограбить перваго встрѣчнаго. А вотъ, когда вы поѣдете обратно, я самъ васъ провожу по горамъ, со мною васъ никто не тронетъ. Въ горахъ за городомъ много найдете хорошаго, посмотрите и мнѣ спасибо скажете». Мы поблагодарили его за это обязательное предложеніе, а сами все думали, какъ бы только скорѣе убраться. Очевидно, въ головѣ нашего новаго пріятеля составился уже великолѣпный планъ, какъ заманить насъ въ горы, и тамъ... да ужъ извѣстно, что тамъ было бы. Говорятъ, съ тѣхъ поръ, какъ высадили сюда черкесовъ, жителямъ отъ нихъ дѣйствительно житья не стало; не только въ окрестностяхъ постоянные грабежи и разбои, но даже въ самомъ городѣ они нагло нападаютъ на болѣе отдаленныя лавки и грабятъ ихъ.

У пристани, въ небольшой турецкой кофейнѣ, у насъ назначенъ былъ сборный пунктъ для всѣхъ съѣхавшихъ съ парохода. Тамъ мало по малу собрались наши пассажиры и офицеры, гулявшіе по Родосу, начался дружный обмѣнъ впечатлѣній, закурили кальяны и незамѣтно просидѣли до тѣхъ поръ, пока «Владиміръ» не засвисталъ намъ, приглашая въ дальнѣйшій путь. Дружно налегли матросы на весла, какъ щепка запрыгала лодка на гигантскихъ волнахъ, и чрезъ четверть часа мы были уже на пароходѣ.

Недалеко отъ городской пристани, греки указываютъ на мѣсто знаменитаго колосса родосскаго. Онъ, какъ видно, стоялъ надъ небольшимъ каналомъ, черезъ который мелкія суда проходили въ городскую бухту, такъ что имъ надо было проходить между ногъ гиганта. Судя по этому каналу, величина колосса была не болѣе 10 саженей. Теперь и этотъ каналъ и бухта завалены мусоромъ, а на мѣстѣ колосса перекинута глухая каменная арка. Нѣкоторые, впрочемъ, указываютъ мѣсто колосса нѣсколько дальше, гдѣ теперь стоитъ родосская крѣпость, но тамъ ширина пролива никакъ не менѣе 40 саженъ и, значитъ, установка на томъ мѣстѣ колосса—физически невозможна.

IV.

Портъ Мерсина.

Отъ Родоса до порта Мерсины, гдѣ ненадолго останавливаются наши пароходы, считается 350 морскихъ миль,—и намъ пришлось, такимъ образомъ, около двухъ сутокъ пробыть въ открытомъ морѣ. Берегъ тянулся въ лѣвѣ чуть замѣтной полосой, покрытой бѣлою каймою горнаго снѣга, а со всѣхъ другихъ сторонъ только море и небо,—пасмурное, суровое небо. Въ подобныхъ обстоятельствахъ вся дѣятельность и все вниманіе пассажировъ сосредоточивается на пароходѣ; тутъ сходятся и старые и малые въ одну общую семью, всѣ мало по малу свыкаются съ своимъ положеніемъ и жизнь закипаетъ своимъ порядкомъ, будто на сушѣ.

Какъ часто я, сидя на бакѣ, засматривался на дѣятельность и веселое спокойствіе этого маленькаго кружка людей, отдѣленнаго отъ земли и остальнаго общества — бездонными пучинами моря. Сколько разнообразныхъ сценъ и характерныхъ проявленій жизни можно было подмѣтить на тѣсномъ помостѣ палубы, особенно на вторыя сутки, когда качка немного уменьшилась и небо прояснѣло. Тутъ ѣдятъ, тамъ пьютъ, тамъ поютъ, хохочутъ, молятся, стряпаютъ, ругаются; пѣтухи, гуси, собаки, телята, — все, способное двигаться и голосить, — движется и голоситъ. И каждый дѣлаетъ свое дѣло самъ по себѣ, вовсе не обращая вниманія на занятія сосѣдей, какъ будто онъ у себя дома. Надъ каютой перваго класса, на возвышеніи, устроена площадка для прогулки пароходной аристократіи; эта площадка, повидимому, очень понравилась валяющимся по палубѣ туркамъ, и они, долго не думая, обратили ее въ свою мечеть. Лишь только настанетъ урочный часъ молитвы, мулла всходитъ на площадку и съ высоты ея, какъ съ минарета, начинаетъ громко запѣвать, сзывая правовѣрныхъ, — и правовѣрные дружно собираются вокругъ него, становятся въ рядъ, разстилаютъ коврики подъ ногами и, послѣ долгихъ споровъ о томъ, гдѣ востокъ и гдѣ западъ, начинаютъ мѣрно отвѣшивать поклоны. Это зрѣлище особенно было интересно во время качки, когда бѣдные молитвенники употребляли всѣ усилія, чтобы удержаться на ногахъ, — и многихъ все-таки перекидывало отъ одного борта къ другому. Христіане молились что-то мало въ сравненіи съ турками; правда, иногда «въ часъ вечерней тишины» наши поклонницы запѣвали хоромъ какую нибудь монотонную молитву, но дѣло у нихъ выходило плохо и, большею частью, кончалось крикливыми спорами о томъ, такъ или иначе читаются слова молитвы. Они все больше кофейкомъ пробавлялись и цѣлые дни толкались по палубѣ съ кофейниками — то попросить кипяточку у маркитанта, то призанять кофейку у сосѣдки. Тутъ же, между богомолками, ѣхали, на показъ востоку, двѣ-три русскія нищенки-старухи, которыя и на пароходѣ не могли отстать отъ своихъ ежедневныхъ привычекъ и обходили всю палубу съ просьбою о милостынѣ. Онѣ получали подаяніе гдѣ кофеемъ, гдѣ хлѣбцомъ, гдѣ сухарикомъ, а гдѣ и глотокъ водки Христа-ради перепадалъ. Этимъ нищенкамъ, какъ я замѣтилъ, жилось даже несравненно лучше, чѣмъ другимъ, потому что всякій наровилъ ихъ угостить покрѣпче, и кофею за весь путь перепили онѣ вдоволь. Мужики-поклонники жили особнякомъ отъ бабъ, въ ихъ дрязги не вмѣшивались и почти все время пути играли въ носки и короли. Одинъ изъ нихъ, какъ видно мастеръ своего дѣла, изумлялъ всю палубу какими-то необыкновенными карточными фокусами и часто собиралъ вокругъ себя порядочную толпу зрителей. Но душою всего палубнаго общества были, конечно, матросы. Вѣчно веселые, ловкіе, бойкіе, съ неистощимымъ запасомъ разныхъ шутокъ и остротъ,—они скоро сдружились со всѣми пассажирами и оживляли всю палубу. Особенно любилъ я слушать ихъ хоровыя пѣсни. Соберутся, бывало, подъ вечеръ, въ кружокъ и грянутъ съ запѣвалой какую нибудь разудалую, размашистую пѣсню, и громко зазвучитъ ухарская русская пѣсня подъ турецкимъ небомъ и сладко отзываются на сердцѣ эти давно неслыханные звуки; такъ что, бывало, досадно становилось на боцмана, когда онъ своимъ призывнымъ свисткомъ вдругъ прерывалъ хоръ; матросы, услышавъ знакомый призывъ, громко выкрикивали послѣдній припѣвъ пѣсни и въ мигъ разсыпались по мачтамъ и реямъ.

Иногда пассажиры отъ скуки искали развлеченій и внѣ пароходнаго мірка; смотрѣли по цѣлымъ часамъ за бортъ, на далекій, безцвѣтный горизонтъ, вглядывались въ глубь морскую,—и тогда малѣйшее явленіе, оживлявшее однообразную картину моря, возбуждало общее любопытство.

А такихъ явленій на наше счастье было тоже не мало. То, напримѣръ, выплывала недалеко огромная черепаха, то происходили кувырканья дельфиновъ, то изъ подъ пароходнаго носа выпрыгивали изъ воды стада летучихъ рыбъ; а ночью море покрывалось миріадами искръ, которыя, какъ алмазы, сверкали въ кипучей пѣнѣ, вокругъ парохода. Все это, въ свою очередь, служило намъ предметами для развлеченій, — и время незамѣтно протекло до того утра, когда, наконецъ, мы увидѣли Мерсину.

Мерсина служитъ складочною пристанью другихъ городовъ, находящихся внутри материка и состоитъ изъ нѣсколькихъ мазанокъ и магазиновъ, вытянутыхъ вдоль отлогаго песчанаго берега. Она такъ непривлекательна съ виду, что, не смотря на наше долгое заключеніе на пароходѣ, намъ не захотѣлось съѣзжать на берегъ, хотя «Владиміръ» и простоялъ здѣсь до самой ночи, принимая грузъ. Ночью мы прошли малымъ ходомъ еще 85 миль и, съ разсвѣтомъ, бросили якорь въ виду городка Александретты. При входѣ въ Александретскій заливъ, насъ встрѣтилъ штормъ, какого я еще не видывалъ. Вѣтеръ ударилъ съ такою силою, что, не державшись за что нибудь, трудно было устоять на ногахъ; море буквально закипѣло: брызги волнъ налету подхватывались вѣтромъ и неслись въ воздухѣ, надъ водою, обдавая насъ большими хлопьями пѣны,—образовался настоящій водяной ураганъ. Два часа бились мы съ нимъ, едва подвигаясь впередъ, пока, наконецъ, высокій отрогъ горы не заслонилъ насъ отъ вѣтра. Зато какъ пріятно было успокоиться послѣ этой свалки на зеркальной поверхности живописнаго залива, среди отдыхающихъ судовъ и пароходовъ другихъ націй.

V.

Александретта.

Александретта сама по себѣ также ничтожна, какъ и Мерсина, но ни одинъ пароходъ не пройдетъ мимо ея. Александретскій заливъ — единственное мѣсто по всей восточной линіи, гдѣ суда могутъ спокойно отдохнуть, въ полной увѣренности, что до нихъ здѣсь не доберется никакая буря,—такъ онъ плотно защищенъ отъ всевозможныхъ вѣтровъ. Поэтому здѣсь почти всѣ пароходныя агентства устроили главные склады каменнаго угля и другихъ продуктовъ, необходимыхъ для плаванія. Кромѣ того, Александретта, какъ и Мерсина, служитъ складочною пристанью для многихъ внутреннихъ городовъ, и потому въ ней всегда огромный размѣнъ товаровъ. Нашъ «Владиміръ» простоялъ здѣсь цѣлыя сутки, — и во все время стоянки, обѣ подъемныя машины его были въ безпрерывномъ движеніи. Самый городокъ состоитъ изъ сотни тростниковыхъ, грязныхъ туземныхъ мазанокъ, среди которыхъ рѣзко выдѣляются каменныя постройки европейскихъ агентствъ. Грязь въ городѣ непроходимая, мѣстность вязкая, болотистая, которую не въ состояніи просушить никакое солнце. Отъ окрестныхъ болотъ вѣчно носятся надъ городомъ удушливыя, ядовитыя міазмы, отъ которыхъ между обывателями свирѣпствуютъ постоянныя лихорадки и тифы; самое населеніе имѣетъ видъ весьма жалкій, истомленный, болѣзненный, точно это какіе-то переселенцы, перешедшіе тысячи верстъ и расположившіеся лагеремъ по прибрежью, не зная, куда идти имъ далѣе и что дѣлать съ собою. Долго мы шлялись, чуть не по-колѣно въ грязи, отъ одного тростниковаго шалаша къ другому; вездѣ двери настежъ, оконъ нѣтъ и все домашнее хозяйство каждаго передъ всѣми на распашку, въ поученіе и назиданіе любопытнымъ. Внутри шалашей то же убожество и то же отсутствіе домовитости и осѣдлости; да и рѣдко, впрочемъ, кто бываетъ днемъ въ этихъ шалашахъ,—все населеніе живетъ и работаетъ подъ открытымъ небомъ, на улицахъ и около пристани, и прячется въ шалашахъ только въ непогоду да во время болѣзни. А на улицахъ дѣятельность кипитъ отъ зари до зари: между шалашами навалены грудами тюки товаровъ, караваны смѣняются караванами, и верблюдовъ, кажется, больше, чѣмъ людей.

На пристани меня остановили три наши поклонницы, тоже съѣхавшія съ парохода.

— Батюшка, какъ бы намъ тутъ св. Іону поглядѣть? Мы тутъ спрашивали да никто не понимаетъ по нашему.

— Какого это Іону? спросилъ я, въ свою очередь.

— А вонъ, видишь ли, два бѣлыхъ столба на берегу:—тамъ, сказываютъ, былъ выброшенъ китомъ св. пророкъ Іона, бывши во чревѣ китовѣ три дни и три нощи...

— Можетъ вамъ соврали?

— Нѣтъ, матросики наши сами бывали и прикладывались; чего имъ врать.

Оказалось, что дѣйствительно, въ верстѣ отъ города, по преданію, указываютъ мѣсто, гдѣ былъ выброшенъ китомъ библейскій пророкъ Іона, и это мѣсто, въ прежніе годы, наши поклонники обязательно посѣщали и прикладывались къ нему, но теперь, не смотря на все мое желаніе услужить поклонницамъ, проводить ихъ туда никто не рѣшался, потому что въ окрестностяхъ города, со времени поселенія черкесовъ, путешествовать небезопасно. Вообще, надо замѣтить, что въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ поселились наши кавказскіе выходцы, жители, особенно торговцы, находятся въ постоянномъ страхѣ; вездѣ слышенъ ропотъ и желаніе поскорѣе избавиться отъ этихъ непрошенныхъ гостей; караваны отправляются не иначе какъ съ большими конвоями, дороги почти опустѣли и путешественники ѣздятъ осторожно и непремѣнно съ оружіемъ или съ конвоемъ. Турція, какъ видно, ошиблась въ своихъ разсчетахъ, дозволивъ такимъ недобрымъ гостямъ поселиться въ своихъ земляхъ. Она развезла ихъ по приморскимъ городамъ Малой Азіи, Сиріи и островамъ Архипелага и оставила тамъ на произволъ судьбы. Конечно, черкесы не могли измѣниться отъ такого переселенія: они скоро разбрелись по сосѣднимъ горамъ, напоминающимъ имъ прежнее привычное приволье и просторъ, и стали жить тою же удалою, дикою жизнью, какою жили и на Кавказѣ. По прежнему они сгруппировались въ шайки, выбрали себѣ предводителей, и зорко слѣдятъ теперь за приходомъ товаровъ у пристаней, не упуская случая потомъ перехватить ихъ на дорогѣ и не щадя при этомъ ни турокъ, ни арабовъ, ни христіанъ. Въ мѣстностяхъ, гдѣ нельзя ожидать большихъ добычъ, они довольствуются и мелочью: грабятъ лавки, грабятъ прохожихъ, угоняютъ стада овецъ, лошадей и т. п. Особенно страдаютъ отъ нихъ беззащитныя Мерсина и Александретта, которымъ они наносятъ огромные убытки. Замѣчательно, что нахальство черкесскихъ нападеній возрастаетъ съ каждымъ разомъ все сильнѣе и сильнѣе, тѣмъ болѣе, что всѣ эти продѣлки сходятъ имъ съ рукъ совершенно безнаказанно. Когда, четыре мѣсяца спустя, я опять проѣзжалъ черезъ Мерсину, городъ былъ въ ужасѣ отъ послѣдней дерзости черкесовъ; наканунѣ нашего пріѣзда, они толпою ворвались въ городъ, разграбили лучшіе магазины и увезли тюки съ прибывшими товарами. Вдали еще дымилось нѣсколько домовъ, сожженныхъ ими, и торговцы не рѣшались принимать нашего груза, опасаясь новыхъ нападеній.

Въ Александреттѣ, среди толкающагося на улицахъ народа, я тоже видѣлъ нѣсколькихъ черкесовъ. Они, какъ ни въ чемъ не бывало, спокойно бродятъ между караванами и сваленными грудами товаровъ, слѣдятъ за выгрузкой судовъ и зоркими глазами оглядываютъ погонщиковъ, собирающихся въ путь съ караванами, но погонщики теперь всѣ уже вооружены съ головы до ногъ и нарочно стараются дать это замѣтить черкесамъ, чтобъ они не слишкомъ заглядывались на товары.

Сюда же высадили на произволъ судьбы и нашего пассажира черкеса, который вздумалъ на пароходѣ открыть торговлю особаго рода: онъ продавалъ желающимъ свою дочь,—дѣвушку лѣтъ пятнадцати, кажется за 1,500 піастровъ (75 р.). Нѣкоторые изъ мѣстныхъ пассажировъ торговались съ нимъ по этому поводу, причемъ обнажали дѣвушку и осматривали, какъ обыкновенный товаръ, но охотниковъ купить не нашлось. Тогда черкесъ пустился на другой промыселъ, болѣе знакомый и вѣрный, онъ укралъ у своего сосѣда-пассажира нагольный тулупъ и кофейникъ, за что наконецъ и былъ казненъ лишеніемъ мѣста и высадкою въ Александреттѣ противъ воли. Впрочемъ, онъ скоро, какъ видно, примирился съ своимъ положеніемъ. Черезъ десять минутъ послѣ высадки, онъ уже спокойно шлялся по улицамъ съ своими земляками и вмѣстѣ съ ними высматривалъ, чѣмъ бы поживиться, а дочь его сидѣла неподвижно у дороги на разостланномъ войлокѣ, въ ожиданіи покупщика, и такъ безсмысленно-тупо смотрѣла своими тусклыми, оловянными глазами на все происходившее вокругъ, какъ будто и въ самомъ дѣлѣ она была товаромъ, а не человѣкомъ.

VI.

Въ открытомъ морѣ.

Въ сумерки переѣхали мы на пароходъ и въ глухую полночь снялись съ якоря. Я былъ въ это время на палубѣ. Никогда, кажется, ночь не бывала темнѣе этой ночи, — будто кто нарочно развѣсилъ вокругъ парохода черную, непроницаемую завѣсу, чтобы скрыть отъ насъ весь ужасъ путешествія, ожидающаго насъ. Пароходъ выбрасывалъ изъ трубы миріады искръ, изъ-подъ котловъ его вырывалось сквозь люки красноватое зарево, изъ безчисленныхъ оконъ и отверстій, покрывающихъ палубу, сквозилъ яркій огонь; пароходъ, казалось, весь нагрузился огнемъ, и, при блескѣ его, окружающая тьма выступала еще чернѣе и страшнѣе. Едва обогнули мы горный отрогъ, образующій Александретскій заливъ, какъ опять рванулся на встрѣчу намъ прежній ураганъ и волны начали очень недружелюбно подталкивать насъ въ разныя стороны, обдавая пассажировъ солеными брызгами; но «Владиміръ», полнымъ ходомъ, быстро разсѣкалъ ихъ, врѣзываясь дальше и дальше на просторъ разыгравшагося моря. Скоро мы обогнали англійскій пароходъ, вышедшій раньше насъ изъ Александретты, и оставили его далеко за собою. Постоявъ еще нѣсколько минутъ на палубѣ и не видя ничего особеннаго, я спокойно отправился спать въ каюту.

Не знаю, долго ли я спалъ, но только необыкновенные толчки заставили меня пробудиться; въ просонкахъ я догадался, что насъ, вѣроятно, очень шибко качаетъ и хотѣлъ было флегматически повернуться на другой бокъ, но меня такъ сильно ударило о стѣнку койки, что я заблагоразсудилъ встать. Въ каютѣ было темно, хоть глазъ выколи, ночникъ погасъ, по полу съ шумомъ катались какія-то вещи, кругомъ трескъ и скрипъ оглушительный, наверху слышались крики и бѣготня... Койкакъ одѣлся я и, цѣпляясь за стѣны, вышелъ на палубу.

Пароходъ крутило необыкновенно сильно; это была не качка, а какое-то дикое швырянье изъ стороны въ стороны; нашего грузнаго гиганта, какъ мелкую щепку, перебрасывало съ волны на волну, швыряло направо и налѣво и носомъ, и кормой. Вѣтеръ неистово завывалъ, пѣна дробившихся волнъ летала, какъ снѣгъ, въ воздухѣ. Сквозь грохотъ бури слышались тревожные стоны больныхъ, вопли ребятъ, женщины хоромъ взвизгивали каждый разъ, когда накрѣнивало пароходъ и волны захлестывали палубу. Всѣ были въ ужасѣ; капитанъ отрывисто командовалъ, матросы въ суматохѣ бѣгали по палубѣ, держась за протянутыя веревки, и вдругъ еще, среди этого шума и гвалта, испуганные турки столпились въ кучу и дрожащими голосами затянули какія-то молитвы аллаху. Я хотѣлъ было пройти къ механику и посмотрѣть на дѣйствіе машины, неправильный стукъ которой отрывисто долеталъ до меня, но на первомъ же шагу запнулся за что-то и упалъ на двухъ растянувшихся на палубѣ старухъ; мы всѣ трое вскрикнули въ одинъ голосъ... потомъ меня неожиданно перекинуло на другую сторону, къ курятнику, гдѣ я увязъ въ тарелкѣ съ картофелемъ, на меня грохнулось сверху какое-то ведро, — и, послѣ всего этого, я рѣшился прекратить дальнѣйшія покушенія на прогулку и скорѣе убраться въ каюту.

— Кто тутъ? Это вы, Н. А.? — задавленнымъ голосомъ спросилъ меня испуганный сосѣдъ-помѣщикъ, когда я ползкомъ добрался до своей койки.

— Я, не бойтесь. Неужели вы все спали?

— Какое спалъ: я все думаю, что мы ко дну идемъ. Слава Богу, хоть вы-то пришли; а то я тутъ отъ страху всѣ молитвы перечелъ, какія зналъ, да все мало, кажется... Глупо, право, какъ эти сообщенія устроены, никакой увѣренности нѣтъ... Батюшка, право, кажется, что-то хрустнуло внизу!.. Слышите?.. Вѣдь это ужасно, наконецъ; одна глупая случайность, и... Тутъ, небось, даже и священника не найдешь...

— А вамъ исповѣдываться, что ли, хочется, или молебенъ отпѣть?

— Да нѣтъ, вы согласитесь, что если вдругъ.. Господи! да что же это такое, хоть бы разсвѣло поскорѣй.

— Вотъ, погодите, я, можетъ быть, ухитрюсь лампу зажечь: все веселѣе будетъ...

Ощупью отыскалъ я ночную лампу, ухитрился зажечь ее и, дѣйствительно, стало какъ будто веселѣе. И стали мы съ сосѣдомъ перекликаться безсвязными разговорами, стараясь разсѣяться и не замѣчать, что дѣлается вокругъ; но плохо намъ это удавалось. Общій ужасъ овладѣлъ наконецъ и мною: я припомнилъ, какъ утромъ капитанъ говорилъ, что сегодняшнею ночью мы будемъ проходить мимо опасныхъ каменьевъ, и допрашивалъ лоцмана, хорошо ли онъ знаетъ мѣстность... Можетъ быть, теперь и близко гдѣ нибудь эти каменья!.. И при всякомъ сильномъ толчкѣ или трескѣ, при всякой тревогѣ и бѣготнѣ на палубѣ, холодѣла кровь отъ невольнаго ужаса, а въ голову назойливо лѣзла безотвязная мысль: вотъ-вотъ разверзается наша влажная могила. Сосѣдъ тоже безпокойно метался всю ночь и шепталъ молитвы...

Не помню, какъ заснулъ я, но только проснулся уже днемъ. Насъ все еще сильно качало, пароходъ продолжалъ черпать бортами воду, но уже не съ такою яростью, какъ ночью. Вообще днемъ буря не такъ страшна, и погибать-то, кажется, веселѣе, чѣмъ ночью. Я узналъ, что къ порту Латакіи мы не могли подойти, не смотря на всѣ усилія капитана, и должны были везти весь грузъ дальше. Вечеромъ мы увидѣли городъ Триполи и бросили якорь въ его мутномъ полузаливѣ. Городъ раздѣленъ на три части, расположенныя отдѣльно другъ отъ друга; онъ, какъ видно, населенъ хорошо; у пристани выстроено нѣсколько европейскихъ домовъ, надъ нѣкоторыми изъ нихъ развѣваются консульскіе флаги, судовъ у пристани стоитъ довольно много,—значитъ городъ, какъ городъ. Мы хотѣли было оглядѣть его поближе, но зыбь была такъ сильна, что путешествіе на берегъ показалось намъ довольно рискованнымъ. Тутъ простояли мы до утра, выбрасывая грузъ на мѣстныя уродливыя барки. Съ разсвѣтомъ опять вышли въ море и къ четыремъ часамъ вечера были уже у Бейрута.

VII.

У Бейрута.

Красивъ, оригиналенъ и заманчивъ Бейрутъ съ виду. Его чистые, красивые домики, съ плоскими крышами и маленькими куполами, такъ уютно сгруппировались на прибрежныхъ холмахъ и такъ привѣтливо выглядываютъ изъ-за густыхъ тропическихъ садовъ, что такъ и хочется поскорѣе съѣхать на берегъ. Отсюда уже начинается настоящая полудикая Азія: царство арабовъ-бедуиновъ— и своеобразность ихъ вкуса и жизни рѣзко бросаются въ глаза при взглядѣ на Бейрутъ и его оригинальныя, густо сплоченныя вмѣстѣ постройки. Кругомъ города безконечные сады изъ померанца, апельсина и кактуса; ярко вырисовываются въ прозрачномъ воздухѣ широколиственныя пальмы, а дальше, во всю ширину горизонта, раскинулся высокій хребетъ Ливанскихъ горъ. Все это показалось намъ такъ ново и заманчиво, что, не смотря на крупную зыбь и приближеніе ночи, я вдвоемъ съ своимъ неизмѣннымъ спутникомъ-сосѣдомъ, спустился въ лодку и отправился на берегъ. Лодочники-арабы ловко провезли насъ между безчисленными подводными камнями, наполняющими мелкое прибрежье Бейрута и черезъ четверть часа доставили къ пристани. Пристань высокая и открытая; волна хлещетъ съ размаху въ каменныя глыбы, — едва-едва смогли мы по крутымъ ступенькамъ, высѣченнымъ въ камнѣ, вскарабкаться на твердую землю. На первый разъ, однако, наше путешествіе вышло очень неудачно. Мы пошли впередъ по улицѣ, куда глаза глядятъ; народу кругомъ множество: мѣстнаго языка не знаемъ, провожатаго спросить не у кого, а сумерки опускаются такъ быстро, что, того и гляди, надвинется ночь.

Остановились мы въ раздумьѣ, какъ тутъ быть и что дѣлать.

— Вѣдь эдакъ, пожалуй, можно и заблудиться, сказалъ мой товарищъ, сомнительно поглядывая на меня.

— Не вернуться ли лучше назадъ? замѣтилъ я.

— Къ лодкамъ?

— А то куда жъ?

— Давайте-ка, въ самомъ дѣлѣ, вернемся лучше: спокойнѣе будетъ.

Такъ и пріѣхали мы обратно на пароходъ.

Ужъ на другой день устроилась у насъ прогулка въ болѣе широкихъ размѣрахъ и въ сопровожденіи большой компаніи охотниковъ. Одинъ изъ офицеровъ, бывавшихъ прежде въ Бейрутѣ, вызвался быть нашимъ провожатымъ и повелъ насъ въ лучшую, по его мнѣнію, загородную гостинницу. Мы пошли вдоль берега, любуясь богатствомъ мѣстной растительности. Направо отъ насъ шумѣло море, дробясь объ утесистые камни, составляющіе природную набережную города; налѣво стояли красивыя дачи европейскихъ консуловъ, обнесенныя, вмѣсто рѣшетокъ, кустами колючаго кактуса. Долго шли мы, нѣкоторые ужь начали роптать, какъ изъ-за зелени выглянулъ бѣлый домикъ съ садомъ, и вожатый нашъ объявилъ, что мы пришли. По серединѣ небольшой комнаты съ куполомъ, сидѣла на полу сама хозяйка кофейни — старая гречанка съ поддѣльною краской ланитъ и убогою роскошью наряда; въ одномъ углу два старика, зѣвая, играли въ шашки, въ другомъ — кто-то спалъ въ растяжку; неуклюжій арабъ лѣниво подалъ намъ кальяны, микроскопическія чашки кофе и скверное вино,—и все это показалось намъ до такой степени жалкимъ и скучнымъ, что самъ вожатый нашъ видимо сконфузился и, чтобы поправить дѣло, предложилъ прокататься по загороднымъ садамъ Бейрута. Арабы скоро отыскали для всей нашей компаніи великолѣпныхъ коней и мы весело выѣхали изъ города въ сопровожденіи кавасовъ и крикливой толпы мальчишекъ, старавшихся чѣмъ нибудь услужить намъ, чтобы послѣ имѣть право на бакчишъ. Скоро передъ нами открылась обширная песчаная равнина: по обѣимъ сторонамъ ея стояли искусственныя рощи разныхъ фруктовыхъ деревьевъ, а по серединѣ лежала дорога безконечною лентой — до самаго Ливана. Во весь опоръ помчались наши лошади по этой живописной дорожкѣ, едва касаясь земли; духъ захватываетъ отъ быстроты полета: кочки и впадины — все сравнивается подъ ногами летуна. Кровный арабскій конь, кажется, не имѣетъ понятія о ровной и спокойной рыси; онъ при первомъ движеніи руки или шпоръ сразу бросается во весь духъ и тогда только держись. Многіе, непривычные, были въ ужасѣ отъ этой быстроты и, блѣдные какъ смерть, слѣдили за конемъ, крѣпко уцѣпившись руками въ сѣдло и гриву. Наконецъ, одинъ изъ всадниковъ потерялъ равновѣсіе и со всего размаха шлепнулся на песокъ; вся компанія остановилась и сдѣлала привалъ. Тутъ же недалеко, въ рощѣ, оказалась и небольшая кофейня, устроенная въ шалашѣ для перепутья странникамъ. Для насъ разставили европейскіе столы и стулья, подали кальяны и началось обычное угощеніе кофе. Во время угощенія, позади насъ неожиданно раздались рѣзкіе звуки рожка и турецкаго барабана и изъ-за дверей шалаша выдвинулись странствующіе арабы-музыканты. При нихъ была плясунья-дѣвочка лѣтъ двѣнадцати, увѣшанная разными бляхами и золочеными бахромами. Подъ тактъ барабана, она начала кривляться, вздрагивать, принимать сладострастныя позы, прыгать и кувыркаться, выманила у каждаго изъ насъ по нѣсколько піастровъ и, наконецъ, надоѣла всѣмъ до нельзя. Въ пляскахъ дѣвочки намъ особенно понравилась игра глазъ плясуньи; они то подергивались влагой, то искрились какимъ-то жгучимъ взглядомъ, то тускнѣли. Какъ это она дѣлаетъ—остается тайной арабскаго искусства.

До поздняго вечера ѣздили мы по окрестностямъ Бейрута, и при въѣздѣ въ городъ опять были встрѣчены толпою мальчишекъ, которые съ крикомъ бросились въ драку съ хозяевами лошадей изъ-за бакчиша, и эта драка, вѣроятно, кончилась бы не добромъ, если бы безцеремонные кавасы по просту не разогнали ихъ палками.

Въ Бейрутѣ есть широкія и нарядныя площади и улицы съ красивыми магазинами. Кубическіе домики густо нагромождены другъ на друга, такъ что каждый кварталъ составляетъ какъ бы отдѣльное, неразрывное зданіе. Всѣ улицы чистыя, безъ обычныхъ канавокъ для стока нечистотъ, и потому нѣтъ въ нихъ того удушливаго запаха и грязи, которые составляютъ главную принадлежность турецкихъ городовъ. И народъ совсѣмъ другой — видный, красивый, въ опрятныхъ костюмахъ. Особенно оригиналенъ здѣсь женскій костюмъ: представительницы прекраснаго пола окутываются съ ногъ до головы бѣлыми покрывалами, въ родѣ мантій, а лица свои закрываютъ яркими разноцвѣтными платками; въ этомъ видѣ онѣ напоминаютъ не то покойниковъ въ саванахъ, не то какихъ-то движущихся статуй, покрытыхъ чахлами. Говорятъ, что прежде здѣшнія дамы носили на головѣ большой серебряный рогъ, къ верхушкѣ котораго прикрѣплялось покрывало, что, конечно, придавало имъ еще болѣе оригинальный видъ. Мужчины носятъ общетурецкій костюмъ: куртку, шаровары и фесъ на головѣ.

VIII.

ЯФФА.

Въ полночь мы вышли въ море на волю вѣтра и бурь, промучившихъ насъ еще цѣлыя сутки. Утромъ, послѣ большихъ усилій, удалось намъ подойдти къ Кайфѣ и здѣсь болѣе часу стояли мы подъ сильнымъ вѣтромъ и качкой, дожидаясь лодокъ, но волна такъ сильно хлестала на берегъ, что ни одна лодка не осмѣлилась подойдти къ пароходу. Пришлось опять поднимать якорь и идти прямо въ Яффу, не смотря на то, что здѣсь ожидало насъ множество пассажировъ, высаженныхъ въ прошлый рейсъ однимъ изъ пароходовъ, за невозможностью подойдти къ Яффѣ. Мѣстоположеніе Кайфы очень гористо; село стоитъ на скатѣ горъ и издали кажется сплошной пирамидальной массой; влѣвѣ видна, знаменитая у богомольцевъ, гора Кармильская съ монастыремъ на вершинѣ. Почти всѣ наши поклонники думали было высадиться здѣсь, чтобы ѣхать въ Іерусалимъ черезъ Назаретъ, находящійся недалеко отъ Кайфы, но теперь имъ пришлось поневолѣ ѣхать въ Яффу и притомъ еще капитанъ объявилъ намъ, что если буря не утихнетъ, онъ повезетъ насъ прямо къ Египту. Однако, къ нашему счастью, по мѣрѣ приближенія къ Яффѣ, вѣтеръ слабѣлъ, море утихало, и, послѣ солнечнаго заката, «Владиміръ» спокойно бросилъ якорь въ виду городка. Это было на шестнадцатый день послѣ отплытія нашего изъ Константинополя. Всѣ пассажиры столпились на палубѣ, чтобы скорѣе увидѣть эту исходную точку нашего долгаго плаванья, но за темнотою нельзя было разсмотрѣть ничего, кромѣ нѣсколькихъ огней на высокомъ берегѣ. Близость отдыха развеселила истомленное населеніе «Владиміра»; на палубѣ слышался громкій говоръ и смѣхъ; кто-то заигралъ на рожкѣ, другіе стали акомпанировать ему голосомъ;

а матросы собрались на кубрикѣ и дружнымъ хоромъ грянули такую залихватскую пѣсню, что, казалось, и море само повеселѣло. Отъ людей веселость перешла и къ животнымъ: громко заголосили гуси, пѣтухи и куры, звонкимъ лаемъ залилась, дрожавшая все время отъ страху, собака, и даже пассажиръ-быкъ, хранившій до сихъ поръ упорное молчаніе, началъ что-то добродушно мурлыкать.

Утромъ мы, наконецъ, увидѣли Яффу въ полномъ блескѣ ея тропической обстановки, съ ея чудными апельсинными рощами и роскошными пальмами. Началась медленная и хлопотливая высадка пассажировъ, которыхъ съѣхало до двухъ сотъ человѣкъ. Скоро и мы простились съ пароходомъ и мимолетными товарищами нашего путешествія. Надо замѣтить, что пароходы, по мелководью, останавливаются здѣсь очень далеко отъ берега и самый переѣздъ на берегъ не совсѣмъ безопасенъ, особенно во время зыби. Передъ самымъ городомъ стоитъ сплошная гряда большихъ каменьевъ, между которыми есть только одинъ узкій и мелкій проходъ въ городскую бухту. Мѣстные лодочники очень искусно попадаютъ въ эти ворота въ бурное время; они гребутъ, повидимому, на самые камни, потомъ выжидаютъ волну побольше, сразу берутъ руль и волна быстро перебрасываетъ лодку въ бухту. Надъ этой дикой оградой, какъ видно, трудилась не одна природа, потому что кой-гдѣ замѣтны слѣды искусственныхъ связей и кладки камня.

Первое, что изумило меня при въѣздѣ въ городъ,— это яффская пристань; ничего подобнаго я еще не видывалъ. У городскихъ воротъ выстроенъ на сваяхъ деревянный помостъ, аршина на два отъ воды, на которомъ стоитъ толпа рослыхъ и плечистыхъ арабовъ. Только лишь лодки съ народомъ успѣютъ подойти къ сваямъ помоста, арабы торопливо наклоняются внизъ, хватаютъ за руки пассажировъ и дружно вздергиваютъ ихъ кверху на помостъ, за что и получаютъ съ нихъ опредѣленную плату. Другого пути нѣтъ къ городу. Дѣлаютъ они это, конечно, чрезвычайно ловко и быстро, но все-таки положеніе пасажировъ, особенно женщинъ, бываетъ весьма непріятное. Во время пріѣзда къ пристани какихъ нибудь важныхъ сановниковъ, арабы изъ деликатности, спускаютъ къ лодкамъ небольшую лѣстницу, но потомъ сейчасъ же и убираютъ ее, на томъ простомъ основаніи, что имъ жить больше нечѣмъ.

Сряду за воротами начинаются постройки святогробскаго подворья, и съ этой минуты, съ первымъ шагомъ на яффскую землю, наши поклонники поступаютъ въ полное распоряженіе мѣстныхъ монаховъ, которые тщательно опекаютъ ихъ (конечно не даромъ) вплоть до самаго отъѣзда. Мнѣ, съ двумя случайными товарищами моими, монахи отвели крошечную келью съ низкимъ сводомъ и затхлымъ воздухомъ; микроскопическое окно кельи выходило на море и сквозь это окно я долго любовался, какъ нашъ «Владиміръ» снимался съ якоря, какъ онъ потомъ сталъ поворачиваться къ намъ кормою и, наконецъ, быстро помчался въ открытое море. Два часа спустя, весь горизонтъ снова закрылся чорными тучами, и опять завылъ вѣтеръ, забѣлѣло море, заходили громадныя волны,—и опять, значитъ, подымется на пароходѣ качка ужасная...

Яффа—городокъ очень небольшой; онъ стоитъ на покатости песчанаго мыса, у самаго моря. Его арабскія постройки до такой степени оригинальны, что сразу и не поймешь, гдѣ тутъ дома, и гдѣ улицы. Это въ сущности не городъ, а скорѣе одинъ домъ, въ которомъ понастроены тысячи отдѣльныхъ клѣтушекъ, лѣстницъ, и коридоровъ. Дома стоятъ на домахъ, не имѣя никакого сообщенія другъ съ другомъ; на крышахъ домовъ разводятся сады, и строятся новыя жилища, на которыхъ въ свою очередь, налѣпляются новыя дома и новые сады и т. д. Плоскія крыши домовъ большею частью обнесены каменными стѣнами, съ разными сквозными украшеніями и, сквозь эти сквозныя дырочки, арабы могутъ слѣдить за жизнью другъ друга, будучи невидимы сами. Крыши вѣчно полны народомъ; вся семейная жизнь араба протекаетъ на крышѣ: подъ охраною этихъ стѣнокъ, онъ рѣдко заглядываетъ въ душную и сырую клѣть, гдѣ ему и тѣсно, и скучно. Все это придаетъ городу характеръ въ высшей степени оригинальный и сбиваетъ съ толку путешественника, привыкшаго къ общепринятому типу городкихъ построекъ. Вотъ напримѣръ, устройство святогробскаго подворья, въ которомъ намъ пришлось остановиться: съ нижняго двора во всѣ стороны идутъ лѣстницы вверхъ на площадку, гдѣ, обыкновенно, наши поклонники варятъ себѣ кушанье подъ открытымъ небомъ и совершаютъ свою трапезу; отсюда опять лѣстница вверхъ, и вы входите на другую площадку, составляющую крышу игуменскихъ палатъ; тутъ въ углу стоитъ церковь, а за нею опять лѣстница вверхъ, къ кельямъ поклонниковъ; отсюда опять лѣстница на новую площадку, гдѣ тоже выстроены отдѣльныя кельи, и такъ далѣе, до безконечности. Такимъ образомъ, все подворье выстроено на городскихъ домахъ, какъ будто на отлогости горы, а между тѣмъ внизу, подъ подворьемъ, въ отдѣльныхъ клѣтушкахъ, живутъ городскіе обыватели, проходятъ улицы, торчатъ мечети. Иной разъ заглянешь съ крыши мимоходомъ въ какую нибудь щель между стѣнами—смотришь: внизу проходятъ верблюды съ тюками, сидятъ арабы съ товарами, идетъ торговля,—словомъ кипитъ городская жизнь, но все это глубоко гдѣ то, точно въ какомъ подземельи.

Главная промышленность Яффы—апельсины и лимоны. Это азіатская Мессина, которая снабжаетъ грузомъ фруктовъ сотни судовъ и разсылаетъ ихъ по всему востоку. Въ урожайные годы сотню апельсиновъ здѣсь продаютъ за 2 піастра (10 коп.); съ насъ просили за вѣтку съ десяткомъ апельсиновъ двѣ копѣйки. За городомъ, на огромномъ пространствѣ, раскинуты великолѣпные фруктовые сады. Фруктовъ въ нихъ такое множество, что, въ просѣкахъ между деревьями, садъ кажется яркокраснымъ отъ сплошной массы висящихъ апельсиновъ и лимоновъ, а земля будто ковромъ покрыта ими. Что бы дали въ Петербургѣ, чтобы только хоть разокъ взглянуть на такую роскошь природы!

Отъ постояннаго прилива русскихъ поклонниковъ, Яффа почти обрусѣла, и рѣдкій арабъ, особенно торговецъ, не знаетъ нѣсколькихъ словъ по русски. Это очень приходится по сердцу нашимъ словоохотливымъ бабамъ странницамъ, которыя цѣлые дни бродятъ по улицамъ и болтаютъ съ арабами, будто дома, воображая что они «все понимать могутъ», и арабы, надо отдать имъ справедливость, терпѣливо выслушиваютъ эту болтовню, будто и въ самомъ дѣлѣ понимаютъ. Издали это выходитъ очень комично.

На слѣдующій день, рано утромъ, я покинулъ Яффу и, вслѣдъ за многочисленною толпою поклонниковъ, направился къ Іерусалиму.

ІЕРУСАЛИМЪ.

ІЕРУСАЛИМЪ (*).

«Ты ли это предо мною, безсмертный городъ, оплаканный Богомъ и прославленный людьми, престолъ вѣры и суевѣрія! Ты ли это, дивный уголокъ земли, знаменитый кровавою памятью и громаднымъ вліяніемъ на судьбы человѣчества, чье имя мы затвердили едва ли не раньше всѣхъ другихъ именъ, куда стекаются поклонники чуть не со всего міра!...»

Такъ думалъ я, увидѣвъ въ первый разъ Іерусалимъ съ горы Поклонной, въ то время, когда бывшіе со мною поклонники слѣзали съ коней и съ молитвеннымъ шопотомъ цѣловали святую землю. «Вотъ, говорили они, матушка гора Элеонская, Царь небесный въ домѣ давыдовомъ, гробъ Христовъ!...» и изъ глазъ ихъ текли непритворныя слезы. Я не слѣзъ съ коня, и только съ напряженнымъ вниманіемъ вглядывался въ эту сплоченную массу опаленныхъ солнцемъ каменныхъ развалинъ, обнесенныхъ стѣною.

Не стану описывать видовъ Іерусалима, описанныхъ и срисованныхъ сотнями рукъ; скажу только, что рѣдкій городъ имѣетъ такой тяжелый, грустный видъ, какъ Іерусалимъ и его печальныя окрестности.

---

*) Въ этой статьѣ выпущены всѣ подробности мѣстностей и религіозныхъ обрядовъ, извѣстныхъ уже читателямъ изъ тысячи сочиненій на эту тему. Мнѣ хотѣлось только представить ту грязную обстановку, среди которой находится іерусалимская святыня.

Мы въѣхали въ Яффскія ворота. У воротъ насъ встрѣтила толпа прокаженныхъ. Полунагіе, съ страшно изуродованными лицами, они протягивали къ намъ безпалыя руки, прося подаянія. Поклонники съ ужасомъ шарахнулись въ сторону, боясь заразы. Кавасы начали бросать въ несчастныхъ палки и каменья,—послышались сиплые, удушливые стоны... Я отвернулся.

Въ воротахъ таможенная стража уже не просила, а требовала подаянія; отъ нея нельзя было отдѣлаться палками. Въ складчину отдали мы что слѣдуетъ, и стража, для успокоенія совѣсти, только снаружи пощупала наши чемоданы.

И вотъ мы идемъ по кривымъ улицамъ святаго города. На улицахъ лужи отъ выливаемыхъ нечистотъ, валяется падаль, и толпами шагаетъ народъ черезъ эти лужи и падаль. Движутся верблюды съ тяжелыми вьюками; движутся турки, арабы, монахи. Пестрота костюмовъ и лицъ рѣжетъ глаза...

На дворѣ патріархіи, гдѣ помѣщается греческая іерархія, окончилось наше далекое странствіе. Отвели намъ на первый разъ большую комнату, устланную коврами, и на диванахъ молча разсѣлись мои спутники: два мужика изъ Серпухова да девять бабъ ярославскихъ. Тутъ же, въ сторонкѣ, свалили нашу кладь: чемоданы, узлы и мѣшки съ черными сухарями, которые везутъ съ собою наши разсчетливые русаки за три тысячи верстъ, помня только одно, что здѣсь не найдутъ они чернаго хлѣба. Нашъ отдыхъ продолжался не болѣе получаса; потомъ одинъ изъ монаховъ повелъ насъ въ храмъ на поклоненіе святынѣ. Тамъ приложились мы къ «мѣсту явленія мироносицамъ», приложились къ «камню помазанія» и подошли къ часовнѣ святаго гроба.

— Здѣсь надо снимать сапоги и башмаки, сказалъ вожатый:—св. гробъ надо цѣловать съ босыми ногами.

Усѣлись наши гдѣ попало, сняли обувь и потомъ поочередно стали входить въ часовню. Многіе входили на колѣняхъ, у нѣкоторыхъ на глазахъ были слезы; но всѣ почти лица выражали не радость, а какое-то отупѣніе, всѣ были словно растеряны и ошеломлены новизною своего положенія. Притомъ все это происходило такъ быстро, монахъ такъ торопилъ насъ, что большинство исполняло его приказанія почти механически...

— А гдѣ-жъ это гробъ-то Христовъ? спросилъ вполголоса одинъ мужичекъ, только что приложившійся къ этому гробу:—мнѣ сказывали, что онъ виситъ на воздухѣ, а тамъ ничего не видать *).

— Я, братъ, самъ ничего не замѣтилъ, отвѣтилъ ему тоже вполголоса его сосѣдъ, — да и нашимъ ли грѣшнымъ глазамъ видѣть такую святыню! Богъ за грѣхи не допуститъ!..

Всѣ видимо недоумѣвали.

Возвратились мы потомъ въ патріархію, гдѣ и ночевали въ той же комнатѣ всѣ вмѣстѣ.

На другой день, послѣ обѣдни, внесли къ намъ посеребренныя лохани, велѣли снова разуться и одинъ изъ старшихъ монаховъ совершилъ церемонный обрядъ умовенія ногъ нашихъ. Поклонники плакали отъ умиленія. Многіе сейчасъ же полѣзли въ свои мѣшки, повытаскали оттуда разныя вещицы: покровцы, воздухи, пелены для святыхъ сосудовъ и отдали умывавшему ноги.

— Вотъ, говорила одна почтенная старушка, подавая монаху алую ленту съ серебряной бахромой,—повѣсьте на чудотворную икону; сама вышивала...

— А отъ меня возьмите икону, перебила другая: — мнѣ куда она! а вамъ, можетъ, пригодится, только поминайте рабовъ божіихъ: Ивана, Петра, Акулину...—и она

---

*) Многіе изъ нашихъ поклонниковъ думаютъ, что гробъ виситъ на воздухѣ. Они не хотятъ вѣрить, что гробомъ Христовымъ называется каменная плита, и ищутъ настоящій гробъ изъ шести досокъ.

скороговоркой насчитала до двадцати именъ, пересчитала снова, чтобы не забыть кого, но монахъ осадилъ ее сразу.

— За вѣчное поминовеніе, сказалъ онъ, —мы беремъ по 5 рублей съ имени: поэтому вамъ придется заплатить около ста рублей.

— Отецъ родной, да гдѣ-жъ я возьму столько? Я ужъ лучше Богу помолюсь за тебя, а ты уступи!...

— У насъ уставъ такой, всѣ такъ платятъ.

Старуха задумалась.

— Сейчасъ васъ позовутъ къ отцу намѣстнику, проговорилъ монахъ, уходя:—онъ запишетъ въ книгу ваши жертвованія.

Дѣйствительно, черезъ нѣсколько минутъ насъ стали призывать поочередно въ отдѣльную комнату, гдѣ сидѣлъ патріаршій намѣстникъ, и совершилъ онъ нецеремонный сборъ денегъ нашихъ. Въ эти два дня греки успѣли поразвѣдать, у кого изъ нашихъ есть какія деньги, и потому на вопросъ: «сколько класть, батюшка?» прямо отвѣчали: «столько-то», и клали наши безропотно. Кто пробовалъ возражать, тѣхъ запугивали—и клали. Пошли сборы: въ пользу синода, за поминъ души, въ пользу св. гроба, за квартиру плата впередъ, за право путешествія на Іорданъ и проч., такъ что каждому изъ насъ пришлось выложить не менѣе 20 р. сер. Разомъ высохли наши умиленныя слезы. Озадаченные, печальные собрались мы потомъ въ своей комнатѣ; многіе стали пересчитывать оставшіеся гроши и задумали горькую думу: хватитъ или не хватитъ? Этотъ сборъ открылъ намъ глаза на грековъ, заставилъ пристальнѣе вглядѣться въ окружающую насъ дѣйствительность... Разсчетъ-то у нихъ слишкомъ вѣренъ: «какъ поотберемъ деньги, думаютъ они: меньше тратить будутъ на пустяки, — ну и намъ выгодно...»

Послѣ этого сбора ухаживанья за нами грековъ прекратились; мы стали не нужны имъ болѣе. Они повели насъ на отведенныя для насъ квартиры и поѣхали опять въ путь наши чемоданы, узлы и мѣшки съ сухарями.

Въ настоящее время, стараніями добрыхъ людей, для помѣщенія русскихъ поклонниковъ устроенъ особый русскій монастырь недалеко отъ городскихъ воротъ. Въ стѣнахъ этого монастыря отведены отдѣльныя кельи для мужчинъ и для женщинъ, гдѣ и живутъ наши богомольцы во все время пребыванія своего въ Іерусалимѣ, и живутъ, говорятъ, несравненно чище и удобнѣе, чѣмъ было прежде. Но въ мою бытность во св. градѣ, то есть весною 1860 года, порядки были иные, болѣе патріархальные. Тогда всѣхъ почти русскихъ поклонниковъ безъ различія пола и возраста втискивали въ такъ называемый Архангельскій монастырь, гдѣ и проводили они все время поклонничества въ грязи тѣлесной и душевной.

Архангельскій монастырь вѣроятно только потому и называется монастыремъ, что въ немъ есть церковь, но на самомъ дѣлѣ это не болѣе какъ восточная гостинница, составленная изъ нѣсколькихъ арабскихъ домиковъ, гдѣ монаховъ нѣтъ вовсе, а живетъ только одинъ игуменъ и при немъ послушникъ. Самъ игуменъ только по одеждѣ напоминаетъ монаха; онъ домохозяинъ, вѣчно ссорющійся съ своими жильцами и слѣдящій за порядкомъ въ домѣ. Монастырь называется греческимъ, но и это только номинально. Русскіе такъ воспользовались давнишнимъ правомъ гостепріимства въ этомъ монастырѣ, что грекамъ рѣдко удается даже служить въ монастырской церкви, гдѣ постоянно слышится русское пѣніе. Противъ монастыря живетъ наша миссія въ красивомъ домѣ, построенномъ на греческія деньги, и эта миссія, надо отдать ей честь, не позволяетъ вмѣшиваться въ свои дѣла грекамъ, которые до сихъ поръ не могутъ простить ей, что она врѣзалась въ Іерусалимъ противъ ихъ воли.

На грязномъ дворѣ монастыря, загроможденномъ разными пристройками, помѣщеній немного, и потому все почти населеніе сжато наверху, на террассѣ. На этой террассѣ стоитъ особый рядъ келій низкихъ и тѣсныхъ; на ней же помѣщается крошечная церковь съ бѣлымъ куполомъ, на которомъ вмѣсто креста стоитъ жестяной ангелъ съ мечемъ и подлѣ него лежитъ жестяной же турокъ. Это изображеніе водружено на куполѣ въ память чуда, которымъ ангелъ поразилъ богохульствующаго турка. Недалеко отъ церкви показываютъ плиту съ черными пятнами, на которой совершилось чудо убійства; эти пятна—слѣды крови.

Монастырь былъ биткомъ набитъ поклонниками. Двери изъ келій открыты настежъ, передъ дверьми кипѣли самовары. Почти все общество поклонниковъ находилось на террассѣ; тутъ были и монахи, и солдаты, и крестьяне, и женщины; кто шилъ, кто стряпалъ, всякій занимался своимъ дѣломъ съ полнымъ спокойствіемъ, будто у себя дома. Говоръ гудѣлъ оживленный. Пахло лукомъ и смазными сапогами. Насъ ввели въ этотъ міровъ и размѣстили по квартирамъ. Мнѣ дали комнатку или, вѣрнѣе пещеру, своею формою напоминающую рояль. Затхлый воздухъ былъ спертъ до-нельзя, штукатурка на стѣнахъ вспузырилась отъ сырости, свѣтъ едва проникалъ въ крошечное окно безъ стеколъ. Въ комнатѣ ничего не было, кромѣ рогожи и связки луковицъ, вѣроятно забытыхъ прежнимъ жильцомъ, — и въ этой-то конурѣ мнѣ надо было жить съ тремя другими поклонниками, которые тотчасъ же разложили свои пожитки, повѣсили на гвоздь четки, вмѣсто образа, и принялись доѣдать оставленный лукъ такъ спокойно, будто вѣчно жили въ этой тюрьмѣ. Не успѣли мы оглядѣться, какъ дверь нашей кельи широко растворилась и на порогѣ показался игуменъ и съ нимъ четыре мужика съ узлами.

— Нельзя ли тутъ еще кого помѣстить? спросилъ игуменъ ломанымъ русскимъ языкомъ: — сколько васъ тутъ?

— Четверо, отозвался одинъ изъ нашихъ.

— Такъ можно еще столько же.

— Отчегожъ не можно, потѣснимся.

Въ келью ввалились новые сосѣди. Двое изъ нихъ сейчасъ же растянулись на полу спать, остальные втащили свои мѣшки и стали укладывать ихъ вдоль стѣны, безцеремонно отпихивая чужія вещи.

Душно стало; я вышелъ изъ кельи, а тутъ рядомъ сидитъ бородка и штопаетъ овчинный тулупъ. Эта бородка замѣтила видно, что мнѣ не по нраву пришлась моя комната.

— Не хотите ли, говоритъ, жить съ нами? У насъ всего трое.

— Отчего-жъ, говорю, спасибо!

— Такъ вотъ войдите тутъ рядомъ.

Я вошелъ въ сосѣднюю келью: тамъ попросторнѣе. У окна на скамейкѣ сидитъ монахъ и вяжетъ четки; въ одномъ углу на рогожѣ лежитъ кто-то въ нагольномъ тулупѣ и громко охаетъ, въ другомъ углу сложенъ въ кучу багажъ. Рѣзкій гнилой запахъ наполняетъ келью.

— Что это, спрашиваю, у васъ воздухъ-то не хорошъ?

— Воздухъ-то хорошъ, отвѣчаетъ монахъ, да самъ не придумаю откуда эта вонь.

— Вода іорданская, отозвался больной, — стоитъ тутъ у меня въ углу; двѣ недѣли назадъ привезъ, и кто ее знаетъ, что тутъ такое; только воняетъ непомѣрно *).

---

*) Вѣроятно это происходитъ отъ неряшливости, потому что кувшины, куда поклонники вливаютъ іорданскую воду, бываютъ иногда слишкомъ грязны.

— Чтожъ ты не выльешь эту воду? Вѣдь сидѣть нельзя въ комнатѣ.

— А домой-то я что повезу? Я и думалъ было вылить, да говорятъ—пройдетъ... Эхъ! прибавилъ онъ печально, — грѣшенъ я видно очень! За грѣхи караетъ Господь.

— Вотъ ужо, какъ огонь Богъ дастъ, надо трижды обвести его кругомъ головы, — все сниметъ! произнесъ монахъ будто про себя.

Силъ не стало терпѣть болѣе. Вышелъ я изъ кельи, сѣлъ на чемоданъ и горько задумался. Какъ терпѣливъ и невзыскателенъ нашъ народъ, думалъ я, что можетъ жить спокойно среди такой обстановки! Какъ же значитъ сильна вѣра этихъ людей, что заставляетъ ихъ ѣхать нѣсколько тысячъ верстъ, съ огромными трудностями въ Іерусалимъ, гдѣ греки ихъ обираютъ и запираютъ въ эти тюрьмы. Чѣмъ же вознаграждается это самоотверженіе?.. Широкій куполъ іерусалимскаго храма бросился мнѣ въ глаза и былъ бы какъ отвѣтомъ на этотъ вопросъ. — Пойду, загляну поближе въ эту жизнь поклонническую.

Оставилъ я чемоданъ у сосѣда и вышелъ изъ монастыря.

Я вошелъ въ храмъ. По всей ротондѣ его группами гуляли поклонники разныхъ націй и сектъ, между которыми рѣзко отдѣлялись типичностью своихъ костюмовъ и лицъ наши русскіе. Первое, что бросилось мнѣ въ глаза при входѣ въ храмъ, это множество грязныхъ сапоговъ и онучей, разставленныхъ въ безпорядкѣ вокругъ часовни св. гроба. Мнѣ сказали, что сейчасъ только пришла изъ Яффы партія русскихъ матросовъ и теперь поклоняется гробу. Эти матросы, разъ снявъ сапоги, уже не надѣвали ихъ потомъ во все время пребыванія своего во храмѣ и босикомъ разгуливали по холодному каменному полу храма, въ страхѣ крестясь на всѣ стороны. Они видимо не знали, куда дѣться и чему молиться. Одна старуха-поклонница, должно быть изъ бывалыхъ, замѣтила это и, измѣнивъ свою физіономію на постный ладъ, тихо подошла къ молящимся.

— Богъ сподобилъ васъ, господа честные, приложиться къ пречистому гробу своему... Не хотите ли помолиться теперь у Голгоѳы, я васъ проведу!

Матросы пошли за ней какъ за своимъ командиромъ. Я присоединился къ этой партіи и вмѣстѣ съ нею вошелъ въ греческое отдѣленіе храма. Старуха подвела насъ къ небольшой каменной тумбѣ, поставленной посреди пола, и остановилась.

— Это пупъ земной, громко проговорила она, указывая на тумбу:—тутъ, братцы мои, самая середина земли, а вокругъ этого мѣста вся вселенная и звѣзды небесныя ходятъ.

Матросы выслушали безъ возраженій и молча поцѣловали этотъ пупъ.

Отсюда поднялись мы на Голгоѳу, гдѣ старуха съ учительскимъ величіемъ разсказала намъ исторію страданій христовыхъ и указала трещину, которая появилась въ день смерти Спасителя. Вмѣстѣ съ другими и я заглянулъ въ отверстіе, нарочно сдѣланное для этого на полу, и увидѣлъ глубокую трещину. Матросы прикладывались.

— Изъ этой трещины многое множество мертвыхъ вышло на свѣтъ божій, добавила старуха, вѣроятно уже по собственнымъ соображеніямъ.

— А вотъ здѣсь кружка! неожиданно вмѣшался грекъ-монахъ, давно слѣдившій за нами, и, указавъ на эту вещь, сурово смотрѣлъ на молящихся. Солдаты подошли къ кружкѣ и ждали, что скажетъ старуха.

— Тутъ, братцы, надо деньги класть на поминъ родителей вашихъ, произнесла та со вздохомъ,—и трудовые гроши солдатскіе съ громомъ полетѣли въ кружку.

Разными переходами сошли мы внизъ, черезъ католическій отдѣлъ, и очутились въ небольшихъ притворахъ или пещерахъ съ иконами и лампадами. У одной иконы на каменномъ полу были замѣтны двѣ круглыя дыры, обнесенныя рѣшоткой. Три молодыя крестьянки стояли у этихъ дыръ на колѣняхъ; одна изъ нихъ читала вслухъ молитвенникъ.

Гуртомъ вошли мы. Поклонницы встали.

— Охъ, грѣхи наши тяжкіе! заговорила наша старуха:—здѣсь-то, братцы мои, была темница христовушкина, въ эти дырищи вставлены были его ноженьки, а рядомъ тутъ, во храминѣ, сидѣла Владычица наша и объ сынѣ плакала...

Матросы молились, но одинъ предметъ охолодилъ ихъ религіозное вниманіе: въ углу они опять замѣтили кружку и боялись, что старуха опять заговоритъ о поминѣ души; но старуха не заговорила, а монаха вблизи не случилось.

— Ну, теперь я поведу ихъ, ты ужъ довольно водила! заговорила визгливо одна изъ молившихся поклонницъ нашей старухѣ.

— Ишь ты, молода больно! молоко не обсохло на губахъ, а туда же водить!... Впрочемъ и водить-то некуда больше; мы все обошли.

Старуха врала. Ей просто не хотѣлось уступить другой права водить поклонниковъ и щеголять передъ ними своимъ знаніемъ святыни и своей бывалостью. Ея соперница проворчала что-то, потомъ отплюнулась и начала прилежно молиться.

— Кому начинать? спросила она.

— Читай ты.

— Ловка больно! я и то сорокъ три страницы не переводя духу прочла.

— Ну давай молитвенникъ, начну я: только чуръ не смѣяться, если совру что. На чемъ остановились?

— А вотъ тутъ внизу «равночисленныя»...

— «Равночисленныя бо песку пѣсни аще приносимъ ти»... и т. д.

Чтеніе началось.

Я оставилъ свою партію и пошелъ одинъ къ ротондѣ храма. Слышенъ говоръ. Группами ходитъ и сидитъ народъ. Вотъ двѣ молодицы, съ черными платками на головахъ, сидятъ на ступенькахъ храма и разговариваютъ.

— Я купила сорокъ связокъ перламутровыхъ; сама буду четки вязать.

— Эва! а у меня ужъ больше сотни связано; тридцать штукъ въ Одессу съ землякомъ послала одной благодѣтельницѣ, больно ужъ просила: если, говоритъ, не пришлешь четокъ,—въ гробъ живая лягу; ну и послала...

— А вотъ погоди, мать моя, обѣщалъ мнѣ прислать отецъ Онисимъ съ Аѳона цѣлый мѣшокъ слезокъ *) отъ матушки царицы небесной.

— Какой это Онисимъ, курскій, что ли? рыжій такой?...

— Онъ самый.

— Шутникъ же онъ, прости Господи! Знаешь ли что съ нимъ было?...

Онѣ заговорили по секрету.

Идетъ старикъ съ монахомъ, и шепчетъ старикъ таинственно:

— Видѣніе святое было, до сихъ поръ въ душѣ будто благодать какая. Самъ понять не могу...

— Прошлую ночь видѣлъ?

— Да, отче. Сижу я это на ступенькѣ, а самъ молитвы про себя читаю; народу мало... Вдругъ слышу шумъ: смотрю—вверху свѣтъ, и будто духи какіе летаютъ надъ гробомъ господнимъ. Это шумъ, я такъ понялъ, отъ вѣянія крылатаго происходилъ... Страхъ меня

---

*) Такъ называется на Аѳонѣ одно растеніе, изъ сѣмени котораго дѣлаются четки.

беретъ; Господи, говорю, почто такая милость?... Положилъ я это земной поклонъ, и — все пропало. Тутъ только я догадался, что это значитъ нечистые...

— А ты молись чаще, нечистые этого боятся. Вотъ я самъ тоже иногда видѣнія вижу, и все больше нечистые...

— Ай, батюшки, отцы святые!... завизжала толстая дѣвка, наткнувшись на лежащаго араба: — ишь растянулся, проклятый!

— Молчи ты, озорница! заговорила съ другаго конца старуха, испуганная неожиданнымъ крикомъ.—Забываешь ты, грѣховодница, мѣсто святое!

— Не ты бы говорила, праведница; знаемъ мы вашу святость! тоже пріѣхала своимъ поганымъ рыломъ гробъ христовъ цѣловать!...

И долго раздавалась русская ругань по храму.

Иду дальше. Передъ иконой стоитъ на колѣняхъ женщина въ шляпкѣ и молится усердно:

— «Не убій, не прелюбы сотвори, не укради, не пожелай жены искренняго твоего» и т. д.

Въ абиссинскомъ притворѣ стоятъ два священника въ бѣлыхъ широкихъ чалмахъ, драпированные бѣлыми простынями, накинутыми на голое тѣло. Передъ ними выстроилась толпа матросовъ и шопотомъ обсуживаетъ ихъ костюмы.

— Что-жъ тутъ дѣлаютъ эти турки? спрашиваетъ одинъ съ видимымъ недоумѣніемъ.

— Стерегутъ должно быть.

— А кресты-то кто-жъ имъ надѣлъ на шеи?

— Приказано значитъ... а впрочемъ, кто ихъ знаетъ, може и ордена какіе...

Одинъ изъ священниковъ началъ молиться. Матросы съ изумленіемъ переглянулись и стали расходиться. — Ихъ не разберешь, замѣтилъ одинъ вполголоса, — кто тутъ во Христа вѣруетъ, а кто татаринъ!

Спустился я по лѣстницѣ внизъ, въ армянскій отдѣлъ. Тамъ готовились къ службѣ. Слѣва у стѣны стоялъ монахъ, передъ нимъ четыре бабы и мужикъ. Всѣ они поочередно прикладывали ухо къ стѣнѣ и крестились. Я подошелъ; спрашиваю: что такое?

— Ничего, произнесъ монахъ, подозрительно оглядывая меня съ головы до ногъ:—это такъ... шумъ слышится...

— Души воютъ, батюшка! вмѣшалась одна женщина:—подъ этимъ мѣстомъ, сказываютъ, адъ кромѣшный, геенна огненная, слышно какъ воютъ грѣшныя души...

Въ стѣнѣ было небольшое глухое отверстіе, къ которому я приложилъ ухо и услышалъ шумъ, подобный тому, какой слышится если приложишь къ уху раковину, стаканъ или трубу пустую: то словно вѣтеръ свиснетъ, то будто ручей пробѣжитъ... Монахъ куда-то скрылся.

— Слышалъ, батюшка? спрашивали меня.

— Слышалъ, говорю.

— Спаси Господи и помилуй!

Старуха боязливо перекрестилась и опять приставила ухо. Лицо ея было блѣдно; глаза сверкали неестественнымъ блескомъ. «Вотъ, заговорила она прерывисто,— смола-то кипитъ, полымя пышетъ... Охъ, какъ плачетъ одинъ... да какъ же много васъ тутъ, родненькіе, голубчики вы мои!... Тише: должно *самъ* пришолъ, огня подбавляетъ... Ой, какъ стонутъ! не своимъ голосомъ стонутъ, за языкъ ихъ тянутъ, жилы вытягиваютъ... Господи!...» Она съ ужасомъ отшатнулась отъ стѣны и, дрожа всѣмъ тѣломъ, упала на колѣни.

— Только бы сподобилъ Господь вернуться домой!... вышлю всѣ свои денежки; накажу, чтобы поминали мою грѣшную душу... Помяни меня, Господи! Помилуй мя, Мати святая!...

Торопливо принялась она класть поклоны. Ея товарищи тоже машинально опустились на колѣни.

И этимъ доказывается общее повѣрье, что подъ Іерусалимомъ находится мѣсто вѣчнаго мученія!... Греки не всѣмъ показываютъ это адское отверстіе, а только самымъ довѣрчивымъ поклонникамъ. Но кому придется когда нибудь побывать въ Іерусалимѣ, вспомните мою статейку и опуститесь въ армянскій отдѣлъ: тамъ вы увидите многое, что заставитъ васъ призадуматься горько...

Ударили въ колоколъ у грековъ, загремѣлъ органъ у католиковъ и въ тоже время потянулась процессія армянская съ оглушительными воплями. Народъ быстро наполнялъ храмъ. Вошли и блюстители порядка: военная стража въ фесахъ, съ ружьями; предводители этой стражи вооружены кнутами. Греческіе священники подошли къ пустому сѣдалищу, на которомъ когда-то сиживалъ патріархъ іерусалимскій *), отвѣсили этому пустому мѣсту по земному поклону и потомъ уже начали службу. Толпы мѣстныхъ обывателей вваливались въ храмъ, не снимая шапокъ, и съ шумомъ напирали на стражу. Предводитель стражи съ крикомъ хлесталъ по головамъ на обѣ стороны. Визгъ, вопли, ругань и пѣніе смѣшались въ одинъ дикій хаосъ... Я вышелъ изъ храма.

—

Не хотѣлось мнѣ жить больше въ Архангельскомъ монастырѣ. Лучше, думаю, пойду за городъ, устрою себѣ палатку и заживу на вольномъ воздухѣ, подальше отъ грековъ. Но вотъ встрѣчаю я одного жидка, который очень умильно предложилъ мнѣ квартирку со столомъ въ своей гостинницѣ. Я обрадовался этой находкѣ и въ тотъ же день переселился на новоселье. Хотя гостинница своимъ устройствомъ и напоминала нѣсколько Ар-

---

*) Онъ живетъ въ Константинополѣ.

хангельскій монастырь, но все-таки было нѣсколько чище, а столъ даже имѣлъ притязаніе на комфортъ. У хозяина гостинницы была служанка, русская дѣвка, не знавшая, какими средствами выбраться ей изъ Іерусалима. Тутъ же рядомъ жила одна русская барыня, изъ старосвѣтскихъ помѣщицъ, очень набожная, у которой постояннымъ гостемъ былъ какой-то монахъ, и проводили они вмѣстѣ цѣлые дни въ духовныхъ бесѣдахъ. Съ этой помѣщицей сошелся я на другой же день за обѣдомъ. Говорили о дороговизнѣ жизненныхъ продуктовъ въ Іерусалимѣ.

— Я ужъ не рада, что и пріѣхала, говорила она между прочимъ: — ужъ пускай бы все дорого, да для души бы хоть польза была, а то нѣтъ, грѣхъ только одинъ: толкотня, суматоха, столпотвореніе; благочинія и не думай искать. Влѣзешь это ко гробу, думаешь помолиться, поплакать наединѣ, а тамъ тебя сзади за подолъ тянутъ *): выходи, дескать, давай другимъ мѣсто. Служатъ въ соборѣ греки, царскія врата отворены, а черезъ нихъ, глядишь, мальчишки бѣгаютъ, да еще въ шапкахъ... Нѣтъ, ужъ дожить бы только до Пасхи, а тамъ и домой сейчасъ. Ну ихъ къ Богу!...

— А вы ужъ побывали вездѣ въ окрестностяхъ? спросилъ я.

— Въ Виѳлеемѣ только была, сударь мой; а вотъ на дняхъ сбираюсь ѣхать къ дубу мамврійскому. Не хотите ли вмѣстѣ?

---

*) Надо замѣтить, что часовня гроба Господня до того мала, что въ ней съ трудомъ могутъ помѣститься два или три человѣка. Входятъ въ нее и выходятъ обыкновенно ползкомъ, на колѣняхъ, сквозь небольшое отверстіе въ аршинъ вышиною. Поэтому чуть кто замѣшкается въ часовнѣ, его ужъ торопятъ выходить назадъ, и богомольцы такимъ образомъ постоянно смѣняютъ одинъ другого.

— Отчего же не ѣхать, съ удовольствіемъ; только я не знаю что̀ это за дубъ такой?

— Ахъ, Господи, неужели не знаете: тотъ самый, гдѣ Троица святая была, Авраамъ-праотецъ жилъ...

— Но вѣдь этому дубу должно быть теперь болѣе трехъ тысячъ лѣтъ? Вѣдь это чудо!

— А вы, небось, чудесамъ-то не вѣрите? Вѣдь цѣло же здѣсь дерево пророка Исаіи, отчего-жъ мамврійскому не быть? Не то еще чудо, что дубъ столько лѣтъ стоитъ, а то чудо, что каждый поклонникъ отрѣзываетъ отъ этого дуба кусокъ на память. Вѣдь, кажется, въ три-то тысячи лѣтъ можно бы весь дубъ изрѣзать на щепки, а нѣтъ,—цѣлъ до сей поры. А вы еще не вѣрите, грѣхъ творите! Охъ, Господи, помилуй!...

Она при этомъ силилась выдавить изъ себя какое нибудь умиленіе; но видя, что ничего не выходитъ, спросила:

— Ума не приложу только, гдѣ-жъ тутъ осина, на которой Іуда повѣсился? Всю святыню исходила, а осины не видать.

— Здѣсь не тотъ климатъ, заговорилъ я: — осина не можетъ рости въ Іерусалимѣ.

— Такъ по вашему на чемъ же Іуда-то подавился?... Ужъ лучше бы право молчали, чѣмъ говорить такія вещи.

Она отвернулась. Монахъ, сидѣвшій до сихъ поръ молча, посмотрѣлъ на меня сурово и зашевелилъ губами.

— Вы напрасно изволите такъ разсуждать, проговорилъ онъ наконецъ, — я знаю съ достовѣрностью, что эта осина была здѣсь, но ее недавно срубили; много болѣзней, знаете, отъ нея пошло... всякіе тамъ гады... Ну и срубили. Когда дѣдъ мой былъ здѣсь, такъ видѣлъ ее своими глазами.

Я не смѣлъ болѣе возражать и разговоръ прекратился.

Скучно стало мнѣ послѣ этого разговора. Подошолъ я къ окну: передъ окномъ стоятъ кактусы, за ними сплошною массою торчатъ уродливые, плоскокрышіе домишки, налѣпленные другъ на друга; въ этихъ домишкахъ живутъ мѣстные жалкіе жители... Странный видъ имѣетъ Іерусалимъ. Надъ нимъ протекло болѣе тридцати вѣковъ и всѣ эти вѣка оставили на немъ свои отпечатки, уцѣлѣвшіе отчасти и до нашей поры. Съ каждою постройкою дома, рытьемъ канавы или цистерны, открываются въ немъ слѣды древнѣйшихъ построекъ, — роскошныхъ, не такихъ, какъ теперь; старыя монеты ходятъ по рукамъ обывателей, которые не знаютъ куда сбыть ихъ. Какой богатый и еще непочатый край для археолога! Теперь въ Іерусалимѣ существуютъ три города, построенные другъ на другѣ. Внизу, въ основаніи, лежитъ древній Іерусалимъ, похороненный и засыпанный своими развалинами; на этихъ развалинахъ стоитъ другой городъ, смѣсь стараго съ новымъ, и наконецъ на крышахъ этого построенъ третій городъ, чисто азіатскій. Такимъ образомъ существуютъ три Іерусалима: подземный, земной и надземный. Читатель вѣроятно не совсѣмъ ясно представляетъ себѣ этотъ надземный Іерусалимъ, а это дѣлается очень просто: семьянинъ-арабъ приходитъ къ какому-нибудь домовладѣльцу и проситъ позволенія построить на его крышѣ домъ; тотъ немедленно заключаетъ съ имъ условіе и постройка дома кипитъ. Гдѣ крыша широкая, тамъ часто стоитъ нѣсколько такихъ домиковъ; иногда даже втаскиваютъ туда землю и разводятъ садики. Конечно, ни одинъ хозяинъ не позволитъ занять всю крышу своего дома и оставляетъ площадку себѣ, какъ для того, чтобы имѣть открытое мѣстечко для семейнаго отдыха, такъ и для того, чтобы на этой площадкѣ могла собираться дождевая вода, откуда она проходитъ въ цистерну. Если наконецъ нѣтъ мѣста на крышахъ, или хозяева очень дорого просятъ, арабъ покупаетъ себѣ воздухъ, то есть, перекидываетъ черезъ улицу арку съ одного дома на другой и на этой аркѣ строитъ себѣ домъ. А улицы въ Іерусалимѣ до того неширокія, что если пьяный поклонникъ растянется поперегъ дороги; то онъ головою упрется въ одну стѣну, а ногами въ другую... Въ городѣ нѣтъ пустаго мѣста: все застроено, завалено, дома ростутъ на домахъ, все лѣзетъ вверхъ, другъ на друга. Храмъ св. гроба теперь стоитъ ужъ будто въ ямѣ: къ площадкѣ его надо уже спускаться по лѣстницѣ. Нынѣшній Іерусалимъ даже сдвинулся съ своего стараго мѣста ближе къ Іосафатовой долинѣ, а Сіонъ, гдѣ прежде были лучшія зданія, теперь за стѣнами города, и на немъ стоитъ только одна мечеть. Вѣроятно впослѣдствіи городская черта перенесется еще далѣе, потому что въ окрестностяхъ города предполагаются постройки въ большихъ размѣрахъ.

Отъ стараго Іерусалима уцѣлѣла хорошо только часть стѣны, сложенная безъ всякаго цемента, изъ камней исполинской толщины. Эта стѣна считается остатками соломонова храма и у нея по суботамъ собираются евреи оплакивать свое вѣчное рабство. Есть еще одна крѣпостная башня, называемая въ народѣ домомъ давидовымъ; но этотъ домъ давидовъ снизу сложенъ изъ римскихъ тесаныхъ камней, а верхъ достроенъ турками. Такъ называемый «крестный путь» весь состоитъ изъ заборовъ и домиковъ позднѣйшей постройки, а по этому пути и теперь еще водятъ поклонниковъ и указываютъ имъ разныя святыни, какъ-то: ямку къ стѣнѣ, которую будто бы сдѣлалъ Спаситель, задѣвъ ее нечаянно крестомъ; арку, извѣстную подъ именемъ «Ecce homo!», на которой живетъ какой-то раввинъ, и двѣ впадины на плитахъ, среди улицы: на одной изъ нихъ, по толкованію бывалыхъ, упалъ Спаситель отъ тяжести креста, а на другой Богоматерь, и плиты, дескать, не вынесли тяжести божеской,—погнулись.

Интересно обойти стѣны іерусалимскія. Онѣ сложены изъ камней разныхъ народностей, имѣвшихъ вліяніе на судьбу города: тутъ есть и циклопическіе камни, и еврейскіе, и римскіе, и турецкіе; гдѣ видѣнъ простой кирпичъ, гдѣ осколокъ колонны или барельефа, а гдѣ просто замазано глиной.

Мало является сюда охотниковъ изучать древности іерусалимскія, потому что мало пріѣзжаетъ ученыхъ, а если и пріѣзжаютъ эти ученые, то для цѣлей поклонническихъ. А какъ часто очень обыкновенные случаи наводятъ здѣсь на открытія. Въ мое время, когда рыли фундаментъ для нашего консульскаго дома, откопали часть старинной стѣны, слѣдовъ которой давно уже искали археологи. При постройкѣ одного дома отрыли рядъ большихъ колоннъ, даже подземный каналъ на значительной глубинѣ. Какой-то англичанинъ захотѣлъ изслѣдовать этотъ каналъ, спустилъ туда лодку, поѣхалъ, но не воротился... Много рѣдкостей также открылось въ то время, когда стали вывозить за городъ груды мусора, хранившіяся до того въ подвалахъ и чуланахъ... *).

Эти-то древности и привлекательны для насъ: онѣ то и собираютъ сюда тысячи поклонниковъ, потому что напоминаютъ имъ о тѣхъ религіозныхъ событіяхъ, предъ которыми міръ благоговѣетъ. Какъ же, значитъ, безсовѣстны тѣ толкователи, которые, пользуясь невѣжествомъ массы, объясняютъ ей всѣ событія святой старины на нынѣшнемъ Іерусалимѣ и заставляютъ благоговѣть передъ камнями, заборами и домами новѣйшей работы!

Нынѣшній Іерусалимъ самъ по себѣ слишкомъ непривлекателенъ. Онъ напоминаетъ груду плѣсени, покрывшей обломки старины, и въ этой грудѣ роятся десятки тысячъ жидовъ, арабовъ, турокъ и грековъ,—грязныхъ,

---

*) Прежде въ Іерусалимѣ былъ законъ для христіанъ: «не выносить изъ избы сора» — не въ переносномъ, а въ буквальномъ смыслѣ.

невѣжественныхъ. Въ городѣ почти нѣтъ никакой торговли, хлѣбъ не ростетъ въ его окрестностяхъ; казалось, голодъ и ядовитый климатъ должны бы давно выморить все здѣшнее населеніе,—но городъ такъ счастливо обставился, что деньги идутъ къ нему сами. Бѣдное поклонничество несетъ сюда свои послѣдніе гроши и кормитъ эту безплодную массу празднаго народа.

Одна изъ самыхъ отвратительныхъ особенностей іерусалимскаго населенія—это прокаженные, которыхъ въ немъ до сихъ поръ считается нѣсколько сотъ человѣкъ. Эти прокаженные составляютъ въ немъ отдѣльное гніющее общество и живутъ въ особомъ кварталѣ, куда не смѣетъ заглянуть ни одинъ здоровый человѣкъ. Много слышалъ я прежде объ этой страшной болѣзни Палестины, но не думалъ, что она такъ ужасна, какъ на самомъ дѣлѣ. Больные теряютъ пальцы на рукахъ и ногахъ; ихъ носъ, а иногда глаза проваливаются, голосъ пропадаетъ, все тѣло коробится и покрывается гніющими наростами, которые потомъ остаются на всю жизнь. И эти несчастные, всѣми отверженные, ведутъ въ своемъ кварталѣ грустную жизнь, безъ надежды пристать когда нибудь къ человѣчеству: всѣ съ ужасомъ бѣгутъ отъ прокаженнаго, гонятъ его и отворачиваются отъ его безобразія, которое не можетъ внушить даже участія. Предоставленные собственному произволу, они поневолѣ сходятся между собой, женятся, выходятъ замужъ и такимъ образомъ размножаютъ свое гнилое племя. Дѣти прокаженныхъ до семи лѣтъ ничѣмъ не отличаются отъ здоровыхъ дѣтей, но съ этого возраста болѣзнь начинаетъ обнаруживаться прежде всего въ пальцахъ, и къ тридцатому году окончательно превращаетъ ихъ въ живые трупы. Послѣ этихъ двадцати-трехлѣтнихъ страданій, убивающихъ лучшіе годы больного, онъ уже не чувствуетъ въ ранахъ особенной боли и доживаетъ вѣкъ свой спокойно. Проказа, говорятъ, такъ заразительна, что здоровый человѣкъ можетъ захворать отъ одного прикосновенія прокаженнаго, и тогда уже нѣтъ средствъ излѣчить его: медицина ничѣмъ не поможетъ этой еще неразгаданной болѣзни. Одинъ англичанинъ хотѣлъ было заняться изслѣдованіемъ проказы, но заразился самъ; съ нимъ повторились всѣ симптомы болѣзни, и послѣ долгаго и напраснаго лѣченья, онъ прожилъ затворникомъ до самой смерти. Турки особенно часто заражаются проказой, потому-что, вѣря въ неизбѣжность предопредѣленія, они допускаютъ нѣкоторыхъ прокаженныхъ въ свои мечети и собранія. Я видѣлъ самъ одного прокаженнаго въ лавкѣ, за выручкой.

И странно: эти живые трупы имѣютъ еще свою исторію. Они производятъ свой родъ отъ слуги пророка Елисея, Гіэзія, наказаннаго проказой за воровство, и гордятся древностью своего племени... Вѣроятно они отъ всей души ненавидятъ здоровыхъ людей, потому что съ яростью бросаются на нихъ, если имъ откажутъ въ подаяніи.

Но довольно объ этихъ страдальцахъ. Пусть существованіе ихъ будетъ упрекомъ турецкому правительству, которое не слѣдитъ за развитіемъ этой язвы въ своей землѣ и позволяетъ больнымъ даже плодить свое гнилое племя... А изъ Россіи между тѣмъ шлютъ въ Іерусалимъ деньги на улучшеніе быта прокаженныхъ. Воображаютъ наивно, что здѣсь есть для нихъ больницы или богадѣльни...

— Не надо ли вамъ святого масла? спросила помѣщица, заглянувъ въ мою комнату: — я вамъ могу уступить немного.

— А у васъ какое есть?

— Разное. Есть святогробское, виѳлеемское, геѳсиманское, отъ Голгоѳы... Вотъ вчера у меня поясница болѣла; я, по совѣту отца Поликарпа, сотворила молитву и вытерлась съ вѣрою, и чтоже? сегодня какъ рукой сняло. Не явное ли чудо!

— А вы какимъ масломъ терлись?

— Виѳлеемскимъ, кажется.

— Ну, такъ дайте мнѣ виѳлеемскаго.

Помѣщица вышла, долго возилась въ сосѣдней комнатѣ и наконецъ вернулась съ озабоченнымъ видомъ.

— Вотъ вѣдь грѣхъ-то вышелъ, сказала она:—позабыла я вчера сдѣлать надписи на пузырькахъ, а теперь и не разберу, которое виѳлеемское? Вы повремените пожалуйста! я ужо спрошу у отца Поликарпа.

— Дѣлать нечего, надо подождать, отвѣчалъ я.

Она удалилась, явно досадуя на свою разсѣянность. Я пошелъ прогуляться.

Полдень. Душно какъ въ пеклѣ. На главныхъ улицахъ давка непроходимая. Поярковыя шляпы, чалмы, фесы и шапки торчатъ передъ лавками, гдѣ развѣшаны разноцвѣтныя четки, кресты и флаконы съ розовымъ масломъ. Среди этой давки медленно движутся верблюды съ тяжелыми вьюками, ослы съ ящиками по бокамъ, налитыми жидкою грязью, которая расплескивается по обѣ стороны на народъ. Гудитъ глухой говоръ, слышатся десятки нарѣчій, но рѣзче всѣхъ выдѣляется изъ этого хаоса крикливая, пересыпчатая брань, привычная только для русскаго уха. То двѣ поклонницы столкнулись у лавки и спорятъ за право владѣнія большимъ деревяннымъ крестомъ, вырывая его изъ рукъ въ руки и не жалѣя при этомъ тѣхъ патріотическихъ словъ, которыя чаще всего раздаются у насъ на улицахъ. Послѣ крупной перебранки обѣ онѣ вцѣпляются другъ другу въ косы и идутъ судиться къ консулу въ сопровожденіи хозяина со сломаннымъ крестомъ и длинной толпы зѣвакъ.

Душно какъ въ пеклѣ. На площадкѣ передъ храмомъ въ нѣсколько рядовъ сидятъ арабы-виѳлеемиты, и передъ ними на платкахъ разсыпаны грудами перламутровыя иконки, крестики, коробки и брошки. Между рядами ходятъ толпами покупатели. Картина оживленная. Я пошелъ вдоль, остановился у одного стараго араба и просилъ его показать свои издѣлія.

— А, московъ! хорошій человѣкъ! весело заговорилъ онъ, разсчитывая на вѣрный барышъ: — купи, бачка; у меня есть хорошіе боги!

Онъ вынулъ изъ-за пазухи грязный холщевой мѣшокъ и высыпалъ оттуда нѣсколько перламутровыхъ иконокъ сносной работы.

— Вотъ успенье купи... А вотъ крестъ изъ маслички: какъ надѣнешь на грудь, — воды не бойся, никогда не потонешь. А это четки, хорошія четки, дай женѣ надѣвать, чтобы родила, чтобы дѣтки были...

Онъ подалъ мнѣ четки изъ верблюжьей кости.

— Здравствуйте, господинъ честной! послышалось сзади меня.

Я оглянулся: передо мной стояла одна изъ тѣхъ женщинъ, съ которыми я ѣхалъ изъ Яффы. Съ нею была еще какая-то молодица.

— Что вы тутъ покупаете? спросила она меня.

— Да вотъ, говорю, хочу посмотрѣть иконки.

— Все дрянь такая, что и смотрѣть нечего: работа никуда не годится. Вотъ возьмите пожалуй это, прибавила она, показывая мнѣ черную иконку изъ носороговой кости: — отъ змѣй помогаетъ.

— Кчему же? У насъ на Руси змѣй немного; какъ нибудь и безъ этого обойдемся.

— А неровенъ часъ! въ Іерусалимѣ быть и такой благодати не взять! Чтожъ люди-то скажутъ? Что стоитъ? громко спросила она у араба *).

---

*) Многіе изъ нашихъ поклонниковъ, когда говорятъ съ ара-

— Два карбованца, отвѣчалъ старикъ, показывая ей два пальца.

— Ахъ ты старый хрѣнъ! Мы тысячу верстъ проѣхали, а ты насъ грабить вздумалъ? Хочешь тридцать копѣекъ?

— Одна карбованца.

Старикъ показалъ одинъ палецъ.

— Врешь ты, сычъ... А что, вы ужъ много накупили здѣсь святыхъ-то вещей? спросила она вдругъ меня.

— Нѣтъ еще.

— Не хотите ли у меня взять что-нибудь? Я уступлю. У меня и грамотка есть, даже саванъ достала.

— Какая это грамотка?

— Въ патріархіи раздаютъ, чтобы класть въ гробъ мертвымъ. Это просто находка для бѣдныхъ людей. Саванъ не всякой купить можетъ, а грамотка стоитъ недорого. Благодать-то одна у обоихъ: кому въ гробъ положишь, всѣ грѣхи простятся.

— Гдѣ же грамотку достать можно? спросила сосѣдка.

— А у тебя тоже нѣтъ?

— Давно бы взяла, да что-то страшно: неравно сама помрешь.

Въ это время къ намъ подошли два мужика въ овчинныхъ тулупахъ и мѣховыхъ шапкахъ. По краснымъ лицамъ ихъ и голой груди текли ручьи пота; водкой разило за десять шаговъ. Одинъ изъ нихъ держалъ въ рукѣ два креста; изъ кармана другаго болтались четки разныхъ сортовъ.

— А что, Степанида Ѳедоровна, чортъ те дери! сказалъ одинъ изъ нихъ моей собесѣдницѣ, съ ухарскимъ

бами, кричатъ во все горло, какъ съ глухими, воображая, что они не понимаютъ потому, что не слышатъ.

самодовольствомъ ударивъ ее по плечу: — пойдешь ты завтра съ нами въ лазаретъ?

— Отвяжись ты, безстыжая твоя рожа; ишь натрескался!

— Да нѣтъ, ты говори толкомъ, пойдешь съ нами, аль нѣту? Мы въ лазаретъ идемъ.

— Больны что ли? спросилъ я.

— Нѣтъ, Богъ милуетъ, здоровы.

— Чтожъ вы будете дѣлать въ лазаретѣ?

— Молиться будемъ. Всѣ туда ходятъ и мы пойдемъ.

— Да тожъ въ Назаретъ ходятъ.

— Все одно, какъ ни назови; сватыня-то отъ того не перемѣнится. Такъ ли я говорю, Степанида Ѳедоровна?

— Убирайся...

— Ишь ты какая, не лыкомъ шитая!.. Нѣтъ, я заставлю те, барыня, говорить поласковѣе. Пойдешь, говори, аль нѣтъ?

И онъ сталъ дерзко приставать къ ней съ какими-то намеками. Я отошолъ. Стыдно стало...

Можетъ-быть читателю покажется страннымъ, что я вывожу поклонниковъ съ такой грязной стороны, неприличной святому мѣсту; но чтоже дѣлать, если это все— факты, рѣзко бросающіеся въ глаза? Мнѣ кажется, что изъ всей массы русскихъ поклонниковъ, пріѣзжающихъ въ Іерусалимъ на пасху, только можетъ-быть восьмая часть пріѣзжаетъ по чисто-религіознымъ побужденіямъ; остальные являются сюда или для закупки священныхъ вещей, или для большаго вѣса въ обществѣ, или наконецъ чтобы прокатиться и убить время. Большинство нашихъ поклонниковъ составляютъ женщины, и притомъ не простыя женщины, а имѣющія уже самостоятельный взглядъ на религію, успѣвшія уже обойти всѣ русскія святыни, и потому проникнутыя нѣкоторымъ педантствомъ. Эти женщины по большой части принадлежатъ къ тому классу вѣчно-странствующихъ богомолокъ, которыхъ сотнями встрѣчаемъ мы на нашихъ большихъ дорогахъ съ котомками за плечами, съ посохами въ рукахъ; безъ которыхъ не обойдется ни одинъ монастырскій праздникъ. Между ними есть и порченыя, и кликуши, и юродивыя; всѣ онѣ и одѣты какъ-то одинаково, даже лицомъ походятъ другъ на друга, будто кто нарочно подбиралъ ихъ по одной мѣркѣ. Густо наводняютъ онѣ Іерусалимъ въ поклонническое время *), въ полной увѣренности, что это прославленное имя прокормитъ ихъ потомъ въ Россіи и дастъ почетное мѣсто между богомольцами разныхъ сортовъ. Конечно, встрѣчаются между ними и простыя деревенскія бабы, помѣщицы, чиновницы, вѣрующія по простотѣ душевной, что въ Іерусалимѣ можно отговѣть какъ слѣдуетъ и замолить старые грѣхи,—но этихъ немного, да и тѣ большею частью путешествуютъ подъ покровительствомъ хожалыхъ странницъ и монахинь. Нѣкоторыя изъ этихъ пресловутыхъ хожалокъ каждый годъ являются въ Іерусалимъ, и каждый годъ приводятъ съ собою новыя партіи богомольцевъ... Ходитъ хожалка изъ села въ село, изъ монастыря въ монастырь, разсказывая о видѣнныхъ и слышанныхъ въ Іерусалимѣ диковинкахъ, и идутъ за разсказчицей простодушные слушатели, бросивъ свои работы и собравъ свои послѣдніе гроши. Хожалка условливается съ ними въ платѣ за хлопоты и везетъ по знакомой дорожкѣ. У ней вездѣ есть свои благодѣтели: въ Одессѣ, Цареградѣ, Яффѣ, при помощи которыхъ она легко, съ своей партіей, достигаетъ Іерусалима. Зато какой почетъ бываетъ ей здѣсь отъ грековъ, съ какимъ благоговѣніемъ смотрятъ на нее ея подчиненные! И поведетъ потомъ она ихъ по городу, толкуя все и вкривь и вкось.

Есть еще въ Іерусалимѣ особый разрядъ богомолокъ,

---

*) Поклонническимъ временемъ въ Іерусалимѣ называется промежутокъ отъ Воздвиженья св. креста до Пасхи.

почтенныхъ и богатыхъ, пользующихся всеобщимъ уваженіемъ, предъ которыми смиренно преклоняются всѣ монахи, и только немногіе изъ нихъ, болѣе крупнаго ранга, позволяютъ съ ними маленькую фамильярность. Такія богомолки остаются еще долго послѣ Пасхи, а иногда живутъ здѣсь по нѣскольку лѣтъ. Имъ конечно не хочется потерять такое почетное положеніе и ѣхать въ Россію, гдѣ онѣ вѣроятно исчезнутъ въ толпѣ ханжей. Время своего житія въ божьемъ городѣ онѣ проводятъ въ молитвахъ и разныхъ благотвореніяхъ, о которыхъ потомъ сами же благовѣстятъ по всему міру. Онѣ посѣщаютъ больницы, сочиняютъ духовные гимны, одна изъ нихъ даже устроила школу, въ которой учитъ арабокъ и гречанокъ русской грамотѣ по часослову и псалтырю. Эта школа очень походитъ на дѣтскій монастырь, въ которомъ всѣ обряды ученія окружены разными религіозными церемоніями. Двѣ маленькія мусульманки, обучающіяся въ этомъ монастырѣ, тоже вполнѣ подчиняются его уставу, и вмѣстѣ съ прочими смиренно цѣлуютъ руки монахамъ, посѣщающимъ школу.

Изъ мужчинъ, пріѣзжающихъ въ Іерусалимъ, большинство принадлежитъ монахамъ съ Аѳона и съ разныхъ концовъ Россіи. Меньшинство составляютъ инвалиды, крестьяне, мѣщане и изрѣдка помѣщики. Мужчины смотрятъ на все какъ-то солиднѣе чѣмъ бабы, но между тѣми и другими существуетъ полная дружба.

Странны бываютъ первыя впечатлѣнія новичка-поклонника въ Іерусалимѣ. Еще на родинѣ онъ представляетъ себѣ Іерусалимъ какимъ-то духовнымъ раемъ, исполненнымъ безконечной благодати божіей, и потому, отправляясь въ далекое странствіе, онъ заранѣе готовится къ подвигамъ покаянія, надѣясь на св. гробѣ замолить свои грѣхи не только прошлые, но и будущіе. И вотъ онъ первое время ходитъ какъ шальной, съ умиленьемъ крестится на всѣ стороны, и со страхомъ обходитъ каждый камушекъ, боясь наступить на какую-нибудь святыню. Въ патріархіи все еще сначала поддерживается это благоговѣйное настроеніе: за нимъ ухаживаютъ, умываютъ ему ноги, принимаютъ отъ него разныя вещицы, которыя онъ привозитъ въ даръ, помня, что православіе угнетено на востокѣ (а эти вещицы греки послѣ не знаютъ куда и дѣвать, чтобы не оскорбить жертвователя; они не смѣютъ признаться, что святогробская ризница и безъ того ломится отъ множества приношеній изъ русскаго золота и серебра). Но послѣ непредвидѣннаго сбора денегъ у него половина умиленія пропадаетъ. Потомъ ведутъ его въ храмъ, гдѣ его непріятно удивляетъ грязная обстановка, недостатокъ благоговѣнія къ святынѣ въ мѣстныхъ жителяхъ, а главное—зловоніе, наполняющее храмъ *); кромѣ того онъ видитъ, что сами греки слишкомъ безцеремонно обращаются со святыней и въ службѣ ихъ нѣтъ того благочинія, къ которому онъ привыкъ въ Россіи... Все это замѣтно начинаетъ охлаждать поклонника, тѣмъ болѣе что онъ ожидалъ впечатлѣній сильныхъ, трогательныхъ. Затѣмъ его вводятъ въ кругъ земляковъ-поклонниковъ, которые уже сжились съ мѣстомъ и смотрятъ на все такъ же спокойно, какъ на свою собственность; здѣсь онъ видитъ жизнь очень обыкновенную и окончательно свыкается съ мыслью, что въ Іерусалимѣ можно жить, какъ и во всякомъ другомъ городѣ. Поживши нѣсколько недѣль, онъ уже начинаетъ расправлять крылышки, почуявъ, что теперь онъ вольная птица, и пойдетъ погуливать, заводить интрижки и обсчитывать мѣстныхъ жителей нехуже другихъ. Такимъ образомъ онъ поведетъ жизнь совершенно иначе чѣмъ думалъ прежде.

---

*) Воздухъ портится въ храмѣ отъ того, что поклонники часто ночуютъ въ немъ. Притомъ въ самомъ же храмѣ устроены и отхожія мѣста.

Простота нравовъ и чувство общей свободы быстро сближаетъ поклонниковъ. Сначала между ними бываетъ еще силенъ духъ разныхъ партій, кипятъ сплетни и ссоры, но потомъ понемногу они сходятся въ одну семью, въ одну праздничную коммуну, въ которой всѣ религіозныя чувства уже на второмъ планѣ (я говорю о большинствѣ), и если въ эту коммуну вступитъ новичекъ, то онъ удивится, какъ безцеремонно его земляки обращаются съ предметами всеобщаго поклоненія. Поклонники и поклонницы сближаются между собою весьма быстро и нравственность между ними не особенно процвѣтаетъ. Особенно хороши бываютъ страннические ночлеги на пути къ Іордану и Назарету, гдѣ ночуютъ подъ сводомъ небеснымъ въ свалку всѣ полы и возрасты. Послѣ каждаго подобнаго странствія, отъ поклонниковъ поступаетъ къ консулу многое множество самыхъ грязныхъ жалобъ, о которыхъ тотъ не знаетъ какъ и доносить высшему начальству, потому что слишкомъ неприлично передавать эти жалобы на бумагѣ... И все это совершается въ великомъ посту, когда въ городъ съѣзжаются тысячи посторонняго народа; совершается гласно передъ глазами всевозможныхъ національностей, такъ какъ русскій человѣкъ по природѣ не любитъ стѣсняться и ухарски дѣлаетъ по своему, хотя бы на него глядѣли сотни глазъ. Особенно рѣзко все это бросается въ глаза мѣстнымъ арабамъ, вѣчно трезвымъ и сохраняющимъ въ семейныхъ отношеніяхъ самую строгую нравственность. Помню я, какъ однажды арабы, отливая водою пьянаго мужика, растянувшагося среди улицы, не хотѣли вѣрить, что «московъ» омертвѣлъ отъ водки, а не отъ болѣзни. Въ одной изъ іерусалимскихъ улицъ на поклонническое время открывается кофейня, нарочно устроенная для русскихъ, гдѣ аракъ продаютъ уже не рюмочками, какъ обыкновенно, а стаканами, и гдѣ часто собираются наши пьяницы, щеголяя передъ греками и арабами своимъ умѣньемъ пить. Изъ этой кофейни турецкая стража иногда приводитъ къ консулу обезумѣвшихъ отъ арака представителей русскаго благочестія, а консулъ, видя, наконецъ, что не помогаютъ никакія увѣщанія, устроилъ недавно для подобныхъ гостей особый чуланъ, называемый у поклонниковъ «чуланомъ покаянія». Видно безъ водки да безъ будки трудно обойтись русскому страннику.

Впрочемъ теперь все еще стало лучше, когда консулы стали строже наблюдать за поклонниками и отдѣлили мужчинъ отъ женщинъ въ зданіяхъ новаго монастыря, устроеннаго для помѣщенія русскихъ богомольцевъ.

Въ самомъ дѣлѣ, плохо подчасъ приходится нашимъ поклонникамъ въ Іерусалимѣ. Они не привыкли къ этимъ вѣчнымъ поборамъ; не могутъ свыкнуться съ мыслью, что здѣсь перекреститься нельзя, не заплативши извѣстной платы. Большинство богомольцевъ—люди небогатые, и потому для нихъ тяжелы эти условія; но приходятъ часто въ Іерусалимъ такіе бѣдняки, у которыхъ гроша нѣтъ за душой, и ихъ-то житье—горе горькое: греки не любятъ такихъ. Съ вѣчными мольбами, гдѣ даромъ, гдѣ за половинную плату, они добираются таки до Яффы. Здѣсь консулъ, по заведенному порядку, отбираетъ у нихъ послѣднія деньги, чтобы пароходному обществу не пришлось везти ихъ даромъ обратно, и нищіе духомъ и карманомъ, являются они въ городъ божій въ лохмотьяхъ, часто босые, и все время живутъ подаяньемъ. Богъ-знаетъ, что влечетъ этихъ людей нищенствовать въ Іерусалимъ, гдѣ и безъ того многое множество нищихъ. Или думаютъ они, что и здѣсь можно прожить однимъ странничествомъ, какъ въ Россіи? Или думаютъ они впослѣдствіи улучшить свое состояніе, примѣшивая къ своимъ разсказамъ святое имя Іерусалима?..

Горько отзовется Іерусалимъ и зажиточнымъ поклонникамъ: за ними уже черезчуръ ухаживаютъ греки, невыпуская ихъ изъ виду, пока не вытянутъ достаточную кучку золота. Удивился я, увидѣвъ однажды, какъ два монаха вели подъ руки мужика безъ шапки, въ овчинномъ тулупѣ, который что-то бойко размахивалъ руками. Спрашиваю сосѣда объяснить значеніе этой церемоніи. «А это монахи пронюхали, что у мужика въ поясѣ много золота спрятано, отвѣчалъ мнѣ сосѣдъ; ну и водятъ его по святынямъ: поведутъ его слушать какъ воютъ души въ аду, подарятъ ему саванъ, грамотку, можетъ икону какую, наговорятъ три короба душеспасительныхъ словъ,—ну и отдастъ онъ имъ свое золото, которое копилъ можетъ быть втеченіи многихъ трудовыхъ лѣтъ.»

И пойдетъ онъ потомъ трубить по городамъ и селамъ, какія видѣнія видѣлъ въ Іерусалимѣ, слышалъ вой грѣшниковъ, ѣлъ огонь святой; покажетъ щепочки отъ гроба Господня, землю съ горы Голгоѳы, и никто потомъ не увѣритъ народъ, что гробъ Христовъ и Голгоѳа — каменные...

Право сердце обливается жолчью, какъ подумаешь, что русскій поклонникъ находитъ въ Іерусалимѣ полную опору своему суевѣрію и выноситъ изъ него нелѣпыя понятія и разсказы, которые потомъ всею тяжестью отзовутся на нашемъ довѣрчивомъ народѣ. Предоставленные самимъ себѣ или подъ вліяніемъ ханжей, измѣривающихъ вершками впадины и дыры іерусалимскія, поклонники толкуютъ всю религіозную внѣшность *по-своему*, подгоняя ее подъ мѣрку своихъ старыхъ вѣрованій. Эти люди скорѣе откажутся отъ того, что видятъ своими глазами, нежели отъ этихъ вѣрованій, къ которымъ они привыкли съ малолѣтства; и напротивъ, съ любовью вѣрятъ всему, что подходитъ къ ихъ религіозному складу. И нѣтъ никого, кто бы *умѣючи* объяснилъ имъ значеніе и исторію іерусалимской святыни, отдѣлилъ бы въ ихъ понятіяхъ истину отъ суевѣрія и предразсудковъ, которые греки сильнѣе стараются развивать въ народѣ, чтобы подѣйствовать на его щедрость.... А вѣдь огромную роль играютъ въ нашемъ простонародіи эти странники, бывшіе за моремъ, видѣвшіе гробъ Христовъ, — и съ напряженнымъ вниманіемъ слушаетъ народъ ихъ рѣчи, вѣритъ каждому слову. Помню я одинъ случай, рѣзко выражающій то благоговѣніе, съ какимъ смотритъ народъ на поклонниковъ св. гроба. Я былъ въ одномъ семействѣ, гдѣ всѣ собрались около захожаго странника и слушали его разсказы объ Іерусалимѣ. Въ это время вошла въ комнату старуха-служанка, и узнавъ въ чемъ дѣло и кого она видитъ, молча подошла къ страннику, положила передъ нимъ три земные поклона и поцѣловала грязную подошву его сапога: — «ты дескать этой подошвой попиралъ святую землю!» Какая значитъ громадная сила въ рукахъ этихъ странниковъ! какъ много могутъ они повредить и принести пользы народной религіи!...

Главное, что привлекаетъ въ Іерусалимъ большинство поклонниковъ, это церемонія священнаго огня, которая совершается здѣсь въ полдень великой субботы. Дѣйствительно, эта картина такъ оригинальна, такъ эфектна, что собственно для нея можно съѣздить въ Іерусалимъ. До десячи тысячъ народа втиснулось въ этотъ день въ храмъ; вездѣ, гдѣ только была возможность помѣститься: въ стѣнахъ между колонами, на особо устроенныхъ подмосткахъ, въ скважинахъ купола, на карнизахъ, буквально все было залито сплошною массою поклонниковъ. Я взгромоздился на иконостасъ, гдѣ тоже уже стояла порядочная толпа, и оттуда могъ видѣть все какъ на ладони. Въ храмѣ нѣтъ ни одного огонька, но у каждаго изъ присутствующихъ въ рукахъ наготовѣ пукъ изъ 33 свѣчей или фитилей, въ память 33-лѣтней жизни Спасителя. Народъ шумитъ и толкается; стража бьетъ кнутами направо и налѣво, и въ этой давкѣ вдругъ арабы начинаютъ свои священныя пляски вокругъ часовни св. гроба съ хоругвями и крестами. Неистово хлещетъ ихъ стража, бьютъ ихъ сбитые съ ногъ богомольцы, но подъ градомъ ударовъ, съ дикими воплями ломятся арабы по головамъ толпы, опрокидывая встрѣчныхъ, и ничто не въ состояніи остановить этихъ плясокъ, безъ которыхъ, по словамъ арабовъ, св. огонь не сойдетъ на землю. Измученные, избитые, съ пѣною у рта, они тогда только умолкаютъ, когда патріаршій намѣстникъ двинется съ процесіей къ часовнѣ. А на дверяхъ часовни лежитъ семь печатей; подлѣ нея сильная мусульманская стража. Трижды обходитъ намѣстникъ часовню, потомъ приближается къ дверямъ, сламываетъ печати и входитъ внутрь одинъ съ своимъ послушникомъ, который несетъ за нимъ незажженную лампаду и пукъ ваты. Дверь за ними затворяется плотно. На минуту толпа стихаетъ; всѣ ждутъ... И вотъ показывается огонь въ боковыхъ отверстіяхъ часовни, нарочно сдѣланныхъ для этой цѣли, и съ крикомъ привѣтствуетъ народъ огонь. Всѣ рвутся впередъ, чтобы зажечь свои свѣчи изъ первыхъ рукъ; въ тоже мгновеніе ударяютъ въ колокола и била чугунныя. Громъ раздается въ воздухѣ. Огонь быстро разливается по всему храму, на нитяхъ подымается въ верхніе слои народа, зажигаются лампады, свѣчи и паникадила; въ нѣсколько минутъ весь храмъ превращается въ массу пламени,— и тутъ-то начинается невиданная картина. Арабы, съ неистовыми криками, снова начинаютъ свои пляски, махая пуками пылающихъ свѣчей. Всѣ приходятъ въ религіозный экстазъ: цѣлуютъ огонь, глотаютъ огонь, жгутъ себя этимъ огнемъ, вѣря, что онъ не жжотся и предохраняетъ отъ болѣзней. Я видѣлъ молодую арабку: она медленно водила огнемъ по обнаженной груди, и изъ глазъ ея, поднятыхъ къ небу, текли слезы. Видѣлъ какъ многіе жгли себѣ шею, руки, водили огнемъ вокругъ головы, пока не начинали дымиться волосы... Всѣ обнимались, цаловались въ плечи,—и потомъ опять пляска, бѣшеная пляска съ факелами, съ криками, пѣснями, кривляньями. Дымъ отъ пылающихъ свѣчей охватилъ всю эту массу и столбами повалилъ изъ дверей и оконъ храма. Людей не стало видно, но сквозь густую массу дыма мелькало только вокругъ нѣсколько тысячъ огней прыгающихъ, летающихъ, пляшущихъ при громѣ трезвона и при оглушительныхъ вопляхъ народа. Невозможно представить себѣ поражающаго эфекта этой картины; но она была бы кажется еще эфектнѣе, еслибы совершалась ночью: дневной свѣтъ ослабляетъ впечатлѣніе.

Когда я вышелъ изъ храма, у меня въ ушахъ еще долго отдавался шумъ; въ глазахъ мелькали искры.

По народному повѣрью, священный огонь нельзя задувать или заливать какъ обыкновенный, а надо тушить его объ свое тѣло. Этотъ обрядъ арабы и даже нѣкоторые поклонники исполняютъ съ полнымъ самоотверженіемъ. Они ударяютъ всей массой огня въ лобъ, въ щеку или грудь, и такимъ образомъ тушатъ его. Иные даже весь пукъ огня втискиваютъ въ ротъ и проглатываютъ огонь. Многіе выносятъ огонь съ собою по домамъ и зажигаютъ имъ свои лампады и очаги; а наши поклонницы стараются даже довезти его до Россіи. На обратномъ пути, на пароходѣ, я видѣлъ одну женщину, которая везла святой огонь въ особо устроенномъ фонарѣ, и помню ея отчаяніе, когда этотъ огонь во время бури захлестнуло водою.

Въ день католической пасхи церемонія св. огня повторяется, но только съ меньшею торжественностью. Католики явно высѣкаютъ огонь на св. гробѣ, и потому у нихъ нѣтъ такой таинственной обстановки, какъ у грековъ. А мнѣ кажется, что только эта таинственная обстановка и удерживаетъ многихъ арабовъ въ православіи.

Пасхальная служба прошла очень церемоніально, хотя тоже не обошлось безъ суматохи и драки, неизбѣжной при такомъ множествѣ богомольцевъ. Замѣчательна въ этотъ день иллюминація храма разноцвѣтными шкаликами, устроенная съ большимъ вкусомъ. При первомъ пѣніи: «Христосъ воскресе», опять забили въ колокола́ и била чугунныя, и въ тотъ же моментъ всѣ хоругви, стоявшія вокругъ часовни св. гроба, завертѣлись и запрыгали, изображая тѣмъ духовную радость силъ небесныхъ, невидимо присутствовавшихъ въ храмѣ. Служба продолжалась около четырехъ часовъ.

Поклонники, въ первый же день пасхи (а нѣкоторые даже наканунѣ), огромными партіями тронулись въ Яффу, увозя съ собою огромныя бутыли св. масла и воды іорданской, кипы четокъ и иконъ, раковины и куски мамврійскаго дуба, которые потомъ они будутъ выгодно сбывать въ народѣ. Іерусалимъ опустѣлъ и принялъ свой азіятскій оттѣнокъ. Спустя недѣлю я прошолся опять по главнымъ улицамъ города и удивила меня его мертвая пустота, которая рѣзко бросилась въ глаза послѣ той оживленной толкотни, какую я привыкъ въ немъ видѣть въ великомъ посту. Лавки не то отперты, не то закрыты; на прилавкахъ кое-гдѣ сидятъ полунагіе арабы и както сонно поглядываютъ на прохожаго; изрѣдка проходятъ ослы и верблюды,—все еле движется, и всѣмъ, какъ видно, скука страшная. На площади передъ храмомъ ни души; въ храмѣ идетъ служба и человѣкъ пять молча прислушиваются, какъ пѣвецъ вытягиваетъ сквозь носъ свои плакучія ноты. На бѣду подулъ ядовитый хамсинъ и своимъ огненнымъ дыханіемъ опалилъ зазеленѣвшія окрестности; въ воздухѣ мгла, солнце какъ кровавое пятно торчитъ на небѣ безъ лучей; даже стрижи, любители іерусалимскихъ зданій, и тѣ куда-то подѣвались...

Душно и скучно жить въ Іерусалимѣ послѣ поклонническаго времени. Іерусалимъ—это огромный монастырь, гдѣ іезуитство достигло величайшихъ размѣровъ, куда люди приходятъ только молиться, приходятъ съ благоговѣніемъ къ святости мѣста, а выходятъ обманутые, разочарованные. Душно и скучно жить въ немъ европейцу, у котораго еще не угасли требованія жизни общечеловѣческой. Конечно, первое время каждый находится подъ вліяніемъ окружающей мѣстности, гдѣ все наводитъ на историческія и религіозныя воспоминанія; но пройдетъ и это настроеніе, натура возьметъ свое: захочется пожить по человѣчески, но Іерусалимъ слишкомъ мертвъ для такой жизни. Мѣстная святыня кладетъ на него какой-то оттѣнокъ «не отъ сего міра». Всѣ новости заходятъ сюда стороной, мелькомъ; нѣтъ общества, нѣтъ книгъ, нѣтъ развлеченій. Консулы живутъ особняками и въ вѣчной враждѣ между собою; мѣстные жители проводятъ время по азіятски; греческіе монахи по обыкновенію не сочувствуютъ жизни общественной, все человѣческое для нихъ неинтересно, и отъ такой обстановки можно совершенно отупѣть и одичать. Сидишь себѣ въ комнатѣ одинъ-одинехонекъ, сидишь долго, наконецъ эта пустота начинаетъ пугать; выйдешь прогуляться, но куда идти? Въ грязномъ городѣ по убійственной мостовой гулять невозможно. Пойдешь за городъ—и тамъ не на чемъ остановить взгляда: безжизненная, холмистая степь изъ бѣловатаго камня; отъ каждаго камня пышетъ какъ отъ печи, зелень вся выгорѣла и поблекла, пыль густыми слоями носится въ раскаленномъ воздухѣ. Отъ нечего дѣлать зайдешь въ загородную кофейню, спросишь, за неимѣніемъ лучшаго, кальянъ и кофе, и сидишь себѣ на тростниковомъ табуретѣ, поглядывая на публику. А чалмоносная публика важно и съ полнымъ благодушествомъ подлизываетъ чашки съ кофейною гущей; въ углу на цыновкѣ сидитъ арабъ и что есть силы дубаситъ въ барабанъ, а другой въ тактъ ему, сквозь толстыя губы, испускаетъ дикіе звуки,—и надо видѣть при этомъ восторги слушателей, съ какимъ сочувствіемъ они мычатъ и прищелкиваютъ въ ладоши. Скучно станетъ отъ такой музыки и выйдешь изъ кофейни съ тайною болью за эту жизнь, за этотъ жалкій народъ... По воскресеньямъ за городомъ бываетъ гулянье: женщины, закутанныя съ головы до ногъ бѣлыми покрывалами, бродятъ по окрестнымъ холмамъ, какъ могильныя тѣни въ саванахъ; мѣстами устроиваются скачки и схватки борцовъ-арабовъ, но все это интересно только сначала, а потомъ надоѣстъ до тоски. Разъ только, уже спустя долго послѣ отплыва поклонниковъ, я разслышалъ, вдали, среди народнаго говора, размашистые звуки русской хоровой пѣсни, и чутко дрогнула душа моя отъ этихъ давно неслыханныхъ звуковъ; Русь откликнулась въ сердцѣ... То пѣли наши каменьщики, выписанные изъ Крыма для постройки рускаго монастыря.

Однажды была попытка устроить въ Іерусалимѣ нѣчто въ родѣ концерта. Съ удивленіемъ прочли мы афиши, въ которыхъ объявлялось, что нѣкая m-me Спиро (она же и ясновидящая) намѣрена дать вокальный концертъ, съ платою по пяти франковъ за входъ. Вещь неслыханная въ Іерусалимѣ, которая однако кончилась ничѣмъ. Мѣстные обыватели, незнакомые съ условіями концертовъ, до того накурили въ залѣ, что бѣдная пѣвица на серединѣ кантаты закашлялась и ушла. Много говору было потомъ объ этомъ концертѣ: толковали, что мѣсто святое оскорблено этой дьявольской выдумкой, и что пѣвицѣ вѣроятно не поздоровится на томъ свѣтѣ.

Теперь остается сказать нѣсколько словъ о православныхъ арабахъ, жалкій бытъ которыхъ давно уже обращаетъ на себя вниманіе заѣзжихъ европейцевъ. Полное невѣжество и изумительная нищета заѣдаетъ этотъ бѣдный народъ, а греческіе монахи, насильственно захватившіе власть надъ нимъ, не только не заботятся о его развитіи, но даже мѣшаютъ ему развиваться, боясь, что онъ очнувшись сброситъ съ себя ненавистное иго. Греки презираютъ арабовъ, не допускаютъ ихъ въ свои собранія и не даютъ имъ никакихъ вліятельныхъ должностей; греческіе епископы не живутъ даже въ своихъ арабскихъ епархіяхъ, бросивъ ихъ на произволъ своихъ намѣстниковъ, отъ которыхъ требуютъ только исправной высылки дохода. Еще недавно только завелись въ Іерусалимѣ какія-то жалкія подобія школъ, въ которыхъ учатъ арабскихъ мальчиковъ греческому языку и молитвамъ; еще недавнѣе стали открываться школы въ окрестныхъ селахъ, гдѣ съ учениками занимаются сельскіе священники, сами ничего не знающіе, и занимаются въ такихъ катакомбахъ, предъ которыми кельи архангельскаго монастыря кажутся хоромами. Самые храмы православныхъ арабовъ въ такомъ положеніи, что приходится только пожалѣть этотъ несчастный народъ. Въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Іерусалима есть храмы, помѣщенные въ ямахъ, нарочно вырытыхъ, гдѣ иконостасъ сколоченъ изъ некрашеныхъ досокъ, гдѣ вмѣсто иконъ налѣплены безобразныя литографіи, гдѣ вмѣсто свѣчъ на престолѣ стоятъ ночники... и все это покрыто толстымъ слоемъ грязи, закопчено ладономъ, пропитано вонью прогорклаго масла. Попы служатъ въ какихъ-то заплатанныхъ тряпкахъ, босые, грязные... А кажется греки могли бы удѣлить арабамъ хоть часть тѣхъ пожертвованій, какія грудами сносятъ сюда поклонники.

Куда же идутъ деньги, собираемыя іерусалимскими греками чуть не со всего міра? Если предположить, что каждый русскій поклонникъ оставитъ здѣсь только по 20 руб. сер. (а ихъ иной годъ бываетъ до тысячи), то вотъ уже и 20,000 рублей, а кромѣ русскихъ ежегодно пріѣзжаютъ сюда нѣсколько тысячъ поклонниковъ изъ Греціи и славянскихъ земель, изъ которыхъ каждый привозитъ, кромѣ своихъ денегъ, значительныя суммы отъ постороннихъ благотворителей. Если сосчитать при этомъ іерусалимскіе доходы изъ имѣній бессарабскихъ, молдо-влахійскихъ, палестинскихъ и отъ частныхъ сборщиковъ подаянія, разсылаемыхъ отсюда во всѣ концы православнаго міра, — то составится очень почтенная цифра, поступающая ежегодно въ казну св. гроба. Куда же идутъ эти деньги, если народъ ихъ не видитъ, и Россія попрежнему слышитъ изъ Іерусалима жалобы на безденежье и варварство турокъ?

Сколько могъ я замѣтить, турки здѣсь мало чѣмъ виноваты. Главная пропасть бездонная, куда сыплются жертвенныя денежки,—это вѣчные споры и ссоры между разными религіозными партіями, которыя часто сталкиваются въ своихъ интересахъ. Партіи: греческая, католическая и армянская всѣми силами души ненавидятъ другъ друга и не жалѣютъ никакихъ суммъ, чтобы переманить правительство на свою сторону и такимъ образомъ выиграть хотя одинъ аршинъ въ раздѣлѣ св. земли. Часто изъ-за пустой спорной вещи дѣло доходитъ до кровавой драки и при этомъ гибнутъ милліоны піастровъ. Захотятъ напримѣръ католики служить на св. гробѣ часомъ раньше положеннаго, другія партіи непремѣнно начнутъ оспоривать и пойдутъ потомъ судиться къ пашѣ; а паша какъ судитъ: кто больше дастъ, тотъ и правъ. Поэтому въ храмахъ все уже подробно раздѣлено между представителями разныхъ христіанскихъ вѣроисповѣданій, назначено число свѣчъ и лампадъ, принадлежащихъ каждой партіи, размѣрены границы владѣній до каждаго вершка, и все это узаконено съ бою, послѣ долгихъ споровъ и дракъ...

Около 20 лѣтъ тянулся споръ между здѣшними сектантами за право починки купола надъ гробомъ Господнимъ, и во все это время ни одна изъ тяжущихся сторонъ не хотѣла уступить другой, и все изъ-за того, что въ Іерусалимѣ право владѣнія зданіемъ приписывается тому, кто покроетъ его. Тяжущіеся не хотѣли устроить складчину, потому что слишкомъ ненавидятъ другъ друга, но каждая сторона старалась перещеголять другія богатствомъ подарковъ пашѣ, чтобы привлечь его на свою сторону. Чтобы прекратить этотъ споръ, турецкое правительство рѣшилось починить куполъ на свой счетъ и выслало въ Іерусалимъ матеріалы, нужные для починки, и архитектора съ приличнымъ жалованьемъ; этотъ архитекторъ нанялъ хорошую квартиру близь храма и зажилъ, въ ожиданіи работы, припѣваючи; матеріалы были высланы и сложены въ порядкѣ, а куполъ почему-то еще нѣсколько лѣтъ оставался безъ починки, пока въ это дѣло не вмѣшались наконецъ европейскіе кабинеты и не возобновили куполъ сообща.

Бываетъ иногда, что споры прекращаются на время, и это время самое безотрадное для іерусалимскаго паши; онъ всѣми силами старается найдти причину спора, и иногда находитъ. Стоитъ напримѣръ какая нибудь часовня на горѣ Элеонской, вотъ паша и предлагаетъ армянамъ: «что жъ вы зѣваете? мѣсто никѣмъ не занято». Армяне благодарятъ пашу и начинаютъ понемногу обстроиваться. Греки и католики замѣчаютъ и поднимаются: «какъ, говорятъ, по какому праву?» и споръ быстро закипаетъ. А паша тому и радъ: со всѣхъ сторонъ льется ему золото. Кончается большею частью тѣмъ, что спорное мѣсто занимаютъ турки, а христіанамъ отмѣриваются ровныя площадки по сторонамъ.

Кромѣ подобныхъ случаевъ расхода, бываютъ другіе непредвидѣнные. Вотъ напримѣръ нынѣшнему патріарху Кириллу захотѣлось переселиться изъ Іерусалима въ Константинополь, и за одно право этого переселенія онъ заплатилъ правительству 800 т. піастровъ (около 40 т. руб. сер.). Тамъ онъ выстроилъ и содержитъ на святогробскія деньги большое женское училище, въ которомъ учится до 300 константинопольскихъ гречанокъ, а арабки іерусалимскія довольствуются самою жалкою школою.

Много денегъ убито на постройку роскошнаго дворца, противъ патріархіи для пріема почетныхъ и вліятельныхъ поклонниковъ, и этотъ дворецъ всегда почти пустъ, потому что вліятельные поклонники рѣдко заглядываютъ въ Іерусалимъ.

Много наконецъ денегъ убито на такъ называемый крестный монастырь недалеко отъ Іерусалима. Здѣсь греки въ широкихъ размѣрахъ устроили духовную академію съ богатой библіотекой, и выписали учениковъ для этой академіи, *грековъ же*, съ острововъ Архипелага; а мѣстные арабы только издали любуются на эту академію...

И это бѣдное племя, скованное и обезсиленное греками, не смотря на убійственную нищету и явныя притѣсненія, кротко несетъ ненавистное иго и все еще стоитъ за православіе. Надо удивляться почему не всѣ еще арабы перешли на сторону католиковъ, которые завели для своихъ единовѣрцевъ хорошія больницы, завели школы, гдѣ не только обучаютъ безплатно, но даже даютъ потомъ средства къ жизни. Вѣроятно православные арабы не знаютъ о тѣхъ доходахъ, которые собираютъ греки на ихъ имя, и все еще надѣются, что когда нибудь у нихъ будутъ *свои* школы и *свои* ученые. Изъ среды ихъ часто выходили талантливые люди, которые искали науки, возставали противъ злоупотребленій, просили даже помощи Россіи, но такихъ людей греки ссылали въ такую трущобу, гдѣ они не имѣли никакой возможности дѣйствовать. Народъ тупѣетъ отъ невѣжества, чахнетъ отъ бѣдности; и нѣтъ никого, кто бы заявилъ передъ людьми о его правахъ на жизнь лучшую.... Самымъ голоднымъ изъ нихъ греки для успокоенія совѣсти ежедневно раздаютъ сухой хлѣбъ, но вѣдь однимъ хлѣбомъ человѣкъ сытъ не будетъ.

Скучно станетъ какъ подумаешь, что этотъ задавленный, оскорбленный народъ могъ бы жить лучше, еслибы ему отдали хотя часть денегъ, собираемыхъ для него патріархіей. Зачѣмъ же послѣ этого громкія фразы объ улучшеніи быта восточныхъ христіанъ? Нечего пенять на турокъ, не турки здѣсь виноваты, а тѣ, которые для своихъ единовѣрцевъ собираютъ золото чуть не со всего міра, и тратятъ безсовѣстно это золото на свои споры, свой столъ и одежду...

—

Четыре мѣсяца прожилъ я въ Іерусалимѣ и точно изъ тюрьмы какой вышелъ потомъ на свѣтъ божій. Легко и свободно вздохнула грудь моя, когда пароходъ отдѣлилъ меня отъ береговъ земли этой...

ПУТЬ

ОТЪ СОЛУНЯ ДО ВОЛО.

(Отрывки изъ путевого дневника)

I.

Городъ Солунь (Салоники).

Первыя впечатлѣнія города.—Монастырское подворье.—Старуха-смотрительница.—Картина городской жизни.—Солунскій базаръ.—Характеристика мѣстнаго населенія. — Греческая церковь и ея особенности. — Прогулка по стѣнамъ города. — Еврейскій кварталъ.—Чаушь-монастырь.—Загородныя прогулки.

20 марта 1859 г.

Солунь на первый же разъ угощаетъ путешественника такимъ спектаклемъ, отъ котораго онъ потомъ долго не опомнится. У меня, по крайней мѣрѣ, до сихъ поръ еще отдаются въ ушахъ дикіе вопли носильщиковъ, ругань пароходной команды, свистъ палокъ и плетей; мерещатся звѣрскія рожи, подбитые носы и свороченныя на сторону скулы,—точно я воротился съ какого нибудь дикаго побоища на берегахъ Ганга или Новой Зеландіи. Дѣло въ томъ, что въ Солунѣ носильщиковъ и лодочниковъ развелось такъ много, что они должны доставлять себѣ работу *съ бою*, въ буквальномъ смыслѣ этого слова, и этотъ бой происходитъ всякій разъ, какъ только у пристани солунской останавливается пассажирскій пароходъ. Нашъ пароходъ не успѣлъ еще бросить якорь, какъ его окружила цѣлая сотня лодокъ; въ каждой лодкѣ сидѣло по нѣскольку носильщиковъ и вся эта оборванная, полунагая толпа съ криками бросилась къ трапамъ и бортамъ судна, стараясь наперерывъ другъ передъ другомъ, вскарабкаться на палубу и предложить пассажирамъ свои услуги. Пароходная команда, чтобъ удержать порядокъ, вооружилась палками и кнутами, разсыпалась по бортамъ, и тутъ-то началась такая бойня, какую рѣдко приходится видѣть на европейскомъ материкѣ. Матросы съ ожесточеньемъ тузили каждаго, кто только появлялся у борта; поднялся гвалтъ ужаснѣйшій; многіе, получивъ увѣсистые удары по головѣ или рукамъ, обрывались съ бортовъ и падали обратно въ лодки, увлекая за собою другихъ, тамъ они дрались уже между собою и опять таки карабкались на палубу съ другой стороны парохода. Съ удивленіемъ и страхомъ смотрѣли мы на это побоище, а между тѣмъ, говорятъ, въ Солунѣ это дѣло очень обыкновенное и безъ кнута да палки тутъ ничего не подѣлаешь: въ привычку вошло. Кое какъ собрали мы свои вещи и переѣхали на берегъ. Тамъ повторилась та же исторія. Около десяти носильщиковъ изъявили желаніе тащить наши вещи, тогда какъ ихъ легко могли нести три человѣка; уступить конечно никому не хотѣлось, и вотъ опять завязался споръ, потомъ драка, наконецъ отчаянная битва, въ которой приняли участіе даже посторонніе артисты. Неизвѣстно, чѣмъ бы это все кончилось, еслибъ къ намъ на выручку не явились два каваса здѣшняго паши. Тѣ покончили бойню очень просто: здоровенными палками они сбили съ ногъ главныхъ зачинщиковъ, другимъ влѣпили по чувствительному удару въ голову и сейчасъ же все стихло, всѣ разбѣжались, какъ неотвязные нищіе, которымъ бросили наконецъ искомую подачку. По распоряженію тѣхъ же кавасовъ, три дюжіе атлета взвалили на плечи наши чемоданы и тихой, верблюжьей походкой тронулись къ таможнѣ. Изъ любопытства я оглянулся на мѣсто побоища: тамъ какъ будто ничего не бывало, и бойцы, только что дравшіеся до крови, теперь дружелюбно толковали и смѣялись между собою, въ ожиданіи новаго случая подраться. Значитъ, у нихъ драка вошла уже въ обычай и сдѣлалась неизбѣжнымъ условіемъ промысла. «Какова же должна быть шкура у этихъ господъ?» думалъ я, разглядывая массивную фигуру ближайшаго носильщика, спокойно взгромоздившаго на свои плечи два чемодана, въ которыхъ было около пяти пудовъ вѣсу. Мускулистый, загорѣлый, съ открытою, мохнатою грудью, едва прикрытый бѣлою рубахой и курткой, медленно шагалъ онъ по ухабистой мостовой, изрѣдка останавливаясь, чтобы перевести духъ. На бронзовомъ лицѣ его, когда-то давно, выразились слѣды притупѣлаго терпѣнія, да такъ и замерли навсегда; тупо, апатично ворочалъ онъ бѣлками, какъ волъ, которому дѣла нѣтъ до того, что происходитъ вокругъ, лишь бы донести свою ношу; машинально шагалъ онъ и въ гору и на гору и только обильная испарина, выступавшая на лицѣ его, показывала, что это не машина, а живой организмъ. И такъ, иной разъ, по нѣскольку верстъ сряду тащитъ онъ свою ношу, чтобы выручить завѣтныя 30 копѣекъ на ужинъ себѣ и своему семейству, которое гнѣздится гдѣ нибудь подлѣ пристани, въ обломкахъ разбитаго судна. Этимъ тяжелымъ промысломъ занимаются въ Солунѣ до тысячи атлетовъ и замѣняютъ въ городѣ ломовыхъ лошадей, перетаскивая съ мѣста на мѣсто громоздскія тяжести, которыя едва ли подъ силу и вьючному ослу.

Таможня солунская помѣщается *въ подворотнѣ*: иначе я не могу назвать этого страннаго помѣщенья. Въ городскихъ воротахъ сбоку выдолблено довольно широкое и грязное отверстіе, черезъ которое путешественника вводятъ въ какую-то пещеру. Тутъ, во тьмѣ кромѣшной, совершается процессъ свидѣтельствованья товаровъ; народъ кишмя кишитъ, стоятъ вѣсы, а въ углу, у микроскопическаго окошка, за конторкой сидитъ еврей и записываетъ пошлину въ книгу. Наши чемоданы перерыли до ниточки и потомъ все-таки потребовали неизбѣжный бакчишъ, т. е. на водку *). Таковы первыя впечатлѣнія города.

---

*) Солунская таможня находится на откупѣ въ частныхъ ру-

За неимѣніемъ въ городѣ гостинницъ, пришлось остановиться на подворьѣ русскаго афонскаго монастыря. Подворьемъ называется здѣсь простой обывательскій домъ, въ которомъ останавливаются проѣзжіе монахи и богомольцы, и надо признаться, что эти дома сущее благодѣянье для путешественниковъ, которымъ иначе пришлось бы ночевать пожалуй на открытомъ воздухѣ. Домъ старый и скрюченный на бокъ, однако, онъ ничѣмъ не хуже большинства другихъ солунскихъ домовъ; въ немъ нѣсколько отдѣльныхъ комнатъ съ низенькими диванами по стѣнамъ; въ окнахъ рамы безъ стеколъ; подъ кровлей оставлены широкія щели для того, чтобы въ комнатахъ былъ сквозной вѣтеръ, который лѣтомъ доставляетъ жильцамъ пріятную прохладу, а зимой заставляетъ ихъ трястись отъ холода. Только все въ домѣ будто не жилое, ни въ чемъ не видно и тѣни той хозяйственной осѣдлости, которая составляетъ всю привлекательность дома, и стоитъ онъ будто пустая раковина, давно покинутая своимъ жильцомъ. Въ этой раковинѣ, однако, вмѣсто червя, живетъ полуживая старуха въ черныхъ лохмотьяхъ, которая смотритъ за домомъ. и получаетъ за свое смотрѣнье какое-то мизерное жалованье. Какъ видно, за долго до насъ никто не тревожилъ старуху, и она сначала было перепугалась, глядя на наше пришествіе, но потомъ увидѣвъ, что гости «добрые», то есть не кричатъ и не дерутся, стала посмѣлѣе, а подъ вечеръ пустилась даже въ разговоры. И чего-то, чего не наговорила намъ эта старуха.

— Двадцат лѣтъ живу въ этомъ домѣ, а всего только въ третій разъ вижу мірянъ,—бормотала она, вклеивая въ греческій разговоръ славянскія слова—признакъ,

---

кахъ и потому-то въ ней такъ старательно осматриваются вещи. Въ казенныхъ таможняхъ надсмотрщики рѣдко заглядываютъ въ чемоданы, а прямо протягиваютъ руку съ требованьемъ бакчиша.

что она принадлежитъ къ типу «переродившихся славянъ».

— А монахи-то навѣщаютъ тебя, бабушка?

— Какъ же, навѣщаютъ; хоть рѣдко, а нечего гнѣвить Бога: вижу ихъ иногда. Да я, признаться, и рада, что ко мнѣ рѣдко гости заглядываютъ: старухѣ покой надо.

— Да и домъ-то вашъ старый; тоже покоя проситъ.

— Все тутъ старое, потому что и городъ самъ очень старый.

— А давно выстроенъ вашъ городъ?

— Давно, у-у какъ давно. Были, знаешь ты, два царя, Кастро и Салона; и пришли они сюда строить городъ еще за долго до Христа. Вотъ и начали они строить городскую стѣну, еще молодые были: одинъ повелъ стѣну на лѣво, а другой на право, и строили они эту стѣну такъ долго, что когда сошлись потомъ съ двухъ разныхъ сторонъ, то были уже сѣдыми стариками и не узнали другъ друга. А потомъ тутъ жилъ греческій царь Федосій и сдѣлалъ онъ здѣсь двѣсти грѣховъ, а за эти двѣсти грѣховъ построилъ онъ въ стѣнахъ городскихъ ровно двѣсти церквей, въ которыхъ каждый праздникъ шли службы церковныя...

И долго еще намъ разсказывала старуха исторію Солуня, перечислила всѣхъ солунскихъ архіереевъ, бывшихъ при ней и проч. Оказалось, что она была воплощенная «книга бытія» солунскаго. Отъ нея узнали мы, что въ былыя времена жилъ здѣсь постоянно русскій драгоманъ Арбузовъ, который за неимѣньемъ дѣла долженъ былъ выѣхать обратно въ Россію; что въ теченіи трехъ послѣднихъ лѣтъ не было здѣсь ни одного русскаго путешественника, и что три года тому назадъ пріѣзжалъ сюда какой-то князь русскій, который даже хотѣлъ было осматривать здѣшнія мечети, но не пошелъ въ нихъ только потому, что тамъ негдѣ было записать своего имени «на память вѣкамъ отдаленнымъ»...

Вечеромъ старуха позвала своихъ родственницъ: маленькую племянницу Оксану и такихъ же двухъ старухъ, какъ сама,—для того, чтобы покормить ихъ на счетъ пріѣзжихъ гостей, и надо было видѣть съ какимъ удовольствіемъ эта голодная семья усѣлась за ужинъ. У нихъ составился настоящій праздникъ, а намъ пріятно было видѣть, что своимъ пріѣздомъ мы хоть этимъ старухамъ доставили нѣкоторое удовольствіе.

22. марта.

Мало по малу начинаю знакомиться съ городомъ, надъ которымъ пронеслось слишкомъ 20 вѣковъ; обошелъ его древности, узналъ, чѣмъ былъ городъ прежде и чѣмъ онъ сталъ теперь, и убѣдился, что между прошлымъ и настоящимъ его положеньемъ такая же разница, какая между дворцомъ солунскаго паши и нашимъ убогимъ подворьемъ. Есть здѣсь замѣчательный пантеонъ языческихъ временъ, обращенный потомъ въ христіанскій храмъ и наконецъ въ мечеть; есть соборъ Софіи и Дмитріевская базилика съ роскошными мозаиками и изящными колоннадами, уцѣлѣлъ даже среди улицы остатокъ старинной арки съ прекрасными изваяніями, и много другихъ замѣчательныхъ остатковъ древности, и всѣ эти остатки старинной архитектуры доказываютъ, что Солунь не всегда былъ похожъ на груду мусора, но имѣлъ когда-то много прекрасныхъ зданій, а исторія гласитъ, что прежде онъ дѣйствительно процвѣталъ и былъ даже любимымъ мѣстопребываніемъ царя Өеодосія Великаго. Какимъ образомъ этотъ когда-то славный и богатый городъ превратился въ одинъ изъ нелѣпѣйшихъ турецкихъ городовъ,—объяснить трудно. Если бы даже Солунь ежегодно и съ умысломъ вводилъ у себя разныя ухудшенія, то и тогда въ четыреста лѣтъ едва ли могъ онъ довести себя до такого безобразія, какимъ теперь кажется. Остается предположить только, что султанъ Амуратъ 2-й, овладѣвшій Солунемъ чрезъ предательство одного здѣшняго монаха, разрушилъ прежній городъ до основанія и на мѣстѣ стертыхъ съ земли строеній турки потомъ понастроили свои уродливыя мазанки и между ними проложили кривыя лазейки шириною въ два аршина, носящія теперь названіе улицъ. И съ тѣхъ поръ Турція плотно запустила въ Солунь свои руки, передушила прежнихъ патріотовъ, остальныхъ смирила палкой и висѣлицей и вотъ городское населеніе измельчало, стушевалось и постепенно начало принимать восточный колоритъ. Теперь Солунь уже чисто восточный городъ, и если бы кто вздумалъ призвать его къ иной болѣе лучшей жизни, то на этотъ призывъ не отозвалось бы здѣшнее человѣчество. Оттого-то нынѣшніе греческіе патріоты и не любятъ Солунь и очень мало надѣятся на него.

Какъ турецкій городъ, Солунь строго сохраняетъ всѣ типичныя черты турецкихъ поселеній, но въ немъ есть особенность, которая нѣсколько отличаетъ его отъ другихъ городовъ. Солунь очень любятъ евреи, и эта любовь простирается до того, что изъ 60 тысячъ обывателей города—двѣ трети составляютъ евреи *). Поэтому въ Солунѣ преобладаетъ мелкая промышленность; въ каждомъ домѣ, особенно на главныхъ улицахъ, устроено по нѣскольку лавокъ, гдѣ промышляетъ чѣмъ придется это предпріимчивое племя; кромѣ того есть еще отдѣльные базары, занимающіе цѣлые кварталы, откуда, не смотря на стѣсненія со стороны таможни, товары развозятся на всю Македонію, и гдѣ въ теченіи дня собирается почти все городское населеніе. Оттого-то на здѣшнихъ улицахъ замѣтно особенное движеніе, и даже турки здѣшніе живѣе, чѣмъ гдѣ нибудь. Вотъ что сдѣлало преобладаніе евреевъ. За то и грязи же сколько!

---

*) Въ Солунѣ считается только 7,000 турокъ и до 10,000 христіанъ; остальные жители города—евреи.

Кто не видалъ восточнаго базара, тотъ не можетъ представить его себѣ, не смотря ни на какія картины и описанія. Вообразите себѣ длинную, узкую, извилистую галерею, состоящую изъ деревянныхъ, сквозныхъ построекъ самой однообразной формы. Вверху кровли домовъ сходятся такъ близко, что оставляютъ только небольшія щели, которыя также прикрыты досками или вѣтками плюща и винограда, такъ что свѣтъ пробивается только въ мелкія скважины между ними. Вѣроятно, это дѣлается для защиты отъ дождя и солнца, но только эта защита мѣстами такъ сильна, что улицы походятъ на подземные туннели. По обѣимъ сторонамъ туннелей въ открытыхъ лавкахъ, разложены всевозможные товары и производится промышленность всякаго рода. Тутъ въ продолженіи дня безконечной толпой снуетъ народъ, движутся ослы и мулы съ вьюками, и все это до нельзя озабочено, продаетъ, покупаетъ, толкается, ругается, визжитъ, а путешественникъ, попавшій въ этотъ водоворотъ, становится въ тупикъ отъ множества предметовъ для наблюденія.

Первое, что бросается въ глаза на здѣшнихъ базарахъ,—это изумительные контрасты, которые встрѣчаются на каждомъ шагу. Мы привыкли видѣть въ нашихъ торговыхъ рядахъ извѣстный порядокъ и подборъ товаровъ, здѣсь же точно кто нибудь нарочно размѣстилъ промыслы и товары въ такомъ безпорядкѣ, какого сразу и не выдумать. Подлѣ ювелира, напримѣръ, продаютъ битую баранину; рядомъ помѣщается кузница, и дымъ отъ нея столбомъ валитъ въ сосѣднюю кондитерскую, гдѣ прокоптѣлый грекъ только что выложилъ для приманки свои пряники; за нею помѣщается цирульня, далѣе слѣсарь пилитъ кусокъ желѣза и т. п. Вотъ прохожій мулъ вздумалъ поваляться и растянулся въ лужѣ вверхъ ногами; кирпичи, бывшіе на его спинѣ, разсыпались, и погонщикъ съ бранью хлещетъ веревкой непокорнаго; рядомъ, не смотря на общую суматоху, оборванный жидокъ присѣлъ на камушекъ и доѣдаетъ кусокъ баранины, а разнощикъ абрикосовъ въ упоръ ему вытягиваетъ оглушительное завываніе. Далѣе, высунувшись бокомъ въ улицу, стоитъ огромная печь, и въ ней покрытый сажею субъектъ стряпаетъ для желающихъ кушанье; мимоходомъ толкаютъ и задѣваютъ его всѣ прохожіе, но онъ съ невозмутимымъ спокойствіемъ жаритъ кусокъ какой-то падали и надѣляетъ ею голодныхъ. Подлѣ печи сидитъ нищій и монотонно наигрываетъ что-то на скрипицѣ, а за нимъ какой-то англичанинъ наводитъ бинокль на остатокъ барельефа, отысканнаго имъ въ стѣнѣ. Вотъ монахъ палкой расталкиваетъ народъ, идетъ мальчишка съ образомъ и за нимъ два могильщика тащутъ покойника въ сопровожденіи рыдающей родни. Но всего описать невозможно. Я по цѣлымъ часамъ засматривался на это обиліе разнохарактерныхъ сценъ, особенно на главной улицѣ, прорѣзывающей весь городъ отъ воротъ до воротъ, и меня всего болѣе удивляло то, что, не смотря на такое близкое сосѣдство противоположностей несовмѣстимыхъ, никто, по видимому, не мѣшаетъ другъ другу, каждый занятъ исключительно собственными интересами, не обращая никакого вниманія на затѣи сосѣда. И надо замѣтить, что все это происходитъ въ улицахъ шириною не болѣе сажени, и что по серединѣ этихъ улицъ проложены еще грязныя канавки для стока нечистотъ, которыя всѣ стараются обходить.

Эти несчастныя канавки составляютъ непремѣнное украшеніе каждаго турецкаго города, а Солуня въ особенности, потому что въ Солунѣ нечистотъ болѣе, чѣмъ въ десяти турецкихъ городахъ, взятыхъ вмѣстѣ. Почти изъ каждаго дома торчатъ желоба, и изъ этихъ желобовъ фонтанами хлещутъ прямо на улицу помои и всякая нечисть, а потому жидкость въ канавкахъ никогда не изсякаетъ. Съ какимъ ужасомъ я смотрю всегда на эти странные и оригинальные водопады. Идешь себѣ спокойно и вовсе не замѣчаешь предательскаго желобка, какъ вдругъ передъ самымъ носомъ начинается изверженіе и гуляющая публика торопливо отшатывается въ сторону. Кромѣ своего прямого назначенія—быть проводниками нечистоты, эти канавки, какъ я замѣтилъ, приносятъ городу и другую, косвенную пользу. Онѣ поддерживаютъ влажность въ улицахъ; изъ нихъ утоляютъ жажду городскія собаки; дѣти въ нихъ плещутся и пускаютъ кораблики; но что всего замѣчательнѣе: мѣстныя хозяйки стираютъ въ нихъ свое бѣлье, и такимъ образомъ опять вносятъ въ свои семейства частицу той грязи, которую сообща вырабатываетъ городъ.

Прекрасный полъ встрѣчается на улицахъ рѣдко; онъ слѣдитъ за городскою жизнью большею частью съ высоты прозрачныхъ балконовъ, которыми украшены въ Солунѣ многіе дома; что же касается до мужского населенія города, то оно, наоборотъ, въ теченіи дня рѣдко заглядываетъ домой, и съ утра до вечера толкается на базарѣ, который замѣняетъ для него и клубы, и всѣ общественныя удовольствія. Тутъ оно и обѣдаетъ, и мѣняется новостями, и промышляетъ, чѣмъ попало. Многіе даже совсѣмъ не имѣютъ квартиръ и всю жизнь цѣликомъ проводятъ на вольномъ воздухѣ. Впрочемъ, эти бездомные промышленники теряютъ очень немного; дома солунскіе устроены такъ, что вѣтеръ въ нихъ гуляетъ свободно и домовладѣльцы такимъ образомъ ничѣмъ не защищены отъ зимнихъ непогодъ. Богачи, конечно, понастроили себѣ палаты съ возможнымъ комфортомъ, но ихъ жизнь другого сорта, и въ Солунѣ они составляютъ незначительное меньшинство, а я говорю о тѣхъ пролетаріяхъ низшаго класса, которыхъ надо считать сотнями на каждаго богача и которые составляютъ основной слой жителей Солуня. Имъ, говорятъ, зимою приходится до того плохо въ этихъ домикахъ, что они по цѣлымъ недѣлямъ жмутся около кухоннаго очага, поддерживая въ немъ огонь неугасимый; а если зима бываетъ особенно холодна, то народъ толпою ломится въ лавки, гдѣ продаются уголья, и добываетъ себѣ это топливо съ бою, вырывая его другъ у друга. Но такова уже сила привычки въ этомъ народѣ, что лучше будетъ онъ трястись цѣлую зиму, подобно тому, какъ предки его тряслись испоконъ вѣку, чѣмъ рѣшится вставить стекла въ окна или выстроить печку. Боится Востокъ нововведеній...

Шляясь по городу, наткнулся я на греческую церковь и зашелъ въ нее. Христіанскую церковь въ настоящее время трудно замѣтить въ восточномъ городѣ, потому что по постройкѣ она ничѣмъ не отличается отъ обывательскихъ домовъ: крестовъ на ней не видно, колоколовъ нѣтъ; однако, замѣтивъ толпу нищихъ, собравшихся у крыльца, я сразу узналъ, что тутъ церковь. Черезъ темныя сѣни вошелъ я въ просторную залу съ прямымъ потолкомъ, который поддерживается двумя рядами деревянныхъ колоннъ; вдали громоздится аляповатый иконостасъ, а на верху по стѣнамъ храма устроены хоры, закрытые высокою, непроницаемою для глазъ сѣткою. За этою сѣткою, на хорахъ, обыкновенно помѣщаются женщины, чтобы не развлекать грѣховными помыслами молящихся внизу мужчинъ. Службы въ церкви не было, однако, народу въ ней толпилось довольно много; у стѣнъ сидѣли бабы съ ребятами, два крестьянина, присѣвъ на корточки, пересчитывали деньги; нѣкоторые закусывали, другіе спали, словомъ — всѣ справляли свои житейскія обязанности, точно у себя дома.

— Что они службы что ли ждутъ? спросилъ я у старика, стоявшаго по сосѣдству.

— Нѣтъ, службы сегодня никакой не будетъ,—отвѣтилъ тотъ, съ любопытствомъ поглядывая на меня.

— Зачѣмъ же здѣсь народъ?

— Да вѣдь это сельскіе. Приходятъ издалека, знакомыхъ нѣту, остановиться негдѣ, — вотъ и живутъ въ церкви, пока справятъ свои нужды. Вы вѣрно не здѣшній?

— Нѣтъ, не здѣшній.

— Такъ пойдемте, я васъ къ чудотворному образу сведу, можетъ помолиться желаете.

Онъ повелъ меня за колонны, гдѣ въ лентахъ и разныхъ сельскихъ украшеньяхъ стоялъ большой образъ, на которомъ, впрочемъ, ничего разсмотрѣть было невозможно. Меня удивило то, что весь образъ былъ безцеремонно залѣпленъ разными монетами, и услужливый старикъ поспѣшилъ объяснить мнѣ при этомъ, что мѣстные поселяне, желая показать, что они жертвуютъ деньги не священникамъ, а самому образу, наклеиваютъ на него воскомъ свои жертвы; а священники собираютъ съ образа эти жертвы уже тогда, когда ихъ накопится достаточное количество.

На полу у образа лежали два поселянина съ худыми, изнуренными лицами. Они жалобно посмотрѣли на меня и сейчасъ же отвернулись. У одного въ рукахъ я замѣтилъ псалтырь славянской печати.

— Это больные, — шепнулъ мнѣ старикъ: — съ лихорадкой-то сегодня привезли, а другой ужъ четвертые сутки лежитъ, а все еще кашляетъ.

— Зачѣмъ же они лежатъ здѣсь? спросилъ я.

— Ждутъ исцѣленія у заступницы.

— А!.. ну и чтоже, исцѣляются?

— Извѣстно, по вѣрѣ бываетъ: иной выздоровѣетъ, другой нѣтъ, какъ заступница захочетъ...

Осматривая церковь, я замѣтилъ еще одну странность. Дряхлая старушка, въ родѣ смотрительницы нашего подворья, походивъ по церкви, отправилась прямо въ алтарь и тамъ преспокойно усѣлась на табуретѣ вязать чулокъ. Я глазамъ не вѣрилъ, помня очень хорошо, что женщинамъ нельзя входить въ алтарь, но каково было мое удивленіе, когда старикъ объявилъ мнѣ, что эта старуха даже прислуживаетъ священникамъ за службой, въ качествѣ пономаря.

— Да вѣдь женщинамъ это запрещено? замѣтилъ я.

— Ну какая жъ это женщина? Она старушка строгая; все одно что мужчина.

Воротился домой уже поздно. Наша старуха объявила намъ, что сегодня послѣ заката солнечнаго начнется турецкій праздникъ рамазанъ, и затѣмъ въ теченіи сорока дней турки будутъ поститься и только по ночамъ кутить и праздновать. Въ самомъ дѣлѣ, только что солнце скрылось за берегами Кассандры, съ городской крѣпости раздались три пушечныхъ выстрѣла, на верхушкахъ минаретовъ зажглись огни въ видѣ кружковъ и на улицахъ послышались пѣсни и музыка. Даже въ настоящую минуту подъ окномъ нашего подворья стоятъ нищіе-музыканты и поютъ какія-то дикія пѣсни съ аккомпаниментомъ турецкаго барабана. Въ Солунѣ, впрочемъ, и безъ того на каждой недѣлѣ бываетъ три праздника сряду: по пятницамъ празднуютъ турки, по субботамъ—евреи, а по воскресеньямъ—христіане. Большинство обывателей празднуетъ всѣ три дня.

25 марта.

Есть ли въ Солунѣ своя мѣстная аристократія? есть ли въ немъ капиталисты, у которыхъ интересы и потребности жизни лучше, чѣмъ у остальной массы населенія?—это осталось для меня тайною. Всѣ осѣдлые обыватели Солуня, на сколько можно судить объ этомъ по уличной жизни народа, такъ близко подходятъ одинъ къ другому по своему образу жизни, по своему озабоченному голодному виду, по своимъ привычкамъ и средствамъ, что Солунь легко можно назвать городомъ мелкихъ промышленниковъ и пролетаріевъ низшаго сорта.

Мнѣ кажется, что если бы какой нибудь мазурикъ вздумалъ выворотить наружу карманы всѣхъ солунскихъ горожанъ, то этотъ мазурикъ нашелъ бы въ каждомъ карманѣ одинаковое количество монетъ; разница вышла бы небольшая. Конечно, есть и исключенья, но только эти исключенья не выдаются изъ общаго уровня, прячутъ свои капиталы и также бѣгаютъ и хлопочутъ, какъ и остальной народъ. Въ самомъ дѣлѣ, на здѣшнихъ улицахъ рѣдко можно встрѣтить какого нибудь туза, съ барскими замашками и самодовольнымъ взглядомъ; еще рѣже встрѣчаются европейцы, и общій уровень толпы выглядитъ какимъ-то оторопѣлымъ, запуганнымъ народомъ: каждый точно боится за самого себя, недоволенъ чѣмъ-то и какъ угорѣлый мечется изъ лавки въ лавку, изъ улицы въ улицу. Это однообразіе населенія, конечно, отразилось и на постройкахъ солунскихъ: всѣ дома и лавки имѣютъ одинаковый, будничный видъ и жмутся другъ ко другу, какъ инвалиды на инспекторскомъ смотру; площадей никакихъ нѣтъ, садовъ не видно, даже городскія мечети, передѣланныя изъ старыхъ греческихъ церквей, и тѣ кругомъ застроены сплошною массою этихъ лачугъ и едва-едва высятъ надъ ними свои куполы и минареты. Правда, на главной улицѣ есть нѣсколько домовъ европейской архитектуры, выстроенныхъ недавно иностранцами, но эти изящныя постройки такъ же идутъ къ общему колориту города, какъ живые цвѣты къ лицу безобразной старухи.

Въ городѣ до сихъ поръ нѣтъ никакихъ общественныхъ учрежденій: ни больницъ, ни библіотекъ, ни театровъ, ничего такого, что бы существовало на общественныя суммы; каждому предоставлено заботиться о себѣ и своемъ семействѣ, какъ ему угодно, и хотя съ горожанъ, какъ со всѣхъ подданныхъ султана, собираются ежегодныя подати, но эти подати исчезаютъ въ Константинополѣ, какъ въ пропасти бездонной, и народъ пользы отъ нихъ не видитъ. Здѣшніе греки уже на собственныя сборныя деньги устроили себѣ двѣ школы, мужскую и женскую, и выписали для нихъ учителей изъ Аѳинъ, но въ этихъ школахъ преобладаетъ элементъ чисто религіозный, какъ и во всѣхъ почти греческихъ школахъ; турки поучаются въ своихъ мечетяхъ, зазубривая наизусть строки изъ корана, а евреи изучаютъ талмудъ и слушаютъ своихъ равиновъ. Такимъ образомъ вся руководящая сила народа находится въ рукахъ мѣстнаго духовенства и только отъ него народъ почерпаетъ всю мудрость житейскую. Оттого-то всѣ они и живутъ, какъ странники, ожидающіе лучшей жизни только за гробомъ и потерявшіе самую способность относиться критически къ мѣстному беззаконію.

Въ Солунѣ постоянно живетъ нѣсколько европейскихъ консуловъ съ своими семействами,—но какъ уживаются эти представители цивилизаціи среди такого варварскаго общества—это трудно понять. Конечно, они могутъ завести у себя дома всевозможный комфортъ, могутъ выписывать газеты, но вѣдь эта домашняя изолированная жизнь наконецъ наскучитъ, захочется какихъ нибудь другихъ развлеченій, а этихъ развлеченій въ Солунѣ нѣтъ. Здѣсь даже гулять негдѣ, потому что окрестности города до такой степени печальны и пусты, что не стоитъ заглядывать туда. Поэтому консулы по большей части сидятъ дома и только изрѣдка показываются съ своими семействами на стѣнахъ города, откуда любуются гаванью и ея жизнью.

Сегодня и я влѣзалъ на стѣны и видѣлъ такимъ образомъ то единственное мѣсто, откуда здѣшній людъ можетъ еще наслаждаться жизнью. Стѣны широкія, массивныя и, какъ видно, прежде могли служить надежной опорой городу, а теперь они мѣстами покривились и обвалились до такой степени, что сами требуютъ опоры отъ города. Какова эта опора можно судить по тому, что на мѣстѣ обваловъ теперь поставлены простыя деревянныя рѣшетки, въ родѣ нашихъ палисадниковъ.

Гуляя по стѣнамъ, солунская публика, конечно, старается смотрѣть только на заливъ и заботливо отворачивается отъ тѣхъ прелестей, какія сложены подъ стѣнами. Тутъ на небольшомъ пространствѣ между домами и стѣнами точно пронеслась моровая язва и покрыла его трупами всевозможныхъ животныхъ. Какихъ звѣрей, какихъ тутъ птицъ я не видалъ! Сюда свозится весь излишекъ городскаго мусора, потрохи изъ мясныхъ лавокъ, всякая падаль и проч., и все это гніетъ себѣ на просторѣ, сообщая городу тотъ элементъ дыханія, съ которымъ съ колыбели сроднилось здѣшнее человѣчество и безъ котораго оно, кажется, и жить не можетъ.

Надо признаться, что безъ этого неудобства прогулка по стѣнамъ Солуня могла бы доставить полное наслажденье. Отсюда открывается видъ на весь солунскій заливъ; тутъ просторъ и отрада; тутъ усталому взгляду можно отдохнуть отъ тѣхъ пестрыхъ и неприглядныхъ картинъ, которыя утомляютъ его на городскихъ улицахъ, а легкій освѣжающій вѣтерокъ позволяетъ груди вздохнуть шире и свободнѣе. Заливъ покрытъ судами разныхъ флаговъ, кое-гдѣ дымятся пароходы и идетъ выгрузка судовъ. Я нѣсколько минутъ наблюдалъ, какъ оригинально атлеты-носильщики выгружали одно греческое судно. Они притянули его какъ можно ближе къ берегу, потомъ, стоя по поясъ въ водѣ, принимали на свои плечи тюки съ товарами и тащили ихъ къ таможнѣ тѣмъ же спокойнымъ, твердымъ шагомъ, будто шли по улицѣ. На пристани движеніе и толпы народа, сотни лодокъ отчалили отъ берега и въ перегонку помчались въ глубь залива: они замѣтили вдали подъѣзжающій пароходъ и вѣроятно устроятъ ему такую же встрѣчу, какую и намъ устроили. То-то опять бойня начнется.

Между тѣмъ внизу, подъ стѣнами, происходила рабобота другого рода. Тамъ, въ полусвѣтѣ, человѣкъ шесть евреевъ собирали кости, чтобы продать ихъ на какое нибудь судно. Процессъ собиранія происходилъ не такъ просто, какъ это у насъ дѣлается; аферисты сначала собрали и разложили вокругъ себя цѣлую кучу валяющейся падали, а потомъ, вооружившись ножами, отдѣляли гнилое мясо отъ костей и такимъ образомъ добывали искомый товаръ. Я поспѣшилъ уйдти подальше отъ этихъ анатомическихъ работъ и вошелъ въ одну изъ ближайшихъ улицъ. Здѣсь улицы имѣютъ иной характеръ, нежели въ центрѣ города; въ нихъ движенья нѣтъ почти никакого, и дома на глухо окружены глиняными заборами, изъ за которыхъ выглядываютъ только однѣ кровли домовъ. Отъ воровъ ли придуманы эти заборы, или вообще отъ посторонняго любопытства,—не знаю; только улицы очень напомнили мнѣ блаженныя предмѣстья нашихъ провинціальныхъ городовъ съ ихъ безконечными заборами. У однихъ воротъ стоялъ турка съ чубукомъ во рту, въ дырявомъ халатѣ, опоясанномъ веревочкой и добродушно-тупо глядѣлъ на меня,—точь въ точь какой нибудь провинціальный капитанъ въ отставкѣ; черезъ улицу перебѣжала жидовка съ бѣльемъ въ рукахъ; на меня повѣяло чѣмъ-то роднымъ—далекимъ, и глаза невольно искали гдѣ нибудь по близости будки съ городовымъ, однако будки не оказалось. Я миновалъ нѣсколько такихъ пустынныхъ улицъ и очутился наконецъ въ еврейскомъ кварталѣ...

Еврейскимъ кварталомъ называется здѣсь тѣсный, грязный и многолюдный лабиринтъ, въ которомъ обитаютъ подонки бѣднѣйшаго еврейскаго класса, и собрано все, что только въ убогомъ городѣ есть самаго убогаго и сглоданнаго нищетою неисходною. Здѣсь дома походятъ на обгорѣлыя развалины, и въ нихъ-то прячется эта нищета отъ остальнаго человѣчества, чтобы не ужаснуть его видомъ своего безобразія. Я заглянулъ въ этотъ вертепъ и до сихъ поръ не могу представить себѣ, какъ можетъ прозябать этотъ полусгнившій народъ среди такой мертвящей обстановки, среди заразительныхъ міазмовъ, при полномъ недостаткѣ пищи, свѣта и воздуха,— словомъ всего, что поддерживаетъ жизнь? Да и можно ли даже назвать жизнью этотъ процессъ существованія, гдѣ вся жизнь есть ничто иное, какъ медленная агонія, которая начинаетъ мучить свою жертву съ колыбели и потомъ, постепенно усиливаясь, томитъ эту жертву долгіе годы, до самой преждевременной старости, пока не сгонитъ ее въ гробъ. Вѣдь съ каждымъ глоткомъ этого воздуха живое существо вдыхаетъ въ себя зародышъ смерти, такъ онъ ядовитъ и удушливъ. Въ тѣсныхъ домахъ, въ которыхъ большею частью всего только одна горница, обитаютъ по пяти или шести семействъ еврейскихъ. Какъ они дѣлятъ свое хозяйство, какъ ладятъ между собою — неизвѣстно, но только они еще лучшіе и болѣе счастливые обитатели еврейскаго квартала: они все-таки имѣютъ домъ и кое-какъ прикрыты отъ неудобствъ климата; большинство же населенія помѣщается на открытомъ воздухѣ въ промежуткахъ между этими домами, на дворахъ, отдѣленныхъ отъ улицы низенькими заборами и плетнями. Такимъ образомъ вся частная жизнь семействъ и всѣ ихъ житейскія отправленія и отношенія происходятъ открыто, передъ глазами всѣхъ проходящихъ, и здѣсь-то можно наглядно слѣдить за тѣмъ процессомъ гніенія общественнаго, который въ другихъ городахъ тщательно скрытъ отъ постороннихъ взоровъ и гнѣздится гдѣ нибудь въ подпольныхъ трущобахъ.

Проходя по этимъ улицамъ, я сначала испытывалъ то неловкое ощущенье, какое испытываетъ человѣкъ, проходя черезъ комнату, гдѣ живутъ посторонніе жильцы; но видя, что на меня никто не обращаетъ вниманія, я сталъ смѣлѣе озираться по сторонамъ и сквозь дырявые плетни видѣлъ, какъ живутъ эти люди. Вотъ мать кормитъ грудью ребенка и въ то же время палкой разнимаетъ двухъ подравшихся дѣтей; рядомъ другая семья расположилась обѣдать и съ жадностью хлебаетъ изъ котелка какую-то жидкость; за ними ничкомъ на соломѣ лежитъ молодая женщина и болѣзненно охаетъ; дальше двѣ женщины полощутъ въ лужѣ какія-то тряпки; тутъ же съ ними помѣщаются поджарые ослы, собаки, куры, и все это, ни мало не стѣсняясь другъ друга, исполняетъ свои житейскія потребности, всѣ оспариваютъ другъ у друга лучшее мѣсто, лучшее право, голоситъ, ругается, стонетъ... Вотъ кузница; чадъ валитъ изъ нея, и два жида таинственно совѣщаются, разсматривая пару старыхъ подковъ; дряхлая старуха силится тайкомъ отъ нихъ стащить изъ кузницы горсточку угольевъ; ее теребитъ за платье плачущій мальчишка, совсѣмъ почти голый; изъ-за нихъ съ лаемъ и визгомъ выбѣжали двѣ собаки и рвутъ другъ у друга оглодокъ кости. Вотъ, облокотясь на рогатину, стоитъ молодая дѣвушка, едва прикрытая обрывками полуистлѣвшаго платья, и смотритъ на меня испуганнымъ взглядомъ; она только потому, кажется, не протянула мнѣ руку за подаяньемъ, что была увѣрена въ безполезности этого, зная, что здѣсь подавать не любятъ, что здѣсь всякъ себя только знаетъ... Къ ней подбѣжала старуха и, не говоря ни слова, огрѣла ее по спинѣ палкой; дѣвушка со злостью вскинулась на нее, отпихнула въ сторону и опять на меня смотритъ... И у всѣхъ лица болѣзненныя, изнуренныя, помертвѣлыя; рѣдко на этихъ лицахъ будто мелькнетъ улыбка, и эта улыбка со стороны кажется лучемъ свѣта въ темницѣ: она показываетъ, что и здѣсь бываетъ нѣчто похожее на радость или удовольствіе. Вотъ и синагога; оттуда слышно протяжное завыванье: евреи, перекачиваясь съ ноги на ногу, дружно и усиленно зовутъ Бога на помощь себѣ, но не дается имъ помощь, хотя они повторяютъ свою молитву, можетъ быть, отъ начала существованья города. А между тѣмъ, если бы самъ покровитель ихъ Моисей могъ подняться теперь изъ гроба и заглянуть на это жалкое житье бывшаго «народа божія», онъ ужаснулся бы и снова повторилъ свою великую молитву: «пусть лучше я самъ погибну, только спаси народъ мой!» Страшныя вещи совершаются въ этомъ притонѣ нищеты и безсознательнаго, неизбѣжнаго разврата, и оскорбительно-больно становится здѣсь за это отверженное человѣчество. Хочется скорѣе бѣжать отсюда, забыть все это и отыскать новыя впечатлѣнія, на которыхъ можно было бы остановиться съ отрадой и хотя нѣсколько примириться съ обществомъ, въ средѣ котораго вырабатывается такая жизнь... Но гдѣ эти отрадныя впечатлѣнія? Въ какихъ уголкахъ Солуня скрыты они?

28 марта.

Сегодня мы осматривали Чаушь-монастырь, въ которомъ нѣкогда жилъ и спасался предатель-монахъ, и которому городъ обязанъ своимъ паденьемъ. Всякое предательство вообще дѣйствуетъ на сердце тяжелымъ образомъ, но предательство политическое, отъ котораго страдаютъ и даже погибаютъ цѣлыя массы народа,—производитъ такое отвращенье, что даже тяжело смотрѣть на самое мѣсто этого предательства, какъ будто каждый камень и каждая песчинка принимали участіе въ дѣлѣ и пропитались воздухомъ, который выдыхалъ изъ себя предатель...

Какъ ни мало въ Солунѣ смысла политическаго и чувствъ гражданскихъ, однако онъ тоже проклялъ это мѣсто, и самый монастырь до сихъ поръ отмѣченъ въ народѣ недоброй памятью. Какъ звали предателя — народъ не помнитъ, но съ тѣхъ поръ, какъ совершилось злодѣйство, монастырь потерялъ свою репутацію и въ немъ даже монахи не селятся больше. Дѣло, разсказываютъ, было такъ: когда Амуратъ 2-й осадилъ Солунь, то въ немъ было еще много съѣстныхъ припасовъ, и городъ разсчитывалъ выдержать осаду до тѣхъ поръ, пока не придетъ къ нему помощь изъ Константинополя. Онъ еще имѣлъ надежду отразить врага, и отразилъ бы его, если бы Амурату не подслужился монахъ. Этотъ монахъ, вѣроятно изъ корыстолюбивыхъ разсчетовъ или просто изъ желанія подслужиться сильному врагу,—перебросилъ въ станъ непріятельскій стрѣлу съ запиской, въ которой было указано мѣсто, гдѣ можно пересѣчь воду, протекавшую въ городъ. Султанъ по этой запискѣ безъ труда отыскалъ подземные водопроводы, разрушилъ ихъ, и городъ, лишенный воды, принужденъ былъ сдаться. Вѣроятно, въ этой измѣнѣ участвовала вся братія монастырская, потому что Амуратъ, овладѣвъ городомъ, тотчасъ же далъ монастырю особыхъ чаушей (т. е. охранительную стражу) для защиты его отъ мести народной, и, въ знакъ особеннаго благоволенья, велѣлъ поставить на монастырскихъ воротахъ каменное изваяніе чаушской шапки. Такимъ образомъ этотъ монастырь долгое время пользовался милостями султана, а несчастный Солунь превратился въ турецкій городъ еще за тридцать лѣтъ до паденія Константинополя.

Монастырь помѣщается на самой высокой оконечности города, подлѣ сѣверо-западныхъ стѣнъ его. По мѣрѣ приближенія къ монастырю, обывательскіе домики постепенно рѣдѣютъ, мѣстность становится печальнѣе и безлюднѣе, а около самаго монастыря уже вовсе не видно жилья человѣческаго и мѣстность наполнена одними обломками камней, точно послѣ землетрясенія. На воротахъ стоитъ знаменитая чаушская шапка; тутъ же недалеко помѣщается большой мраморный бассейнъ старинной постройки, куда проведена вода изъ горныхъ ключей и откуда она множествомъ жолобовъ разливается по всему городу. Въ самомъ монастырѣ нѣтъ ни одного монаха, а живутъ только два наемные священника, потерявшіе мѣста при городскихъ церквахъ, и они-то правять здѣсь по праздникамъ службы церковныя. Всѣми дѣлами монастыря въ настоящее время правитъ какой-то міряининъ и арендуетъ всѣ сохранившіяся имѣнія его. Такимъ образомъ теперь здѣсь все нанятое, поддѣланное, и все еле держится.

Въ церкви монастырской хранится подъ именемъ святыни: *калокифія*, то есть тыквенная чашка, которая принадлежала будто бы самому I. Христу. Она оправлена въ серебро, и вѣрующіе цѣлуютъ эту тыкву и пьютъ изъ нея воду. Утварь монастырская сдѣлана изъ русскаго золота и серебра и отмѣчена русскими молитвами.

Послѣ обычнаго угощенья вареньемъ и кофе, которымъ подчивали насъ обыватели монастыря, — мы покинули этотъ печальный уголокъ и спустились въ городъ къ нашей старухѣ на подворье. На улицахъ сегодня особенное движенье: прибыли два иностранные парохода, и потому городъ наполнился иностранцами. Передъ нѣкоторыми, вѣроятно богатыми, путешественниками, въ видѣ почетной стражи, идутъ кавасы съ палками въ рукахъ, и народъ со страхомъ сторонится отъ этихъ палокъ.

За городскими воротами, по праздникамъ, устроивается въ маленькихъ размѣрахъ народное гулянье. Тамъ подъ тѣнью четырехъ увѣсистыхъ платановъ раскидываются палатки, въ которыхъ продаютъ кофе и разныя восточныя лакомства, и около этихъ палатокъ толпится праздный народъ. Окрестности города до такой степени печальны и непривѣтливы, въ нихъ такъ мало растительности и движенья, что и въ загородной прогулкѣ удовольствій очень немного. Кругомъ на нѣсколько верстъ раскинуты турецкія и еврейскія кладбища, съ коническими плитами вмѣсто памятниковъ, подъ которыми догниваютъ прежніе обитатели Солуня, и это царство мертвыхъ занимаетъ гораздо болѣе мѣста, чѣмъ самый городъ. На этомъ кладбищѣ не разгуляешься и потому народъ поневолѣ толпится около палатокъ, гдѣ по крайней мѣрѣ полакомиться можно. Вмѣстѣ съ народомъ и я сегодня наслаждался праздникомъ у этихъ палатокъ; а кругомъ было такъ тихо, непразднично,—точно гулянье происходило тайкомъ или подъ строгимъ запрещеньемъ. Рядомъ со мною нѣсколько паръ, присѣвъ на низенькіе табуреты, занимались какою-то игрою въ родѣ шахматовъ или шашекъ; за этими игроками слѣдила цѣлая толпа зѣвакъ и шопотомъ высказывала свои мнѣнья. Напротивъ меня нѣсколько жидковъ, усѣвшихся рядкомъ, чинно пили кофе. Въ сторонѣ отъ палатки гуляла группа еврейскихъ дѣвушекъ и искоса поглядывала на насъ. Всѣ онѣ одѣты въ яркія разноцвѣтныя платья, у всѣхъ косы покоятся въ разукрашенныхъ чахлахъ, но лица не отличаются особенною миловидностью. Около часу просидѣлъ я на этомъ гуляньѣ, стараясь подмѣтить хоть что нибудь веселое,—но не подмѣтилъ...

II.

На пароходѣ «Оттонъ».

Прощанье съ Солунемъ. —Національныя особенности пассажировъ.—Грекъ-патріотъ.—Бесѣды съ нимъ о нынѣшнемъ положеніи Турціи. —Ночь на пароходѣ. —Островъ и городъ Скіаѳо. —Село Трикери.—Воло.

Апрѣля 2.

Вчера вечеромъ я наконецъ покинулъ Солунь и перебрался на греческій пароходъ Оттонъ, отправлявшійся въ Ѳессалію. Надо признаться, что этотъ пароходъ не щеголялъ особенными удобствами. Дѣло въ томъ, что онъ долго служилъ въ военной службѣ, и только за старостью лѣтъ уволенъ въ отставку и пустился по торговой части; поэтому на немъ оказалась только одна крошечная каюта для избранныхъ пассажировъ перваго класса, а остальной народъ долженъ былъ громоздиться, въ качествѣ товара, на широкой палубѣ, располагаясь помѣщеньемъ, какъ придется.

Пассажировъ набралось много и большинство ихъ носило тотъ же мѣщанскій оттѣнокъ, какимъ отличается населеніе Солуня. Съ криками и руганью толкались они по палубѣ съ огромными узлами, изъ которыхъ выглядывали старыя одѣяла и разное тряпье, взятое для подстилки на палубу; мѣстами затѣвались ссоры и слышались угрозы; мѣстами происходили трогательныя сцены прощанья, плакали, цѣловались и благословляли другъ друга. Тутъ же въ толпѣ бѣгали таможенные, двигались носильщики съ увѣсистою кладью, шныряли кавасы... Наконецъ пароходъ тронулся въ путь медленнымъ, стариковскимъ ходомъ. Городъ былъ передъ нами, какъ на ладони; какъ правильный треугольникъ раскинулся онъ на скатѣ горы, съ своими башнями и минаретами, и въ самомъ верху этого треугольника бѣлѣлись постройки чаушь-монастыря. Солнце послѣдними лучами жгло его стѣны. Вдали мелькали шлюпки прощавшихся съ пароходомъ солунянъ и все еще махавшихъ платками и шляпами. Съ парохода отвѣчали имъ тѣмъ же, и у нѣкоторыхъ отъ этого еще пуще полились слезы. Особенно горько рыдала одна молодая дѣвушка. Облокотясь на бортъ и прижавши къ щекѣ мокрый отъ слезъ платокъ, какъ окаменѣлая, смотрѣла она на Солунь, и во всей ея фигурѣ выражалось такъ много отчаянной грусти, какъ будто она покидала тамъ всѣ свои радости и надежды. За нею съ любовью слѣдила дряхлая старушка и напрасно силилась она успокоить дѣвушку наивными внушеньями: «перестань-же, всѣ смотрятъ, что подумаютъ» и т. п.; для дѣвушки не существовало ничего, кромѣ этой милой, покинутой дали... Густой туманъ покрылъ поверхность воды; за нами уже чуть-чуть бѣлѣлись городскія стѣны, потомъ и онѣ исчезли, а дѣвушка все еще упорно продолжала глядѣть туда и судорожно всхлипывала. Прощай Солунь!

На палубѣ общество понемногу успокоилось и размѣстилось, какъ умѣло, между своими узлами и тюками товаровъ. Скоро, однако, эти узлы раскрылись и изъ нихъ повылѣзли на свѣтъ божій разныя одѣяла, матрацы и другіе предметы, взятые для удобства путешествія, и палуба скоро преобразилась въ походный лазаретъ, наполненный лежачими. Слышался разговоръ и смѣхъ; нѣкоторые, собравшись въ кучу, съ жадностью пожирали сушеную рыбу съ примѣсью турецкихъ бобовъ, другіе смотрѣли на нихъ съ завистью; только одни турки, справляя установленія рамазана, сидѣли съ постными лицами и, какъ видно, ждали съ нетерпѣніемъ: скоро-ли сядетъ солнышко и можно будетъ вознаградить себя за дневной постъ. На тѣсномъ помостѣ палубы сошлись теперь образчики всѣхъ восточныхъ націй, и тутъ-то сразу можно было видѣть, какъ рѣзко отличаются эти націи другъ отъ друга и какъ, значитъ, имъ трудно не ссориться между собою. Турки рѣзко отличаются отъ всѣхъ остальныхъ пассажировъ своимъ комически-степеннымъ видомъ; они, какъ руководители востока, гордо развалились на лучшихъ мѣстахъ палубы и во всѣхъ ихъ лѣнивыхъ, полусонныхъ движеніяхъ такъ и сквозило чувство собственнаго достоинства и сознанія своего превосходства предъ другими. Даже и тотъ испитой турка, съ пожелтѣлой, изнуренной рожей, примостившійся около мачты,—и тотъ постарался развалиться какъ можно удобнѣе, смотритъ на все окружающее, какъ философъ, понявшій тайну жизни, и мѣста своего онъ даромъ никому не уступитъ. У грековъ лица задумчивыя, сосредоточенныя, только глазки ихъ проворно перебѣгаютъ съ предмета на предметъ и смотрятъ на каждаго незнакомца такъ вкрадчиво, какъ будто напередъ стараются угадать, о чемъ и какъ съ нимъ при случаѣ заговорить надо; они сильному, пожалуй, и уступятъ свое мѣсто, но съ достоинствомъ. Подвижныя эластичныя фигурки евреевъ столпились въ кучу на носу и тамъ сейчасъ же освоились съ мѣстомъ, устроили себѣ маленькій еврейскій кварталъ и уже копошатся и хлопочутъ о чемъ-то, не обращая никакого вниманія на сосѣдей. Ихъ съ мѣста согнать трудно: они скрючатся до нельзя, изворотятся въ клубокъ, но съ мѣста все-таки не сойдутъ. Но вотъ видна вдали фигура славянина съ лицомъ добродушнымъ и довѣрчивымъ до наивности. Въ немъ замѣтно что-то забитое до притупленья, всѣхъ онъ боится, всѣ надъ нимъ начальники, всякій его обидѣть можетъ, кому только не лѣнь, и онъ какъ-то безропотно переноситъ обиды и рабски уступаетъ свое мѣсто другому.

Оттонъ подвигался медленно, и механикъ, какъ я узналъ потомъ, нарочно не давалъ ему ходу изъ опасенія, чтобы не лопнулъ котелъ. На чистой площадкѣ кормовой палубы мрачно расхаживалъ капитанъ парохода съ перевязанною рукою и шрамомъ на щекѣ. Изъ каюты вышли было подышать воздухомъ его молодая жена, маленькая дочь и гувернантка, но подышали очень немного и, съежившись отъ холода, торопливо спустились обратно въ каюту. Ночь наступила быстро; на встрѣчу намъ задулъ холодный, пропитанный сыростью вѣтеръ, и пароходъ стало замѣтно покачивать. Я спросилъ себѣ стаканъ чаю, и закоптѣлый буфетчикъ вынесъ мнѣ какую-то жидкость, отъ которой пахло болѣе кофеемъ, чѣмъ чаемъ,— но тутъ разбирать было уже некогда, все теплое было кстати. Рядомъ со мною стоялъ молодой грекъ, въ европейскомъ костюмѣ, съ красивыми и умными чертами лица; облокотясь на бортъ, онъ съ улыбкой наблюдалъ за моимъ чаепитіемъ.

— Я готовъ пари держать, что вы или англичанинъ, или русскій,—сказалъ онъ мнѣ.

— Почему вы такъ думаете?

— Потому что вы пьете чай, а не кофе. Здѣшніе жители пьютъ только кофе.

— Вы угадали: я русскій.

— А!.. И были въ Солунѣ, вѣроятно, по дѣламъ службы?

— Почти что такъ.

— Не люблю я этотъ бусурманскій городъ. Живя въ Солунѣ, трудно повѣрить, что живешь на европейскомъ материкѣ, а не въ глубинѣ Азіи. Не правда-ли?

— Да, но вѣдь я зналъ, что вижу востокъ Европы, а весь востокъ, какъ вы сами, конечно, знаете, живетъ особенною жизнью, независимою отъ запада...

— Я теперь только возвращаюсь изъ-за границы; объѣхалъ почти весь западъ, отъ Рима до Лондона, и признаюсь: возвращаюсь не слишкомъ-то весело...

— Почему же?

— Да потому, что послѣ жизни запада, слишкомъ рѣзко бросается въ глаза жизнь моей родины и становится какъ-то досадно и обидно за свое безсиліе. Вамъ, конечно, непонятно это непріятное ощущенье раба: вы русскій, вы свободны...

— Конечно; у насъ крестьянъ вотъ даже освободили...

— А теперь полюбуйтесь-ка на наше житье. Вы вѣдь въ Ѳессалію ѣдете?

— Да.

— Вотъ поглядите, что дѣлаютъ турки въ нашемъ, когда-то поэтическомъ, прославленномъ краю. Я самъ ѳессаліотъ и люблю свою родину за то, что она давно уже рвется къ независимой жизни и вѣроятно достигнетъ этого скоро. Нигдѣ патріотизмъ не развитъ такъ сильно, какъ въ Ѳессаліи, и въ то же время нигдѣ деспотизмъ турецкій не доходитъ до такихъ звѣрскихъ размѣровъ, какъ у насъ. Казни на каждомъ шагу, безъ суда и расправы; разбои повсемѣстные; каждый турка можетъ свободно ограбить любого поселянина и распоряжается въ его домѣ, какъ въ своемъ собственномъ; дочерей и женъ приходится прятать, имущества закапывать въ землю; народъ ропщетъ, но не смѣетъ вслухъ произнести своего ропота, потому что за малѣйшее сопротивленье турки въ цѣломъ селѣ не оставятъ камня на камнѣ. У нашего лучшаго города, Лариссы, на первомъ планѣ поставлена большая каменная висѣлица, на которой частенько умираютъ наши патріоты. И замѣтьте, турки вѣшаютъ не такъ, какъ вездѣ, а просто опутаютъ жертву веревками, да и повѣсятъ на крюкъ вверхъ ногами, и несчастный провиситъ въ такомъ положеніи до тѣхъ поръ, пока не умретъ отъ голоду и боли.

— А какже послѣдній гатти-гумаюнъ? Вѣдь вы имѣете право жаловаться?

— Какъ тутъ жаловаться? Къ султану и его министрамъ, конечно, не допустятъ, а если бы и допустили, толку вышло бы мало. Недавно еще нѣсколько горожанъ изъ Трикалы поѣхали было жаловаться на одного агу, который ограбилъ ихъ, но только этотъ ага догналъ ихъ на дорогѣ и упряталъ такъ далеко, что до сихъ поръ объ нихъ ни слуху, ни духу. Каждый понимаетъ, что ему жестоко отомстятъ, если онъ вздумаетъ жаловаться, ну и молчитъ и терпитъ. Что тутъ подѣлаешь, если пашамъ и агамъ дана такая неограниченная власть и почти полная безотчетность. Болѣе всего досадно на то, что Европа силится всѣми мѣрами поддержать это издыхающее царство, и навязываетъ Турціи разныя европейскія нововведенія, какъ будто они могутъ привиться къ этому азіатскому племени. Султанъ, конечно, слушаетъ своихъ западныхъ внушителей и безсознательно дѣлаетъ все, что прикажутъ ему, а что толку? Вотъ не такъ давно разослано было ко всѣмъ пашамъ предписаніе, чтобы они къ извѣстному сроку собрали и представили въ Константинополь статистическія свѣдѣнія о числѣ родившихся и умершихъ, каждый въ своемъ округѣ; и что же: большинство пашей отвѣтило, что въ ихъ округахъ въ теченіи года родившихся и умершихъ не было и что все, по милости аллаха, обстоитъ благополучно. И повѣрьте, что болѣе обстоятельныхъ отвѣтовъ никто отъ нихъ не добьется... Или уморительная исторія Константинопольскаго университета; слышали вы ее?

— Слышалъ, но не ясно.

— Дѣло въ томъ, что этотъ разсадникъ турецкой мудрости помѣстили на горѣ, какъ разъ надъ самымъ сералемъ султана. Изъ оконъ университета можно было видѣть все, что происходитъ въ саду сераля, а тамъ частенько гуляли жены султанскія. Очевидно, молодой народъ не могъ смотрѣть равнодушно на такое пріятное сосѣдство и завелъ съ султаншами любовныя шашни. Какъ только узналъ объ этомъ султанъ, сейчасъ же приказалъ уничтожить университетъ, и дѣйствительно студентовъ оттуда выгнали, зданіе перепортили, стекла выбили, и теперь тамъ, кажется, помѣщается рота солдатъ. И смѣшно и жалко. Нѣтъ; турки сами начинаютъ сознавать, что они гости въ Европѣ и только чудомъ какимъ-то до сихъ поръ держатся въ ней, къ стыду всей Европы. Непонятно въ самомъ дѣлѣ, какъ еще существуетъ это государство, при такомъ разстройствѣ своей финансовой системы, безъ денегъ, безъ школъ, безъ войска, между тѣмъ какъ подвластные имъ народы развиваются слишкомъ быстро и съ каждымъ днемъ яснѣе и яснѣе предъявляютъ свои права на независимость? Султанъ махнулъ рукою и кутитъ на послѣднія денежки; паши только кнутами да палками и могутъ поддержать свое временное значеніе и, не получая жалованья отъ казны, очертя голову грабятъ народъ. Народъ бѣднѣетъ, ожесточается болѣе,—и, знаете-ли, мнѣ кажется, что все это къ лучшему... Каждая новая несправедливость и жестокость со стороны правительства, приближаетъ минуту возстанія. Такъ пусть же ихъ грабятъ сильнѣе и тѣмъ ускоряютъ дѣло! Не правда-ли?

— Конечно.

— А моя Өессалія поднимется одна изъ первыхъ: тамъ жажда свободы достигла высшей степени развитія, и народъ ждетъ только перваго удобнаго случая, чтобы начать дѣло. Къ этому побуждаетъ его и близкое сосѣдство съ Элладой, которая тѣмъ же кровавымъ путемъ достигла свободы и давно зоветъ насъ къ себѣ. Посмотрите, какъ она теперь прекрасно устроилась! Въ какихъ нибудь 40 лѣтъ она въ миніатюрѣ завела у себя все, что только въ послѣднее время выработала у себя Европа: имѣетъ свои парламенты, свой университетъ, который снабжаетъ ученостью даже всю рабскую Грецію, — имѣетъ школу художествъ, свою свободную литературу и проч. Повѣрьте, что впослѣдствіи она даже перещеголяетъ Европу...

— А все-таки ею правитъ чужой король.

— Что же дѣлать? Дождемся когда нибудь и своего. Конечно, Европа по праву сильнаго опять вмѣшается въ наше кровное дѣло: она изобрѣла какіе-то законы политическаго равновѣсія, и на основаніи этого, конечно, вступится за турокъ,—но мы надѣемся когда нибудь освободиться и отъ этой непрошенной опеки. Надежда дѣло великое.

Онъ замолчалъ и задумался.

Пароходъ медленно и плавно перекачивался съ боку на бокъ; два фонаря на мачтахъ его, какъ два глаза, сверкали вверху; изъ подъ котловъ вырывались струи свѣта; но на палубѣ не слышалось ни одного человѣческаго звука: всѣ спали такъ крѣпко и сладко будто въ своихъ родныхъ солунскихъ лачугахъ; даже вахтенные, и тѣ, прижавшись къ мачтамъ, казалось дремали... А кругомъ тьма кромѣшная: не видно ни неба, ни моря, и едва-едва мѣстами сверкаетъ бѣлая пѣна волнъ.

— А, знаете ли, я слышалъ, что на пароходѣ котлы плохи, — сказалъ мнѣ вполголоса мой сосѣдъ.—Что, если вдругъ лопнутъ: дѣло выйдетъ нехорошее.

— Тогда мы, вѣроятно, потонемъ,—отвѣтилъ я шутя.

— Я самъ тоже думаю.

Я прилегъ на кучу парусовъ, и долго еще лежа слышалъ завыванье вѣтра, визги реевъ, стонъ часоваго колокола и отчаянный плачъ ребенка въ каютѣ.

На разсвѣтѣ мы объѣхали подводные камни, окружающіе островъ Скіафо, на которомъ помѣщается маленькій городокъ того же имени, принадлежащій къ свободной Греціи, и потому потянулись передъ нами голыя, безжизненныя скалы, едва прикрытыя мелкимъ кустарникомъ. Кое-гдѣ, по вершинамъ скалъ и на отдѣльныхъ островкахъ, бѣлѣлись монастыри, которыми такъ богата рабская Греція, — монастыри когда-то богатые и цвѣтущіе, а теперь забытые и покинутые съ тѣхъ поръ, какъ земля подъ ними стала свободною. Потомъ мы увидѣли знаменитое село Трикери, принимавшее такое дѣятнльное участіе въ возстаніи 1821 г. Село помѣстилось на самомъ верху дикой скалы и кругомъ его нѣтъ ни одного деревца, ни кустика: все безжизненно и голо, будто послѣ пожара. Внизу подъ селомъ устроена небольшая пристань и къ ней привязано нѣсколько лодокъ, на которыхъ дѣти прославленныхъ отцовъ занимаются пока рыбнымъ промысломъ.

— Отсюда начинаются святыя мѣста,—шепнулъ мнѣ сосѣдъ-патріотъ.—Отсюда каждый камушекъ будетъ напоминать вамъ о великихъ событіяхъ нашей исторіи, и о крови нашихъ мучениковъ. Эхъ, славныя мѣста-то какія!... прибавилъ онъ, съ восторгомъ любуясь на Трикери.

Наконецъ увидѣли мы и Воло. По сторонамъ небольшого залива стоятъ турецкія укрѣпленія, а въ глуби его помѣщается самая крѣпость. Мѣстность цвѣтущая, роскошная; вдали синѣются цѣлые лѣса изъ лавра и тополя, и среди ихъ, какъ бѣлая лента, вьется по холмамъ дорога въ Лариссу. На окрестныхъ горахъ разсыпано до сорока греческихъ селеній, и нѣкоторыя изъ нихъ лѣпятся на такихъ крутизнахъ, что поневолѣ дивишься имъ. И все это оживлено; во всемъ видно начало другой жизни, не турецкой. Въ самомъ дѣлѣ, мѣста-то какія славныя!...

III.

Крѣпость Воло въ Өессаліи.

Греческій кварталъ въ Воло.—Турецкая крѣпость.—Деревянныя пушки.—Улицы и обыватели крѣпости.—Адамово ребро.—Избіеніе женщинъ и дѣтей. — Русскій колоколъ въ Воло. — Чудесный источникъ. — Заброшенныя каменоломни.

Апрѣля 3.

Послѣ морской качки и пароходнаго климата, какъ пріятно отдохнуть въ какомъ бы то ни было пріютѣ, напиться чайку, побесѣдовать съ добрыми людьми, и потомъ въ своемъ дневникѣ вторично прослѣдить все, что видѣлъ и слышалъ въ теченіи дня. Это удовольствіе теперь испытываю я. Комната у меня свѣтлая, чистая, съ европейскими удобствами; въ широкое окно видно море, и темными силуэтами рисуются на немъ спящія суда. Вокругъ тишина мертвая и не спимъ мы только двое: я да это безпокойное море, которое упорно продолжаетъ волноваться, какъ будто желаетъ омыть отъ наносной грязи прославленные берега старой Греціи.

Мы остановились въ греческомъ кварталѣ, у г. С..., агента русскаго консула въ Ларисѣ, который въ первый разъ видитъ русскихъ, и потому старается оказать намъ возможную любезность. Греческій кварталъ Воло помѣщается въ полуверстѣ отъ крѣпости, на самомъ берегу залива, и самъ по себѣ составляетъ отдѣльный городокъ. Въ немъ греки обстроились на европейскій ладъ, у всѣхъ дома чистые и свѣтлые, съ тѣми удобствами, какія рѣдко можно встрѣтить въ греческихъ домахъ средней руки. Турокъ вовсе нѣтъ въ этомъ кварталѣ, они всѣ убрались въ свою крѣпость. Тамъ, никѣмъ не тревожимые, они устроились по своему вкусу и спятъ себѣ на свободѣ. Не совсѣмъ-то я жалую турокъ, однако, не утерпѣлъ, чтобы не заглянуть въ ихъ убѣжище. Крѣпость, какъ и слѣдуетъ быть ей, окружена со всѣхъ сторонъ стѣнами, на которыхъ помѣщается до 25 пушекъ, только злые языки говорятъ, что всѣ эти пушки *глиняныя*, такъ какъ настоящія давно уже проданы кому-то комендантомъ крѣпости за ненадобностью. Черезъ желѣзныя ворота пробрался я съ проводникомъ въ эту тихую обитель сна и покоя и, озираясь, поплелся по пустыннымъ улицамъ. Улицы кривыя и наглухо заставленныя глиняными заборами, изъ-за которыхъ рѣдко гдѣ мелькнетъ убогое окошко, занавѣшенное какою нибудь тряпкою. Мѣстами устроены водоемы, и у нихъ иногда встрѣчаются женщины съ кувшинами и лоханями; у всѣхъ лица завязаны кисеею, во избѣжаніе соблазна для прохожихъ, однако, я подсмотрѣлъ нечаянно одно лицо, когда какая-то грація обмывала его водою: подсмотрѣлъ и, признаюсь, порадовался, что эти существа такъ тщательно завязываютъ свои лица.

Точно по кладбищу ходилъ я по уродливымъ улицамъ, не встрѣтивъ нигдѣ ни одной души живой. Отъ рамазана ли это зависѣло, или такая пустынность—обычный колоритъ города, не знаю; но только эта пустынность рѣзко бросается въ глаза послѣ той шумной дѣятельности, какую я видѣлъ на солунскихъ улицахъ. Характеръ построекъ и здѣсь, и тамъ почти что одинаковъ, но тамъ главное движеніе городу придаютъ евреи, тогда какъ здѣсь никто не тревожитъ турокъ, и потому ихъ природная неподвижность и апатія отражается на всемъ складѣ города, сквозитъ изъ каждой щели и окна, такъ что даже собаки и ослы здѣшніе—и тѣ какъ будто зѣваютъ и сквозь сонъ поглядываютъ на свѣтъ божій. На поворотѣ одного переулка у колодца, мы встрѣтили полунагого араба; онъ хотѣлъ было зачерпнуть воды, но, завидѣвъ насъ, остановился, и на маслянистой рожѣ его выразилось такое изумленіе, точно онъ въ первый разъ увидѣлъ въ зеркалѣ самого себя. Оборванный мальчишка выбѣжалъ изъ воротъ и швырнулъ вслѣдъ намъ камень, потомъ другой камень пролетѣлъ мимо насъ, и мы, во избѣжаніе опасности, принуждены были скорѣе удалиться изъ этого непривѣтливаго города.

Надъ крѣпостными воротами, въ видѣ диковинки, виситъ позвонокъ и ребро какого-то исполинскаго скелета, и проводникъ поспѣшилъ объявить мнѣ, что это «адамово ребро», то самое, изъ котораго сотворена была первая женщина. Попробовалъ было я увѣрить его, что это, по всей вѣроятности, китовое ребро, но проводникъ вмѣсто отвѣта только улыбнулся лукаво и замѣтилъ, что на ребрѣ надпись есть.

За стѣнами города я былъ свидѣтелемъ очень характерной сцены. По дорогѣ тащился грекъ убогаго вида и велъ онъ такого же убогаго осла, на которомъ, едва прикрытая рубищемъ, сидѣла женщина съ ребенкомъ, а рядомъ шли еще двѣ женщины. Слѣдомъ за ними, на арабскомъ, разукрашенномъ конѣ ѣхалъ одинъ изъ вельможъ турецкихъ, въ сопровожденіи каваса. Только этому вельможѣ должно быть не понравилось, что передъ нимъ ѣдетъ такая сволочь; онъ мигнулъ кавасу, и тотъ, выхвативъ изъ подъ сѣдла толстую палку, стремглавъ помчался на расправу. Съ воплемъ испуганныя женщины ринулись въ сторону и въ ужасѣ попадали на траву, желая прежде всего спасти ребенка, но кавасъ наскакалъ на нихъ и со звѣрскимъ наслажденьемъ принялся работать палкою, по чему попало. Я отвернулся и ускорилъ шаги, но сзади меня еще долго раздавался отчаянный вопль женщинъ и ребенка и глухіе удары палки,— пока наконецъ вельможа, наблюдавшій за расправой, не покончилъ ее словомъ «довольно». Такія сцены въ Ѳессаліи, говорятъ, приходится видѣть частенько, и не мудрено, что народъ при видѣ турецкаго вельможи замираетъ отъ страха, и что ненависть къ этому врагу проникла даже въ самые невѣжественные классы народа. Одинъ поселянинъ увѣрялъ меня, что на томъ мѣстѣ, гдѣ подохнетъ турка, даже трава не ростетъ, птица гнѣзда не совьетъ, и все то мѣсто покроется колючимъ чертополохомъ.

Греки, поселившіеся въ окрестностяхъ Воло, очень довольны, что они успѣли завести здѣсь отдѣльный кварталъ, гдѣ нѣтъ ни одного турка и гдѣ они могутъ жить, какъ хотятъ. Въ этомъ кварталѣ теперь выстроено до 60 домовъ съ красивыми магазинами, которые захватили въ свои руки всю мѣстную торговлю. Правда, что турки косо смотрятъ на этотъ кварталъ и по возможности мѣшаютъ его постройкамъ, опасаясь, чтобы онъ не превратился въ новый европейскій городъ,—но греки умѣютъ задобрить кого слѣдуетъ, и кварталъ понемногу ростетъ. Въ немъ есть даже небольшая церковь, при церкви колокольня, а на колокольнѣ *колоколъ*. Замѣтивъ эту рѣдкость греческихъ церквей и особенно заслышавъ мелодическій звонъ колокола, я почувствовалъ нѣкоторое умиленіе; но какова же была моя радость, когда я на колоколѣ явственно прочелъ надпись: «Ростовъ на Дону».

Еще давно гдѣ-то слышалъ я, что въ Воло есть удивительный источникъ, вода въ которомъ чудеснымъ образомъ появляется только одинъ разъ въ годъ, а именно въ пятницу на пасхѣ, въ праздникъ живоноснаго источника. Этотъ разсказъ я слышалъ и здѣсь, а потому не удивительно, что почувствовалъ непреодолимое желаніе посмотрѣть на эту диковинку. Со мною пошелъ г. С... и еще нѣсколько человѣкъ изъ желающихъ, а въ проводники мы взяли сельскаго пастуха, хорошо знакомаго съ мѣстностью источника. Долго поднимались мы на вершину горы Гурицы и наконецъ достигли до мѣста, гдѣ прежде помѣщалась старинная венеціанская крѣпость, извѣстная теперь въ этой мѣстности подъ простымъ названіемъ Франко-кастро. Крѣпость теперь, конечно, не существуетъ, но на вершинѣ Гурицы еще до сихъ поръ замѣтны слѣды крѣпостныхъ стѣнъ и другихъ зданій, и по этимъ слѣдамъ, какъ по картѣ, можно видѣть планъ города. Изъ остатковъ его теперь сложена тамъ небольшая церковь безъ кровли, и въ ней, въ праздникъ живоноснаго источника, мѣстные попы правятъ службу. Подлѣ церкви помѣщается старинная цистерна, съ превосходной водою.

— Здѣсь что ли источникъ-то чудесный? спросилъ я у пастуха.

— Тутъ вода есть. Значитъ, ищи дальше.

Мы спустились нѣсколько ниже и тамъ между кустами отыскали другую цистерну.

— Не тутъ ли? опять спросилъ я.

— Онъ самый и есть,—отвѣтилъ пастухъ.

Раздвинувъ сучья, мы увидѣли, что и въ этомъ источникѣ тоже есть вода, только мутная, тинистая, покрытая болотными растеніями. Я взглянулъ на пастуха. Нельзя было представить себѣ ничего комичнѣе изумленія, какое выразилось тогда на загорѣлой физіономіи нашего проводника. Онъ безсмысленно глядѣлъ то на насъ, то на источникъ, и только отъ времени до времени погружалъ въ эту запрещенную воду свою суковатую палку. Я наконецъ расхохотался.

— Да сегодня какой у насъ день? спросилъ озадаченный пастухъ.

— Не бойся, сердечный, не пасха,—отвѣчалъ я.—А ты часто ли бывалъ здѣсь прежде?

— Только въ праздникъ и бывалъ.

— Въ томъ-то и дѣло. Ходилъ бы почаще, такъ у тебя была бы вѣчная пасха.

А между тѣмъ дѣло объяснилось очень просто. Дѣло въ томъ, что во времена существованія города этотъ бассейнъ предназначался для сбереженія лишней воды, и когда въ верхней цистернѣ вода отъ дождей достигала до краевъ, то излишекъ ея черезъ подземныя трубы стекалъ въ другую цистерну, помѣщенную ниже; отсюда въ третью, и т. д. Это подтвердилось и тѣмъ, что въ чудесномъ источникѣ мы отыскали даже самыя отверстія подземныхъ трубъ. А тутъ время долго стояло дождливое, верхняя цистерна наполнилась до краевъ, и вода въ непоказанное время и пробралась въ чудесный источникъ. Такъ вообще устроиваются водоемы въ горныхъ безводныхъ мѣстахъ.

Вся гора, на которой покоятся обломки стараго города и источникъ, изрыта глубокими каменоломнями, такъ что внутри ея образуется множество пещеръ и подземныхъ ходовъ. Эти каменоломни давно уже брошены, но онѣ очень были полезны для мѣстнаго населенія во время возстанія. Въ обширныхъ пещерахъ горы укрывалось отъ преслѣдованья турокъ множество греческихъ семействъ, и отсюда они потомъ, черезъ подземные ходы, могли выходить къ морю и бѣжать далѣе уже на лодкахъ. Мнѣ интересно было заглянуть въ эти пещеры и, сквозь небольшую лазейку у самаго берега, мы всѣ вошли въ огромный залъ съ искусственными колоннами и нишами; съ одной стороны этого зала, въ заросшее плющемъ отверстіе, хлещутъ волны морскія, а съ другой стороны маленькая лѣстница ведетъ во внутреннія галлереи. Къ несчастью, начинало уже смеркаться, и потому пробраться въ эти галлереи было и трудно, и опасно.

На обратномъ пути мы встрѣтили семейство греческаго консула, а съ нимъ того патріота, съ которымъ я познакомился на пароходѣ. Начались обыкновенные разговоры: «какъ нравится мѣстность? были ли въ крѣпости?» и т. п. И всѣ-то они радуются, что мы увидимъ наконецъ Ѳессалію, и обѣщаютъ впереди множество новыхъ впечатлѣній и пріятныхъ, и печальныхъ... А вотъ посмотримъ...

На берегу, подлѣ самой воды, стоитъ одинокая могила съ крестомъ; волны хлещутъ въ ея насыпь и покрываютъ ее слоями свѣжаго песку. Неизвѣстно, кто сложилъ здѣсь свои косточки; спрашивалъ я объ этомъ у пастуха, но получилъ въ отвѣтъ только одно слово «чужой». А вѣроятно здѣсь закопанъ какой нибудь иностранецъ, котораго щепетильные греки не захотѣли похоронить на своемъ кладбищѣ только за то, что онъ носилъ имя «протестанта». Потомки древней Византіи не жалуютъ протестантовъ религіозныхъ: они для грековъ «чужіе»...

Завтра въ путь, на новыя встрѣчи.

ѲЕССАЛІЯ

(Разсказы изъ путевыхъ воспоминаній)

ѲЕССАЛІЯ

(Разсказы изъ путевыхъ воспоминаній *)

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ОЛИМПЪ И ЕГО ОКРЕСТНОСТИ.

I.

Село Бабà.

Дорога отъ г. Лариссы до Темпейской долины.—Неудобства путешествій по Востоку.—Турецкое село Бабà.—Хаджи Гассанъ.—Характеристика мѣстныхъ жителей.—Сельскій базаръ.—Дочери Гассана.—Нѣсколько словъ о турчанкахъ вообще. — Русскій полякъ на турецкой службѣ. — Наша встрѣча съ нимъ и бесѣды.

Рано утромъ выѣхали мы изъ Лариссы верхомъ на поджарыхъ мулахъ по направленію къ Темпейской долинѣ. Съ нами ѣхали наши неизмѣнные кавасы, Назифъ и Абди, сопровождавшіе насъ по приказанію ларисскаго паши во всѣхъ нашихъ странствіяхъ по Ѳессаліи, да шелъ еще погонщикъ, валахъ Михо, подгоняя сзади длиннымъ гвоздемъ отстававшихъ муловъ.

Вся компанія ѣхала молча, невесело, да и виды окрестные не возбуждали ничего веселаго: дорога тянулась по пустынной, болотистой равнинѣ, поросшей кое-гдѣ невысокимъ камышомъ; вокругъ ни одного дерева, ни одной избы и только видъ Олимпа на горизонтѣ нѣсколько

---

*) Я былъ въ Ѳессаліи весною 1859 г. съ однимъ изъ ученыхъ нашихъ путешественниковъ П. Мы едва ли не первые изъ русскихъ проѣхали по этой странѣ.

красилъ мѣстность. Будто громадный, искусственный валъ стоялъ передъ нами хребетъ олимпійскій; на немъ покоились густыя массы тучъ, а надъ ними, еще выше, какъ бѣлая палатка, торчала коническая вершина Оссы (нынѣ Кисово), засыпанная снѣгомъ. Главной вершины Олимпа изъ-за тучъ мы не видали.

Долго ѣхали мы по этой пустынѣ, не встрѣчая ни одной души живой, и вотъ часа два спустя увидѣли, наконецъ, при дорогѣ нѣсколько старыхъ платановъ, между которыми изъ-подъ камня бѣжитъ ручей, будто нарочно для перепутья странникамъ... Подъ этими платанами отдыхало нѣсколько кочевыхъ семействъ; дѣти плескались въ ручьѣ; развьюченные мулы стояли повѣсивъ головы: нечего было пощипать имъ на этой заглохшей почвѣ. Отцы семействъ лѣниво смотрѣли на наше приближеніе, привѣтствуя насъ своимъ неизмѣннымъ «ора кали сасъ» (часъ добрый вамъ)! Во всей группѣ было что-то сонное, невольно вызывающее зѣвоту.

И опять таже голая степь, какъ и прежде; дорога усѣяна мелкимъ камнемъ, будто русло высохшей рѣки. Сѣверный вѣтерокъ, освѣжавшій насъ утромъ, къ полудню пропалъ совершенно. Солнце жгло немилосердно; въ жгучемъ воздухѣ носились миріады слѣпней и разныхъ насѣкомыхъ, пожиравшихъ и коней и всадниковъ; эти насѣкомыя будто корою покрывали насъ, впивались въ глаза, въ уши; не было силъ дышать. Старый Назифъ съ досадой сбросилъ съ себя мохнатый капишонъ, которымъ укутался было съ утра, и проворчалъ «жарко!» Михо съ ожесточеніемъ тыкалъ своимъ гвоздемъ въ костлявые бока животныхъ, чтобы заставить ихъ ускорить шагъ, а тѣ только обмахивались и попрежнему шагали упрямымъ лѣнивымъ шагомъ. Не предвидѣлось никакихъ средствъ сократить мучительную дорогу, а жаръ болѣе и болѣе охватывалъ насъ...

Туристы, разъѣзжающіе по Европѣ въ покойныхъ экипажахъ и вагонахъ по 500 верстъ въ сутки и притомъ, съ увѣренностью, что вездѣ найдутъ сносный столъ и ночлегъ, и представить себѣ не могутъ тѣхъ трудностей и неудобствъ, съ какими соединено путешествіе по востоку... Здѣсь слово *путешествіе* до сихъ поръ сохранило всю свою силу. Здѣсь самый рьяный туристъ проѣдетъ въ сутки не болѣе семидесяти верстъ и для этого ему надо высидѣть на спинѣ мулиной или ослиной не менѣе четырнадцати часовъ сряду, — часто въ пустынѣ, гдѣ ни одно деревцо не укроетъ его отъ жара. Послѣ утомительнаго переѣзда придется ему ночевать или подъ открытымъ небомъ, или въ грязной турецкой мазанкѣ; а для стола часто и не найдти ничего кромѣ кукурузоваго хлѣба и нѣсколькихъ маслинъ. И много такихъ мучительныхъ дней надо провести путешественнику, чтобы проѣхать пространство верстъ въ двѣсти или триста. Надо еще замѣтить, что на востокѣ у содержателей муловъ нѣтъ такихъ покойныхъ сѣделъ, какъ въ Европѣ; даже стремена и узда считаются роскошью. Здѣсь запросто на спину мула взваливаютъ большую тростниковую самару (родъ вьючнаго сѣдла); посадятъ на эту самару туриста, дадутъ ему въ руки вмѣсто узды веревку, привязанную къ шеѣ мулиной, и крикнутъ «гайда!» — поѣзжай какъ знаешь! А самара постоянно скользитъ на обѣ стороны какъ боченокъ, и, чтобы удержаться на ней въ равновѣсіи, надо имѣть особую снаровку, пріобрѣтенную горькимъ опытомъ. Каково же положеніе путешественника на такомъ сѣдлѣ во время жаровъ, когда онъ едва владѣетъ собою!

Виды нѣсколько оживились, когда показалась вдали мутно-желтая вода рѣки Саламвріи. Берега ея отъ самаго истока до устья покрыты яркою зеленью; рощи тополей и платановъ не прерываются. Дорогу пересѣкаетъ множество горныхъ ручьевъ, такъ что намъ пришлось около пяти верстъ ѣхать по колѣни въ водѣ. Долина постепенно съуживается; на скатахъ горъ, то здѣсь, то тамъ мелькаютъ села; растительность становится гуще и гуще и, наконецъ, у самаго входа въ Темпейскую долину, на мѣстѣ древней Темпы, стоитъ турецкое селеніе Баба̀, гдѣ мы предполагали провести ночь. Село Баба̀ имѣетъ райское мѣстоположеніе: оно все утонуло въ платановыхъ и кипарисовыхъ садахъ, изъ-за которыхъ видны только красивый куполъ и минаретъ мечети; внизу рѣка; огромные чинары раскинули свои вѣтви надъ нею, и эта роскошь растительности кажется еще привлекательнѣе, когда посмотришь на сосѣднія высоты, совершенно лысыя, безжизненныя. Село не велико; въ немъ всего до двадцати мелкихъ мазанокъ, вытянутыхъ по сторонамъ дороги, и между ними особенно бросаются въ глаза нѣсколько большихъ лавокъ и двѣ кофейни, размалеванныя самыми яркими красками.

По рекомендаціи нашихъ кавасовъ, мы остановились въ домѣ одного изъ почетныхъ обывателей села, хаджи Гассана. Хозяинъ очень церемонно принялъ насъ въ небольшой комнаткѣ, устланной цыновками; справа у оконъ были разложены на полу низенькія подушки и на нихъ онъ пригласилъ сѣсть насъ, а самъ сѣлъ у другой стѣны на цыновкѣ. Сѣли. Намъ подали сначала умыться, потомъ поднесли по микроскопической чашкѣ горькаго кофе и вслѣдъ затѣмъ поставили передъ нами блюдо съ легкой закуской, до которой, впрочемъ, хозяинъ не дотрогивался; онъ молча наблюдалъ за нами, лѣниво покуривая свое наргеле. Между тѣмъ за дверью уже успѣла собраться толпа любопытныхъ, и вотъ въ комнату одинъ за другимъ начали входить гости, большею частію муллы и имамы въ своихъ отшельническихъ костюмахъ, съ янтарными четками въ рукахъ. Послѣ обычныхъ привѣтствій, они скромно садились подлѣ хозяина и, перешептываясь, зорко слѣдили за всѣми нашими движеніями. Видно было, что нашъ пріѣздъ очень заинтересовалъ обитателей Баба̀, которымъ едвали когда приходилось видѣть русскихъ такъ близко. Надо замѣтить, что вообще наше путешествіе по Ѳессаліи возбудило много толковъ между туземцами. Случилось такъ, что въ то время въ Аѳинахъ былъ в. к. Константинъ Николаевичъ, пріѣздъ котораго взволновалъ окрестныхъ турокъ и навелъ на нихъ паническій страхъ. Много было разныхъ догадокъ и подозрѣній насчетъ этой поѣздки, говорили шепотомъ даже о завоеваніи Ѳессаліи, и насъ почему-то считали тайными агентами русскаго правительства, посланными въ Ѳессалію съ политическою цѣлью (о чемъ послѣ и разсказывали намъ мѣстные греки), и потому можно представить, съ какимъ напряженнымъ вниманіемъ всѣ слѣдили за ними. Изъ любопытства жителей Баба̀ можно было догадываться, что этотъ слухъ дошелъ и до нихъ, иначе трудно было бы объяснить эти подозрительные перешептыванія и взгляды.

Скоро вся почти комната наполнилась любопытными, и намъ такимъ образомъ пришлось играть въ этомъ обществѣ ту пассивную роль, какую у насъ играютъ великаны, заморскіе звѣри и другія невиданныя диковинки. Впрочемъ, А. П., вовсе не стѣсняясь присутствіемъ гостей, прилегъ на подушкахъ и скоро задремалъ; но мнѣ стало невыносимо мое положеніе и я пошелъ съ Назифомъ бродить по деревнѣ.

Самый лучшій уголокъ въ Баба̀—его кладбище и мечеть, гдѣ погребенъ основатель села, какой-то магометанскій святоша. Назифъ сказалъ мнѣ, что въ этомъ селѣ не смѣетъ жить ни одинъ христіанинъ, что почти всѣ жители полумонахи и фанатики, на которыхъ лежитъ обѣтъ не пить во всю жизнь ни вина, ни водки и не дружиться съ христіанами. Дѣйствительно, я замѣтилъ здѣсь преобладаніе дервишей и какой-то мрачный оттѣнокъ въ характерѣ жителей.

Проходя мимо лавокъ, я остановился у одной изъ нихъ, чтобы купить себѣ что-нибудь на память о Бабà, и, къ удивленію своему, нашелъ здѣсь московскій сургучъ, очень плохой, впрочемъ, и съ неправильнымъ клеймомъ *). Продавецъ долго смотрѣлъ на меня и потомъ спросилъ вполголоса: «правда ли, что великій князь привезъ съ собою въ Аѳины 40 тысячъ войска?» Я старался увѣрить его, что это пустяки, но турка только недовѣрчиво качалъ головою и все время пристально вглядывался въ меня. Въ это время изъ сосѣдней кофейни подошелъ къ намъ посланный оттуда кафеджи и приглашалъ выпить съ поселянами чашку кофе. На крыльцѣ кофейни стояла уже большая толпа турокъ и съ нетерпѣніемъ, какъ видно, слѣдила за успѣхомъ своего посольства; но Назифъ струсилъ больше меня и отказался отъ приглашенія, а одинъ я идти туда не рѣшился.

Когда я воротился домой, гостей уже никого небыло. А. П. еще спалъ; Гассанъ сидѣлъ въ углу съ книгою и перебиралъ четки. Нѣсколько минутъ въ комнатѣ было тихо, потомъ Гассанъ подошелъ ко мнѣ съ заискивающей улыбкой, проговорилъ, что считаетъ за честь принимать у себя русскихъ, о которыхъ онъ до сихъ поръ зналъ только по наслышкѣ, и просилъ позволенія привести въ комнату двухъ своихъ дочерей: «пусть, добавилъ онъ, тоже посмотрятъ на русскихъ; впередъ едва-ли скоро встрѣтится такой случай!» Я, конечно, согласился, Гассанъ захлопалъ въ ладоши, шепнулъ что-то вошедшему слугѣ, и въ комнату тихо вошли двѣ дѣвушки. Онѣ сѣли у ногъ отца и робко устремили на меня свои черные глазки. Обѣ онѣ были одѣты по дѣтски: въ широкихъ

---

*) Въ Турціи въ большомъ почетѣ нашъ московскій сургучъ и мѣстные промышленники очень успѣшно пользуются этимъ, выставляя на сургучахъ своего издѣлія двуглавый орелъ, надпись „Mockwo“ и какую-нибудь русскую фамилію, въ которой обыкновенно русскія буквы перемѣшаны съ латинскими.

желтыхъ шальварахъ съ серебрянымъ поясомъ и въ желтыхъ шелковыхъ куцавейкахъ; на волосахъ легкая кисейная повязка съ бантомъ на боку. Старшей было 13 лѣтъ, но въ фигурѣ ея было уже мало дѣтскаго. Я самъ былъ радъ случаю полюбоваться типомъ молодыхъ турчанокъ, которыхъ такъ рѣдко приходится видѣть безъ покрывалъ. Турчанки (я разумѣю молодыхъ, потому что нѣтъ ничего отвратительнѣе старухи-турчанки) имѣютъ особый складъ лица, рѣзко отличающій ихъ отъ желто-худощавыхъ лицъ греческихъ и мясистыхъ армянскихъ. Особенно удивляла меня всегда необыкновенная нѣжность и прозрачная бѣлизна ихъ кожи, доведенная разными естественными и искусственными средствами до возможнаго совершенства, и при этой бѣлизнѣ большіе продолговатые черные глаза, вѣчно влажные и полузакрытые длинными рѣсницами, и тонкое очертаніе другихъ частей лица производятъ невольное впечатлѣніе. Въ жизни турчанки, болѣе или менѣе зажиточной, устранены всѣ заботы о нравственномъ и умственномъ воспитаніи и дано ей одно назначеніе: хранить и лелѣять свою красоту, отъ которой зависитъ все ея счастье. Крѣпкими затворами ограждена она отъ жизни общественной, за ней смотрятъ какъ за нѣжнымъ цвѣткомъ въ теплицѣ; съ нея сняты, по возможности, даже материнскія обязанности... въ вѣчной нѣгѣ и покоѣ она не позволитъ коснуться до себя лучу солнца или пахнуть вѣтерку, и среди такой обстановки дѣйствительно достигаетъ часто свѣжести и красоты изумительной. Но за то по самому складу своего воспитанія и жизни она неболѣе какъ красивая кукла, существующая только для прихоти мужчины и неспособная ни къ какой другой дѣятельности, и чѣмъ богаче женщина, тѣмъ менѣе она развита. Трудно видѣть эти существа: ихъ лица всегда закрыты бѣлою чадрою, но можно уловить минуту, когда отъ вѣтра или неосторожности откроется все матовое личико красавицы, а иногда и сама она откинетъ покрывало, будто нечаянно, лишь только замѣтитъ, что на нее пристально смотритъ европеецъ (но не турокъ!) и подаритъ любопытнаго такимъ кокетливымъ взглядомъ, какого онъ долго послѣ не забудетъ. Впрочемъ, въ послѣднее время мѣстныя кокетки, не рѣшаясь прямо нарушать букву закона, ухитрились, однако, изобрѣсть себѣ такія прозрачныя покрывала, что красота лицъ еще болѣе выигрываетъ отъ этихъ покрывалъ, и вѣроятно недалеко уже то время, когда покрывала совсѣмъ исчезнутъ изъ числа принадлежностей восточнаго женскаго костюма.

Дочери Гассана просидѣли съ нами не долѣе пяти минутъ; онѣ остались бы и дольше, тѣмъ болѣе, что имъ, какъ видно, очень хотѣлось посмотрѣть мой альбомъ съ рисунками, но Гассанъ шепнулъ имъ что-то, и онѣ торопливо удалились. До 14-ти лѣтъ дѣвушки и мальчики одѣваются одинаково, такъ что трудно бываетъ различить ихъ.

Къ вечеру сдѣлалась сильная гроза и въ село пріѣхалъ небольшой отрядъ турецкихъ казаковъ. Начальникъ отряда въ парадномъ костюмѣ, много напоминающемъ нашъ казацкій костюмъ, но въ турецкомъ фесѣ съ металлическою бляхою на макушкѣ, вошелъ къ Гассану. Сбросивъ съ себя мокрый плащъ, онъ сѣлъ подлѣ хозяина, который почтительно уступилъ ему свое мѣсто, спросилъ наргеле и заговорилъ по турецки; въ его осанкѣ и пріемахъ было много изящнаго: все выказывало въ немъ свѣтскаго салоннаго франта, бывавшаго въ европейскихъ обществахъ.

— Какой щеголь! невольно проговорилъ я, указывая на него А. П.

Новый гость вздрогнулъ и быстро оглядѣлъ насъ.

— Вы русскіе? спросилъ онъ по русски, радостно подходя къ намъ:—какими судьбами?

— А вы какъ здѣсь?

И мы съ недоумѣніемъ разсматривали гостя, стараясь объяснить себѣ, какимъ образомъ, въ такой глуши, мы могли встрѣтить русскаго въ костюмѣ турецкаго воина. Онъ замѣтилъ наше недоумѣніе и улыбнулся.

— Я давно слышалъ, сказалъ онъ:—что вы путешествуете по Ѳессаліи и искалъ случая встрѣтиться съ вами. Позвольте вамъ представить себя; вы видите начальника казацкаго отряда, турецкаго агу, который прекрасно говоритъ по русски и бывалъ въ Россіи...

Мы радушно пожали ему руку и родная наша рѣчь зазвучала въ домѣ Гассана. Гассанъ нѣсколько минутъ съ снисходительной улыбкой прислушивался къ нашему разговору и потомъ вышелъ, шепнувъ мнѣ, что ага знаетъ немного по русски.

Оказалось, что это былъ полякъ, получившій воспитаніе въ Петербургѣ и бывавшій въ лучшихъ обществахъ нашей столицы. При осадѣ Севастополя онъ передался англичанамъ, полтора года жилъ въ Лондонѣ, а потомъ отправился искать приключеній въ Константинополь, гдѣ и принялъ турецкое подданство, съ цѣлью образовать въ имперіи новое казачество и быть его атаманомъ. Онъ то хвалитъ, то бранитъ Россію и вообще замѣтно, что онъ бѣжалъ изъ Россіи вслѣдствіе политическихъ убѣжденій извѣстнаго рода; онъ составилъ себѣ особый идеалъ *личной* свободы и, не видя его нигдѣ въ европейскихъ государствахъ, какими-то судьбами нашелъ нѣчто подобное въ Турціи и теперь мечтаетъ только о томъ, чтобы быть пашою и получать 10 тысячъ піастровъ въ мѣсяцъ.

Пріятно провели мы вечеръ; вмѣстѣ пили чай, припоминали съ нимъ далекую родину и веселый Петербургъ, о которомъ онъ замѣтно скучаетъ. Онъ передалъ намъ нѣсколько интересныхъ свѣдѣній о возникающемъ здѣсь казачествѣ. Въ его отрядѣ теперь до 200 человѣкъ, большею частью поляковъ и нашихъ бѣглыхъ раскольниковъ; всѣ они свято хранятъ свою религію и свой народный языкъ имѣютъ даже своихъ пѣсенниковъ и держатъ въ страхѣ мѣстныхъ обывателей, которые думаютъ, что они нарочно подосланы сюда Россіею.

— Всѣмъ бы хорошо, говорилъ онъ,—если бы только здѣсь было хоть какое-нибудь общество или развлеченія; а то жизнь такая скучная, такая однообразная, что боишься совсѣмъ одичать и по неволѣ вспоминаешь о Петербургѣ. Никакъ мы не можемъ сблизиться съ турками: они насъ дичатся, да и намъ, по правдѣ сказать, не слишкомъ-то весело въ ихъ собраніяхъ.

— Вы бы попробовали расшевелить ихъ и познакомить съ необходимыми условіями общественной жизни...

— Пробовали, да не удается. Однажды напримѣръ, задумали мы устроить вечеръ на европейскій ладъ, конечно, съ благородною цѣлью эмансипаціи общества, и пригласили на этотъ вечеръ мѣстное турецкое начальство съ дамами; начальство пріѣхало, а дамы нѣтъ; ну—покурили, выпили и разошлись, тѣмъ и кончился вечеръ. Театръ тоже не удался, да и можетъ ли устроиться что-нибудь пріятное безъ участія дамъ, а ихъ здѣсь держатъ въ затворѣ и турки, и греки. Иногда дѣлаемъ скачки, и то когда лошади бываютъ здоровы и сыты; а это вѣдь въ нашихъ кавалеріяхъ рѣдкость.

— Ну, а вамъ исправно платятъ жалованье?

— Намъ не смѣютъ не платить, а лошади наши частенько голодаютъ: правительство выдаетъ имъ рубленую солому вмѣсто сѣна, а объ овсѣ и думать не велитъ, такъ что въ крайнихъ случаяхъ мы дѣлаемъ набѣги на другіе полки и грабимъ фуражъ.

— Скажите же по крайней мѣрѣ, какое назначеніе имѣетъ ваше казачество?

— Мы и сами этого хорошенько не знаемъ... Вотъ, напримѣръ, мнѣ поручили теперь заняться устройствомъ новой дороги изъ Ларисcы черезъ Темпы къ морю; суммы на это ассигновали довольно; ну, мы и работаемъ, живемъ припѣваючи: вѣдь здѣсь грабить очень удобно, отчетовъ почти никакихъ нѣтъ. Проѣдетъ иной разъ въ видѣ ревизора какой нибудь ага, ну и видитъ: работа кипитъ, сдвинуты съ мѣста громадные камни,—еще награду выхлопочетъ; а эти камни сдвинуты съ мѣста еще до потопа... Одна только, кажется, отъ насъ польза, что выучили турокъ браниться по русски; гдѣ только побываютъ наши казаки, послѣ все ужъ населеніе бранится по нашему!..

Разговоръ не прерывался до поздней ночи. Кому случалось гдѣ нибудь въ заграничной глуши неожиданно встрѣчаться съ своими соотечественниками, тотъ пойметъ, какъ пріятно было намъ встрѣтить нашего земляка, хотя и подъ турецкой чалмой, и наговориться вдоволь на родномъ нарѣчьи. Онъ самъ былъ видимо радъ этой встрѣчѣ, съ участіемъ разспрашивалъ о новостяхъ русскихъ, и завидовалъ намъ, что мы поѣдемъ обратно на родину, отъ которой онъ добровольно отказался.

— Я не забуду этого дня, говорилъ онъ, прощаясь:— и всякій разъ, когда мнѣ придется проѣзжать чрезъ Баба, я буду вспоминать нашу встрѣчу...

Однимъ словомъ, мы разстались друзьями.

На другой день съ разсвѣтомъ мы выѣхали изъ Баба. Гассанъ проводилъ насъ до границы села и напутствовалъ насъ прощальнымъ залпомъ изъ ружей.

Русскаго агу мы не встрѣчали болѣе.

II.

Долина Темпейская.

Оригинальная мѣстность долины Темпейской.—Рѣка Саламврія.—Развалины старой венеціанской крѣпости. — Цѣлебный источникъ.—Разбойничье село Ласпохори.—Мостъ, разрушенный мѣстными промышленниками.—Отдыхъ и ночлегъ въ селѣ Пиргито.—Крѣпость Платамона.—Остатки разрушенной европейской колоніи.—Видъ Олимпа.—Образованіе грозовыхъ тучъ на его вершинѣ.—Село Литохоро.

Послѣ отлогихъ, голыхъ холмовъ, среди которыхъ стоитъ село Баба, долина постепенно съуживается, растительность становится гуще и роскошнѣе. Мы скоро вступили въ довольно узкое, извилистое ущелье, на днѣ котораго безчисленными каскадами бѣжитъ Саламврія (древній Пиній), едва замѣтная изъ-за платановъ, склонившихся надъ нею съ обѣихъ сторонъ. По обѣ стороны рѣки, какъ двѣ стѣны, стоятъ обрывистыя скалы, съ исполинскими уступами и пиками, на которыхъ торчатъ мохнатыя сосны.

— Іера Темпи (священныя Темпы)! произнесъ Абди, ѣхавшій впереди.

Я съ недоумѣніемъ оглядѣлся кругомъ. Неужели это ущелье и есть та знаменитая Темпейская долина, которая такъ часто воспѣвается въ греческой миѳологіи и поэзіи? Еще въ дѣтствѣ, когда я впервые слушалъ разсказы о богахъ и богиняхъ Греціи, я мечталъ о долинѣ Темпейской какъ о чемъ-то райскомъ, поэтическомъ; не знаю, почему я всегда воображалъ ее широкою, живописною равниною, и теперь никакъ не могъ свыкнуться съ мыслью, что Темпы есть ничто иное, какъ огромная трещина горнаго хребта, отдѣлившая Оссу отъ Олимпа. Въ этой трещинѣ поэтическаго очень мало; только стѣны и уступы ея изумляютъ своею необычайною правильностью, будто какой художникъ нарочно группировалъ и шлифовалъ ихъ. Темпейскую долину, кажется, очень удобно можно сравнить съ старой галлереей, въ которой потолокъ обвалился и уцѣлѣли только изрытыя временемъ стѣны; дно ея завалено огромными осколками камней; эти осколки торчатъ даже среди рѣки и заставляютъ ее дробиться среди безчисленныхъ пороговъ. Общій видъ ущелья дикъ и оригиналенъ; мѣстами встрѣчаются небольшія лужайки и все это покрыто густыми лѣсами платана, тополя и лавра. Особенно замѣчательны здѣсь сосны, взгромоздившіяся на самыя оконечности острыхъ пиковъ и обрывовъ, такъ что удивляешься, какимъ образомъ онѣ попали туда и какъ до сихъ поръ сохраняютъ равновѣсіе. Новая дорога проложена на правомъ берегу рѣки, на самомъ краю обрыва и, кажется, не можетъ похвастать своею прочностью: мѣстами она такъ сильно нависла надъ рѣкою, что вѣроятно обрушится въ нее при малѣйшемъ землетрясеніи. На половинѣ дороги, на высокомъ, выдавшемся утесѣ замѣтны остатки старой венеціанской крѣпости, отъ которой уцѣлѣли теперь только одни ворота да груда камней. Она, какъ видно, была въ свое время неприступна и могла служить надежною защитою Ѳессаліи со стороны моря. Нашъ кавасъ, Назифъ, игравшій у насъ роль указателя, разсказалъ при этомъ мѣстное преданіе, что въ старые годы жила здѣсь какая-то царевна-красавица, которая, при взятіи крѣпости турками, спасая свою честь, бросилась въ рѣку и погибла. Вѣроятно, это паденіе было очень трагично, потому что крѣпость стоитъ на громадной высотѣ, а рѣка въ этомъ мѣстѣ пѣнится среди безчисленныхъ каменьевъ. При выѣздѣ изъ ущелья есть замѣчательный источникъ, которому турки придаютъ цѣлебную силу и пьютъ его не иначе какъ съ молитвой, потому что его извелъ изъ камня какой-то турецкій святой. Вода большимъ каскадомъ вырывается изъ разсѣлины камня, образуетъ нѣсколько небольшихъ прудовъ и затѣмъ впадаетъ въ Саламврію. Наши кавасы говорили, что эта вода исцѣляетъ всякія болѣзни, но преимущественно употребляется какъ средство слабительное, хотя для этого нужно выпить ея не менѣе трехъ окъ (т. е. около девяти фунтовъ). Я сталъ имъ доказывать, что при такомъ условіи и наша обыкновенная вода подѣйствуетъ какъ очищающее средство, но своимъ невѣріемъ въ чудодѣйственную силу ихъ святыни, обидѣлъ турокъ до крайности. Около этого источника бѣжитъ много другихъ, небольшихъ ключей, разбросанныхъ по скату горы Оссы; даже есть ключи на самой вершинѣ горы, такъ что она, будто насосъ какой, вытягиваетъ изъ земли прѣсную воду и затѣмъ разливаетъ ее по окрестностямъ.

Болѣе двухъ часовъ ѣхали мы черезъ ущелье, наконецъ горы раздвинулись и передъ нами открылось широкое покатое прибрежье, поросшее густымъ платановымъ лѣсомъ, а за нимъ — море. На горизонтѣ виднѣлся синеватый берегъ далекой Кассандры; еще дальше обозначился чуть замѣтный и почти слившійся съ небомъ, остроконечный пикъ Аѳона, надъ которымъ, будто флагъ, стояло бѣлое облачко. Какъ ни красиво ущелье Темпейское, а все-таки мы вздохнули свободнѣе, когда увидѣли себя на этомъ просторѣ. Для русскаго, не привыкшаго къ горной природѣ, слишкомъ тѣсно и душно въ ущельѣ, особенно такомъ дикомъ, какъ Темпейское. Въ немъ мы не встрѣтили ни одной живой души, ни одной избы, ни одного признака присутствія человѣка; кажется, въ немъ и теперь еще обитаетъ невидимый міръ эллинскихъ миѳовъ и олимпійскія музы попрежнему любуются съ окрестныхъ высотъ на красоты Пинея. Впрочемъ, надо замѣтить, что здѣшнія мѣста опасны не только для поселенцевъ, но даже вообще для всѣхъ проѣзжающихъ. Въ долинѣ Темпейской и ея окрестностяхъ, кромѣ музъ, водятся еще большія шайки разбойниковъ, большею частію арванитовъ, число которыхъ часто иногда доходило до 2,000 человѣкъ и открыто воевало съ турецкими войсками,—такъ что всѣ избѣгаютъ этой дороги, а если и ѣздятъ, то партіями и въ сопровожденіи кавасовъ. Недалеко отъ ущелья въ густомъ лѣсу стоитъ небольшое село Ласпохори, которое какъ нельзя болѣе оправдываетъ свое названіе: «Грязное село». Черезъ него намъ пришлось проѣзжать, и Назифъ при этомъ шепнулъ намъ, что это село съ давнихъ поръ живетъ *проклятымъ* промысломъ и что тутъ всѣ, отъ мала до велика—разбойники. Признаюсь, морозъ по кожѣ подралъ насъ отъ этихъ словъ; съ невольнымъ страхомъ глядѣли мы на оборванныхъ поселянъ и рады были, когда выбрались изъ лѣса къ рѣкѣ.

— Отчего же не ловятъ ихъ, спросилъ я каваса, когда знаютъ навѣрно, что они разбойничаютъ?

— Гдѣ ихъ всѣхъ переловишь, наивно отвѣчалъ онъ:— ихъ здѣсь тысячи; да и ловить-то, собственно говоря, не зачто: убытку казнѣ они не дѣлаютъ, кавасовъ не трогаютъ, въ томъ они слово дали пашѣ, а остальныхъ пускай грабятъ, сколько душѣ угодно, — не ѣзди, если не сможешь защититься, или бери кавасовъ. Чѣмъ же намъ-то жить!

На это нечего было возражать.

Черезъ Саламврію перевозятъ на паромѣ. Насъ встрѣтили два турка и послѣ долгихъ споровъ съ кавасами о томъ, кого прежде перевозить и за какой бакчишъ, въ три пріема перевезли насъ на ту сторону. Недалеко отъ мѣста переправы стоитъ каменный мостъ старинной европейской постройки съ обвалившеюся серединой; глыбы упавшаго камня запрудили рѣку и образовали сильный водоворотъ. Еще не такъ давно, говорятъ, этотъ мостъ былъ цѣлъ и при своевременной починкѣ могъ бы простоять долго, но починки не было, а мостъ отъ землетрясеній понемногу обваливался и наконецъ сообщеніе черезъ него совсѣмъ прекратилось. Тогда шайка промышленниковъ турецкихъ принялась быстро доламывать мостъ и устроила паромъ. Годъ спустя правительство вздумало возобновить прежнее сообщенie, но содержатели парома сказали, что имъ будетъ жить нечѣмъ, съумѣли это доказать, какъ слѣдуетъ дѣло, и кончилось въ ихъ пользу. Паро́мъ теперь заработываетъ прибыльно, а содержатели его живутъ припѣваючи; они и теперь еще доламываютъ мостъ и самые камни разбрасываютъ далеко по рѣкѣ изъ опасенія новой починки, но, кажется, напрасно безпокоятся.

На дорогѣ насъ застигла сильная гроза съ проливнымъ дождемъ и болѣе двухъ часовъ продержала насъ подъ навѣсомъ широкаго платана. На бѣду намъ пришлось потомъ ѣхать черезъ лѣсъ, который при малѣйшемъ движенiи вѣтерка спрыскивалъ насъ водою. Тропинка, называемая здѣсь почтовой дорогой, проходитъ въ густой трущобѣ; деревья часто стоятъ на самой срединѣ дороги или протягиваютъ надъ нею свои колючiе сучья, такъ что приходится раздвигать ихъ руками, рискуя выколоть себѣ глаза или оцарапать лицо; и всѣ проѣзжающiе царапаются, всѣ бранятъ безпечность правительства, но никому въ голову не придетъ срубить эти сучья или проложить новую тропинку. Дорогу пересѣкаетъ множество горныхъ потоковъ, наполнившихся теперь водою, такъ что наши мулы едва не вплавь переправлялись черезъ нихъ. Потомъ съ Олимпа опять подулъ рѣзкiй, холодный вѣтеръ и опять гроза съ дождемъ; на насъ не осталось ни одной нитки сухой и промокшiе, въ самомъ печальномъ расположенiи духа, въѣхали мы въ большое греческое село Пиргито, гдѣ кавасъ отыскалъ намъ помѣщенiе въ домѣ одного поселянина. Старый грекъ-хозяинъ, напуганный видомъ кавасовъ, предложилъ намъ для ночлега свою единственную комнату, темную и закоптѣлую до того, что она болѣе походила на подземелье, чѣмъ на избу. Въ ней не было ничего, кромѣ двухъ грязныхъ циновокъ; на смазанномъ глиной полу былъ разведенъ огонь и дымъ густо расходился по потолку, уходя потомъ въ широкое отверстіе, замѣнявшее трубу. Около огня сидѣло многочисленное семейство хозяина, съ ужасомъ глядѣвшее на наше нашествіе. Въ комнатѣ было грязно и душно, и насъ до того поразила эта мрачная обстановка, что мы рѣшились лучше переночевать на воздухѣ и вышли въ корридоръ. Въ Турціи сельскіе домики строются иначе, нежели наши. Они большею частью бываютъ каменные, въ два этажа; въ нижнемъ этажѣ обыкновенно помѣщается скотъ и все домашнее хозяйство поселянина, а на верху устроена теплая горница для зимы; съ лицевой стороны, снаружи, всегда есть открытый широкій корридоръ съ навѣсомъ во всю длину дома, и подъ этимъ навѣсомъ, на чистомъ воздухѣ обыватели проводятъ почти все лѣто, забираясь во внутренность избы только въ бурные, холодные дни. Въ этомъ-то корридорѣ, дрожа отъ холода, и помѣстились мы на разостланныхъ циновкахъ. Скоро закипѣлъ нашъ походный самоваръ, къ немалому удивленію хозяина и его семейства, вышедшаго посмотрѣть на затѣи заѣзжихъ *франковъ* *). Искоса, съ недовѣріемъ они посматривали на наше питье; всѣмъ, какъ видно, хотѣлось отвѣдать его, и мы дали имъ хлебнуть понемногу. Хозяева хлебнули, обожглись и въ свою очередь спросили: неужели русскіе могутъ пить безнаказанно этотъ огонь?.. Къ чаю понадобился хлѣбъ, но намъ сказали, что все село питается кукурузой, а бѣлый хлѣбъ можно достать только у здѣшняго аги;—дѣлать нечего, пришлось послать каваса къ агѣ, и тотъ милостиво прислалъ намъ на тарелкѣ два ломтя бѣлаго хлѣба.

Къ вечеру начала сходиться къ намъ для знакомства мѣстная сельская аристократія: священникъ, учитель, писарь и даже доморощенный иконописецъ. Всѣ они стали въ сторонкѣ и внимательно слѣдили за процессомъ нашего чаепитія. Присутствіе кавасовъ видимо стѣсняло нашихъ гостей, и все общество оживилось только тогда, когда они вышли. Начались разговоры: насъ съ любопытствомъ спрашивали о Россіи, о нашемъ житьѣ-бытьѣ, спрашивали, скоро ли будетъ у насъ война съ турками, скоро ли мы освободимъ грековъ. Потомъ хозяинъ представилъ намъ мѣстнаго священника, уже дряхлаго старика, который ничѣмъ не отличался по костюму отъ своихъ прихожанъ, и только носилъ на головѣ черную чалму. Какъ водится, заговорили о религіи, и въ этомъ разговорѣ всѣ гости приняли участіе. Грекъ смотритъ на русскаго прежде всего какъ на своего единовѣрца и потому при встрѣчѣ непремѣнно заводитъ съ нимъ религіозный разговоръ, стараясь при этомъ высказать, что Россія есть дочь Византіи, что греки просвѣтили нашу родину и дали ей духовную жизнь. Эти фразы очень любятъ греки, потому-что онѣ нѣсколько щекочутъ ихъ народную гордость. Такъ вышло и теперь: меня, бѣднаго, начали экзаменовать изъ богословія, стараясь выпытать, вѣрна-ли Россія древнимъ богословскимъ принципамъ (избави Богъ получить отъ грека названіе еретика). Послѣ догматическихъ преній, причемъ было сказано нѣсколько недобрыхъ словъ о геологіи, подрывающей довѣріе къ бытописанію Моисея, разговоръ перешелъ на св. угодниковъ: заговорили о смиреніи, о чудесахъ новооткрытыхъ мощей и т. д. Разговоръ продолжался до самой ночи.

---

*) Франками на востокѣ въ провинціяхъ называютъ почти всѣхъ, кто носитъ круглыя шляпы и узкія панталоны.

Пиргито принадлежитъ Решидъ-пашѣ, который недавно выстроилъ въ немъ большую православную церковь, съ тремя куполами, и дѣлаетъ для нея богатую утварь. Не смотря на бѣдность обывателей, въ селѣ на общественныя суммы содержится школа; поселяне въ складчину выписали изъ Аѳинъ учителя для своихъ дѣтей и платятъ ему около 150 руб. въ годъ. Не то у насъ, да не объ томъ ужъ рѣчь...

На другой день по выѣздѣ изъ Пиргито мы сбились съ дороги и заѣхали въ такую чащу, что пришлось вернуться назадъ. Къ несчастью, деревья были еще мокры отъ вчерашняго дождя и насъ спрыскивало водою при каждомъ неосторожномъ движеньи, а проводникъ зналъ дорогу не лучше насъ; долго блуждали мы по лѣсу, наконецъ кавасу удалось догадаться о положеніи настоящей дороги и онъ вывелъ насъ.

Дорога въ Платамону походитъ нѣсколько на наше шоссе; она широкою лентой врѣзывается въ чащу платановаго лѣса, растянутаго у подошвы главной вершины Олимпа. Эти платаны существуютъ, кажется, еще отъ временъ эллинскихъ и изумляютъ своею громадностью. Почти всѣ они дуплисты или выжжены внутри нарочно, чтобы не заводился въ нихъ червь, и въ эти дупла пастухи загоняютъ на ночь свои стада и лошадей (мы видѣли въ одномъ дуплѣ шесть лошадей, свободно помѣщавшихся въ немъ), тамъ они ставятъ ясли и отверстіе дупла плотно закрываютъ рогожей.

Около трехъ часовъ ѣхали мы по этому лѣсу, потомъ онъ сталъ рѣдѣть и показалась самая крѣпость. Платамона стоитъ на отдѣльномъ овальномъ холмѣ на берегу моря; бѣлыя, зубчатыя стѣны окружаютъ ее со всѣхъ сторонъ; надъ ними съ одной стороны возвышается небольшая четвероугольная башня, а съ другой тощій минаретъ безъ верхушки; больше ничего не видно; все въ ней мертво, беззвучно,—странная крѣпость! Хотѣли мы было мимоѣздомъ заглянуть въ нее, но кавасы сказали, что сюда никого не пускаютъ, кромѣ военныхъ. Недалеко отсюда начали было селиться европейцы и завели небольшую колонію, но туркамъ видно не понравилось такое сосѣдство: они всѣми мѣрами начали притѣснять ихъ и довели до того, что бѣдные колонисты принуждены были бѣжать. Въ сторонѣ отъ дороги въ небольшой лощинѣ и теперь еще видно нѣсколько домиковъ, утонувшихъ въ садахъ розоваго дерева; кругомъ огороды, пашни, и все это теперь брошено и забыто. Жалко смотрѣть на эти мертвые остатки европейской дѣятельности, особенно когда подумаешь, какое благотворное вліяніе могла бы имѣть эта колонія на окрестныя села и на самый бытъ ихъ жителей!

Здѣсь наша кавалькада остановилась на нѣсколько минутъ, для отдыха, въ дуплахъ двухъ большихъ платановъ. Съ Олимпа сдвинулось облако, спрыснуло насъ мелкимъ дождемъ и повисло надъ моремъ; — гдѣ-то далеко гремѣлъ громъ. Сорокоглавый Олимпъ стоялъ передъ нами во всей своей величественной красотѣ: розовыми блестками горѣли на солнцѣ его вѣчные снѣга и съ благоговѣніемъ любовались мы на этотъ гигантскій престолъ языческаго и христіанскаго громовержца. Олимпъ до сихъ поръ разсылаетъ прохладу и дождь по всей Ѳессаліи и Македоніи, а весною, когда таютъ горные снѣга, грозы бываютъ здѣсь чуть не ежедневно. Мы сами были свидѣтелями быстраго образованія грозовыхъ тучъ на Олимпѣ. Надъ нимъ сперва показалось легкое облачко; потомъ оно постепенно стало густѣть, клубиться и не болѣе какъ въ двадцать минутъ обратилось уже въ тучу; изъ всѣхъ пропастей выдвинулись массы облаковъ, слились, и первый, легкій ударъ грома разразился надъ Олимпомъ; это было точно сигналомъ къ тревогѣ: поднялся вѣтеръ, загрохоталъ громъ, туча медленно сдвинулась съ мѣста, разсѣлась на двое и, сверкая молніями, понеслась въ разныя стороны: одна къ Солуню, другая къ Аѳону. Олимпъ опять очистился, но не надолго: скоро надъ его вершиной опять появилось такое же легкое облачко,—зародышъ новой тучи и новой бури, но мы не дождались ея развитія. Пользуясь перемежкой дождя, мы тронулись въ путь вдоль берега моря. Дорога огибаетъ одинъ изъ отроговъ хребта, опускаясь въ глубокіе овраги и взлетая опять на вершины холмовъ, поросшихъ мелкимъ лѣсомъ. Мѣстность становится диче и непривѣтливѣе; лѣсъ рѣдѣетъ; по окрестностямъ раздается гулъ отъ тысячи потоковъ, бѣгущихъ съ вершины горы. Холодно встрѣтилъ насъ Олимпъ. Чѣмъ ближе подходили мы къ нему, тѣмъ ощутительнѣе становился холодъ; изъ ущелій дулъ рѣзкій вѣтеръ съ мелкимъ дождемъ, по голымъ ребрамъ хребта снова заходили тучи: какъ будто Юпитеръ нарочно вооружался противъ дерзкихъ пришельцевъ, задумавшихъ проникнуть въ его неприступное убѣжище.

Наконецъ мы добрались кое-какъ до многолюднаго греческаго села Литохоро, расположеннаго на скатѣ главной вершины Олимпа, и остановились въ новомъ страннопріимномъ подворьѣ олимпійскаго монастыря, гдѣ насъ встрѣтили очень привѣтливо. Игуменъ монастыря нѣсколько лѣтъ жилъ въ Константинополѣ, познакомился тамъ съ его полуевропейскими обычаями и по пріѣздѣ въ Литохоро выстроилъ подворье на удивленье всей страны и меблировалъ его, если не роскошно, то по крайней мѣрѣ съ полнымъ комфортомъ. Какъ рады были мы, найдя здѣсь всѣ удобства, особенно послѣ такого ночлега, какой мы имѣли въ Пиргито.

III.

Олимпъ.

Подъемъ на гору Олимпъ.—Малаховъ курганъ у подножія Олимпа. — Остатки древнихъ сооруженій и изваяній. — Дальнѣйшій путь.—Мы въ облакахъ.—Греческій монастырь на высотѣ 6,000 футовъ надъ п. м. —Общій видъ Олимпійскихъ вершинъ и ущелій.—Снѣгъ и холодъ.—Ночь въ заоблачномъ монастырѣ. - Складъ жизни олимпійскихъ монаховъ.—Церковь пророка Иліи на мѣстѣ храма Юпитера.—Преданія о темени Олимпа. — Спускъ въ село Литохоро.—Мѣстный иконописецъ.—Отъѣздъ.

Мы ѣхали къ Олимпу съ рѣшительнымъ желаніемъ подняться на самую вершину его, но этому желанію не суждено было осуществиться. Насъ увѣрили, что до августа восходъ на вершину бываетъ почти что невозможенъ,—подъемъ крутъ и утомителенъ до нельзя; многіе овраги и пропасти засыпаны снѣгомъ, такъ что часто падаетъ новый снѣгъ и заноситъ старые слѣды. Въ видахъ утѣшенія намъ совѣтывали лучше подняться въ монастырь св. Діонисія, находящійся въ одномъ изъ главныхъ ущелій горы, на высотѣ 6,000 футовъ надъ поверхностью моря,—и мы рѣшились подняться въ эту обитель, чтобы хотя нѣсколько познакомиться съ прежнимъ жилищемъ боговъ греческихъ.

Съ восходомъ солнца тронулись мы изъ Литохоро большой веселой кавалькадой, при стеченіи многочисленной публики. Впереди, въ видѣ проводниковъ, пошли вооруженные албанцы, знающіе Олимпъ какъ свои пять пальцевъ; потомъ ѣхалъ кавасъ Янко, тѣлохранитель игумена, огненный воинъ, у котораго вся родня была разбойниками и разстрѣляна въ Лариссѣ; за нимъ ѣхали мы, игуменъ съ своими приближенными, далѣе вьючные мулы съ съѣстными припасами и наконецъ наши два каваса,—всего шестнадцать человѣкъ. Всѣ были вооружены и готовились драться въ случаѣ нападенія арванитовъ.

Утро было очаровательное; небо безоблачно, ничто не предвѣщало непогоды и только надъ теменемъ горы по обыкновенію стояло облако. Послѣ переправы черезъ большой потокъ, отдѣляющій Литохоро отъ Олимпа, мы по крутой дорогѣ поднялись на передовую возвышенность и поѣхали по широкой равнинѣ, покрытой колючимъ кустарникомъ. На этой равнинѣ стоитъ одинокая башенка, выстроенная недавно игуменомъ въ видѣ странопріимной кельи и названная имъ почему-то малаховымъ курганомъ. Мѣстность башенки на краю обрыва въ глубокую долину была такъ живописна, что вся компанія рѣшилась здѣсь остановиться и приготовиться къ дальнѣйшей дорогѣ: предъ нашими глазами стояла почти отвѣсная возвышенность, на вершину которой надо было взбираться.

Тотчасъ развели огни, поймали барана и, продѣвши сквозь него колъ, зажарили цѣликомъ будто на вертелѣ; тутъ же явилось молоко, яйца, даже фрукты и обѣдъ вышелъ на славу. Пока общество съ шумомъ усаживалось за столъ, игуменъ показалъ намъ рѣдкости, найденныя имъ недалеко отсюда: въ стѣну башенки вдѣланы остатки языческаго жертвенника, съ грубыми изваяніями и латинскою надписью, а въ сѣняхъ хранятся два осколка какой-то статуи; при этомъ онъ похвасталъ намъ, что отыскалъ даже огромную безголовую статую Юпитера, но никакъ не могъ вытащить ее изъ болота, гдѣ несчастная увязла. «Можно бы и еще кой-что найти здѣсь, если бы поискать, говорилъ онъ, да монаху, говорятъ, неприлично искать и беречь старыхъ идоловъ; надо мной и то смѣются, что я дорожу этимъ старьемъ: здѣсь вѣдь не Европа!» И сколько рѣдкихъ памятниковъ и изваяній пропадаетъ въ Турціи отъ такого невѣжества и невниманія!

Между тѣмъ облака начинали густѣть надъ Олимпомъ. Опасаясь грозы, мы торопливо пообѣдали и отправились въ путь. Труднѣе и круче этой дороги я еще не видывалъ. Около двухъ часовъ поднимались мы по камнямъ, разбросаннымъ потоками; дорога идетъ безчисленными извилинами; лошади спотыкаются, каждую минуту рискуешь свалиться и улетѣть въ пропасть. Чѣмъ выше поднимались мы, тѣмъ круче становилась мѣстность: всѣ почти спѣшились и продолжали путь, цѣпляясь за камни и колючія вѣтви сосенъ. При этомъ нельзя было не подивиться легкости и ловкости нашихъ передовыхъ албанцевъ: они свободно перепрыгивали съ камня на камень, поглядывая насмѣшливо на наши из нуренныя лица и фигуры, не смотря на то, что несли съ собою тяжелыя ружья и котомки.

Холмъ, на который поднимались мы, стоитъ отдѣльно отъ главнаго хребта и соединяется съ нимъ длиннымъ, узкимъ перешейкомъ; по обѣ стороны его лежатъ обрывистыя пропасти.

Утомленные добрѣли мы сюда, освѣжились немного водою у небольшаго источника, и проводники наши объявили, что можно садиться на коней, что дорога будетъ ровная. Дѣйствительно, мы ѣхали потомъ по ровной тропинкѣ, проложенной по краямъ обрыва, и хотя подъемъ продолжался, но не такъ круто и съ перемежками.

Мы вступили въ широкое ущелье, между двумя сѣверными отрогами хребта, глубоко врѣзавшееся въ самую твердыню Олимпа; изъ глубины ущелья долеталъ до насъ глухой шумъ потока. Облака густыми массами носились подъ нами и надъ нами, изрѣдка прорываясь и показывая дикія утесистыя стѣны ущелья, густо поросшія сосновымъ лѣсомъ. Недалеко послышались раскаты грома. Облака стали быстро сгущаться, обдавая насъ ѣдкою сыростью; потомъ сталъ накрапывать мелкій дождь, который скоро превратился въ ливень. Какъ это было не кстати въ такихъ мѣстахъ, гдѣ все для насъ было ново и обѣщало наслажденія недюжинныя, но дѣлать нечего, распустили мы зонтики, окутались плащами, и вся веселая кавалькада присмирѣла, пригорюнилась. Долго ѣхали мы молча, среди облаковъ, тумана и дождя, ничего не видя кругомъ себя, какъ вдругъ послышались выстрѣлы: передовые наши замѣтили монастырь и по восточному обыкновенію привѣтствовали его изъ ружей. Это было сигналомъ для прочихъ: выстрѣлы слились въ батальный огонь, громко раздаваясь по ущелью. Тучи на минуту раздвинулись какъ будто нарочно, чтобы показать намъ необыкновенную мѣстность монастыря. Мы ѣхали по тропинкѣ на самомъ краю обрыва. Внизу, на днѣ пропасти бѣжитъ потокъ; широкая котловина его дымилась еще разрозненными слоями тучъ, изъ-за которыхъ выглядывали зеленыя верхушки сосенъ; надъ потокомъ, на противоположной сторонѣ, нависли глыбы камня, окаймленныя лѣсомъ; надъ ними въ нѣсколько ярусовъ стоятъ отвѣсныя скалы, — выше, выше и оканчиваются снѣжнымъ куполомъ. Все вокругъ дико, страшно и величественно, и среди такой обстановки, на днѣ бездны, среди лѣса, выглянули вдругъ изъ-за тучъ бѣлыя башенки обители и оттуда послышался намъ привѣтливый звонъ колокола. Видъ человѣческаго жилья среди этой дикой пустыни, въ вѣчномъ туманѣ дождей и снѣговъ, производитъ сильное впечатлѣніе. Я съ напряженнымъ вниманіемъ вглядывался въ этотъ еще невиданный мною пейзажъ, но несносныя тучи снова расползлись по потоку и закрыли обитель. Вотъ одна изъ нихъ подымается къ намъ на верхъ; цѣпляясь за сосны, быстро перелетаетъ она съ камня на камень, пахнулъ будто легкій, но ѣдкій вѣтеръ и опять уже ничего не видно, кромѣ мелькающихъ предъ глазами массъ тяжелаго свинцоваго цвѣта. Кажется, нѣтъ ничего непріятнѣе путешествія въ облакахъ: на сердце падаетъ какое-то тоскливое чувство; холодъ и сырость производятъ въ тѣлѣ лихорадочную дрожь и глазъ съ болѣзненнымъ напряженіемъ силится напрасно вглядѣться въ этотъ бѣгущій паръ и увидѣть хоть что-нибудь, кромѣ хвоста мула, идущаго впереди. Животными тоже овладѣваетъ безпокойство: они нурятъ головы, опускаютъ уши и боязливо оглядываются.

Опять пошелъ дождь. Начался спускъ крутой, обрывистый; мулы вязли и падали, идти было еще хуже. На бѣду я, соскучившись дорогой и желая опередить другихъ, наткнулся на смокву, стоявшую поперегъ дороги, запутался въ ея раскидистыхъ сучьяхъ и хоть цѣлъ вышелъ изъ боя, но зато стрясъ со смоквы весь дождь на себя. Но вотъ показались монастырскія стѣны, и каково было наше удивленіе, когда мы увидѣли подъ навѣсомъ одной сосны иноковъ монастыря, вышедшихъ встрѣчать насъ въ полныхъ облаченіяхъ съ хоругвями и крестами. Это было трогательно, но не кстати: монахи сами вымокли и вымочили церковныя вещи, а мы подъ проливнымъ дождемъ должны были прослушать безъ шапокъ встрѣчную литію, и потомъ идти въ соборъ, гдѣ они запѣли благодарственный молебенъ. Потомъ повели насъ въ комнаты и, по восточному обычаю, началось угощеніе вареньемъ, аракомъ и кофе; въ это время намъ представлялись поочередно всѣ почти обитатели монастыря, но утомленные дорогой мы едва отвѣчали на привѣтствія и рады были, когда наконецъ насъ оставили однихъ и позволили обогрѣться у пылающихъ каминовъ.

Лишь только прояснилось небо, я вышелъ за монастырскія ворота, чтобы скорѣе увидѣть олимпійскую природу, и снова былъ изумленъ видомъ картины, какой я еще не видывалъ. Передъ воротами небольшая площадка; за нею оврагъ, а оттуда подымаютъ свои вѣчно зеленыя головы наши сѣверныя сосны; красивыми группами помѣстились онѣ по скату оврага и слились вдали съ каменною отвѣсною стѣною ущелья. Съ другой стороны монастыря крутой обрывъ потока, а за нимъ такая же стѣна, и эти двѣ громадныя стѣны стояли предо мною въ чудной перспективѣ, теряясь вдали въ синеватомъ туманѣ. Представьте, что вы разбили камень и у васъ очутились двѣ стѣнки неправильнаго излома; поставьте ихъ другъ противъ друга, устройте между ними покатое дно, наполните его зеленью, среди которой безчисленными каскадами бѣжитъ потокъ и вотъ вамъ въ миніатюрѣ олимпійское ущелье. Теперь вообразите все это въ исполинскихъ размѣрахъ; представьте, что боковая сторона горы Олимпа треснула самымъ затѣйливымъ изломомъ, раздвинулась и дала дорогу громадному потоку, бѣгущему съ ея вершины. Эта дикая мѣстность нѣсколько оживлена дремучими лѣсами; вездѣ, гдѣ только нашлось мѣсто, помѣстились сосны: высоко на выдавшихся утесахъ и пикахъ, на отшатнувшихся и нависшихъ надъ потокомъ глыбахъ камня стоятъ сосны, Богъ-знаетъ какъ заброшеныя туда; наконецъ самые края ущелья окаймлены, какъ бахромою, соснами, едва замѣтными на такой высотѣ. Однимъ концомъ это ущелье опускается къ морю, а другимъ упирается въ снѣжную высь Олимпа. Замираетъ духъ, когда смотришь на эту высоту и видишь наглядную борьбу лѣта съ зимою: сосны, какъ видно, хотѣли взобраться на самую вершину горы, но не могли, зарѣдѣли; нѣкоторыя изъ нихъ такія тощія, жалкія съ виду, отдѣлились отъ прочихъ и потянулись было къ верху, но пріостановились и оцѣпенѣли,—надъ ними виденъ только одинъ голый камень; тамъ нѣтъ уже жизни растительной, въ нѣкоторыхъ скважинахъ сверкаетъ уже снѣгъ; выше — и ничего не видно, кромѣ сплошной массы снѣга, рѣзко отдѣляющагося отъ сѣраго, облачнаго неба: тамъ вѣчная зима!...

Недолго могъ я любоваться этой картиной. Съ темени горы медленно спустились тучи и расползлись по ущелью; сдѣлалось холодно; пошелъ дождь, а потомъ мелкій снѣгъ, продолжавшійся съ перемежками до самаго утра. Я поспѣшилъ вернуться къ камину, и тамъ сквозь стекла наблюдалъ, какъ снѣгъ постепенно убѣлялъ сосны и камни, — пейзажъ знакомый, давно невиданный мною, хотя странно было видѣть этотъ снѣгъ во второй половинѣ мая и послѣ такихъ жаровъ, какіе испытали мы въ равнинахъ ларисскихъ. Говорятъ, что жители монастыря до сихъ поръ еще не видали ясныхъ дней весны; туманы, дождь и снѣгъ смѣняютъ другъ друга до половины іюля. Каково же здѣсь зимою, когда окрестности стонутъ отъ постоянной вьюги, холодъ часто доходитъ до 40°, и монастырь совсѣмъ почти скрывается подъ сугробами снѣга.

Въ монастырѣ св. Діонисія теперь всего только четыре монаха. Прежде, говорятъ, было больше, но всѣ разъѣхались, соскучась жить въ такой пустынѣ, среди вѣчнаго ненастья. Монастырь построенъ по образцу аѳонскихъ обителей, т. е. въ видѣ четвероугольника стоятъ каменныя, въ три этажа кельи, обнесенныя деревянными корридорами, а въ серединѣ, совершенно отдѣльно отъ прочихъ зданій, помѣщается церковь. Всѣ зданія отдѣланы заново; вездѣ чисто; на церкви даже золоченые кресты, — роскошь невиданная еще мною на востокѣ. Всѣмъ этимъ монастырь обязанъ нынѣшнему своему игумену, который возобновилъ его почти что на свой счетъ...

Наше общество оживило обитель. Съ нами пріѣхало шестнадцать человѣкъ, да послѣ изъ Литохоро собралось сюда до двадцати крестьянъ и поповъ, заслышавшихъ о нашей поѣздкѣ. Всѣ монастырскія гостинницы были заняты; въ большихъ очагахъ развели огни; въ корридорахъ бѣготня; слышенъ веселый говоръ, смѣхъ, пѣсни, подчасъ даже звуки двуструнной балалайки. Особенно хорошо было вечеромъ, когда вся обитель освѣтилась разведенными огнями и образовались шумныя группы грѣвшихся около нихъ гостей. Я переходилъ отъ одной кучки къ другой, любовался ими вблизи и издали, и странно мнѣ было видѣть это шумное общество на такой высотѣ, въ монастырѣ, подъ дождемъ и снѣгомъ, беззаботно предавшееся веселью; оно мало гармонировало съ мрачною природой Олимпа.

Къ полуночи все притихло и огни погасли, не согрѣвъ гостей, не избавивъ ихъ отъ рѣзкаго холода ночи.

Утромъ выглянуло солнышко, и мы стали было поговаривать, нельзя ли подняться на вершину горы; но намъ показали тропинку, проложенную по обрывамъ скалъ и занесенную вчерашнимъ снѣгомъ, — какъ доказательство опасности ходить на вершину въ такіе бурные дни. Отъ монастыря до ближайшей вершины считается шесть часовъ самаго утомительнаго хода, такъ что для подъема надо потерять цѣлый день и ночевать гдѣ-нибудь въ снѣгу. Дѣлать нечего, пришлось ограничиться одними разспросами людей бывалыхъ о заоблачныхъ странахъ Олимпа. Олимпъ, говорятъ, имѣетъ сорокъ вершинъ, изъ которыхъ двѣ главныя какъ рога торчатъ среди снѣжныхъ холмовъ (на высотѣ 9,700 футовъ надъ поверхностью моря). На одной изъ этихъ главныхъ вершинъ прежде стояло капище Юпитера, а теперь построена церковь во имя пророка Иліи, такъ что громовержецъ языческій нагляднымъ образомъ уступилъ свое мѣсто громовержцу христіанскому. На другой вершинѣ тоже стоитъ небольшая церковь въ честь Преображенія Господня. Неизвѣстно, кто именно строилъ эти церкви, но, вѣроятно, строители ихъ были люди большой вѣры, потому что надо имѣть много рѣшимости и самоотверженья, чтобы втащить строительные матеріалы и церковную утварь на такую высоту. Между двумя вершинами лежитъ широкая, заоблачная долина: было гдѣ погулять богамъ Эллады. Есть въ народѣ преданье, что темя Олимпа находится на той высотѣ, гдѣ уже нѣтъ вѣтра; что тамъ до сихъ поръ лежитъ еще недвижно пепелъ отъ жертвъ языческихъ и на этомъ пеплѣ путешественники пишутъ свои имена въ полной увѣренности, что ихъ никогда не развѣетъ вѣтеръ.

Осмотрѣвъ со всѣхъ сторонъ монастырскую мѣстность, мы въ тотъ же день къ вечеру стали собираться домой, тѣмъ болѣе, что наши проводники, по какимъ-то особеннымъ примѣтамъ, предсказывали погоду, благопріятную для путешествія. На бѣду нашъ беззаботный кераджи Михо пустилъ муловъ на лужайку, а самъ прилегъ отдохнуть у огонька; мулы, какъ водится, разбрелись по ущелью, и послѣ слишкомъ два часа пришлось отыскивать ихъ, такъ что намъ пришлось выѣхать уже въ сумерки. Погода сначала дѣйствительно была хорошая; но, видно, примѣты не всегда бываютъ вѣрны: на самомъ спускѣ внизъ, насъ опять застигъ дождь, образовались ручьи, земля раскисла; камни, сдвинутые напоромъ воды, запрыгали подъ ногами, и мы по колѣна въ грязи, безпрестанно спотыкаясь и падая, должны были спускаться пѣшкомъ до самаго малахова кургана, гдѣ явилась возможность снова сѣсть на муловъ. Между тѣмъ совершенно стемнѣло, черная туча обложила все небо и разразилась гроза. Ничего не видя и карабкаясь въ грязи, наша кавалькада, наконецъ, потерявъ терпѣніе и ничего не разбирая, бросилась вскачъ. Въ самомъ плачевномъ видѣ явились мы въ Литохоро, гдѣ насъ ожидалъ вкусный ужинъ и мягкія постели, которыя заставили насъ скоро забыть неудачи путешествія.

Село Литохоро стоитъ на береговомъ скатѣ Олимпа, высоко надъ моремъ, и много терпитъ отъ своего суроваго и холоднаго сосѣда, благодаря которому лѣто здѣсь начинается только въ половинѣ іюля, когда снѣгъ на этой сторонѣ горы растаетъ. Дѣйствительно, теперь здѣсь еще упорно держится холодъ и подъ вечеръ часто приходится надѣвать шубу. Село заселено одними греками, нѣтъ даже каймакама турецкаго, живущаго постоянно въ Константинополѣ, чему поселяне, конечно, очень рады. Въ селѣ болѣе 300 домовъ; въ немъ есть одно большое училище подъ присмотромъ трехъ учителей, и строятъ даже новое зданіе для женской школы. Есть три церкви и при нихъ шесть священниковъ, изъ которыхъ каждый получаетъ годоваго дохода до 500 р. Одна изъ церквей, съ отдѣльною колокольней, построена очень изящно и отдѣлана съ роскошью. Все это говоритъ о богатствѣ и довольствѣ жителей, одѣтыхъ всегда щеголевато, такъ что каждый поселянинъ смотритъ бариномъ. Главный промыселъ Литохоро овцеводство и выдѣлка шерсти; за селомъ на площадкѣ устроены особые снаряды для сученья нитокъ, въ родѣ нашихъ веретенъ, и на этой площадкѣ цѣлый день кипитъ работа. По праздникамъ на эту же площадку сходится молодежь и устроиваются игры, пляски и пѣсни.

По ту сторону потока стоитъ до тридцати соломенныхъ шалашей, гдѣ уже болѣе года живутъ какіе-то переселенцы изъ погорѣвшей деревни и пасутъ огромныя стада овецъ, принадлежащихъ Литохору. Осѣдлые поселяне не слишкомъ-то привѣтливо смотрятъ на этихъ пришельцевъ, хотя они тоже ихъ родичи—греки.

Вышелъ я однажды побродить по селенью, любуясь видами Олимпа, засыпаннаго только-что выпавшимъ снѣгомъ, и, выбравъ лучшую точку, сталъ набрасывать этотъ видъ въ свой дорожный альбомъ. Въ это время подошелъ ко мнѣ худощавый, мизерный человѣчекъ и началъ пристально разглядывать меня и мой рисунокъ.

— Позвольте спросить, проговорилъ онъ, гдѣ вы изволили научиться рисовать по европейски?

— Въ Петербургѣ, отвѣчалъ я.

— Такъ вы русскій живописецъ, изъ самаго Петербурга? Въ такомъ случаѣ я прошу васъ къ себѣ: вы меня научите рисовать по-вашему, — и онъ усердно началъ приглашать меня осмотрѣть его работы. Оказалось, что это былъ сельскій живописецъ-самоучка, давно искавшій случая поговорить съ русскими живописцами, произведенія которыхъ онъ видѣлъ на Аѳонѣ. Напрасно я увѣрялъ его, что мало смыслю въ рисованьи, а особенно въ иконописи; онъ твердилъ одно: вы были въ Петербургѣ, вы знаете тамошнихъ иконографовъ и потому не откажетесь посмотрѣть на мои работы. Надобно замѣтить, что здѣсь Петербургъ играетъ ту же роль, какую у насъ Парижъ или Римъ, и довольно сказать, что я изъ Петербурга, а особенно живописецъ изъ Петербурга, чтобы лицо грека вытянулось въ знакъ удивленія и благоговѣнія къ такому чуду.

Я пошелъ за живописцемъ, и онъ провелъ меня черезъ все село къ небольшому домику, гдѣ помѣщается его мастерская. Эта мастерская, съ закоптѣлыми окнами, была вокругъ заставлена картинами его работы, большею частью иконами; посрединѣ стояли два двуногіе мольберта, привязанные къ гвоздю, вбитому въ потолокъ, и такимъ образомъ сохраняющіе равновѣсіе. Передъ однимъ изъ нихъ сидѣлъ на полу, поджавъ подъ себя ноги, небольшой мальчикъ и размашисто расписывалъ какую-то икону. Въ углу у очага помѣщалась цѣлая лабораторія, гдѣ мастеръ составлялъ и растиралъ краски; на очагѣ въ грязной кострюлѣ кипѣла какая-то жидкость; дальше у стѣны стоялъ цѣлый складъ загрунтованныхъ досокъ, но не видно было ни одного стола, ни стула,— все помѣщалось запросто, на полу.

— Какъ же это вы можете рисовать сидя на полу, спросилъ я,—кажется, это очень неловко?

— Такъ ужъ мы привыкли съ малолѣтства. Мой отецъ и дѣдъ, и прадѣдъ всѣ рисовали такъ, и меня выучили; только, по правдѣ скажу, они не такъ хорошо составляли колера, какъ я.

Въ доказательство своихъ словъ, онъ сталъ мнѣ показывать огромную колекцію своихъ работъ, объясняя при этомъ всѣ пріемы своей техники. Изъ этихъ картинъ я увидѣлъ, что живописецъ принадлежитъ къ новѣйшей византійской школѣ, отличающейся слишкомъ яркою пестротою красокъ и неправильностью рисунка. Я замѣтилъ ему эти недостатки, но онъ сказалъ, что такъ и быть должно, что такъ, говорятъ, рисовалъ знаменитый Панселинъ,—этотъ восточный Рафаэль, которому рабски стараются подражать всѣ новѣйшіе греческіе иконографы, хотя ни одинъ изъ нихъ не можетъ сказать, гдѣ и когда именно жилъ этотъ Панселинъ, и гдѣ можно видѣть его работы. Потомъ живописецъ сталъ разспрашивать о пріемахъ русской живописи; я разсказалъ ему, что̀ припомнилъ, и мы разстались очень дружелюбно. На прощаньи онъ просилъ меня выслать ему изъ Петербурга самую лучшую икону, которая могла бы служить ему для образца, чего я, признаюсь откровенно, еще до сихъ поръ не исполнилъ.

Замѣчательно, что почти въ каждомъ греческомъ селѣ есть доморощенный иконографъ, постоянно заваленный работами; это даетъ понять, каковъ въ нынѣшней Греціи расходъ на иконы.

Всѣ эти живописцы, сколько могъ я замѣтить, рисуютъ весьма уродливо и въ этомъ отношеніи смѣло могутъ поспорить съ нашими суздальскими талантами.

Передъ отъѣздомъ изъ Литохоро къ намъ собрались для прощанья почетные обыватели села и долго бесѣдовали съ нами, жалуясь на свою бѣдность и нищенство и прося не забывать ихъ своею помощью. Съ большимъ уваженіемъ говорили они о Россіи и завидовали богатству нашихъ мужиковъ. «То-то счастье имъ, говорили они, жить на богатой Руси, на свободѣ, гдѣ и турокъ нѣтъ совсѣмъ, чай каждый капиталомъ владѣетъ; а мы-то бѣдные, забытые Богомъ и Россіею, все еще мучимся подъ игомъ невѣрныхъ; подати огромныя, а платить нечѣмъ!..» И это говорили намъ въ селѣ, гдѣ нѣтъ ни одного турка, гдѣ все обнаруживаетъ богатство и довольство жителей. У путешественниковъ, незнакомыхъ еще съ характеромъ жителей страны, подобныя жалобы быть можетъ возбудили бы состраданіе, но это просто обыкновенная привычка грековъ жаловаться на свою судьбу и просить подаянія. Разсчетливый и работящій грекъ изъ ничего сдѣлаетъ себѣ золото, но въ то же время не перестанетъ казаться бѣднымъ, и если любому изъ здѣшнихъ поселянъ протянуть руку съ піастромъ, — онъ не откажется; дать ему милліонъ, онъ и тогда будетъ питаться маслинами и чеснокомъ и тогда будетъ завидовать другимъ. Богъ знаетъ, отчего это такъ дѣлается: особенная ли это черта греческаго характера, или долголѣтнее иго и неувѣренность въ безопасности своей собственности заставляетъ ихъ прикидываться нищими и таить свои богатства? Посмотрѣли бы они на житье нашихъ крестьянъ!...

IV.

Элассона.

Ущелье Канали.—Монастырь Канали.—Разрушенное землетрясеніемъ село Дяво.—Городъ Элассона.—Монастырь Панагія.—Игуменъ въ цѣпяхъ.—Какъ расправляются мѣстные монахи съ богатыми людьми.—Прогулка по городу.—Остатки эллинскихъ древностей.—Прощанье съ Олимпомъ.—Обратный путь до г. Лариссы.

Изъ Литохоро намъ нужно было возвратиться въ Лариссу. Для этой цѣли мы выбрали путь черезъ Элассону, чтобы мимоходомъ заглянуть на Олимпъ и съ противоположной стороны. Элассона стоитъ по ту сторону хребта, къ юго-западу отъ Олимпа; дорога туда проходитъ черезъ самый хребетъ горы, надъ ущельемъ, извѣстнымъ подъ именемъ Канàли и напоминающемъ нѣсколько темпейскую долину. Это названіе ему дано, говорятъ, отъ необыкновенной правильности просѣка, слишкомъ напоминающаго искусственный каналъ, хотя для искусства понадобились бы громадныя силы, чтобы прорѣзать насквозь твердыню олимпійскаго хребта.

Съ пѣснями, при громѣ выстрѣловъ, выѣхали мы изъ Литохоро, сопровождаемые толпами поселянъ, обрадовавшихся случаю пошумѣть и пострѣлять, чтобы такимъ образомъ выразить свое сочувствіе къ русскимъ странникамъ. Игуменъ Іоаникій и Янко вызвались провожать насъ до ближайшаго монастыря Канàли, гдѣ у насъ предполагался ночлегъ, обнадеживая, что вмѣстѣ съ ними насъ тамъ примутъ привѣтливѣе и угостятъ лучше. На востокѣ нѣтъ постоялыхъ дворовъ при дорогахъ, и эту роль съ успѣхомъ играютъ мѣстные монастыри, которыхъ здѣсь къ счастью очень много и которые почти всѣ потеряли свое настоящее значеніе съ тѣхъ поръ, какъ Греція получила свободу.

Около пяти верстъ ѣхали мы въ виду моря; миновали небольшое село Лептокара, и оттуда уже повернули къ горамъ и стали подниматься на одинъ изъ отроговъ хребта по направленію къ Канали. Здѣсь замѣчательна небольшая каменная арка, перекинутая надъ пропастью съ бѣгущимъ внизу потокомъ. Неизвѣстно кто трудился надъ сооруженіемъ этой арки, уже надтреснувшей и готовой обрушиться внизъ; но безъ нея путешественникамъ пришлось бы опускаться на самое дно пропасти.

Высоко пролегалъ нашъ путь среди каштановаго лѣса. Становилось холодно и сыро. Солнце медленно опускалось за синеватый абрисъ далекихъ эллинныхъ горъ. Сосѣдніе отроги, казавшіеся намъ прежде высокими, теперь умалились и сравнялись внизу, и только поэтическая Осса гордо поднимала передъ нами свою коническую вершину, усыпанную снѣгомъ. Олимпа не было видно; онъ по обыкновенію наглухо закутался тучами. Лѣсъ мѣшалъ смотрѣть въ даль. Но вотъ еще нѣсколько извилинъ тропинки и передъ нами открылась вся перспектива Канали. Будто исполинскій мечъ разсѣкъ и раздвинулъ эти горы: такъ ровно и прямо разступились онѣ передъ потокомъ. Обѣ стороны просѣка тянутся паралельно на протяженіи пятнадцати верстъ, съ такою правильностью, что если встать въ центрѣ потока, то съ одной стороны можно видѣть поверхность Солунскаго залива, а съ другой—цвѣтущія равнины Ѳессаліи. Это вторая темпейская долина; и хотя въ ней нѣтъ красавицы Саламвріи, нѣтъ изящныхъ изгибовъ, какими щеголяютъ Темпы, но таже роскошь растительности, таже картинная обстановка.

Отсюда мы увидѣли вдали, надъ обрывомъ просѣка, небольшое четвероугольное зданіе монастыря съ башенкой надъ воротами. Янко привѣтствовалъ его выстрѣломъ и тамъ въ отвѣтъ скоро ударили въ колоколъ: серебристый звукъ его задребезжалъ по ущелью, перекатываясь въ безчисленныхъ эхо. Монастырь стоитъ у самой дороги. Подъ нимъ и надъ нимъ на волнистыхъ скатахъ горы стоятъ рощи каштана кедра и кипариса; яркая зелень ихъ горитъ на солнцѣ и будто манитъ къ монастырю. У воротъ обители насъ встрѣтили иноки и отвели намъ для ночлега комнатку съ затѣйливою рѣзьбою на потолкѣ и цвѣтными стеклами въ окнахъ, но въ которой оказалось потомъ такое множество крысъ и разныхъ насѣкомыхъ, что спать не было никакой возможности. Къ вечеру прибыло въ монастырь нѣсколько новыхъ постояльцевъ, и въ одномъ изъ лучшихъ архондариковъ *) былъ устроенъ по этому случаю роскошный ужинъ.

Положеніе монастыря при дорогѣ совершенно превратило его въ постоялый дворъ. Онъ служитъ перепутьемъ для всѣхъ проѣзжающихъ по этому тракту, оживленному гораздо болѣе, нежели темпейскій трактъ. Поэтому ежедневно къ монастырю приходятъ цѣлыя толпы народа, разнаго пола, возраста и званія, и иногда живутъ въ немъ по нѣскольку дней. Конечно это мѣшаетъ нѣсколько спасенію иноковъ, но за то выгодно. Каждый изъ приходящихъ въ монастырь оставляетъ въ немъ нѣсколько грошей на поминъ души и это составляетъ значительный доходъ обители. Кромѣ этого монахи (а ихъ всего десять) получаютъ изъ Валахіи и другихъ имѣній

---

*) Архондарикъ—пріемная комната.

до семи тысячъ голл. червонцевъ въ годъ, такъ что на каждаго монаха придется въ годъ, по меньшей мѣрѣ, до двухъ тысячъ рублей серебромъ. Не смотря на такое богатство, монастырь очень невеликъ и невзраченъ: церковь темная, безъ куполовъ и треснувшая по мѣстамъ; кельи низкія и вообще всѣ постройки какого-то грязнаго, бураго цвѣта. Монахи оборванные, грязные, униженно ухаживали за нами и жаловались на свою бѣдность, и мы, пожалуй, повѣрили бы имъ, еслибы съ нами не былъ отецъ Іоаникій, который тутъ же обличилъ ихъ въ притворствѣ и разсказалъ намъ о богатствѣ Канали. Смѣшно было смотрѣть, какъ потомъ монахи старались отомстить Іоаникію за его откровенность; они всячески норовили досадить ему и даже такъ устроили дѣло, что бѣднякъ остался безъ ужина.

Впрочемъ, это наружное нищенство спасаетъ монастырь отъ арванитовъ. Они нѣсколько разъ покушались ограбить Канали, но не находили въ немъ ничего цѣннаго.

Едва алѣлъ востокъ, когда разбудили насъ. Лошади были уже осѣдланы. За воротами монастыря сошлись старые и малые поглазѣть на наши сборы. Кавасы для потѣхи весело джигитовали передъ ними, щеголяя своею ловкостью и удальствомъ. Михо торопливо навьючивалъ наши чемоданы и очень энергически перебранивался съ старымъ Назифомъ, которому, кажется, уже прискучили эти вѣчные сборы и переѣзды. Вотъ зазвучалъ колоколъ, послышалась стрѣльба, и мы выѣхали на дорогу, напутствуемые разными благожеланіями.

Канали южнымъ концомъ своимъ выходитъ на обширную равнину, составляющую подножіе юго-западной стороны Олимпа. Отсюда видъ Олимпа не такъ красивъ, какъ со стороны Литохора: подъемъ крутой, голый, уродливо плоскій, будто искусственная насыпь, нѣтъ такихъ картинныхъ отроговъ, какими украшенъ спускъ Олимпа къ морю. У самой подошвы горы стоитъ многолюдное село

Карія, гдѣ, какъ и въ Литохоро, есть подворье олимпійскаго монастыря. Отецъ Іоаникій предложилъ намъ заѣхать въ село и осмотрѣть его подворье; мы согласились, и онъ немедленно послалъ туда гонца съ повелѣніемъ приготовиться къ встрѣчѣ дорогихъ гостей. Этотъ гонецъ переполошилъ все село. Толпы народа вышли намъ на встрѣчу; иноки подворья, испуганные приближеніемъ нашей кавалькады, встрѣтили насъ въ ризахъ и съ пѣніемъ церковныхъ пѣсенъ. Мы молились, не слѣзая съ коней, и пригласили святыню идти впереди насъ. Можно представить себѣ всю оригинальность этого торжественнаго шествія съ крестами, пѣніемъ и дымомъ кадильнымъ въ сопровожденіи толпы поселянъ и при громкомъ лаѣ собакъ, сбѣжавшихся со всего околодка.

Здѣсь назначенъ былъ обѣдъ; но приготовленія къ нему начались въ такихъ огромныхъ размѣрахъ, что и конца имъ не предвидѣлось. Опасаясь потерять золотое время, мы отказались отъ обѣда, простились съ Іоаникіемъ и почти тайкомъ выѣхали изъ села, взявъ съ собою только двухъ своихъ кавасовъ и Янко.

Проѣхавъ вдоль всю долину, мы вступили въ русло быстраго потока, бѣгущаго съ Олимпа. Тропинка лѣпилась по обѣимъ сторонамъ потока, разсѣкая его въ разныхъ направленіяхъ, такъ что намъ пришлось разъ двадцать переѣхать черезъ него въ бродъ (вотъ каковы дороги въ Турціи!).

Послѣ двухъчасоваго пути, потокъ круто поворотилъ вправо къ Олимпу, а тропинка наша поднялась вверхъ и потянулась по скату довольно высокой горы Кукули съ необыкновенною вершиною, похожею на полуразрушенную башню. Долго лѣпились мы по обрывистымъ крутизнамъ надъ пропастями, окружающими Кукули. Кружится голова, когда глядишь на дно этихъ пропастей, заросшихъ густыми лѣсами каштана, а между тѣмъ упрямый мулъ какъ нарочно идетъ по самому краю обрыва, будто хочетъ похвастать своею смѣлостью. Жаръ дѣлался невыносимъ; мы искали мѣста, гдѣ бы можно было отдохнуть, но близко не было воды, а голый камень и колючая трава—плохое сѣдалище. Наконецъ мы увидѣли небольшую поляну у самой вершины Кукули: на ней было разбросано нѣсколько ветхихъ домиковъ, большею частію въ развалинахъ, а посреди села, подлѣ водоема большой платанъ. Лучшаго мѣста для отдыха мы и желать не могли и потому тотчасъ развьючили муловъ и разостлали ковры. Поселяне на почтительномъ разстояніи съ любопытствомъ наблюдали за нами. У водоема, нѣсколько дѣвушекъ мыли бѣлье, и наша кавалькада застала ихъ въ самомъ разгарѣ работы; нужно было видѣть, съ какимъ ужасомъ бросились онѣ бѣжать, завидѣвъ насъ, особенно когда страшный Назифъ заморгалъ на нихъ сѣдыми усами, прося пить. Этотъ страхъ, впрочемъ, скоро прошелъ; увидѣвъ, что кавасы не думаютъ преслѣдовать ихъ, онѣ успокоились и воротились къ водоему. Нѣкоторыя изъ нихъ очень миловидны и всѣ вообще стройны и граціозны. Всѣ онѣ были въ короткихъ синихъ платьяхъ, а на головахъ имѣли красные фесы съ серебряною бляхою. Мало по малу и остальные поселяне начали подходить ближе и сѣли недалеко отъ насъ, разспрашивая у Михо, кто мы такіе? Вѣроятно, рѣдко кто изъ проѣзжающихъ заглядываетъ сюда. Это село называется Дяво. Прежде оно было богато и многолюдно, о чемъ можно судить по безчисленнымъ развалинамъ, разсыпавшимся по скату горы, но теперь въ немъ осталось всего только шесть домовъ, и то готовыхъ развалиться.

— Что это значитъ? спросили мы у одного старика:— неужели это турки такъ отдѣлали ваше село?

— Нѣтъ, это не турки, отвѣчалъ намъ старикъ, — а гнѣвъ божій покаралъ насъ за грѣхи наши; и разсказалъ при этомъ длинную легенду о томъ, какъ здѣсь въ горѣ Кукули спасался нѣкогда святой отшельникъ, который строго обличалъ поселянъ во грѣхахъ, и до того довелъ ихъ своими обличеніями, что они выгнали его изъ своей земли. Отшельникъ, уходя, проклялъ Дяво, и гнѣвъ Божій немедленно поразилъ это село: ночью внезапно сдѣлалось сильное землетрясеніе и разрушило село такъ быстро, что жители не успѣли выбѣжать изъ домовъ своихъ и почти всѣ погибли. «Съ тѣхъ поръ, продолжалъ онъ, каждый годъ, въ день памяти этого отшельника, бываетъ легкое землетрясеніе и слышенъ подземный стонъ: то стонутъ души родителей нашихъ и оплакиваютъ свою раннюю смерть, а мы со страхомъ прислушиваемся къ этому стону и молимся... Теперь насъ здѣсь всего тридцать человѣкъ, а было, говорятъ, до тысячи.»

— А давно ли было это чудо? спросилъ я.

— Мой дѣдъ погибъ тогда, а меня еще и на свѣтѣ не было.

Этотъ разсказъ и печальный видъ развалинъ навелъ на насъ грустное расположеніе духа. Къ счастію, кавасы Абди и Янко, на потѣху дѣвушкамъ, вздумали джигитовать передъ ними верхомъ, и до того изумляли и смѣшили насъ своими выходками, что мы скоро забыли и Дяво и отшельника.

Былъ уже вечеръ, когда тронулись мы въ путь. Поселяне столпились на площадкѣ и смотрѣли вслѣдъ намъ; дѣвушки махали платками: видно было, что онѣ досадовали на ранній отъѣздъ нашъ, что имъ хотѣлось еще полюбоваться на удальство заѣзжихъ молодцовъ. Молодые кавасы стрѣляли, и только Назифъ что-то ворчалъ непривѣтливо. Навстрѣчу намъ повалили огромныя стада овецъ и козъ; прыгая съ камня на камень и цѣпляясь по крутизнамъ, онѣ съ крикомъ пробирались въ Дяво, гдѣ для нихъ устроены большіе мандры (загоны).

Переѣхавъ черезъ острый гребень горы Кукули, мы будто вступили въ новый міръ: все прежнее задвинулось, закрылось,—и мы увидѣли новую панораму. Будто разставленныя декораціи, стояли одинъ надъ другимъ четыре горныхъ кряжа, разсѣченные глубокими долинами, и высоко надъ всѣми ими обрисовался вдали синеватый хребетъ знакомыхъ горъ Пинда. Внизу, въ ближайшей къ намъ долинѣ, бѣлѣлись домики и минареты Элассоны; за ними, на небольшомъ холмѣ, монастырь Панагія. У насъ не было никого знакомыхъ въ городѣ, а остановиться въ грязномъ турецкомъ ханѣ не хотѣлось. Кавасы говорили, что всѣ франки останавливаются въ монастырѣ и совѣтовали намъ прямо ѣхать въ Панагію, тѣмъ болѣе, что мы имѣли туда рекомендательное письмо. Дѣлать нечего, пришлось опять просить ночлега у монастыря. Эти монастыри — благодѣяніе для путешественника на востокѣ: онъ всегда можетъ быть увѣренъ въ хорошемъ пріемѣ, найдетъ чистую комнатку и подчасъ сносный столъ, за что попросятъ его внести свое имя на поминовеніе и берутъ посильный вкладъ. Конечно, и здѣсь не безъ грѣха: путешественниковъ богатыхъ принимаютъ и угощаютъ старательнѣе, чѣмъ бѣдныхъ, но все-таки въ монастыряхъ лучше и спокойнѣе, чѣмъ въ грязныхъ ханахъ, гдѣ часто и за деньги подчуютъ такими оригинальными блюдами, на которыя и смотрѣть страшно; а о помѣщеніи и говорить нечего.

Видъ монастыря Панагіи очень непривлекателенъ. На овальномъ холмѣ стоитъ небольшая церковь, выкрашенная по греческому обыкновенію яркою красною краской; а вокругъ нея, будто сараи, одноэтажныя, почернѣлыя кельи; нѣтъ ни сада, ни виноградника, — кругомъ все голо и пусто. Говорятъ, на этомъ мѣстѣ прежде стояла городская крѣпость и самый холмъ искусственный. Какимъ образомъ эта крѣпость превратилась въ монастырь — неизвѣстно. Монастырская церковь, вѣроятно, прежде принадлежала крѣпости: она построена даже съ нѣкоторымъ изяществомъ, въ противоположность остальнымъ, новѣйшимъ постройкамъ; ея стѣны и куполъ внутри украшены живописью, но къ, сожалѣнію, эта живопись покрыта толстымъ слоемъ копоти и грязи, такъ что намъ пришлось разсматривать ее со свѣчами. Въ притворѣ стоитъ шкафъ, гдѣ помѣщена монастырская библіотека. Въ дверцахъ шкафа нижняя доска выломана и оттуда въ безпорядкѣ вывалились полновѣсные манускрипты въ тетрадяхъ и свиткахъ: давно уже они лежатъ на полу въ пыли и грязи, и никому нѣтъ до этого дѣла. Когда А. П. упрекнулъ монаховъ въ этомъ неряществѣ и просилъ продать ему нѣсколько рукописей, они съ радостью предложили ему на выборъ всѣ свои книги, какъ вещь вовсе ненужную для нихъ, а между тѣмъ среди этихъ рукописей были очень замѣчательныя рѣдкости.

Послѣ обзора монастырскихъ рѣдкостей мы всѣ собрались въ архондарикѣ. Монахи жаловались на трудность жизни: горевали, что монашество ослабѣваетъ на востокѣ и поэтому вѣроятно скоро будетъ кончина міра. Мы утѣшали ихъ тѣмъ, что въ христолюбивой Россіи монашество еще въ полной силѣ и что нечего скоро опасаться страшнаго суда.

Въ Панагіи есть одно рѣдкое на востокѣ обыкновеніе: ежедневно одинъ изъ братіи безплатно раздаетъ хлѣбъ приходящимъ бѣднымъ, и толпы народа въ извѣстный часъ стекаются къ монастырю за полученіемъ этой милостыни; приходятъ не только христіане, но и турки, и турчанки, и бѣлые, и черные, и монастырь никому не отказываетъ въ помощи. Это прекрасно; но въ этомъ же монастырѣ есть одинъ несчастный, который служитъ живымъ упрекомъ ему. Мы только-что успѣли забыться послѣ дороги въ отведенныхъ намъ комнатахъ, какъ насъ разбудилъ Абди, блѣдный и испуганный,—лица на немъ не было.

— Что такое? спрашиваемъ мы.

— Стонетъ кто-то, еффенди, страшно стонетъ, отвѣчалъ кавасъ.

— Кто стонетъ? Гдѣ?..

— Внизу, въ подвалѣ, послушайте сами.

Мы проворно одѣлись и отправились въ комнату, занимаемую кавасами. Изъ-подъ полу по временамъ дѣйствительно слышался тяжелый стонъ, оханье и проклятія. Суевѣрный Назифъ выбѣжалъ на дворъ, разбудилъ какого-то монаха и привелъ его въ комнату. Монахъ съ видимымъ безпокойствомъ посмотрѣлъ на насъ и принялся проворно убирать постели.

— Не безпокойтесь, говорилъ онъ: — я сейчасъ васъ переведу въ другую комнату.

— Да что же это значитъ? спрашивали мы: — кто тамъ въ подвалѣ?

— Это... это нашъ игуменъ; онъ нездоровъ, — запинаясь проговорилъ монахъ и затѣмъ, упорно промолчавъ на всѣ наши распросы, вывелъ кавасовъ изъ комнаты.

— Здѣсь что-то нечисто! шепнулъ Назифъ, уходя. Мнѣ тоже показались подозрительными безпокойные взгляды и слова монаха; я самъ видѣлъ, что здѣсь что-то нечисто.

На другой день мы начали розыски, допросы, и узнали наконецъ, что въ подвалѣ, по повелѣнію мѣстнаго епископа, уже болѣе года томится въ цѣпяхъ монастырскій игуменъ. У этого игумена умеръ проѣздомъ одинъ богатый путешественникъ, оставивъ на рукахъ его порядочную сумму денегъ. Игуменъ схоронилъ умершаго, но о деньгахъ никому ни слова. Вѣроятно это показалось нѣкоторымъ черезчуръ обиднымъ, и эти *нѣкоторые* донесли обо всемъ мѣстному архіерею, а тотъ немедленно нагрянулъ въ монастырь со всѣмъ своимъ штатомъ и сталъ требовать деньги по праву представителя епархіи. Игуменъ сначала отдалъ половину, а въ остальныхъ отказался незнаніемъ, но его схватили и заперли въ подвалъ, чтобы вынудить полное признаніе; начались побои и пытка: монахи варили яйца и прямо съ огня клали ему подъ мышки. Измученный старикъ, наконецъ, указалъ мѣсто, гдѣ спряталъ деньги, и при этомъ пригрозилъ епископу, что онъ будетъ всю жизнь вредить ему и разглашать его тайныя дѣла, а епископъ приказалъ запереть его на вѣки вѣчные въ монастырскій подвалъ, гдѣ его и приковали цѣпями къ стѣнѣ и полу, такъ что несчастный не въ состояніи пошевелиться. И вотъ уже болѣе года сидитъ онъ тамъ въ грязи среди удушливыхъ міазмовъ отъ разныхъ нечистотъ, едва питаясь хлѣбомъ и водою. Каждую ночь слышны въ монастырѣ его жалобы и стоны, особенно когда бываютъ поклонники, и всѣ слышатъ эти стоны, узнаютъ въ чемъ дѣло и молчатъ, боясь въ свою очередь подпасть опалѣ; тѣмъ болѣе, что жители монастыря нисколько не сочувствуютъ своему игумену и даже подсмѣиваются надъ нимъ. Наши кавасы какимъ-то образомъ видѣли его на другой день и съ ужасомъ разсказывали, что онъ совсѣмъ высохъ отъ холода и голода, что крысы отъѣли ему пальцы на рукахъ и на ногахъ и т. п. Сгоряча мы хотѣли было увѣдомить объ этомъ открытіи наше генаральное консульство въ Константинополѣ и просить преслѣдованія подобнаго варварства, но... время и новыя впечатлѣнія охолодили этотъ жаръ; притомъ, поѣздивъ по востоку, мы увидѣли, что тамъ нерѣдки подобные факты,— народъ уже обтерпѣлся и довольно холодно смотритъ на всѣ эти прижимки звѣрскаго деспотизма.

Послѣ легкаго обѣда изъ вареныхъ октоподовъ и раковинъ, я съ Назифомъ отправился въ городъ и долго бродилъ по его грязнымъ и кривымъ улицамъ. Элассона лежитъ въ круглой обширной долинѣ, замкнутой со всѣхъ сторонъ возвышенностями, такъ что всю мѣстность можно назвать исполинской котловиной, по окраинамъ которой на скатахъ разсѣяны селенія. Съ Олимпа сюда втекаетъ небольшая, безъимянная рѣчка, протекаетъ черезъ городъ, вьется по всей долинѣ множествомъ извилинъ и исчезаетъ гдѣ-то въ ущельѣ. Элассона, одинъ изъ древнѣйшихъ городовъ Ѳессаліи, теперь не имѣетъ ничего замѣчательнаго: турки передѣлали его на свой ладъ и придали ему обще-турецкую физіономію. Въ немъ теперь таже грязь, тѣже узкія, кривыя улицы съ грязной канавкой посрединѣ, открытые базары, мазанки, обнесенныя наглухо каменными заборами, какъ и во всѣхъ восточныхъ городахъ. Греки прежде были здѣсь преобладающимъ народомъ, но послѣ 1820 года ихъ уцѣлѣло только десять семействъ. Рѣчка перерѣзываетъ городъ на-двое, и на ней существуетъ два моста старинной постройки. Эти два моста во время греческаго возстанія играли роль эшафотовъ для элассонскихъ христіанъ и болѣе трехъ тысячъ греческихъ головъ скатилось отсюда въ рѣку. Нынѣшіе христіане, изъ которыхъ нѣкоторые были свидѣтелями этой рѣзни, не теряютъ еще надежды опять имѣть Элассону въ своихъ рукахъ. Въ окрестностяхъ города находятъ очень много памятниковъ древности, судя по которымъ можно думать, что здѣсь недалеко было большое эллинское кладбище. Вотъ образчикъ того невѣжества, съ какимъ смотритъ народъ на эти вещи. Проходя мимо одного дома, я замѣтилъ, что въ стѣны его, вмѣстѣ съ другими камнями, вмазана древняя надгробная плита съ изваяніями и надписью, и остановился снять ея рисунокъ. Ко мнѣ сейчасъ же подошелъ хозяинъ дома и сталъ насмѣшливо слѣдить за моей работой.

— Васъ, какъ видно, очень занимаютъ эти вещи, сказалъ онъ:—войдите ко мнѣ на дворъ, тамъ вы найдете много такого хлама!

Я пошелъ и тамъ въ конюшнѣ мнѣ показали еще нѣсколько подобныхъ плитъ, переломанныхъ и сваленныхъ въ кучу. Хозяинъ сказалъ, что когда его работники брали камень для постройки дома, то вырыли изъ земли эти плиты, надѣясь употребить ихъ на косяки или на лѣстницы, но дорогой переломали. Нѣкоторыя фигуры въ изваяніяхъ безукоризненно хороши: всѣ онѣ изображаютъ стоящихъ женщинъ въ туникахъ.

Отъ Элассоны до Лариссы считается семь часовъ хода.

На третій день утромъ мы простились съ обитателями Панагіи и Элассоны и скорымъ шагомъ поѣхали къ Лариссѣ. На этотъ разъ дѣло обошлось безъ всякихъ церемоніальныхъ провожаній. Мулы будто почувствовали скорый отдыхъ и поплелись весело, съ разными мурлыканьями. Кавасы, даже самъ сонный Михо, открыто выражали свою радость, что наше путешествіе кончается, что близка уже исходная точка дороги.

За круглой долиной, составляющей котловину элассонскую, идетъ крутой, ухабистый спускъ къ главной равнинѣ Ѳессаліи, гдѣ стоятъ Ларисса и Трикала. Сквозь небольшое ущелье, промытое безъимянной рѣчкой, мы уже видѣли внизу эту роскошную массу зелени, перевитую будто голубою лентой Саламвріей, но все это далеко и пока еще въ туманѣ. Спускъ къ этой равнинѣ такъ крутъ и продолжителенъ, что нельзя не подивиться своенравію ѳессалійской природы, образовавшей такой громадный и правильный пьедесталъ для Олимпа.

За спускомъ стоитъ группа турецкихъ мазанокъ, а за нимъ большой родникъ воды, прикрытый густою тѣнью платановъ; далѣе потянулась пустыня, голая, песчаная, напоминающая ту болотную пустыню, чрезъ которую мы проѣзжали къ селу Баба̀, и опять мы не знали куда дѣться отъ жара и тысячи мошекъ, наполнявшихъ неподвижный воздухъ. По мѣрѣ приближенія къ Лариссѣ растительность становится богаче, виды живописнѣе. Недалеко отъ города стоятъ въ полѣ большія турецкія казармы, выстроенныя по образцу европейскихъ казармъ, но въ одинъ этажъ; одна половина ихъ сгорѣла два года тому назадъ и до сихъ поръ не возобновлена. Цѣлый батальонъ солдатъ кочевалъ теперь на лугу, такъ что намъ пришлось проѣхать черезъ все кочевье. Солдаты разступались передъ нами и поочередно привѣтствовали нашихъ кавасовъ. Нужно было видѣть эту рѣзкую смѣсь лицъ, костюмовъ и занятій самыхъ противоположныхъ: тутъ были и бѣлые и черные, въ разноцвѣтныхъ мундирахъ и съ разными вооруженіями, такъ что вся эта безпокойная толпа походила скорѣе на военное ополченіе, чѣмъ на регулярное войско. Въ толпѣ я замѣтилъ нѣсколькихъ офицеровъ, доѣдающихъ разсыпчатый пилавъ; они мало чѣмъ отличались отъ солдатъ и пользовались отдыхомъ, ни мало не стѣсняясь ихъ присутствіемъ. Одинъ изъ нихъ, совсѣмъ раздѣвшись, стиралъ въ канавкѣ бѣлье...

Наконецъ изъ-за раздвинувшихся деревьевъ показались бѣлыя стѣны Ларисcы, съ ея тридцатью минаретами и куполами, съ высокой часовой башней, на которой виситъ русскій колоколъ изъ Балаклавы, съ группами разноцвѣтныхъ зданій, красивымъ мостомъ черезъ Саламврію и каменной висѣлицей у воротъ. Въ послѣдній разъ оглянулся я отсюда на Олимпъ: Осса уже покрылась фіолетовымъ оттѣнкомъ, надъ нею стояло легкое облачко. Олимпъ по прежнему былъ задвинутъ тучами: густыми массами столпились онѣ надъ нимъ, клубясь и обнажая изрѣдка его снѣжную голову,—тамъ еще дождь и снѣгъ, еще не наступало лѣто...

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

МЕТЕОРСКІЕ УТЕСЫ

V.

Село Зарко.

Торжественный въѣздъ нашъ въ село Зарко. — Архіерейскій домъ.—Домашній бытъ сельскаго архіерея, его разсказы, мечты и надежды.—Мѣстное кладбище.—Школа. — Сельскій учитель.—Его домашній бытъ, разсказы, мечты и надежды. — Таинственная просьба попа Филарета.—Развалины Гардикіи. — На обрывѣ кратера.—Легенда объ его происхожденіи.

Болѣе семи часовъ провели мы въ пути подъ знойнымъ солнцемъ, безъ отдыха, не слѣзая ни разу съ нашихъ измученныхъ муловъ. Кавалькада наша пріуныла и нахмурилась. Въ полдень, по выѣздѣ изъ Лариссы, мы всѣ еще были веселы и оживлены, восторгались красотами ѳессалійской природы, любовались роскошными видами мѣстной красавицы—рѣки Саламвріи, прислушивались къ пѣнью птицъ, — словомъ, благодушествовали вполнѣ; а теперь куда и восторги наши подѣвались: всѣ ѣхали молча и пасмурно и съ нетерпѣньемъ ждали отдыха и ночлега. Даже наши неизмѣнные кавасы-тѣлохранители, дряхлый Назифъ и щеголь Абди, — и тѣ устало скрючились на своихъ сѣдлахъ и мало походили на *турокъ* въ томъ грозномъ значеніи этого слова, какое придаютъ ему ѳессалійскіе греки. Ночлегъ предстоялъ намъ въ греческомъ селѣ Зарко, и о немъ-то мы мечтали теперь болѣе всего.

— Скоро, скоро, утѣшалъ насъ проводникъ нашъ, Михо:—вотъ обогнемъ еще гору, да перейдемъ лѣсокъ,—тутъ сейчасъ и Зарко.

Но обогнули гору, перешли лѣсокъ, а Зарко какъ нарочно пряталось и уходило отъ насъ дальше и дальше.

Вечерѣло. Жаръ спадалъ. Надъ Саламвріей поднималась легкая испарина. Огромныя стада овецъ лѣниво спускались къ своимъ загонамъ. Вотъ показалось и Зарко. Подъ навѣсомъ одного изъ отроговъ олимпійскаго хребта, далеко отъ торной дороги, спряталось среди зелени до трехсотъ небольшихъ мазанокъ съ двумя церквами. Село такъ ловко притаилось въ лощинѣ подъ горою и такъ искусно прикрылось деревьями, что можно проѣхать подлѣ самаго села и не узнать, что тутъ живутъ и прячутся люди. Мѣра, необходимая въ Ѳессаліи, гдѣ каждое село наровитъ какъ можно ловчѣе укрыться отъ непрошеннаго вниманія и не быть на виду у турокъ.

Видъ вооруженныхъ кавасовъ, какъ и слѣдовало ожидать, всполошилъ все село. По улицамъ поднялась суматоха; мы видѣли, какъ многіе бросились бѣжать и прятаться по домамъ; любопытные со страхомъ выглядывали на насъ изъ-за домовъ и заборовъ и только стаи собакъ съ визгомъ и лаемъ кинулись подъ ноги нашимъ муламъ, что заставило храбраго Абди выхватить пистолетъ и сдѣлать нѣсколько выстрѣловъ. Народъ съ ужасомъ глядѣлъ на эту сцену и ждалъ, что будетъ дальше. Положеніе наше было весьма непріятное. Наконецъ Михо остановился у дома одного изъ сельскихъ священниковъ и объявилъ, что дальше ѣхать некуда и что тутъ ночевать всего удобнѣе. Испуганный священникъ со всѣмъ своимъ семействомъ выбѣжалъ къ намъ на встрѣчу, и всѣ они, не говоря ни слова, повалились намъ въ ноги.

— Гдѣ бы намъ тутъ ночевать, батюшка? спросилъ я, нѣсколько оторопѣвъ.

— Поѣзжайте лучше къ нашему владыкѣ,—взмолился священникъ,—онъ васъ приметъ по сану, а мы народъ бѣдный, неимущій.

— А кто такой вашъ владыка?

— Здѣшній архіерей.

— Далеко онъ живетъ?

— Тутъ же, на концѣ села.

— Такъ поѣдемте живѣй къ архіерею, скомандовалъ Назифъ:—а ты, попъ, веди насъ.

И мы опять тронулись впередъ между домами. Впереди насъ, смиренно согнувшись, шелъ священникъ.

Архіерей, какъ видно, уже успѣлъ узнать о прибытіи нежданныхъ гостей и встрѣтилъ насъ на крыльцѣ своего дома. По наружности трудно было повѣрить, что передъ нами такой важный сановникъ. Онъ былъ еще не старъ, съ добродушнымъ, но нѣсколько хитрымъ выраженіемъ лица и вкрадчивыми глазами. Одѣтъ онъ былъ въ изношенной, войлочной душегрѣйкѣ и коротенькой ряскѣ; на босыхъ ногахъ у него дырявые башмаки, на головѣ старая камилавка, перевязанная черною чалмою, въ рукахъ длинный чубукъ.

— Милости прошу, заговорилъ онъ тихо и ласково:—кто такіе и откуда?

Мы отрекомендовались.

— Очень радъ. Прошу пожаловать. Вотъ двадцать лѣтъ живу здѣсь, а въ первый разъ вижу русскихъ. Милости прошу, войдите. Только турокъ не пущу, пусть идутъ внизъ, къ моему трапезарю. Паисій, проведи турокъ внизъ и накорми до отвалу бараниной. Слышишь?

Худощавый монахъ, стоявшій сзади, молча поклонился владыкѣ и увелъ турокъ, а мы поднялись по лѣстницѣ подъ широкій навѣсъ, гдѣ, на открытомъ воздухѣ, была устроена пріемная зала и кабинетъ владыки. При самомъ входѣ въ залу къ намъ робко подбѣжалъ какой-то длинный, сѣдой монахъ съ огромною бородою и смиренно отвѣсилъ намъ земной поклонъ.

— Это мой великій экономъ и эпархіальный архимандритъ, пояснилъ намъ владыка. — Поди-ка, отче, распорядись, чтобъ гостямъ закусить дали.

Великій экономъ быстро исчезъ.

— Садитесь, дорогіе гости; сейчасъ намъ закусить дадутъ.

Мы сѣли на полъ на грязныя ситцевыя подушки; рядомъ съ нами, кряхтя, опустился и самъ владыка. Кругомъ видна была бѣдность вопіющая. Домъ мало чѣмъ отличался отъ обыкновенныхъ сельскихъ домовъ, только былъ нѣсколько пошире другихъ. Весь полъ былъ покрытъ старыми истрепанными циновками, на стѣнахъ висѣли лубочные виды аѳонскихъ монастырей; съ обѣихъ сторонъ комнаты двѣ двери вели въ зимніе покои владыки, а прямо за перилами свободно виднѣлись безконечныя тутовыя рощи и бѣлѣлъ на горизонтѣ снѣжный хребетъ Аграфы. Архіерей съ любопытствомъ наблюдалъ за нами, медленно покуривая свой длинный чубукъ. Въ своемъ жалкомъ костюмѣ, съ чубукомъ во рту и среди всей своей бѣдной обстановки, онъ поскорѣе походилъ на простаго сельскаго обывателя, чѣмъ на архіерея.

— Я все гляжу на васъ, заговорилъ онъ: — и не вѣрю, что вы русскіе. Шутка ли, даль-то какая. Надо полагать, что до васъ отсюда будетъ, пожалуй, часовъ сто пути *), а?

— Больше, отче; часовъ пятьсотъ будетъ слишкомъ.

— Ай-ай-ай! Пятьсотъ часовъ! Вѣдь этакъ, пожалуй, никогда и не доѣдешь?

— Доѣхать-то можно, только далеко.

— А все-таки на одномъ мулѣ не доѣдешь, поколѣетъ отъ такой дороги.

---

*) На Востокѣ опредѣляютъ разстояніе числомъ часовъ, потребныхъ для путешествія. Среднимъ числомъ полагается на проѣздъ пять верстъ въ часъ.

— Пожалуй, и поколѣетъ, согласился я.

Въ это время въ дверяхъ налѣво показалась старуха съ круглымъ низкимъ столомъ въ рукахъ, на которомъ были разставлены разныя закуски; за старухой, смиренно скорчившись и робко выглядывая изъ подлобья, выступалъ великій экономъ. У перилъ лѣстницы стали собираться любопытные.

— Ну, вотъ намъ и ѣсть несутъ, заявилъ архіерей.— Гляди, Агриппина, это русскіе; до нихъ и въ пятьсотъ часовъ не доѣдешь, добавилъ онъ, обращаясь къ старухѣ. Та молча поклонилась и уставилась на насъ, точно мы какіе невиданные звѣри. Архіерей хохоталъ, видимо довольный общимъ изумленіемъ.

— Ну что, у васъ тамъ холодно въ Россіи? спросилъ онъ опять.

— Зимой, конечно, холодно.

— А печки-то вѣдь есть?

— Есть.

— То-то; безъ печей, пожалуй, и умереть можно съ холоду. Развѣ вотъ шубу теплую надѣть... Шубы-то есть тамъ?

— Есть и шубы.

— Гмъ. Ну, а какъ тамъ живутъ въ Россіи? такіе же дома, какъ и у насъ, или какъ по другому?..

И въ этомъ родѣ начался длинный рядъ самыхъ наивныхъ разспросовъ о Россіи, неизбѣжныхъ здѣсь почти въ каждомъ домѣ, куда приходилось намъ заглядывать. Всѣ съ любопытствомъ прислушивались къ нашему разговору и качали головами въ знакъ изумленія. Такъ прошло время до самаго ужина. За столъ сѣло человѣкъ восемь приближенныхъ къ архіерею лицъ. Тутъ былъ и намѣстникъ архіерейскій, и ризничій, и сакелларій, и мѣстный учитель, и даже великій экономъ занялъ свое мѣсто, стараясь скрючиться какъ можно болѣе и бросая пугливые взгляды то на насъ, то на владыку. Онъ все время дѣлалъ старухѣ подъ столомъ какіе-то условные знаки, на что та глубокомысленно кивала головою. Словомъ, тутъ собрался теперь весь святѣйшій синклитъ села Зарко, хотя со стороны и трудно было повѣрить, что все это мѣстные сановники,—такъ они были жалки, оборваны и наивны до смѣшнаго.

— Велика ли ваша эпархія, владыко? спросилъ мой спутникъ у архіерея.

— Да у меня эпархіи, по правдѣ сказать, нѣтъ никакой, отвѣтилъ тотъ полушутливо.

— Какъ такъ?

— Да такъ. Называюсь я епископомъ гардикійскимъ и престолъ мой считается въ городѣ Гардикіи, а между тѣмъ отъ этого города давнымъ давно и камня на камнѣ не осталось.

— Что жъ это значитъ.

— А вотъ завтра вы поѣдете мимо, такъ сами увидите мою Гардикію; — тамъ теперь и воронѣ-то негдѣ пріютиться, не то что архіерею. —Владыка добродушно захохоталъ.—Этотъ городъ-то поди ужь лѣтъ пятьсотъ какъ не существуетъ, а мы все по старой памяти считаемся гардикійскими, а сами вотъ въ Зарко живемъ, да деревенскихъ барановъ поѣдаемъ.

Старикъ опять захохоталъ.

— Гдѣ жъ теперь ваша паства?

— Въ карманѣ. Всю мою паству можно на ладонь посадить да и сдунуть. Вотъ какая у меня паства. Деревень съ десятокъ, впрочемъ, наберется; вотъ ими-то и живу, ими и управляю.

— Значитъ, доходы не большіе?

— Какіе тутъ доходы. Вѣдь нашему брату—архіерею тутъ плата извѣстная: за свадьбу даютъ 30 грошей (1 р. 50 к.), за похороны—20 или 25 (около рубля), за крестины—10 грошей (50 к.). Да не всякій еще и позоветъ архіерея; каждый наровитъ справить требу подешевле, зоветъ простаго попа, а не насъ. Конечно, съ поповъ тоже доходъ получаю, съ каждаго прихода по закону что придется,—а все мало. Вотъ беру тоже пшеницу, оливы, крупу, вино, да и барановъ иногда даютъ. А тутъ у насъ баранина славная, жирная, вы кушайте-ка пошибче, по нашему, она вреда не сдѣлаетъ,—и онъ самъ съ аппетитомъ принялся глодать какую-то косточку.—А что, въ Россіи есть бараны?

— Есть, какъ не быть.

— А архіереи тамъ много доходу получаютъ?

— Да, больше вашего. У насъ архіереи свадебъ не вѣнчаютъ, а если на похороны позовутъ архіерея, то платятъ часто по двѣсти и по триста рублей за одинъ разъ.

Владыка выронилъ кость и съ изумленіемъ уставился на меня.

— Триста рублей! Это сколько же будетъ на наши деньги?

— Шесть тысячъ грошей.

Изумленіе было всеобщее.

— Господи! умиленно и задумчиво произнесъ владыка.—Шесть тысячъ за одинъ разъ! Ай-ай-ай! Вѣдь это и умирать никогда не надо! Да я поѣду самъ въ Россію. Право, поѣду... А что, пустятъ меня въ Россію, а?

— Пустятъ-то пустятъ, только у насъ и своихъ архіереевъ много, пожалуй обидятся.

— Господи! Да я бы только всего похоронилъ двухъ-трехъ покойниковъ, и убѣжалъ бы...

— Куда?

— Опять сюда же, въ Зарко. Я бы тутъ на пятнадцать-то тысячъ такихъ дѣлъ надѣлалъ, что всѣ бы у меня рты разинули. Я бы Ларисскимъ митрополитомъ сдѣлался, право сдѣлался бы. Я бы тамошняго Агапія въ бараній рогъ согнулъ... Я бы...

И владыка съ одушевленіемъ принялся разсуждать, что бы онъ сдѣлалъ, если бы похоронилъ трехъ покойниковъ въ Россіи. Общество слушало его съ полнымъ благоговѣніемъ и, кажется, заблаговременно смирялось передъ его будущей силой и богатствомъ.

Послѣ ужина я вышелъ побродить по селу и поглядѣть на его диковинки. Ко мнѣ, въ видѣ проводника, присоединился мѣстный даскалъ (учитель), молодой человѣкъ, съ умнымъ худощавымъ лицомъ. Село уже засыпало; въ домахъ кое-гдѣ зажигались огни; развьюченные ослы и мулы торопились въ «ночное», въ сопровожденіи вооруженныхъ караульщиковъ; гдѣ-то далеко играли на свирѣли. Мы прошли нѣсколько узкихъ тропинокъ, замѣняющихъ улицы, и скоро очутились у главной сельской церкви. За церковью, въ травѣ, тускло мерцало нѣсколько огней.

— Что это за огни? спросилъ я у своего спутника.

— Это наше кладбище, отвѣтилъ даскалъ.—Не хотите ли зайдти, посмотрѣть?

Я согласился. Мы обогнули церковь и вошли за ограду. Тамъ, подъ тѣнью тополей и лавра, пріютилось десятка три могилъ, и надъ каждой почти могилой въ деревянномъ фонарѣ особаго устройства теплился огонь. Даскалъ объяснилъ мнѣ, что въ Ѳессаліи, какъ и въ нѣкоторыхъ другихъ областяхъ Греціи, жители свято исполняютъ обычай зажигать огни надъ могилами своихъ родственниковъ. Это служитъ знакомъ постоянной о нихъ молитвы. Люди богатые зажигаютъ фонари каждую ночь въ теченіе трехъ лѣтъ, а кто побѣднѣе, тотъ поддерживаетъ огонь только въ первые сорокъ дней послѣ смерти родственника, а потомъ зажигаетъ его въ дни праздниковъ и заупокойныхъ поминаній. Надъ могилами молодыхъ людей кладутъ цвѣты, ленты и разныя украшенія. По прошествіи трехъ лѣтъ, кости выкапываются изъ могилъ и складываются въ общую усыпальницу, а на мѣсто ихъ хоронятъ новыхъ покойниковъ. Странный видъ придаютъ кладбищу эти фонари: оно тоже кажется въ это время какимъ-то безмолвнымъ оригинальнымъ селеніемъ, и сильнѣе чувствуется при этомъ близость и любовь живыхъ къ умершимъ.

Мы миновали еще нѣсколько пустыхъ улицъ.

— А вотъ и школа наша, произнесъ даскалъ, указывая на длинное одноэтажное строеніе:—тутъ и я живу; не угодно ли посѣтить меня?

— Не будетъ ли поздно?

— Нѣтъ, моя старуха-мать еще не спитъ; безъ меня не ляжетъ. Не взыщите только за угощеніе, мы люди маленькіе, бѣдные.

Я отправился за нимъ. Онъ сначала показалъ мнѣ помѣщеніе для школы. Оно походило на широкій, неприглядный сарай, тоже устланный старыми соломенными циновками. Тутъ по утрамъ собирается до 60 мальчиковъ, и даскалъ обучаетъ ихъ чтенію, письму, счету и церковному пѣнію. Въ сараѣ этомъ не было ни столовъ, никакой мебели; ученики по восточному обычаю учатся сидя на полу, а для письма подкладываютъ подъ бумагу маленькую дощечку или даже просто пишутъ на собственныхъ колѣняхъ. Плата за ученье идетъ здѣсь натурою; учителю, по уговору, доставляется хлѣбъ, вино и маслины, а деньгами даютъ очень немного, такъ что даскалу приходится работать буквально ради хлѣба и вина.

Показавъ мѣстное святилище науки, даскалъ ввелъ меня и въ свою клѣтушку, отгороженную отъ школы голыми досками. Тамъ, съ низкими поклонами, встрѣтила насъ его мать старушка, и чрезъ нѣсколько минутъ вынесла намъ изъ-за перегородки обычное угощеніе: кусокъ засохшей пастилы и кружку воды. Потомъ она сѣла въ уголку и подгорюнилась. Бѣдно и неуютно было въ этой оголенной нуждою каморкѣ. При тускломъ свѣтѣ дымящагося ночника, темныя глиняныя стѣны глядѣли мрачно, непривѣтливо. Въ углу помѣщалась большая черная икона, на полу подъ нею валялось нѣсколько истрепанныхъ книгъ; закоптѣлое углубленіе въ стѣнѣ замѣняло печку; окно безъ стеколъ упиралось въ стѣну сосѣдняго дома, на которомъ едва-едва отражался свѣтъ потухающей зари.

— Не велико же помѣщеніе у васъ, даскалъ, сказалъ я подъ вліяніемъ невольнаго тоскливаго чувства.

— Больше мнѣ и не надо. Теперь я только вдвоемъ живу съ матушкой. Вотъ прежде, когда у меня семья была больше, такъ и помѣщенія надо было больше, а теперь и такъ хорошо.

— А у васъ была семья?

— Да, жена была, сынокъ былъ маленькій, братъ былъ!..

— Померли?

— Нѣтъ: жену мою турки увели въ горы, а сына убили.

Онъ сказалъ это такъ спокойно и холодно, какъ будто дѣло шло о самомъ обыкновенномъ происшествіи, но мнѣ съ непривычки сдѣлалось жутко.

— Давно это было? спросилъ я послѣ небольшой паузы.

— Года три тому назадъ.

— Если вамъ не трудно, разскажите, какъ это случилось?

— Да что тутъ разсказывать, это дѣло у насъ не рѣдкое... Я жилъ тогда въ Трикалѣ, при тамошней приходской школѣ. Жена у меня была молодая, красивая, статная, такъ что турки не разъ заглядывались на нее и слѣдили за ней. Однажды на базарѣ два баши-бузука даже остановили ее и, видимо, хотѣли украсть, да она отдѣлалась крикомъ и убѣжала. Съ тѣхъ поръ я никогда не отпускалъ ее одну, а всегда самъ ходилъ съ нею или посылалъ брата. Сынокъ былъ у насъ годовалый,—первый сынокъ, здоровый такой мальчишка. Только разъ отпросилась она у меня въ гости, въ Калабаку, въ четырехъ часахъ отъ Трикалы, тамъ у насъ родня есть,—

взяла съ собою и сына; братъ поѣхалъ ее провожать... да вотъ съ тѣхъ поръ и не возвращалась. Я нѣсколько дней и не подозрѣвалъ ничего: думаю, гоститъ себѣ въ Калабакѣ; только разъ, поздно вечеромъ, приходитъ ко мнѣ братъ усталый, слабый, больной; «молись», говоритъ, «турки сына твоего убили, а жену увезли въ горы...» На дорогѣ, какъ онъ разсказывалъ, напали на нихъ человѣкъ шесть конныхъ баши-бузуковъ; бросились они на нее совершенно неожиданно, а брата моего сбили съ лошади ягтажемъ, такъ что онъ только къ утру очнулся, гдѣ-то въ кустахъ на берегу Саламвріи. Открылъ онъ глаза: видитъ, недалеко лежитъ мой мальчишка, животъ у него проколотъ, голова разбита... Кое-какъ дотащилъ онъ его до Калабаки, тамъ похоронилъ на кладбищѣ, а самъ ушелъ въ горы къ баши-бузукамъ отыскивать мою бѣдную Ксенію. Да гдѣ жъ ее тамъ найдти, и самого-то чуть не убили. Разсказалъ онъ мнѣ все это, опять простился и съ тѣхъ поръ навсегда ушелъ въ горы, сдѣлался клефтомъ (разбойникомъ), чтобы удобнѣе турокъ бить. И такъ онъ сталъ золъ на этихъ турокъ, что живьемъ видѣть ихъ не можетъ. Много онъ извелъ ихъ за эти три года. Нарочно прячется въ кустахъ при горныхъ дорогахъ и чуть завидитъ проѣзжаго турка—бацъ въ него изъ ружья, очиститъ карманы—да въ пропасть... Тутъ въ горахъ пропасти есть такія, что кажется и дна-то въ нихъ нѣтъ. Мой Григори говоритъ, что болѣе полсотни онъ схоронилъ ихъ тамъ...

— А объ женѣ вы такъ больше ничего и не слыхали? перебилъ я.

— Нѣтъ, не слыхалъ. Я тогда ходилъ жаловаться даже къ консуламъ вашимъ, тѣ жаловались пашѣ, паша обѣщался розыскать, да такъ до сихъ поръ и розыскиваетъ. Изрубили они должно быть ее тогда же; она была такая строгая, сильная — вѣрно не далась живая. Надо думать, что ее увезъ самъ Дервенъ-ага, начальникъ пограничныхъ баши-бузуковъ; онъ видѣлъ ее не разъ въ городѣ и наводилъ справки, а до него не скоро доберешься. Со злости въ первое время я самъ было думалъ клефтомъ сдѣлаться, особенно когда потерялъ свое учительское мѣсто, да жаль стало бросить мать-старушку, ктожъ бы тогда сталъ кормить ее. Вотъ съ тѣхъ поръ и живу здѣсь. Григори иногда заходитъ и утѣшаетъ: много онъ этой поганой крови пролилъ за мою Ксенію, да много и прольетъ еще. Онъ и на мою долю поработаетъ, дай Богъ ему счастья!..

Старуха, сидя въ углу, крѣпко склонилась головой на руки и, казалось, плакала или готова была заплакать. Даскалъ былъ съ виду по прежнему спокоенъ, но онъ внутренно упивался мщеньемъ брата и въ глазахъ его порой мелькало столько затаенной злости и отваги, что страшно дѣлалось за него. Я молчалъ; да и о чемъ тутъ было мнѣ говорить.

— Что, войны никакой не слышно? спросилъ онъ черезъ нѣсколько минутъ.

— Нѣтъ, не слышно.

— А мы все ждемъ, да и всѣ ждутъ. Чуть война— всѣ отъ малаго до великаго встанемъ какъ одинъ человѣкъ. У нашихъ паликаровъ давно руки чешутся, наши горы полны клефтами—и всѣ они къ намъ сбѣгутся, съ нами пойдутъ. У каждаго есть за что отомстить: крови неповинной много пролито, и эта кровь ихъ кровью смоется; награбили они вдоволь—все отъ нихъ отберутъ. Тутъ у насъ такой народъ, я вамъ скажу, что онъ и въ ноги поклонится и руку поцѣлуетъ, а ножъ при случаѣ всадить съумѣетъ и пулей не промахнется. Даже ребятишки наши и тѣ свои первыя силенки пробуютъ на ружьѣ, да на пистолетѣ; вотъ и изъ моихъ учениковъ есть такіе мастера, что пулей въ орѣхъ попадаютъ... А это все вѣдь на нихъ; только бы время пришло—узнаютъ. Вотъ какіе у насъ.

— И вы учите этихъ дѣтей?

— О, конечно. Впрочемъ ихъ учить этому не надо, сами учатся; отцы и матери учатъ.

Даскалъ разговорился, сталъ распрашивать меня, что думаютъ русскіе о грекахъ, любятъ ли ихъ, вѣрятъ ли имъ, знаютъ ли, каково имъ жить здѣсь? Я, разумѣется, отвѣчалъ, что любятъ, что вѣрятъ и что положеніе ихъ во многомъ для насъ понятно. Потомъ онъ проводилъ меня до самыхъ дверей архіерейскаго дома.

— Какъ будете въ Россіи, сказалъ онъ мнѣ на прощаньи,—скажите, что здѣсь все готово, что ждутъ...

Я обѣщалъ.

А. П. уже спалъ, когда я поднялся на верхъ, но мнѣ спать не хотѣлось, да и трудно было заснуть послѣ такихъ разговоровъ. Не въ первый разъ уже я слышу здѣсь такіе факты и такія рѣчи, но къ нимъ привыкнуть не легко, да и не дай Богъ привыкнуть. Я вышелъ на эстраду, съ которой открывался видъ на все село, и облокотился на перила... Въ ту же минуту изъ угла выдѣлилась какая-то темная фигура въ поповскомъ костюмѣ и робко приблизилась ко мнѣ.

— Я васъ тутъ давно поджидалъ,—вполголоса сказалъ онъ, униженно кланяясь, и я узналъ въ немъ ризничаго, котораго видѣлъ сегодня за архіерейскимъ обѣдомъ.

— Что же вамъ угодно? спросилъ я не безъ досады.

— Прошу поговорить со мной и не оставить меня въ моей просьбѣ.

— Въ чемъ дѣло, и чѣмъ я могу помочь?

— Осчастливьте: всю жизнь буду дни и ночи за васъ молиться. Замолвите вы слово владыкѣ, чтобъ онъ меня великимъ экономомъ сдѣлалъ, — онъ васъ послушаетъ, право послушаетъ. Нашъ экономъ такой разбойникъ, — продолжалъ онъ шепотомъ,—что деретъ и съ живого и съ мертваго; онъ недавно по міру пустилъ одного священника... Онъ вчера изъ нашей церкви утаилъ 70 піастровъ и въ счетъ ихъ не поставилъ; онъ и самого владыку обворовываетъ...

— Что же я тутъ могу сдѣлать?

— Да вы только скажите, что Филаретъ, молъ, просится: скажите, что онъ человѣкъ богобоязненный, аккуратный... Я и самъ много разъ говорилъ владыкѣ, да онъ все проситъ подождать, а если вы ему скажете, такъ онъ сейчасъ...

— Но я вѣдь васъ совсѣмъ не знаю.

— Меня-то? Меня вся деревня знаетъ, у кого ни спросите. Только одинъ хаджи-Лазаро можетъ на меня наклеветать всего, онъ на меня золъ. Вы у него лучше не спрашивайте, онъ злой человѣкъ... Такъ не оставьте же меня, помогите! И онъ схватилъ мою руку и силился поцѣловать ее.

Мнѣ стало это невыносимо. Чтобы скорѣе отдѣлаться отъ него, я обѣщалъ ему всевозможную протекцію, и попъ ушелъ, видимо довольный успѣхомъ дѣла, точно сдѣлалъ какую нибудь хитрую и выгодную спекуляцію. Долго еще раздавалось на улицѣ сдержанное шлепанье его башмаковъ, но и оно скоро затихло. Всякому свое. Теперь онъ всю ночь вѣроятно будетъ наслаждаться мечтами и предвкушать будущее блаженство въ санѣ великаго эконома гардикійской эпархіи. И здѣсь, въ этой страшной глуши, среди полнаго и всевозможнаго гнета, въ полузабытомъ и спрятавшемся захолустьи — и здѣсь тоже кипятъ тѣже крошечныя личныя интрижки нищихъ противъ нищихъ, какъ и вездѣ; тоже подкапываются другъ подъ друга, чтобы хоть на лишній грошъ улучшить свое состояніе и на вершокъ поднять свое величіе. И тутъ же, рядомъ съ грѣшными мечтами Филарета, наивныя мечты архіерея о русскихъ покойникахъ и великія ожиданія даскала...

Долго, чуть не до разсвѣта, простоялъ я у перилъ архіерейскаго дома, вглядываясь вдаль и раздумывая разныя думы. Тихо было вокругъ меня, въ селѣ ни малѣйшаго звука, только издали доносился откуда-то шумъ горнаго потока, да гдѣ-то надъ рѣкою заливался пѣснью соловей. Вдали, надъ тутовыми рощами видна была часть саламврійской равнины съ своею роскошною растительностью; на горизонтѣ, едва замѣтными контурами, вырисовывались горныя границы свободной Эллады. Во всей европейской Турціи едва ли сыщется другой такой роскошный и благодатный край, какъ Ѳессалія. Широкой и цвѣтущей равниной раскинулась она отъ самаго Воло чуть не до Янино и отъ Олимпа до Эллинскихъ горъ; земля плодородная; Саламврія вьется по ней безчисленными зигзагами, усаженная цѣлыми лѣсами тополя, платана и тута. Казалось бы, только и жить здѣсь да наслаждаться довольствомъ и счастьемъ, а между тѣмъ на всемъ несвободномъ востокѣ нигдѣ человѣчество такъ не ограблено, не забито и не унижено—какъ здѣсь, въ этой роскошной странѣ. Здѣшніе турки составляютъ едва третью часть всего населенія, но пользуясь отдаленностью отъ главной власти, они свирѣпствуютъ здѣсь съ такимъ нахальствомъ и жестокостью, какой не замѣтно нигдѣ въ другихъ областяхъ Турціи. Страна покрыта развалинами; поля большею частью заброшены; куда ни придешь—вездѣ одинъ сплошной стонъ, однѣ жалобы; жители прячутся по разнымъ захолустьямъ, въ родѣ Зарко, или разбѣгаются по горамъ на разбои. Окрестныя горы наполнены клефтами; они составляютъ какъ бы партизанское войско грековъ, и бѣда, если дѣйствительно имъ попадется въ руки какой нибудь заблудящій турокъ. У большинства мѣстнаго населенія ненависть къ туркамъ вошла въ религію, она ихъ главный догматъ, и чуть не съ малолѣтства пріобрѣтаютъ они тотъ отважный закалъ, который въ каждую войну заставляетъ ѳессаліотовъ дружно подниматься противъ общаго врага и выдвигаетъ изъ нихъ безстрашныхъ народныхъ героевъ, въ родѣ знаменитаго здѣсь хаджи-Петро, которыми до сихъ поръ гордится Ѳессалія.

— «Все готово; ждутъ»—припомнились мнѣ слова даскала.

— Да, ждутъ... Дождутся ли?...

На другой день, рано утромъ, мы простились съ обитателями Зарко и черезъ четыре часа остановились въ виду развалинъ Гардикіи. Михо развьючилъ муловъ и отправился отыскивать воду, а мы поднялись въ гору къ уцѣлѣвшимъ постройкамъ крѣпости, которыя когда-то охраняли архіерейскій престолъ. Городъ былъ расположенъ на скатѣ высокаго, каменистаго холма; онъ былъ, какъ видно, довольно большихъ размѣровъ, но отъ него теперь остались только одни основанія стѣнъ и домовъ, а остальное все разрушено какой-то исполинской силой. Постройка крѣпости относится къ древнѣйшимъ, циклопическимъ временамъ: огромнѣйшіе камни разнообразной, неправильной формы сложены безъ всякой извести одинъ на другой такъ искусно, что дѣйствительно нужна исполинская сила, чтобы даже сдвинуть хоть одинъ подобный камень.

Я съ Назифомъ шелъ впереди: меня привлекалъ вдали обрывъ какой-то необычайной формы. Назифъ, однако отставалъ и морщился.

— Что съ тобой? спросилъ я.

— Я совсѣмъ болѣнъ. Меня вчера въ Зарко чуть не убили.

— Какъ такъ?

— Да пошелъ я вечеромъ на огороды полакомиться стручками, а тутъ какой-то мальчишка и пустилъ въ меня камнемъ въ самый затылокъ; да такъ больно, шельма, попалъ, что до сихъ поръ головы поворотить не могу. Я погнался было за нимъ—да куда, какъ змѣя вывернулся, и поминай какъ звали...А ужъ я накостылялъ бы ему шею крѣпко: зналъ бы впередъ какъ обижать старика.

— А ты не ходи по чужимъ огородамъ. Могло быть и хуже.

Назифъ не отвѣтилъ и нахмурился.

Наконецъ достигли мы и до обрыва; я взглянулъ внизъ и обомлѣлъ; передъ нами во всей своей красотѣ открылось жерло потухшаго кратера, весь обрывъ представлялъ громадную воронку (саженъ 50 въ глубь и въ діаметрѣ), на днѣ которой въ правильномъ кругломъ бассейнѣ видна была вода. Я сообщилъ о своемъ открытіи всѣмъ членамъ нашей кавалькады, и всѣ собрались на краю обрыва. Теперь только стало понятно, какія силы между прочимъ разрушили Гардикію.

— Тутъ было чудо великое, сказалъ намъ Абди, осматривая пропасть.—Только давно оно было.

— Какое же чудо? спросили мы.

— А вотъ послушайте,—и Абди разсказалъ намъ слѣдующую легенду: «давно когда-то стояло на этой горѣ село; въ этомъ селѣ былъ попъ, а у попа была дочка красавица. Эта дочка посадила яблоню и выростила ее. Когда поспѣли плоды, отецъ захотѣлъ съѣсть ихъ; дочка не давала и завязался у нихъ споръ. Дочка пошла къ судьѣ и спросила его: кому принадлежитъ плодъ, тому ли, кто выростилъ его, или чужому? Судья отвѣчалъ, что тому, кто выростилъ. Услышавъ объ этомъ, попъ страшно разсердился на дочку; онъ связалъ ее, заперъ въ особую комнату и тамъ—изнасиловалъ... Лишь только совершилось это преступленіе—сейчасъ же дрогнула земля, и все село провалилось въ бездны подземныя» *).

---

*) Въ этой легендѣ немного не вяжется первое съ послѣднимъ и, очевидно, первое нужно понимать какъ восточную аллегорію; то есть, отецъ принуждалъ свою дочь къ преступленію, доказывая ей, что она плодъ его, и дочь искала защиты у судьи.

Эту же легенду повторилъ намъ и Назифъ, только прибавилъ въ концѣ, что грѣшный попъ до сихъ поръ живетъ въ этой водѣ въ видѣ рыбы и что стоитъ только спуститься внизъ и крикнуть трижды: «зыръ-папа» — сейчасъ же выплыветъ изъ воды тонкая волосатая рыба и вода зашумитъ и заколеблется.

— А ну-ка, Назифъ, покажи свою храбрость, крикни! шутя сказалъ я.

— Нѣтъ, я нездоровъ... да меня, пожалуй, и не послушаетъ: я вѣдь не ихней вѣры.

И онъ торопливо отошелъ подальше отъ обрыва.

Объ этой легендѣ мнѣ архіерей въ Зарко не разсказывалъ.

VI.

Монастыри Метеорскіе.

Общій видъ метеорской мѣстности. — Монастырь св. Стефана.— Характеристика мѣстныхъ монаховъ. — Славянинъ-монахъ, притворяющійся грекомъ.—Какъ мы праздновали пасху.—Турецкій монастырь. — Оригинальныя пути сообщенія по висячимъ лѣстницамъ.

Правду говорятъ, что монахи занимаютъ всегда самые красивые уголки земли. Всегда у нихъ при монастыряхъ есть и сады роскошные, и каскады, и обрывы, и дивные виды въ даль, словомъ все, что можетъ потѣшить взглядъ. Оно и понятно: отказавшись, по принципу, отъ грѣшныхъ мірскихъ удовольствій, они желаютъ хоть красотами внѣшней природы развлечься и въ нихъ находить силу для своихъ подвиговъ. Множество монастырей объѣхали мы на Востокѣ (отчасти по научнымъ цѣлямъ, отчасти потому, что монастыри тамъ иногда замѣняютъ наши гостинницы), и много разъ приходили въ восторгъ отъ мѣстностей монастырскихъ, но никогда не могли вообразить себѣ тѣхъ диковинокъ природы, какія пришлось намъ увидѣть въ мѣстности метеорской, хотя, по разсказамъ, мы и приготовились видѣть чудеса. Не даромъ эти монастыри называются *воздушными*, и ихъ мѣстоположенію дивится весь Востокъ. Представьте себѣ, что когда-то, «въ древности сѣдой», по скату высокой и отлогой горы бушевалъ волканъ. Лава выдвинула изъ земли исполинскіе утесистые столбы и глыбы пережженнаго камня самой причудливой формы; она громоздила ихъ другъ на друга, налѣпляла на нихъ дивные узоры, пѣнилась, пузырилась и потомъ вдругъ застыла, какъ будто въ самомъ разгарѣ своей адской работы. На этихъ-то чудныхъ столбахъ и остаткахъ застывшей лавы, на самыхъ верхушкахъ и въ разныхъ скважинахъ, высоко отъ земли и разбросаны монастыри Метеорскіе, со всѣми своими постройками и угодьями. Большая часть камней имѣетъ видъ отдѣльныхъ колоннъ, служащихъ исполинскими пьедесталами для монастырей. Отвѣсы этихъ колоннъ мѣстами точно кѣмъ-то шлифованы, мѣстами покрыты такими своеобразными барельефами, какихъ не выдумаетъ никакой скульпторъ. Изъ нѣкоторыхъ камней образовались даже цѣлыя разнохарактерныя фигуры и статуи; то вдругъ будто торчитъ изъ земли огромная смѣющаяся голова съ длиннымъ носомъ, то будто сидитъ какой-то гигантъ въ плащѣ и съ поднятою къ верху рукою, то выдѣляется женщина съ кувшиномъ на плечѣ, то высится громадныхъ размѣровъ винтъ съ высокимъ заостреннымъ шпилемъ на верху... Но всего не опишешь, да и никакое описаніе не дастъ полнаго понятія объ этой оригинальной мѣстности.

Мы выѣхали изъ Трикалы утромъ 10 апрѣля и черезъ пять часовъ были уже у Метеоръ. Дорога шла черезъ густыя, тутовыя рощи, и мы все время досадовали, что несносныя деревья мѣшаютъ смотрѣть въ даль и заслоняютъ отъ насъ общій видъ Метеорскихъ утесовъ. Только у самаго конца дороги деревья стали рѣдѣть и наконецъ, раздвинулись.

— Вотъ св. Стефанъ,—крикнулъ проводникъ нашъ:— глядите-ка куда забрался!..

Мы глядѣли. Передъ нами стоялъ громадный утесъ неуклюжей, уродливой формы. Его вершина походила на какую-то исполинскую руку съ протянутыми къ верху и сложенными вмѣстѣ пальцами, и на самыхъ оконечностяхъ этихъ пальцевъ мы увидѣли монастырь св. Стефана. Его бѣлыя стѣны рѣзко отдѣлялись на темно-сѣромъ фонѣ камня и, казалось, повисли надъ нами. Издали монастырь намъ казался маленькой картонной игрушкой, и страшно было смотрѣть на высоту, на какой онъ пріютился.

— Туда еще можно проѣхать по камню до самыхъ воротъ, заговорилъ опять проводникъ: — а къ другимъ монастырямъ на лошади и не подъѣдешь.

— Какъ же туда поднимаются?

— По деревяннымъ висячимъ лѣстницамъ всходятъ, или просто на веревкѣ тянутъ кверху. Посадятъ въ мѣшокъ да и тянутъ по блоку.

— Да вѣдь это страшно; веревка можетъ оборваться.

— Нѣтъ, веревки тамъ крѣпкія; цѣлыхъ быковъ иной разъ поднимаютъ—и ничего. Конечно, если оборвутся, такъ и костей не соберешь, да это рѣдко бываетъ...

— А насъ туда не пустятъ, добавилъ печально Назифъ:—они турокъ не любятъ.

— Можетъ съ ними-то и пустятъ, возразилъ Абди.

— Нѣтъ, не пустятъ. Самого агу не пустили бы. Народъ хитрый эти монахи: взобрались на камни и ничего теперь съ ними не подѣлаешь. Придется жить въ Калабакѣ, пока они тамъ гостить будутъ. Долго вы тамъ пробудете? спросилъ онъ меня.

— Съ мѣсяцъ пробудемъ.

— Бѣда!...

Начали мы подниматься по крутой, выбитой въ камнѣ тропинкѣ и черезъ часъ были уже передъ стѣнами монастыря. Насъ отдѣляла отъ этихъ стѣнъ глубокая трещина, чуть не до самаго основанія камня, а небольшой подъемный мостъ былъ крѣпко вдвинутъ въ стѣны и закрывалъ собою монастырскіе ворота. Проводникъ постучалъ въ деревянную доску, нарочно вывѣшанную для этой цѣли, и черезъ нѣсколько минутъ мы услышали окликъ: кто и зачѣмъ? Надо было отвѣтить, что пришли богомольцы и просятъ позволенія поклониться мѣстной святынѣ. Мостъ заскрипѣлъ и перекинулся черезъ пропасть. Въ воротахъ появилось нѣсколько монаховъ.

— Пасху что-ли праздновать пріѣхали? спросилъ одинъ изъ нихъ.

— Да, отвѣтили мы.

— Откуда?

— Изъ Россіи.

Молча и подозрительно оглядѣли насъ монахи, однако впустили въ ворота, за исключеніемъ турокъ.

Монастырь занимаетъ почти всю ширину верхней площадки камня, такъ что за стѣнами его почти со всѣхъ сторонъ идутъ отвѣсные обрывы внизъ. Въ немъ двѣ церкви съ красивою фресковою живописью, а кругомъ просторныя кельи, въ которыхъ легко можетъ помѣститься до тридцати человѣкъ. Теперь тутъ живутъ всего только пять монаховъ, да при нихъ пять мальчиковъ-учениковъ, занимающихся ежедневно въ монастырской школѣ; при школѣ есть учитель, выписанный изъ Аѳинъ. Прежде, говорятъ, тутъ много было монаховъ, но всѣ они куда-то разбѣжались во время возстанія Ѳессаліи въ 1854 г. Оставшіеся монахи скоро сообразили, что при такомъ ходѣ дѣла монастырь можетъ, пожалуй, совсѣмъ опустѣть, и вотъ они пособрали по окрестнымъ селамъ круглыхъ бездомныхъ сиротъ и пріучаютъ ихъ теперь къ монашеской жизни съ малолѣтства, чтобы передать имъ потомъ свое монашество и свое наслѣдіе. Это оказалось единственное средство поддержать братство въ обители.

Монахи отвели намъ весьма приличное помѣщеніе, однако подозрительно слѣдили за каждымъ нашимъ шагомъ, и все о чемъ-то шептались. Наконецъ, вечеромъ, они всѣ собрались въ нашу комнату и стали вкрадчиво разспрашивать: неужели мы, въ самомъ дѣлѣ, проѣхали столько тысячъ верстъ только для того, чтобы встрѣтить съ ними пасху, и нѣтъ ли у насъ какихъ нибудь особенныхъ цѣлей? Мы отвѣтили, что имѣемъ, между прочимъ, порученіе осмотрѣть здѣшнія библіотеки и поискать, нѣтъ ли въ нихъ какихъ рѣдкихъ книгъ и рукописей. Монахи переглянулись.

— У насъ нѣтъ библіотеки; мы люди темные, неученые, отвѣтилъ смиренно игуменъ.

— А можетъ быть и найдутся какія нибудь книги?

— И книгъ у насъ нѣтъ никакихъ.

— Да вы поищите хорошенько. Мы заплатимъ вамъ щедро.

Старцы опять стали переглядываться и перешептываться и затѣмъ объявили наотрѣзъ, что во всемъ монастырѣ не найдется ни одной книги. Однако, часа два спустя, одинъ изъ братіи отвелъ насъ въ сторону и шепнулъ по секрету, что книги есть и спрятаны тамъ-то; а на другой день самъ игуменъ неожиданно одумался и показалъ небольшую монастырскую библіотеку, гдѣ, впрочемъ, не нашлось ничего замѣчательнаго. Вообще, между здѣшними монахами не замѣтно особеннаго братства; ходятъ они всѣ порознь, угрюмые, нахмуренные, смотрятъ изъ подлобья и точно боятся другъ друга. Видно, что они такъ втянулись въ свои безконечныя интриги и тяжбы, такъ привыкли подставлять каждому ногу и ждать отъ другаго подставленія ноги, что на всякаго пріѣзжаго и даже другъ на друга смотрятъ съ подозрѣньемъ, не имѣетъ ли онъ какихъ затаенныхъ, непріязненныхъ цѣлей. Одинъ монахъ особенно обратилъ мое вниманіе; онъ казался такимъ робкимъ и запуганнымъ, смотрѣлъ на всѣхъ такъ рабски-вкрадчиво, какъ будто онъ скрывалъ отъ всѣхъ какое-то тяжкое преступленіе и боялся, чтобы его что-нибудь не выдало. Съ этимъ монахомъ, однако, пришлось мнѣ сойтись болѣе другихъ и даже найти въ немъ мимолетнаго друга. Однажды, подъ вечеръ, я сидѣлъ за монастырскими стѣнами, на самомъ обрывѣ, любуясь роскошною панорамою Ѳессаліи. Въ монастырѣ было тихо, всѣ спали послѣ великопостнаго обѣда. Гляжу, этотъ загадочный монахъ робко прокрадывается ко мнѣ. Онъ осторожно оглядѣлся и, замѣтивъ, что никто не наблюдаетъ за нимъ, уже смѣло подошелъ ко мнѣ и дружески протянулъ руку. Глаза его засверкали радостью.

— Знаешь ли, я вѣдь братъ твой, задыхаясь отъ волненія проговорилъ онъ на болгарскомъ нарѣчіи.—Я славянинъ изъ болгарской земли... Русскіе и болгаре братья... У насъ одна кровь, одна вѣра. Кланяюсь тебѣ, братъ...

Я съ удивленіемъ глядѣлъ на него, прислушиваясь къ этому полуродному говору, и тоже сжималъ ему руку.

— Я давно искалъ тебя и все хотѣлъ сказать, что мы братья, да нельзя было... И ты никому здѣсь не говори, что я славянинъ. Узнаютъ—бѣда мнѣ будетъ.

— Что же это значитъ, спросилъ я, стараясь поддѣлаться подъ болгарскій выговоръ: — развѣ грѣхъ быть славяниномъ? Развѣ славянамъ прятаться надо отъ грековъ?

— Да, греки не любятъ насъ и выгонятъ меня изъ монастыря если узнаютъ. Я съ ними какъ грекъ живу, грекомъ считаюсь, да и ты имъ не говори про это, братикъ.—И онъ опять крѣпко сжалъ мою руку.—Давно я не видалъ своихъ, продолжалъ онъ радостно,—и русскаго брата въ первый разъ вижу, и хочу сказать тебѣ, что мы такіе же братья и что между нами и вами миръ и любовь. Въ моей болгарской землѣ давно уже молятся, чтобы русскіе-славяне вспомнили своихъ родичей и дали имъ силу на турка и грека — враговъ нашихъ. Болгарская земля — славная земля, и хлѣба въ ней много, и богатства много, да турки хлѣбъ нашъ берутъ, а греки берутъ богатство. Но Богъ ихъ накажетъ за гордость, Богъ смиреннымъ даетъ благодать, а болгарскій народъ смиренный и живетъ въ долготерпѣніи. Мы вѣровать хотимъ, что русскіе когда нибудь узнаютъ о горестяхъ нашей земли и помогутъ своимъ далекимъ братьямъ; а турка и грека накажутъ,—они намъ чужіе...

— Зачѣмъ же ты здѣсь живешь, братъ, между чужими?

— Такъ ужъ вышло. У грековъ младенцемъ учился, съ греками жилъ и монахомъ греческимъ сдѣлался. Тутъ у меня братъ и мать въ Калабакѣ живутъ, земля маленькая есть; вотъ послѣ продадимъ и къ своимъ поѣдемъ. Скучно здѣсь, греки насъ за людей не считаютъ, а надо грекомъ быть по бѣдности. Скрываться отъ нихъ надо.

— Но вѣдь здѣшніе монастыри отъ славянъ деньги-то получаютъ, ими они только и кормятся?

— Да. Ихъ кормятъ валахи и сербы. Но развѣ ты не знаешь грековъ? Это нехорошіе люди. Эти греки...

Но тутъ мой собесѣдникъ быстро перемѣнилъ разговоръ и сразу заговорилъ по гречески. Оказалось, что къ намъ на площадку вышелъ еще одинъ монахъ и тоже желаетъ вмѣшаться въ нашу бесѣду. Дѣлать нечего, пришлось толковать о томъ, убьется монахъ или не убьется, если соскочитъ отсюда внизъ, и поможетъ ему Богъ или не поможетъ, и т. п.

Только теперь я понялъ, какое преступленіе скрывалъ отъ братіи этотъ несчастный монахъ-славянинъ и чтó приходится ему испытывать. Раза два потомъ мнѣ еще удалось урывками переговорить съ нимъ и услышать отъ него, съ какимъ іезуитствомъ греческіе монахи преслѣдуютъ славянскихъ монаховъ и какая непримиримая ненависть существуетъ между ними. Конечно, побѣда всегда бываетъ на сторонѣ грековъ, потому что греки народъ хитрый и настойчивый, а славяне, напротивъ, вѣчно податливы, робки и покорны. Я даже узналъ впослѣдствіи, что въ метеорскихъ монастыряхъ есть нѣсколько такихъ славянъ-монаховъ, и что всѣ они притворяются греками и упорно скрываютъ свое происхожденіе. Нѣкоторые изъ нихъ увлекаются своей ролью до того, что, изъ угожденія грекамъ, даже нарочно преслѣдуютъ своихъ родичей-славянъ, когда представится къ тому случай, и тѣмъ, конечно, устраняютъ отъ себя всѣ подозрѣнія въ славянствѣ. Оно и понятно: грекомъ здѣсь быть выгоднѣе, чѣмъ славяниномъ.

Такимъ-то образомъ мы, незваные-непрошенные, втерлись въ жизнь и интересы этого маленькаго кружка, отдѣленнаго отъ остальнаго міра глубокими пропастями. Монахи, мало по малу, стали приглядываться, привыкать къ намъ, становились довѣрчивѣе и смѣлѣе. Наши чемоданы и разныя походныя вещи и мелочи приводили ихъ въ неописанное изумленіе; нашему дорожному самовару дивились не только монахи, мальчики и коты монастырскіе, но даже самъ аѳинскій учитель,—и тотъ не могъ никакъ въ толкъ взять, какимъ это образомъ въ одинъ и тотъ же сосудъ можно класть вмѣстѣ и огонь, и воду. Впрочемъ, этотъ учитель, кажется, не изъ особенно-ученыхъ, хотя и увѣряетъ, что учился въ аѳинскомъ университетѣ. Зрительная труба поставила его въ тупикъ, а зажигательное стекло привело въ такой ужасъ, что когда мальчики спросили его, откуда я получаю огонь, онъ со страхомъ отвѣтилъ «съ неба», и при этомъ посмотрѣлъ на меня съ такимъ благоговѣніемъ, какъ будто я въ самомъ дѣлѣ творилъ чудеса. Богъ знаетъ, какъ идутъ здѣсь школьныя занятія и чему учатся эти бѣдные мальчики, но замѣтно, что монастырская наука имъ не легко достается. Съ виду всѣ они такіе жалкіе, истощенные, избитые; имъ приходится исполнять въ монастырѣ всѣ черныя работы, учитель бьетъ ихъ немилосердно на каждомъ шагу, да и каждый монахъ, мимоходомъ, наровитъ дать имъ пинка. Этимъ путемъ они, вѣроятно, стараются пріучить ихъ къ смиренію и другимъ подвигамъ монашеской жизни.

На пасху прибыли сюда «изъ міра» два-три нищихъ и какая-то убогая старуха. Монастырь, съ прибытіемъ этихъ гостей, нѣсколько оживился, и праздникъ пасхи уже не походилъ на будничный день. Во время пасхальной службы и мы, русскіе (А. П., я и странствующій съ нами, въ качествѣ прислужника, монахъ Лукіанъ), вздумали, ради праздника и на удивленье грекамъ, пропѣть на паперти церковной по русски «Христосъ воскресе»,— и при этомъ совершилось даже нѣкоторое чудо. Ласточки, сидѣвшія въ гнѣздахъ подъ сводами паперти, все время молча слушали грековъ, не выказывая никакой особенной радости; но лишь только заслышали онѣ наше пѣніе, тотчасъ встрепенулись и съ радостными криками стали виться надъ нами.

— И птицы-то радуются, проговорилъ умиленно игуменъ.

— Вѣрно онѣ бывали въ Россіи, съ улыбкой отвѣтилъ ему А. П.

Въ теченіе всей пасхальной недѣли для здѣшнихъ монаховъ бываетъ особое, оригинальное развлеченіе. Ежедневно, часа за два до службы, они всѣ собираются на колокольню и начинаютъ бить молотками въ чугунныя и деревянныя доски, замѣняющія здѣсь колокола. И, надо правду сказать, они исполняютъ это дѣло съ такимъ искусствомъ, съ такими разнообразными трелями, что подчасъ поневолѣ заслушаешься. Подойдешь къ обрыву, — слышишь, и внизу въ Калабакѣ раздается тотъ же стукъ, и изъ другихъ монастырей порой доноситъ вѣтеръ тѣ же дробные перебои и трели. Этимъ здѣсь замѣняется нашъ пасхальный трезвонъ.

Въ часы, свободные отъ службы, трезвона и отдыха монахи собираются на обрывъ посидѣть на скамеечкѣ и потолковать о разныхъ разностяхъ. Съ этого обрыва открывается просторный видъ на всю Саламврійскую равнину. Духъ замираетъ, когда смотришь отсюда внизъ: деревья кажутся черными точками; дороги, какъ нити, пересѣкаютъ во всѣхъ направленіяхъ и тутовыя рощи, и желтѣющія нивы съ хлѣбомъ. Калабака, помѣстившаяся подъ самымъ отвѣсомъ главнаго метеорскаго утеса, кажется какимъ-то сѣрымъ муравейникомъ. Какъ шахматная доска, кругомъ ея испещрена вся мѣстность безчисленными огородами и участками разныхъ посѣвовъ. И жутко смотрѣть, и не оторвался бы отъ этой картины. Съ западныхъ стѣнъ монастыря видъ совсѣмъ другой, болѣе дикій и оригинальный. Тамъ громоздятся другъ надъ другомъ темносѣрые, отвѣсные утесы и на нихъ разбросаны монастыри и кельи, часто на такихъ высотахъ, гдѣ, кажется, и орелъ бы жить не рѣшился. Они точно хотятъ перещеголять другъ друга необыкновенностью своего положенія. Иной монастырь взгромоздится на самую верхушку отдѣльной колонны, причемъ его стѣны со всѣхъ сторонъ составляютъ одну линію съ отвѣсомъ камня; другой прилѣпится гдѣ нибудь сбоку на отдѣльномъ выступѣ скалы, надъ пропастью; третій отыщетъ въ стѣнѣ утеса какую нибудь впадину и вдвинется въ эту впадину со всѣми своими церквами и кельями, такъ что его никогда ни солнце не печетъ, ни дождь не сѣчетъ. Смотришь на эти монастыри — и дивишься: какимъ образомъ взбирались туда первые строители келій, и какъ они втаскивали на эти камни разные громоздскіе матеріалы, необходимые для построекъ? Это загадка еще необъясненная, и даже сами монахи до сихъ поръ не могутъ понять, какъ сооружались первыя постройки.

Ближайшій къ св. Стефану монастырь—Троицкій. Издали кажется, что онъ стоитъ на одной плоскости съ нами, а между тѣмъ его отдѣляетъ отъ св. Стефана глубокая пропасть, саженъ въ десять въ поперечникѣ. На днѣ пропасти навалены осколки исполинскихъ камней, а за ними далѣе идетъ уже отвѣсный обрывъ къ Калабакѣ. Въ скалу, на которой помѣстилась Троицкая обитель, вбиты одинъ надъ другимъ два желѣзные болта, и на нихъ висятъ, какъ веревки, деревянныя суставчатыя лѣстницы, по которымъ и поднимаются на верхъ охотники. Третья, верхняя лѣстница виситъ на цѣпи и ее поднимаютъ кверху всякій разъ по минованіи надобности, изъ опасенія, чтобы не взошелъ кто нибудь лишній. Я однажды былъ свидѣтелемъ, какъ туда поднимался какой-то монахъ, и мнѣ вчужѣ жутко стало, когда лѣстница затрещала и закачалась подъ нимъ, и монахъ, цѣпляясь за ступеньки, повисъ надъ бездною... Говорятъ, что многіе, приготовляясь къ такому подъему, на всякій случай читаютъ себѣ отходную. И это, кажется, не лишнее.

На пятый день послѣ нашего пріѣзда А. П. неожиданно задалъ мнѣ такого рода щекотливый вопросъ: хватитъ-ли у меня смѣлости вскарабкаться въ этотъ Троицкій монастырь и осмотрѣть его? Я сначала глубоко призадумался надъ этимъ вопросомъ, но потомъ мнѣ самому захотѣлось попытать свои силы въ путешествіяхъ подобнаго рода, и я смѣло объявилъ, что полѣзу.

Въ назначенный день многолюдной компаніей спустились мы внизъ къ утесу, на которомъ стоитъ Троицкій монастырь. Къ намъ на пути присоединилось еще нѣсколько человѣкъ, желавшихъ поглядѣть, какъ будетъ подниматься новичекъ, такъ что все это придавало моему предстоящему подвигу видъ какой-то торжественности, или, по крайней мѣрѣ, видъ акробатическаго представленія. Надъ нашими головами торчали дикіе каменные глыбы и выступы, шаткая лѣстница цѣпью висѣла на гвоздѣ, надъ нею высоко виднѣлась другая. Мы потребовали было сверху веревку, но намъ отвѣтили, что веревка не надежна, да и блоки сломаны. Дѣлать нечего, оставалось только надѣяться на свои силы и свою храбрость. Первымъ полѣзъ нашъ спутникъ, о. Лукіанъ, и полѣзъ довольно спокойно. Глядя на него, и я вдругъ почувствовалъ въ себѣ отвагу, быстро взбѣжалъ по узенькой и крутой тропинкѣ къ лѣстницѣ и смѣло ухватился за нее. Но лишь только успѣлъ я поставить ногу на первую перекладину, лѣстница всей массой медленно отшатнулась отъ скалы, и я повисъ надъ толпою зрителей. У меня помутилось въ глазахъ, руки и ноги дрожали, а внизу подо мною раздавались оглушительные крики: «гайда, гайда, ми фовасе!» (не бойся!). Не помню, какъ я долѣзъ до верху; помню только, что самая страшная минута была та, когда на половинѣ пути мнѣ надо было переходить съ одной лѣстницы на другую, на высотѣ пятнадцати саженъ отъ земли.

Въ Троицкомъ монастырѣ меня встрѣтили два монаха хозяина и поздравляли съ счастливымъ прибытіемъ, но я все еще дрожалъ и не могъ опомниться. Не болѣе часу оставался я на верху, снялъ тамъ всѣ замѣченныя надписи, осмотрѣлъ попавшіяся на глаза книги и затѣмъ благополучно спустился внизъ. Обратный путь былъ легче перваго, хотя все-таки я едва не потерялъ присутствія духа, когда надо было опять дѣлать сальто-мортале съ одной лѣстницы на другую, причемъ необходимо было оттолкнуть первую, чтобъ она не мѣшала. За этотъ толчекъ она тоже отплатила мнѣ порядочнымъ толчкомъ, такъ что я едва удержался.

За то какъ пріятно было потомъ спокойно лечь на траву, окинуть снова побѣднымъ взглядомъ массы повисшаго надо мною камня и подивиться силѣ своего подвига. И это мнѣ на первый разъ казалось дѣйствительнымъ подвигомъ; но потомъ я уже привыкъ къ путешествіямъ подобнаго рода и спокойно лазилъ изъ монастыря въ монастырь, не удивляясь болѣе своей смѣлости.

VII.

Метеорскіе монастыри.

Подъемъ по воздуху на блокахъ въ Преображенскій монастырь.— Неиспытанныя ощущенія отъ такого полета.—Постройки и обитатели монастыря.—Патріотъ Стеріо. — Забытый изгнанникъ. — Чѣмъ занимаются мѣстные монахи въ свободное время.—Политическое значеніе метеорскихъ монастырей.—Воспоминанія мѣстныхъ старожиловъ о борьбѣ за независимость Греціи.—Безполезныя попытки турокъ проникнуть въ эти монастыри. — Полное разобщеніе съ міромъ и скука жизни.—Русановскіе старцы.

Спустя недѣлю мы переѣхали въ монастырь Преображенскій, который считается лучшимъ изъ монастырей метеорскихъ. Насъ подняли сюда на канатѣ въ обыкновенной рыболовной сѣткѣ. Это путешествіе въ своемъ родѣ тоже весьма оригинальное и объ немъ стоитъ сказать нѣсколько словъ. Первымъ рѣшился подняться А. П., а я снизу долго наблюдалъ какъ онъ качался между небомъ и землею,—и не безъ страха ожидалъ своей череды. Могъ бы я, конечно, подняться по висячей лѣстницѣ, но мнѣ это было уже не въ диковину,—захотѣлось полетать по воздуху и испытать впечатлѣніе рыбы, которую тянутъ со дна морского. И вотъ передо мною на камнѣ разложили круглую сѣть, положили на нее коверъ и усадили меня на этомъ коврѣ по турецки; потомъ провожавшіе насъ монахи изъ св. Стефана собрали надъ моей головой кольца сѣти, продѣли сквозь нихъ желѣзный крюкъ, привязанный къ канату, и крикнули на верхъ, что «тащи, молъ, готово!» Натянулся канатъ; сѣть крѣпко стиснула мои члены, и тихо, незамѣтно отдѣлился я отъ грѣшной земли. У меня невольно замерло дыханіе и кругомъ пошла голова; канатъ трещалъ и вздрагивалъ; медленно уходили внизъ сосѣднія скалы; вѣтеръ раскачивалъ сѣтку, и сѣтка качаясь кружилась, и подо мною въ безднѣ какъ будто кружился весь міръ!.. Я закрылъ глаза, и въ эту роковую минуту, какъ нарочно, ярко припомнились мнѣ всѣ разсказы о томъ, какъ обрывался канатъ, какъ ломался воротъ, и какъ изъ-за этого люди разбивали о камни свои головы; явились, конечно, мучительныя сомнѣнія въ прочности сѣтки; внизъ взглянуть стало еще страшнѣе, а до верху еще далеко, еще высоко... Около пяти минутъ пришлось мнѣ пробыть въ такомъ безвыходно-томительномъ положеніи; наконецъ я услышалъ надъ собою скрипъ блока, визжанье во́рота, ближе, ближе, и вотъ мою сѣтку подцѣпили багромъ и дружно втащили подъ широкій навѣсъ, гдѣ помѣщается воротъ и другія орудія подъема.

— Милости просимъ, добро пожаловать!—заговорили вокругъ меня монахи, отцѣпляя отъ сѣтки тяжелый крюкъ. Сѣти мои распались, и я получилъ свободу, но, какъ шальной, долго еще не могъ придти въ себя и оправиться отъ волненья. — А. П. сидѣлъ тутъ же въ углу на циновкѣ, все еще взволнованный, блѣдный и дышалъ тяжело.

— Ну что, каково? спросилъ онъ меня, стараясь улыбнуться.

— Скверно,—отвѣтилъ я: — не желалъ бы въ другой разъ испытать такія ощущенія!

— Да нѣтъ, вы поглядите на блокъ-то: у него и ось даже деревянная; а канатъ въ двухъ мѣстахъ сшитъ простыми бичевками.

Я глядѣлъ и качалъ отъ удивленія головою: блокъ и го принадлежности были деревянные и до такой степени ветхи, что казались черными и ноздреватыми.

— Ничего, Богъ милостивъ, утѣшалъ насъ одинъ изъ братіи. Вотъ мы часто даже барановъ сюда таскаемъ и ничего, живы бываютъ,—а баранъ-то, поди, гораздо тяжелѣй человѣка будетъ.

— Нѣтъ, канатъ у насъ ничего, добавилъ другой монахъ: — давно ужъ никто не обрывался. Богъ хранитъ.

— А прежде обрывались?

— Бывали случаи, да рѣдко... Отъ смерти вѣдь нигдѣ не убережешься. Все Богъ!..

Конечно, отъ такихъ утѣшеній намъ не сдѣлалось легче.

Спустя нѣсколько минутъ я смѣрилъ длину веревки отъ блока до низу, и въ отвѣсѣ ея оказалось 18 саженъ. Такая высота еще не особенно велика, сравнительно съ подъемомъ другихъ монастырей, но сѣтку тянутъ до того медленно, что эта высота кажется безконечною. Во всякомъ случаѣ, путешествіе по висячимъ лѣстницамъ гораздо спокойнѣе; тамъ, по крайней мѣрѣ, надѣешься на свои силы, ловкость и крѣпость рукъ, а тутъ страданіе чисто пассивное, безнадежное, и потому болѣе мучительное.

Когда мы нѣсколько пришли въ себя, насъ повели въ соборъ, показывать монастырскія рѣдкости. Преображенскій монастырь называется «царскимъ и патріаршимъ» и видно, что онъ строился, что называется, на широкую ногу. Въ кельяхъ его легко можетъ помѣститься до полутораста человѣкъ; обѣ церкви его и большая трапеза до сихъ поръ сохраняютъ слѣды прежней роскоши и богатства; кромѣ того, здѣсь есть просторная больница, помѣщеніе для школы, всѣ хозяйскія пристройки,—словомъ все, чего хочешь. Камень, на которомъ построенъ монастырь — громаденъ; на его вершинѣ, кромѣ зданій, есть еще мѣсто для огородовъ и довольно широкая луговина, на которой, говорятъ, встарину паслись стада монастырскія. Одного только недостаетъ, — монаховъ. Теперь тутъ всего только три монаха и при нихъ игуменъ. Съ ними проживаетъ еще здѣсь—въ видѣ наказанія или по неволѣ — какой-то блѣднолицый изгнанникъ, полупомѣшанный отъ хандры и скуки; старикъ крестьянинъ, спасающійся отъ мщенія турокъ, и три убогіе мальчика, подобранные по деревнямъ и обреченные съ малолѣтства къ подвигамъ монашескимъ. Значитъ, всего здѣсь живетъ теперь только девять человѣкъ.

Несмотря, однако, на такое незначительное количество вольныхъ и невольныхъ жильцовъ, монастырь имѣетъ (1859 г.) огромныя имѣнія въ Валахіи и до 500 тысячъ піастровъ (25 т. р.) долгу. Какимъ образомъ монастырь могъ пріобрѣсть такую почтенную цифру долга, — это для меня осталось тайною, но только мѣстный архіерей для уплаты этого долга отдалъ монастырскія имѣнія кому-то въ аренду на десять лѣтъ и ежегодно выдаетъ монастырю только по 10 т. піастровъ. Имѣнія эти въ Валахіи такъ велики, что, по словамъ игумена, монастырскій долгъ легко могъ бы уплатиться безъ ущерба для братіи въ теченіи трехъ лѣтъ, но монастырь не смѣетъ противиться распоряженію архіерея, который разсчиталъ такъ, а не иначе, и теперь самъ лично слѣдитъ за имѣніями и даже беретъ себѣ за это особую плату съ монастыря. Дѣло, какъ видите, выходитъ круглое: и архіерей не въ убыткѣ, да и монахамъ не приходится слишкомъ роскошничать.

Изъ всѣхъ обитателей монастыря, особенно рѣзко выдѣляется нѣкто Стеріо Кукуравасъ,—одинъ изъ героевъ послѣдняго калабакскаго возстанія. Съ виду ему уже около пятидесяти лѣтъ, однако, до сихъ поръ онъ сохранилъ геркулесовское тѣлосложеніе, необычайную силу, свирѣпый видъ и черныя, густыя, нависшіе надъ глазами брови. Его имя извѣстно по всѣмъ окрестностямъ Калабаки. Въ 1853 году онъ возмутилъ противъ турокъ нѣсколько деревень, образовалъ изъ мѣстной молодежи партизанское войско и дѣлалъ съ нимъ такія отчаянныя и безстрашныя нападки на регулярное турецкое войско, что турки стали бояться одного имени Стеріо. По окончаніи войны онъ былъ вынужденъ спрятаться отъ турокъ въ здѣшніе монастыри и теперь колетъ дрова монахамъ, разводитъ куръ да пѣтуховъ и съ мальчишками въ бабки играетъ. Носитъ онъ постоянно старый полумонашескій костюмъ, выглядитъ какимъ-то мизантропомъ, говоритъ отрывисто и мало, и видимо скучаетъ, что ему нѣтъ работы по сердцу. Однажды я попробовалъ его спросить: правда ли, что турки за его голову обѣщали большія деньги? Стеріо поглядѣлъ на меня искоса и нахмурился.

— Тебѣ на что это знать? произнесъ онъ сквозь зубы и съ видимой неохотой.

— Да такъ, изъ любопытства...

— Изъ любопытства? Гм... Слышалъ я, что пять тысячъ давали.

— Вотъ какъ. Значитъ, надо было прятаться, чтобы не нашлись охотники?

— Нѣтъ, зачѣмъ прятаться, это вѣдь не опасно. Кто нынче туркамъ-то вѣритъ? Кабы вѣрили, такъ не пришлось бы и прятаться: здѣшніе монахи первые бы выдали, — что имъ моя голова, коли за нее даютъ деньги! Нѣтъ, нынче туркамъ не повѣрятъ, хоть они сто тысячъ обѣщай.

Меня озадачилъ такой отвѣтъ.

— Такъ ты и своимъ не совсѣмъ довѣряешь?

— Своимъ? Да кто у меня свои-то? Нѣтъ у меня своихъ теперь. Пока счастье везетъ, такъ и всѣ свои, а чуть припугнули—и давай выдавать каждаго: это, молъ, не я, а онъ. У насъ народъ такой, что только плакаться умѣетъ, да въ потьмахъ кулаки показывать. Кабы смѣльчаки-то у насъ были, развѣ оставалась бы до сихъ поръ подъ туркомъ Ѳессалія? Давно ни одной чалмы не уцѣлѣло бы. Турка всегда надо смѣлостью озадачить, и онъ какъ разъ струситъ, а наши сами трусятъ... Нѣтъ, вотъ мы еще подождемъ маленько, а потомъ надо будетъ повести дѣло иначе...

— А ты еще надѣешься?

— Не надѣятся только одни ослы, и то потому, что они ослы, а не люди. А кто дѣла хорошо видитъ и понимаетъ, тотъ не только надѣется, тотъ увѣренъ. Вотъ что!

И онъ рѣзко отвернулся отъ меня и ушелъ въ свою келью.

Съ монахами Стеріо не ладитъ, смотритъ на нихъ свысока, смѣется надъ ними въ глаза и за глаза, и монахи его за это не любятъ. Одинъ монахъ даже шепнулъ мнѣ по секрету, что Стеріо самому ни въ чемъ вѣрить нельзя, что онъ только хвастаетъ своею храбростью, а на самомъ дѣлѣ — трусъ, и что, наконецъ, самъ онъ выдалъ многихъ и обѣщалъ выдать туркамъ и за это именно патріоты и спрятали его сюда.

— Я его спрошу объ этомъ,—сказалъ я, имѣя намѣреніе испытать храбрость монаха.

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ, ты ради Бога его не спрашивай, — не своимъ голосомъ взмолился монахъ, внезапно оробѣвъ.—Я вѣдь это только по дружбѣ сказалъ тебѣ... Можетъ быть вѣдь и врутъ; я самъ тутъ ничего не знаю.

— Такъ надо бы узнать хорошенько. Кто тебѣ это говорилъ?

— Монахъ знакомый говорилъ, да онъ ужъ померъ теперь. Право померъ. Нѣтъ, ты ему лучше не говори; это должно быть врутъ...

Вообще я замѣтилъ, что, не смотря на явное нерасположеніе къ Стеріо, монахи побаиваются его и даже подчасъ какъ будто заискиваютъ у него. Оно, впрочемъ, и понятно: сила у Стеріо геркулесовская и видъ такой внушающій и дерзкій, что противъ него монаху не устоять.

Другой изгнанникъ, проживающій въ Преображенскомъ монастырѣ, сосланъ сюда извѣстнымъ на Востокѣ по своей алчности епископомъ Ираклійскимъ, за незаконную любовь къ какой-то красавицѣ, на которую имѣлъ виды— одинъ сановникъ. Имѣнье этого изгнанника отдано подъ опеку тому же епископу, который обѣщалъ высылать ему сюда на пропитаніе ежемѣсячно по 300 піастровъ, но до сихъ поръ еще не выслалъ ничего. Уже болѣе года изгнанникъ живетъ здѣсь безвыходно, видимо одичалъ, отучился почти говорить, и вѣчно сидитъ одинъ-одинешенекъ гдѣ-нибудь на обрывѣ, съ какой-то болѣзненной задумчивостью и безсмысленнымъ взглядомъ въ даль. Онъ еще молодъ, и явился сюда, говорятъ, щеголемъ, съ европейскими манерами и крѣпкой надеждой получить черезъ нѣсколью дней свободу; а теперь, какъ видно, и надежду потерялъ совсѣмъ, высохъ какъ щепка, поблѣднѣлъ, какъ истомленный долгимъ страданіемъ больной,—и давно уже истрепался и истлѣлъ на немъ его когда-то изящный костюмъ. Монахи, подъ веселый часъ подшучиваютъ надъ нимъ и дѣлаютъ надъ нимъ, ради потѣхи, разные забавные опыты или отпускаютъ сальныя остроты на счетъ бывшаго предмета его любви, — однако, кормятъ его безъ попрековъ и только изрѣдка, въ видѣ платы за прокормъ, заставляютъ вмѣстѣ съ другими вертѣть воротъ на подъемѣ. Стеріо нѣсколько разъ вызывался тайкомъ освободить его, но бѣднякъ всякій разъ пугался этого предложенія; онъ, какъ видно, успѣлъ уже потерять самое чутье свободы, за что и отъ Стеріо получилъ прозвище дурака.

Сами монахи проводятъ время большею частію въ своихъ кельяхъ. Ихъ, по крайней мѣрѣ, никогда почти не видно; развѣ только вечеркомъ, при закатѣ солнца, соберутся иной разъ посидѣть вмѣстѣ передъ трапезой на скамеечкѣ и поскучать сообща. Разговоровъ особенныхъ у нихъ въ это время тоже не слышно; больше все потягиваются да громко зѣваютъ въ ожиданіи сна; или, отъ нечего дѣлать, подтруниваютъ другъ надъ другомъ, подставляютъ другъ другу ногу, играютъ въ поплевки, въ свайку и т. п. Чѣмъ они въ теченіи дня занимаются въ кельяхъ и работаютъ ли что нибудь, — этого я не знаю; только, кажется, имъ работать не для чего, потому что хлѣба и денегъ, получаемыхъ ими изъ Валахіи, достаточно на всю братію. А если они и работаютъ, то эти работы едва ли имѣютъ какое нибудь серьезное значеніе. Одинъ монахъ, напримѣръ, отъ скуки выдумалъ себѣ такого рода занятіе: онъ выкормилъ и пріучилъ къ себѣ трехъ разнохарактерныхъ животныхъ: кота, крысу и жаворонка, и каждый день въ извѣстный часъ скликаетъ ихъ всѣхъ вмѣстѣ и кормитъ изъ собственныхъ рукъ. Цѣною долгихъ заботъ и настойчиваго терпѣнія онъ добился-таки того, что эти животныя не только не вредятъ другъ другу, но даже, повидимому, живутъ въ тѣсной дружбѣ и образовали между собою нѣкоторое диковинное братство. Другой монахъ по нѣскольку часовъ въ день просиживаетъ въ монастырской прачешной и все ломаетъ голову, чтобы изобрѣсть какой-то особенный фонтанъ. Да и что же тутъ, въ самомъ дѣлѣ, станешь дѣлать, если свободнаго времени черезчуръ много и дѣвать его рѣшительно некуда: церковныя службы идутъ очень скоро, черныя работы почти всѣ справляетъ Стеріо, а спать постоянно нельзя, потому что надоѣстъ вѣдь и это,—ну вотъ и изобрѣтаютъ что нибудь, лишь бы убить ненужное время. Прежде, лѣтъ тридцать тому назадъ, когда монастыри были наполнены народомъ, тутъ, говорятъ, и порядка было больше, и работа братская дружно кипѣла и жизни потому было больше; а теперь, когда въ каждомъ монастырѣ живутъ не болѣе трехъ или пяти монаховъ, жизнь монашеская стала до того невыносимо скучна, и аскетизмъ до того ослабѣлъ, что удивляешься, какъ и эти-то жильцы не разбѣгутся и не покинутъ совсѣмъ пустынныхъ и оторванныхъ отъ міра монастырей своихъ. Впрочемъ, это рано или поздно случится непремѣнно, потому что населеніе монастырей метеорскихъ и теперь уже замѣтно уменьшается чуть не съ каждымъ годомъ. Прежде, въ самый разгаръ аскетизма, здѣсь было двадцать четыре монастыря, густо населенные монахами, а теперь изъ этого числа уцѣлѣло только семь, а остальные разрушены или заброшены, такъ что и ходу къ нимъ нѣтъ. Въ оставшихся монастыряхъ, устроенныхъ большею частію на тридцать или на пятьдесятъ человѣкъ, теперь едва-едва проживаютъ по нѣскольку жильцовъ, да и тѣ наровятъ какъ бы пристроиться гдѣ нибудь въ болѣе людномъ мѣстѣ, отъ скуки гостятъ въ деревняхъ по цѣлымъ мѣсяцамъ, а если и живутъ въ монастыряхъ, то потому только, что жить имъ болѣе негдѣ. Это паденье монастырей, по разсказамъ мѣстныхъ старожиловъ, началось съ тѣхъ поръ, какъ сосѣдняя Эллада получила политическую свободу. Со времени освобожденія Эллады греческіе монастыри на всемъ Востокѣ стали замѣтно пустѣть, но особенно сильно опустѣли они въ Ѳессаліи,— странѣ ближайшей къ Элладѣ. Прежде здѣсь было безчисленное множество монастырей, а теперь изъ нихъ обитаема только какая нибудь десятая часть, да и въ нихъ живутъ тоже по три да по пяти монаховъ, вмѣсто прежнихъ сотенъ. Мѣстныя горы покрыты развалинами когда-то многолюдныхъ и богатыхъ обителей; то здѣсь, то тамъ бѣлѣются ихъ покинутыя стѣны, и дорога къ нимъ уже забыта, даже самыя названія ихъ часто забыты и только горные клефты иногда выбираютъ ихъ для своего временнаго пристанища. Фактъ замѣчательный и весьма понятный. Прежде въ монастыряхъ, какъ въ крѣпостяхъ, укрывались съ своими имуществами напуганные турками поселяне; сюда уходили всѣ недовольные, ограбленные, осиротѣлые,—доживать остатокъ дней въ молитвѣ и покоѣ. Теперь эти недовольные и ограбленные, черезъ тѣ же горы, перебѣгаютъ за границу рабской Турціи и ищутъ жизни и безопасности въ свободныхъ земляхъ Новой Греціи; туда же они спасаютъ и имущества свои. Такимъ образомъ, въ большинствѣ случаевъ, монастыри для грековъ потеряли свое прежнее значеніе; отъ гнета и деспотизма, сгонявшаго народъ въ ихъ стѣны, нашлось другое спасеніе, и теперь только одни славянскіе монастыри на Востокѣ по прежнему переполнены народомъ,—у нихъ нѣтъ еще свободной земли.

На метеорскихъ скалахъ до сихъ поръ видны молчаливыя развалины всѣхъ семнадцати заброшенныхъ монастырей, когда-то оживлявшихъ эту дикую мѣстность и придававшихъ ей особенный мистическій смыслъ. Нѣкоторые изъ нихъ такъ хорошо сохранились, что какъ будто только вчера покинуты; отъ другихъ остались только куски стѣнъ или груды повалившагося камня. Подлѣ самаго Преображенскаго монастыря стоитъ обрывистая скала, на которой когда-то помѣщался монастырь Ипсилотеронъ (высочайшій); въ настоящее время отъ этого монастыря уцѣлѣлъ во впадинѣ камня только одинъ фрескъ какой-то иконы, да небольшой обломокъ стѣны; кругомъ этихъ остатковъ услужливый плющъ уже густо распустилъ по камню свои махровыя вѣтки и, вѣроятно, скоро совсѣмъ спрячетъ ихъ отъ глазъ человѣческихъ; а тамъ, черезъ нѣсколько лѣтъ, погибнетъ и самая память монастыря. Конечно, ни въ одинъ изъ этихъ покинутыхъ монастырей теперь попасть уже нельзя: канаты ихъ порваны, лѣстницы сломаны, — словомъ, отрѣзаны всѣ пути отъ земли. Только одинъ небольшой монастырь Св. Георгія, до сихъ поръ посѣщается мѣстными поселянами въ день храмоваго праздника, но это потому, что этотъ монастырь одинъ изъ самыхъ низменныхъ и попасть туда легче другихъ. Поселяне обыкновенно приносятъ съ собою длинную веревку, на концѣ которой привязанъ желѣзный крюкъ, потомъ сходятся у камня, во впадинѣ котораго стоитъ обитель, и бросаютъ крюкъ къ верху до тѣхъ поръ, пока онъ не зацѣпится за какую нибудь стропилу или рѣшетку. Затѣмъ уже смѣльчаки поднимаются вверхъ, держась за веревку и упираясь ногами въ скользскую поверхность камня. Подобныя путешествія, впрочемъ, нерѣдко кончаются увѣчьемъ и даже смертью.

Нѣкоторые метеорскіе старики хорошо еще помнятъ то время, когда всѣ эти монастыри были цѣлы и полны народомъ. Въ Преображенскомъ монастырѣ я познакомился съ однимъ изъ такихъ старожиловъ, который уже болѣе сорока лѣтъ живетъ на здѣшнихъ утесахъ и, какъ ходячая лѣтопись, постоянно говоритъ о томъ, что прежде было и какъ хорошо прежде было. Худой, сморщенный, полуживой, онъ, конечно, относится къ нынѣшнему упадку монашеской жизни съ глубокою скорбію и оплакиваетъ дорогое для него прошлое. Бывало подсядетъ ко мнѣ на скамейку и начнетъ свои длинные старческіе разсказы, видимо довольный тѣмъ, что его слушаютъ.

— Вѣдь тутъ у насъ прежде во всѣхъ монастыряхъ-то болѣе двухъ тысячъ монаховъ было, и подвижники были крѣпкіе и чудеса разныя дѣлались, не то что теперь... Ты самъ посуди, какъ сладко было монаху видѣть такую благодать и такое многолюдство! И куда все это подѣвалось—ума не приложу. Померли-то немногіе, а такъ разбрелись въ разныя стороны, благо міръ близко. И все это съ 28-го года. Какъ только начала Морея съ турками воевать, такъ точно послѣдній часъ пробилъ для нашихъ обителей: содомъ поднялся такой, что Боже упаси. Народъ толпами повалилъ изъ монастырей; повытаскали всѣ старыя ружья, вывезли пушки — все съ собой взяли. Ну, а потомъ кого убили, кого въ плѣнъ взяли, а кто и самъ не хотѣлъ вернуться,—только мало пришло назадъ. Въ тамошнихъ монастыряхъ да городахъ, знать, веселѣе, чѣмъ здѣсь.

— А ты ходилъ, отче, на войну? спросилъ я.

— Какъ не ходить, ходилъ и я, нельзя было не идти. Только когда нашихъ разъ поколотили, я и вернулся: мое ли это дѣло, думаю; вѣдь я монахъ, а не воинъ. Такъ я и остался тутъ стеречь мірскія вещи: много ихъ къ намъ натащили—прятали отъ турокъ. А турки все время по горамъ ходили кругомъ, да думали, какъ бы забраться къ намъ, да поживиться христіанскимъ добромъ. Вотъ съ этого самаго камня (онъ показалъ на противоположный утесъ) они двое сутокъ стрѣляли по монастырю, а я съ послушникомъ-мальчишкой сидѣлъ спрятавшись въ ризницѣ и ждалъ что будетъ; слышу, пули такъ и щелкаютъ объ стѣну, порохомъ пахнетъ... А то выйдешь, бывало, потихоньку къ окну, да и самъ хватишь изъ ружья,—пусть, молъ, знаютъ, что и монахи стрѣлять умѣютъ. Такъ ничего они и не добились...

— Ну, а потомъ не хотѣлось идти въ міръ?

— Да что мнѣ тамъ дѣлать? Я было пошелъ спровѣдать послѣ войны родственниковъ въ Калабакѣ: гляжу, и дома-то нашего больше не видно, все поломано да погорѣло. Спрашиваю у знакомаго: гдѣ мои-то? — А кто ихъ знаетъ, говоритъ, должно быть побиты; я и самъ никого изъ своихъ не нашелъ. Такъ и вернулся. Только съ тѣхъ поръ пошли порядки ужъ не тѣ: монастыри на половину опустѣли; кто что могъ утащить — утащилъ да разграбилъ; поселились тутъ разные міряне, а новые монахи сами стали жить больше по мірски, чѣмъ по монашески. Въ 1853 году опять война,—опять ушли монахи, а сюда натаскали женщинъ да ребятъ спасаться... Кончилась война—и еще меньше народу стало. Еще война будетъ— и остальные уйдутъ; я одинъ только останусь съ моимъ монастыремъ—доживать свой вѣкъ да вспоминать старое. Я ужъ никуда не уйду...

— А отчего ваши покинутые монастыри такъ скоро разрушились, отче? По нимъ стрѣляли что ли, или нарочно ломали?

— Нѣтъ, ихъ люди не ломали, ихъ самъ Богъ разрушилъ. Тутъ были такія страшныя землетрясенія, что только молитвы подвижниковъ и могли спасать наши церкви и кельи; а какъ не стало подвижниковъ—монастыри упали сами собою. Прежде вѣдь тутъ были такіе затворники и праведники, какихъ, я думаю, и на Аѳонѣ не найдти,—ими и держалось метеорское братство.

Старикъ отчасти говорилъ правду. Дѣйствительно, въ старину, между здѣшними монахами должно быть встрѣчались весьма строгіе аскеты, которые «спасались» въ уединенныхъ пещерахъ и на отдѣльныхъ столбахъ, далеко отъ людей и міра. По крайней мѣрѣ, въ мѣстныхъ утесахъ до сихъ поръ еще видны мѣстами небольшія пещеры и скважины съ остатками деревянныхъ брусьевъ и перилъ и другими признаками былой жизни и домовитости. Наконецъ, въ одной исполинской глыбѣ камня, похожей на опрокинутый корабль, показываютъ кельи отшельниковъ, весьма оригинальныя по своему устройству. Внутри этого камня находится огромная пещера св. Духа; въ сводѣ этой пещеры, въ разныхъ мѣстахъ, помѣщается до двадцати мелкихъ отдѣльныхъ пещеръ и въ нихъ-то, среди вѣчной, непроглядной тьмы, на высотѣ десяти саженъ отъ дна главной пещеры, встарину обитали монахи-затворники. Тамъ у нихъ, говорятъ, и церковь особая была высѣчена въ камнѣ, куда тоже никогда не проникалъ свѣтъ дневной. Конечно, къ этимъ пещерамъ теперь уже нѣтъ никакого хода, но признаки прежней жизни еще уцѣлѣли: видны и деревянныя перила и остатки соломы и даже обрывокъ висячей лѣстницы. Главная, нижняя пещера, по разсказамъ монаховъ, служила прежде тюрьмою для провинившихся братій. Во время войны 1828 и 1854 гг. въ ней укрывались отъ турокъ сотни женщинъ и дѣтей. А въ настоящее мирное и практичное время въ эту пещеру пастухи загоняютъ зимою овецъ.

Должно быть, очень пріятно, въ видѣ прогулки, проѣхаться по мѣстности Метеорской, полюбоваться на красивые виды скалъ, подивиться оригинальности монастырской жизни и затѣмъ поскорѣе убраться куда нибудь подальше; но не такъ пріятно залѣзть въ какой нибудь обрывистый камень и жить на немъ долго-долго, не имѣя никакой возможности спуститься на землю. Подобное непріятное положеніе пришлось испытать мнѣ самому. Въ библіотекѣ Преображенскаго монастыря мы нашли нѣсколько замѣчательныхъ рукописей и это задержало насъ здѣсь дольше, чѣмъ мы думали. Въ первые дни меня еще занимали необычайность обстановки и разнохарактерные обитатели монастыря, но потомъ, мало по малу, стало закрадываться въ душу то тоскливое ощущеніе, какое вѣроятно испытываетъ человѣкъ, поднятый на воздушномъ шарѣ или выброшенный на какой нибудь необитаемый островъ. Пустынныя постройки монастыря мрачны и молчаливы, будто кладбище какое; цѣлые ряды заколоченныхъ на глухо оконъ, пошатнувшіяся галлереи, выломанныя двери, полное безлюдье и отсутствіе всякой жизни и смысла—все это естественно наводитъ на самыя унылыя мысли и зарождаетъ тоску безъисходную. Послѣ работъ выйдешь, бывало, побродить по лужайкѣ, обойдешь кругомъ весь камень и вдругъ почувствуешь, что дальше идти уже некуда. Отъ скуки сядешь на самомъ обрывѣ и съ какимъ-то невольнымъ отчаяньемъ глядишь на красоты далекаго, покинутаго міра. Въ тихую погоду оттуда порою доносятся чуть слышные звуки жизни, то мулъ закричитъ, то послышится рожокъ пастуха, то долетитъ, какъ эхо, замирающій отзвукъ какой нибудь пѣсни... но все это гдѣ-то безконечно далеко и глубоко, точно въ безднѣ какой, отъ которой мы отдѣлены цѣлымъ рядомъ дикихъ обрывистыхъ и страшныхъ утесовъ. Тутъ же, на обрывѣ, сидитъ обыкновенно и бѣдный изгнанникъ, съ тѣмъ же безсознательно-упорнымъ взглядомъ въ даль. Глядя на его одичавшую и отупѣвшую фигуру, поневолѣ приходишь къ убѣжденію, что при подобной обстановкѣ жизни безъ цѣли, безъ общества и безъ работы—одичать и поглупѣть очень не трудно, особенно если прежняя жизнь шла не этимъ путемъ и потребности жизни были не монашескія... Лѣтомъ еще есть возможность развлекаться хоть видами внѣшней природы, но каково жить здѣсь зимою, когда всѣ эти камни и утесы обращаются въ глыбы льда, когда кругомъ все мертвѣетъ отъ нестерпимаго холода, исчезаютъ даже послѣдніе признаки жизни природы,—кусты и деревья, и только вѣтеръ одинъ съ громомъ и стономъ гуляетъ по безчисленнымъ ущельямъ... А такіе холода, говорятъ, бываютъ здѣсь нерѣдко, потому что мѣстность метеорская расположена очень высоко надъ вѣчно цвѣтущими равнинами Ѳессаліи.

Больше всего я любилъ ходить въ подъемную башню, въ то время, когда втягивали въ монастырь разные жизненные припасы: дрова, муку, мелкій рогатый скотъ и проч. Всего интереснѣе смотрѣть, какъ поднимаютъ барановъ; ихъ сначала крѣпко обматываютъ веревками, потомъ зацѣпляютъ за веревки крюкъ и такимъ образомъ тащутъ. Несчастный баранъ все время какъ бѣшенный кричитъ и мечется въ воздухѣ; веревка крутится и бьетъ его о камень, а монахи нарочно, ради потѣхи, начинаютъ трясти веревку еще больше и бѣдное животное изобьется до того, что является на верхъ уже почти безъ всякихъ признаковъ жизни. А имъ это и любо!..

Однажды, наблюдая за подъемомъ какого-то груза, я неожиданно разглядѣлъ внизу нашихъ пріятелей-кавасовъ, Назифа и Абди. Точно роднымъ братьямъ обрадовался я имъ.

— Что вы, братцы, соскучились что ли? крикнулъ я имъ сверху.

— Вонъ онъ гдѣ, вижу, вижу, закричалъ Назифъ, тоже обрадовавшись, что увидѣлъ меня. — Скоро ли вы слѣзете-то оттуда? а? Пора вѣдь по домамъ. Въ Лариссу пора.

— Еще съ недѣльку, пожалуй, пробудемъ, отвѣтилъ я.

— Ой, какъ много; а мы тутъ не знаемъ, куда и дѣваться, въ Калабакѣ житья нѣтъ, просто надоѣло даже.

— Да нельзя ли намъ туда какъ нибудь пробраться, въ монастырь-то вашъ? спросилъ Абди.

— Нельзя, братцы.

— А ты спроси поди; скажи, что мы никого не тронемъ, только поглядимъ.

Я сказалъ первому попавшемуся монаху, что наши кавасы просятъ спустить имъ лѣстницу, но тотъ въ страхѣ замоталъ головою и закричалъ кавасамъ, чтобъ они и думать объ этомъ не смѣли, и что Богъ убьетъ ихъ сразу, какъ только они поднимутся.

— Зачѣмъ убивать, мы бы ничего, только отдохнули бы; убивать совсѣмъ и не зачѣмъ будетъ, — отозвался опять Назифъ. Но сколько ни упрашивали кавасы, ничего не могли добиться; съ тѣмъ и ушли. Эта строгость въ отношеніи къ туркамъ простирается до того, что даже свою наемную арванитскую стражу монахи никогда не пускаютъ въ монастыри, и если стражѣ нужно бываетъ говорить съ игуменомъ или съ кѣмъ нибудь изъ братіи, то они обыкновенно перекрикиваются черезъ пропасть. Монахи боятся, что турки, хотя повидимому и преданные, могутъ легко измѣнить имъ, если ихъ поднять на верхъ. Они въ нѣсколько минутъ могутъ перерѣзать всѣхъ монаховъ, овладѣть монастыремъ и обратить его въ неприступную крѣпость, сосѣдство которой будетъ слишкомъ опасно и для другихъ монастырей и для окрестныхъ деревень. Говорятъ, что въ 1829 году уже былъ подобный случай. Въ Преображенскій монастырь, подъ видомъ обывательскаго имущества, подняли тогда до тридцати большихъ сундуковъ, изъ которыхъ ночью неожиданно вылѣзли спрятанные тамъ турки, побросали монаховъ въ пропасть и заграбили все спрятанное тамъ имущество. Къ счастью для монаховъ, эти турки не имѣли въ виду никакой политической цѣли, а хотѣли только воспользоваться монашескими богатствами и затѣмъ поскорѣе убраться, а то это дѣло могло бы кончиться очень дурно для цѣлаго края. Съ тѣхъ поръ монахи стали очень осмотрительны насчетъ поднимаемыхъ вещей, а турокъ даже и близко къ монастырю не пускаютъ.

Разъ, при закатѣ солнца, когда я сидѣлъ на своемъ обычномъ мѣстѣ на обрывѣ, ко мнѣ подошелъ какой-то незнакомый мнѣ старикъ, сгорбленный, сморщенный и обмотанный дырявыми лохмотьями. Онъ низко поклонился мнѣ. Я всталъ.

— Я послушникъ изъ монастыря Русана,—произнесъ онъ дряблымъ, старческимъ голосомъ. — Былъ сейчасъ у вашего почтеннаго спутника А. П., а теперь вотъ къ вамъ пришелъ. Мы, старцы Русановской обители, просимъ васъ покорно не оставить насъ и посѣтить наши кельи. Это недалеко; вонъ, отсюда даже видно,—и онъ указалъ мнѣ на небольшой каменный столбъ, на которомъ бѣлѣлись постройки монастыря.

Я сказалъ, что если А. П. поѣдетъ, то и я съ нимъ, потому что это отъ него зависитъ.

— Вы вѣдь древности любите? спросилъ старикъ.

— Да, любимъ.

— Ну, такъ останетесь нами довольны! у насъ монастырь самый старый. Я вотъ тридцать слишкомъ лѣтъ живу въ немъ, а онъ и тогда еще былъ старый. Нѣкоторыя стѣны чуть держатся, а трапеза совсѣмъ развалилась... отъ древности, конечно. Въ кельяхъ просто жить страшно, того и гляди упадутъ; все вотъ починить собираемся, да неприходится: народъ бѣдный, извѣстно... гдѣ намъ взять... А монастырь древній—это вѣрно.

— Да мы не такихъ древностей ищемъ. Книги старыя у васъ есть?

— Есть и книги. Вотъ пріѣзжайте, поглядите, можетъ быть и поможете какъ нибудь старикамъ; а мы за васъ Богу помолимся.

По приглашенію этого старика мы черезъ нѣсколько дней отправились въ Русанъ. Насъ вздернули по канату на большой камень, саженъ въ двѣнадцать въ отвѣсѣ, на которомъ, какъ на пьедесталѣ, умѣстился крошечный монастырь. Старикъ не обманулъ насъ: двухъ-этажныя постройки Русана до того ветхи, что скорѣе походятъ на развалины, чѣмъ на жилое строеніе. Всѣ потолки подперты, балки и стѣны нависли и, кажется, готовы упасть отъ перваго порыва бури или перваго толчка землетрясенія. Насъ встрѣтили одинокіе жильцы Русана: старикъ-игуменъ, уже 60 лѣтъ проживающій на этомъ столбѣ, и при немъ два послушника, тоже сѣдые какъ лунь. Игуменъ отъ старости совсѣмъ почти ослѣпъ, онъ еле передвигаетъ ноги и около двадцати лѣтъ уже ни разу не спускался внизъ; сѣдые послушники ухаживаютъ за нимъ какъ за ребенкомъ, и сами во всемъ слушаются его какъ дѣти, и видно что всѣ они такъ крѣпко сжились другъ съ другомъ, что помри одинъ изъ нихъ,—остальные не вынесутъ и съ тоски умрутъ тоже. Какъ они могутъ жить въ этихъ развалинахъ и чѣмъ питаются—понять трудно, но только кругомъ отовсюду сквозитъ такая вопіющая нищета, какой давно не приходилось намъ видѣть. Насъ, однако, приняли какъ почетныхъ гостей, усадили на подушки и поднесли на осколкахъ битой посуды, въ видѣ угощенія, по куску засохшаго пряника и по кружкѣ воды. Потомъ одинъ изъ послушниковъ принесъ намъ небольшую охапку старыхъ монастырскихъ книгъ, между которыми неожиданно нашлись двѣ пергаминныя и очень рѣдкія рукописи. Вмѣсто того, чтобы пересматривать эти рукописи и дѣлать изъ нихъ выписки, А. П. запросто предложилъ старикамъ продать ему ихъ. Старики сначала заупрямились, но когда А. П. выложилъ передъ ними нѣсколько полуимперіаловъ, торгъ былъ покончень сразу и книги были отданы. Надо было видѣть ту дѣтскую, восторженную радость, какую невольно выразили старики при видѣ золота. Одинъ изъ нихъ осторожно взялъ въ руки полуимперіалъ, поднесъ его близко къ своимъ подслѣповатымъ глазамъ, и какъ дитя любовался имъ, покачивая головою.

— Двѣнадцать лѣтъ не видалъ ужъ я золотыхъ денегъ,—сказалъ онъ, прослезившись.—Вотъ и привелось опять...

— Да мы съ тобой и серебра-то ужъ давно не видали, вставилъ другой.

— Спаси тебя Господи! заговорилъ опять первый, кланяясь въ ноги А. П. — Праздникъ ты намъ сдѣлалъ сегодня. Давно мы не видали праздника...

— Теперь и масла купимъ, и вина купимъ, и кельи можно будетъ поправить. Такъ ли, отецъ? обратился старикъ къ игумену.

Игуменъ молча кивнулъ головою.

— Только мы васъ объ одномъ просимъ, сказалъ намъ опять старикъ съ умоляющимъ видомъ:—не говорите вы объ этомъ пожалуйста никому, особенно, чтобъ архіерей какъ нибудь не узналъ, а то бѣда намъ будетъ.

— Развѣ онъ не велитъ продавать книги?

— Нѣтъ, не то. Онъ деньги очень любитъ. Какъ узнаетъ, что у насъ деньги есть, завтра же нахлынетъ. Такой ужъ человѣкъ...

— А мы его надуемъ и деньги-то спрячемъ,—наивно вмѣшался игуменъ.—Я ихъ въ дароносицу спрячу, онъ и не найдетъ!...

— Найдетъ, отче, непремѣнно найдетъ; выпытаетъ и отниметъ, будто на разныя церковныя нужды, а у насъ у самихъ вѣдь нужды... Нѣтъ, ужъ вы пожалѣйте стариковъ и не говорите никому о деньгахъ; мы тѣмъ временемъ и поправимся.

Мы, конечно, дали слово молчать объ этомъ и дружески простились со стариками. Когда насъ стали опускать внизъ, одинъ изъ послушниковъ отправился по лѣстницѣ провожать насъ; только на этотъ разъ ветхая лѣстница измѣнила ему, и на разстояніи двухъ аршинъ отъ земли, одна изъ перекладинъ выскочила изъ-подъ ногъ старика и онъ всею тяжестью рухнулся на камни. Мы вскрикнули отъ ужаса, но старикъ въ ту же минуту радостно объявилъ намъ, что онъ живъ, что это уже не въ первый разъ съ нимъ дѣлается, и что Богъ нарочно сохранилъ его, чтобы за насъ молиться. Потомъ онъ, кряхтя, присѣлъ на камень, и опять сталъ упрашивать, чтобы никому не говорили о деньгахъ. Мы пожелали ему всякаго счастья и поѣхали по направленію къ Варлаамскому монастырю; а старикъ черезъ пять минутъ вставилъ перекладину на прежнее мѣсто и полѣзъ на верхъ, какъ ни въ чемъ не бывало...

Живучи здѣсь эти старики!

VIII.

Монастыри Метеорскіе.

Варлаамскій утесъ и монастырь.—Неряшество и грязь обстановки.—Игуменъ-мірянинъ.—Библіотека.—Пещера Дракона. — Монастырь св. Николая.—Встрѣча съ архіереемъ Стагонскимъ.—Его племянница Василиска.—Необыкновенная гроза.—Монастырская просвирня.—Библіотека.—Опасное путешествіе на Агіа-Мони.

Монастырь Варлаамскій, куда мы переѣхали изъ Русана, взгромоздился на самой вершинѣ высокаго, криваго каменнаго столба, который съ одной стороны примыкаетъ узкимъ перешейкомъ къ сосѣдней скалѣ, а съ другой—отвѣсными уступами падаетъ въ глубокую долину. Съ этого перешейка и поднимаютъ приходящихъ на блокахъ по канату. Подъемъ тутъ самый высокій, такъ что длина каната, отъ земли до подъемной башни, составляетъ слишкомъ 23 сажени.

Ни одинъ изъ метеорскихъ монастырей не производилъ на насъ такого тяжелаго, непріятнаго впечатлѣнія, какъ Варлаамскій. Все въ немъ, съ виду, кажется прилично, и даже, пожалуй, красиво; многочисленныя постройки его за недостаткомъ мѣста плотно сжаты въ кучу и красиво лѣпятся другъ надъ другомъ вокругъ небольшой соборной церкви; самая церковь выстроена изящно и покрыта очень недурною живописью, но за то подъ кельями и даже подъ церковью помѣщены какія-то ужасныя кладовыя, наполненныя разнымъ разлагающимся мусоромъ, и изъ этихъ кладовыхъ по всему монастырю разносится нестерпимое, удушающее зловоніе. Воздухъ до такой степени отравленъ этою вонью, что дышать имъ трудно, особенно въ знойные дни. Вообще Варлаамскій монастырь—одинъ изъ самыхъ грязныхъ монастырей, когда либо видѣнныхъ нами; тутъ все, начиная съ братской трапезы и кончая послѣднимъ поджарымъ котомъ, покрыто густыми слоями наросшей отъ вѣка и никогда не смываемой грязи, и пропитано тѣмъ же удушающимъ запахомъ разложенія, который въ такомъ обиліи отдѣляется отъ монастырскихъ кладовыхъ. Въ церкви и въ ризницѣ все покрыто, какъ чахломъ, слоями вѣковой пыли, хотя подъ этою пылью подчасъ встрѣчаются очень цѣнныя вещи, украшенныя жемчугомъ и драгоцѣнными каменьями, вышитыя шелками и золотомъ, и вообще говорящія о роскоши и богатствѣ прежняго времени. Въ библіотекѣ, тоже довольно рѣдкой и богатой рукописями, съ почернѣвшихъ стѣнъ сочится сырость, книги стоятъ почти въ водѣ и покрыты плѣсенью, въ дорогомъ пергаментѣ кучами роятся черви, мокрицы и другія гадины. Трудно понять, почему этотъ несчастный монастырь такъ рѣзко отличился отъ всѣхъ своихъ собратій и выработалъ себѣ тотъ типъ безшабашной неряшливости, какой рѣдко встрѣчается даже на Востокѣ? Вѣроятно, первые основатели здѣшняго братства, по какимъ нибудь причинамъ, особенно не взлюбили внѣшнюю чистоту и передали эту нелюбовь своимъ преемникамъ; отъ нихъ она перешла къ послѣдующимъ поколѣніямъ монаховъ; неряшество постепенно переходило въ привычку, прогорклый воздухъ сталъ обыкновеннымъ атмосфернымъ воздухомъ и окончательно потерялъ для нихъ свое удушающее свойство, потому что въ этомъ воздухѣ они и спали, и молились, съ нимъ вмѣстѣ ѣли хлѣбъ и пили воду. И это не изъ принципа, не ради подвига и монашескаго пренебреженія къ мірскимъ благамъ, а просто потому, что грязь имъ теперь ужъ не кажется грязью и стала необходимымъ суррогатомъ ихъ внѣшней обстановки.

Въ настоящее время въ этой обстановкѣ проживаетъ только восемь монаховъ, тогда какъ прежде ихъ, говорятъ, было здѣсь до шестидесяти. Кромѣ этихъ коренныхъ обывателей Варлаама, съ ними томится еще шесть мальчиковъ-сиротъ, трое рабочихъ, восемь котовъ, три пѣтуха и чередной баранъ *). Все это населеніе (конечно, кромѣ барана), имѣетъ видъ очень убогій, жалкій, поджарый; все точно сгорбилось, осунулось и одряхлѣло преждевременно. Мы сперва полагали, что монастырь очень бѣденъ и нуждается въ средствахъ, однако, по документамъ, хранящимся въ библіотекѣ, оказалось, что онъ имѣетъ до двадцати имѣній въ Валахіи, съ кото-

---

*) Т. е. приготовляемый къ обѣду. Сюда ежедневно втаскиваютъ въ скоромные дни по одному барану.

рыхъ, за исключенiемъ разныхъ неизбѣжныхъ вычетовъ, все-таки получаетъ доходы немалые.

— Куда жъ вы тратите ваши доходы? спросили мы у одного сѣдаго монаха, изъ здѣшнихъ старожиловъ.

— Про то игуменъ знаетъ, уклончиво отвѣтилъ старикъ.—Да и какiе у насъ доходы? Денегъ-то очень немного, все больше натурою присылаютъ: оливы, масло, муку,—всѣ кладовыя завалены,—и онъ указалъ мнѣ на свои ужасные подвалы.—А деньгами подати платимъ, одежу покупаемъ, тяжбы ведемъ; вотъ нашъ игуменъ давно ужъ проживаетъ по дѣламъ въ Константинополѣ, а это тоже денегъ стоитъ. Конечно, и тутъ есть деньги про запасъ, да про то мы знать не можемъ. У насъ игуменъ строгiй.

— Кто жъ теперь вмѣсто него управляетъ дѣлами монастыря?

— А вотъ они...

Старикъ указалъ намъ на проходившаго мимо поселянина, объяснивъ при этомъ потихоньку, что это братъ игумена. Оказалось, что игуменъ, уѣзжая въ Константинополь, вызвалъ изъ деревни для управленiя монастыремъ своего роднаго брата—мужика, и довѣрилъ ему всѣ ключи и печати монастырскiе, такъ что этотъ молодчикъ вертитъ теперь дѣлами братства какъ ему вздумается, на правахъ полнаго хозяина. Сначала мы принимали его за простаго работника, потому что онъ ни видомъ, ни костюмомъ не отличается отъ прочихъ монастырскихъ батраковъ, но потомъ замѣтили, что всѣ здѣшнiе монахи смотрятъ на него съ особеннымъ подобострастiемъ, стараются прислужиться ему и, при встрѣчахъ, отвѣшиваютъ ему очень низкiе и смиренные поклоны... Теперь все это стало понятно.

— Отчего жъ онъ не поручилъ управленiе монастыремъ кому нибудь изъ братiи,—все было бы приличнѣе, спросилъ я опять старика.

— Да онъ велѣлъ одному монаху называться игуменомъ, но это только для виду. Какъ же онъ будетъ управлять, когда у него ключей нѣту.

— Значитъ, игуменъ васъ не любитъ?

— Нѣтъ, онъ боится, что обокрадутъ. Тутъ вѣдь всякіе есть,—отвѣтилъ старикъ откровенно.

Вотъ до какой степени можетъ дойти патріархальность монашескихъ нравовъ...

Въ библіотекѣ Варлаамскаго монастыря хранится, между прочимъ, какая-то дарственная грамота одного изъ русскихъ царей (кажется, на право сбора въ Россіи подаяній), но, не смотря на всѣ наши просьбы и посулы, намъ эту грамоту не показали. Здѣсь, какъ и на всемъ почти греческомъ Востокѣ, существуетъ увѣренность, что русскіе давно уже ищутъ случая завладѣть всѣми греческими монастырями, особенно тѣми, которые когда нибудь пользовались доходами или приношеніями изъ Россіи; и эта увѣренность такъ сильна и такъ пугаетъ монаховъ, что они общими силами стараются спрятать отъ русскихъ посѣтителей всѣ слѣды русскихъ благодѣяній, особенно же русскіе документы. «Варлаамъ» тоже струсилъ передъ нами и грамоты царской не показалъ.

Мы пробыли здѣсь недолго; хотѣлось скорѣе покончить занятія въ библіотекѣ и вырваться на чистый воздухъ, къ болѣе чистымъ людямъ. На пятый день, монахи спустили насъ въ «міръ», гдѣ уже ожидали насъ осѣдланные мулы. Нѣкоторые изъ обитателей Варлаама спустились вслѣдъ за нами по лѣстницѣ и пригласили осмотрѣть знаменитую, въ прежнія войны, Драконову пещеру. Эта пещера находится внутри того утеса, на вершинѣ котораго стоитъ Варлаамскій монастырь. Огромный обвалъ камня образовалъ широкія ворота во внутренность пещеры; провожатый монахъ разсказалъ намъ при этомъ, что въ древности, когда-то, здѣсь жилъ чудовищный драконъ, распространявшій ужасъ по окрестностямъ и пожиравшій всѣхъ прохожихъ, но что по молитвамъ старцевъ, основавшихъ обитель, молнія разбила камень и драконъ погибъ подъ его обвалами. Внутри пещеры находится множество высокихъ галлерей и залъ неправильной формы; въ этихъ галлереяхъ и залахъ очень часто тысячами укрывались отъ турокъ мѣстные христіане; тутъ же, въ 1828 году, они выдержали мучительную десятидневную осаду со стороны турецкаго войска, причемъ множество грековъ, особенно дѣтей, умерло съ голоду и задохлось отъ напущеннаго дыма. Теперь въ эту пещеру зимою загоняютъ стада овецъ; говорятъ, ихъ свободно можетъ помѣститься здѣсь до 4 тысячъ штукъ, и, кромѣ того, остаются еще особыя помѣщенія для пастуховъ и собакъ.

Послѣ осмотра Драконовой пещеры, мы простились съ нашими провожатыми и отправились по направленію къ послѣднему обитаемому метеорскому монастырю св. Николая. Долго мы еще любовались, какъ наши спутники, одинъ за другимъ, полѣзли вверхъ по скалѣ, цѣпляясь за шаткія ступени висячей лѣстницы; ихъ черныя рясы рѣзко вырисовывались на свѣтломъ грунтѣ камня, и, не зная о путешествіяхъ подобнаго рода, трудно было бы повѣрить, что это движутся люди. Наконецъ скрылся въ едва замѣтной скважинѣ и послѣдній монахъ; мы остались опять одни съ нашимъ неизмѣннымъ проводникомъ Михо. Въ знойномъ и неподвижномъ воздухѣ все еще чувствовались жгучія струи удушливаго сирокко. Мулы низко опустили къ раскаленной и растрескавшейся землѣ свои головы и дышали тяжело. Михо гдѣ-то вырвалъ себѣ чуть не цѣлый лавровый кустъ и сердито отмахивался имъ отъ назойливыхъ мошекъ. Земля просила дождя, а дождя не было вотъ ужъ цѣлый мѣсяцъ. Кругомъ насъ, каменными гигантами, торчали разнообразные утесы, отъ которыхъ теперь, какъ отъ печей, вѣяло жаромъ. Эти гиганты казались еще выше, когда мы проходили у ихъ основанія. На одномъ изъ нихъ, говорятъ, есть источникъ съ какой-то цѣлебною водою, къ которому прежде была проложена лѣстница, но буря сбросила лѣстницу, и теперь къ источнику нѣтъ болѣе никакого пути. А вотъ и «Стрѣла» — высокій, остроконечный каменный шпицъ; онъ, какъ мачта, вознесся къ облакамъ, и на самой верхушкѣ его какой-то древній фанатикъ, на зло исламу, съумѣлъ водрузить большой деревянный крестъ. Этотъ крестъ въ ясную погоду видѣнъ издалека и смущаетъ собою правовѣрныхъ. Говорятъ, оскорбленные турки нарочно взбирались на сосѣдніе утесы и старались сбить ненавистный имъ крестъ и каменьями, и пулями, но онъ остался невредимъ. Право, какъ видишь подобныя диковинки, поневолѣ приходишь къ убѣжденію, что первые жители этой мѣстности владѣли какимъ нибудь особеннымъ секретомъ взбираться на отвѣсные камни и водружать на нихъ кресты и монастыри. Нынѣшніе монахи этого секрета не знаютъ.

— Ну что, Михо, скоро ли пріѣдемъ? спросилъ я, изнемогая отъ жара.

— А вотъ сейчасъ, направо, и «св. Николай».

Дѣйствительно, на-право, мы скоро разглядѣли въ туманѣ стѣны обители, помѣстившейся на выдавшемся уступѣ скалы. Черезъ десять минутъ, мы были уже у подъема и дали знать на верхъ, чтобы намъ спустили канатъ или лѣстницу.

— У насъ архіерей гоститъ,—отвѣтилъ намъ сверху монахъ, просовывая голову между стропилами. Онъ точно предостерегалъ насъ отъ какого-то несчастья.

— Такъ что жь такое, мы его не боимся.

— А вы кто такіе?

— Русскіе богомольцы.

— Ужъ не знаю, право, какъ тутъ быть.

Монахъ исчезъ, и черезъ нѣсколько минутъ мы замѣтили, что канатъ съ крюкомъ и сѣтью начинаетъ опускаться за нами.

Монастырь св. Николая очень не великъ и, какъ видно, очень бѣденъ: вся обстановка и домашняя утварь его стара и бѣдна, но зато воздухъ чистъ и кругомъ невидно той отвратительной грязи, какая покоится въ Варлаамѣ. Насъ провели въ главную гостинную комнату и тамъ встрѣтилъ насъ, какъ рѣдкихъ гостей, самъ «владыка» Стагонскій, о. Калиникъ. Онъ еще не старъ, лицо свѣжее и добродушное, одѣтъ роскошно въ черной шелковой рясѣ и синей шелковой полуряскѣ, опушенной дорогимъ мѣхомъ; въ рукахъ у него посохъ съ серебрянымъ набалдашникомъ и янтарныя четки. Въ его осанкѣ, походкѣ и разговорѣ видна самоувѣренность, самодовольство и привычка къ общему повиновенію. Кругомъ его, въ почтительномъ отдаленіи, смиренно стояли хозяева монастыря: игуменъ и съ нимъ два старика и старуха, проживающая здѣсь съ давнихъ поръ въ качествѣ метеорской просфирни (мѣстная патріархальность нравовъ подобное сожительство допускаетъ). У дверей стоялъ архіерейскій великій экономъ и два мальчика-послушника. Не безъ любопытства вглядывался я въ парадную, барскую личность Стагонскаго владыки и невольно вспомнился мнѣ при этомъ другой болѣе скромный и побитый нуждою «владыка», который когда-то угощалъ насъ въ селѣ Зарко и мечталъ о русскихъ покойникахъ *): какая разница между ними! За то тотъ архіерей не въ состояніи и мухи безвинно обидѣть и пользуется общею любовью, а этого боятся по всей эпархіи, отъ него прячутъ свое золото даже русановскіе старики-младенцы, его посѣщенія всюду ожидаютъ со страхомъ, какъ несчастія. Не даромъ же игуменъ «св. Николая» съ такимъ расте-

---

*) См. стран.

ряннымъ и жалкимъ видомъ потупилъ свою сѣдую голову,—онъ теперь мучительно разсчитываетъ: сколько дать и изъ чего дать, зная, что дать необходимо.

Между тѣмъ А. П. и владыка усѣлись спокойно на диванѣ, нарочно покрытомъ дорогимъ ковромъ, и между ними завязался разговоръ; а я вышелъ на террасу и сталъ разсѣянно глядѣть на посинѣвшіе вдали контуры Эллинскихъ горъ, надъ которыми начали сгущаться черныя тучи. Вдругъ за мною какъ будто послышался шелестъ шелковаго платья и чей-то несмѣлый женскій голосъ прошепталъ мое имя. Я вздрогнулъ и съ изумленіемъ оглянулся: передо мною стояла молодая, нарядно одѣтая и красивая дѣвушка съ потупленными глазками; въ рукахъ ея былъ подносъ, на которомъ стояла чашка кофе. Я невольно смутился отъ такой неожиданности и едва не пролилъ чашку. Я никакъ не могъ понять, какимъ образомъ очутилась здѣсь эта дѣвушка, кто она и откуда? Владыка, наблюдавшій издали за этой сценой, замѣтилъ мое смущеніе и весело захохоталъ...

— О, молодость, молодость! воскликнулъ онъ патетически.—На вершинахъ скалъ, подъ облаками встрѣтится молодость и тамъ она, вмѣстѣ съ зефирами или купидонами что ли... позабылъ, какъ это говорится у поэтовъ! Если бы я былъ великій Омиръ, я бы сейчасъ сочинилъ какую нибудь оду... — И онъ опять звонко захохоталъ.

— Это вѣрно ваша родственница? спросилъ я, стараясь перебить такой обидный для меня смѣхъ (тогда я въ самомъ дѣлѣ былъ еще молодъ).

— Моя родная племянница, сударь; зовутъ ее Василикой, и отъ роду скоро ей исполнится шестнадцать лѣтъ, значитъ будетъ полная невѣста. И красавица—не правда ли? Вотъ отецъ экономъ просто съ ума сходитъ по ней и все раскаявается, зачѣмъ пошелъ въ монахи... такъ вѣдь? хе хе-хе!..

Отецъ экономъ, стоявшій все время у двери, смиренно засмѣялся, видимо довольный шутками владыки, и затѣмъ стыдливо уставился глазами въ заостренный конецъ своего башмака.

— Она у меня такая храбрая, что всѣ поликары (молодые люди) ей дивятся, — продолжалъ архіерей, обращаясь по прежнему ко мнѣ, — она вмѣстѣ со мной по всѣмъ монастырямъ ѣздитъ, всѣмъ хозяйствомъ заправляетъ, а ужъ хозяйка такая, что ни передъ кѣмъ не уронитъ себя. Да вотъ сами увидите, какъ заѣдете ко мнѣ: угоститъ на славу...

Василика все время не подняла глазъ и только чуть замѣтно улыбалась. Когда архіерей пересталъ расхваливать ее, она тотчасъ же приняла озабоченный видъ и быстро скрылась за дверью. Вообще видно было, что она здѣсь ужъ не въ первый разъ и потому распоряжалась какъ дома.

Скоро стали приготовляться къ ужину. Откуда-то вдругъ явилась толпа прислуги и внесла въ комнату европейскій столъ и стулья — вещи, давно невиданныя нами; на столѣ была разставлена дорогая посуда со всѣми мелочами барской сервировки. Оказалось, что архіерей, разъѣзжая по монастырямъ, большею частью возитъ съ собою и повара, и провизію, и постели, и даже необходимую мебель, такъ что въ убогой комнатѣ монастыря въ нѣсколько минутъ появились всѣ болѣе необходимыя принадлежности барскаго комфорта. Владыка, по прежнему, сидѣлъ на диванѣ, болтая о разныхъ мелочахъ съ А. П., за то великій экономъ теперь ожилъ и соколиные глаза его зорко слѣдили за всѣми мелочами столоваго убранства... Все, повидимому, предвѣщало веселый и сытный ужинъ...

Между тѣмъ небо замѣтно темнѣло, на небо быстро надвигались черныя, грозныя тучи; гдѣ-то въ далекѣ отрывисто прогудѣлъ громъ. Заходящій лучъ солнца прорвался было на минуту сквозь какую-то щелку въ надвинувшейся чернѣющей массѣ, освѣтилъ полосами верхушки скалъ, проскользнулъ и по нашей комнатѣ и опять исчезъ въ тучахъ. Въ воздухѣ было душно, точно какая-то стопудовая тяжесть давила сверху: и дышать и глядѣть было больно; внизу по долинамъ съ крикомъ бѣжали и метались стада овецъ, птицы тревожно перелетали съ мѣста на мѣсто и, казалось, искали куда бы спрятаться. Во всемъ былъ видѣнъ испугъ и предчувствіе чего-то страшнаго.

— Будетъ сильная гроза, сирокко кончается,—произнесъ со вздохомъ владыка и велѣлъ на глухо запереть всѣ окна и двери. Внесли свѣчи. Вся компанія собралась вокругъ стола, игуменъ вслухъ прочелъ молитву, принесли и кушанье... Гдѣ-то загрохоталъ громъ и раскатился по ущельямъ; въ безчисленныхъ скважинахъ между утесами поднялся жалобный вой и стонъ отъ порывовъ набѣжавшаго вѣтра; монастырская кровля начала вздрагивать, съ нея посыпались камни и старая черепица. Мы ужинали молча, разговоръ не клеился, въ комнатѣ тоже стало душно, — всѣхъ видимо томила какая-то тяжелая тоска. Василика ничего не могла ѣсть; она плотно закуталась въ большой платокъ и вздрагивала при каждомъ ударѣ грома, пугливо косясь на закрытыя окна. Шелковая кисть ея пунцоваго феса спустилась ей на глаза, и дѣвушка, кажется, нарочно не поправляла ее, чтобы удобнѣе не видѣть ничего, что происходитъ въ природѣ. Ея маленькая сестра, дѣвочка лѣтъ десяти, сидѣвшая рядомъ съ нею, совсѣмъ спрятала лицо въ салфетку и готова была заплакать. А буря надвигалась все ближе, громъ грохоталъ сильнѣе, а вѣтеръ превратился въ такой ураганъ, что, казалось, самыя скалы дрожали и колебались; въ дребезжавшія ставни застучали крупныя капли дождя. Владыка, чтобы развлечься, сталъ было подсмѣиваться надъ трусостью дѣвушекъ, но страшный ударъ грома, разразившійся гдѣ-то невдалекѣ, придалъ его шуткамъ несмѣшной оттѣнокъ и на лицѣ его, вмѣсто улыбки, вышла невольная гримаса.

— Вы бы пошли спать лучше, сказалъ онъ имъ серьезно, нѣсколько оправившись отъ испуга,—а то въ самомъ дѣлѣ перепугаетесь.

Но дѣвушки на этотъ разъ не послушались его: онѣ, очевидно, боялись тронуться съ мѣста.

— А вотъ вы давеча сказали,—вставилъ экономъ,— что онѣ храбрыя и что имъ дивятся наши поликары, а вотъ...

И экономъ внезапно долженъ былъ смолкнуть. Ослѣпительная молнія заставила на мгновеніе померкнуть свѣчи, въ глазахъ нашихъ пошли зеленые круги, и затѣмъ сряду же раздался потрясающій ударъ... Кругомъ все какъ будто вздрогнуло, закружилось, застонало; Василика съ крикомъ бросилась бѣжать по направленію къ церкви. Мы всѣ машинально переглянулись...

— Ну, гроза! Давно такой не было, не своимъ голосомъ произнесъ владыка—и велѣлъ бить во всѣ била и клепала и созывать народъ въ церковь для молитвы. Онъ самъ окончательно струсилъ.

Но это былъ послѣдній рѣзкій ударъ; потомъ уже всѣ звуки слились въ одинъ страшный вой и грохотъ, который продолжался почти всю ночь.

Долго я не могъ заснуть подъ этотъ оглушительный шумъ бури и ослѣпительный блескъ безпрерывной молніи; наконецъ не вытерпѣлъ, вышелъ на окраину скалы подъ навѣсъ церковной кровли и, держась за перилы, старался понять, что это такое дѣлается вокругъ. Въ самомъ дѣлѣ, картина была адски-страшная и адски-дикая, какую мнѣ до сихъ поръ никогда не приходилось видѣть. Не разобрать, что это такъ страшно грохочетъ и воетъ: вѣтеръ ли, громъ ли, или этотъ крупный, какъ водопадъ, ливень? Казалось, дикіе вопли неслись изъ каждой пещерки и щели; казалось, стонали и выли всѣ эти скалы и камни, точно это какой-то безшабашный разгулъ духовъ валпургіевой ночи. Молнія слилась въ одинъ бѣглый, безпрерывный огонь, бороздящій во всѣхъ направленіяхъ грозное, мутное небо, точно все это — и горы, и небо, и земля — пылало, рушилось и разрывалось съ оглушительнымъ трескомъ и грохотомъ. Глазамъ смотрѣть было больно... Надо мною и подо мною слоями неслись и сталкивались тучи; внизу по самой землѣ тоже гремѣлъ громъ и пробѣгала молнія; вся долина какъ будто горѣла и дымилась, и вершины скалъ торчали изъ за тучъ, какъ обгорѣлыя трубы на исполинскомъ пожарищѣ; а кругомъ ихъ, какъ дымъ, волновались бурыя массы облаковъ и змѣйками расползались по ущельямъ. Какъ ошеломленный стоялъ я на краю обрыва, плотно прижавшись къ периламъ и боясь сдвинуться съ мѣста. Въ эту минуту мнѣ ясно припомнились всѣ разсказы о будущемъ разрушеніи міра, припомнилась участь Помпеи и Геркулана, и чувство невольнаго ужаса постепенно прокрадывалось въ душу и затрудняло дыханіе... Казалось, весь міръ погибъ, все живущее истреблено, и только я одинъ какимъ-то чудомъ уцѣлѣлъ на скалѣ и могу созерцать самый процессъ всеобщаго разрушенія... Особенно страшно было въ тѣ минуты, когда молнія вдругъ исчезала на нѣсколько мгновеній, когда сразу вдругъ охватывала міръ непроглядная тьма и въ этой тьмѣ какъ будто еще сильнѣе и съ большею яростью завывали со всѣхъ сторонъ сотни, раздирающихъ душу, воплей!.. Да, картина памятная!

Такъ кончается сирокко на Востокѣ. Не знаю, спалъ ли кто нибудь въ эту дивную ночь.

—

На другой день всѣ мы поднялись довольно поздно, солнце было уже высоко. Я опять вышелъ на ту площадку, съ которой вчера любовался бурей. Какъ разцвѣла и похорошѣла теперь природа, послѣ этой страшной ночи, точно она пережила какой-то тяжелый кризисъ, и теперь, обновленная, снова воскресла для жизни. Воздухъ свѣжъ и прохладенъ, тонкій запахъ цвѣтовъ разносится въ немъ, и въ тутовыхъ рощахъ звучно перекликаются соловьи. Василика съ сестрою стояла на самой верхушкѣ нашего камня, и тоже, казалось, съ восторгомъ вдыхала въ себя этотъ чистый, нѣжащій воздухъ; лицо ея теперь спокойно, ей нечего бояться и она игриво треплетъ свою сестренку по щекѣ и чему-то звонко хохочетъ. На террасу скоро вышла, подгорюнясь, старушка, метеорская просфирня; она робко подошла ко мнѣ и стала унылымъ голосомъ жаловаться на то, что ей въ нынѣшнемъ посту поговѣть совсѣмъ не удалось, потому что монахи всѣ знакомые и исповѣдаться не у кого. Потомъ въ дверяхъ показался одинъ изъ старцевъ и сталъ вкрадчиво подманивать меня къ себѣ. Я подошелъ.

— Въ чемъ дѣло?

— Вы хотѣли вчера осмотрѣть нашу секретную библіотеку, сказалъ онъ шопотомъ, — да игумену некогда было. Теперь можно, если желаете.

— Очень радъ. Куда же идти?

— Идите за мною.

Онъ провелъ меня въ церковный алтарь, гдѣ уже ожидали меня игуменъ и А. П.; затѣмъ этотъ же самый старецъ поднялъ искусно спрятаннымъ крюкомъ одну изъ мраморныхъ плитъ, покрывающихъ полъ алтаря, и мы увидѣли передъ собою узкую отвѣсную лѣстницу, ведущую внизъ. Втроемъ осторожно спустились мы по этой лѣстницѣ и скоро очутились въ микроскопической комнаткѣ, въ которой стоялъ какой-то сундукъ. Затѣмъ игуменъ сталъ показывать намъ монастырскія сокровища: нѣсколько оборванныхъ книгъ безъ начала и конца, нѣсколько частицъ разныхъ мощей, завернутыхъ въ полуистлѣвшія тряпицы, серебрянную чашу и двѣ, три старыхъ иконы, — больше ничего не было ни въ сундукѣ, ни въ комнатѣ. По этой таинственной обстановкѣ, мы ожидали Богъ вѣсть чего, и вышли оттуда недовольные и разочарованные.

— Неужели у васъ больше нѣтъ никакихъ книгъ? спрашивали мы, подозрительно косясь на игумена.

— Зачѣмъ намъ книги: мы люди темные, — послѣдовалъ обычный отвѣтъ.

Такъ ничего больше и не добились.

Послѣ обѣда начались приготовленія къ отъѣзду въ Калабаку, и первою собралась въ путь Василика, чтобы успѣть приготовить для насъ помѣщеніе въ архіерейскомъ домѣ. Я пошелъ въ подъемную башню—поглядѣть, какъ она спустится внизъ. Дѣвушка очень спокойно сѣла въ сѣтку, посадила къ себѣ на колѣни свою маленькую сестру, и крѣпко обнялись онѣ вмѣстѣ; потомъ надъ ихъ головами продѣли крюкъ съ канатомъ, притащили къ краю подъема и спихнули на воздухъ; сѣтка быстро закружилась, закачалась и, стала медленно спускаться внизъ,—обѣ дѣвушки въ сѣткѣ весело хохотали.

— Вотъ такъ бравый народъ, — съ восторгомъ крикнулъ бывшій здѣсь же спутникъ нашъ, монахъ Лукіанъ. А вы-то всякій разъ трусите,—обратился онъ ко мнѣ,—стыдитесь, тоже вѣдь мужчиной зовутъ...

Меня это задѣло за живое, и чтобы доказать свою храбрость, я сейчасъ же, подъ вліяніемъ вспышки, рѣшился отправиться въ монастырь Агіа-Мони, считающійся неприступнымъ. Надо замѣтить, что подъемный канатъ этого монастыря давно уже оборванъ, а лѣстница такъ ненадежна, что охотниковъ подниматься по ней мало; высота подъема — 22 сажени. Лукіанъ согласился мнѣ сопутствовать, и взявъ проводника, мы вышли. Агіа-Мони находится недалеко отъ монастыря св. Николая; онъ стоитъ въ ряду исполинскихъ столбовъ, окружающихъ Ипсилотерскій утесъ. Пройдя сквозь широкія природныя ворота, образовавшіяся изъ двухъ оперш ихся другъ на друга скалъ, мы поднялись по крутымъ ступенямъ къ площадкѣ, на которой поставлена лѣстница. Камень, служащій пьедесталомъ для Агіа-Мони, какъ будто пошатнулся и повисъ надъ нами. Одно колѣно лѣстницы установлено въ стѣну, другое виситъ на вбитомъ въ камень болтѣ, а третье, подъемное, качается отъ вѣтра какъ веревка, совсѣмъ не касаясь стѣнъ. Для большей безопасности мнѣ сбросили сверху веревку, обвязали ею меня кругомъ пояса и такимъ образомъ какъ будто предохраняли отъ несчастія. Привыкши къ путешествіямъ подобнаго рода, я быстро долезъ до половины, но когда пришлось переходить на послѣднюю лѣстницу, причемъ надо было пригнуть ее къ себѣ, да какъ взглянулъ я мимоходомъ въ зіяющія подо мною пропасти, надъ которыми мнѣ приходилось дѣлать salto mortale,—куда дѣвались силы, замеръ духъ! Сверху туго натянули веревку, снизу послышались крики одобренія; конвульсивно вцѣпился я въ шаткія перекладины этой лѣстницы, она съ трескомъ отшатнулась, закачалась, но тутъ я уже не робѣлъ, страшенъ только переходъ.

Агіа-Мони меньше всѣхъ другихъ монастырей метеорскихъ, но его положеніе опаснѣе другихъ. Его стѣны идутъ вровень съ отвѣсомъ камня и составляютъ будто его продолженіе; вся середина зданія обрушена и упала внизъ во время землетрясенія въ 1858 году. Здѣсь живетъ только одинъ старикъ-отшельникъ, который никогда не спускается внизъ. Къ нему изрѣдка приходитъ въ гости его родственникъ, священникъ изъ села Кастраки, приноситъ ему хлѣбъ и служитъ для него обѣдню въ крошечной церкви. Мѣстоположеніе монастыря дико и печально. Съ вершины утеса мы увидѣли А. П., владыку и другихъ нашихъ знакомцевъ, собравшихся на террасѣ Св. Николая; я сталъ махать имъ платкомъ, и они въ отвѣтъ тоже замахали платками... Потомъ мы видѣли, какъ они спустились внизъ и отправились по дорогѣ въ Калабаку, причемъ тоже махали намъ чѣмъ-то и звали за собою. Это заставило насъ поспѣшить. Я торопливо, при помощи той же веревки, опустился на землю, простился съ обитателями Св. Николая, сѣлъ на мула и погналъ его за своими. На поворотѣ дороги я въ послѣдній разъ оглянулся на метеорскія скалы, облитыя розовыми лучами вечерняго солнца; кой-гдѣ изъ ущелій поднимался уже легкій туманъ, предвѣстникъ близкаго заката; по тропинкамъ въ ложбинахъ пастухи гнали стада. Потомъ вся эта картина задвинулась отъ меня отрогомъ Калабакскаго утеса.

И никто изъ постороннихъ не хотѣлъ вѣрить, что я былъ на неприступномъ Агіа-Мони. — Было чѣмъ похвастать.

IX.

Городъ Калабака (Стагонъ).

Пріемъ въ архіерейскомъ домѣ. — Остатки древностей въ Калабакѣ. — Политическое значеніе этого городка. — Хаджи Петро. — Домашній бытъ Стагонскаго владыки и его семьи. — Владычные поборы и источники доходовъ. — Нищій, собирающій на постриженіе въ попы. — Окрестности Калабаки. — Село Кастраки. — Отъѣздъ.

Въѣздъ нашъ въ Калабаку вышелъ весьма торжественный и походилъ на какую-то тріумфальную процессію. Впереди ѣхали два каваса въ полномъ вооруженіи, за ними слѣдовалъ архіерей съ двумя послушниками по сторонамъ, далѣе ѣхалъ А. П. и я, а сзади насъ тянулась длинная вереница всадниковъ въ клобукахъ и феосахъ. Народъ выбѣгалъ изъ домовъ и съ любопытствомъ смотрѣлъ на эту процессію, поочередно падая ницъ передъ своимъ владыкой, а владыка благосклонно разсылалъ свои благословенія направо и налѣво. Поѣздъ остановился у воротъ архіерейскаго дома, гдѣ насъ ожидала уже Василика съ своею матерью-старушкой и толпа поповъ, монаховъ и поселянъ, собравшихся поглядѣть на заѣзжихъ гостей. Въ городѣ, очевидно, уже заранѣе знали, что сюда изъ метеорскихъ монастырей пріѣдутъ русскіе, и теперь каждый торопился увидѣть такую диковинку и сличить, на сколько эти русскіе походятъ на другихъ людей. Въ роскошныхъ комнатахъ, отведенныхъ для нашего помѣщенія, были собраны старшины и старожилы города, которые встрѣтили насъ съ низкими поклонами и поздравленіями; затѣмъ стали всѣхъ насъ угощать кофе и разными восточными сладостями; со всѣхъ сторонъ посыпались обычные разспросы про Россію и не знаю, долго ли бы продолжалась вся эта упомянутая церемонія, если бы владыка не счелъ своимъ долгомъ удалить постороннихъ посѣтителей.

— Пора вамъ по домамъ! гостямъ покой нуженъ,— сказалъ онъ имъ безцеремонно.—Милости прошу въ другой разъ, а теперь пора и честь знать...

Посѣтители молча встали, раскланялись и одинъ за другимъ потянулись къ двери.

— Ну, теперь отдыхайте, други,—обратился къ намъ владыко, когда мы остались одни.—Все село къ вашимъ услугамъ; требуйте, чего хотите, все достанемъ, кромѣ развѣ птичьяго молока; я вѣдь тутъ полный хозяинъ, для меня все сдѣлаютъ. А главное — кушайте вволю; тамъ въ монастыряхъ-то такихъ удобствъ не было, надо пользоваться случаемъ.

И дѣйствительно, тамъ такихъ удобствъ не было.

Калабака (древній Стагонъ) теперь городъ небольшой и съ виду очень похожій на простую деревню. Онъ помѣщается на скатѣ отлогаго холма у самаго отвѣса огромной калабакской скалы, высочайшей изъ скалъ метеорскихъ. Нѣсколько разъ онъ былъ разрушаемъ турками чуть не до основанія, особенно въ 1829 году, во время борьбы за независимость, и теперь въ немъ уцѣлѣло только до полутораста жалкихъ домиковъ съ ограбленными и обѣднѣвшими обывателями. Жителей тутъ насчитываютъ теперь всего до 700 человѣкъ, между которыми нѣтъ ни одного турка; но не смотря на это отсутствіе ислама, въ городѣ преобладаетъ чисто восточный характеръ; тѣже узкія улицы, таже нечистота, какъ и во всѣхъ восточныхъ городахъ. Отъ древняго стагонскаго величія въ Калабакѣ уцѣлѣло очень немного. Въ стѣну церкви св. Предтечи, которая, какъ говорятъ, выстроена на мѣстѣ языческаго капища, вдѣланы разныя древнія изваянія и барельефы, а подъ источникомъ, вытекающимъ изъ подъ церкви, видна даже старинная надпись; но одна половина этой надписи вмазана въ стѣну вверхъ ногами, а другая такъ испорчена, что разобрать ее нѣтъ никакой возможности. Главный соборъ калабакскій выстроенъ Мануиломъ Комнинымъ въ 1160 году, и наружныя стѣны его тоже залѣплены осколками до христіанскихъ изваяній, найденныхъ по окрестностямъ и подъ основаніями разрушенныхъ домовъ. Вотъ и всѣ здѣшнія рѣдкости, уцѣлѣвшія какимъ-то чудомъ отъ всевозможныхъ разрушеній, — а кромѣ ихъ тутъ и поглядѣть не на что.

Не великъ городъ Калабака и жалокъ онъ съ виду, но значеніе его для цѣлаго края такъ велико и почетно, и по всей Ѳессаліи онъ пользуется такимъ уваженіемъ и любовью патріотовъ, какими рѣдко пользуются города. Дѣло въ томъ, что во всѣхъ мѣстныхъ возстаніяхъ Калабака играла одну изъ самыхъ главныхъ ролей и служила сборнымъ центромъ для всѣхъ ревнителей свободы и независимости края. Малѣйшій намекъ на войну Турціи съ Европой, малѣйшая надежда на возможность освобожденія — всякій разъ вызываютъ въ Калабакѣ движеніе, волненіе и разныя секретныя приготовленія; въ тоже время со всей Ѳессаліи и даже пограничнаго Эпира, сюда начинают понемногу пробираться болѣе ярые патріоты, сходятся, вооружаются, организуют отдѣльныя шайки и затѣмъ начинаютъ дѣлать набѣги на турецкія селенія, жгутъ ихъ и гонятъ турокъ въ горы. А турки, съ своей стороны, немедленно сдвигаютъ къ Калабакѣ свои регулярныя войска съ артиллеріей и начинается обычная бомбардировка. Городъ, конечно, разрушается подъ градомъ бомбъ и ядеръ, а потомъ, черезъ нѣсколько времени, возникаетъ снова и терпѣливо выжидаетъ новаго случая къ возстанію.

Послѣдняя битва Калабаки съ турками происходила въ 1854 году. Жители города, предводимые знаменитымъ здѣсь фанатикомъ свободы, Хаджи-Петромъ, выгнали турокъ изъ всѣхъ сосѣднихъ селъ на далекое пространство. Противъ города, на берегахъ Саламвріи, стоитъ небольшой отдѣльный холмъ, и на этомъ холмѣ основало свою позицію регулярное турецкое войско, присланное для усмиренія мятежниковъ. Ядра посыпались на Калабаку, но турки, по обыкновенію, не обезопасили себѣ путь къ отступленію, и Хаджи-Петро такъ ловко оцѣпилъ ихъ со всѣхъ сторонъ и отрѣзалъ отъ Трикалы, что турки сами очутились въ осадѣ. Пятеро сутокъ продолжалась осада; у турокъ вышелъ и порохъ и хлѣбъ и, изнуренные голодомъ, они, наконецъ, отчаянно пробили себѣ путь въ горы и бѣжали, оставивъ побѣдителямъ весь свой лагерь и орудія. И до сихъ поръ еще замѣтны на городскихъ домахъ и церквахъ слѣды ядеръ и картечи; архіерейскій домъ пробитъ насквозь въ трехъ мѣстахъ и самая лучшая половина его опустошена и переломана до такой степени, что грозитъ паденіемъ.

Такимъ геройскимъ подвигамъ Калабаки, конечно, много помогаетъ и самое мѣстоположеніе его, очень удобное для всякихъ стратегическихъ продѣлокъ. Съ одной стороны, близость эллинской границы позволяетъ патріотамъ вербовать волонтеровъ въ свободной Элладѣ и отступать туда въ случаѣ неудачи, а съ другой стороны городъ окружаютъ затѣйливыя метеорскія скалы съ безчисленными пещерами, въ которыхъ, во всякое время, могутъ спрятаться нѣсколько тысячъ народа со всѣмъ своимъ имуществомъ,—такъ что его и не отыщешь. Самое населеніе города имѣетъ особенный типическій отпечатокъ какого-то безшабашнаго молодечества, всѣ выглядятъ удальцами, чуть не разбойниками, живутъ какъ будто на постоѣ и никакихъ особенныхъ угодій и широкихъ построекъ не дѣлаютъ, точно они вѣчно на сторожѣ и вѣчно готовы или драться, или бѣжать куда нибудь. Конечно, народъ трусливый и осѣдлый не любитъ Калабаку и ни за что не поселится въ ней надолго,— но такихъ здѣсь тоже не любятъ.

Въ день нашего пріѣзда—время было мирное, никакой войны нигдѣ не предвидѣлось, турки не заглядывали въ городъ и не безпокоили его своимъ присутствіемъ, а потому жители Калабаки могли спокойно предаваться своимъ мирнымъ занятіямъ: копали гряды на огородахъ, вывозили изъ тѣнистыхъ шелковистыхъ рощей ароматическіе тутовые листья для кормленія червей, и часто надъ рощами и огородами слышались тихія пѣсни, или прорывался оживленный говоръ и смѣхъ веселый. Однако, вечеромъ, когда къ намъ опять собрались почетные обыватели города, для вечерней бесѣды, разговоръ незамѣтно перешелъ на тѣ же вопросы, которые болѣе всего занимаютъ здѣшнее общество. Гости разговорились о старыхъ преданіяхъ города, припоминали его героевъ, старались узнать отъ насъ будущіе политическіе планы Россіи касательно Турціи и Греціи, высказывали свои планы... Замѣчательно, что владыка не принималъ ни малѣйшаго участія въ этихъ разговорахъ, точно дѣло вовсе и не касалось его. Онъ все время игралъ съ котятами, зѣвалъ и только изрѣдка перебивалъ разговоръ своими шутками и остротами, не имѣвшими никакого отношенія къ дѣлу. Да и чего ему тутъ хлопотать и горячиться: онъ знаетъ, что кто бы ни управлялъ Ѳессаліею, турка ли, или какой нибудь иностранный принцъ, архіереи всегда будутъ нужны и своего онъ никогда не потеряетъ; къ тому же онъ и теперь пользуется полной свободой, гнета никакого ни откуда не видитъ,—значитъ, ему все равно, что тамъ ни дѣлай.

Вообще архіерей казался намъ личностью довольно загадочной и какъ-то плохо вѣрили мы въ его добродушіе и внѣшнюю ласковость. Своею внѣшностью и привычками онъ подчасъ совершенно напоминалъ собою типъ русскаго богатаго, самодовольнаго и избалованнаго помѣщика, окруженнаго толпою прислуги, готовой дѣлать все, что угодно, по малѣйшему его взгляду или движенію руки. Иногда онъ походилъ на восточнаго деспота, привыкшаго къ безпрекословному повиновенію окружающихъ. Въ его глазахъ, постоянно добродушныхъ, ласковыхъ и веселыхъ, изрѣдка проглядывало столько хитрости, затаеннаго ехидства и проницательной самоувѣренности, что тѣмъ, кто понималъ этотъ взглядъ, становилось жутко и неловко. Чаще всего такой взглядъ падалъ на прислугу и на лицъ подвластныхъ ему, особенно если владыка подозрѣвалъ, что его надуваютъ. Домъ его былъ полная чаша; вся обстановка, до послѣднихъ мелочей, если не роскошна, то, по крайней мѣрѣ, вполнѣ комфортабельна; хозяйство подъ руководствомъ Василики велось сотнею рукъ; но самъ онъ, повидимому, не вмѣшивался ни во что и только отдавалъ свои приказанія, которыя исполнялись безпрекословно; онъ какъ будто просто и прихотливо *наслаждался* жизнью, вовсе не думая о томъ, откуда берется такое благосостояніе, на чемъ оно основано и чего стоитъ. Всѣ заботы объ этомъ благосостояніи и средствахъ къ жизни у него отданы въ вѣдѣніе великаго эконома эпархіи и всей его свиты. За то этотъ экономъ и его приближенные, говорятъ, поняли хорошо свою обязанность и на каждаго входящаго смотрятъ такъ зорко, такъ вкрадчиво, точно стараются заглянуть въ самую глубь его кармановъ и узнать, нельзя ли чѣмъ нибудь поживиться. Равнымъ образомъ и входящіе смотрятъ на архіерейскую прислугу не то со страхомъ, не то съ отвращеніемъ и внимательно слѣдятъ за собою, какъ будто боясь, чтобы не пропало что. А самъ владыка по прежнему ласковъ, по прежнему шутливъ и смѣется и обворожаетъ собою своихъ довѣрчивыхъ прихожанъ.

— Владыка у насъ добрый, говорилъ мнѣ по секрету одинъ старикъ-поселянинъ, угощаясь за архіерейскимъ столомъ.—Мы имъ всѣ очень довольны и народъ его любитъ, потому что онъ каждому можетъ умный совѣтъ дать, каждаго при случаѣ выручитъ изъ бѣды,—а вотъ экономъ его и прислуга—бѣда! Это такіе грабители, что, кажется, для нихъ и святаго-то ничего нѣтъ...

— Чтожъ вы не пожалуетесь на нихъ владыкѣ?

— Жаловались мы, и не разъ жаловались, и владыка ругалъ ихъ при насъ и обѣщалъ смѣнить, да новыхъ-то выбрать не изъ кого; кругомъ его такой народъ, что, пожалуй, еще хуже этихъ будутъ.

Словомъ, оказалось, что самъ-то владыка хорошъ, да все злодѣи его прислуга; они-то и обижаютъ бѣдный народъ.

Вся тяжесть денежныхъ поборовъ, необходимыхъ на архіерейскіе расходы, конечно, прежде всего падаетъ на тѣхъ лицъ, которыя имѣютъ непосредственную зависимость отъ архіерея, то-есть, на монастыри, на церкви и на поповъ. Каждый монастырь, церковь и попъ обязанъ платить мѣстному епископу опредѣленную ежегодную подать (среднимъ числомъ отъ 5 до 25% съ дохода, смотря по требованію епископа); на эти суммы епископъ существуетъ вмѣстѣ съ своимъ штатомъ и, въ свою очередь, платитъ ежегодную подать и подарки мѣстному пашѣ. Чѣмъ богаче епископъ и чѣмъ значительнѣе его подарки пашѣ, тѣмъ болѣе онъ имѣетъ власти и свободы дѣйствія, потому что на Востокѣ у турокъ все купить можно. Всѣ почти епископскія мѣста у турокъ находятся на откупѣ, и лишь только помретъ какой нибудь епископъ, сейчасъ же объявляется сумма подарка, которую нужно доставить куда слѣдуетъ; затѣмъ начинаются торги или надбавки со стороны нѣсколькихъ конкуррентовъ и кто больше заплатитъ, тотъ и занимаетъ мѣсто, конечно, съ вѣдома и благословенія мѣстнаго патріарха. Само собою разумѣется, что, заплативъ изрядную сумму за свое мѣсто, епископъ потомъ старается вернуть свой капиталъ изъ народа, окружаетъ себя ловкими и преданными помощниками, и если онъ изобрѣтателенъ и неразборчивъ на средства, то источниковъ дохода открываетъ множество и скоро достигаетъ своей цѣли. У нѣкоторыхъ епископовъ, привыкшихъ къ роскоши, постоянные поборы бываютъ весьма обременительны для народа. Мнѣ разсказывали, напримѣръ (не знаю, на сколько это вѣрно), что у знаменитаго на Востокѣ своими поборами ираклійскаго архіерея составлена была даже опредѣленная такса взносовъ за разныя требы, отъ которой онъ рѣдко отступалъ. По этой таксѣ, каждый, желающій принять посвященіе въ санъ священника, долженъ былъ заплатить ему, въ видѣ подарка, 10 тысячъ піастровъ, и кромѣ того, за посвященіе 3 тыс. піастровъ, и за право служить въ его епархіи 2 тыс. піастровъ, а всего 15 тысячъ (около 750 р. сер.). Такую сумму, конечно, трудно внести сельскому священнику, который обыкновенно выбирается изъ грамотныхъ крестьянъ; а безъ священника селу существовать не позволятъ, — кого хочешь, да выбирай, а изберешь — вноси деньги; вотъ и начинаетъ избираемый бродить по міру и собирать подаянія, продаетъ свое имущество и скотъ, занимается усиленной работой, беретъ деньги взаймы, и такъ дѣло тянется иногда по нѣскольку лѣтъ, до тѣхъ поръ, пока у избираемаго не накопится требуемая сумма. Тогда уже надъ нимъ совершаютъ обрядъ посвященія, надѣваютъ на него рясу,—и онъ, въ свою очередь, начинаетъ извлекать изъ народа свой затраченный на посвященіе капиталъ. А народъ, скрѣпя сердце, отдаетъ имъ всѣмъ свои послѣднія деньги отчасти изъ чувства религіозности, а отчасти и потому, что въ своемъ «владыкѣ» и своихъ попахъ онъ все-таки видитъ родную, не турецкую власть, къ которой онъ обращается за совѣтами въ разныхъ случаяхъ жизни и безъ благословенія котораго не начнетъ ни одного дѣла. Таковъ ужъ порядокъ дѣлъ на Востокѣ.

Не знаю, каковы источники доходовъ у стагонскаго владыки, но судя по роскошной обстановкѣ его жизни и по лукавой физіономіи его эконома, надо полагать, что эти доходы не малые и что они собираются успѣшно. Въ самомъ дѣлѣ, глядя на физіономію этого эконома, можно смѣло сказать, что онъ поживы своей нигдѣ не упуститъ и что его не разжалобитъ никакая слеза. Я самъ былъ свидѣтелемъ сцены, какъ одинъ старикъ о чемъ-то смиренно умолялъ его и при этомъ слезы текли по его старческимъ щекамъ, а экономъ неумолимо трясъ головою и твердилъ одинъ отвѣтъ, что: «нельзя». Это происходило въ церковномъ притворѣ передъ службой. Экономъ, замѣтивъ меня, торопливо отогналъ старика и отправился въ церковь, а старикъ робко подошелъ ко мнѣ и съ умоляющимъ видомъ протянулъ руку.

— Подайте, добрый человѣкъ, на посвященіе, — проговорилъ онъ слезливо. — Богъ васъ не оставитъ своею милостью.

— На какое посвященіе? спросилъ я.

— Да вотъ денегъ не хватаетъ на посвященіе; второй годъ собираемъ съ сыномъ, а все еще мало,—и онъ пристально посмотрѣлъ на меня, сразу замѣтивъ, что я пріѣзжій и не знаю еще здѣшнихъ обычаевъ.

— А много надо собрать?

— Теперь ужъ не много осталось; тысячи три (піастровъ) ужъ собрано; къ осени, надо полагать, посвятятъ.

— Что же ты такъ поздно собрался посвящаться, дѣдушка? тебѣ ужъ, поди, седьмой десятокъ идетъ.

— Гдѣ мнѣ посвящаться старому, — я все за сына хлопочу, чтобъ сдѣлать его сельскимъ попомъ; вотъ мы вдвоемъ и собираемъ; онъ въ Кастраки, а я здѣсь.

Я далъ ему, что нашлось въ карманѣ, и старикъ пошелъ въ церковь—собирать свою милостыню между молящимися.

Говорятъ, что въ нѣкоторыхъ епархіяхъ покойники по нѣскольку лѣтъ лежатъ въ землѣ неотпѣтые, дѣти по нѣскольку лѣтъ живутъ не крещенныя; свадьбы откладываются надолго, а все потому, что не хватаетъ суммы, опредѣленной для взноса на эти требы. Можетъ быть, подобные разсказы и преувеличены, но я слышалъ о нихъ не разъ. Происходятъ ли подобные поборы въ епархіи стагонскаго владыки,—мнѣ не пришлось узнать, но глядя на убранство архіерейскаго дома и сытный столъ его, мнѣ почему-то часто припоминались и русановскіе старцы, и испуганныя лица обитателей монастыря св. Николая, при видѣ владыки и, наконецъ, этотъ жалкій старикъ, собирающій милостыню для посвященія сына,—и въ эти минуты мнѣ неловко становилось въ архіерейскомъ домѣ.

Много можно было бы разсказать по этому случаю разныхъ фактовъ, слышанныхъ и видѣнныхъ мною на Востокѣ, но объ этомъ когда нибудь послѣ,—всего вѣдь не разскажешь, да и не совсѣмъ это удобно...

Каждый день у насъ гости то приходятъ, то уходятъ, и каждый день съ утра до вечера кофе не сходитъ со стола, и бѣдная Василика не знаетъ покоя. Она пріѣхала издалека погостить къ своему дядѣ-архіерею, а восточный этикетъ заставилъ ее взять на себя обязанность служанки и угождать всей этой толпѣ безотвязныхъ гостей. Ея услужливость простирается до того, что она сама подаетъ гостямъ умываться послѣ обѣда и поочередно обходитъ всѣхъ съ рукомойникомъ; конечно, такую службу легко бы могъ справить любой лакей, но услуги женщины хозяйки, особенно дѣвушки, считаются на Востокѣ особенною пикантностью вниманія. Кромѣ того, владыка часто заставляетъ ее показывать гостямъ ея вышиванья, рукодѣлья и даже ея приданое, и при этомъ расхваливаетъ ее самыми заманчивыми похвалами; и это онъ дѣлаетъ вовсе не съ цѣлью найдти ей между гостями неожиданнаго жениха, а просто, чтобы показать, какъ счастливъ будетъ тотъ, кому придется обладать такимъ сокровищемъ. И никто не смѣетъ заговорить съ нею, или уклониться отъ ея услугъ, или даже пристально посмотрѣть на нее, потому что все это здѣсь считается неприличнымъ. И Василика тоже молчитъ и на лицѣ ея попрежнему одно неизмѣнное «выраженье тупаго терпѣнья», точно она и не живое существо, и не имѣетъ ни чувствъ, ни потребностей иной жизни. Она знаетъ хорошо, что ея роль не измѣнится никогда, что и въ замужествѣ она будетъ дѣлать тоже, что и теперь.

На третій день къ вечеру, по совѣту владыки, мы поѣхали осмотрѣть ближайшія окрестности Калабаки и проститься съ этою дивною мѣстностью. И вотъ опять открылись передъ нами метеорскія скалы съ исполинскими обрывами, причудливыми пещерами и развалинами покинутыхъ монастырей и келій. За Калабакскимъ утесомъ, въ глубокой впадинѣ, между скалами, помѣстилось небольшое село Кастраки, а подъ нимъ, на самой вершинѣ Калабакскаго утеса, въ пещерѣ, стоятъ развалины монастыря 12 апостоловъ; въ эту-то пещеру намъ вдругъ очень захотѣлось проникнуть. Туда нѣтъ теперь ни лѣстницы, ни веревки, но смѣльчаки взбираются въ пещеру, цѣпляясь за камни, прыгая черезъ пропасти и на каждомъ шагу рискуя сломить себѣ шею. Одинъ изъ обывателей Кастраки, вызвавшійся быть нашимъ проводникомъ, предложилъ намъ попытать свои силы въ путешествіи подобнаго рода, но я отказался, лишь только взглянулъ на страшную высь и крутизну утеса. А. П., сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, тоже воротился ко мнѣ, тѣмъ болѣе, что вдали опять послышались удары грома и началъ накрапывать дождикъ. Смѣлѣе всѣхъ насъ оказался нашъ неизмѣнный спутникъ, Лукіанъ; онъ, въ сопровожденіи двухъ проводниковъ, проникъ-таки въ пещеру (гдѣ, впрочемъ, не нашелъ ничего замѣчательнаго) и благополучно спустился назадъ. Я успѣлъ уже приглядѣться въ здѣшней мѣстности ко всякимъ ужасамъ путешествія, но, признаюсь, когда увидѣлъ Лукіана на вершинѣ скалы, откуда онъ казался едва замѣтной точкой, когда увидѣлъ, какъ онъ потомъ скатывался лежа съ камня на камень, подъ проливнымъ дождемъ, постоянно обрываясь и сталкивая въ пропасти груды мелкихъ каменьевъ,—мнѣ страшно стало за него. Какъ же жили и чѣмъ питались тамъ обыватели монастыря—трудно представить.

Въ Кастраки большая часть крестьянъ занимается шелководствомъ, всѣ избы полны червями и хозяева кормятъ ихъ нѣжными листиками шелковичнаго дерева. Мы изъ любопытства заглянули въ одну избу, чтобы еще разъ поглядѣть на животныхъ, которыя наряжаютъ нашихъ красавицъ; въ ней, какъ и вездѣ, устроено вдоль избы изъ досокъ четыре этажа, и на нихъ, покрытыя листьями, шевелятся миріады бѣлыхъ, довольно красивыхъ, червей. Хозяева, во все время кормленія червей, проживаютъ на открытомъ воздухѣ, уступивъ свое мѣсто выгоднымъ гостямъ, которые, при правильномъ уходѣ, даютъ имъ вѣрныя средства къ жизни.

Отсюда мы хотѣли было подняться въ монастырь св. Духа, но скопившіяся тучи и приближеніе грозы заставили насъ поторопиться домой. На дорогѣ окатилъ насъ такой сильный ливень, что мы вернулись къ нашему владыкѣ промокшіе до послѣдней нитки. А тамъ ужъ накрытъ столъ для ужина, опять собрались обычные гости, опять начались шумные разговоры и тривіальные, уже успѣвшіе всѣмъ надоѣсть, шутки хозяина.

Къ ночи небо прояснѣло, проглянулъ яркій мѣсяцъ, соловьи хоромъ защелкали въ потемнѣвшихъ рощахъ и только далеко, на востокѣ, все еще сверкала молнія, ярко свиваясь въ кольца. Я долго сидѣлъ у открытаго окна, прислушиваясь къ звукамъ ночной жизни; противъ меня у другаго окна задумчиво облокотясь, сидѣла Василика и тоже глядѣла безцѣльно на дремлющую мѣстность. При каждомъ извивѣ молніи, она пугливо вздрагивала и шептала въ полголоса: «близко сѣчетъ... страшно!»

— Вы, кажется, очень боитесь грозы, — рѣшился я заговорить съ нею.

— Да, я боюсь грозы,—отвѣтила дѣвушка спокойно,—боюсь съ тѣхъ поръ, какъ молнія убила моего брата. Она убить можетъ.

— А вамъ не хочется умирать?

— Зачѣмъ умирать! Объ этомъ грѣшно и думать. Надо жить...

— Это правда,—подтвердилъ я, — особенно если хорошо живется.

— Даже если плохо живется, все-таки надо жить... Такъ Богъ велѣлъ.

— Конечно...

Я запнулся на этомъ и замолчалъ, Василика тоже не сказала больше ни слова и разговоръ нашъ прекратился въ самомъ началѣ. Тутъ же кстати пришла ея мать и вызвала дѣвушку въ столовую, гдѣ все еще шумѣли и толковали гости. Я остался одинъ у окна, — не тянуло меня больше къ этимъ гостямъ.

На слѣдующій день рано утромъ мы собирались въ обратный путь, въ Трикалу и Лариссу, къ другимъ людямъ, на новыя встрѣчи. Михо, торопливо навьючивалъ на муловъ наши чемоданы, кавасы весело гарцовалъ передъ крыльцомъ на своихъ красивыхъ коняхъ, — они отъ души были рады нашему отъѣзду, потому что имъ надоѣла уже эта бивуачная жизнь подъ навѣсами каменьевъ, хотѣлось въ Лариссу, домой, въ свои затхлыя казармы. Мы стали пѣшкомъ спускаться въ долину; владыка со всѣмъ семействомъ провожалъ насъ до самой церкви, — благожеланьямъ и благословеньямъ его не было конца За городскими огородами мы сѣли на коней и двинулись впередъ легкой рысью. Изъ оконъ архіерейскаго дома на насъ издали смотрѣли всѣ наши знакомцы и махали намъ платками. Черезъ нѣсколько минутъ я опять оглянулся на Калабаку: она открылась предо мною во всей роскоши своего мѣстоположенія; вотъ и архіерейскій домъ, надъ его кровлей высоко, какъ башня, стоялъ темнозеленый кипарисъ; а въ окнѣ дома все еще бѣлѣлась женская фигура, — должно быть Василиска.

Далеко уже отъѣхали мы, когда я оглянулся еще разъ на Калабаку, но она уже казалась одноцвѣтнымъ темнымъ пятномъ на свѣтломъ грунтѣ скалъ; самыя скалы успѣли уже подернуться фіолетовымъ оттѣнкомъ... А впереди выдвигались изъ тумана мечети и башни... Трикалы.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Афонъ.

Стран.

Вмѣсто предисловія I

Первыя впечатлѣнія Аѳона. Переходъ изъ міра въ царство монашеское.—Монастырь Есфигменъ и его устройство.—Мѣстные нравы и обычаи.—Бесѣда съ русскимъ отшельникомъ.—Всенощное бдѣніе.—Нѣсколько словъ о греческомъ пѣніи 1

Монастыри общежительные (киновіи). Строгость устава общежительныхъ монастырей.—Изнурительный трудъ спасенія.—Церковныя службы.—Келейныя правила.—Обстановка жизни монашеской.—Пища, одежда и помѣщенія.—Непосильная борьба съ мірскими привычками.—Духовники и ихъ значеніе на Аѳонѣ.—Радости Аѳонскія . 12

Главнѣйшія побужденія къ монашеству. Народности, населяющія Аѳонъ.—Характеристика мѣстныхъ монаховъ.—Что привлекаетъ ихъ къ Аѳону?—Причины постриженія.—Схимники.—О. Анатолій. 26

Искушенія. Разнообразные виды монашескихъ искушеній и мѣры, принимаемыя противъ нихъ.—Строгость Аѳонскаго цѣломудрія.—Отсутствіе женщинъ и дѣтей.—Иконы мученицъ и святыхъ женъ.—Тягость и сила плотской брани.—Женщины, посѣщавшія Аѳонъ 40

Пустынники. Старцы-келіоты и ихъ ученики.—Порядокъ келейной жизни.—Каливиты.—Гробничные отшельники.—Скиты и ихъ уставы.—Пещерники.—Странники.—Юродивые 56

Образцы мѣстнаго подвижничества. Старцы-пустынники: исой и Анфимъ 72

Монастыри штатные (идіоритмы). Оборотная сторона монашеской жизни на Аѳонѣ.—Бытъ и устройство штатныхъ монастырей.—Проэстосы и игумены.—Величіе богатства и приниженность бѣдности.—Ссыльный архіерей.—Новые мученики за вѣру.—Праздникъ крещенія въ Иверскомъ монастырѣ 88

Промыслы и торговля. Мѣстныя монашескія работы.—Кресты, четки и другія рѣзныя издѣлія.—Добываніе цвѣтовъ Богородицы.—Карейская ярмарка.—Типы мѣстныхъ промышлениковъ. — Внѣшняя торговля 101

Состояніе наукъ на Аѳонѣ. Ученость древняя и нынѣшняя.—Библіотеки.—Что дѣлаютъ монахи съ своими книгами?—Остатки языческихъ древностей.—Школы.—Образчики невѣжества и суевѣрій. 113

Искуства. Живопись древняя и новая.—Различіе вкусовъ старыхъ и новыхъ.—Нынѣшніе иконописцы и художники.—Мѣстныя литографіи и гравюры.—Пѣніе.—Архитектура 125

Болѣзни и врачебная часть. Причины мѣстныхъ болѣзней.—Монастырскія больницы, аптеки и врачи. — Оригинальные способы леченія.—Карейскій «профессоръ медицины»—Ладонки, заклинанья и нашептыванья.—Келья умалишенныхъ 135

Правленіе Аѳона. Политическія права Аѳона.—Число монастырей и жителей.—Протатъ.—Съѣзды монастырскихъ депутатовъ.—Подати и налоги для внутреннихъ и внѣшнихъ расходовъ.—Отношенія къ внѣшней власти 147

Политика. Политика внутренняя.—Междоусобныя распри между монастырями и національностями, населяющими Аѳонъ.—Тяжбы за имѣнія.—Споры о древностяхъ монастырскихъ.—Политика внѣшняя.—Недовѣрчивость къ иностранцамъ.—Участіе монаховъ въ политическихъ возстаніяхъ Греціи 158

Средства къ жизни. Монастырскія имѣнія и доходы съ нихъ.—Сборы подаяній.—Изобрѣтательность сборщиковъ, чтобы увеличить свои сборы.—Частныя пожертвованія.—Наслѣдства и проч. 171

Поклонники Аѳона. Характеристика аѳонскихъ поклонниковъ и богомольцевъ.—Путешествіе по св. горѣ и поклоненіе мѣстнымъ святынямъ.—Поборы съ богомольцевъ.—Общее впечатлѣніе, выносимое ими съ Аѳона. 188

Эпилогъ 202

Путь отъ Константинополя до Яффы.

Мраморное море и Дарданеллы. — Городъ Смирна. — Островъ Родосъ.—Портъ Мерсина.—Александретта. — Въ открытомъ морѣ.—У Бейрута.—Яффа 219

Іерусалимъ. 257

Путь отъ Солуня до Воло.

Городъ Солунь (Салоники). Первыя впечатлѣнія города.—Монастырское подворье. — Старуха-смотрительница. — Картина городской жизни.—Солунскій базаръ.—Характеристика мѣстнаго населенія.—Греческая церковь и ея особенности.—Прогулка по стѣнамъ города.—Еврейскій кварталъ.—Чаушь-монастырь. — Загородныя прогулки 301

На пароходѣ «Оттонъ». Прощаніе съ Солунемъ.—Національныя особенности пассажировъ.—Грекъ-патріотъ. — Бесѣды съ нимъ о нынѣшнемъ положеніи Турціи.—Ночь на пароходѣ.—Островъ и городъ Скіаѳо.—Село Трикери.—Воло 323

Крѣпость Воло въ Ѳессаліи. Греческій кварталъ въ Воло.—Турецкая крѣпость. — Деревянныя пушки.—Улицы и обыватели крѣпости.— Адамово ребро.— Избіеніе женщинъ и дѣтей.—Русскій колоколъ въ Воло.—Чудесный источникъ.—Заброшенныя каменоломни. . . . 332

Ѳессалія.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ОЛИМПЪ И ЕГО ОКРЕСТНОСТИ.

Село Баба̀ Дорога отъ г. Лариссы до Темпейской долины.—Неудобства путешествій по Востоку.—Турецкое село Баба̀.—Хаджи Гассанъ.—Характеристика мѣстныхъ жителей.—Сельскій базаръ.—Дочери Гассана. — Нѣсколько словъ о турчанкахъ вообще. — Русскій полякъ на турецкой службѣ.—Наша встрѣча съ нимъ и бесѣды 341

Долина Темпейская. Оригинальная мѣстность долины Темпейской.—Рѣка Саламврія.—Развалины старой венеціанской крѣпости.—Цѣлебный источникъ.—Разбойничье село Ласпохори.—Мостъ, разрушенный мѣстными промышленниками. — Отдыхъ и ночлегъ въ селѣ Пергито.—Крѣпость Платамона. — Остатки разрушенной европейской колоніи.—Видъ Олимпа.—Образованіе грозовыхъ тучъ на его вершинѣ.—Село Литохоро 352

Олимпъ. Подъемъ на гору Олимпъ.—Малаховъ курганъ у подножія Олимпа.—Остатки древнихъ сооруженій и изваяній.—Дальнѣйшій путь.—Мы въ облакахъ.—Греческій монастырь на высотѣ 6,000 футовъ надъ п. м.—Общій видъ Олимпійскихъ вершинъ и ущелій.—Снѣгъ и холодъ.—Ночь въ заоблачномъ монастырѣ.—Складъ жизни олимпійскихъ монаховъ.—Церковь пророка Иліи на мѣстѣ храма Юпитера.—Преданія о темени Олимпа. — Спускъ въ село Литохоро. — Мѣстный иконописецъ.—Отъѣздъ. 361

Элассона. Ущелье Канали. —Монастырь Канали.—Разрушенное землетрясеніемъ село Дяво —Городъ Элассона.—Монастырь Панагія.—Игуменъ въ цѣпяхъ.—Какъ расправляются мѣстные монахи съ богатыми людьми. — Прогулка по городу.—Остатки эллинскихъ древностей.—Прощанье съ Олимпомъ. —Обратный путь до г. Ларисcы 374

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

МЕТЕОРСКІЕ УТЕСЫ.

Село Зарко. Торжественный въѣздъ нашъ въ село Зарко.—Архіерейскій домъ.—Домашній бытъ сельскаго архіерея, его разсказы, мечты и надежды.—Мѣстное кладбище.—Школа. — Сельскій учитель. — Его домашній бытъ, разсказы, мечты и надежды. — Таинственная просьба попа Филарета. — Развалины. Гардикіи — На обрывѣ кратера. — Легенда объ его происхожденіи. 388

Монастыри Метеорскіе. Общій видъ метеорской мѣстности.—Монастырь св. Стефана.—Характеристика мѣстныхъ монаховъ.—Славянинъ-монахъ, притворяющійся грекомъ.—Какъ мы праздновали пасху.—Турецкій монастырь.—Оригинальныя пути сообщенія по висячимъ лѣстницамъ 405

Метеорскіе Монастыри. Подъемъ по воздуху на блокахъ въ Преображенскій монастырь — Неиспытанныя ощущенія отъ такого полета.—Постройки и обитатели монастыря. — Патріотъ Стеріо.—Забытый изгнанникъ — Чѣмъ занимаются мѣстные монахи въ свободное время.—Политическое значеніе метеорскихъ монастырей.—Воспоминанія мѣстныхъ старожиловъ о борьбѣ за независимость Греціи.—Безполезныя попытки турокъ проникнуть въ эти монастыри.—Полное разобщеніе съ міромъ и скука жизни.—Русановскіе старцы. 417

Монастыри Метеорскіе. Варлаамскій утесъ и монастырь.—Неряшество и грязь обстановки. — Игуменъ-мірянинъ.—Библіотека.—Пещера Дракона.—Монастырь св. Николая. — Встрѣча съ архіереемъ Стагонскимъ.—Его племянница Василиска.—Необыкновенная гроза.—Монастырская просвирня.—Библіотека.—Опасное путешествіе на Агіа-Мони 436

Городъ Калабака (Стагонъ). Пріемъ въ архіерейскомъ домѣ.—Остатки древностей въ Калабакѣ. — Политическое значеніе этого городка. — Хаджи Петро. — Домашній бытъ Стагонскаго владыки и его семьи. —Владычные поборы и источники доходовъ.—Нищій, собирающій на постриженіе въ попы.—Окрестности Калабаки.—Село Кастраки.—Отъѣздъ 452

2007232039

ИЗЪ БИБЛIОТЕКИ
СЫЧЕВЫХЪ.
№

- 29 ДЕК 1963